Уважаемые коллеги и читатели!

Вам представлен второй очередной номер Федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии» 2025 г.

В процессе отбора представленных работ наши эксперты особо отметили статьи: Квон Г.М. – доктора экономических наук, доцента Уральского государственного экономического университета «Концептуальная модель развития социально-экономического пространства региона на основе преобразующих инвестиций», Лысенко А.А. – старшего преподавателя Финансового университета при Правительстве РФ «Аналитический обзор концептуальных подходов к системе государственного управления», Волченко А.В. – кандидата юридических наук, старшего преподавателя Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, Когтевой А.Н. – кандидата экономических наук, доцента Финансового университета при Правительстве РФ, Тимохиной Г.В. – магистранта Белгородского государственного национального исследовательского университета «Искусственный интеллект в медицине: проблемы кибербезопасности и этические аспекты», Ситниковой И.Е. – кандидата юридических наук, доцента Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова, Макарова Т.Г. – кандидата юридических наук, доцента Казанского (Приволжского) федерального университета, Щуриковой Л.Г. – кандидата педагогических наук, доцента Казанского национального исследовательского технологического университета «Цифровое право: перспективы развития новой отрасли», Бургановой Л.А. – доктора социологических наук, профессора, Юрьевой О.В. – кандидата социологических наук, доцента, Кукушкиной О.Ю. – кандидата социологических наук, доцента Казанского (Приволжского) федерального университета «Риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании: взгляд студентов», Мюллер Д.Г. – кандидата политических наук, доцента и Лаптева В.В. – кандидата социологических наук, доцента Казанского (Приволжского) федерального университета «Политическая и электоральная активность российской студенческой молодежи: тенденции и перспективы развития».

Редакционный совет от всего сердца поздравляет с юбилеем нашего коллегу – доктора социологических наук, профессора Бурганову Ларису Агдасовну. От имени членов Редакционного совета поздравляем с праздником и желаем крепкого здоровья, благополучия, новых успехов в научно-педагогической и творческой деятельности!

С уважением,
Главный редактор журнала «Вестник экономики, права и социологии»
Доктор экономических наук, профессор
В.В. Шлычков

Содержание

Экономика

Абрамов Р.А., Сагуева А.Н., Гордеева П.Е., Ненашева А.С.
Траектории карьерного роста обучающихся направления «Государственное и муниципальное управление» в регионах 8

Бусурин С.В.
Анализ инструментов промышленной политики, используемых при решение проблем моногородов (на примере Новгородской области) 15

Гали А.И.
Финансирование устойчивого развития в странах – участницах ЕАЭС 21

Григорьев Д.А.
Интеграция новых территорий в металлургический комплекс России и перспективы сотрудничества с межгосударственными объединениями 26

Демидова С.Е.
Анализ стратегических факторов обеспечения технологического суверенитета через оценку эффективности инноваций и результативности расходов на НИОКР 33

Демидова С.Е., Молявина А.А., Соколова Д.В.
Роль инструментов финансовой политики в поддержке НИОКР 40

Зарезнов Д.А.
«Тарифная война» война Дональда Трампа и ее влияние на мировую экономику и экономическую безопасность России 47

Квон Г.М.
Концептуальная модель развития социально-экономического пространства региона на основе преобразующих инвестиций 52

Конюшков А.И.
Формирование системы финансового контроллинга в организациях сферы общественного питания 57

Лысенко А.А.
Аналитический обзор концептуальных подходов к системе государственного управления 63

Миннебаев Г.Ф.
Ключевые проблемы и вызовы при внедрении цифрового следа в современной цифровой среде 68

Мусаев А.К.
Маркетплейсы как бизнес-модель: эволюция и тенденции развития в цифровой экономике 76

Мусаев Р.К.
Влияние инвестиций на развитие информационно-коммуникационных технологий 80

Мустафина Г.Н.
Актуальные внешние угрозы экономической безопасности российских субъектов малых форм хозяйствования и механизмы их минимизации 84

Олифир Д.И.
Факторы устойчивости в управлении городскими агломерациями 89

Орлов С.Л., Рагозин А.В.
Некоторые экономико-правовые новации в законодательстве о местном самоуправлении 93

Павлова А.С.
Совершенствование внутреннего финансового аудита как направления контроллинга в секторе государственного управления 100

Поляков М.Б.
Динамика развития системы государственной поддержки некоммерческого сектора в Ростовской области: институциональные и инфраструктурные аспекты 105

Самоделкин С.И., Анисимов А.Ю.
Анализ конкурентоспособности российских производителей полиэтилена с использованием бенчмаркинга 111
Шмиголь Н.С., Токарев Д.А.
Совершенствование функционирования резервных фондов субъектов федерации с учетом зарубежного опыта 120

Право

Бадретдинов А.И.
Административная преюдиция как институт гуманизации уголовной ответственности в Республике Беларусь и Российской Федерации 128
Белянина М.Г.
Промежуточные судебные акты в российском праве 133
Волченко А.В., Когтева А.Н., Тимохина Г.В.
Искусственный интеллект в медицине: проблемы кибербезопасности и этические аспекты 139
Гарипов Р.Ф., Игонин Д.И.
Предупреждение как мера ответственности губернатора по российскому законодательству 145
Давлетшин Д.В.
Межведомственное взаимодействие как основа эффективного публичного управления: проблемы разобщенности и пути консолидации властных структур 150
Зиганшин Р.Р.
Ошибка в факте как основание для пересмотра судебного решения в трибунале по бывшей Югославии 155
Ибрагимова А.М.
Требования, предъявляемые к цифровой платформе уголовного судопроизводства 160
Идрисов Т.Р.
Проблема определения критериев добросовестности одностороннего отказа от обязательства 165
Калинина Е.Ю., Абдуллазаде Н.Р.
Идеология демократического конфедерализма и конституционное строительство в Сирийском Курдистане 169
Кобчикова Е.В., Макаров Т.Г.
Институт договора товарищества в римском частном праве 173
Коротенко А.Ф.
Развитие теоретических подходов к регулированию цифровых экосистем и платформ в зарубежной правовой науке 178
Ндувимана Жанвье
Неотъемлемый суверенитет Республики Бурунди над природными ресурсами: пересмотр контрактов в сфере добычи полезных ископаемых 182
Нигметзянов А.А., Никитенко И.Г.
О публично-поощрительных правоотношениях с участием муниципальных образований 188
Рязанова М.Н., Ларионова Н.Б.
Эволюция праксеологических учений в российской юридической науке 194
Ситникова И.Е., Макаров Т.Г., Щурикова Л.Г.
Цифровое право: перспективы развития новой отрасли 199
Сундурова О.Ф.
Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ 205
Хабибуллин А.Р.
Роль Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении системности конституционных терминов 210

Хабибуллина Г.Р.
К вопросу о специально-юридических функциях института отрасли муниципального права (на примере вступления в силу муниципальных правовых актов) 214
Шайдуллин Р.М.
Особенности правовой охраны и защиты прав на дизайн сайта в сети Интернет 220
Шеставин Д.А.
Особенности информационно-аналитической работы в органах прокуратуры при рассмотрении и разрешении обращений граждан 226
Шутило О.В., Нигматуллин А.Р.
Особенности осуществления прокурорского надзора за учетом и регистрацией заявлений и сообщений о преступлениях коррупционной направленности 232
Шухарева А.В., Кострова О.В.
К вопросу об эффективности приказного производства в современном гражданском процессе 237

Социология

Бурганова Л.А., Юрьева О.В., Кукушкина О.Ю.
Риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании: взгляд студентов 241
Вайсбург А.В.
Динамика социальных реакций на новости о субкультуре квадробика: результаты анализа телеграмм-каналов 247
Волков В.Р., Волкова М.М.
Геймификация в банковском маркетинге: анализ восприятия и поведения студентов 251
Зинуров Э.А.
Цифровой формат взаимодействий поколений в условиях ускоренной цифровой трансформации современного российского общества 258
Касимов Р.Н., Поздеев И.Л.
Этнокультурные ценности народов Удмуртии в интернет-пространстве: практики применения в образовательной деятельности 264
Ковалева Е.О., Вайсбург А.В.
Оценка современного российского кинематографа: социологический анализ 273
Круглова Е.Л.
Категория добровольного страхования в социологическом дискурсе 278
Лаукарт-Горбачева О.В., Осиповская М.П.
Проблемы социально-трудовой адаптации и трудоустройства в оценках выпускников татарстанских школ и школ-интернатов для детей с ОВЗ 283
Мюллер Д.Г., Лаптев В.В.
Политическая и электоральная активность российской студенческой молодежи: тенденции и перспективы развития 288
Равочкин Н.Н., Леонов А.А., Санкина О.В.
Аксиологемы российского рэпа 2000-х гг. (на примере социологического исследования альбома Гуфа «Подарок») 293
Русакова М.М.
Жизненная траектория женщин в проституции: к пересмотру модели 299
Ткач С., Русакова М.М.
Теория жизненных траекторий: история и перспективы, кейс проституции 304
Фатхуллина Л.З., Низамова А.Х.
Об особенностях внедрения целевой модели наставничества в образовательные учреждения: региональный опыт 309
Швецов Л.К., Хайруллина Ю.Р.
Влияние бюджетного высшего онлайн-образования на молодежную миграцию из средних городов Республики Татарстан: мнения экспертов 314

Обзорные работы

Бачуринская И.А., Косарева А.В.
Отдельные аспекты деятельности некоммерческих организаций в социальной сфере в условиях новой реальности 320
Гурбанова Ф.И.
Специфика соотношения международного и внутригосударственного права в области прав человека: теория и практика на примере Азербайджана 326
Гурьянова В.В.
К вопросу о проблеме определения средств достижения целей юридического процесса 330
Евлампиева Е.В.
Основы пространственного стратегирования на местном уровне 335
Казанцев Ю.Ю., Зайцева К.С.
Специфика product placement как инструмента рекламных коммуникаций в РФ 340
Каримова К.С.
Концепция «мягкой силы» Российской Федерации в реализации национальных интересов государства 345
Поздеева О.Г.
Потребительские расходы населения: динамика, структура, тенденции (на примере Свердловской области) 351
Хакимуллина Р.Ф.
Об отдельных аспектах расследования преступлений, предусмотренных ст. 172.2 УК РФ 355

Практический опыт внедрения научно-теоретических разработок

Бачуринская И.А., Мельниковская А.О., Бачуринская Е.С.
Благоустройство как стратегический вектор государственного управления территорией мегаполиса на примере Санкт-Петербурга 359
Иванов А.В.
Ошибки при назначении и производстве судебно-медицинских экспертиз 366

Мнения и суждения

Балынин И.В.
Дискуссионные вопросы модернизации условий назначения страховых пенсий по старости в Российской Федерации 370
Гетьман К.А.
Война или мир: историко-правовой анализ выступления Л.А. Камаровского и его актуальность в 2025 г. 374
Комлев Ю.Ю.
От цифровизации социума и киберпреступности к подготовке киберполицейских 378

Юбилеи

Корнилов П.А.
Уроки наставничества в социологии: к юбилею профессора Л.А. Бургановой 383

Вспоминая знаменитостей

Урецкий В.Я.
«Красный граф» в Казани 389

УДК 378.14
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-8-14

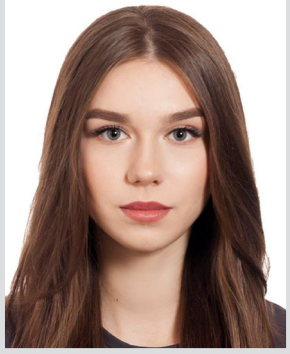
Траектории карьерного роста обучающихся направления «Государственное и муниципальное управление» в регионах

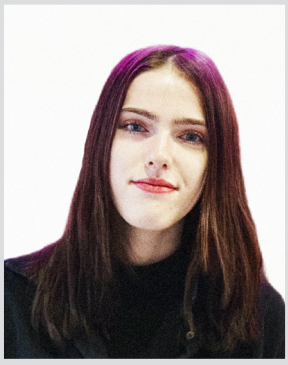
Абрамов Р.А.
Доктор экономических наук, профессор
кафедры государственного и муниципального управления
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
директор института экономики, права и управления
Московского городского педагогического университета

Сагуева А.Н.
Магистр института экономики, права и управления
Московского городского педагогического университета

Гордеева П.Е.
Магистр института экономики, права и управления
Московского городского педагогического университета

Ненашева А.С.
Студент Высшей школы права
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
(Москва)

В статье рассматриваются вопросы трудоустройства молодых специалистов в региональные государственные и муниципальные органы власти, их карьерные возможности и перспективы. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью задействовать молодых специалистов в работе на государственной службе в регионах, которые сталкиваются с кадровым дефицитом в связи с нежеланием молодежи трудоустраиваться в региональные государственные и муниципальные структуры. Целью исследования являлась разработка рекомендаций по совершенствованию образовательной деятельности вузов для возможности увеличения желающих работать в регионах студентов. В качестве методов исследования авторы использовали анонимное анкетирование обучающихся бакалавриата и магистратуры направления «Государственное и муниципальное управление». В результате исследования были определены ключевые факторы, влияющие на выбор будущей профессии и места работы студентов, проанализированы основные препятствия для привлечения выпускников в региональные органы власти и предложены кон-

кретные меры стимулирования, направленные на повышение привлекательности региональной госслужбы для молодых специалистов. Полученные данные могут быть особенно полезны для разработчиков региональных кадровых стратегий.

Ключевые слова: *государственная и муниципальная служба, государственное и муниципальное управление, кадровый дефицит, мотивация, траектории карьерного роста, региональное государственное и муниципальное управление*

Для цитирования: *Абрамов Р.А., Сагуева А.Н., Гордеева П.Е., Ненашева А.С. Траектории карьерного роста обучающихся направления «Государственное и муниципальное управление» в регионах // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 8–14. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-8-14.*

В условиях стремительного социально-экономического развития России наблюдается нарастание межрегиональных диспропорций в распределении ресурсов. Это касается как материальных активов, так и кадрового потенциала. В «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.» отмечается, что нехватка квалифицированных кадров становится ключевым барьером на пути экономического развития России и реализации всех государственных задач [1]. Разрыв между столичными и региональными центрами продолжает увеличиваться, что приводит к возникновению кадрового дефицита в сфере государственного и муниципального управления (далее – ГиМУ) в регионах.

Вследствие нивелирования мотивации среди амбициозной молодежи к службе в органах власти регионы испытывают нехватку квалифицированных специалистов. Большинство студентов, обучающихся на бакалаврских и магистерских программах, планируют строить свою карьеру в крупных городах, игнорируя потребности региональных субъектов. Однако развитие регионов требует привлечения перспективных молодых специалистов, готовых применять свои знания и опыт на практике.

Проблема, поднятая в данной статье, неизменно служила предметом дискурса высокопоставленных должностных лиц, в частности Президента Российской Федерации и представителей исполнительной власти на национальном уровне. Так, например, В.В. Путин на Заседании Совета по развитию местного самоуправления от 20.04.2023 г. высказал следующее мнение: «Крайне важно, чтобы муниципальная служба стала привлекательной для молодых, образованных, современных, инициативных людей. Мы работаем над этим. Считаю, что для привлечения молодёжи и специалистов узкого профиля нужно подумать и над дополнительными стимулами» [2]. Исполнительный директор Всероссийской ассоциации развития местного управления А.С. Малхасян говорит о том, что «ни для кого не секрет, что в муниципальных органах власти не хватает молодёжи, и чем дальше от центральных регионов нашей страны, тем это чувствуется острее. Эту ситуацию необходимо менять» [2].

Также актуальность проблемы кадрового дефицита в регионах в сфере ГиМУ выделяет и председатель Совета Евразийского женского форума, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера С.Г. Карелова: «В органах местного самоуправления работает много специалистов среднего и пожилого возраста, но необходима преемственность» [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что в наши дни регионы сталкиваются с острой нехваткой квалифицированных кадров в сфере ГиМУ.

Стоит отметить, что нежелание молодых специалистов ГиМУ работать в регионах приводит к ряду негативных последствий, таких как:

• ослабление управленческого потенциала и замедление социально-экономического развития регионов;

• ненадлежащее оказание государственных и муниципальных услуг из-за кадрового дефицита;

• снижение инвестиционной привлекательности регионов для потенциальных инвесторов из-за отсутствия квалифицированных специалистов;

• отток молодежи из регионов и потеря перспективного кадрового ресурса.

С целью эмпирического анализа факторов, обуславливающих нежелание студентов направления ГиМУ строить карьеру в регионах Российской Федерации и определения траекторий их карьерного развития в регионах был проведен опрос среди студентов бакалавриата и магистратуры Московского городского педагогического университета (ГАОУ ВО МГПУ) и Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (РЭУ им. Г.В. Плеханова), обучающихся по данному направлению. Всего в анкетировании участвовало 205 студентов бакалавриата и 68 студентов магистратуры, средний возраст которых составлял от 17 до 25 лет. Опрос проводился осенью 2024 г., обучающимся предложили поучаствовать в анкетировании, состоящем из 18 вопросов для бакалавров и 15 для магистрантов.

Респондентам были заданы следующие вопросы: «Какие факторы оказали влияние на выбор Вашей будущей профессии?», «Какова Ваша мотивация работать в органах ГиМУ?», «Ваш предполагаемый уровень дохода после окончания вуза?», «Хотите ли Вы вернуться/готовы переехать в регион?».

В целом эти вопросы предоставляют ценную информацию для понимания причин нежелания или неготовности к карьере государственного и муниципального служащего в регионах РФ и построения траектории карьерного роста обучающихся направления ГиМУ в регионах.

Результаты опроса показывают, что преобладающим фактором, влияющим на выбор профессии государственного и муниципального управленца среди студентов бакалавриата, являются личные качества и интерес (51 %). Это свидетельствует о том, что студенты выбирают данное направление обучения на основе своих индивидуальных склонностей и увлечений (рис. 1). Второстепенными факторами являются семья и социальное окружение (16 %), которые оказывают влияние на выбор профессии через социальные связи, ролевые модели и семейные ценности. Результаты ЕГЭ (9 %) и желание работать в государственных органах (8 %) оказывают меньшее влияние на выбор профессии, что предполагает рациональную оценку студентами своих академических способностей и карьерных устремлений. Другие причины представляют собой совокупность различных факторов, которые индивидуально влияют на выбор профессии, например, к таковым относятся политические взгляды, потребность в социальном признании, общественная активность и др.

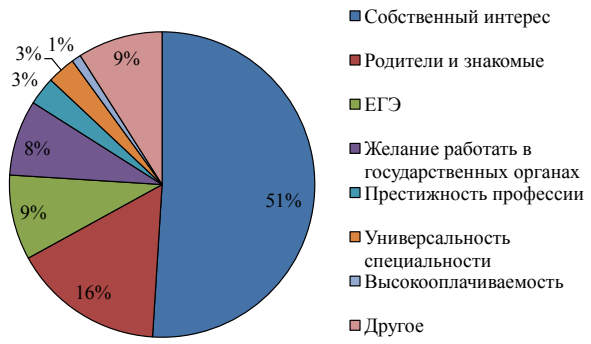

Рис. 1. Факторы, которые оказали влияние на выбор будущей профессии студентов бакалавриата

Проанализировав ответы студентов магистратуры, можно прийти к следующим выводам: большинство студентов (59 %) указали на внутренние мотивации для поступления на направление ГиМУ, а именно: личный интерес (20 %), желание участвовать в государственных решениях (14 %), желание работать во благо государства (14 %). Это свидетельствует о том, что студенты мотивированы социальным значением и возможностью влиять на политику (рис. 2). Такие студенты с большей вероятностью будут заинтересованы в работе в органах власти независимо от местоположения, в то время как студенты, мотивированные личной выгодой или отсутствием других вариантов, могут проявлять меньшую заинтересованность в такой деятельности. С другой стороны, те, кто стремится служить обществу и улучшать положение в стране, с большей вероятностью предпочтут работу в регионах, где их вклад может оказать значимое влияние.

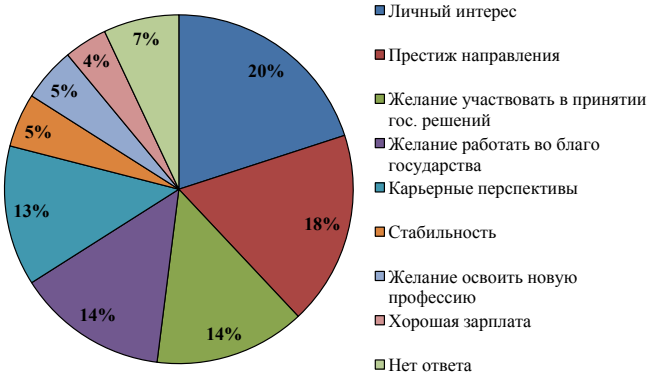

Рис. 2. Факторы, которые оказали влияние на выбор данного направления студентов магистратуры

При выборе специальности для 18 % студентов решающим фактором выступает престиж направления. Этот результат свидетельствует о значимости репутации специальности для определенной части студентов.

Для 13 % студентов магистратуры мотивацией для выбора специальности стали карьерные перспективы. Это подчеркивает осознание студентами возможностей трудоустройства и продвижения по карьерной лестнице в сфере государственного и муниципального управления.

В то время как личный интерес остается главной причиной для поступления на направление как для студентов бакалавриата, так и магистратуры, студенты магистратуры демонстрируют более разнообразные мотивы, включая желание участвовать в принятии государственных решений, карьерный рост и престиж направления. Эти результаты отражают разницу в уровне образования и карьерных целях между студентами бакалавриата и магистратуры.

Они подчеркивают важность личностных характеристик и внутреннего мотива в выборе профессии государственного и муниципального управленца. Направление ГиМУ привлекает широкий круг студентов с различными мотивациями. Это свидетельствует о том, что в программе сочетаются как внутренние, так и внешние мотивы, что делает ее привлекательной для различных типов учащихся.

Результаты опроса указывают на диапазон мотиваций, которые приводят студентов бакалавриата направления ГиМУ к работе в органах государственной и муниципальной власти (рис. 3). Наиболее рас-

пространенной мотивацией является стремление работать на благо страны (27 %), что свидетельствует о чувстве патриотизма и сформированности общественных идеалов у студентов. Именно это важное качество подметил Президент РФ В.В. Путин следующей фразой: «Понимаю, что в вашей работе трудностей хватает, далеко не везде есть необходимые финансовые ресурсы, но когда в муниципальных образованиях трудятся неравнодушные, энергичные, честные, порядочные люди, проявляющие искреннюю заботу о жителях, то именно там и добиваются эффективного решения возникающих проблем» [2].

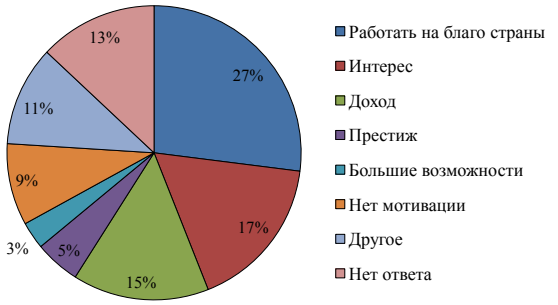

Рис. 3. Мотивация студентов бакалавриата работать в ГиМУ

Другой значительной мотивацией является личный интерес и желание (17 %), что указывает на стремление студентов к личностному росту, самореализации и влиянию на общественные процессы. Мотивация, основанная на доходе (15 %), также является существенным фактором, предполагая, что студенты рассматривают занятость в государственном и муниципальном секторе как потенциально прибыльную карьеру.

В условиях патриотической направленности студенческой среды следует интегрировать в процесс обучения в высших учебных заведениях идеи о значительном вкладе, который государственная служба дает возможность вносить в развитие регионов и всей страны. Реализация экскурсионных и выездных программ в пределах разных регионов позволит студентам непосредственно ознакомиться с запросами и возможностями регионального госуправления и муниципалитетов. Дополнительная мотивация и представление о перспективах карьерного роста и значимости профессии формируются на встречах и семинарах с успешными выпускниками, трудоустроенными в госструктурах, или с государственными деятелями-ветеранами для передачи опыта и ценностей служения стране. А создание программ стажировок и практической подготовки в региональных органах государственной власти и муниципальных учреждениях обеспечит не только погружение студентов в практическую реализацию процесса управления на региональном уровне, но и будет способствовать их профессиональному самоопределению и личностному развитию. В дополнение, предоставление стипендиальной и грантовой поддержки студентам, проявляющим интерес к работе в региональной сфере, особенно в удаленных и экономически депрессивных районах, будет способствовать привлечению и удержанию квалифицированных кадров на этих территориях.

Несмотря на то что получение высшего образования в сфере ГиМУ дает студентам ценные знания и навыки, необходимые для работы в государственном секторе, после окончания университета студенты часто сталкиваются с решением, которое может повлиять на их карьерный путь: переезжать в регионы или строить карьеру в крупных городах. Это решение во многом зависит от их желаемого дохода и готовности покинуть комфорт своих домов.

Результаты исследования предполагаемых уровней дохода студентов бакалавриата и магистратуры по направлению ГиМУ указывают на значительную разницу в их ожиданиях. Студенты бакалавриата предсказывают, что их доход в первые два года после окончания вуза составит от 30 до 65 тыс. руб. (рис. 4). Эта цифра значительно ниже, чем у их коллег, обучающихся в магистратуре (рис. 5). Через пять лет после окончания бакалавриата студенты ожидают доход в диапазоне от 70 до 120 тыс. руб., а через десять лет – от 120 до 200 тыс. руб. Эти ожидания могут быть обусловлены меньшим опытом работы и более низкой квалификацией выпускников бакалавриата по сравнению с магистрами. Кроме того, они могут отражать ограниченные возможности для карьерного роста на начальном этапе карьеры.

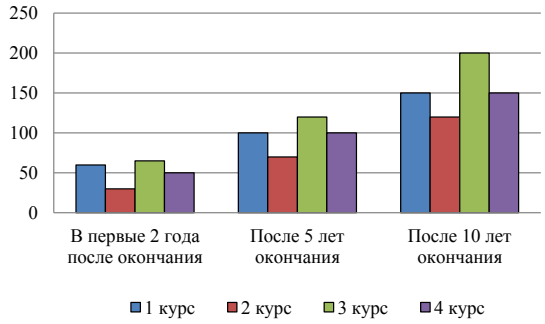

Рис. 4. Зарплатные ожидания студентов бакалавриата

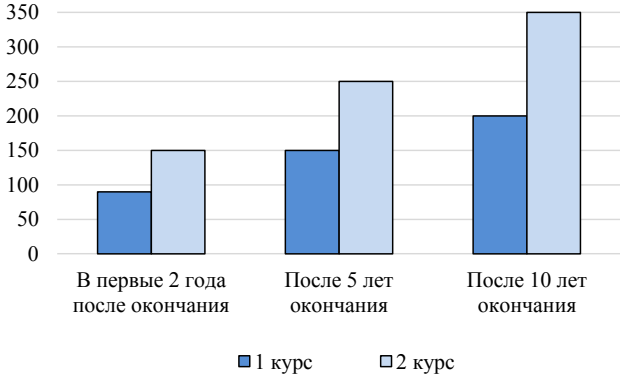

Рис. 5. Зарплатные ожидания студентов магистратуры

В отличие от студентов бакалавриата, студенты магистратуры ожидают более высоких уровней дохода. В первые два года после окончания вуза они предсказывают доход от 90 до 150 тыс. руб. Через пять лет после окончания магистратуры они ожидают доход в диапазоне от 150 до 250 тыс. руб., а через десять лет – от 200 до 350 тыс. руб. Эти более высокие ожидания могут быть связаны с дополнительным образованием и опытом, приобретенным в процессе обучения в магистратуре. Кроме того, они могут отражать более широкие возможности для карьерного роста и руководящие должности, доступные выпускникам магистратуры.

Результаты исследования показали, что ожидания выпускников бакалавриата и магистратуры относительно уровня дохода в первые два года работы в регионах могут быть реализованы или даже превышены. Несмотря на отсутствие актуальной официальной информации о заработных платах государственных служащих в регионах, сравнение средней заработной платы по регионам указывает на то, что во многих из них уровень дохода сотрудников государственного сектора является достойным, а в некоторых – даже выше, чем в Москве [4]. Кроме того, государственные служащие в регионах могут рассчитывать на программы поддержки и стимулирования, такие как жилищные субсидии, компенсации расходов на переезд и т.д. Государственная служба в регионах также предоставляет возможности для карьерного роста и продвижения. Также важно учитывать, что в регионах, как правило, ниже конкуренция за руководящие должности, что может ускорить карьерный рост и увеличить заработок. Данное обстоятельство особенно актуально для обучающихся в магистратуре, имеющих более высокие финансовые ожидания. Дополнительные преимущества работы на государственной службе в регионах включают более низкую стоимость жизни, дружную общину и доступное жилье. В связи с чем авторы считают целесообразным организовывать встречи студентов в высших учебных заведениях с представителями государственных органов, которые могут предоставить информацию о карьерных перспективах и финансовых возможностях в регионах.

Несмотря на вышеперечисленные преимущества жизни в регионах, многие студенты не рассматривают вариант трудоустройства за пределами Москвы. Для того, чтобы глубже изучить поднятую в данной статье проблему, респондентам был задан вопрос об их готовности переехать в другой регион или вернуться в свой. Значительная доля студентов (68 %) не желают переезжать в другой регион для построения карьеры, что указывает на низкую мобильность и недостаток мотивации для выхода за пределы своего региона. Только 21 % студентов выразили готовность к переезду или возвращению в регион, что свидетельствует о нежелании покидать знакомое окружение или рисковать вне зоны комфорта (рис. 6 и 7).

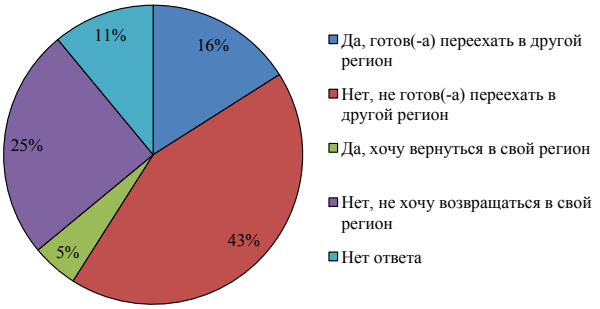

Рис. 6. Ответы студентов бакалавриата на вопрос: «Хотите ли Вы вернуться/готовы переехать в другой регион?»

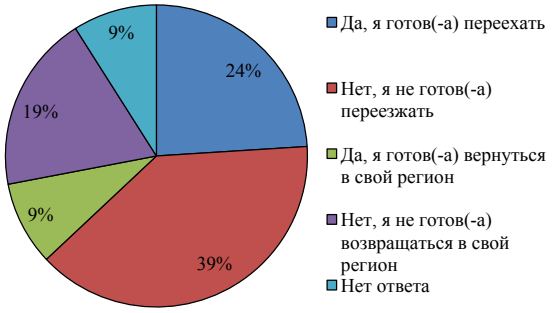

Рис. 7. Ответы студентов магистратуры на вопрос: «Хотите ли Вы вернуться/готовы переехать в другой регион?»

Студенты, выбравшие вариант «Нет, не готов переехать в другой регион», вероятно, имеют более высокую привязанность к своему текущему месту жительства или опасаются неизвестности в новом месте. Те, кто выбрал вариант «Нет, не хочу возвращаться в свой регион», возможно, считают, что их регион не предоставляет достаточных карьерных возможностей или не соответствует их устремлениям. Низкий процент студентов, желающих вернуться в свой регион, может указывать на восприятие региона как места с ограниченными возможностями для карьерного роста или отсутствие привязанности к региону. Для изучения данного вопроса о нежелании студентов возвращаться или переезжать в регионы требуется более углубленное дальнейшее исследование.

Результаты опроса подчеркивают необходимость инициатив по повышению мобильности и привлечению студентов к возможностям карьерного роста в регионах. Для этого необходимо было изучить причины, по которым студенты, участвовавшие в опросе, не хотят переезжать/возвращаться в регионы РФ.

К таковым студенты бакалавриата и магистратуры относят:

• в Москве много возможностей для личностного и карьерного развития;

• в Москве держат семья и друзья;

• в регионах нет достойного заработка;
• в регионах нет перспектив;
• низкий уровень жизни в регионах;
• нет возможности бросить работу в Москве;
• привыкли к ритму жизни в Москве;
• всегда хотели работать и жить в Москве;
• в регионах медленный темп жизни.

Также студенты магистратуры указали, при каких обстоятельствах они бы были готовы к переезду:

• если это переезд в крупные города;
• если будет предложена выгодная вакансия и условия работы;
• если будут устраивать климат в регионе, условия для жизни;
• если вакансия предполагает развитие регионов;
• если это будет вынужденная мера;
• если будет выдано жилье для семьи;
• если будет хорошее предложение и возможность карьерного роста.

Таким образом, на основе вышеуказанных факторов, можно предложить меры по стимулированию обучающихся направления ГиМУ к построению карьеры в регионах:

1. Оптимизация системы кадрового отбора для государственных и муниципальных служащих, упростив процедуры подачи и сократив количество требуемых документов. Внедрение экзаменационных процедур для кандидатов на государственную службу позволит объективно оценить их профессиональные навыки. Эта система должна быть основана на принципах, схожих с экзаменами для выпускников школ (ЕГЭ).

Внедрение объективной системы оценки профессиональных навыков, аналогичной ЕГЭ, позволит обеспечить прозрачность и справедливость отбора. Эта система должна включать в себя как теоретические, так и практические задания, учитывающие специфику работы в сфере ГиМУ в региональных условиях. Для этого следует разработать специфические тесты и задания, учитывающие региональную специфику и необходимые компетенции (например, навыки работы с конкретным программным обеспечением). Выбор студентов в пользу направления ГиМУ должен быть обусловлен прежде всего личным интересом к государственной службе и желанием участвовать в принятии государственных решений. Для реализации этого потенциала необходима прозрачная и доступная для всех кандидатов система оценки.

2. Разработка и внедрение PR-кампании по повышению престижа государственной и муниципальной службы в регионах страны. Для этого необходимо акцентировать внимание на: карьерных перспективах и возможностях профессионального роста; социальных гарантиях и условиях труда; вкладе в развитие региона и решении актуальных социально-экономических задач. В рамках кампании следует использовать разнообразные инструменты: *SMM*-продвижение, целевую рекламу, публикации в региональных СМИ, а также организацию встреч с успешными специалистами, работающими в регионах.

3. Выделение особых стипендий или выплат студентам, которые привержены работе в регионах в течение определенного периода после выпуска.

Низкая привлекательность идеи построения карьеры в регионах для выпускников ГиМУ, обусловленная опасениями относительно уровня заработной платы, требует введения системы целевых стипендий и грантов для студентов ГиМУ, обязавшихся отработать определённый срок (например, 3–5 лет) в региональных организациях после окончания вуза. Размер и условия предоставления стипендий и грантов должны быть конкурентными и привлекательными, учитывая уровень жизни и особенности различных регионов. Необходимо разработать четкую систему критериев отбора кандидатов на получение таких стипендий и грантов.

4. Улучшение условий труда государственных и муниципальных служащих в регионах, например, с помощью повышения должностных окладов на всех уровнях службы, предоставления служебного жилья или субсидий на приобретение собственного, особенно в отдаленных и малонаселенных регионах и т.д. Данные мероприятия являются ключевыми факторами, повышающими привлекательность работы в регионах. Необходимо провести анализ существующих условий труда и уровня заработной платы в различных регионах и разработать целевые программы по их улучшению, учитывая региональную специфику и особенности работы специалистов в сфере ГиМУ.

5. Развитие сетевых платформ, соединяющих студентов и выпускников с потенциальными работодателями в регионах, облегчая поиск работы и развитие карьеры. Эти платформы должны обеспечивать доступ к актуальным вакансиям, информации о работодателях и возможностях профессионального развития в регионах. Платформы должны быть интуитивно понятными, функциональными и удобными для использования. Взаимодействие с потенциальными работодателями должно быть организовано в режиме онлайн и офлайн (например, через организацию ярмарок вакансий и стажировок в региональных организациях).

Данные меры, по мнению авторов, позволят существенно повысить привлекательность работы в регионах для выпускников направления ГиМУ и обеспечить приток молодых заинтересованных специалистов в отрасль.

Таким образом, исследование подчеркивает важность комплексного подхода для развития человеческого капитала в сфере государственного и муниципального управления в регионах РФ. Вузы

должны предоставлять качественное образование, соответствующее потребностям рынка труда, а правительства и работодатели, в свою очередь, должны внедрять программы развития кадров и системы наставничества для поддержки карьерного роста молодых специалистов.

Литература:

1. Дефицит рабочих кадров: пути решения // Комитет Совета Федерации по социальной политике. URL: http://social.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/158285/ (дата обращения: 15.12.2024).
2. Заседание Совета по развитию местного самоуправления от 20.04.2023 г. // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70959 (дата обращения: 15.12.2024).
3. Сенатор Карелова заявила о нехватке молодых кадров в муниципалитетах // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/politics/senator-karelova-zayavila-o-nekhvatke-molodykh-kadrov-v-municipalitetakh.html (дата обращения: 15.12.2024).
4. Справочная информация: «Среднемесячная заработная плата в субъектах Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460474/69767b361902986d1c7a5ea4997519c0ba4f7711/ (дата обращения: 15.12.2024).

Career Trajectories of Students in the Field of «State And Municipal Administration» in the Regions

Abramov R.A.
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow), Moscow City University
Sagueva A.N., Gordeeva P.E.
Moscow City University
Nenasheva A.S.
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

The article discusses the issues of employment of young professionals in regional state and municipal authorities, their career opportunities and prospects. The relevance of this topic is due to the need to involve young professionals in public service in regions that face a shortage of personnel due to the reluctance of young people to find employment in regional state and municipal structures. The purpose of the study was to develop recommendations for improving the educational activities of universities in order to increase the number of students willing to work in the regions. The authors used anonymous questionnaires of undergraduate and graduate students in the field of Public and Municipal Administration as research methods. As a result of the study, key factors influencing the choice of the future profession and place of work of students were identified, the main obstacles to attracting graduates to regional authorities were analyzed, and specific incentive measures aimed at increasing the attractiveness of the regional civil service for young professionals were proposed. The data obtained can be especially useful for developers of regional HR strategies.

Keywords: state and municipal service, state and municipal administration, personnel shortage, motivation, career growth trajectories, regional state and municipal administration

УДК 338.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-15-20

Анализ инструментов промышленной политики, используемых при решение проблем моногородов (на примере Новгородской области)

Бусурин С.В.
Аспирант кафедры экономики и менеджмента
Академии труда и социальных отношений (Москва),
Председатель Новгородской областной федерации профсоюзов

Моногорода или монопрофильные муниципальные образования испытывают определённые трудности в развитии, начиная с 1991 г., в первую очередь это связано с распадом СССР. Поэтому очень важно рассмотреть экономические, организационные инструменты и методы, с помощью которых удалость преодолеть острую фазу кризиса, связанную с проблемами в моногородах, возникших в 2008 г., и использовать этот практический опыт в настоящее время. Этим определяется актуальность выбранной темы исследования. Целесообразность выбранной темы подтверждается непрекращающимися нерыночными методами экономического давления, которые потенциально могут нести риски для социально-экономической стабильности городов. Научная новизна работы состоит в определении подхода к социально-экономической устойчивости моногородов, как факторе мер промышленной политики, консолидирующем экономические и организационные усилия всех уровней власти. Целью данной работы является анализ мер, влияющих на социально-экономическую стабильность моногородов. В статье рассмотрен подход к формированию и актуализации методов и практик, направленных на устойчивое социально-экономическое развитие монопрофильных муниципальных образований. Проведен анализ инструментов промышленной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровне, которые направлены на сохранение социально-экономической устойчивости моногородов. Исследованы меры поддержки моногородов в период экономического кризиса 2008 г. и применение таких инструментов в настоящее время.

Ключевые слова: *промышленная политика, моногород, Боровичи, меры поддержки, территория опережающего социально-экономического развития, бюджет*

Для цитирования: *Бусурин С.В. Анализ инструментов промышленной политики, используемых при решение проблем моногородов (на примере Новгородской области) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 15–20. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-15-20.*

Введенные против России масштабные экономические санкции поставили перед страной серьезные вызовы, требующие масштабной трансформации системы управления экономикой. Крупнейшие города являются центрами модернизации экономики и человеческого капитала и, безусловно, обладают большей устойчивостью в связи со сложным промышленным и более гибким экономическим комплексом и, соответственно, большим количеством числа налогоплательщиков [1]. Несмотря на это, неконтролируемая внешняя среда может поставить под угрозу поступательное и стабильное развитие экономики городов. Безусловно, данная задача не может быть решена одномоментно. Одной из важ-

ной составляющей в решении этой проблемы должна стать политика селективных мер поддержки, направленных на поддержание социально-экономической устойчивости крупных городов.

Вопросы, касающиеся моногородов, характерны для многих стран. Этой проблеме посвящены многочисленные труды, в которых рассматриваются различные подходы и стратегии выхода из кризиса [2]. Ряд авторов для решения проблем моногородов предлагает создание особых экономических зон, диверсификацию производства, формирование территорий опережающего развития и т.д. [1; 3; 4]. В России моногорода формировались в советское время. Их проблемы некоторые исследователи связывают с устаревшими производствами и отсутствием «гибкой специализации», это традиционный подход (экономический), а другие исследуют причины их неспособности адаптироваться к новым условиям (институциональный подход) [5]. Необходимо также иметь ввиду, что нахождение либо переход моногорода в разряд городов со стабильной социально-экономической ситуацией не дает гарантии на его успешное социально-экономического развитие, и некоторые авторы в своих работах на это указывают [6]. Безусловно, что особое влияние на развитие таких муниципалитетов оказывают градообразующие предприятия. И их особую роль в социально-экономической устойчивости моногородов необходимо рассматривать в контексте их собственного особого пути развития [7].

После экономического кризиса 2008 г. РФ столкнулась с обострением проблем, связанных с моногородами. Для решения этой задачи были выделены наиболее проблемные муниципалитеты и сделана их градация. Было выделено три категории монопрофильных городов. Это было сделано из-за невозможности концентрироваться на помощи нескольким сотням муниципальных образований одновременно. Для систематизации этой работы было выпущено Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 1398-р «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации» (ред. от 21.01.2020) [8] и Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения» [9]. Данными нормативными актами определены перечни монопрофильных муниципальных образований и критерии отнесения их к различным категориям в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения. Важным механизмом развития и поддержки моногородов является принятие Федерального закона от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» [10], регулирующего создание ТОСЭР и их функционирование, где ст. 34 данного закона определён механизм и порядок создания ТОСЭР в монопрофильных муниципальных образований. С целью конкретизации особенностей создания ТОСЭР в монопрофильных муниципальных образований принято Постановление Правительства РФ от 22.06.2015 г. № 614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» [11], которое регулирует эти вопросы. До 2022 г. оператором и распорядителем средств для практической реализации мер поддержки являлась некоммерческая организация «Фонд развития моногородов». Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27.12.2021 г. № 3887-р функции по поддержке моногородов переданы государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» [12].

Как видно из данных таблицы 1, в РФ более 8 млн граждан живет и работает в муниципалитетах, которые потенциально являются неустойчивыми в социально-экономическом плане, что рассматривается как потенциально тревожный маркер.

Таблица 1

Данные о численности проживающих в моногородах

Количество муниципальных образований моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением	Количество проживающих на 1 января 2024 г.; чел.	Количество муниципальных образований, городского населенного пункта (моногорода, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения)	Количество проживающих на 1 января 2024 г.; чел.
94	3 958 367	148	4 739 954

Источник: составлено автором на основе [13].

С 2014 г. на поддержку моногородов из государственной казны направили субсидии на сумму более 36 млрд руб., а также привлекли более 235 млрд руб. частных инвестиций. В таких населенных пунктах было создано 34 тыс. новых рабочих мест [14].

Для стабилизации социально-экономического положения моногородов необходимо было решить ряд вопросов и самый главный – это диверсификация экономики и уход от зависимости, связанной с узкой экономической специализацией территории. Это было реализовано, в том числе благодаря мерам промышленной политики, которые можно объединить в следующие типы [15]:

– создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР);

– поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства;

– поддержка инвестиционных проектов.

С целью практического примера реализации мер промышленной политики, направленного на решение проблем моногородов, обратимся к опыту Новгородской области.

Наибольшее количество моногородов составляют города, имеющие промышленный уклон [16]. В Новгородской области пять монопрофильных муниципальных образований: Угловское, Пестовское, Парфинское, Боровичское городские поселения и Грузинское сельское поселение. С целью практического рассмотрения мер поддержки монопрофильных муниципальных образованияй рассмотрим город Боровичи, в котором в 2019 г. создана территория опережающего социально-экономического развития «Боровичи» [17]. Целью создания ТОСЭР являлась диверсификация экономики город и привлечение инвестиций. В данном ТОСЭР предоставляется поддержка субъектам малого предпринимательства. Процентные ставки по займам для этой категории предприятий зависят от ключевой ставки и составляют от 4,25 до 16,5 % годовых, но при условии, что субъект малого предпринимательства включен в реестр резидентов ТОСЭР, промышленного (индустриального) парка, агропромышленного парка, технопарка, промышленного технопарка или бизнес-инкубатора [18]. Площадь ТОСЭР составляет 4 540 га, резидентами являются 9 предприятий, специализирующихся на производстве инструментов и приборов для измерения, тестирования и навигации; производстве строительных металлических конструкций, изделий и их частей (производство мебельных каркасов); производстве бумаги; производстве прочих проводов и кабелей для электронного и электрического оборудования; производстве пластмассовых плит, полос, труб и профилей и т.д.

Представленная в таблице 2 характеристика мер поддержки для резидентов предусматривает комплексность и оказывается всеми органами публичной власти, а именно федеральной, региональной и местной.

Для анализа мер, влияющих на результаты социально-экономического развития Боровического муниципального района, необходимо в динамике рассмотреть его основные показатели, которые характерны для анализа социально-экономической устойчивости.

Таблица 2

Сравнительная таблица имеющихся льгот для резидентов ТОСЭР «Боровичи» [19]

Вид налога	Стандартная ставка	Период действия	Ставка для резидентов ТОСЭР	Основание предоставления льготы
Налог на прибыль 25 % с 01.01.2025 г.	Федеральный бюджет 8 % с 01.01.2025 г.	5 налоговых периодов, начиная с налогового периода, в котором, в соответствии с данными налогового учёта, была получена первая прибыль от деятельности, осуществляемой при исполнении соглашений об осуществлении деятельности на ТОР	0 %	п. 1.8 ст. 284, ст. 284.4 Налогового кодекса РФ
		следующие 5 налоговых периодов	8 %	
	Региональный бюджет 17 %	5 налоговых периодов*, начиная с налогового периода, в котором в соответствии с данными налогового учёта была получена первая прибыль от деятельности, осуществляемой при исполнении соглашений об осуществлении деятельности на ТОР. * Обратить внимание: если резидент ТОР не получил прибыль в течение 3-х налоговых периодов, начиная с налогового периода, в котором был включен в реестр резидентов ТОР, сроки начинают исчисляться с 4-го налогового периода, считая с того налогового периода, в котором резидент был включен в реестр резидентов ТОР	5 %	п. 2, п. 5 ст. 284.4 Налогового кодекса РФ, п. 3 ст. 1 Областного закона от 31.10.2013 г. № 373-ОЗ
		следующие 5 налоговых периодов	10 %	
Налог на имущество 2,2 %	Региональный бюджет 2,2 %	5 лет, с 1-го числа месяца, следующего за месяцем заключения соглашения об осуществлении деятельности на ТОР	0 %	п. 3 ст. 4.1 Областного закона от 30.09.2008 г. № 384-ОЗ
		последующие 5 лет	1,1 %	
Отчисления во внебюджетные фонды 30 %	30 %	1-10 год + 2 года с 1-го числа месяца, следующего за месяцем получения статуса резидента ТОР. Обратить внимание: если статус резидента ТОР получен в период 04.2019 – 04.2022 гг.		подп. 12 п. 1, подп. 5 п. 2, п. 2.2, абз. 6 п. 10.1 ст. 427 НК РФ
			7,6 %	
Земельный налог 1,5 %	Местный бюджет 1,5 %	5 лет, с 1-го числа месяца, следующего за месяцем заключения соглашения об осуществлении деятельности на ТОР	0 %	подп. 7 ст. 3.1 решения Совета депутатов г. Боровичи № 66 от 23.08.2016 г.
		последующие 5 лет	0,75 %	

Таблица 3

Основные социально-экономические показатели Боровического муниципального района Новгородской области [21]

№ п/п	Показатели	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г. (прогноз)
1	Число субъектов малого и среднего предпринимательства, единиц на 10 тыс. чел. населения	373,90	339,80	321,84	327,11	336,00	343,42
2	Доля среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) малых и средних предприятий в среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) всех предприятий и организаций, %	28,10	28,20	27,38	25,21	28,60	29,10
3	Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 жителя, тыс. руб.	15,2	18,8	15,5	26,4	45,3	17,6
4	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников крупных и средних предприятий и некоммерческих организаций городского округа (муниципального района), тыс. руб.	32,4	34,8	36,9	42,9	49,7	53,8
5	Численность постоянного населения по городскому округу, чел. [20]	49 071	49 012	48 858	47 746	47 353	46 918
6	Уровень регистрируемой безработицы к экономически активному населению, %	0,4	0,4	3,4	0,67	0,3	0,2

Результаты данных таблицы 3 показывают, что наблюдается рост субъектов малого и среднего предпринимательства. Рост происходит, несмотря на тенденцию перехода от индивидуальных предпринимателей на плательщиков налога на профессиональный доход. Спад, который наблюдался в период пандемии короновируса, практически преодолен. Имеется рост заработной платы. Уровень безработицы незначителен. Падение численности постоянного населения является результатом фундаментальных демографических проблем. Для решения этого вопроса в 2024 г. Боровичский муниципальный район был включён в Федеральный пилотный проект по стимулированию рождаемости [22].

Как видно из таблицы 4, ТОСЭР «Боровичи» активно развивается. Наблюдается стабильный приток резидентов, которые вкладывают значительные средства в основной капитал. Также наблюдается устойчивое создание рабочих мест.

Для оценки динамики роста бюджетных поступлений необходимо рассмотреть основные параметры бюджета (табл. 5).

При анализе данных таблицы 5 можно наблюдать устойчивый рост собственных доходов бюджета. Безвозмездные поступления в большей степени относятся к участию муниципалитета в федеральных и региональных проектах развития, которые позитивно влияют на социально-экономический климат.

Таким образом, в представленной работе рассмотрен институциональный подход в вопросе формирования и организации работы на уровне государства с монопрофильными муниципальными образованиями. Определена важность этой работы в связи со значительным количество жителей нашей страны, проживающих на территориях,

Таблица 4

Основные характеристики работы ТОСЭР «Боровичи»

ТОР Боровичи	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Количество резидентов ТОР ед.	1	3	1	5	1	2
Объем инвестиций в основной капитал, млн руб.	13	74	251	329	416	562
Количество созданных рабочих мест, ед.	37	252	77	70	194	99

Источник: составлено автором на основе данных Министерства инвестиционной политики Новгородской области.

Таблица 5

Динамика основных параметры бюджета Боровичского муниципального района [21]

Период / Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г. (нет данных)	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Доходы бюджета – всего, тыс. руб.	18 147 699	24 338 301		2 177 252	2 138 972	2 709 856
Налоговые и неналоговые доходы, тыс. руб.	602 397	638 422		684 112	819 173	926 476
Безвозмездные поступления от других бюджетов бюджетной системы РФ, тыс. руб.	1 211 878	1 795 299		1 501 070	1 319 799	1 783 659

которые относятся к потенциально неустойчивым в социально-экономическом плане. Показана положительная роль инструментов промышленной политики, которая была применена при решении острого социально-экономического кризиса, связанного с моногородами. Именно эти меры и этот опыт позволили в настоящее время внедрить во многих регионах эти инструменты, которые, не позволили привести к разбалансировке экономики крупных городов после введения антироссийских санкций. Подробно рассмотрены имеющиеся льготы для резидентов ТОСЭР «Боровичи» и отмечено, что они включают как федеральный, региональный, так и местный уровни экономической поддержки, что подтверждает тезис, что результаты модернизации монопрофильных образований определяются в том числе активностью действий региональной и муниципальной власти. При рассмотрении основных социально-экономических показателей Боровичского муниципального района отмечено его поступательное развитие, отсутствие роста безработицы. При анализе параметров бюджета Боровичского муниципального района выявлен его рост. Результаты деятельности территорий опережающего развития в целом и мер поддержки следует назвать удовлетворительными, так как такие меры поддержки позволяют наращивать количество резидентов ТОСЭР, что подтверждается практическими результатами.

Литература:

1. Глебова А.Н., Зеленский В.Н., Лазарева А.С. Проблемы моногородов: мировой опыт и российская практика // Вестник университета. 2022. № 11. С. 86–93.
2. Глебова А.Г., Зеленский В.Н., Лазарева А.С. Проблемы моногородов: мировой опыт и российская практика // Вестник университета. 2022. № 11. С. 86–93.
3. Кутергина Г.В., Лапин А.В. Управление развитием моногородов: отечественные и зарубежные подходы к моделированию // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» 2015. № 3(26). С. 69–77.
4. Рахлис Т.П. Территория опережающего развития: новый статус и новая возможность экономического роста российских моногородов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 4(23) С. 72–75
5. Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России / И. Стародубровская [и др.]; под ред. И. Стародубровской. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 248 с.
6. Киселева Н.Н., Орлянская А.А., Гуров Г.А. Государственная политика поддержки промышленных моногородов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 601.
7. Тихонова М.В., Усатая А.А. Стратегические аспекты промышленного развития моногородов РФ // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник, Москва, 06–07 июня 2019 года / Ответ. ред. В.И. Герасимов. Вып. 14 Ч. 2. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 949–953.
8. Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 1398-р «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
9. Постановление Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения» // СПС Гарант.
10. Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.06.2015 г. № 614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» // Официальный сайт Правительств РФ. URL: http://static.government.ru/media/files/1kbkTXSJFhlZss2PCMvjaJyyQQk3pbsf.pdf
12. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2021 г. № 3887-р // Официальный сайт Государственной системы правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202112300044
13. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 01.01.2024 г. (Статистический бюллетень) табл. 5.1; 5.2. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2024.xlsx
14. На поддержку моногородов в РФ в этом году направят более 1,6 миллиарда рублей. URL: https://www.pnp.ru/economics/na-podderzhku-monogorodov-v-rf-v-etom-godu-napravyat-bolee-16-milliarda-rubley.html

15. Единый перечень мер поддержки монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) (утв. Министерством экономического развития РФ от 15 апреля 2016 г.) // СПС Гарант.
16. Лебеденко О.С. Анализ пространственного развития: специфика моногородов России // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 3 (53). С. 10–16.
17. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.04.2019 г. № 431 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Боровичи»» // Официальный сайт Правительства РФ. URL http://static.government.ru/media/files/LwSQWZNFHiRKPFS7kywdY58567aYYZFo.pdf
18. Программа моногородов. URL:https://mb53.ru/money/loan/zaymy-monogorod/#Priorit
19. Территория опережающего развития Боровичи. URL: https://borovichskij-r49.gosweb.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/ekonomika/investitsii/territoriya-operezhayuschego-razvitiya-borovichi/
20. Новгородская область в цифрах. URL: https://53.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/НОВ_ОБЛ_цифр_2024.pdf
21. Исполнение консолидарного бюджета муниципального района. URL: https://boradmin.gosuslugi.ru/ofitsialno/byudzhet/ispolnenie-konsolidirovannogo-byudzheta-munitsipalnogo-rayona/
22. Три города Новгородской области вошли в проект по повышению рождаемости. URL: https://ria.ru/20231018/rozhdaemost-1903629515.html?ysclid=m6uzfvwn97168692707

Analysis of Industrial Policy Tools Used in Solving the Problems of Single-Industry Towns (on the Example of Novgrod Region)

Busurin S.V.
Academy of Labor and Social Relations (Moscow)

Single-industry towns or single-industry municipalities have been experiencing certain difficulties in development since 1991, primarily due to the collapse of the USSR. Therefore, it is very important to consider the economic, organizational tools and methods with the help of which it was possible to overcome the acute phase of the crisis associated with the problems in single-industry towns that arose in 2008 and to use this practical experience at the present time. This determines the relevance of the chosen research topic. The expediency of the chosen topic is confirmed by the incessant non-market methods of economic pressure, which can potentially carry risks for the socio-economic stability of cities. The scientific novelty of the work lies in the definition of the approach to the socio-economic sustainability of single-industry towns, as a factor of industrial policy measures, consolidating economic and organizational efforts of all levels of government. measures affecting the socio-economic stability of single-industry towns. This article considers an approach to the formation and updating of methods and practices aimed at the sustainable socio-economic development of single-industry municipalities. An analysis of industrial policy tools at the federal, regional and municipal levels, which are aimed at maintaining the socio-economic sustainability of single-industry towns, is carried out. Measures to support single-industry towns during the economic crisis of 2008 and the use of such tools at present are investigated.

Keywords: industrial policy, single-industry town, Borovichi, support measures, territory of advanced social and economic development, budget

УДК 339.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-21-25

Финансирование устойчивого развития в странах – участницах ЕАЭС

Гали А.И.
Ассистент кафедры международных экономических отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета

В современных условиях трансформации мировой экономики вопрос финансирования устойчивого социально-экономического развития государств усиливает свою актуальность. В связи с этим цель данной статьи заключается в исследовании особенностей развития рынка устойчивого финансирования в странах – участницах ЕАЭС. В статье рассматриваются подходы государств – членов ЕАЭС в области социально-экономического развития в соответствии с принципами устойчивого развития, становления рынка устойчивых финансовых услуг. Особое внимание уделяется таким устойчивым финансовым инструментам, как «зеленые» и социальные облигации, «зеленое» кредитование. Кроме того, в статье анализируются структурные и институциональные особенности формирования рынка устойчивых финансовых услуг стран ЕАЭС. Таким образом, научная значимость исследования заключается в анализе особенностей формирования рынка устойчивого финансирования государствами – членами ЕАЭС. В заключении представлены направления дальнейшего развития устойчивых финансов в ЕАЭС.

Ключевые слова: *устойчивое развитие, устойчивые финансы, зеленые финансы, зеленые облигации, зеленые кредиты, ЕАЭС*

Для цитирования: *Гали А.И. Финансирование устойчивого развития в странах – участницах ЕАЭС // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 21–25. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-21-25.*

Цели устойчивого развития находят свое отражение в стратегиях социально-экономического развития государств, принципах становления «зеленой» экономики. Страны – участницы ЕАЭС, в свою очередь также адаптируют экономику под глобальные вызовы и тенденции. Важно отметить, что экономическое развитие стран с учетом целей устойчивого развития, достижения углеродной нейтральности, роста социального благополучия требует значительных финансовых ресурсов. В связи с этим государства, институты развития, компании, банки и другие институциональные единицы развивают инструментарий в области финансов устойчивого развития. Основные финансовые инструменты устойчивого развития могут быть представлены зеленым кредитованием, зелеными и социальными облигациями, страховыми продуктами, инструментами инвестиционных фондов. Стоит отметить, что данное финансирование принято рассматривать как с позиции финансирования устойчивого развития бюджетными ресурсами с помощью государственных институтов, так и с позиции финансирования частными и институциональными инвесторами [1]. Кроме того, ряд авторов предлагают рассмотреть концепцию устойчивых финансов с позиции трех трактовок: институциональной, функциональной и инструментальной (табл. 1) [2].

Важным аспектом в сфере устойчивого финансирования является вопрос таксономии проектов. Основной целью внедрения данной таксономии является маркирование проектов, соответствующих целям устойчивого развития. Соответственно, инструменты, направленные на финансирование данных проектов, возможно верифицировать как фи-

Таблица 1

Подходы к определению концепции устойчивых финансов [2]

Наименование подхода	Содержание подхода
Институциональный подход	Институциональные финансовые условия для реализации целей устойчивого развития, в том числе необходимые финансовые ресурсы для достижения соответствующих целей и задач
Функциональный подход	Преобразование финансовых систем, включая приобретение новых, ранее не характерных функций (в том числе социальных и экологических), под влиянием спроса и предложения финансовых услуг в процессе достижения целей устойчивого развития
Инструментальный подход	Внедрение финансовых инструментов, обеспечивающих соблюдение экологических, социальных и организационно-управленческих принципов в процесс принятия финансовых решений

нансовые инструменты устойчивого развития. Стоит отметить, что все страны – участницы ЕАЭС приняли или планируют принять таксономию проектов устойчивого развития (табл. 2). Основные направления зеленых проектов в области устойчивого развития в соответствии с таксономией стран – участниц ЕАЭС – обращение с отходами, энергетика, строительство, промышленность, транспорт и промышленная техника, водоснабжение и водоотведение, охрана окружающей среды, сельское хозяйство [3].

Важными институциональными единицами в финансировании устойчивого развития являются фондовые биржи. Стоит отметить, что в рамках национальных фондовых бирж создаются секторы устойчивого развития. В частности, сектор устойчивого развития Московской биржи состоит из трех основных сегментов: облигации устойчивого развития; облигации, связанные с целями устойчивого развития; сегмент национальных и адаптационных проектов [4]. В качестве финансовых инструментов в рамках данных сегментов следует выделить зеленые облигации, облигации устойчивого развития, социальные облигации, облигации климатического перехода. Кроме того, в данный сектор могут быть включены облигации, выпуск которых направлен на реализацию национальных проектов России [4]. На данный момент в сектор устойчивого развития Московской биржи включены 35 наименований финансовых инструментов различных организаций. В целом создание и развитие данного сектора в фондовых биржах соответствует международной инициативе ООН «Биржи за устойчивое развитие», что, в свою очередь, позволяет вносить вклад в достижение целей устойчивого развития. Стоит отметить, что создание данного сектора способствует привлечению дополнительных источников финансирования. В частности, объем привлеченных средств эмитентами сектора устойчивого развития Московской биржи превышает 400 млрд руб. [5]. Структура и объем выпущенных долговых ценных бумаг, включенных в сектор устойчивого развития, продемонстрирован на рисунке 1.

С момента создания сектора устойчивого развития произошел существенный рост облигационных займов. Основной объем задолженности имеет категория зеленых облигаций. Финансовый инструмент в виде облигаций климатического перехода имеет наименьший удельный вес ввиду недавнего запуска. Среди основных эмитентов следует выделить Внешэкономбанк, Газпромбанк, Дом.РФ, Ростелеком, Правительство Москвы, Тбанк [4].

Таблица 2

Развитие законодательств стран ЕАЭС в области устойчивых финансов [3]

Наименование страны	Внедрение таксономии проектов устойчивого развития	Финансовые инструменты устойчивого развития, закрепленные в законодательстве
Россия	Таксономия проектов в сфере устойчивого развития закреплена в Постановлении Правительства РФ от 21.09.2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации»	«Зеленые», социальные, адаптационные облигации. Облигации устойчивого развития, переходные облигации. «Зеленые», социальные, адаптационные кредиты. Кредиты устойчивого развития.
Казахстан	Таксономия «зеленых» проектов утверждена Постановлением Правительства Республики Казахстан от 31.12.2021 г. № 996 «Об утверждении классификации (таксономии) «зеленых» проектов, подлежащих финансированию через «зеленые» облигации и «зеленые» кредиты»	«Зеленые», социальные, облигации. Облигации устойчивого развития. «Зеленые» кредиты.
Беларусь	Министерство финансов подготовило Проект постановления Совета министров Республики Беларусь, определяющий критерии «зеленых» и адаптационных (переходных) проектов и требования к системе верификации «зеленых» и адаптационных (переходных) проектов и финансовых инструментов	–
Армения	Планируется разработка таксономии на период 2024–2026 гг.	
Кыргызстан	Подготовлен проект «зеленой» таксономии Кыргызской Республики	

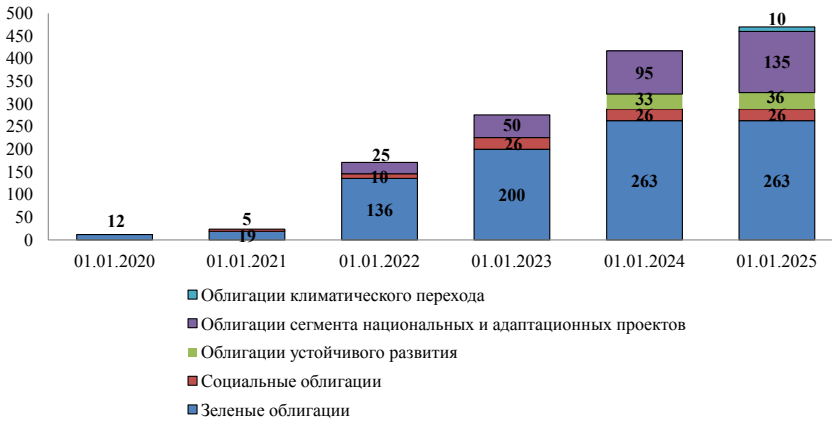

Рис. 1. Долговые ценные бумаги сектора устойчивого развития, млрд руб.

Источник: составлено автором на основе [5].

В России также развивается сегмент зеленого кредитования. Совокупный объем *ESG*-портфеля банковского сектора составил 48,7 млрд долл. на конец 2023 г., что составило 2,6 % от общего объема активов банков России [6]. Структура портфеля представлена зелеными кредитами, адаптационными кредитами и кредитами с *ESG*-ковенантами. Стоит отметить, что банки активно внедряют систему оценки соответствия объектов финансирования национальной таксономии зеленых проектов. Кроме того, крупные российские банки создают фонды ответственного инвестирования, предлагающие клиентам объекты инвестиций, которые соответствуют *ESG*-принципам.

В рамках применения концепции устойчивого финансирования в ЕАЭС важно отметить также опыт Казахстанской фондовой биржи в мобилизации финансовых ресурсов для достижения целей устойчивого развития на территории Казахстана. Рынок устойчивых долговых ценных бумаг был запущен в Казахстане в 2020 г. [7]. По состоянию на конец 2023 г. объем выпусков устойчивых облигаций составил 211,5 млрд тенге (1 тенге = 0,19 руб. на 30.12.2023 г.). Основными инструментами являются зеленые и социальные облигации. Кроме того, в 2023 г. был осуществлен выпуск гендерных облигаций. Эмитентами в области финансов устойчивого развития на данной бирже являются международные финансовые организации, малый и средний бизнес, компании квазигосударственного сектора, финансовые организации [7]. Стоит отметить роль международных финансовых институтов в становлении «зеленой» финансовой системы в Казахстане. При участии Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) в Казахстане была разработана концепция развития финансовой системы, отвечающей целям устойчивого развития. Кроме того, ЕБРР финансирует проекты в области возобновляемой энергетики в Казахстане [8]. Финансирование в области зеленой экономики Казахстана осуществляет и Евразийский банк развития. Направлениями деятельности банка в данной области являются как кредитование, так и эмиссия облигаций [9].

Важную роль в становлении зеленой финансовой системы в Казахстане также играет Международный финансовый центр в Астане (МФЦА). В рамках данного МФЦА был создан Центр зеленых финансов. Ключевой задачей данного центра является развитие зеленой финансовой системы как с функциональной, так и с институциональной точек зрения [10]. Привлечение инвестиций в зеленую экономику Казахстана предполагается с использованием зеленых и социальных облигаций, зеленых кредитов. Кроме того, МФЦ Астаны оказывает консультационную поддержку как государственным органам, так и частным компаниям. В целом, учитывая особый правовой статус МФЦА, инициатива по созданию регионального хаба зеленых финансов на базе данного центра имеет перспективы для реализации [11]. Структура рынка устойчивых финансов в рамках системы МФЦА представлена зелеными и социальными облигациями, зелеными кредитами (табл. 3). Наибольшие объемы финансирования осуществляют международные банки развития и национальный банк развития Казахстана.

Повестка устойчивого развития также находит свое отражение в социально-экономическом развитии Беларуси, в частности, были приняты Национальный план действий по развитию зеленой экономики и Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития до 2030 г. [12]. Основные мероприятия, способствующие достижению целей устойчивого развития в Беларуси, заключаются в развитии циркулярной экономики, внедрении принципов устойчивого потребления и производства, развитии экотуризма, развитии «зеленого» финансирования [13].

Основным инструментом финансирования в сфере устойчивого развития в Беларуси является зеленое кредитование [14]. Кроме того, развивается и инструментарий в сфере зеленых долговых ценных бумаг, в частности, Белорусская валютно-фондовая биржа является площадкой для размещения и продажи зеленых облигаций в своей торговой системе [15]. В соответствии с концепцией государственных зеленых облигаций Республики Беларусь, Министерство финансов Беларуси разместило государственные зеленые облигации в данной системе. Ключевыми направлениями финансирования, в соответствии с данной концепцией, являются: устойчивое природопользование, энергоэффективность, управление отходами, экологически чистый транспорт, устойчивое управление водными ресурсами [13].

Таблица 3

Структура рынка устойчивых финансов в системе МФЦА

Наименование организации	Наименование инструмента	Объем выпуска/ кредитования (тенге)
Азиатский банк развития	Зеленые облигации Социальные облигации	61 984 459 000
Евразийский банк развития	Зеленые облигации Социальные облигации Зеленые кредиты	52 482 185 275
ФРП «Даму»	Зеленые облигации Социальные облигации	1 200 000 000
АО «Банк Развития Казахстана»	Зеленый кредит Зеленые облигации	70 768 400 000
АО «Самрук-Энерго»	Зеленые облигации	19 000 000 000
АО «Народный Банк Казахстана»	Зеленый кредит	7 900 000 000
АО «KEGOC»	Зеленые облигации	35 000 000 000
АО «МФО ОнлайнКазФинанс»	Социальные облигации	20 000 000 000
ТОО «KazWind Energy»	Зеленые облигации	3 000 000 000
ТОО «Black Biotechnology»	Зеленые облигации	2 000 000 000
Jet Group	Зеленые облигации	3 000 000 000
ТОО МФО «Arnur Credit»	Социальные облигации	1 500 000 000

Источник: составлено автором на основе [10].

Перспективы предоставления зеленых кредитов и эмиссии зеленых облигаций также имеет Банк развития Республики Беларусь [14]. Важно отметить, что реализацией и финансированием зеленых проектов в Беларуси занимаются в том числе международные финансовые институты, в частности, Европейский банк реконструкции и развития в сотрудничестве с белорусскими банками финансирует программу устойчивой энергетики [14].

В Армении также важное значение имеет финансирование зеленых проектов со стороны международных институтов. В частности, внешнее финансирование привлекается со стороны ЕБРР, Всемирного банка, Зеленого климатического фонда ООН, Глобального экологического фонда [16]. Стоит отметить реализацию и финансирование Евразийским банком развития проектов в области становления и модернизации инфраструктуры, связанной с возобновляемой энергетикой [9]. Кроме того, рынок устойчивых долговых ценных бумаг Армении в настоящее время представлен двумя выпусками зеленых облигаций, размещенными Америабанком в 2020 г. (42 млн евро) и 2022 г. (8 млн долл. США) [17]. В 2023 г. банк одобрил и подписал кредитные соглашения на сумму около 23 млрд драмов (1 драм = 0,22 руб. на 15.07.2023 г.) с 18 организациями на строительство солнечных электростанций [17].

Принципы устойчивого развития также закреплены в Национальной программе развития Кыргызской Республики и Программе развития зеленой экономики [16]. Отметим, что в рамках Кыргызской фондовой биржи сформирован сектор устойчивого развития, где могут быть выпущены такие финансовые инструменты, как зеленые и социальные облигации, облигации устойчивого развития. Эмитентами могут выступать частные, государственные или международные организации [18]. В данный момент основными эмитентами являются ЗАО «Банк Азии», ОАО «Дос-Кредобанк». В целом в Кыргызстане эмитировано облигаций устойчивого развития на сумму 330 тысяч долларов [12]. Ключевыми направлениями финансирования являются развитие углеродно-нейтральной энергетики, электротранспорт, повышение энергоэффективности, сельское хозяйство.

Важно отметить, что все страны – участницы ЕАЭС активно внедряют различные инструменты устойчивого финансирования в рамках стратегий развития зеленой экономики. Наиболее распространенными инструментами выступают зеленые и социальные облигации, зеленые кредиты. Дальнейшие направления развития рынка устойчивого финансирования в ЕАЭС могут включать совершенствование национальных законодательств и стратегий развития, в том числе возможна их гармонизация в рамках повестки формирования общего финансового рынка ЕАЭС. Стоит отметить, что в рамках гармонизации систем устойчивого финансирования государств – членов Союза планируется принятие модельной таксономии зеленых проектов, развитие трансграничных финансовых инструментов в области устойчивого развития [19]. Кроме того, необходимо усиление стимулов к финансированию и инвестированию в соответствии с принципами устойчивого развития. В данной области возможна как образовательная и просветительская деятельность в области устойчивого финансирования, так и развитие необходимой финансовой инфраструктуры, повышение уровня доступности рынка устойчивых финансовых услуг, совершенствование регулятивных норм, обеспечение взаимного допуска участников устойчивых финансовых рынков стран – участниц ЕАЭС.

Литература:

1. Данилов Ю.А. Устойчивые финансы: новая теоретическая парадигма // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 9. С. 5–13.
2. Львова Н.А., Коршунов О.Ю., Рахимов З.Ю. Внедрение парадигмы устойчивых финансов в стратегию развития финансового рынка ЕАЭС // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2021. № 1. С. 32–42.
3. Деятельность центральных (национальных) банков – участников ЕСБ по направлению ESG. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/165289/report_ESG.pdf (дата обращения: 25.04.2025).
4. Сектор устойчивого развития Московской биржи. URL: https://www.moex.com/s3019 (дата обращения: 24.04.2025).
5. Выпущенные на внутреннем рынке долговые ценные бумаги, включенные в сектор устойчивого развития. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/sec_st/issue_sector/ (дата обращения: 26.04.2025).
6. ESG-портфель российского банковского сектора: бремя первых. URL: https://www.acra-ratings.ru/research/2786/ (дата обращения: 26.04.2025).
7. Казахстанская фондовая биржа. Отчет об устойчивом развитии 2023. URL: https://kase.kz/files/reports/ESG_2023.pdf (дата обращения: 27.04.2025).
8. Kairatkyzy A., Khoich A., Demiral M. Green finance in Kazakhstan's context: market overview // Bulletin of «Turan» University. 2023. №. 1. P. 157–171.
9. Евразийский банк развития. URL: https://eabr.org/about/states-participants/kazakhstan/ (дата обращения: 23.04.2025).
10. Международный финансовый центр в Астане. URL: https://gfc.aifc.kz/ru (дата обращения: 27.04.2025).
11. Досжан Р.Д. Зеленое финансирование в Казахстане: текущее состояние и перспективы // Economy: strategy and practice. 2022. Т. 17. №. 4. С. 170–184.
12. Global Green Agenda in the Eurasian Region. Eurasian Development Bank. URL: https://eabr.org/en/analytics/special-reports/global-green-agenda-in-the-eurasian-region-eurasian-region-on-the-global-green-agenda/ (дата обращения: 26.04.2025).
13. Концепция государственных «зеленых» облигаций Республики Беларусь. URL: https://www.bcse.by/fileManager/files/green_finance/koncepcia_green_bonds_RB_fce1.pdf (дата обращения: 26.04.2025).
14. Филиппова Л.Е. Зеленое финансирование как фактор устойчивого развития: мировые тенденции и перспективы в Республике Беларусь. 2021. № 1. С. 53–68.
15. Белорусская валютно-фондовая биржа. URL: https://www.bcse.by/markets/green_finance (дата обращения: 28.04.2025).
16. «Зеленая» интеграция и формирование единого устойчивого пространства развития в формате ЕАЭС. URL: https://esg-library.mgimo.ru/publications/zelenaya-integratsiya-i-formirovanie-edinogo-ustoychivogo-prostranstva-razvitiya-v-formate-eaes/ (дата обращения: 29.04.2025).
17. Годовой отчет о деятельности «Америабанк». URL: https://ameriabank.am/ru/reports (дата обращения: 28.04.2025).
18. Сектор устойчивого развития Кыргызской фондовой биржи URL: https://www.kse.kg/sustainable.html (дата обращения: 29.04.2025).
19. Критерии зеленых проектов государств – членов Евразийского экономического союза. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/df7/Kriterii-dlya-opublikovaniya-_Modelnaya-taksonomiya_.pdf (дата обращения: 29.04.2025).

Financing Sustainable Development in the EAEU Member States

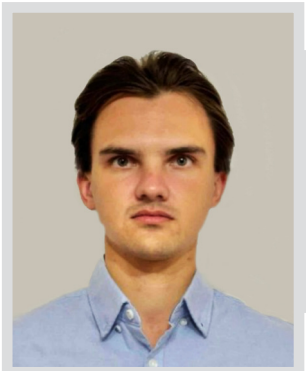
Gali A.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

In the current conditions of the transformation of the global economy, the issue of financing the sustainable socio-economic development of states is becoming increasingly relevant. In this regard, the purpose of this article is to study the features of the development of the sustainable financing market in the EAEU member countries. The article examines the approaches of the EAEU member states in the field of socio-economic development in accordance with the principles of sustainable development, the formation of the sustainable financial services market. Particular attention is paid to such sustainable financial instruments as "green" and social bonds, "green" lending. In addition, the article analyzes the structural and institutional features of the formation of the sustainable financial services market in the EAEU countries. Thus, the scientific significance of the research lies in the analysis of features of the formation of the sustainable financing market by the EAEU member states. In conclusion, the directions for further development of sustainable finance in the EAEU are presented.

Keywords: sustainable development, sustainable finance, green finance, green bonds, green loans, EAEU

УДК 339.564.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-26-32

Интеграция новых территорий в металлургический комплекс России и перспективы сотрудничества с межгосударственными объединениями

Григорьев Д.А.
Аспирант кафедры мировой экономики
и международных экономических отношений
Государственного университета управления (Москва)

Актуальностью исследования заключается в формировании модели интеграционного взаимодействия, которая учитывает как технологическую синергию, так и преимущества сотрудничества в рамках БРИКС, ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), ЕАЭС (Евразийский экономический союз). Интеграция промышленного потенциала Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики в отечественный металлургический комплекс позволит не только компенсировать последствия санкционного давления со стороны недружественных стран, но и реализовать новые конкурентные преимущества на мировом рынке.

Целью исследования является интеграция новых территорий в металлургический комплекс России через призму сотрудничества с межгосударственными объединениями. В качестве задач, вытекающих из необходимости достижения указанной цели, выступают: оценка ресурсного и производственного потенциала новых территорий, анализ технологических и инфраструктурных ограничений интеграции, прогноз экономических эффектов для металлургической отрасли.

Научная значимость исследования заключается в разработке инновационной модели интеграции новых территорий в металлургический комплекс России через призму взаимодействия с ЕАЭС, БРИКС и ШОС, включая авторские методы оценки ресурсного потенциала, рисков и синергии межгосударственной кооперации.

Ценность исследования заключается в создании комплексной стратегии, объединяющей восстановление производств на новых территориях, цифровизацию логистики и международное партнёрство.

Ключевые слова: *металлургический комплекс, интеграция, санкции, ШОС, ЕАЭС, БРИКС*

Для цитирования: *Григорьев Д.А. Интеграция новых территорий в металлургический комплекс России и перспективы сотрудничества с межгосударственными объединениями // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 26–32. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-26-32.*

В условиях геополитического переформатирования и усиления санкционного давления на отечественную экономику актуальность интеграции новых территорий в металлургический комплекс Российской Федерации принимает особую значимость для дальнейшего развития отрасли.

Увеличение количества международных санкции, которые направлены на ограничение доступа к финансовым ресурсам, рынкам сбыта и технологиям, повлияло на переосмысление стратегии развития Российской Федерации. Интеграция новых территорий является стратегическим ответом на

внешние угрозы. Результатом успешной интеграции новых территорий в металлургический комплекс России является диверсификация сырьевых источников, переориентация экспортных каналов, формирование перспективных производственных цепочек. Как следствие, данные преобразования позволят укрепить экономический суверенитет РФ.

Металлургический комплекс является системообразующим фактором в обеспечении экономической безопасности и технологического суверенитета страны. Интеграция новых территорий предоставляет возможность реализовывать масштабные инвестиционные проекты, которые направлены на изучение и освоение месторождений полезных ископаемых, развитие транспортной инфраструктуры и формирование новых металлургических предприятий.

Перспективы сотрудничества с межгосударственными объединениями и интегрирование новых территорий в отечественный металлургический комплекс приобретает высокую теоретическую и практическую значимость, обеспечивая долгосрочное развитие взаимоотношений и повышая конкурентоспособность отечественной экономики в условиях мировых изменений.

Технологические и экономические вызовы интеграции новых территорий в металлургическом комплексе

В сентябре 2022 г. в результате референдумов Донецкая Народная Республика (ДНР) и Луганская Народная Республика (ЛНР) были включены в состав Российской Федерации [1]. Годом ранее крупные металлургические предприятия республик вошли в зону ответственности ООО «Южный горно-металлургический комплекс» (далее – «ЮГКМ).

Организация была сформирована с целью развития экономики и промышленности Донбасса. В состав «ЮГКМ» входят не только металлургические предприятия, но и добывающие и химические предприятия ДНР и ЛНР. Общее количество сотрудников на всех предприятиях составило свыше 26 тыс. чел. [2].

Луганская и Донецкая Народные Республики исторически являются одними из наиболее развитых промышленных регионов. Данные республики обладают крупными предприятиями черной металлургии: Енакиевский металлургический завод, Алчевский металлургический комбинат и другие заводы, которые имеют высокий производственный потенциал [3]. Также регионы богаты большими запасами каменного угля, железной руды и иных полезных ископаемых, что является важнейшим сырьевым резервом отечественной металлургической отрасли.

Долгое время местная промышленность ДНР и ЛНР утрачивала собственную значимость, но после вхождени регионов в состав Российской Федерации организации приобрели необходимые ресурсы для достижения высоких целей и задач [4].

Металлургические предприятия за 2023 г. реализовали продукции на сумму более 87 млрд руб., увеличение данного показателя по сравнению с 2022 г. составило 42 %. Также отмечается рост неметаллической минеральной продукции, выпуск машин и т.д.

Первое полугодие 2024 г. в металлургической отрасли ДНР и ЛНР показало рост реализованной продукции свыше 54 млрд руб., что на 28 % выше аналогичного периода прошло года [5].

В конце 2023 г. была разработана и принята нормативно-правовая база, позволяющая привлекать потенциальных инвесторов и направлять финансовые потоки на развитие металлургической отрасли в республиках. Между публично-правовой компанией «Фонд развития территорий», Минпромторгом ЛНР и ДНР и потенциальными инвесторами были заключены договоры аренды на ряд металлургических предприятий [6].

По итогам 2023 г. в ЛНР и ДНР совокупный объем выплавленной стали составил 2,4 млн т, что выше на 25 % показателя прошлого года. Общий объем планируемых инвестиций в металлургическую отрасль до 2035 г. составит около 90 млрд руб. Также планируется формирование около 5 тыс. рабочих мест [7].

В металлургической отрасли ЛНР и ДНР на 2025 г. запланирован рост производственных показателей до 4,5 млн т выплавки стальной продукции с учетом реализации инвестиционной программы «ЮГКМ» [6]. Также в рамках стратегии развития металлургической отрасли РФ до 2030 г. заложен рост выплавки с 2 млн т в 2022 г. до 7 млн т стали к 2030 г. Для достижения поставленных целей внимательно мониторится работа предприятий и оказываются необходимые меры поддержки: обнуление акциза на стальную продукцию и отмена налога на добычу полезных ископаемых на железнорудное сырьё в рамках специальной экономической зоны, отмена вывозных пошлин на экспортную металлопродукцию и применение льготных тарифов на железнодорожные перевозки [8].

Высокая степень износа основных производственных фондов является одной из наиболее актуальных проблем. Металлургические организации ДНР и ЛНР на протяжении многих лет не подвергались масштабным модернизациям [7]. Соответственно, существенная часть оборудования устарела, что негативно сказывается на конкурентоспособности и производительности предприятий. Для эффективной интеграции новых территорий в состав металлургического комплекса Российской Федерации необходимы инвестиции в обновление и модернизацию существующей технологической базы: внедрение современных методов выплавки стальной продукции, цифровизация производства и автоматизация производственных процессов.

Также необходимо обратить особое внимание на экологические проблемы, которые связаны с металлургической отраслью. Большое количество металлургических предприятий в ДНР и ЛНР не соответствуют современным экологическим стандартам, создавая риски для здоровья местного населения и окружающей среды. Интеграция предприятий в отечественный металлургический комплекс потребует внедрения «зелёных» технологий: инновационные системы по очистке вредных выбросов, утилизация отходов и использование экологичных видов топлива [9]. В свою очередь, это повлечет за собой дополнительные затраты, которые необходимо предусмотреть при формировании стратегии интеграции.

Интеграция ЛНР и ДНР в металлургический комплекс РФ с экономической точки зрения столкнулась с рядом существенных препятствий. В условиях санкционного давления и ограниченных бюджетных ресурсов привлечение дополнительных источников финансирования становится достаточно сложной задачей. Важным инструментом для решения данной проблемы может стать государственная поддержка, целевые программы и налоговые льготы [10]. Даже при таких условиях процесс интеграции новых территорий в состав металлургического комплекса России потребует тщательного планирования.

Санкции, введенные против Российской Федерации и признанных ею республик, ограничивают доступ к инновационным и современным технологиям и международным рынкам сбыта. Данные барьеры не позволяют модернизировать металлургический комплекс ДНР и ЛНР, что требует поиска альтернативных решений [11]. Выходом из сложившейся ситуации может служить развитие партнерских отношений с дружественными странами.

Также интеграция ЛНР и ДНР в металлургический комплекс Российской Федерации может привести к повышению уровня конкуренции на внутреннем рынке. Отечественные организации могут столкнуться с дополнительными трудностями со стороны предприятий ЛНР и ДНР. Данный фактор может повлиять на уровень цен, рыночную динамику, рентабельность, что потребует формирования сбалансированной стратегии регулирования [12].

Ключевые направления взаимодействия: экспорт металлопродукции, совместные инвестиционные проекты, технологический обмен

Вхождение Донецкой Народной Республики в состав РФ дало начало интеграционным процессам в отечественной экономике, привлекая промышленные компании республики в общероссийский хозяйственный комплекс и евразийское экономическое пространство. Основную часть экспорта осуществляют предприятия металлургической отрасли. На данный момент функционируют семь крупных предприятий-экспортеров. Поставки металлопродукции осуществляются в Китай, Турцию, Беларусь и Казахстан [13].

Экспорт металлургической продукции с 2023 г. начал умеренно восстанавливаться после многолетнего спада. Общий объем экспорта металлопродукции ЛНР и ДНР за 2023 г. составил около 1,3 млн т, данный показатель на 20 % больше, чем за 2022 г. [14]. Основными видами экспортируемой продукции стали прокат и чугун.

Более 60 % экспорта металлургической продукции ЛНР и ДНР пришлось на российский рынок. Это связано с постепенной интеграцией новых территорий в металлургический комплекс России и восстановлением логистических цепочек [15].

В 2025 г. ожидается дальнейший рост экспорта металлургической продукции из ЛНР и ДНР. Общий объем экспорта металлургической продукции увеличится до 2–2,5 млн т [16]. Данный рост связан с продолжающейся модернизацией металлургических предприятий.

В условиях мировой трансформации международных производственных цепочек металлургическая отрасль приобретает особое стратегическое значение. Данная отрасль нуждается в изменении классических моделей сотрудничества и разработке актуальных подходов к международному партнерству [17]. Взаимодействие с международными объединениями БРИКС, ШОС, ЕАЭС открывает уникальные возможности для формирования устойчивой системы экономических отношений, основываясь на принципах технологической и экономической синергии.

По данным Всемирной ассоциации производителей стали, в 2023 г. металлургическая отрасль обеспечила около 7 % мирового промышленного производства и сформировала 4,3 % глобального ВВП [18]. Стоит отметить выраженную региональную специализацию, где Китай сохраняет первое место с 57 % мирового производства стали. Также Индия демонстрирует устойчивый рост, достигнув 6,2 % в общем объеме. Бразилия и Россия обладают значительными сырьевыми ресурсами и занимают ключевые ниши в глобальной цепочке формирования стоимости металлопродукции.

Страны – участницы БРИКС располагают уникальной взаимодополняемостью экономик в металлургическом секторе. Бразилия и Россия являются основными экспортерами железной руды, обеспечивая 42 % мировых поставок данного сырья. Южно-Африканская Республика контролирует весомую долю рынка хромитов и марганца, что является основным компонентом для производства стали. Китай, в свою очередь, обладает наиболее технологичной базой, демонстрируя лидерство в производстве стальных высококачественных материалов. Индия характеризует собой развивающийся рынок с ежегодным приростом производства на 5 % [19].

Партнерское сотрудничество в металлургической отрасли в рамках ШОС должно быть сосредоточено на цифровой трансформации производственных процессов. Реализация совместных центров по энергоэффективным технологиям даст возможность сократить на 15–20 % энергоемкости производства. Также формирование стандартов «умного производства» является перспективным направлением развития отрасли металлургических предприятий [20].

Практическим значением для отечественных металлургических предприятий является упрощение экспортных поставок в страны ЕАЭС за счет соблюдения единых норм. Для иностранных инвесторов будет актуальна прозрачность регулирования и снижение уровня риска при работе в нескольких странах межгосударственного объединения.

Интеграция металлургических предприятий ЛНР и ДНР в рамках ЕАЭС открывает следующие перспективы:

1) формирование трансграничных производственных кластеров с участием металлургических предприятий новых территорий;

2) формирование кооперации в производстве металлопродукции;

3) отмена таможенных барьеров для экспорта металлопродукции;

4) упрощенные процедуры взаимной сертификации.

Проект металлургического кластера «Юг – ЕАЭС» с участием предприятий ЛНР и ДНР формируется как интегрированная производственная система, которая будет объединять предприятия новых территорий с металлургическими активами Казахстана, России и Беларуси (табл. 1).

Проект «Юг – ЕАЭС» имеет возможность стать драйвером металлургической отрасли ЕАЭС [21]. К 2030 г. кластер может обеспечить до 25 % проката ЕАЭС и повысить уровень геоэкономической позиции регионов.

Таблица 1

Структура и механизмы взаимодействия в кластере «Юг – ЕАЭС»

Участники	Функции в кластере
Металлургические предприятия ЛНР и ДНР	Перезапуск сталеплавильного производства, выпуск листового и сортового проката
Российские металлургические предприятия	Сбытовая инфраструктура, инвестирование, технологическая модернизация
Белорусские машиностроительные компании	Потребление металлопродукции для производства спецтехники
Казахстанские угольные предприятия	Обеспечение легирующими добавками и коксующим углём
Логистические хабы (Ростовская область, порты Азово-Черноморского бассейна)	Экспортные логистические маршруты в Африку, Турцию и Ближний Восток

Источник: составлено автором на основе [22].

Страны БРИКС демонстрируют устойчивый интерес к российскому металлургическому сектору. Группа «Магнитогорский металлургический комбинат» для модернизации коксохимического производства привлекла китайскую компанию *Sinosteel Equipment*. Инвестиции в проект составили около 75 млрд руб. Данная модернизация позволила снизить уровень выбросов вредных веществ в атмосферу на 11,4 тыс. т в год. Внедрение и использование технологий сухого тушения позволили утилизировать тепло кокса и получить пар для выработки электрической энергии и технологических нужд. Магнитогорский металлургический комбинат входит в число крупнейших производителей стали и занимает лидирующие места среди производителей черной металлургии в Российской Федерации. По итогам прошлого года чистая прибыль компании составила 3,1 млрд долл. По сравнению с 2023 г. чистая прибыль выросла в пять раз, а выручка увеличилась в 2 раза до 11,8 млрд долл. [23].

Дальнейшее сотрудничество между странами позволит проводить совместные проекты в области переработки металлов и разработке важных минералов, что открывает новые возможности для партнерства.

Например, по сравнению с 2022 г. экспорт российского угля в Индию в 2023 г. вырос в 1,5 раза и достиг отметки в 19,9 млн т. На данный момент наблюдаются трудности в логистических цепочках и наличие невыгодной ценовой конъюнктуры на уголь, экспортируемый через южные порты [24]. Экспорт цветных металлов, в частности, меди и алюминия может вырасти, т.к. Индия не компенсирует внутреннее потребление. С другой стороны, отечественным металлургическим предприятиям придется выдерживать жесткую конкуренцию с китайскими участниками рынка.

Российско-индийское сотрудничество в металлургическом секторе приобретает значительный потенциал роста в экономическом и стратегическом плане. В среднесрочной перспективе возможно увеличение объема поставок угля к 2030 г. до 45 млн т [25]. Для достижения таких целей требуется развитие финансовых инструментов: внедрение механизмов торгового финансирования, использование национальных валют, модернизация нормативной базы технических стандартов, упрощение таможенных механизмов.

С 2024 г. новый банк БРИКС активизировал деятельность путем расширения кредитования в национальных валютах. Данное решение способствует росту инвестиций в металлургический сектор стран БРИКС. Новый банк в дальнейшем может стать источником долгосрочных кредитов для отечественных металлургических организаций. Это актуаль-

но в условиях ограниченного доступа к западным финансам.

В рамках экспорта металлургической продукции новый банк поспособствует увеличению поставок отечественного металла в страны Африки, Азии и Латинской Америки через механизмы торгового финансирования. Новый банк будет являться ключевым элементом финансирования совместных проектов с Индией и Китаем по формированию металлоперерабатывающих мощностей в третьих странах мира. Увеличение расчетов в национальных валютах поспособствует снижению зависимости стран-участниц БРИКС от доллара и евро.

В условиях глобальной технологической конкуренции и санкционных ограничений партнерское сотрудничество Российской Федерации со странами БРИКС в сфере научно-исследовательских работ приобретает стратегическое значение.

Россия, Китай и ЮАР разрабатывают совместный проект по прямому восстановлению железа с использованием водорода [26]. Конечным результатом данного проекта будет являться снижение выбросов CO_2 и обеспечение высокой чистоты металлопродукции.

Совместное исследование Китая, России и ЮАР по разработке водородных технологий прямого восстановления железа имеет высокие шансы на успех благодаря уникальной комбинации ресурсов и компетенции данных стран. Уже к 2030 г. это сотрудничество может стать новым центром «зеленой» металлургии. Если странам удастся оптимизировать расходы на производство водорода, сформировать устойчивые цепочки поставок и договориться о единых экологических стандартах, то в долгосрочной перспективе следует ожидать:

1. Формирование замкнутых логистических цепочек: отечественная руда и водород ЮАР будут экспортироваться в Китай на производство «зеленой» металлопродукции;

2. Создание нового глобального стандарта в металлургической отрасли под влиянием стран БРИКС;

3. Экспорт на рынки Евросоюза и Азии низкоуглеродной стали. Несмотря на санкции со стороны европейский стран, спрос будет расти.

Формирование партнерских отношений в металлургической отрасли со странами ШОС представляет собой развитие транспортно-логистической инфраструктуры.

Отечественная металлургическая отрасль зависит от экспорта, причем основными рынками сбыта является: Китай, Иран, Турция, Индия и страны Персидского залива. В связи с геополитической ситуацией западные маршруты потеряли прежнее значение. Порты Черного моря и Азова становятся ключевыми точками роста экспорта металлургической продукции.

Основным преимуществом Южного коридора для металлургических предприятий являются сокращение логистических затрат. Путь в Турцию и Индию через южные порты короче, чем через Дальний Восток или Северный морской путь [27].

Перспективными проектами в рамках ШОС для развития металлургической отрасли являются:

1. Модернизация портовой инфраструктуры: расширение мощностей портов в Таганроге, Новороссийске и Ростове-на-Дону под увеличенные объемы экспорта металлов. Строительство новых терминалов в Крыму с ориентацией на экспорт в Китай и страны Ближнего Востока;

2. Модернизация железнодорожной логистики: реализация логистических хабов в Волгограде и Астрахани для консолидации грузов. Развитие паромных переправ между портами Крыма, Турции и Кавказа.

Южный транспортный коридор является стратегически важным проектом, который позволит отечественной металлургии сохранить и нарастить экспортные возможности в санкционных условиях. Ключевыми факторами успеха данного проекта станут:

1) привлечение международных инвестиций в железнодорожную и портовую логистику;

2) синхронизация инфраструктурных проектов со странами – участницами ШОС;

3) гибкость в использовании альтернативных валют и цифровых платежных систем.

Азово-Черноморский бассейн может стать глобальным хабом для металлургического экспорта России, обеспечив устойчивое развитие отрасли на ближайшие десятилетия.

Интеграция ДНР и ЛНР в металлургический комплекс Российской Федерации увеличивает сырьевую базу, что позволяет переориентировать экспорт в БРИКС и ШОС через альтернативные логистические коридоры и снизить уровень зависимости стран Азии от западных технологий.

Осуществление комплексной стратегии партнёрства с межгосударственными объединениями в металлургической отрасли позволит обеспечить рост макроэкономических показателей. Реализация предложенных направлений сотрудничества сформирует устойчивую систему международного разделения труда, основанную на принципах технологической синергии. Ключевыми направлениями для развития партнерских отношений являются:

1) реализация транснациональных логистических цепочек;

2) формирование совместной научно-технической базы;

3) формирование механизмов для финансирования крупных инфраструктурных проектов.

Осуществление данной стратегии позволит не только укрепить позиции на мировом рынке метал-

лургической отрасли, но и создаст инновационные технологические условия для стран-участниц.

Интеграция ЛНР и ДНР в металлургический комплекс Российской Федерации не только увеличит сырьевую и технологическую базу, но и переформатирует мировую металлургию. Реализация предложенных мер потребует координации между государством, бизнесом и международными партнерами.

Литература:

1. Референдумы в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях. Rbc.ru. URL: https://www.rbc.ru/politics/29/09/2022/6329d5c89a79474c0f7ad167 (дата обращения: 08.02.2025).
2. Восстановление металлургических заводов Донбаса. Otlivka.info. URL: https://otlivka.info/news/vosstanovlenie-metallurgicheskih-zavodov-donbassa-sudba-7-glavnyh-metallurgicheskih-predpriyatij-lnr-i-dnr/ (дата обращения: 12.02.2025).
3. Министерство экономического развития ДНР. URL: https://investugra.ru/images/docs/Katalog %20predpryatiy %20DNR.pdf (дата обращения: 15.02.2025).
4. Инвестиции и господдержка промышленности ЛНР. Lug-info.ru. URL: https://lug-info.ru/articles/investicii-i-gospodderzhka-pozvoljat-perezapustit-promyshlennost-lnr-/ (дата обращения: 18.02.2025).
5. Первое полугодие 2024 года в металлургической отрасли ЛНР. URL: https://www.metalinfo.ru/ru/news/164715 (дата обращения: 15.02.2025).
6. Об утверждении правил передачи публично-правовой компанией «Фонд развития территорий» в аренду имущества. URL: http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&prevDoc=102446062&backlink=1&&nd=605674860 (дата обращения: 22.02.2025).
7. Металлургия присоединенных регионов планово оживает. URL: https://www.prometall.info/intrigi/trendi/metallurgiya_prisoedinyennykh_regionov_planovo_ozhivaet (дата обращения: 22.02.2025).
8. Рост объема выплавки стали в Донбассе. Tass.ru. URL: https://tass.ru/ekonomika/22067633 (дата обращения: 24.02.2025).
9. Финансово-экономическое развитие Донбасса: проблемы, пути решения. URL: https://donampa.ru/images/2024/06/frf11-12.pdf (дата обращения: 26.02.2025).
10. Переход на зеленые технологии. URL: https://trubnik.online/articles/2612/ (дата обращения: 27.02.2025).
11. Перспективные интеграционные процессы в мировой экономике. URL: https://inir.ru/wp-content/uploads/2024/09/BC-1.pdf (дата обращения: 01.03.2025).
12. США ввели санкции против России за признание ДНР и ЛНР. URL: https://www.rbc.ru/economics/23/02/2022/621555049a7947e1b06873b0 (дата обращения: 02.03.2025).
13. Страны БРИКС будут укреплять сотрудничество в отрасли драгоценных камней и металлов. URL: https://www.finam.ru/publications/item/strany-briks-budut-ukreplyat-sotrudnichestvo-v-otrasli-dragotsennykh-kamney-i-metallov-20241024-1501/ (дата обращения: 10.03.2025).
14. ДНР экспортирует металлургическую продукцию уже в четыре страны. URL: https://xn--90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/news/dnr-eksportiruet-metallurgicheskuyu-produktsiyu-uzhe-v-chetyre-strany/?ysclid=m8lm8510v0200973052 (дата обращения: 12.03.2025).
15. Стальные горки: почему после года роста черная металлургия вновь падает. URL: https://www.forbes.ru/biznes/518214-stal-nye-gorki-pocemu-posle-goda-rosta-cernaa-metallurgia-vnov-padaet (дата обращения: 13.03.2025).
16. Рост производства металлопродукции в ДНР и ЛНР. URL: https://iz.ru/1727676/2024-07-15/putin-soobshchil-o-roste-proizvodstva-metalloproduktcii-v-dnr-i-lnr-za-god-na-30 (дата обращения: 14.03.2025).
17. Черная полоса для черной металлургии. URL: https://glavportal.com/materials/chernaya-polosa-dlya-chernoj-metallurgii (дата обращения: 16.03.2025).
18. Цифровая трансформация: евразийский и международный контекст. URL: https://fci.eabr.org/upload/EDB_Digital-Transformation_2024-05-27_web.cleaned.pdf (дата обращения: 17.03.2025).
19. Индия: экономический рост. URL: https://www.theglobaleconomy.com/India/Economic_growth/ (дата обращения: 17.03.2025).
20. World Steel in Figures 2024. URL: https://worldsteel.org/data/world-steel-in-figures/world-steel-in-figures-2024/ (дата обращения: 18.03.2025).
21. Путь ДНР в ЕАЭС открыт. URL: https://bloknot-donetsk.ru/news/put-dnr-v-eaes-otkryt-prezident-evraziyskogo-insti-1701648 (дата обращения: 07.04.2025).
22. Энергетическое сотрудничество в рамках ШОС: тенденции и перспективы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskoe-sotrudnichestvo-v-ramkah-shos-tendentsii-i-perspektivy-po-materialam-vtorogo-sochinskogo-mezhdunarodnogo-foruma (дата обращения: 21.03.2025).

23. Металлургия в ЕАЭС показывает положительную динамику. URL: https://uralgost.org/metallurgiya-v-eaes-pokazyvaet-polozhitelnuyu-dinamiku/ (дата обращения: 23.03.2025).
24. Технический регламент таможенного союза. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/499031170?ysclid=m97cppvwck996067334 (дата обращения: 07.04.2025).
25. Индийский угольный путь. URL: https://metallplace.ru/news090225_3/ (дата обращения: 07.04.2025).
26. О создании и развитии транспортной инфраструктцры на территориях Евразийского экономического союза. URL: Doklad-o-transportnoy-infrastrukture-za-2022-g-_p.-7.4.1_.pdf (дата обращения: 07.04.2025).
27. Инвестиции в модернизацию коксового производства. URL: https://1prime.ru/20221024/838566805.html?ysclid=m98s7y4j4f731113635 (дата обращения: 08.04.2025).

Integration of New Territories into the Metallurgical Complex of Russia and Prospects for Cooperation with Interstate Associations

Grigoriev D.A.
State University of Management (Moscow)

The relevance of the study lies in the formation of a model of integration interaction that takes into account both technological synergy and the benefits of cooperation within the BRICS, SCO (Shanghai Cooperation Organization), EAEU (Eurasian Economic Union). The integration of the industrial potential of the LPR (Luhansk People's Republic) and DPR (Donetsk People's Republic) into the domestic metallurgical complex will not only compensate for the consequences of sanctions pressure from unfriendly countries, but also realize new competitive advantages in the world market.

The purpose of the study is the integration of new territories into the metallurgical complex of Russia through the prism of cooperation with interstate associations. The tasks arising from the need to achieve this goal are: assessment of the resource and production potential of new territories, analysis of technological and infrastructural limitations of integration, forecast of economic effects for the metallurgical industry.

The scientific significance of the study lies in the development of an innovative model for the integration of new territories into the metallurgical complex of Russia through the prism of interaction with the EAEU, BRICS and SCO, including the author's methods for assessing the resource potential, risks and synergies of interstate cooperation.

The value of the study lies in the creation of a comprehensive strategy that combines the restoration of production in new territories, digitalization of logistics and international partnership.

Keywords: metallurgical complex, integration, sanctions, SCO, EAEU, BRICS

УДК 336
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-33-39

Анализ стратегических факторов обеспечения технологического суверенитета через оценку эффективности инноваций и результативности расходов на НИОКР*

Демидова С.Е.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения технологического суверенитета России в условиях глобальных вызовов, включая санкционное давление и усиление конкуренции в высокотехнологичных отраслях. Несмотря на высокую долю выпускников STEM-направлений, страна отстает от мировых лидеров по объему инвестиций в НИОКР (0,9 % ВВП в 2022 г.) и уровню инновационной активности предприятий (11–12 %), что требует пересмотра государственной политики стимулирования науки и инноваций. Цель исследования – выявить ключевые детерминанты технологического суверенитета и предложить меры финансового стимулирования, способные обеспечить устойчивый экономический рост. Полученные результаты свидетельствуют о высокой результативности российских НИОКР (инновационный баланс выше 2,0), но критически низком уровне финансирования, а также положительной динамике инноваций в сегменте малых предприятий (рост доли инновационной продукции до 3,14 % в 2023 г.). Научная ценность работы заключается в комплексном анализе стратегических детерминант технологического суверенитета, включая роль человеческого капитала, институциональных условий и государственного регулирования. Практическая значимость исследования связана с разработкой конкретных мер для органов власти, таких как определение цели по расходам на НИОКР до 3 % ВВП, введение «инновационных контрактов» для бизнеса, расширение поддержки малых технологических компаний и создание технологических долин. Рекомендации авторов направлены на формирование системной политики, сочетающей фискальные стимулы, развитие STEM-образования и кооперацию науки с реальным сектором, что позволит России сократить отрыв от стран-лидеров и обеспечить долгосрочную конкурентоспособность.

Ключевые слова: *технологический суверенитет, STEM-образование, инновации, инновационный баланс, инвестиции, НИОКР*

Для цитирования: *Демидова С.Е. Анализ стратегических факторов обеспечения технологического суверенитета через оценку эффективности инноваций и результативности расходов на НИОКР // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 33–39. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-33-39.*

Современные глобальные трансформации и технологические сдвиги [1] способствуют формированию новой системы международных экономических и торговых отношений, где ключевым трендом ста-

* ***Благодарность***: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

новится стремление к суверенизации национальных экономик. Данная тенденция затрагивает не только Россию как страну-мишень, столкнувшуюся с беспрецедентным санкционным давлением [2], но и другие государства, являющиеся как источником санкционных рестрикций (США, ЕС), так и оказавшиеся в периметре воздействием вторичных санкций [3]. В этих условиях пересмотр стратегических приоритетов и усиление роли государственного регулирования, направленного на обеспечение технологической независимости, становятся основными векторами долгосрочного развития, что находит отражение в национальных стратегических документах [4; 5]. При этом большое количество исследований отражают влияние государственных и частных НИОКР на экономический рост и производительность труда [6; 7]. Россия по объему НИОКР к 2030 г. должна войти в десятку передовых государств. Помимо этого показателя, к индикаторам достижения технологического суверенитета отнесены: прирост валовой добавленной стоимости и обрабатывающей промышленности на 40 % относительно 2022 г.; рост выручки малых технологических организаций в семь раз и прирост в потреблении доли высокотехнологичных товаров отечественной разработки на 50 % относительно 2023 г.; достижение доли затрат на НИОКР в размере 2 % ВВП [4]. Работы Г. Хулко и соавторов демонстрируют, что аналогичные процессы развиваются в области цифрового суверенитета в Европейском союзе, а нормативное регулирование становится инструментом преодоления кризисных явлений [8].

Научная задача исследования состоит в выявлении ключевых детерминант, которые создают предпосылки для обеспечения технологического суверенитета и формируют потенциал устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

Методологический аппарат исследования построен на комплексном применении аналитических процедур, включающих критическое осмысление факторов технологического суверенитета, обработку статистических данных из официальных источников (Росстат, международные организации) и применение специальных математических методов. Логарифмические преобразования анализируемых показателей позволили нивелировать различия в масштабах экономик исследуемых стран и минимизировать погрешности, связанные с экстремальными значениями исходных данных. Такой подход обеспечил необходимую сопоставимость результатов при проведении кросс-страновых сопоставлений и повысил надежность полученных выводов.

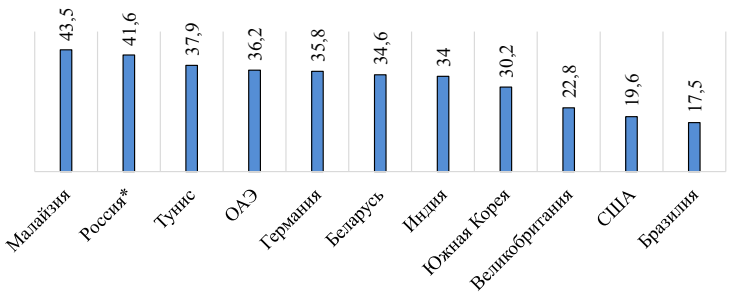
Рассматривая технологический суверенитет в качестве одного из ключевых факторов экономического роста [9], следует учитывать, что его собственное развитие зависит от системы детерминант различной природы [10]. Стратегические детерминанты отличаются долгосрочным характером воздействия, системообразующей значимостью, а также сложной динамикой взаимовлияния. Эти структурные элементы формируют базисные условия для реализации долгосрочных приоритетов государственного развития. Как показывают исследования, к числу ключевых стратегических факторов относятся инвестиционный потенциал, технологический базис и качество институциональной среды [11]. При этом государство выступает системным актором в формировании инновационного ландшафта [12], тогда как технологический прогресс определяет траекторию долгосрочного экономического роста [1].

Таким образом, стратегическими факторами в данной постановке вопроса можно считать формирование экономики с высокой долей НИОКР в совокупном спросе и развитие человеческого капитала, способного поддерживать технологическое лидерство. Многочисленные научные исследования подтверждают, что человеческий капитал является ключевым фактором экономического роста, инноваций и устойчивого развития [13; 14].

Инвестиции в образование, здоровье и востребованные экономикой навыки способствуют повышению производительности труда, сокращению неравенства и достижению технологического суверенитета [15; 16]. Взаимосвязь человеческого капитала и инноваций рассмотрены в статье П.М. Ромера, включившего человеческий капитал в модель эндогенного экономического роста, где знания и навыки являются ключевыми факторами инноваций и технологического прогресса [17]. Развитие навыков, особенно в области *STEM* (наука, технологии, инженерия, математика), способствует росту инновационной активности и производительности труда [18], считается базисом для экономического роста во многих странах [19]. Обоснования для *STEM*-образования также сформулированы вокруг проблем, связанных с повторяющимися экономическими кризисами [20].

Доля выпускников в области *STEM* среди всех получателей высшего образования по странам представлена на рисунке 1.

Согласно данным, студенты высших учебных заведений в России имеют одни из самых широких возможностей получить высшее образование в области *STEM*. Однако страны с масштабным по мировым сопоставлениям населением имеют важные особенности. При не самой высокой доле студентов, выбирающих *STEM* образование, в Индии выпускается наибольшее количество выпускников в этой области. В отчете не представлены данные по Китаю, в связи с отсутствием открытых данных. Оценки по стране варьируются от 1,6 до 4,7 млн выпускников *STEM* (например, данные Агентства правительства США, Всемирного экономического форума). Это обусловлено тем, что Китай классифицирует инженерные и научные направления довольно широко,

*Данные на основе оценки [Семенова и др., 2023]

Рис. 1. Доля выпускников *STEM*-образовательных программ среди всех выпускников вузов по отдельным странам в 2021 и 2022 гг., %

Источник: UNESCO Institute of Statistics.

что приводит к проблемам сопоставимости данных. Однако в стратегии технологического суверенитета Китая развитие человеческого капитала стало ключевым элементом, в 2025 г. число выпускников вузов в области STEM может достигнуть в стране 10 млн чел. В то время как в России, несмотря на высокую долю выпускников в области *STEM*, их абсолютное количество менее 600 тыс. чел.

Доминанты, связывающие экономическое развитие и *STEM*-образование, определены – прогресс, инновации и глобальная конкурентоспособность [21].

Согласно последнему изданию Глобального инновационного индекса за 2024 г. (*Global Innovation Index Database, WIPO*, 2024), Швейцария сохраняет лидирующие позиции в рейтинге наиболее развитых инновационных экономик мира уже на протяжении 14 лет подряд. Следом идут такие страны, как Швеция, США, Сингапур и Великобритания, соответственно занимающие второе, третье, четвёртое и пятое места. Азиатские экономики, включая Китай, Индию и Индонезию, демонстрируют значительный прогресс, а страны со средним уровнем дохода, такие как Марокко и Таиланд, быстро поднимаются в рейтинге. Отдельные развивающиеся экономики выделяются в специфических областях: Боливия – по микрокредитам, Мексика – по экспорту творческих товаров, а Иран – по торговым маркам.

Глобальный инновационный индекс 2024 г. выявил несколько ключевых тенденций. Китай, Турция и другие страны со средним доходом демонстрируют исключительную эффективность, превосходя по инновационным результатам многие развитые экономики, включая Сингапур и Финляндию, несмотря на меньшие инвестиции. Швейцария, Швеция и США сохраняют лидерство среди высокодоходных стран, но Великобритания и Южная Корея достигают сопоставимых результатов с меньшими затратами. При этом Австралия, ОАЭ и Саудовская Аравия сталкиваются с трудностями в преобразовании инвестиций в реальные инновации [22].

Инвестиционный показатель измеряет ресурсы, вложенные в инновации. Результативный показатель оценивает реальные результаты инновационной деятельности. Эффективные инновационные системы (как в Швейцарии или Китае) демонстрируют высокий результативный показатель при относительно умеренном инвестиционном. Например, Китай генерирует больше инновационных результатов, чем Сингапур, несмотря на меньшие инвестиции (в пересчёте на ВВП). Напротив, ОАЭ и Саудовская Аравия показывают низкую эффективность преобразования затрат в результаты.

В целом инновационно успешные страны сочетают инвестиции в НИОКР, образование и ИКТ, избегая узкой ориентации на отдельные показатели. Для развивающихся экономик ключевое значение имеют улучшение институтов, инвестиции в науку, расширение кооперации между наукой и бизнесом. В связи с этим уровень расходов на НИОКР является еще одним важным индикатором, отражающим не только текущий инновационный потенциал страны, но и формирующим перспективы будущего экономического роста [23].

За последнее десятилетие (2013–2022 гг.) наблюдаются значительные различия в динамике расходов на научные исследования и разработки среди ведущих стран мира. Статистика расходов на НИОКР в международном разрезе, представленная в базе данных *UNESE*, показывает, что страны-лидеры (Израиль, Швеция, Южная Корея, США, Германия) тратят более 3 % ВВП на НИОКР. Безусловным лидером по этому показателю остается Израиль, который увеличил долю затрат на НИОКР с 4,1 до рекордных 6 % ВВП, демонстрируя последовательный рост каждый год. США также показывают устойчивую положительную динамику – с 2,7 до 3,6 % ВВП, причем особенно заметный рост произошел в последние три года. Среди европейских стран выделяется Бельгия, где за десятилетие показатель вырос на 1,1 процентных пункта до 3,4 % ВВП. Германия, Швеция и Австрия сохраняют стабильно высокие уровни финансирования науки в районе 3–3,5 % ВВП, хотя у Швеции и Финляндии в последние годы наметилась незначительная тенденция к снижению. Особого внимания заслуживает Великобритания, где за этот период произошел резкий скачок с 1,6 до 2,9 % ВВП, что свидетельствует о кардинальном пересмотре научно-технической политики. Данные по структуре и динамике расходов на исследования и разработки по странам представлены на рисунке 2.

Китай демонстрирует противоположную тенденцию – снижение с 2,6 до 2,1 % ВВП, хотя в абсолютных цифрах расходы продолжают расти благодаря бурному развитию экономики.

В странах Восточной Европы и СНГ (Россия, Украина, Беларусь, Казахстан) – доля расходов на НИОКР в среднем ниже 1 %. При этом в 2022 г. рост расходов наблюдался в США, Бельгии, Хорватии,

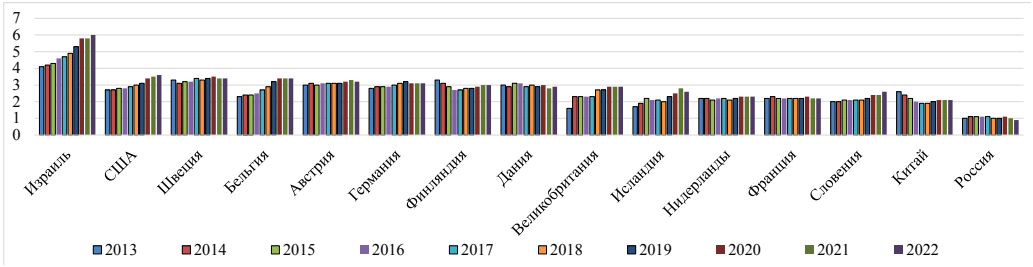

Рис. 2. Доля расходов на исследования и разработки в ВВП в топ-13 стран, Китае и России, в период 2013–2022 гг., %

Источник: составлено автором на основе данных UNECE. https://w3.unece.org/, UNESCO http://www.uis.unesco.org/(данные по Китаю).

а снижение – в России, Украине, Норвегии. В России в 2022 г. зафиксировано дальнейшее снижение расходов на НИОКР до 0,9 %. Такое отставание от мировых лидеров в 3–6 раз свидетельствуют о серьезных рисках для будущей конкурентоспособности страны в высокотехнологичных отраслях. В целом анализ показывает, что страны, активно наращивающие инвестиции в науку, укрепляют свои позиции в глобальной инновационной экономике, тогда как государства со стагнирующими показателями рискуют оказаться на периферии технологического развития.

Инвестиции в НИОКР и патентная активность являются индикаторами технологического прогресса. Для оценки результативности НИОКР использованы данные *WIPO* [22] и логарифмические значения показателей за период 2019–2023 гг.:

– *P_log* – показатель патентной активности (количество патентных заявок на 1 млн населения);

– *RD_log* – показатель по расходам в НИОКР (процент в ВВП).

Это позволило оценить эффективность расходов на научные исследования и разработки для стимулирования инновационной активности путем расчёта результативности как отношения показателя *P_log* к показателю *RD_log* и определения инновационного баланса (табл. 1).

Инновационный баланс отражает эффективность преобразования научных инвестиций в технологические разработки. Классификация проводилась, исходя из следующих значений показателя результативности: высокий – выше 2,0; средняя – в диапазоне от 1,5 до 2,0; низкая результативность – ниже 1,5; критическая – ниже 1,0.

Лидирующие страны (Республика Корея, Япония, Швейцария) демонстрируют высокую результативность НИОКР. Технологические хабы (Израиль, США) показали неоднозначные результаты, так, в Израиле инновационный баланс находится на низком уровне, что отчасти является «наукой без инноваций». Растущие экономики (Китай, Россия, Индия) имеют достаточно высокую результативность НИОКР. При этом европейские страны (Германия, Финляндия) демонстрируют средние показатели. В целом данные отражают усиление роли азиатских стран, Китая и Индии в глобальной инновационной системе при сохранении значимости традиционных лидеров, таких как Республика Корея, Япония, США и страны Европы.

Россия улучшила инновационный баланс, но имеет низкий уровень затрат на НИОКР, что указывает на необходимость государственного стимулирования этой области.

Обратимся к данным по России по динамике затрат на инновации и инновационной активности организаций (рис. 3).

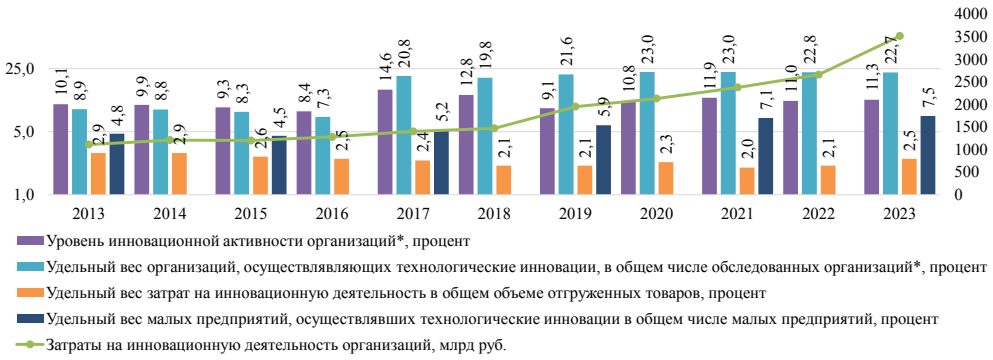
Анализ выявляет ряд значимых тенденций. В абсолютном выражении затраты на инновационную деятельность организаций демонстрируют устойчивый рост, увеличившись с 1,1 трлн руб. в 2013 г. до 3,5 трлн руб. в 2023 г., то есть в 3,2 раза. Наиболее интенсивный прирост наблюдался в период 2019–2023 гг., когда объем инновационных инвестиций вырос на 80 %. Однако анализ относительных пока-

Таблица 1

Классификация стран по патентной активности и расходам на НИОКР, на душу населения, 2019–2023 гг.

Группа стран	Страна	Патентная активность (*P_log*)	Расходы на НИОКР (*RD_log*)	Результативность (*P_log/ RD_log*)	Инновационный баланс
Лидеры (высокие оба показателя)	Республика Корея	8,17	3,87	2,11	Высокий
	Япония	7,51	3,49	2,15	Высокий
	Швейцария	7,04	3,48	2,02	Высокий
Технологические хабы (высокие НИОКР)	Израиль	5,08	4,02	1,26	Низкий
	США	6,7	3,5	1,91	Средний
Растущие экономики	Китай	6,9	3,16	2,18	Высокий
	Россия	5,01	2,37	2,12	Высокий
	Индия	3,1	1,87	1,66	Средний
Европейские страны	Германия	6,68	3,44	1,94	Средний
	Финляндия	6,46	3,36	1,92	Средний

Источник: рассчитано автором на основе данных WIPO [22].

* 2013–2016 гг. расчеты по критериям 3-й редакции Руководства Осло, с 2017 г. – по критериям 4-й редакции Руководства Осло.

Рис. 3. Динамика затрат на инновации и инновационная активность организаций в России, 2013–2023 гг. (данные Росстата)

зателей свидетельствует о более сложной картине: доля инновационных затрат в общем объеме отгруженных товаров снизилась с 2,9 % в 2013–2014 гг. до 2,1 % в 2018–2020 гг., с последующим частичным восстановлением до 2,5 % к 2023 г. Это указывает на то, что рост производственных показателей в целом опережал увеличение инновационных инвестиций.

Уровень инновационной активности организаций за анализируемый период колебался в диапазоне от 8,4 до 14,6 %, достигнув максимального значения в 2017 г. (однако пиковое значение связано с новой методикой расчета критериев Осло и временным снижением сопоставимости данных). После снижения до 9,1 % в 2019 г. в последующие годы наблюдается относительная стабилизация на уровне 11–12 %. Особый интерес представляет динамика удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, который продемонстрировал значительный рост с 7,3 % в 2016 г. до стабильных 22–23 % в 2019–2023 гг. В сегменте малых предприятий этот показатель увеличился с 4,8 % в 2013 г. до 7,5 % в 2023 г., демонстрируя более высокие темпы роста по сравнению со средними значениями по экономике. При этом показатель удельного веса инновационных товаров, работ и услуг малых предприятий после первоначального снижения с 2,07 % в 2013 г. до 1,59 % в 2015–2017 гг. демонстрирует устойчивый рост, достигнув 3,14 % в 2023 г.

Сравнительный анализ с другими показателями инновационной активности позволяет выявить ряд закономерностей. Рост доли инновационной продукции малых предприятий коррелирует с увеличением удельного веса малых предприятий, осуществляющих технологические инновации (с 4,8 % в 2013 г. до 7,5 % в 2023 г.). Однако при этом отмечается более высокий темп роста первого показателя (+52 % за период) по сравнению со вторым (+56 %), что может свидетельствовать о повышении эффективности инновационной деятельности в данном сегменте.

Выявленные тенденции позволяют говорить о наличии дивергенции в динамике абсолютных и относительных показателей инновационной активности. В то время как номинальные объемы финансирования инноваций существенно выросли, их доля в общем объеме производства остается относительно стабильной. Особого внимания заслуживает резкий рост числа организаций, занимающихся технологическими инновациями, что может быть связано с изменениями в государственной политике стимулирования инновационной деятельности. Полученные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на значительный рост инвестиций в инновации, уровень инновационной активности российской экономики в целом остается умеренным, хотя и демонстрирует положительную динамику в отдельных сегментах, особенно среди малых предприятий. Результаты также указывают на необходимость расширения инструментария государственного стимулирования инновационной деятельности.

Проведенное исследование демонстрирует, что в условиях глобальных технологических сдвигов и санкционного давления государственное финансовое стимулирование науки и инноваций становится критическим фактором обеспечения технологического суверенитета и долгосрочного экономического роста. Россия, несмотря на высокую долю выпускников *STEM*-направлений, отстает от мировых лидеров по абсолютным показателям подготовки кадров и объему инвестиций в НИОКР (0,9 % ВВП в 2022 г. против 3–6 % у стран-лидеров). Хотя инновационный баланс (эффективность преобразования затрат в результаты) остается высоким, низкий уровень финансирования ограничивает конкурентоспособность. Динамика инновационной активности организаций в России показывает рост абсолютных затрат (до 3,5 трлн руб. в 2023 г.), но их доля в производстве колеблется на уровне 2–2,5 %, а уровень инновационной активности (11–12 %) существенно ниже, чем в странах-лидерах. При этом малые предприятия демонстрируют положительную динамику, что подчеркивает их потенциал как драйверов инноваций.

Для усиления позиций России в глобальной инновационной системе предлагаются следующие меры государственного стимулирования.

Увеличение финансирования НИОКР до 3 % ВВП с акцентом на приоритетные технологии (искусственный интеллект, биотехнологии, новые материалы). Целесообразно использовать механизмы софинансирования с бизнесом, включая налоговые

льготы (например, увеличение вычета на НИОКР для высокорисковых проектов) и грантовую поддержку стартапов.

Требуется расширение программ подготовки кадров в *STEM*-областях с увеличением числа бюджетных мест и стипендиального фонда, особенно в регионах. При этом необходимо расширять программы стажировок в период обучения студентов, вовлекая работодателей в этот процесс. Создание центров компетенций на базе вузов и научных организаций для кооперации с предприятиями (по модели «цифровых кафедр»).

Стимулирование инновационной активности бизнеса возможно путем введения «инновационных контрактов» – долгосрочных гарантий госзакупок для компаний, внедряющих отечественные разработки. Возможно рассмотреть упрощение патентного законодательства и усиление защиты интеллектуальной собственности для повышения мотивации к коммерциализации исследований.

Поддержка малых технологических предприятий может быть продолжена с уже апробированным инструментом субсидирования процентных ставок по кредитам на НИОКР для малого бизнеса (не выше 5 % годовых) на долгосрочный период, а также создание фонда венчурных инвестиций с государственным участием в приоритетных отраслях, например, для проектов в фармацевтике, микроэлектронике и робототехнике. Повышение эффективности инновационной инфраструктуры связано с развитием технологических долин и долгосрочными налоговыми каникулами для резидентов.

Ключевой рекомендацией является переход от точечных мер к системной политике, сочетающей фискальные стимулы, институциональные реформы и прямую поддержку науки. Опыт Китая и Южной Кореи показывает, что успех достигается при концентрации ресурсов на прорывных направлениях и тесной интеграции науки, образования и бизнеса. Для России это особенно актуально в условиях трансформации концепции импортозамещения в концепцию технологического лидерства.

Литература:

1. Глазьев С.Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. № 1. С. 93–115.
2. Россия и мир: 2024. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринская. М.: ИМЭМО РАН, 2023. 124 с.
3. Омаров З.З. Основные проблемы российского бизнеса в условиях санкционного давления // Экономика и предпринимательство. 2024. № 9 (170). С. 771–775. DOI: 10.34925/EIP.2024.170.9.139.
4. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986
5. People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035. URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf
6. Zhou Y., Dahal S. Has R&D contributed to productivity growth in China? The role of basic, applied and experimental R&D // China Economic Review. 2024. Vol. 88. Art. 102281. DOI: 10.1016/j.chieco.2024.102281.
7. Akcigit U., Hanley D., Serrano-Velarde N. Back to basics: Basic research spillovers, innovation policy, and growth // The Review of Economic Studies. 2021. Vol. 88. № 1. P. 1–43. DOI: 10.1093/restud/rdaa06.
8. Hulkó G., Kálmán J., Lapsánszky A. The politics of digital sovereignty and the European Union's legislation: navigating crises // Frontiers in Political Science. 2025. Vol. 7. DOI: 10.3389/fpos.2025.1548562.
9. Goryacheva T., Myzrova O. The role and place of technological sovereignty in ensuring the Russian economy sustainability // Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law. 2023. Vol. 23. № 2. P. 134–145. DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-2-134-145.
10. Демидова С.Е. Факторы обеспечения технологического суверенитета // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 14–19.
11. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // ЭКО. 2018. № 5. С. 5–30.
12. Mazzucato M. Mission-oriented innovation policies: challenges and opportunities // Industrial and Corporate Change. 2018. № 27 (5). P. 803–815.
13. Lange G.-M., Wodon Q., Carey K. The changing wealth of nations 2018: Building a sustainable future. World Bank. 2018. 230 p.
14. From decline to revival: Policies to unlock human capital and productivity (OECD Working Papers № 1827). 2024. OECD. URL: https://doi.org/10.1787/8d0d232c-en
15. OECD. The Future of Education and Skills: Education 2030. 2018. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2018/06/the-future-of-education-and-skills_5424dd26/54ac7020-en.pdf

16. UNDP. Human Development Report 2020: The Next Frontier. 2020. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/arabstates/hdr_2020_overview_english.pdf
17. Romer P. M. Endogenous Technological Change. Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. № 5. P. S71–S102. DOI: 10.1086/261725
18. Acemoglu D., Autor D. Skills, Tasks and Technologies: Implications for Employment and Earnings // Handbook of Labor Economics. 2011. Vol. 4. Part B. P. 1043–1171.
19. Le L. T.B., Tran T.T., Tran N.H. Challenges to STEM education in Vietnamese high school contexts // Heliyon. 2021. Vol. 7. № 12. DOI: https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e08649
20. Тихонова А.В., Малкова Ю.В. Развитие в России системы STEM-образования и ее налоговое стимулирование // ЭКО. 2023. № 3 (585). С. 27–42. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-3-27-46.
21. Krug D., Shaw A. Reconceptualizing STE(A)M(S) education for teacher education. Canadian Journal of Science Mathematics and Technology Education. 2016. Vol. 16. № 2. P. 183–200. URL: https://doi.org/10.1080/14926156. 2016.1166295
22. Научно-техническая политика: глобальные тренды и практики / М.А. Гершман (рук. авт. кол.), Ф.Х. Брамбила Мартинес, С.В. Бредихин, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л. М. Гохберга, М.А. Гершмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 156 с.

Analysis of Strategic Factors for Ensuring Technological Sovereignty Through an Assessment of the Effectiveness of Innovation and the Effectiveness of R&D Expenditures

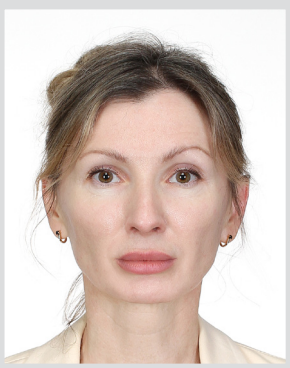
Demidova S.E.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The relevance of the research is determined by the need to ensure Russia's technological sovereignty in the face of global challenges, including sanctions pressure and increased competition in high-tech industries. Despite the high proportion of STEM graduates, the country lags behind the world leaders in terms of investment in R&D (0.9 % of GDP in 2022) and the level of innovation activity of enterprises (11-12 %), which requires a review of government policies to stimulate science and innovation. The purpose of the study is to identify the key determinants of technological sovereignty and propose financial incentive measures that can ensure sustainable economic growth. The results obtained indicate the high effectiveness of Russian R&D (the innovation balance is above 2.0), but a critically low level of financing, as well as the positive dynamics of innovation in the segment of small enterprises (an increase in the share of innovative products to 3.14 % in 2023). The scientific value of the work lies in a comprehensive analysis of the strategic determinants of technological sovereignty, including the role of human capital, institutional conditions and government regulation. The practical significance of the study is related to the development of specific measures for government authorities, such as increasing R&D spending target to 3 % of GDP, introducing "innovation contracts" for businesses, expanding support for small technology companies, and creating technology valleys. The authors' recommendations are aimed at forming a systemic policy that combines fiscal incentives, the development of STEM education and cooperation between science and the real sector, which will allow Russia to reduce the gap from the leading countries and ensure long-term competitiveness.

Keywords: technological sovereignty, STEM education, innovation, innovation balance, investment, R&D

УДК 336
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-40-46

Роль инструментов финансовой политики в поддержке НИОКР

Демидова С.Е.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Молявина А.А.
Студент кафедры общественных финансов Финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Соколова Д.В.
Студент кафедры общественных финансов Финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа эффективности государственной финансовой политики, направленной на обеспечение макроэкономической стабильности и стимулирование экономического роста в условиях глобальных вызовов и технологических трансформаций.

Цель статьи – провести анализ инструментов финансовой политики, направленных на поддержку научных исследований и разработок в стране. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: на основе теоретических подходов и имеющихся статистических данных исследовать и систематизировать ключевые инструменты фискальной политики, направленные на поддержку НИОКР, применяющиеся в отечественной и зарубежной практике, выявить устойчивые зависимости макроэкономических параметров.

Исследование подчеркивает значимость финансовых мер, направленных на стимулирование научных исследований и инноваций, что особенно актуально для России в условиях необходимости достижения технологического суверенитета.

Ключевые слова: *фискальная политика, государственные расходы, расходы на НИОКР, экономический рост, инновации, ВВП*

Для цитирования: *Демидова С.Е., Молявина А.А., Соколова Д.В. Роль инструментов финансовой политики в поддержке НИОКР // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 40–46. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-40-46.*

Финансовая политика определяет методы и инструменты, направленные на управление государственными расходами, доходами, трансфертами, дефицитом бюджета и государственным долгом. Её ключевыми целями являются обеспечение национальной безопасности и макроэкономической стабильности, стимулирование экономического развития и сокращение бедности. В условиях глобальных вызовов, таких как мировой финансовый кризис 2007–2009 гг., кризис 2018–2019 гг. и пандемия *COVID*-19, энергетический кризис (2021–2023 гг.), фискальная политика играла важную роль в смягчении негативных последствий для экономики и поддержке уязвимых групп населения.

Финансовая политика может быть направлена как на стимулирование экономического роста, так и на его сдерживание в зависимости от текущих экономических условий. В краткосрочной перспективе она фокусируется на макроэкономической стабилизации, например, на увеличении государственных расходов или снижении налогов для стимулирования слабой экономики, либо на сокращении расходов для борьбы с инфляцией. В долгосрочной перспективе фискальная политика направлена на обеспечение устойчивого развития, улучшение социальной инфраструктуры и поддержку стратегически важных отраслей.

Сегодня особое внимание уделяется развитию научных исследований и опытно-конструкторских разработок (далее – НИОКР), которые являются ключевым драйвером инновационного развития и повышения конкурентоспособности экономики. Поэтому целью данной работы является провести анализ инструментов финансовой политики, направленных на поддержку научных исследований и инноваций.

Теоретической основой фискальной политики являются работы таких экономистов, как Дж.М. Кейнса, который обосновал необходимость государственного вмешательства в экономику в периоды спадов для стимулирования совокупного спроса [1]. Современные исследования, подтверждают, что фискальная политика как часть финансовой политики оказывает значительное влияние на макроэкономические показатели, особенно в условиях кризисов [2; 3]. В России фискальные инструменты активно использовались для смягчения последствий экономических шоков, таких как мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., пандемия *COVID*-19, санкции. В 2020–2021 гг., в условиях пандемии *COVID*-19, государственная политика была нацелена на минимизацию последствий экономического спада. Были введены меры по поддержке малого и среднего бизнеса, укреплению системы здравоохранения и финансированию антикризисных программ [4].

Сегодня особое внимание в исследованиях уделяется роли финансовой политики и фискальных инструментов в стимулировании научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР). Работы С.М. Гуриева и А. Цывинского подчеркивают, что инвестиции в НИОКР являются ключевым фактором инновационного развития и повышения конкурентоспособности экономики [5]. Они отмечают, что государственная поддержка в виде налоговых льгот и субсидий может значительно увеличить частные инвестиции в научные исследования, что особенно важно для стран с переходной экономикой, таких как Россия. Исследования Организации экономического сотрудничества и развития (*Organization for Economic Co-operation and Development, OECD*, 2021) также указывают на стимулирующий эффект налоговых льгот и необходимость государственных субсидий для расширения частных инвестиций в научные исследования, что особенно актуально для России в условиях глобальной технологической конкуренции [6].

Одним из ключевых преимуществ фискальных инструментов является способность к реализации мультипликативного эффекта, когда каждый инструмент воздействует на совокупный выпуск с множительным эффектом. Однако имеются свои ограничения, такие как эффект вытеснения, когда увеличение государственных расходов приводит к снижению частных инвестиций из-за роста процентных ставок [7]. Кроме того, бюджетный дефицит, возникающий в результате стимулирующих мер, может стать серьёзной проблемой для долгосрочной устойчивости экономики.

В условиях стремительного технологического прогресса, который охватывает все сферы жизни, развитие науки и технологий становится не просто важным, а критически необходимым для стран, стремящихся поддерживать высокий уровень инновационности и глобальной конкурентоспособности своей экономики. Научные исследования и опытно-конструкторские разработки играют ключевую роль в этом процессе, так как именно они являются основой для создания новых технологий, продуктов и услуг, которые могут изменить рынок и повысить качество жизни населения. Инвестиции в НИОКР являются основой для создания конкурентных преимуществ на международной арене, и их недостаток может привести к серьезным экономическим последствиям.

Динамика объемов расходов на НИОКР представлена по странам-лидерам[1] и по Российской Федерации за 2010–2022 гг. (рис. 1).

Уровень национальных расходов на НИОКР – это относительная величина, которая рассчитыва-

[1] Динамика объемов расходов на НИОКР представлена по тем странам, которые занимают лидирующие позиции по процентному соотношению объемов расходов на НИОКР в ВВП среди всех стран. К этим странам относятся: Израиль, Южная Корея, США, Швеция, Бельгия. Российская Федерация находится на 43 месте в рейтинге.

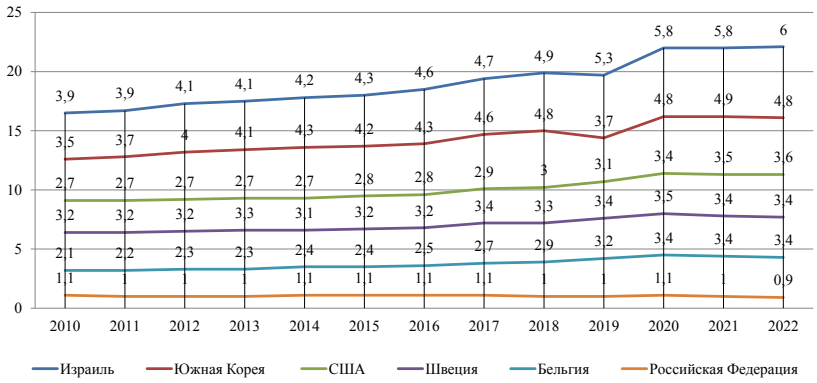

Рис. 1. Динамика объемов расходов на НИОКР в 2010–2022 гг., % ВВП

Источник: составлено на основе данных https://www.uis.unesco.org.

ется как общий объем государственных и частных расходов на все виды научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в течение календарного года, включая государственные бюджеты всех уровней, бюджеты коммерческих организаций, гранты и пожертвования от частных фондов и неправительственных организаций.

Из рисунка 1 видно, что представленные в нем страны имеют относительно устойчивые показатели на протяжении нескольких лет. Можно отметить, что ведущие позиции рейтинга занимают Израиль (6 % от ВВП в 2022 г.) и Южная Корея (4,8 % от ВВП в 2022 г.).

В Израиле наблюдается длительный период высоких объемов финансирования научных исследований и разработок. Одной из программ, оказывающих наибольшее влияние на рост НИОКР в Израиле, является оригинальная программа *Yozma* (1993–1998 гг.), которая дала в стране старт венчурной революции. Венчурные фонды, которые привлекли иностранных инвесторов, получали страховку от рисков в рамках *Yozma*-инвестирования. Если проект «проваливался», инвестор терял только 20 % средств (80 % покрывало государство). При успешном проекте государство продавало свою долю с прибылью. К 1998 г. было привлечено 200 млн долл. частных инвестиций, создано 10 венчурных фондов. В период, когда экономика Израиля непропорционально зависела от государственных средств, венчурная инициатива *Yozma* использовала государственные деньги для привлечения частных инвестиций, превратив страну в глобальный центр исследований и разработок. Таким образом, была заложена основа для роста высокотехнологичного сектора (к 2020-м гг. 90 % израильского экспорта составляли технологии). Опыт Израиля показал, что даже небольшая страна может стать технологической сверхдержавой через умную государственную политику финансового стимулирования. В 2020 г. вновь увеличились расходы на НИОКР в области цифровизации и медицинских технологий (разработка вакцин и телемедицины).

В 2024 г. Правительство Израиля запустило новую инвестиционную инициативу *Yozma* 2.0, поддерживающая технологические компании на ранней стадии, особенно в секторах глубоких технологий, таким образом играя важную роль в повышении устойчивости рынка венчурного капитала к шокам и макроэкономическим колебаниям [8]. *Yozma* 2.0 – это ставка на прорывные направления, где Израиль уже имеет преимущество. Государство инвестирует наравне с частными фондами, но не страхует риски (в отличие от *Yozma* 1.0). Прибыль делится 50/50 после выхода фонда на окупаемость. Кроме того, в Израиле предусмотрены гранты для репатриантов-ученых [9].

В Южной Корее для стимулирования расходов на НИОКР активно используются фискальные инструменты, включающие налоговые льготы, субсидии и специальные программы поддержки. Одним из ключевых механизмов является налоговый вычет на НИОКР, который позволяет компаниям уменьшать налогооблагаемую базу на определенный процент от затрат на исследования и разработки. Например, малые и средние предприятия (МСП) могут получить вычет в размере до 30–50 % от расходов на НИОКР, а крупные компании – до 3–5 % [10]. Кроме того, действуют программы государственных грантов и субсидий, направленные на поддержку инновационных проектов, особенно в высокотехнологичных отраслях, таких как полупроводники, биотехнологии и ИИ. Также существует ускоренная амортизация расходов на НИОКР-оборудование, что позволяет компаниям быстрее списывать затраты и снижать налоговую нагрузку. Эти меры способствуют росту частных инвестиций в исследования и разработки, укрепляя позиции Южной Кореи как одного из мировых лидеров в инновациях. Инвестиции в НИОКР осуществляются через фонд *Korea Innovation Foundation* [11] (*KOFI*). Помимо прямой поддержки крупных исследовательских проектов и МСП, фонд поддерживает научно-технологические хабы [12] (например, *Daedeok Innopolis*). Льготы по налогам для МСП, в том числе налоговый кредит «*Super Deduction*» (специальный фискальный инструмент, суть которого заключается в сверхнормативном вычете расходов на НИОКР из налогооблагаемой базы) способствовали росту частных инвестиций в НИОКР на 23 % за период 2015–2020 гг. [13].

В США фундаментальные и прикладные исследования, проводимые или финансируемые федеральным правительством, охватывают весь спектр областей науки и техники: компьютерные науки и математика, науки об окружающей среде и о жизни, физические науки, психология, социальные науки, инженерия и другие области науки и техники.

Фундаментальные научные исследования относятся к числу общегосударственных приоритетов и финансируются за счет государственных финансовых ресурсов, аккумулируемых на высшем уровне управления [14]. США широко используют налоговые кредиты для компаний, занимающихся исследованиями и разработками, а федеральные агентства, такие как Национальный научный фонд – *National Science Foundation (NSF*) и Агентство передовых оборонных исследовательских проектов – *Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA*), предоставляют гранты на инновационные проекты [15; 16]. Бюджет администрации президента США [17] на 2024 г. предполагал существенное увеличение федерального финансирования НИОКР с целью использования всего потенциала науки и технологий на благо американского народа.

Увеличение расходов Швеции было в первую очередь связано с сектором коммерческих предприятий, на долю которого приходится около 75 % бюджета на НИОКР. Второе и третье места по объему расходов на исследования и разработки заняли высшее образование и государственный сектор. Швеция участвует в европейских программах, таких как *Horizon Europe*, и предоставляет субсидии для малых и средних предприятий, занимающихся инновациями [18].

Правительство Бельгии последовательно развивается как глобальный инноватор, ежегодно поддерживая высокий процент расходов на НИОКР в ВВП, начиная с 2005 г. Бельгия развивает инновационную сферу через региональные программы, такие как *Flanders Innovation and Entrepreneurship (VLAIO*), предлагая налоговые льготы для исследовательских компаний [19]. Европейская комиссия отмечает Бельгию как лидера в области инноваций по сравнению с остальными странами [20]. Сильные стороны страны заключаются в частных инвестициях фирм в НИОКР, разработке инновационных продуктов и экспорте инновационных товаров. Доля частного сектора в общих расходах на НИОКР Бельгии составляет около 65 % (средний показатель по Европейскому союзу – 55 %) (*OECD*, 2022).

Всемирный экономический форум также отмечает Бельгию как одного из крупнейших спонсоров инноваций в Европе [21].

Россия в настоящее время выделяет на научные исследования и разработки около 1 % своего валового внутреннего продукта. Это довольно скромный показатель относительно рассматриваемых стран. Президентом России в Послании Федеральному Собранию 24 февраля 2024 г. была определена стратегическая задача увеличения совокупных вложений государства и бизнеса в исследования и разработки до 2 % ВВП к 2030 г. [22]. В направлении решения этой задачи в России запущены новые национальные проекты, направленные на обеспечение технологического суверенитета и развитие цифровой экономики, также реализуются Концепция технологического развития, Национальная технологическая инициатива, Стратегия научно-технологического развития, прямо направленные на поддержку НИОКР, создаются научные центры мирового уровня, функционируют специальные экономические зоны для технологических компаний. Значительная часть организаций в России использует государственную поддержку. Наиболее востребованными формами государственной поддержки являются: субсидии на покрытие затрат, налоговые льготы, интеграция науки и бизнеса, гранты институтов развития. Менее востребованными оказались: участие в федеральных научно-технических программах и льготные займы от Фонда развития промышленности [23].

Инструменты государственной финансовой поддержки НИОКР, применяемые в рассматриваемых странах, представлены в таблице 1.

Следует отметить, что во всех анализируемых странах применяются налоговые льготы для поддержки инновационной активности. Например, от налога освобождается часть затрат на НИОКР, правительства предлагает инвестиционные налоговые кредиты для компаний, инвестирующих в исследования и разработки, предлагается налоговая скидка на прирост расходов на НИОКР по сравнению с предыдущим налоговым периодом. В Израиле программа «Закон об инновационных технологиях» предоставляет стартапам налоговые каникулы на 10 лет и снижение налога на прибыль до 6 %, а технологические инкубаторы (например, *Yozma Group*) обеспечивают финансирование и менторскую поддержку [24]. В Южной Корее действует налоговый кредит до 30–50 % на НИОКР для малых предприятий, а сеть государственных инкубаторов (например, *KISED*) [25] помогает коммерциализировать разработки. В США программа *SBIR* предоставляет гранты до 1,7 млн долл. на ранние стадии стартапов, а университетские хабы (например, *MIT Delta V*) ускоряют выход на рынок [26]. В России «Фонд содействия инновациям» предлагает льготы по страховым взносам (7,6 % вместо 30 %) для IT-стартапов, а технопарки («Сколково») обеспечивают налоговые льготы и инфраструктуру [27]. Например, льготы по страховым взносам для IT-компаний в России позволили сэкономить отрасли 128 млрд руб. за 2022–2023 гг. [28].

Все перечисленные страны активно участвуют в международных исследовательских программах, но с разной интенсивностью и направлениями. Израиль сотрудничает с *NASA* [29] (США) в космической сфере и с ЕС через *Horizon Europe. Horizon Europe* – рамочная программа Европейского Союза по финансированию исследований и инноваций, рассчитанная на период с 2021 по 2027 гг. [30] . Она является крупнейшей программой финансирования в мире,

Таблица 1

Инструменты государственной финансовой поддержки НИОКР, применяемые в группе рассматриваемых стран

Мера поддержки	Израиль	Южная Корея	США	Швеция	Бельгия	Россия
Программа по развитию НИОКР	+	+	+	+	+	+
Предоставление льготных кредитов для бизнеса, инвестировавших в НИОКР	+	+	+	+	+	+
Гранты на исследования и разработки	+	+	+	+	+	+
Налоговые льготы для стартапов	+	+	+	+	+	+
Создание технологических инкубаторов	+	+	+	+	+	+
Финансирование крупных исследовательских проектов	+	+	+	+	+	+
Поддержка технологических кластеров	+	+	+	+	+	+
Участие в международных исследовательских программах	+	+	+	+	+	+
Субсидии для малых и средних предприятий	+	+	+	+	+	+
Специальные экономические зоны	+	+	+	-	-	+

Источник: составлено на основе исследования П. Клавдиенко [37] и источников [10–21].

направленной на поддержку научных исследований и разработок, а также на стимулирование инноваций и экономического роста в Европе. Израиль участвует в программе как ассоциированная страна, а Южная Корея присоединилась к программе с 1 января 2025 г. в рамках переходного соглашения.

Кроме того, Южная Корея выступает ключевым участником глобальных инициатив в сфере высоких технологий, включая программы ЕС, международные проекты по термоядерному синтезу (*ITER*) [31] и альянсы в области полупроводников (*Chip 4 Alliance*) [32]. США лидируют в программах *CERN* [33] и МКС, но ограничили сотрудничество с Китаем и Россией. Швеция и Бельгия интегрированы в *Horizon Europe* [34], *ESA* [35] и *CERN*. Россия после 2022 г. сосредоточилась на сотрудничестве с Китаем (Международная лунная станция) [36] и странами БРИКС после выхода из западных программ.

На основе анализа инструментов государственной поддержки НИОКР в различных странах можно выделить следующие общие характеристики:

1) Универсальные меры поддержки. Во всех рассмотренных странах существуют программы по развитию НИОКР, поощрение частного сектора за вклад в развитие исследований, предоставление льготных кредитов для бизнеса, а также грантов на исследования. Поддержка научных исследований и инноваций является приоритетом для всех этих государств.

2) Налоговые льготы и технологические инкубаторы. Налоговые льготы для стартапов и создание технологических инкубаторов активно применяются в Израиле, Южной Корее, США и России.

3) Финансирование крупных проектов и поддержка кластеров. Все страны активно финансируют крупные исследовательские проекты и поддерживают технологические кластеры.

4) Субсидии для малого и среднего бизнеса. Во всех странах предоставляются субсидии для малых и средних предприятий, что способствует вовлечению более широкого круга компаний в инновационную деятельность.

5) Специальные зоны. Специальные экономические зоны для технологических компаний созданы в Израиле, Южной Корее, США и России. В Швеции и Бельгии такие зоны отсутствуют, что может быть связано с различиями в экономической политике.

6) Международное сотрудничество. Все страны активно участвуют в международных исследовательских программах. Однако Россия после 2022 г. не участвует во многих проектах, которые до санкции были доступны.

При этом структура финансирования расходов на НИОКР в России характеризуется высокой долей прямого государственного финансирования, которая составляет более 70 % [38]. Тогда как аналогичный показатель в Южной Корее – около 35 %, в США – около 30 %, в Израиле – около 40 % [39].

В целом, можно заключить, что все рассмотренные страны активно поддерживают НИОКР, но подходы и инструменты могут различаться в зависимости от национальных приоритетов и экономических условий. Это подчеркивает важность адаптации мер поддержки к конкретным условиям каждой страны для достижения максимальной эффективности в развитии науки и технологий.

Национально-ориентированные инструменты (НОИ) государственной финансовой поддержки НИОКР представлены в таблице 2.

Проведенное исследование подтверждает ключевую роль финансовой политики в стимулировании НИОКР как драйвера экономического роста. Сравнительный анализ инструментов поддержки в

Таблица 2

Национально-ориентированные инструменты государственной финансовой поддержки НИОКР, применяемые в группе рассматриваемых стран

Страна	НОИ	Характеристики инструмента
Израиль	Программа Yozma (1.0 и 2.0) Гранты для репатриантов-ученых	- Yozma: государственное софинансирование венчурных фондов; - Yozma 1.0: страхование 80 % рисков инвесторов; - Yozma 2.0: равное распределение прибыли с частными инвесторами
Южная Корея	Налоговый кредит «Super Deduction»	- 30–50 % вычет затрат на НИОКР для МСП; - 3–5 % вычет для крупных корпораций; - Обязательное условие: рост R&D-расходов ежегодно
США	Программа DARPA Challenges	- Конкурсы с призовым фондом 10–50 млн долл.; - Фокус на прорывные технологии двойного назначения; - Быстрое финансирование (3–6 месяцев от заявки)
Швеция	Система «Innovationsbron»	- Pre-seed (самый ранний этап) инвестиции до 500 тыс. евро; - Возможность выкупа доли компанией; - Акцент на университетские стартапы
Бельгия	Региональные налоговые вычеты (Фландрия)	- 85 % вычет затрат на зарплаты исследователей; - Только для приоритетных отраслей региона; - Комбинируется с грантами ЕС
Россия	Спецрежим «Сколково»	- Полное освобождение от НДС и налога на прибыль; - Сниженные страховые взносы (7,6 %); - Требование: более 80 % доходов от инноваций

России и странах-лидерах по показателю НИОКР выявил общую тенденцию к сочетанию налоговых льгот, грантовой поддержки и институтов развития, национальные особенности определяют эффективность этих мер. В то время как развитые страны делают акцент на мультипликативном эффекте частных инвестиций (через механизмы типа *Yozma* или *Super Deduction*), Россия демонстрирует сохраняющуюся зависимость от прямого государственного финансирования, что требует адаптации лучших международных практик с учетом специфики национальной инновационной системы. Полученные данные подчеркивают необходимость для России развития гибких фискальных инструментов, способных обеспечить рост расходов на НИОКР до целевых 2 % ВВП и выше при одновременном повышении доли частных инвестиций в НИОКР, роста коммерциализации разработок, что особенно актуально в условиях технологических ограничений и переориентации на сотрудничество в рамках БРИКС плюс.

Литература:

1. Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan, 1936. 472 p.
2. Андреев М.Ю., Полбин А.В. Влияние фискальной политики на макроэкономические показатели в DSGE-моделях // Финансовый журнал. 2018. № 3. С. 21–33.
3. Horton M., El-Ganainy A. Fiscal Policy: Taking and Giving Away. 2020, February 24. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/basics/36-fiscal-policy.htm
4. Слушкина Е.Ю. Оценка эффективности бюджетно-налоговой политики Российской Федерации // Economy and Business. 2020. № 12-3(70). С. 121–125.
5. Guriev S., Tsyvinski A. Innovation and Growth: The Role of Fiscal Policy in Supporting R&D // Journal of Economic Perspectives. 2019. Vol. 33. № 3. P. 123–144.
6. OECD. Tax Incentives for Research and Development: Trends and Issues. Paris: OECD Publishing, 2021. 37 p.
7. Альпидовская М.Л., Зухрабов И.А. Фискальная политика государства как фундаментальный инструмент реализации политики экономического развития современной России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2024. № 3 (67). С. 237–251.
8 VC-GNY-KPMG investors report 2024. URL: https://kpmg.co.il/media/yeem2kic/ivc-gny-kpmg_investors_report_2024_final.pdf
9. Возможности и привилегии для молодого специалисту при репатриации в Израиль. URL: https://simpleisrael.ru/information/populyarnoe/vozmozhnosti-i-privilegii-dlja-molodogo-specialistu-pri-repatriacii-v-izrail/
10. Li Yanchao, Frias J.A.U., Shin K., Castro L., Rogers J.D.A Case Study on Korea's R&D Tax Incentives: Principles, Practices, and Lessons for Developing Countries (English). Washington, D.C.: World Bank Group. Available from: http://documents.worldbank.org/curated/en/099443505132416377.
11. Korea Innovation Foundation (KOFI). URL: https://www.kofi.re.kr.
12. Lee J., Kim Y. Korea's Innovation Strategy: The Role of INNOPOLIS // Journal of Innovation Policy. 2021. Vol. 12. № 3. P. 45–60.
13. OECD (2023). Main Science and Technology Indicators: Korea. URL: https://www.oecd.org/sti/msti.htm.
14. American Association for the Advancement of Science (AAAS). The Role of Federal Funding in U.S. R&D [Internet]. URL: https://www.aaas.org/programs/r-d-budget-and-policy
15. National Science Foundation (NSF). URL: https://www.nsf.gov

16. Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA). URL: https://www.darpa.mil
17. President's budget. URL: https://www.whitehouse.gov/omb/information-resources/budget/
18. European Commission. Horizon Europe. URL: https://ec.europa.eu/info/horizon-europe_en
19. Flanders Innovation and Entrepreneurship (VLAIO). About VLAIO. URL: https://www.vlaio.be
20. European Commission. European Innovation Scoreboard. URL: https://ec.europa.eu/growth/industry/policy/innovation/scoreboards_en
21. World economic forum. URL: https://www.weforum.org/
22. Послание Президента России Федеральному собранию Российской Федерации. 24 февраля 2024. URL: http://kremlin.ru
23. Михайлюк М.Н. Налоговое стимулирование инновационной деятельности: возможности совершенствования // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. № 4. DOI: 10.18334/epp.15.4.122926.
24. OECD Tax Database (2023). URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-issue-focus/tax-database/tax-database-update-note.pdf
25. Korean Institute of Startup and Entrepreneurship Development. URL: https://www.kised.or.kr/_eng/
26. U.S. Small Business Administration (2023). URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2024/02/SBA-2023-EAP-Summary.pdf
27. Официальный сайт «Сколково» (2024). URL: https://www.sk.ru/
28. Налоговые льготы для ИТ-компаний. Минцифры России (2024). URL: https://digital.gov.ru/en/activity/mery-podderzhki-it-otrasli/nalogovye-lgoty-2
29. NASA (2024) // International Partnerships Report. URL: https://www.nasa.gov/partnerships/
30. Horizon Europe. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en
31. ITER (2024) // Project Materials. URL: https://www.iter.org/
32. The «Chip 4 Alliance» and Taiwan–South Korea Relations. September 2023. URL: https://globaltaiwan.org/2023/09/the-chip-4-alliance-and-taiwansouth-korea-relations/
33. CERN (2024) // Membership Information. URL: https://home.cern/about/who-we-are/our-governance/member-states
34. European Commission (2023) // Participation in Horizon Europe. URL: https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en
35. ESA Participation in Research Programs. URL: https://www.esa.int/About_Us/Corporate_news/ESA_and_the_EU
36. Россия и Китай заключили меморандум о сотрудничестве при строительстве электростанции на Луне. URL: https://habr.com/ru/news/908532/
37. Клавдиенко П. Государственная поддержка НИОКР и инноваций в бизнес секторе стран ЕС // Инновации. 2021. С. 63–68. DOI: 10.26310/2071-3010.2021.270.4.008
38. Финансирование НИОКТР. URL: https://gisnauka.ru/
39. OECD Main Science and Technology Indicators. URL: https://www.oecd.org/en/data/datasets/main-science-and-technology-indicators.html

The Role of Financial Policy Instruments in Supporting R&D

Demidova S.E., Molyavina A.A., Sokolova D.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The relevance of the research is determined by the need to analyze the effectiveness of government financial policy aimed at ensuring macroeconomic stability and stimulating economic growth in the context of global challenges and technological transformations.

The purpose of the article is to analyze financial policy instruments aimed at supporting scientific research and development in the country. To achieve this goal, the following tasks were set: based on theoretical approaches and available statistical data, to investigate and systematize key fiscal policy instruments aimed at supporting R&D used in domestic and foreign practice, to identify stable dependencies of macroeconomic parameters.

The study highlights the importance of financial measures aimed at stimulating scientific research and innovation, which is especially important for Russia in the context of the need to achieve technological sovereignty.

Keywords: fiscal policy, government spending, R&D spending, economic growth, innovation, GDP

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-47-51

«Тарифная война» война Дональда Трампа и ее влияние на мировую экономику и экономическую безопасность России

Зарезнов Д.А.
Соискатель кафедры строительных материалов
Казанского государственного архитектурно-строительного университета

В статье на основе ситуационного анализа дана оценка влияния экономической политики США на мировую социально-экономическую систему и рассматриваются особенности тактики и стратегии администрации 47-го Президента США Д. Трампа по достижению глобального доминирования. Опираясь на результаты ретроспективного и факторного анализов, автором выявлены причины, мотивы, цели и механизмы новой американской экономической политики и определена роль тарифов и «торговых сделок» в качестве инструментов достижения глобальной гегемонии. Используя выводы стохастического анализа и экспертных оценок, в работе диагностируется степень влияния текущей экономической политики США на мировое хозяйство и показана её корреляционная связь с политическими интересами правящей на сегодня части американской элиты. Применяя сравнительный анализ и доказательный подход, исследователь идентифицирует спровоцированные «тарифной войной» актуальные угрозы экономической безопасности России и предлагает пути и методы их эффективной минимизации.

Ключевые слова: *тарифная война, геополитическая и геоэкономические турбулентности, тарифы, экономические санкции, экономический потенциал, внешние угрозы, торговые сделки*

Для цитирования: *Зарезнов Д.А. «Тарифная война» война Дональда Трампа и ее влияние на мировую экономику и экономическую безопасность России // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 47–51. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-47-51.*

Неожиданная для многих победа Дональда Трампа на президентских выборах в сентябре 2024 г. оказала определяющее влияние не только на текущую социально-экономическую ситуацию в самих США, но и стала причиной глобальных геополитических и геоэкономических изменений, затронувших практически все без исключения государства нашей планеты и их объединения. На наш взгляд, возвращение Д. Трампа в Белый дом в значительной мере было обусловлено осознанием определенной части американской элиты всей реальности угрозы утраты Соединенными Штатами статуса первой экономики мира и последующим за этим неизбежного пересмотра роли страны как гегемона мировой социально-экономической системы, которая в последние годы трансформируется в направлении создания альтернативных центров принятия решений и возникновения новых точек экономического роста, расположенных прежде всего в Азии и Африке. И в этой складывающейся, критической для США ситуации значительная составляющая национального истеблишмента поддержала кандидатуру Дональда Трампа в качестве «кризисного управляющего», способного «Сделать Америку снова великой» (*MAGA*).

При этом, несмотря на набирающий силу процесс установления многополярного мирового порядка, США в силу значительности своего военно-поли-

тического и экономического потенциалов с ведущей в мировой торговле валютой по-прежнему являются бесспорным лидером коллективного Запада и претендуют как минимум на статус одного из центров формирующегося мироустройства, при этом рассматривая Китай в качестве своего главного геополитического противника, несущего для страны экзистенциальную угрозу.

Тактика и стратегия новой администрации США по достижению экономического доминирования

Согласно данным Управления Конгресса США по бюджету, к моменту возвращения Д. Трампа в Белый дом в январе 2025 г. американское государство находилось под реальной угрозой банкротства, накопив колоссальный по объему внешний долг в 36,6 трлн долл., обслуживание которого ежегодно требует почти 950 млрд долл. при хроническом дефиците бюджета в размере 2 трлн долл. в год (что объясняется устоявшейся многолетней практикой его покрытия за счет внешних заимствований и перекладывания финансового бремени текущих проблем на будущие поколения) и перспективой его роста до 50 трлн долл. к 2027 г. [1].

Необходимо отметить, что убедительная по американским меркам победа Д. Трампа на последних выборах в значительной мере была обеспечена за счет голосов консервативной части общества, испытывающей ностальгию по былому и безоговорочному величию США и их исключительному положению в мире второй половины XX в., когда их страна была центром передовых научно-технических разработок, а национальная промышленность обоснованно гордилась самым высоким уровнем производительности труда и собственными высококвалифицированными кадрами, число которых до начала 80-х гг. XX в. постоянно увеличивалось. Однако глобализация мировой экономики привели в начале текущего века к переносу значительной части производств в страны с более «дешевой» рабочей силой, что запустило процессы деиндустриализации американской экономики и её переориентации на финансовый сектор и сферу услуг, дополненные деградацией основной части населения, постепенно превратившейся из активных созидателей материальных благ в квалифицированных потребителей. С 1997 по 2023 гг. США утратили порядка 5 млн рабочих мест в промышленности [2], а согласно данным ООН промышленное производство в период с 2001 по 2023 гг. сократилось с 28,4 до 17,4 % [3]. И впервые с негативными последствиями этих процессов американское общество отчетливо столкнулось в период пандемии *COVID*-19, когда в мире развернулась настоящая борьба за необходимые для эффективного и своевременного противодействия эпидемии материальные ресурсы и проявились неоспоримые конкурентные преимущества стран их производивших, получивших возможность влиять на распределение тех или иных изготовленных на их территории продуктов вне зависимости от юрисдикции собственников предприятий и без учета их мнения.

На сегодня 47-й Президент США, как и власти РФ, видит своей главной задачей в экономической сфере достижение национального суверенитета, избрав при этом достаточно революционную и нестандартную тактику и стратегию её реализации. Поставив перед собой цель вернуть производственные мощности на американскую землю, Д. Трамп фактически начал торговую войну против почти всех стран мира, включая традиционных союзников США, обвинив последних в паразитировании на американской экономике. Выбрав в качестве своего главного оружия тарифную политику и воспользовавшись XXI статьей Генерального соглашения о тарифах и торговле, под предлогом борьбы с угрозой национальной безопасности 2 апреля 2025 г. в «День Свободы» (*Liberation Day*) Дональд Трамп подписал исполнительный указ № 14257 и ввел пошлины на большинство товаров, импортируемых в США из 185 государств, территорий и их объединений, планируя получать ежегодно до 1 трлн долл. дополнительных доходов. При этом действующая администрация исходит из того, что премиальный потребительский рынок США из-за низких ввозных пошлин является крайне привлекательным для иностранных поставщиков, в то время как американский экспорт в этих странах облагается по более высоким ставкам, что и привело в 2024 г. к образованию внешнеторгового дефицита в 1,2 трлн долл. [4], который ещё больше провоцировал деиндустриализацию экономики Соединенных Штатов.

Назвав свои пошлины «декларацией экономической независимости» [4], Дональд Трамп предложил рассматривать введенные тарифы в качестве ответной меры на существующий уровень барьеров против американских товаров и инструментом защиты экономической безопасности страны. Исходя из этого посыла, первоначально «зеркальные» тарифы рассчитывались в диапазоне от 10 до 50 % таким образом, чтобы их значение было примерно вдвое ниже размера тарифов и нетарифных барьеров, установленных той или иной страной для товаров из США. В дальнейшем в зависимости от реакции партнеров на объявленную тарифную войну американская администрация стала корректировать размер ставок для отдельных стран, введя 9 апреля 2025 г. 90-дневный мораторий в отношении 75 запросивших переговоры государств, установив для них на этот период «базовый» 10 % тариф. При этом в отношении вступившего в открытое противоборство Китая в апреле 2025 г. тариф был увеличен до беспрецедентного уровня в 145 % [5].

Сегодня становятся понятными основные принципы тарифной политики Д. Трампа, предполагаю-

щей получение экономических выгод через заключение долгосрочных «сделок» с каждой отдельной страной и установление для каждого торгового партнера индивидуальных ставок, обусловленных признанием гегемонистской роли Америки в мире и готовностью слепо следовать социально-экономическому и политическому курсам США. Открыто проводя политику протекционизма и переформатируя глобальные цепочки поставок в пользу внутреннего рынка новая администрация США рассчитывает не только на возвращение ранее ушедших производств национальных компаний, но и на перенос иностранных производственных мощностей непосредственно на территорию Соединённых Штатов, что положительно повлияет как на наполнение бюджета, так и на увеличение рабочих мест для американских избирателей. И мировому большинству сегодня абсолютно ясно, что США стремятся восстановить свое глобальное доминирование за счет ущемления интересов других стран, ломая при этом сложившийся мировой порядок, ранее построенный ими же на принципах глобальной экономики.

Реакция основных субъектов мировой экономики на новую тарифную политику США

Введение Дональдом Трампом новых тарифов взорвали мировые фондовые рынки, что привело к снижению рыночной стоимости акций компаний *S&P* 500 к 05.04.20215 г. на 5 трлн долл., при этом нефть подешевела на 7 %, доллар против основных валют упал в первый же день на 2 % [6], а инвесторы экстренно перенаправили свои капиталы в менее прибыльные, но более надежные государственные облигации. В дальнейшем падение биржевых индексов на Нью-Йоркской фондовой бирже продолжалось все следующую неделю и *Dow Jones* снизился на 3,12 %, *S&P* – на 3,39 %, электронной биржи *Nasdaq* – на 3,93 %. Фондовые рынки Европы также не остались в стороне, и в Лондоне индекс *FTSE* 100 на старте торгов потерял свыше 5 %. Примечательно, что падали и индексы европейских оборонных предприятий, включая акции *Rheinmetall AG,* которые рухнули на 27 %, что, по заявлению агентства *Bloomberg*, стало самым резким однодневным падением за всю его историю [7].

Оправившись от апрельского тарифного шока, участники глобального рынка по-разному стали реагировать на развязанную США тарифную войну, рассматривая варианты от безоговорочной капитуляции до активной обороны. Находясь в состоянии возрастающей неопределенности и опасаясь значительных социально-экономических издержек, большинство торговых партнеров первоначально стали активно разрабатывать ответные «анти-трамповские» меры, предполагая тем самым укрепить свои переговорные позиции в будущих коммуникациях с американскими партнерами. При этом общая угроза заставила, хоть и на минимальном уровне (попытки координации ответных мер), но все же сплотиться такие страны как КНР, Япония и Южная Корея или КНР и ЕС, контурно обозначив потенциальные альянсы «сопротивления», которые, впрочем, так и не получили дальнейшего практического «наполнения».

Страны ЕС, извлекшие в 2024 г. от экспорта в США 531,6 млрд долл. доходов [8], после громких демагогических заявлений согласились на переговорное решение, получив 90-дневную отсрочку на введение повышенных ставок. При этом миллиардеры из ближайшего окружения Д. Трампа выступили против увеличения пошлин, а Илон Маск открыто призвал к их полному «обнулению» и созданию зоны свободной торговли с ЕС [9].

Наиболее активно новой американской тарифной политике стал противодействовать Китай, обладающий почти самодостаточной экономикой и крупнейшим в мире внутренним потребительским рынком. С учетом того, что товарооборот между Китаем и Соединенными Штатами по итогам 2024 г. достиг 688,28 млрд долл., а поставки из США в Китай составили всего лишь 163,62 млрд долл., именно КНР фактически стали основной целью развязанной тарифной войны. Однако, в отличие от практики предыдущих лет, КНР отказалась безоговорочно признать новые ставки пошлин и практически сразу ответила США симметричными пошлинами в 34 %, которые впоследствии поэтапно были увеличены до 125 % при ответной американской ставке в 145 % [10]. В результате сложились угрозы «вымывания» значительной доли необходимых для американского потребительского рынка китайских товаров, дефицита и роста внутренних потребительских цен, а в дальнейшем дестабилизации американской и глобальных экономик. Осознав реальность этих вызовов, США были вынуждены признать ошибочность своей тарифной политики в отношении Китая и запросили переговоры, проведенные сторонами 10–11 мая 2025 г. в Женеве, где были достигнуты договоренности о взаимном снижении до 10 % введенных в апреле дополнительных пошлин при сохранении введенных в феврале и марте 2025 г. защитных мер.

Актуальные внешние угрозы и вызовы экономической безопасности России

Совершенные американской администрацией практические шаги по реализации новой тарифной политики уже привели к значительным негативным эффектам для мировой экономики, спровоцировав возрастание неопределённости, фрагментацию и замедление роста глобального рынка. Большинство экспертов достаточно обоснованно полагают, что спрогнозированные Международным валютным фондом в начале года темпы роста мировой экономики в размере 3,3 % [11] уже не будут достигнуты, и с учетом существующих реалий в 2025 г. Всемир-

ная торговая организация ожидает рост глобального ВВП не более чем на 2,2 % [12].

И хотя пошлины Дональда Трампа не направлены непосредственно на экономику России, они, безусловно, окажут на неё опосредованное негативное воздействие, создавая новые угрозы и вызовы экономической безопасности, главным из которых, на наш взгляд, является угроза снижения спроса на российские топливно-сырьевые товары, продажа которых на рынках экономик крупнейших азиатских стран по-прежнему составляет существенную часть доходов государственного бюджета и напрямую влияет на устойчивость отечественной экономической системы [13]. Кроме того, ожидаемое общее сокращение экспорта и падение мировых цен на нефть неизбежно приведут к ослаблению рубля и дальнейшему увеличению дефицита бюджета, что также негативно отразится на процессе снижения ключевой ставки ЦБ РФ, а значит, и доступности кредитных ресурсов для отечественного бизнеса. Для поддержания устойчивости бюджета Минфин РФ, в соответствии с принятым бюджетным правилом, для компенсации выпадающих нефтегазовых доходов в апреле текущего года уже начал продажу валюты из Фонда национального благосостояния [14], что с учетом поэтапного (апрель – май) увеличения группой ОПЕК+ объемов добычи нефти может стать негативной и при этом устойчивой практикой на среднесрочную перспективу. Кроме того, по нашему мнению, пока отсутствуют какие-либо предпосылки к восстановлению объемов мировой торговли и возвращению нефтяных котировок к уровню начала 2025 г. На этом фоне аналитики «*Bloomberg Economics*» предполагают, что геоэкономическая турбулентность 2025 г. приведет к росту российского ВВП не более чем 0,5 % – 1 % [15], а эксперты «Ренессанс капитале» считают, что в случае падения стоимости основного экспортного сорта сырья *Urals* ниже 50 долл. за баррель рост ВВП может снизиться почти до нуля [16].

В то же время российский потребительский рынок с высокой степенью вероятности в ближайшее время столкнётся с увеличением доли товаров из Китая и краткосрочным снижением цен на них, которые, впрочем, неизбежно будут скорректированы по достижению компромисса между США и КНР в ходе проводимых двухсторонних переговоров.

Таким образом, несмотря на активизацию процессов переформатирования мирового порядка в направлении создания многополярности и трансформации единого рыночного пространства, в силу значительности военно-политического и социально-экономического потенциалов США, все без исключения страны по-прежнему считаются с их позицией и в дальнейшем будут вынуждены корректировать свою внешнюю и экономическую политику с учетом итогов американских избирательных циклов.

На момент написания настоящей работы можно говорить о том, что наиболее острая фаза «тарифной войны» США со всем миром завершена и, хотя пока заключено только одно торговое соглашение с Великобританией, первые её результаты говорят об определенной эффективности выбранной Д. Трампом стратегии «кнута и пряника», которая однако все же пока не привела к обещанному всплеску иностранных инвестиций. При этом более объективно оценить её результаты можно будет после завершения 90–дневного моратория в июле 2025 г., исходя из итогов переговоров США с основными торгово-экономическими партнерами, в ходе которых они намерены потребовать от последних запрета реэкспорта через их территории товаров из КНР и создания предприятий с китайским участием.

Для Д. Трампа тарифы – это не цель, а инструмент системного давления на потенциальных партнеров в целях решения как экономических задач (ликвидация дефицита торгового баланса и реиндустриализация США), так и решения проблем безопасности (борьба с наркотрафиком и незаконной миграцией), что подтверждает тезис о том, что «политика есть концентрированное выражение экономики» [17]. Снизить государственный долг США в рамках экономической политики новой администрации вряд ли получится, и можно говорить о значительном возрастании риска его реструктуризации уже в среднесрочной перспективе.

В текущих геоэкономических и геополитических реалиях перед Россией стоят задачи минимизации внешних угроз и поддержания приемлемого уровня экономической безопасности, эффективно решать которые можно путем укрепления собственных социально-экономического и технологического потенциалов, продолжения курса на суверенизацию, автоматизацию и цифровизацию национальной экономики и её структурную трансформацию [18], а также стимулирование внутреннего спроса и отечественных товаропроизводителей, результативная финансово-хозяйственная деятельность которых минимизирует риски избыточной зависимости от какой бы то ни было отдельной страны.

Литература:

1. Us Debt Clock.org. URL: https://www.usdebtclock.org/
2. Clarification of Exceptions Under Executive Order 14257 of April 2, 2025, as Amended. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/04/clarification-of-exceptions-under-executive-order-14257-of-april-2-2025-as-amended/
3. Экономики постсоветских стран в 2025 году покажут более скромные результаты. URL: https://www.un.org/es/desa-ru/интервью-экономики-постсоветских-стран-в-2025-году-покажут-более-скромные-результаты
4. New Data Reveals Strong Economic Momentum. URL:https://www.whitehouse.gov/articles/2025/04/new-data-reveals-strong-economic-momentum/
5. ANNEX III. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/04/Annex-III.pdf
6. Мировые рынки пришли в смятение из-за затеянной Трампом глобальной торговой войны. URL: https://www.mk.ru/politics/2025/04/04/mirovye-rynki-prishli-v-smyatenie-izza-zateyannoy-trampom-globalnoy-torgovoy-voyny.html
7. ЕС не будет отвечать на пошлины Трампа немедленно. URL: https://www.ng.ru/world/2025-04-07/1_6_9229_eurounion.html
8 Intra- and extra-EU goods exports. Statista. URL: https://tr-page.yandex.ru/translate?lang=en-ru&url=https%3A%2F%2Fwww.statista.com%2Fstatistics%2F1384673%2Feu-international-trade-intra-extra-exports-goods%2F
9. Маск выразил свое мнение о тарифах Трампа для ЕС. URL: https://www.finam.ru/publications/item/mask-vyrazil-svoe-mneniya-o-tarifakh-trampa-dlya-es-20250406-2049/
10. Трамп: США немедленно повышают пошлины на товары из КНР до 125%. URL: https://sputnik.by/20250409/tramp-ssha-nemedlenno-povyshayut-poshliny-na-tovary-iz-knr-do-125-1095278799.html
11. Перспективы развития мировой экономики (ПРМЭ). URL: https://www.imf.org/ru/Publications/WEO
12. Global Trade Outlook and Statistics. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_outlook25_e.pdf
13. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
14. МинФин. Статистика. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/
15. Bloomberg: ВВП РФ вырастет в 2025 году лишь на 1%. URL: https://www.profinance.ru/news2/2025/05/16/cg02-bloomberg-vvp-rf-vyrastet-v-2025-godu-lish-na-1.html
16. «Названы риски для экономики России из-за тарифной войны Трампа. URL: https://lenta.ru/news/2025/04/14/nazvany-riski-dlya-ekonomiki-rossii-iz-za-tarifnoy-voyny-trampa/
17. Ленин Н. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. М.: Издание Отдела печати Московского Совета РК и КД, 1921. 32 с.
18. Шлычков В.В., Батайкин П.А., Нестулаева Д.Р. Суверенизация социально-экономической системы как необходимое условие сохранения Россией международной субъектности // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 10 (492). С. 9–20.

Donald Trump's "Tariff War" and its Impact on the Global Economy and Russia's Economic Security

Zareznov D.A.
Kazan State University of Architecture and Civil Engineering

Based on a situational analysis, the article assesses the impact of U.S. economic policy on the global socio-economic system and examines the tactics and strategies of the administration of the 47th President of the United States. Trump's goal of achieving global dominance. Based on the results of retrospective and factor analyses, the author identifies the causes, motives, goals and mechanisms of the new American economic policy and defines the role of tariffs and "trade deals" as tools for achieving global hegemony. Using the conclusions of stochastic analysis and expert assessments, the work diagnoses the degree of influence of the current US economic policy on the global economy and shows its correlation with the political interests of the currently ruling part of the American elite. Using a comparative analysis and an evidence-based approach, the researcher identifies current threats to economic Russia provoked by the "tariff war" and suggests ways and methods to effectively minimize them.

Keywords: tariff war, geopolitical and geo-economic turbulence, tariffs, economic sanctions, economic potential, external threats, trade deals

УДК 332.146.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-52-56

Концептуальная модель развития социально-экономического пространства региона на основе преобразующих инвестиций

Квон Г.М.
Доктор экономических наук, доцент
кафедры региональной, муниципальной экономики и управления
Уральского государственного экономического университета
(Екатеринбург)

Автором в данном исследовании предлагается к рассмотрению концептуальная модель развития социально-экономического пространства региона, предусматривающая вложение преобразующих инвестиций. Актуальность темы обусловлена существующими диспропорциями в развитии регионов, в том числе и в социальной сфере, преодоление которых обеспечивается вложением данного вида инвестиций.

Цель исследования заключается в обосновании концептуального подхода к реализации преобразующих инвестиций в социально-экономическом пространстве региона. Задачи исследования предусматривают формирование отдельных блоков концептуальной модели и их обоснование.

Научная и практическая значимость работы заключается в том, что предложенная модель, учитывающая результаты проведенных ранее теоретико-методологических исследований автора, позволяет сформировать схему реализации преобразующих инвестиций с учетом влияющих условий и факторов.

Результатом проведенного исследования является сформированная логическая модель, отражающая концепцию реализации региональных инвестиционных программ/проектов социальной направленности.

Научная новизна работы заключается в том, что концептуальная модель, предложенная автором, отражает логику и алгоритм реализации региональных инвестиционных проектов в социально-экономическом пространстве региона на основе преобразующих инвестиций; в данном виде в научном дискурсе модель не была представлена.

Ключевые слова: *преобразующие инвестиции, социально-экономическое пространство, концептуальная модель реализации преобразующих инвестиций, регион, оценка эффективности*

Для цитирования: *Квон Г.М. Концептуальная модель развития социально-экономического пространства региона на основе преобразующих инвестиций // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 52–56. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-52-56.*

Развитие взглядов на экономическое пространство прошло довольно длительную эволюцию, сформировавшее в итоге различные теоретические и методические подходы к его (пространству) исследованию. Разрабатываемая автором концепция «преобразующих инвестиций», рассматриваемая с точки зрения развития экономического пространства, нашла обобщение в работе [1] при участии в коллективной монографии; автором также подробно исследовались различные аспекты развития (устойчивое, территориальное др.) [2]. Учитывая тот факт, что экономическое пространство региона усложняется,

что приводит к «увеличению количества взаимозависимостей…, к усилению его целостности и перерастанию экономического пространства в систему, управляемую коллективным разумом образованных людей» [3], оно может быть представлено как сфера «развертывания системы знаний, нравственно-культурных ценностей» [4], в связи с чем требует поиска «новых подходов к функционированию социально-экономической системы в целом» [4], одним из которых является инвестирование на основе преобразующих инвестиций.

Здесь необходимо уточнить, что в отличие от общепризнанного определения преобразующих инвестиций, где преобразующие инвестиции – это «инвестиции, нацеленные на максимизацию создаваемой объектами инвестирования социальной, экономической и экологической стоимости», представленного в работе Энтони Багг-Левина и Джеда Эмерсона [5], но не отражающего региональный и пространственный аспект, нами предлагается формулировка, позволяющая «поместить» преобразующие инвестиции в социально-экономическое пространство региона. В этой связи «преобразующие инвестиции в контексте социально-экономического пространства региона представляют собой особый вид инвестиций, имеющих позитивное воздействие на социально-экономические процессы региона, предполагающие обязательную оценку данного воздействия через систему индикаторов на показатели социально-экономического развития региона с учетом его потенциала на основе взаимодействия заинтересованных сторон и обеспечения структурных трансформаций социально-экономического пространства региона для достижения положительных социальных результатов в интересах населения и сохранения их в долгосрочной перспективе, что способствует повышению уровня его шокоустойчивости» [6]. Автором также сформулированы признаки, позволяющие «отграничить» данный вид инвестиций от остальных.

В данной работе ставится задача предложить концептуальный подход к реализации преобразующих инвестиций в социально-экономическом пространстве региона, который предусматривает формирование нескольких блоков:

– формирование основной цели реализации преобразующих инвестиций;

– учет внешней среды преобразующего инвестирования;

– основные элементы разрабатываемой инвестиционной программы региона;

– учет интересов стейкхолдеров (рис. 1).

Рассмотрим предложенную модель. Здесь необходимо отметить, что автором не рассматриваются другие сегменты экономического пространства региона (например, экологический), вложения инвестиций «направлены на снижение социальной напряженности через развитие определенных секторов экономики, отражающих такие виды деятельности, как “Образование” (раздел P, класс ОКВЭД-85) и “Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг” (раздел Q, классы ОКВЭД 86, 87, 88)» [6].

Основная цель реализации преобразующих инвестиций направлена на развитие социально-эко-

Рис. 1. Концептуальная модель реализации преобразующих инвестиций, направленных на развитие социально-экономического пространства региона

номического пространства региона через оказание позитивного воздействия на социальную сферу региона, т.е. инвестиции в основном направлены на решение социальных проблем, повышение качества жизни населения, снижение социальной напряженности, улучшение инвестиционного климата, рост налоговых поступлений в бюджеты разных уровней. На уровне предприятия они предусматривают получение прибыли, рост платежеспособности и финансовой устойчивости организации, реализациюю принципов *ESG*, повышение имиджа организации. В ряде исследований *ESG*-инвестирование (инвестиции в компании, придерживающихся в своей деятельности принципов экологических (*E*), социальных (*S*) факторов, а также факторов корпоративного управления (*G*)) рассматривается как понятие, более широкое, чем преобразующее инвестирование [7][1]; наша же позиция заключатся в том, что (*ESG*) инвестирование – один из подходов к преобразующему инвестированию, т.е. преобразующие инвестиции уже включают в себя *ESG*-инвестиции (также как и социально ответственные (*SRI*) инвестиции).

Реализация преобразующих инвестиций должна учитывать объективно существующие для данной территориальной системы факторы внешней среды (макроэкономические, рыночные, отраслевые, законодательные и др. факторы), а также сложившиеся мегатенденции (например, старение населения, снижение рождаемости, рост значимости коммуникаций и образования и др.), обусловливающих направления преобразующих инвестиций. Учет внешней среды позволяет обосновать условия реализации социально-ориентированных программ/проектов, подобрать показатели, формирующие соответствующие группы факторов, провести анализ их тенденций, спрогнозировать возможные социальные трансформации в результате реализации инвестиционных программ [8; 9].

Разработка инвестиционной программы (проекта) региона социальной направленности начинается с осознания социальных проблем, требующих своего решения, обоснование цели преобразующего проекта, выбор направлений инвестирования, обеспечение целевой результативности. В данном блоке особое значение имеет оценка «комбинированной» эффективности программы и оказываемого ею (или проектом) «преобразующего» воздействия. Сложность оценки заключается в отсутствии какой-то единой методики (в отличие от оценки эффективности коммерческих проектов [10]), оценка может проводиться с использованием как качественных, так и количественных методов. Качественная оценка предполагает выбор ряда индикаторов, отражающих приоритеты развития территории (например, направленность программ/проекта на решение социальной проблемы, охват населения результатами по проекту и др.), определение веса каждого индикатора, определение значения каждого индикатора (в баллах), а также нами предлагается провести корректировку полученной оценки на так называемый «дедвейт» («величина результата, который был бы достигнут, даже если бы мероприятие не состоялось» [11]).

Количественная оценка предусматривает оценку результатов в стоимостном выражении в результате реализации преобразующих инвестиций (например, число предотвращенных преступлений, увеличение числа рабочих мест и др.), здесь активно используется методология *SROI* (или *SIA* (*social impact assessment*), в переводе «оценка социального воздействия») [12]. Методы оценки воздействия, оказываемого преобразующими инвестициями, обобщены автором в работе [13]. При оценке воздействия (эффективности программ или проекта) важна оценка риска, которая предусмотрена и российской методологией [10]. Нами при рассмотрении методологии исследования преобразующих инвестиций указывалось на дуальный характер «социальных» рисков: преобразующие инвестиции позволяют снизить (или преодолеть) «старые» риски, с одной стороны, но их реализация может привести к «новым» рискам – с другой [14].

Оценка программы/проекта предусматривает составление карты воздействия (логической модели), показывающей процесс изменений, происходящих в результате реализации программ (или связанной с какой-либо деятельностью); она может быть представлена графически, как реализация «цепочки», показывающей взаимосвязь между входными ресурсами (например, финансирование программ), мероприятиями (необходимые действия), непосредственным результатом (например, количество участвующих людей), социальным результатом (предполагаемые долгосрочные изменения) – воздействие (результат по проекту за вычетом того, что произошло бы в любом случае) [15].

К стейкхолдерам можно отнести социально-ориентированные организации, имеющие своей целью получение не только социального эффекта, но и прибыли, обеспечивающей рост платёжеспособности, повышение имиджа организации, частных инвесторов, инвестиционные фонды (преобразующие инвестиции обеспечивают рост доходности, получение льгот и т.п.), отдельных лиц, охватываемых инвестиционной программой региона, на решение проблем которых направлены «социальные» инвестиции; органы государственной власти (обеспечивающие при помощи преобразующих инвестиций повышение качества жизни населения, снижение социальной напряженности, улучшение инвести-

[1] Мировой опыт развития импакт-инвестиций / Фонд «Наше будущее». М., 2020. URL: https://www.b-soc.ru/wp-content/uploads/2020/03/issledovanie.pdf (дата обращения: 14.05.2025).

ционного климата, рост налоговых поступлений в бюджеты разных уровней.

Таким образом, обобщая результаты данного исследования, можно сделать следующие выводы. В работе:

– представлено обоснование термина «преобразующие инвестиции», рассматриваемые в экономическом пространстве региона;

– рассмотрен только социальный сегмент экономического пространства региона;

– представлена модель реализации региональных инвестиционных программ (проектов) на основе преобразующих инвестиций; концептуальная модель учитывает специфику преобразующих инвестиций на мезоуровне;

– рассмотрена специфика экономической эффективности преобразующих проектов, оказывающих положительное воздействие на развитие экономического пространства, в том числе и теорию изменений.

Данная модель обобщает результаты более ранних исследований автора, которые позволяют отразить специфику реализации преобразующих инвестиций в социально-экономическом пространстве региона. Необходимо отметить, что данная модель требует в дальнейшем своего расширения в части развития подходов к оценке рисков преобразующих проектов, а также учета институциональных факторов.

Литература:

1. Квон Г.М. Преобразующие инвестиции в контексте эволюции теорий пространственной экономики // Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике. Екатеринбург: Уральский гос. эконом. ун-тет, 2022. С. 95–106.
2. Зеленая экономика в парадигме устойчивого развития / И.Н. Альхимович, Н.Р. Амирова, Е.В. Бурденко [и др.]. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2023. 248 с.
3. Бочко В.С. Ускоряющие и сдерживающие факторы скоординированного и сбалансированного развития регионов // Экономика региона. 2015. № 1 (41). С. 39–52. DOI 10.17059/2015-1-4.
4. Сурнина Н.М., Шишкина Е.А. Региональное развитие: смещение пространственных приоритетов и измерителей // Известия Уральского государственного экономического университета. 2015. № 5 (61). С. 69–75.
5. Багг-Левин Э., Эмерсон Дж. Социально-преобразующие инвестиции. Как мы меняем мир и зарабатываем деньги. М.: Полит. энцикл., 2017. 217 с.
6. Квон Г.М. Развитие социально-экономического пространства региона на основе преобразующих инвестиций: автореф. дисс. ... докт. эконом. наук. Екатеринбург, 2024. 47 с.
7. Мировой опыт развития импакт-инвестиций // Фонд «Наше будущее». URL: https://www.b-soc.ru/wp-content/uploads/2020/03/issledovanie.pdf (дата обращения: 14.05.2025).
8 Квон Г.М. Факторы реализации преобразующих инвестиций: оценка показателей развития социальной среды // Региональная экономика: теория и практика. 2023. Т. 21. № 11(518). С. 2154–2177. DOI: 10.24891/re.21.11.2154.
9. Квон Г.М. Преобразующие инвестиции: исследование структурных трансформаций социальной сферы макрорегиона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2024. Т. 20. № 5(434). С. 944–964. DOI: 10.24891/ni.20.5.944.
10. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (вторая редакция, исправленная и дополненная): утверждены Минэкономики РФ, Минфином РФ и Госстроем РФ 21 июня 1999 г. № ВК 477.
11. Maldonado M., Corbey M. Social return on investment (SROI): a review of the technique // Maandblad Voor Accountancy en Bedrijfseconomie. 2016. Vol. 90. № 3. P. 79–86.
12. Nicholls J., Lawlor E., Neitzert E., Goodspeed T. A guide to social return on investment. London: The SROI Network, 2009. 106 p.
13. Квон Г.М. Оценка социального воздействия преобразующих инвестиций: проблемы и подходы // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 4. С. 24–28.
14. Квон Г.М. Сущность пространственно-интегрированной методологии исследования преобразующих инвестиций в экономическом пространстве региона // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 31–37.
15. Руководство по оценке социального возврата на инвестиции (SROI). URL: https://impact.ngo.ru/library/view/39 (дата обращения: 28.05.2025).

A Conceptual Model for the Development of the Region's Socio-Economic Space Based on Transformative Investments

Kvon G.M.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

In this study, the author proposes to consider a conceptual model for the development of the socio-economic space of the region, providing for transformative investments. The relevance of the topic is due to the existing imbalances in the development of regions, including in the social sphere, which are overcome by investing this type of investment.

The purpose of the study is to substantiate a conceptual approach to the implementation of transformative investments in the socio-economic space of the region. The objectives of the study include the formation of separate blocks of the conceptual model and their justification.

The scientific and practical significance of the work lies in the fact that the proposed model, which takes into account the results of the author's previous theoretical and methodological research, allows us to form a scheme for implementing transformative investments, taking into account the influencing conditions and factors.

The result of the conducted research is the formed logical model reflecting the concept of implementation of regional investment programs/projects of social orientation.

The scientific novelty of the work lies in the fact that the proposed conceptual framework reflecting the logic and algorithm of implementing regional investment projects in the socio–economic space of the region based on transformative investments has not been presented in this form in scientific discourse.

Keywords: transformative investments, socio-economic space, conceptual model for the implementation of transformative investments, regoin, efficiency assessment

УДК 336.6
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-57-62

Формирование системы финансового контроллинга в организациях сферы общественного питания

Конюшков А.И.
Преподаватель кафедры общего земледелия, растениеводства и селекции Дальневосточного государственного аграрного университета (Благовещенск)

Статья посвящена развитию знаний в вопросе формирования системы финансового контроллинга в организациях общественного питания. Основными задачами исследования выступили: 1) раскрытие сущности понятия «финансовый контроллинг»; 2) формирование концептуальных моделей финансового контроллинга для организаций сферы общественного питания с учетом сложившихся трендов на рынке, декларируемых целей руководством и (или) жизненного цикла бизнеса; 3) совершенствование комплекса показателей информационного обеспечения системы целей финансового контроллинга в организациях общепита.

Научная новизна исследования выражается в разработке автором концептуальных моделей финансового контроллинга для организаций сферы общественного питания; презентации предложения о применении вертикальной модели актуализации параметров финансового контроллинга и подготовке усовершенствованного комплекса показателей для повышения качества информационного обеспечения системы целей финансового контроллинга.

Поднятая проблема формирования эффективной системы финансового контроллинга в организациях сферы общественного питания очень обширна и глубока, поэтому в данной публикации только начата работа по ее формированию, в частности, рассмотрены фундаментальные его составляющие, а частные вопросы выбора показателей и их применения на практике станут объектами дальнейшего научного исследования автора и последующих публикаций на эту тему.

Ключевые слова: *финансовый контроллинг, общественное питание, устойчивое развитие, менеджмент, иерархия целей, стратегическое планирование*

Для цитирования: *Конюшков А.И. Формирование системы финансового контроллинга в организациях сферы общественного питания // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 57–62. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-57-62.*

Обеспечение устойчивого развития коммерческой организации объективно невозможно без наличия достаточного финансирования целей и задач, заявленных в стратегии развития, а также эффективного использования самих финансовых ресурсов в бизнес-процессах хозяйствующего субъекта. Обеспечением такой сложной и многоаспектной задачи занимается финансовый контроллинг, который по своей сущности является альтернативой финансовой диагностике и оценке результатов выполнения цели корпораций в системе финансового менеджмента.

Несмотря на достаточно длительную историю (финансовый контроллинг начал формироваться в период мирового экономического кризиса 20–30-х гг. XX в., в годы т.н. Великой депрессии в США), в современной академической литературе и деловых кругах не в полной мере освещены как

терминологические вопросы содержания финансового контроллинга (в нашем случае – применительно к организациям сферы общественного питания), так и практические аспекты выбора модели его реализации и соответствующих индикаторов для анализа и оценки эффективности использования финансовых ресурсов и связанных с этим рисков, что обуславливает актуальность темы научной публикации в контексте начала работы по формированию комплексной модели финансового контроллинга, интегрирующей оперативный и стратегический его виды и преодоления методической несогласованности отдельных методов проведения финансового контроллинга и выбора критериальных значений финансовых показателей.

Для корректной реализации цели научного исследования автором был сформирован понятийный аппарат, направленный на раскрытие сущностно-функционального содержания понятия «финансовый контроллинг». В процессе проведения библиографического обзора было установлено, что в ни в академической литературе, ни в деловой среде не сложилось единой точки зрения в части трактовки указанного понятия, что подчеркивает сложность темы.

В работе немецкого экономиста Д. Хана «Планирование и контроль: концепция контроллинга» указанное понятие трактуется как «автоматизированная система управления информационным обеспечением, ориентированного на формирование добавленной экономической стоимости (ценности)» [1, с. 224]. Т. Рейхманном в определении проводилось отождествление финансового контроллинга с управленческим учетом, что аргументировалось его «первостепенной задачей обеспечить менеджмент достоверной и актуальной информацией» [2, p. 23]. П. Прайсслер, напротив, подчеркивал, что финансовый контроллинг – это своеобразная надстройка «внутрифирменного планирования, направленная обеспечивать все бизнес-процессы корректной и неизбыточной информацией» [3, p. 33–34].

В противовес *европейской (немецкой) школе*, отличающейся более высоким академизмом и ограничением финансового контроллинга функцией информационного обеспечения, представителями *американской (англо-саксонской) школы* (Г. Пич, Э. Шерм) указанное понятие рассматривается в прагматичном ключе как самостоятельное звено управленческого учета, обеспечивающее достижение стратегических (оперативных) целей бизнеса с учетом факторов времени, неопределенности и риска [4, с. 103].

В российской академической среде в вопросе организации и применения финансового контроллинга наиболее известны такие исследователи как Е.А. Ананькина, Н.Г. Данилочкина, А.М. Карминский, С.Г. Фалько. Так, в работах Е.А. Ананькиной и Н.Г. Данилочкиной финансовый контроллинг трактуется как самостоятельное направление экономической работы коммерческой организации, направленное на «проактивный (опережающий) контроль правильности и эффективности принимаемых оперативных и стратегических управленческих решений» [5, с. 31].

Ориентированность контроллинга на будущее подчёркивают в своей работе А.М. Карминский и С.Г. Фалько. В их понимании финансовый контроллинг представляет собой ориентированную на перспективу информационно-аналитическую систему показателей, которая направлена на «обеспечение исполнения цикла управления по всем функциональным сферам предприятия и процессам» [цит. по: 6, с. 103].

Наиболее емкое, по мнению автора, определение финансового контроллинга приведено в работе Н.Ф. Алтуховой и Е.Г. Азмановой: в их видении – это концептуальная модель управления, которая направлена на «гармонизацию исполнения (достижения) стратегических и оперативных целей бизнеса с учетом его текущего и перспективного финансового состояния, а также имеющихся резервов и возможностей экономического развития» [7, с. 16–17].

В указанном определении достаточно четко выражена связь финансового контроллинга с процессным подходом к управлению и его прямым влиянием на бизнес-процессы, что позволило автору сформировать собственную классификацию концептуальных моделей финансового контроллинга для организаций сферы общественного питания (табл. 1).

Предложенная автором классификация концептуальных моделей финансового контроллинга для организаций сферы общественного питания имеет ряд преимуществ: во-первых, в каждой из модели выделены четкие границы ее функционального применения с позиции охватываемых ею бизнес-процессов, что повышает точность выбора менеджментом необходимой модели, а также не создает ситуации сбора избыточной информации; во-вторых, под каждую модель автором предложены (в дальнейшем они могут быть развиты и уточнены) критериальные показатели, обеспечивающие минимально необходимое информационное обеспечение нормального функционирования модели; в-третьих, модели могут комбинироваться между собой и адаптироваться под запросы менеджмента в конкретной организации.

Для адаптации описанных концептуальных моделей финансового контроллинга под конкретный бизнес рекомендуется проводить по предложенной автором вертикальной модели уточнения параметров финансового контроллинга (рис. 1).

На первом этапе анализируется философия бизнеса и выделяются ключевые долгосрочные тренды, декларируемые учредителями и менеджментом, на-

Таблица 1

Концептуальные модели финансового контроллинга для организаций сферы общественного питания

Название концептуальной модели	Характеристика концептуальной модели
1. Ресурсно-ориентированная	Модель ориентирована на максимальный контроль за ресурсными бизнес-процессами, в частности график снабжения, логистические издержки, платежно-расчетная дисциплина контрагентов. В отдельных случаях такая модель может применяться к организациям, находящимся в стадии агрессивного физического расширения, увеличения производственных мощностей. Основные критериальные показатели связаны с выбором поставщиков с позиции условий поставок продуктов, оборудования; заключением договоров аренды, сервисных услуг; формированием межфирменной кооперации с другими представителями сферы *HoReCa*
2. Эффективностно-ориентированная	Модель используется в организациях, испытывающих сложности в обеспечении эффективности осуществления бизнес-процессов или управления активами с точки зрения платежеспособности, ликвидности, рентабельности. Как правило, модель применяется в антикризисных целях и направлена на снижение операционных издержек, повышение расчетно-кассовой дисциплины, улучшение платежеспособности и рентабельности хозяйственной деятельности. Критериальные показатели опираются на группы индикаторов платежеспособности, рентабельности и финансовой устойчивости
3. Инновационно-ориентированная	Модель применяется в отношении организаций, стремящихся к инновационной траектории развития, и нужна для контроля за экономической эффективностью инвестиций в инновации и технологическое реформирование бизнес-процессов. Модель носит выраженный перспективный (прогностический) характер и является достаточно динамичной, т.к. напрямую зависит от инвестиционной активности бизнеса и графика поступления инвестиционных ресурсов. Критериальные показатели, с одной стороны, завязаны на показателях оценки эффективности инвестиций (окупаемость, индекс рентабельности, показатели *NPV* и *IRR*), с другой – на показателях рентабельности создаваемых активов и их способности генерировать экономическую добавленную стоимость (*EVA*)
4. Модель реструктуризации (реинжиниринга)	Модель применяется в отношении зрелых бизнесов, чья деловая активность находится на нисходящей кривой, и менеджмент которых планирует «перезагрузку» бизнеса путем реинжиниринга отдельных бизнес-процессов или полного переформатирования бизнес-модели в ее организационной и экономической частях (например, смена организационной формы; пересмотр состав учредителей; проведение сделки слияния-поглощения или купли-продажи бизнеса). Критериальные показатели для данной модели достаточно индивидуальны и касаются будущих синергетических эффектов от реализации коренных изменений бизнес-модели хозяйствующего субъекта. Модель отличается работой в условиях повышенной неопределенности и риска, а сами критерии подвержены субъективации со стороны заинтересованных лиц

Источник: составлено автором по данным [8; 9].

пример, ребрендинг объекта общественного питания, межфирменная кооперация с виртуальными платформами доставки и т.п. Сбор информации на этом этапе позволяет более-менее точно определиться с будущей концептуальной моделью финансового контроллинга.

На втором этапе анализируется цепочка создания ценности, проводится рэнкинг предлагаемых общепитом продуктов (блюд) и услуг с позиции их вклада в формирование доходов и формируется карта приоритетов развития бизнес-направлений (например, в широко известной сети ресторанов «Додо Пицца» до 80–85 % доходов приходится на доставку пицц клиентам и только остальные 15–20 % – на обслуживание клиентов в зале) [11]. Это позволяет завершить выбор модели финансового контроллинга и провести первичный отбор критериальных показателей для будущих оценок и прогнозов.

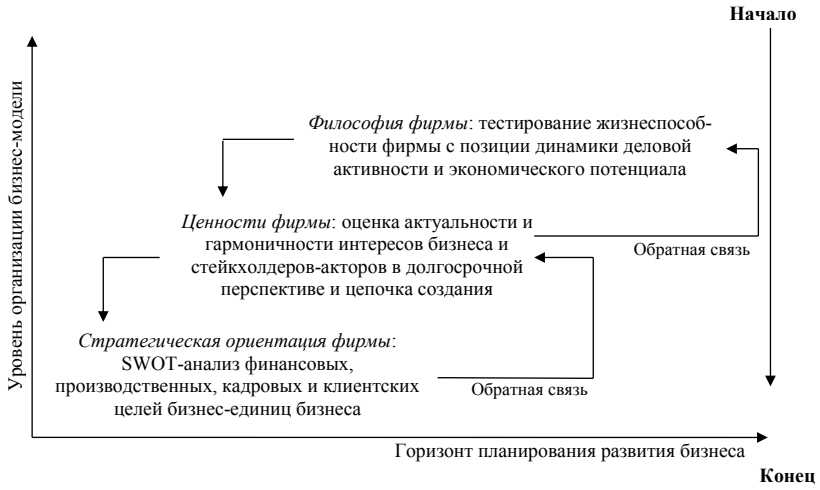

Рис. 1. Вертикальная модель актуализации параметров финансового контроллинга в организации сферы общественного питания

Источник: составлено автором по данным [10].

На третьем этапе изучается стратегическая ориентация фирмы, посвященная непосредственно анализу целей и задач развития в разрезе отдельных бизнес-процессов и центров

ответственности, что позволяет определить окончательные параметры развития бизнеса на горизонте до одного календарного года и установить контрольные показатели для ответственных лиц.

Предполагается, что система целей финансового контроллинга предприятия общественного питания будет предполагать четыре основных направления – увеличение валовой прибыли, оптимизацию оборотных средств, исполнение планов и заказов. Данные направления нацелены на достижение основной цели – увеличение объёмов чистой прибыли компании. В качестве прочих целей предлагается рассматривать оптимизацию кредиторской задолженности, а также контроль ценообразования.

В заключение научного исследования автором был подготовлен усовершенствованный комплекс показателей, способный выполнять задачу информационного обеспечения системы целей финансового контроллинга в организациях общественного питания (табл. 2).

Принципиальными отличиями представленного автором усовершенствованного перечня показателей является: а) их информативность и связанность с описанными выше концептуальными моделями финансового контроллинга; б) простота расчета и легкость сбора первичной информации для расчетов; в) прямая связь с бизнес-процессами, составляющими цепочку создания добавочной стоимости; г) данные показатели позволят своевременно выявить проблемы компании в части финансовых потоков через контроль динамики следующих показателей: рост выручки; снижение себестоимости и расходов; снижение оборачиваемости запасов и дебиторской задолженности.

Отдельно предлагается реализовать отчёт «Монитор достижения целей», в котором должны найти отражение производственные показатели деятель-

Таблица 2

Усовершенствованный комплекс показателей информационного обеспечения системы целей финансового контроллинга в организациях общепита

Наименование показателя	Содержание и порядок расчёта показателя	Периодичность расчёта показателя
Увеличение валовой прибыли		
Выручка	Кред. оборот по сч. 90.1	Ежедневно
Себестоимость продаж	Деб. оборот по сч. 90.2	Ежедневно
Совокупная сумма косвенных расходов	Кред. оборот по сч. 25 и 26	Ежедневно
Оптимизация оборотных средств		
Средний размер запасов	Сч. 10 + 20 + 21 + 41	Ежедневно
Оборачиваемость запасов	Выручка / Средний размер запасов	Ежемесячно
Средний срок дебиторской задолженности	Определяется как среднее взвешенное сроков нахождения дебиторской задолженности на балансе	Еженедельно
Оборачиваемость дебиторской задолженности	Выручка / Средний размер дебиторской задолженности	Ежемесячно
Остаток денежных средств	Сч. 50 + 51 + 57	Ежедневно, по запросу
Покрытие денежными средствами платежей по запасам и закупкам	Отношение денежных средств к деб. обороту по счетам дебиторской задолженности	Ежедневно
Исполнение заказов		
Средний срок исполнения заказа клиенту	Определяется по данным информационной системы фронт-офиса	Еженедельно
Средний срок поставки от поставщика	Срок между выставлением счёта и поставкой	Еженедельно
Средний срок производства блюда	Продолжительность смены / Кол-во блюд	Еженедельно
Исполнение планов		
Уровень исполнения плана по продажам (выручке)	Определяется относительно справочного значения	Ежемесячно
Уровень исполнения плана по закупкам	Определяется относительно справочного значения	Ежемесячно
Уровень исполнения плана производства	Определяется относительно справочного значения величины, обратной трудоёмкости	Ежемесячно
Прочие		
Средний срок кредиторской задолженности	Определяется как среднее взвешенное сроков нахождения кредиторской задолженности на балансе	Ежемесячно
Уровень цены на ключевые блюда относительно плана	Определяется относительно справочного значения	Ежемесячно

Источник: составлено автором по данным [12].

ности предприятия общественного питания. Возможная (проектная) форма данного отчёта и включаемые в него показатели представлены в таблице 3.

В рамках отчёта планируется отражать уровень исполнения планов по соответствующим показателям деятельности предприятия общественного питания на последние три даты, на которые формируются данные показатели, что позволит отследить изменения в достижении целей за определённый период времени, а не только представить значения соответствующих уровней исполнения плана на конкретную дату, что повысит управленческую ценность данного отчёта.

Таблица 3

Проектный отчёт «Монитор достижения целей» для организаций общественного питания

Показатель	Уровень достижения плановых целей, %		
	Дата 1	Дата 2	Дата 3
Увеличение валовой прибыли			
Выручка	...	...	...
Себестоимость продаж	...	...	...
Совокупная сумма косвенных расходов	...	...	...
Оптимизация оборотных средств			
Средний размер запасов	...	...	...
Оборачиваемость запасов	...	...	...
Средний срок дебиторской задолженности	...	...	...
Оборачиваемость дебиторской задолженности	...	...	...
Остаток денежных средств	...	...	...
Покрытие денежными средствами платежей по запасам и закупкам	...	...	...
Исполнение заказов			
Средний срок исполнения заказа клиенту	...	...	...
Средний срок поставки от поставщика	...	...	...
Средний срок производства блюда	...	...	...
Исполнение планов			
Уровень исполнения плана по продажам (выручке)	...	...	...
Уровень исполнения плана по закупкам	...	...	...
Уровень исполнения плана производства	...	...	...
Прочие			
Средний срок кредиторской задолженности	...	...	...
Уровень цены на ключевые блюда относительно плана	...	...	...

Источник: составлено автором по данным [13].

Подводя итоги, следует отметь, что формирование эффективной модели финансового контроллинга для организаций сферы общественного питания является сложной задачей, требующей привязки к стратегическим ориентирам и жизненному циклу бизнеса. При этом правильно сформированная модель и грамотно подобранные метрики позволяют эффективнее и точнее управлять бизнесом и предсказывать его изменения в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Хан Д. ПиК: Планирование и контроль: концепция контроллинга: учеб. М.: Финансы и статистика, 2017. 765 с.
2. Reichmann Th. Controlling: concepts of management control, controllership and ratios // Published by Springer Berlin Heidelberg. 2016. 338 p.
3. Preißler P. Controlling. 15th. Edition, Munich 2021, 400 p.
4. Пич Г., Шерм Э. Уточнение содержания контроллинга как функции управления и его поддержки // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 3. С. 102–107.
5. Данилочкина Н.Г., Боброва М.Б., Проскуряков В.А. Теоретическое обоснование системы антикризисного финансового контроллинга на предприятии // Вестник Университета. 2017. №10. С. 112–115.
6. Литвинова И.А. Международный опыт эволюции контроллинга и его использование в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 12. С. 100–107.
7. Алтухова Н.Ф., Азманова Е.Г. О трактовке терминов «СМАРТ-контроль» и «контроллинг» при организации государственного предупреждающего контроля // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 11. С. 14–20. DOI: 10.24412/2072-4098-2024-11278-14-20.
8 Шарапова Н.В., Зова В.А. [и др.] Теоретические аспекты и практика внедрения контроллинга на предприятиях ретейла // Вестник Академии знаний. 2024. № 5 (64). С. 722–726.
9. Иззука Т.Б. Роль контроллинга эффективности в системе управления бизнесом // Экономические науки. 2023. № 1 (218). С. 293–299.
10. Ефимова О.В. Информационно-аналитическое обеспечение устойчивого развития экономических субъектов: моногр. / Под ред. проф. О.В. Ефимовой. М.: Изд-во «Русайнс», 2020. 160 с.

11. Миллион под сыром: сколько приносит франшиза «Додо Пицца» // РБК. 2015. URL: https://www.rbc.ru/ins/own_business/02/12/2015/565f03a59a7947aac001cafa (дата обращения: 21.02.2025).
12. Ковалева В.Д. Инструментарий контроллинга в моделировании финансовых потоков хозяйствующего субъекта // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 2. № 3(99). С. 97–101.
13. Москалева Е.Г. Контроллинг финансового состояния в целях устойчивого развития и обеспечения экономической безопасности // Контроллинг. 2020. № 4(78). С. 38–49.

Formation of a Financial Controlling System in Catering Organizations

Konyushkov A.I.
Far Eastern State Agrarian University

The article is devoted to the development of knowledge on the formation of a financial controlling system in catering organizations. The main objectives of the study were: 1) disclosure of the essence of the concept of "financial controlling"; 2) formation of conceptual models of financial controlling for catering organizations, taking into account current market trends, declared goals by management and (or) the business life cycle; 3) improvement of a set of information support indicators for the system of financial controlling goals in catering organizations.

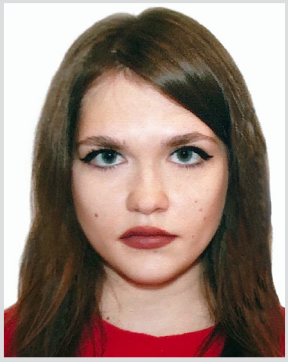
The scientific novelty of the research is expressed in the author's development of conceptual models of financial controlling for catering organizations; presentation of proposal on the application of a vertical model for updating financial controlling parameters and the preparation of an improved set of indicators to improve the quality of information support for the financial controlling goals system.

The raised problem of forming an effective financial controlling system in catering organizations is very extensive and deep, therefore, this publication has just begun work on its formation, in particular, its fundamental components are considered, and particular issues of selecting indicators and their application in practice will become the objects of further scientific research by the author and subsequent publications on this topic.

Keywords: financial controlling, catering, sustainable development, management, hierarchy of goals, strategic planning

УДК 354
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-63-67

Аналитический обзор концептуальных подходов к системе государственного управления

Лысенко А.А.
Старший преподаватель кафедры «Финансовый контроль и казначейское дело» Финансового факультета, младший научный сотрудник Института финансовых исследований Финансового факультета Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Система государственного управления любого государства эволюционирует и трансформируется под воздействием волатильности внешних и внутренних факторов, сталкиваясь с ограниченностью государственных ресурсов, необходимостью достижения стратегических и национальных целей при одновременном повышении эффективности использования бюджетных средств и обеспечении социально-экономического прогресса. В таких условиях перед государственными органами стоит задача поиска инновационных подходов для прорывного развития страны и одним из перспективных решений указанной проблематики является внедрение системы финансового контроллинга в сектор государственного управления, что, в свою очередь, осложнено недостаточной проработанностью его содержательных аспектов. В связи с этим актуально изучение существующих подходов к государственному управлению и обоснование внедрения финансового контроллинга как новой концепции управления. Так, в настоящем исследовании поставлено целеполагание по анализу концепций государственного управления и обоснованию содержательных аспектов системы финансового контроллинга для повышения эффективности деятельности экономических субъектов сектора государственного управления. Научная новизна состоит в формировании концепции финансового контроллинга, обеспечивающей стабильность и устойчивость экономических субъектов сектора государственного управления, на основе анализа содержания и недостатков существующих подходов к управлению. По результатам исследования предложено обоснование финансового контроллинга, представляющего собой комплексную систему поддержки государственных органов в обеспечении результативного исполнения полномочий и бюджетных средств и адаптации к тенденциям развития экономики.

Ключевые слова: *государственное управление, сектор государственного управления, финансово-бюджетные потоки, финансовый контроллинг, цифровизация, управленческие решения, финансовые ресурсы*

Для цитирования: *Лысенко А.А. Аналитический обзор концептуальных подходов к системе государственного управления // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 63–67. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-63-67.*

Организационное и функциональное обеспечение системы государственного управления подвержено постоянным трансформационным изменениям, связанным с повсеместным влиянием факторов внешней и внутренней среды в условиях ограниченности финансовых и иных ресурсов, необходимости обеспечения результативности реализации национальных целей и задач, повышения ответственности в части эффективного использования бюджетных средств и достижении социально-экономического

развития государства. В этой связи справедливо утверждение, что перед экономическими субъектами сектора государственного управления стоит задача по обеспечению прорывного развития Российской Федерации, что обуславливает поиск новых концептуальных подходов к государственному управлению. Одним из возможных решений указанной проблематики является внедрение и реализация в экономических субъектах сектора государственного управления системы финансового контроллинга, которая в настоящее время характеризуется малой изученностью вопросов организационно-методического характера. В этой связи целесообразен анализ существующих концептуальных подходов к системе государственного управления и обоснование необходимости формирования и внедрения системы финансового контроллинга в государственных органах как принципиально новой системы государственного управления.

Целью исследования выступает анализ существующих подходов и обоснование новой концепции финансового контроллинга в секторе государственного управления, направленной на повышение эффективности государственного управления на основе совершенствования его организационного обеспечения.

Аналитический обзор целесообразно формировать на основании единого методического подхода, заключающегося в идентификации существующих концепций и их представителей, обосновании содержательных элементов и формировании комментариев, представлении существующих недостатков, характеризующих необходимость применения иного, концептуально нового подхода к системе государственного управления.

Так, теория бюрократической рационализации (М. Вебер) определяет основополагающие концептуальные принципы теории государственного управления как самостоятельной области исследования и формирует концепцию государства как главного субъекта политики и власти, бюрократии, государственного аппарата [1; 2]. Такой подход можно охарактеризовать как макроэкономический, поскольку не учитывается внутренняя система управления экономических субъектов сектора государственного управления, а также не рассматривается необходимость организации финансово-бюджетных потоков для обеспечения функционирования сектора государственного управления, что особо актуально в условиях ограниченности ресурсов и необходимости обеспечения их эффективного использования.

В свою очередь институциональный подход к проблемам государственного управления рассматривается через призму двух содержательных аспектов. Первый, представителями которого являются А. Эсмен, Л. Дюги, А. Мишель, М. Ориу и др. [3], отмечает, что институциональный подход развивает содержательные аспекты форм правления и государственного управления в рамках теории конституционного права. Второй, приверженцами которого являются Э. Баркер, Д. Коул, Г. Ласки, Ч. Маннинг, У. Робсон, Г. Файнер и др., придерживается мнения, что институциональный подход ориентирован на развитие государственно-политических институтов, форм правления и политических систем, где доказана переориентация системы государственного управления на механизмы взаимодействия и функционирования государственно-правовых институтов, анализ особенностей их организации [2; 4]. Однако оба направления также являются макроэкономическими, характеризующимися формально-юридическим описанием государственно-правовых институтов. Так, в них аналогично теории бюрократической рационализации не рассматривается необходимость управления финансово-бюджетными потоками для обеспечения результативного функционирования сектора государственного управления.

Классическая (традиционная) концепция государственного управления (Л. Уайт, Ф. Тейлор, Д. Муни, Л. Гилберт) [5] характеризуется имплементацией опыта системы управления в бизнесе, заключающейся в соблюдении принципов экономности денежных потоков, эффективности организационной работы, профессионализации, прагматичного подхода к бюрократии. Впервые особое внимание уделяется одному из критериев эффективности использования средств – экономности финансовых потоков, однако организационно-методические подходы к принятию оптимальных управленческих решений с учетом процессов бюджетирования, учета, анализа и управления рисками не разработаны.

Новой вехой в развитии концептуальных подходов к системе управления является теория нового государственного управления (*NPM – new public management*), зарубежными и отечественными представителями которой являются Д. Осборн, Т. Гэблер, Дж. Гуфрие, О. Олсен, С. Хампфрей, В.Л. Тамбовцев, А.В. Шаров и др. [6]. Настоящей теорией определено реформирование системы государственного управления на основе практик управления частного сектора экономики. Развиты рыночно-ориентированные системы управления государственными услугами, разработана концепция бережливости использования ресурсов (миссия «делать больше с меньшими затратами»); предложен механизм реализации контрольных процедур (от контроля за процессами к контролю результатов); децентрализовано бюджетирование (создание подразделений, структурированных по продуктам, которые должны функционировать как центры затрат). Тем не менее, несмотря на все принципиально новые аспекты, не обеспечен полный охват внутренних управленческих процессов, позволяющих непрерывно координировать информацию для принятия оптимальных управленческих решений.

В свою очередь одним из инновационных подходов явилось развитие теории надлежащего государственного управления (*GG – good governance*), (её представители К. Аннан, Дж. Кэдди, В. Джунджан, Дж. Букерт, С. Поллитт и др. [7]). Предлагаемая система управления была направлена на преодоление социальных проблем общества и продвижение государственного развития, необходимость цифровизации правительственных процессов в период ограничения перемещений и запретов на активную профессиональную и социальную жизнь. Однако не учтены иные аспекты, необходимые для обеспечения результативного функционирования системы государственного управления, не определены стратегические ориентиры сектора государственного управления, учитывающие финансовую составляющую, координацию внутренних управленческих процессов государственных органов.

Нельзя не обратиться к содержанию теории нового государственного администрирования (*NPA – new public administration*), значительный вклад в развитие которой внесли Дж.В. Денхардт, Р.Б. Денхардт [8]. Теорией определена необходимость повышения доверия общества к государственному управлению, обеспечивающему гражданам коллективное общественное благо, морально-этические стандарты государственных институтов; изменения в управлении путем перехода на небольшие, гибкие, менее иерархичные структуры в управлении, междисциплинарный характер в государственном управлении (использование политического, социального, экономического, управленческого и иных подходов) [9]. Среди недостатков концепции отметим, что в ней не учтена внутренняя координационная система управления финансово-бюджетными потоками сектора государственного управления для достижения стратегических ориентиров деятельности государственных органов.

Одним из важнейших направлений развития теорий государственного управления в условиях современной цифровой трансформации является концепция государственного управления *F.A.S.T. Government* (быстрое правительство) (Грегори Г. Кертин) [10]. Именно в ней определена необходимость цифровой трансформации модели государственного управления при соблюдении принципов доступности, гибкости, четкой организации и технической оснащенности для улучшения процесса предоставления государственных услуг, обеспечения подотчетного и инновационного государственного управления, используя открытые данные, облачные технологии, Gov 2.0/3.0 подходы [9]. Тем не менее цифровая трансформация базовых процессов, осуществляемых в государственных органах, в полном объеме не реализована.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что представленные концепции анализируют макроподходы системы государственного управления, не учитывая комплексную внутреннюю управленческую среду государственного органа, необходимость непрерывного обеспечения финансовой информацией для принятия оптимальных управленческих решений по реализации стратегических ориентиров в условиях трансформационных процессов. Решением указанной проблематики является предлагаемая концепция финансового контроллинга в секторе государственного управления [11–13], которая должна быть интегрирована в управленческий процесс экономического субъекта (рис. 1).

Так, процессы направлений финансового контроллинга ориентированы на решение приоритетных задач управления финансово-бюджетными потоками, основываются на результатах финансового анализа, результатов мониторинга качества финансового менеджмента и позволяют выявлять и

Рис. 1. Система финансового контроллинга в управленческом процессе государственного органа

устранять недостатки в финансово-хозяйственной деятельности, координировать способы улучшения финансового состояния и разрабатывать предложения и прогнозы будущих финансовых условий функционирования экономического субъекта сектора государственного управления, что обеспечивает стабильность и финансовую устойчивость системы государственного управления в целом.

Таким образом, согласно авторской разработке, концепция финансового контроллинга, с одной стороны, учитывает необходимость обеспечения эффективного использования бюджетных средств, качественной организации финансово-хозяйственной деятельности и результативного исполнения бюджетных полномочий, а с другой стороны, ориентирована на адаптацию управленческих процессов к цифровой трансформации, перераспределению расходов бюджета, вызванное сложной социально-экономической и политической обстановкой, необходимостью сохранения устойчивости институциональных единиц в волатильной макроэкономической среде.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что необходимость формирования и внедрения системы финансового контроллинга в секторе государственного управления вызвана потребностью обеспечения устойчивого функционирования и развития комплексной внутренней управленческой среды государственного органа для повышения эффективности использования бюджетных средств, результативности исполнения бюджетных полномочий путем инструментально-управленческой, информационно-аналитической и организационно-методической поддержки в принятии оптимальных управленческих решений.

Литература:

1. Серкина Н.Е. Теория бюрократической рационализации Макса Вебера и ее вклад в парадигму индустриального общества // Logos et Praxis. 2017. № 1. С. 28–35.
2. Сурин А.В. Концептуальные основы государственного управления социально-экономическими системами в эпоху информационных технологий: автор. дисс. ... докт. эконом. наук. М., 2008. 34 с.
3. Рыбаков А.В. Основы институциональной теории государственной политики и управления // Universum: общественные науки. 2015. № 4 (14). С. 7–19.
4. Осипов В.С. Институциональный метод в государственно-правовых исследованиях // Вопросы экономики и права. 2020. № 12 (150). С. 21–25.
5. Пашкова Е.Ю., Мухачева И.А. Концепции государственного управления «new public management» и «good governance» и их неизбежная трансформация // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. 2020. № 17. С. 16–20.
6. Барабашев А.Г. Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы теории публичного управления. 2016. № 3. С. 163–194.
7. Братченко С.А. К вопросу о понятии качества государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 1. С. 57–72.
8 Cepiku D., Costumato L., Mastrodascio M. New public administration, equity, justice, and representation in public service delivery // Handbook Of Public Service Delivery. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. Retrieved Apr 14. 2024. P. 24–42.
9. Маркина Е.В., Шмиголь Н.С. Необходимость формирования и внедрения системы контроллинга в организации государственного сектора // Контроллинг в государственном секторе: теория и практика / Под ред. Э.А. Исаева. М.: ООО «Издательство Прометей», 2022. С. 5–34.
10. Преображенский Б.Г., Сальникова А.А. Концепция и технологические практики «электронного правительства» // Регион: системы, экономика, управление. 2022. № 3 (58). С. 137–146.
11. Лысенко А.А. Развитие комплексно-системного подхода к реализации финансового контроллинга в государственном секторе // Финансовый менеджмент. 2023. № 5-2. С. 116–129.
12. Fedchenko E., Timkin T., Lysenko A., Gorohova D., Zueva A. Model of the system of financial controlling in the context of risk management in the public sector // Journal of Management & Technology. 2024. Т. 24. № 2. С. 193–216.
13. Лысенко А.А., Колоскова М.Г. Новая модель функционирования производственных и финансовых процессов с внедрением автоматизированной системы контроллинга в государственном и корпоративном секторах экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 7-2. С. 313–317.

Analytical Review of Conceptual Approaches to the System of Public Administration

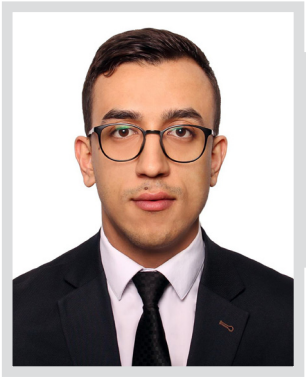
Lysenko A.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The system of public administration of any state evolves under the influence of volatility of external and internal factors, while facing the limited state resources and the need to achieve strategic and national goals while improving the efficiency of budgetary funds utilization and ensuring socio-economic progress. Under such conditions, government agencies face the task of finding innovative approaches for the breakthrough development of the country and one of the promising solutions is the introduction of financial controlling system in the public administration sector, which, however, is complicated by insufficient elaboration of its substantive aspects. In this regard, it is relevant to study the existing approaches to public administration and justify the introduction of financial controlling as a new concept and management tool. So in the present study the goal-setting on the analysis of concepts of public management and substantiation of substantive aspects of the system of financial controlling to improve the efficiency of economic entities of the public management sector is set. Scientific novelty consists in the development of the concept of financial controlling, providing stability and sustainability of economic entities of the public administration sector, based on the analysis of the content and shortcomings of existing approaches to management. Based on the results of the study, the justification of financial controlling is proposed, which is a comprehensive system of support for public authorities in ensuring the effective execution of powers and budgetary funds and adaptation to the trends of economic development.

Keywords: public administration, public administration sector, financial and budgetary flows, financial controlling, digitalization, management decisions, financial resources

УДК 378.147.88
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-68-75

Ключевые проблемы и вызовы при внедрении цифрового следа в современной цифровой среде

Миннебаев Г.Ф.
Аспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (Казань)

Стремительный рост объёмов данных, создаваемых пользователями и организациями, ускоряет совершенствование бизнес-процессов и персонализацию сервисов, но обостряет риски безопасности, конфиденциальности и нормативного регулирования. Массовые утечки, манипуляции алгоритмами и непрозрачность обработки данных подчёркивают необходимость внедрять комплексные стратегии управления цифровыми следами.

Цель исследования – выявить основные проблемы и вызовы, возникающие при использовании цифровых следов, а также предложить рекомендации, обеспечивающие их безопасное и эффективное применение в бизнесе и государственных структурах.

Задача исследования включает изучение ключевых рисков, связанных с обработкой данных, в том числе утечек информации, киберугроз, вопросов конфиденциальности и этических аспектов, а также анализ их влияния на цифровую среду.

Научная и практическая значимость исследования определяется выявлением актуальных угроз, связанных с цифровыми следами и разработкой методов их защиты, что способствует снижению потенциальных рисков и укреплению доверия к цифровым технологиям. Достигнутые результаты могут быть применены для усовершенствования механизмов управления данными в организациях, формирования нормативных актов и повышения уровня осведомлённости пользователей о защите личной информации.

Ключевые слова: *цифровые следы, безопасность данных, конфиденциальность, правовое регулирование, утечки информации, кибер-угрозы, искусственный интеллект, Big Data*

Для цитирования: *Миннебаев Г.Ф. Ключевые проблемы и вызовы при внедрении цифрового следа в современной цифровой среде // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 68–75. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-68-75.*

Рост объёмов информации делает цифровые следы ключевым инструментом для оптимизации бизнес-процессов и управленческих решений. Организации активно используют данные пользователей и устройств для создания продуктов и услуг, адаптированных под индивидуальные запросы. Источниками информации становятся социальные медиа, логи, метаданные транзакций и данные IoT-устройств. Однако накопление больших данных и применение аналитических алгоритмов порождают риски, связанные с безопасностью, конфиденциальностью и влиянием на поведение пользователей.

Проблематика цифровых следов широко исследуется зарубежными учёными. Дж. Хайндс и А. Джоинсон рассматривают, как данные, оставляемые в сети, используются людьми и алгоритмами для прогнозирования личностных характеристик [1]. В. Арья, Д. Сети и Дж. Пол изучают влияние

цифровых следов, зафиксированных мобильными приложениями брендов, на пользовательский опыт и привязанность к компании [2]. Д.С. Гхош, П.Ч. Мишра и Т. Прадхан анализируют сложности удаления цифровых следов в контексте нормативного регулирования [3].

Этические аспекты обработки данных детально рассматриваются в работах Г.Э. Ориахи и А. Бухари. Исследователи подчеркивают важность защиты конфиденциальности, безопасности и ответственности при обработке данных. Они изучают цифровые следы, формируемые в результате онлайн-активности, включая взаимодействие в социальных сетях, историю посещений, финансовые транзакции и работу *IoT*-устройств, для персонализации сервисов и таргетированной рекламы, акцентируя внимание на прозрачности, согласии пользователей и корпоративной этике [4].

Среди российских исследований, посвящённых цифровому следу, выделяется работа В.В. Мантуленко, в которой рассматриваются перспективы его использования в сфере высшего образования. Автор анализирует вопросы преемственности между уровнями обучения, организацией и управлением учебным процессом, а также путей совершенствования образовательной системы [5].

Конституционно-правовые аспекты защиты частной жизни в контексте сбора, хранения и обработки данных изучает А.Н. Мочалов. В своём исследовании он рассматривает нормативно-правовые механизмы регулирования данной области и возможные риски, связанные с конфиденциальностью персональной информации [6]. Весомый вклад в изучение цифрового профиля внесли Е.В. Виноградова, Т.А. Полякова и А.В. Минбалеева. Их работы посвящены анализу механизмов формирования цифрового профиля, особенностям его правового регулирования и социальным вызовам, возникающим на фоне стремительного развития цифровых технологий [7].

Методологические подходы к выявлению, фиксации и изъятию цифровых следов преступлений, оставленных в социальных сетях и мессенджерах, рассматриваются в исследовании Е.Р. Россинской и Т.А. Саакова. В центре внимания находится разработка эффективных методов обработки цифровых доказательств, имеющих важное значение в борьбе с киберпреступностью [8].

Каждое взаимодействие пользователя или компании с онлайн-сервисами, мобильными приложениями, умными устройствами и другими технологическими решениями приводит к формированию цифрового следа [9]. В современном мире этот поток данных становится ценным источником информации о клиентском поведении, особенностях спроса, логистических процессах, финансовых операциях и многих других аспектах.

Наряду с этим возникают серьёзные вызовы, связанные с безопасностью, конфиденциальностью, правовым регулированием, качеством обработки и этическими аспектами использования данных. Компании стремятся максимально эффективно применять собранные сведения, однако увеличение числа кибератак и масштабных утечек подтверждает необходимость ответственного и комплексного подхода к сбору и хранению цифровых следов. Практические примеры, иллюстрирующие уязвимости, позволяют оценить масштаб возникающих проблем, представленных в таблице 1.

В начале 2024 г. произошла утечка персональных данных клиентов «*Ticketmaster*», вызвавшая широкий общественный резонанс: в открытый доступ попало 500 млн записей, содержащих имена, *e-mail* адреса, почтовые адреса, телефоны и частичные данные банковских карт; это стало крупнейшим подобным инцидентом на тот момент [12]. Особенно уязвимым остаётся онлайн-ритейл, где хранится обширный массив данных о клиентах: контактные сведения, история покупок, адреса доставки и платёжная информация. Попав в руки злоумышленников, такие сведения могут использоваться для фишинговых атак, мошенничества или перепродажи в теневых сегментах интернета. За последние годы утечки затронули пользователей многих популярных сервисов, включая поставщиков готовой еды и маркетплейсы. Широкий общественный отклик вызвали случаи несанкционированного доступа к данным клиентов служб доставки. Некоторые компании предпочитают не раскрывать факт кибератаки, однако практика показывает, что подобные инциденты неизбежно становятся известны, нанося ущерб репутации и финансовому положению бизнеса.

Серьёзные угрозы наблюдаются и в медицинском секторе. Информация о пациентах, включая диагнозы и назначения, может представлять интерес не только для мошенников, но и для тех, кто использует её в целях шантажа или дискредитации. Несколько крупных лабораторий и медицинских сервисов уже столкнулись с утечками, в результате которых миллионы записей оказались в открытом доступе. Хакеры проникают в базы данных через уязвимости в программном обеспечении, прибегают к методам социальной инженерии для обмана сотрудников или намеренно блокируют доступ к медицинским данным, требуя выкуп. Подобные атаки особенно опасны, поскольку в сфере здравоохранения задержка в доступе к информации может повлечь за собой критические последствия для жизни пациентов [13].

Человеческий фактор остаётся одним из наиболее уязвимых звеньев. Массовая рассылка писем и сообщений, внешне выглядящих как уведомления от службы безопасности различных сервисов, часто приводит к тому, что сотрудники сами передают злоумышленникам свои учетные данные. Методы

Таблица 1

Утечки персональных данных: масштабные инциденты 2019–2025 гг. [10; 11]

Дата	Название утечки	Объем данных	Описание
Октябрь 2019 г.	Сбербанк	60 млн кредитных карт	Продажа базы клиентов с кредитными картами, утечка через инсайдера
Май 2020 г.	СДЭК	466 млн + 822 млн. строк	Несколько крупных утечек базы клиентов и заказов курьерской службы
Январь 2022 г.	Госуслуги (*COVID*-19)	48 млн записей о вакцинации	Утекли данные вакцинации россиян, полученные через уязвимость *API*
Февраль 2022 г.	Яндекс.Еда	58000 клиентов	Данные клиентов сервиса доставки (телефоны, адреса, заказы)
Осень 2022 г.	Citymobil	3,9 млн клиентов, 80 тыс. водителей	Утечка клиентской базы агрегатора такси
Май 2022 г.	Гемотест	31 млн записей пациентов	Компрометация медицинских данных клиентов лаборатории
2023 г.	СберСпасибо, Спортмастер и др.	52,5 млн. записей	Серии взломов баз данных крупных компаний
Сентябрь 2023 г.	МТС Банк	1 млн клиентов	Компрометация клиентов банка, включая ИНН и частично маскированные карты
Весна 2023 г.	Kassy.ru, СОГАЗ, Золото 585	22,7 млн записей	Утечки клиентских данных из разных сфер торговли и услуг
Лето-осень 2023 г.	Ашан, Leroy Merlin, ТВОЕ и др.	Много миллионов (не раскрыто)	Широкая волна утечек в ритейле и интернет-торговле
Начало 2024 г.	Неизвестная база (500 млн. записей)	500 млн записей	Крупнейшая утечка в истории России – 500 млн записей
Начало 2024 г.	Достаевский	3 млн записей	Утекли данные клиентов и сотрудников сервиса доставки
Март 2024 г.	*DNS*	Несколько млн записей	Компрометация базы клиентов *DNS*
Январь 2025 г.	Ростелеком	154 тыс. *e-mail*, 101 тыс. телефонов	Компрометация данных клиентов из-за подрядчика
Январь 2025 г.	Альфа-Страхование-Жизнь	500 тыс. клиентов	Хакеры украли данные страховой компании, включая телефоны и *e-mail*

социальной инженерии стремительно развиваются: одним из распространённых способов мошенничества является так называемая схема «фейкового босса», при которой взламывается или имитируется аккаунт руководителя. Уверенные в подлинности обращения, подчинённые выполняют запросы, связанные с разглашением конфиденциальных сведений или сомнительными финансовыми операциями. Даже при наличии многоуровневых механизмов аутентификации люди нередко становятся жертвами тщательно продуманных атак, использующих поддельные, но визуально достоверные сообщения.

Сбор избыточного объёма данных без чёткого уведомления пользователей ставит под угрозу конфиденциальность и приватность. В результате многие не осознают, насколько детальная информация о них сохраняется, включая историю перемещений или переписки в чатах технической поддержки. Если такие сведения становятся достоянием общественности, правовые и репутационные последствия оказываются серьёзными: люди обнаруживают, что их личные данные доступны на подпольных платформах. В ряде случаев выясняется, что компании хранили информацию гораздо дольше установленного срока, а меры по её своевременному удалению или анонимизации не предпринимались [14].

В 2019 г. Ассоциация больших данных при поддержке Института развития интернета инициировала разработку и подписание «Кодекса этики использования данных». К нему присоединились крупнейшие представители *IT*-отрасли, банковского сектора и телекоммуникаций, включая «Яндекс», Сбербанк, МТС, «Ростелеком» и *VK*. Документ закрепляет ключевые принципы обработки информации: законность сбора, уважение прав личности, обеспечение защиты данных и предотвращение злоупотреблений. Компании, подписавшие кодекс, обязуются не использовать персональные сведения во вред гражданам, не собирать ненужную информацию и поддерживать прозрачность политики конфиденциальности [15].

Вопросы безопасности особенно значимы для финансового сектора, однако статистика показывает, что доля утечек, затрагивающих банковскую сферу, остаётся относительно невысокой. Несмотря на это, в 2023 г. объём компрометированных персональных данных в мире увеличился вдвое, достигнув 47,24 млрд записей [16]. Даже единичный случай взлома клиентской базы приводит к серьёзным репутационным потерям, что иллюстрирует рисунок 1.

Когда информация об уязвимостях банка становится достоянием общественности, клиенты начинают сомневаться в безопасности своих средств. Взломы могут происходить не только из-за технических проблем, но и вследствие организационных

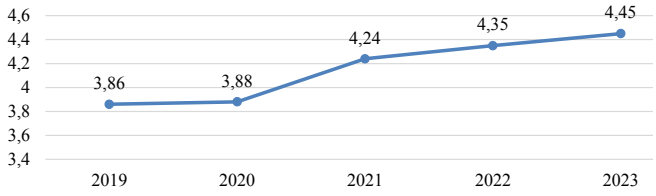

Рис. 1. Динамика роста средней стоимости утечек данных в мире, 2019–2023 гг., млн долл. [17–20]

ошибок: неправильной настройки хранилищ, использования слабых паролей, недостаточной сегментации сетевой инфраструктуры [21]. Современные методы шифрования позволяют значительно повысить уровень защиты, однако без регулярного аудита безопасности, особенно среди подрядчиков и контрагентов, риск утечек возрастает в самых неожиданных местах.

Обсуждение этических аспектов обработки данных приобретает всё большую актуальность. В одном из случаев алгоритм, обученный на исторических резюме, начал проявлять дискриминацию при найме сотрудников: мужские кандидатуры получали приоритет, в то время как женские занизились в рейтинге [22]. Закреплённые в исходных данных предубеждения автоматически перенеслись в систему. Подобные ошибки возможны и при кредитном скоринге или страховых оценках, если алгоритм использует некорректные параметры или искажённые выборки. В результате отдельные люди получают отказы в услугах без чёткого объяснения причин, а компания оказывается в центре скандала, вынужденно опровергая обвинения в предвзятости.

Широкое внедрение систем распознавания лиц вызывает серьёзные опасения, поскольку они формируют масштабные базы биометрических данных. Один из стартапов оказался в центре скандала, когда выяснилось, что в его распоряжении находится до 50 млрд изображений пользователей, собранных без их согласия. Данный случай продемонстрировал, что подобные практики могут привести к обвинениям в нарушении права на частную жизнь [23]. В отдельных странах регуляторы признали такие действия незаконными и наложили значительные штрафы, однако сам принцип создания глобальных баз лиц остаётся предметом споров, затрагивающих вопросы возможной слежки и риска дискриминации, как узаконенной, так и несанкционированной.

Ещё одной проблемой остаётся качество данных, используемых в аналитических системах, и вероятность ложных сигналов. В корпоративных базах нередко встречаются дубликаты, устаревшие записи и некорректно заполненные поля. Если алгоритмы обучаются на таких наборах, возрастает риск ошибочных прогнозов и решений, основанных на случайных корреляциях. Один из примеров – система, предназначенная для предсказания вспышек гриппа на основе поисковых запросов. Со временем её точность снизилась из-за «переобучения». Отсутствие регулярной проверки информации и понимания принципов работы алгоритмов может привести к тому, что компании выстраивают маркетинговые стратегии или принимают управленческие решения, опираясь на ошибки машинного обучения.

Быстрый рост цифровых следов делает традиционные методы хранения и анализа данных малоэффективными. Современные технологии, такие как распределённые файловые системы, *NoSQL*-базы, кластеры *Hadoop* и *Spark*, а также облачные платформы, уже стали стандартом для крупных компаний. Однако малый и средний бизнес не всегда имеет возможность внедрять такие решения. В результате формируется технологический разрыв: одни организации получают конкурентные преимущества за счёт развитой аналитики, в то время как другие остаются на периферии цифровой трансформации [24].

Важную роль играет и культурный аспект. Даже при наличии современных технологий, таких как системы *Big Data* и модули искусственного интеллекта, отсутствие доверия к аналитическим данным со стороны руководства или сотрудников может свести эффективность их использования к нулю [24]. Если управленцы продолжают опираться на привычные схемы работы, игнорируя алгоритмические рекомендации, инвестиции в цифровые решения оказываются неэффективными. Скептицизм некоторых менеджеров, считающих, что алгоритмы «не учитывают специфики бизнеса», приводит к тому, что решения по-прежнему принимаются интуитивно, а потенциал сложных аналитических инструментов остаётся нереализованным.

Сфера правового регулирования также сталкивается с трудностями из-за стремительного развития цифровых технологий [25]. Во многих странах механизмы аудита алгоритмов остаются недостаточно проработанными, отсутствуют детализированные стандарты анонимизации и псевдонимизации, а реализация пользовательских прав, таких как право на забвение или получение копии персональных данных, оказывается затруднительной. Тем не менее судебные разбирательства и наложенные штрафы свидетельствуют о том, что законодательные органы всё чаще принимают жёсткие меры в отношении компаний, нарушающих принципы конфиденциальности или допустивших утечки большого масштаба.

Вопрос «двойного использования» данных становится всё более актуальным, когда информация, собранная с одной целью, например для улучшения сервисов, применяется в других областях, таких как кредитный скоринг или маркетинговые кампании. Часто пользователи не осознают, что их цифровая активность способна повлиять на принятие решений о предоставлении займа. Если согласие на такие действия не получено заранее, а политика об-

работки остаётся непрозрачной, подобная практика может восприниматься как введение клиентов в заблуждение, что создаёт репутационные риски и вероятность судебных разбирательств.

Разобщённость внутри компании также становится причиной снижения эффективности работы с данными. Использование разнородных баз и различных форматов хранения в разных подразделениях усложняет выполнение обязательств перед клиентами, например, полное удаление информации по запросу. В результате один и тот же пользователь может оказаться зарегистрированным в нескольких системах, а попытки унифицировать данные сопровождаются техническими и организационными сложностями. Отсутствие единой платформы затрудняет контроль за тем, какая информация хранится о каждом человеке, какие меры защиты применяются, кто имеет доступ к определённым сегментам [26].

Феномен «*data overload*» (с англ. перегрузка данными) характеризуется тем, что предприятия сталкиваются с таким объёмом информации, что теряют способность эффективно выделять ключевые сигналы. В условиях, когда аналитики вынуждены тратить значительное время на очистку и подготовку данных, дорогостоящие технологии машинного обучения не дают ожидаемых результатов. Что усиливает потребность в квалифицированных специалистах – инженерах данных, аналитиках, экспертах по информационной безопасности [27]. Высокий спрос на такие кадры существенно превышает предложение, что приводит к росту их рыночной стоимости.

Этические вопросы обработки цифровых следов становятся предметом активных дискуссий, особенно в контексте баланса между «полезной персонализацией» и скрытым манипулированием. Маркетинговые алгоритмы могут использовать уязвимости пользователей, такие как склонность к азартным играм или зависимость от кредитных продуктов, для показа таргетированной рекламы. Когда подобные стратегии становятся достоянием общественности, это вызывает негативную реакцию. Некоторые крупные компании создают внутренние комитеты по этике искусственного интеллекта, которые проводят аудит алгоритмов, оценивая их на предмет дискриминации и вторжения в личное пространство.

В основе многих рисков лежит корпоративная культура. Сопротивление изменениям, отказ от прозрачного управления данными и практика сокрытия утечек значительно усложняют внедрение ответственного подхода к использованию цифровых следов. Однако примеры передовых организаций подтверждают, что компании, ориентированные на защиту интересов пользователей, извлекают из данных максимальную ценность. Что способствует укреплению доверия клиентов и партнёров, снижает вероятность судебных разбирательств и минимизирует возможные репутационные потери в случае инцидента [28]. В целом проблемы и вызовы, возникающие при внедрении цифровых следов в современной среде, можно свести к нескольким основным категориям, таблица 2.

Таким образом, внедрение цифровых следов в деятельность современных организаций предо-

Таблица 2

Основные проблемы и вызовы применения «цифровых следов» в экономике организаций

Категория проблемы	Описание проблемы	Возможные последствия	Возможные решения
Юридические и нормативные риски	Размытые законодательные нормы, противоречия в регулировании обработки цифровых следов	Нарушение законов о защите персональных данных, штрафы, судебные иски	Разработка и внедрение чётких стандартов обработки данных; соблюдение *Regulation (EU)* 2016/679 от 27.04.2016 г. «*On the protection of natural persons with regard to the processing of personal data…» (GDPR*) и Федерального закона РФ от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»
Конфиденциальность и приватность	Использование данных клиентов, сотрудников без их ведома. Возможность слежки и контроля	Репутационные потери, недоверие со стороны клиентов и персонала, возможные иски	Введение прозрачной политики конфиденциальности, сбор согласий на обработку данных
Безопасность данных	Высокий риск утечек, взломов, кибератак, компрометация цифровых следов	Финансовые потери, утрата конкурентных преимуществ, возможные штрафы от регуляторов	Инвестирование в кибербезопасность, регулярные аудиты ИБ, мониторинг аномальной активности
Этические аспекты	Возможность дискриминации на основе цифровых следов, манипуляция поведением клиентов	Нарушение прав пользователей, снижение доверия, репутационные скандалы	Внедрение этических стандартов работы с данными, независимые аудиты алгоритмов
Качество данных	Некорректные, устаревшие, неполные цифровые следы, ошибки в алгоритмах	Ошибочные бизнес-решения, снижение эффективности маркетинговых стратегий	Развитие системы валидации данных, внедрение AI-алгоритмов для очистки данных

Продолжение таблицы 2

Категория проблемы	Описание проблемы	Возможные последствия	Возможные решения
Персонализация vs Интрузивность	Баланс между удобством персонализации услуг и чрезмерным вторжением в частную жизнь клиентов	Отток клиентов, негативные отзывы, снижение лояльности	Оптимизация алгоритмов персонализации, прозрачное управление пользовательскими настройками
Доступность технологий	Высокая стоимость внедрения и поддержки технологий работы с цифровыми следами	Недоступность для малого и среднего бизнеса, технологическое неравенство	Развитие облачных решений, субсидии и гранты на цифровизацию бизнеса
Человеческий фактор	Ошибки персонала, недостаточная подготовка к работе с цифровыми следами	Утечки информации, неправильное использование данных, репутационные риски	Тренинги, программы повышения цифровой грамотности сотрудников
Двойное использование данных	Цифровые следы, собранные для одной цели (например, маркетинга), могут быть использованы для другой (например, кредитного скоринга) без ведома пользователей	Юридические риски, потеря доверия клиентов, возможные судебные иски	Разработка строгих политик управления данными, прозрачное информирование клиентов
Отсутствие стандартизации	Разные компании используют цифровые следы по-разному, отсутствуют единые форматы хранения и обработки данных	Трудности интеграции данных между системами, несовместимость платформ, замедление цифровизации	Разработка отраслевых стандартов работы с цифровыми следами, унификация форматов данных
Перегрузка данных («data overload»)	Из-за огромного объема цифровых следов сложно выделить полезную информацию	Снижение эффективности аналитики, потери в бизнес-решениях, рост затрат на обработку данных	Внедрение систем Big Data, AI-аналитики, фильтрации и агрегации данных
Цифровой разрыв (Digital Divide)	Разные организации и регионы имеют разный уровень доступа к технологиям анализа цифровых следов	Рост неравенства между крупными и малыми бизнесами, отставание в цифровой трансформации	Государственные программы поддержки цифровизации, доступ к облачным технологиям
Недостаточная прозрачность алгоритмов	Компании используют цифровые следы в системах AI и Big Data, но не раскрывают принципы работы алгоритмов	Потеря доверия, риск необоснованных решений, например, отказ в кредите из-за непрозрачного скоринга	Внедрение этических принципов AI, аудит и объяснимость алгоритмов
Фрагментация данных	Цифровые следы могут храниться в разных системах, без единого централизованного хранилища	Потеря данных, сложности в управлении, снижение эффективности работы с клиентами	Создание унифицированных дата-центров, интеграция систем
Риск монополизации данных	Крупные компании (Google, Meta, Amazon) обладают доступом к огромному количеству цифровых следов, что создает дисбаланс	Ограничение конкуренции, рост зависимости бизнеса от крупных платформ.	Государственное регулирование, развитие национальных платформ для работы с данными
Цифровая идентификация и подмена личности	Использование цифровых следов для создания фальшивых идентичностей, мошеннических действий	Рост киберпреступности, финансовые и репутационные риски	Развитие биометрической идентификации, многофакторная аутентификация
Эрозия анонимности	Все больше данных пользователей отслеживается, уменьшается возможность сохранять конфиденциальность в сети	Социальные протесты, возможные законодательные запреты на отслеживание	Разработка этических принципов использования данных, внедрение технологий приватности (Zero-Knowledge Proof)

Источник: составлено автором.

ставляет широчайшие возможности: от точного прогнозирования продаж и оптимизации логистики до качественной персонализации сервисов. Однако эти возможности идут рука об руку с множеством проблем и вызовов. Масштабные утечки данных, рост стоимости киберинцидентов, отсутствие единых правовых норм, этические дилеммы, нехватка квалифицированного персонала и технологические ограничения – все эти факторы формируют сложный ландшафт, в котором бизнесу приходится адаптироваться.

Литература:

1. Hinds J., Joinson A. Human and computer personality prediction from digital footprints // Current Directions in Psychological Science. 2019. Т. 28. № 2. P. 204–211. DOI: 10.1177/096372141982784.
2. Arya V., Sethi D., Paul J. Does digital footprint act as a digital asset? – Enhancing brand experience through remarketing // International Journal of Information Management. 2019. Т. 49. P. 142–156. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.03.013.
3. Sarkar Ghosh D., Mishra P. C., Pradhan T. The conundrum of erasing digital footprints: A regulatory challenge // Jindal Global Law Review. 2024. Т. 15. № 1. P. 25–59. DOI: 10.1007/s41020-024-00223-5.
4. Oriakhi H.E., Buhari A. Ethical Implications of Digital Footprinting: Privacy, Security, and Accountability // Digital Adaptability and Crisis Management for Sustainable Development: Conference Proceedings. 2024. P. 25–59.
5. Мантуленко В.В. Перспективы использования цифрового следа в высшем образовании // Преподаватель XXI век. 2020. № 3–1. С. 32–42. DOI: 10.31862/2073-9613-2020-3-32-42.
6. Мочалов А.Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни // Антиномии. 2024. Т. 24. № 4. С. 164–189. DOI: 10.17506/26867206_2024_24_4_164.
7. Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19.
8 Россинская Е.Р., Сааков Т.А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106–123. DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10060.
9. Гайдаш О.В. Феномен цифрового следа в современном обществе // Вестник магистратуры. 2020. № 6 (105). С. 10–12.
10. Неманова В.И., Вакурин И.С., Маклачкова В.В., Гадасин Д.В. Определение экономической эффективности затрат предприятия на защиту персональных данных // DSPA: Вопросы применения цифровой обработки сигналов. 2024. № 3. С. 37–45.
11. Белова А.А., Щербинина У.Е. О способе предотвращения хищения данных клиентов в электронной коммерции // Advances in Science and Technology. 2022. С. 139–141.
12. Norman G. Most recent data breaches in 2024: updated stats. URL: https://preyproject.com/blog/worst-data-security-breaches (дата обращения: 10.02.2025).
13. Seh A.H., Zarour M., Alenezi M., Sarkar A.K., Agrawal A., Kumar R., Ahmad Khan R. Healthcare data breaches: insights and implications // Healthcare. MDPI, 2020. Т. 8. № 2. P. 2–18. DOI: 10.3390/healthcare8020133.
14. Деев С.А. Цифровые следы и их защита // XLVIII межд. науч. конф. «Исследования молодых ученых». Казань, ноябрь 2022. С. 1–7. URL: https://moluch.ru/conf/stud/archive/466/17564.
15. Крупнейшие российские компании подписали Кодекс этики использования данных. URL: https://www.sostav.ru/publication/krupnejshie-rossijskie-kompanii-podpisali-kodeks-etiki-ispolzovaniya-dannykh-40927.html#:~:text= (дата обращения: 10.02.2025).
16. Утечки данных. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Утечки_данных (дата обращения: 10.02.2025).
17. Потери от утечек данных. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Потери_от_утечек_данных (дата обращения: 10.02.2025).
18. В отчете IBM Security говорится, что утечка данных обходится компаниям дороже, чем прежде. URL: https://dsmedia.pro/analytics/v-otchete-ibm-security-govoritsja-chto-utechka-dannyh-obhoditsja-kompanijam-dorozhe-chem-prezhde (дата обращения: 10.02.2025).
19. Отчёт IBM: личная информация клиентов и сотрудников – главные жертвы утечек. URL: https://www.securitylab.ru/news/540308.php (дата обращения: 10.02.2025).
20. IBM: средняя стоимость взлома достигла рекордных $ 4,88 миллионов в 2024 году. URL: https://10guards.com/ru/blog/2024/07/31/ibm-average-breach-costs-hit-record-4-88m-in-2024-up-10-from-last-year/ (дата обращения: 10.02.2025).
21. Jimmy F.N.U. Cybersecurity Threats and Vulnerabilities in Online Banking Systems // International Journal of Scientific Research and Management (IJSRM). 2024. № 12(10). P. 1631–1646. DOI: 10.18535/ijsrm/v12i10.ec10.
22. Dastin J. Insight – Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women. URL: https://www.reuters.com/world/insight-amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK0AG (дата обращения: 17.04.2025).
23. Фирма Clearview собрала в соцсетях миллиарды фото лиц. Полиция в США обращалась к её базе миллион раз. URL: https://informburo.kz/stati/firma-clearview-sobrala-v-socsetyax-milliardy-foto-lic-policiya-v-ssa-obrashhalas-k-eyo-baze-million-raz (дата обращения: 11.02.2025).
24. Maroufkhani P., Wan Ismail W.K., Ghobakhloo M. Big data analytics adoption model for small and medium enterprises // Journal of Science and Technology Policy Management. 2020. Т. 11. № 4. P. 483–513.
25. Трусов Н.А., Елисеева В.С. Правовое регулирование и опыт реализации цифровых проектов в регионах Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 42–51. DOI: 10.24412/2072-9391-2022-464-42-51.

26. Kumar S. Data Silos: A Roadblock for aiops // arXiv preprint arXiv:2312.10039. 2023. 2024 IJRTI. T. 9. № 1. P. 33–39.
27. Лягошина Т.В. Большие языковые модели: влияние на публичный дискурс и общество в целом // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2024. Т. 79. № 1. С. 15–25. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2024.1525.
28. Tabaghdehi S.A.H. Ethical Governance of Digital Footprint Data: A Journey Towards a Responsible Society // Business Strategies and Ethical Challenges in the Digital Ecosystem. Emerald Publishing Limited, 2024. P. 369–379.

Key Issues and Challenges Associated With Implementing a Digital Footprint in Today's Digital Environment

Minnebaev G.F.
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan)

The rapid expansion of data produced by users and organizations is accelerating business process optimization and service personalization, yet it heightens risks to security, privacy, and regulatory compliance. Widespread breaches, algorithmic manipulation, and opaque processing underscore the need for comprehensive strategies to manage digital footprints.

The aim of the study is to identify the main issues and challenges arising from the use of digital footprints and to propose recommendations to ensure their safe and effective application in business and government.

The research objective includes examining the key risks associated with data processing, including information leaks, cyber threats, privacy issues and ethical aspects, as well as analyzing their impact on the digital environment.

The scientific and practical significance of the research is determined by the identification of current threats associated with digital footprints and the development of methods to protect them, which helps to reduce potential risks and strengthen trust in digital technologies. The results achieved can be applied to improve data governance mechanisms in organizations, shape regulations, and increase user awareness of personal information protection.

Keywords: digital footprints, data security, confidentiality, legal regulation, data breaches, cyber threats, artificial intelligence, Big Data

УДК 339.178
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-76-79

Маркетплейсы как бизнес-модель: эволюция и тенденции развития в цифровой экономике

Мусаев А.К.
Аспирант кафедры экономики
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

Доля населения, делающая заказы через интернет, стремится к 70 % в 2023 г. по большинству федеральных округов. В 2024 г. на долю маркетплейсов приходится 81 % рынка российской интернет-торговли, что определяет актуальность их изучения с позиции экономической науки. При этом до сих пор отсутствует устоявшийся подход к экономической интерпретации маркетплейса. Целью исследования является формирование подхода к определению маркетплейса. Новизна исследования состоит в разработке алгоритма идентификации маркетплейса на основе его ключевых признаков. Рассматривается эволюция маркетплейсов и тенденции их развития: формирование гибридных форм, децентрализованных форм, социальных маркетплейсов. Сделан вывод о перспективах дальнейшего развития маркетплейсов.

Ключевые слова: *маркетплейс, электронная торговая площадка, онлайн-магазин, цифровая экономика*

Для цитирования: *Мусаев А.К. Маркетплейсы как бизнес-модель: эволюция и тенденции развития в цифровой экономике // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 76–79. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-76-79.*

Настоящее время характеризуется активным развитием цифровых технологий, которые оказывают влияние на социально-экономическое развитие и трансформируют деятельность большинства отраслей. Цифровизация проникает во все сферы жизни общества, позволяет трансформировать бизнес-процессы и создает новые возможности развития.

Значительное влияние на процесс цифровизации оказал период пандемии, так, например, на 2020 г. приходится рост пользования населения интернетом на 3,1 %, рост заказов товаров через интернет на 4,5 % по РФ и др. [1]. У населения меняется подход к покупкам, часто они осуществляют заказы через интернет. При этом стоит отметить, что в теории выделяют такие ключевые категории, как «электронная торговля», «электронная торговая площадка», «маркетплейс», «онлайн-магазин».

По мнению Д.В. Махоносова, «электронная торговля – это совместная деятельность большого количества хозяйствующих экономических субъектов по организации и осуществлению различного рода коммерческих операций с товарами и услугами с использованием систем электронных платежей, электронных баз данных и инновационных технологий интернет-маркетинга» [2, с. 10].

Электронная торговая площадка (ЭТП) – это информационная торговая система, которая дистанционно предоставляет возможность вести поиск, покупать и продавать товары и услуги, совершать различные сделки при помощи информационных технологий [3].

Под маркетплейсом понимают онлайн-платформу, которая объединяет множество продавцов, предлагающих товары и услуги конечным покупателям. Платформа при этом обеспечивает логистику и маркетинговую поддержку продавцам, не требует от них прохождения аккредитации как для ЭТП. Мы считаем, что маркетплейс можно рассматривать как одну

из разновидностей электронной торговой площадки и, соответственно, как вид электронной торговли.

Исследованию маркетплейсов посвящено достаточно много работ. Так, А.К. Канторoева рассматривает опыт взаимодействия банков и маркетплейсов [4, с. 204]. А.К. Табышова определяет маркетплейс как платформу электронной коммерции [5]. «Маркетплейс – это электронное рыночное место, посредник между покупателем и продавцом» [6, с. 36]. А.В. Сальникова, Ю.А. Кудимова считают, что «Маркетплейс – это электронная торговая площадка, сайт-рынок, на котором свои товары предлагает огромное количество продавцов. Маркетплейс является посредником между продавцом и покупателем, выступает гарантом безопасности и честности торговых сделок» [7].

Однако данные определения, в нашем понимании, не позволяют разграничить маркетплейс от, например, электронной торговой площадки и требуют конкретизации. Существует подход Т.И. Бухтияровой, Ю.В. Лысенко, М. В. Лысенко, Д.Г. Демьянова, где маркетплейс представляется в качестве инновационной бизнес-технологии по продвижению товаров и услуг [8]. «Маркетплейс – торговая площадка, соединяющая продавцов и покупателей, а также предоставляющая возможность оплаты, доставки товара и оказания других, связанных с этим услуг». И.В. Кордина, Д.И. Хлебович определяют маркетплейс как бизнес-модель электронного посредничества [9, с. 468]. К схожему мнению в определении маркетплейса пришли О.М. Куликова, С.Д. Суворова, которые определяют его как «бизнес-модель, объединяющую продавцов и покупателей, совершающих сделки посредствам онлайн-платформы, предлагающей широкий и глубокий ассортимент разных товарных категорий и комплекс услуг, с момента оформления заказа до его получения» [10, с. 52].

Анализ научных подходов позволил выделить основные векторы к пониманию категории маркетплейсов:

– маркетплейс как бизнес-модель;

– маркетплейс как технология управления поведением покупателей и продавцов;

– маркетплейс как информационная система (платформа, электронная торговая площадка).

Мы считаем, что маркетплейс можно рассматривать как новую бизнес-модель, поскольку он становится посредником между продавцом и покупателем и забирает на себя часть функций продавца: продвижение товара, хранение, доставка и др.

В таблице 1 представлены основные различия электронных торговых площадок и маркетплейсов.

Разделяя позицию о том, что маркетплейс представляет собой бизнес-модель, которая посредством использования онлайн-платформы объединяет продавцов, покупателей, организует финансовое, маркетинговое и логистическое посредничество, считаем необходимым разграничить подход к маркетплейсу и онлайн-магазину. Так, к примеру, И.В. Кордина и Д.И. Хлебович считают, что маркетплейс объединяет множество продавцов и покупателей, если там продаются товары одного продавца, то это – реселлер или онлайн-магазин [9, с. 468].

Если рассмотреть классификации маркетплейсов для уточнения их сущности, то выделяют: горизонтальные, вертикальные и глобальные маркетплейсы. Таким образом, действительно, маркетплейс не может по своей внутренней сути являться рынком сбыта продукции для одного поставщика, в таком случае речь идет об онлайн-магазине.

Вторым ключевым признаком для определения маркетплейса являются права собственности на продаваемый товар. В случае онлайн-магазина права собственности на товар принадлежат данному магазину, тогда как в случае маркетплейса права собственности на товар остаются у продавца.

Третьим ключевым признаком маркетплейса является способ заработка, в случае маркетплейсов – это комиссия, плата за подписку или оплата дополнительных услуг для продавца (например, хранение товара), онлайн-магазин зарабатывает на продаже самого товара.

Таким образом, ключевыми отличительными признаками маркетплейса являются:

– взаимодействие продавцов, покупателей, банка и логистических центров через онлайн-платформу;

– предложение товаров и услуг множеству покупателей от множества продавцов;

Таблица 1

Различия электронных торговых площадок и маркетплейсов

Критерий	Электронная торговая площадка (ЭТП)	Маркетплейс
Тип торговли	B2B, B2G, реже B2C	B2C, C2C, иногда B2B
Форма продаж	Аукционы, тендеры, торги	Каталог товаров, прямые продажи
Регулирование	Жёсткое регулирование (особенно в B2G)	Минимальное регулирование
Участники	Компании, госструктуры	Компании, индивидуальные продавцы, физические лица
Ценообразование	Определяется через торги или тендеры	Фиксированные цены или скидки
Логистика	Обычно не предоставляет	Может обеспечивать (*FBO* – хранение и обработка товара обеспечена маркетплейсом, *FBS* – хранение осуществляется продавцом, а доставка маркетплейсом)

– права собственности на товар закреплены за продавцом, маркетплейс предлагает только посреднические услуги по продаже взамен на комиссию, подписку, оплату сопутствующих услуг.

На основе выделенных отличительных признаков маркетплейса мы разработали алгоритм для его идентификации (рис. 1).

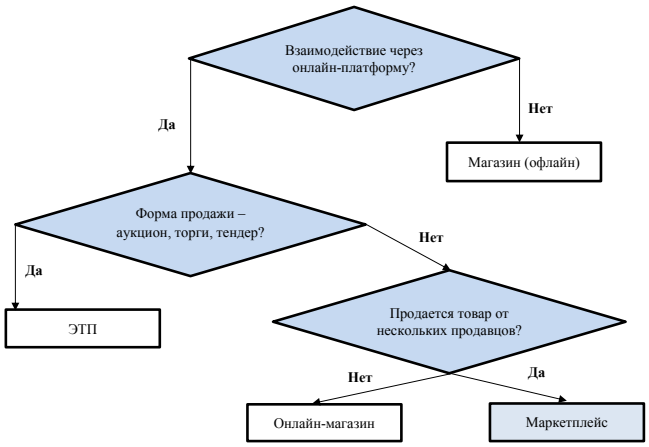

Рис. 1. Алгоритм идентификации маркетплейса на основе его ключевых признаков

Тем не менее следует сказать, что в настоящее время формируются гибридные модели маркетплейсов, которые совмещают признаки онлайн-магазина и маркетплейса в классическом виде. Например, *Wildberries* и *Ozon* продают как товары собственного бренда, так и товары от других продавцов, при этом они используют как собственные склады, так и аренду сторонних. Существуют гибриды маркетплейса с финансовыми услугами (например, *Ozon* банк) или с агрегаторами услуг (Юла, *Ozon Travel)*.

Представим виды гибридных маркетплейсов:

1) маркетплейс + онлайн-магазин;

2) маркетплейс + финансовые услуги (расширенный пакет);

3) маркетплейс + агрегатор услуг.

В настоящее время выделились новые типы бизнес-моделей маркетплейсов:

1. Децентрализованные маркетплейсы, где транзакции между продавцом и покупателем проходят напрямую через смарт-контракты, криптовалюты (*OpenBazaar, Origin Protocol*).

2. Социальные маркетплейсы, встроенные в социальные сети, выбор осуществляется на основе рекомендаций пользователей социальной сети (*TikTok Shop, Instagram Shopping*[1]).

Кроме того, маркетплейсы также можно разделить по степени использования цифровых технологий.

1. *AI-driven* маркетплейсы (использующие искусственный интеллект для персонализации).

2. *NFT*-маркетплейсы (цифровые товары и активы);

3. Мета-вселенные (торговля в *VR*-пространстве). Например, виртуальные примерочные *Converse, Uniqlo, IKEA Place* [11].

4. Государственные маркетплейсы (для закупок B2G).

Эволюция становления маркетплейсов представлена на рисунке 2.

По данным Ассоциации компаний интернет-торговли российский рынок интернет-торговли в 2023 г. составил 6359 млрд руб., из них трансграничная торговля составляет 197 млрд руб. (3 %), в 2020 г. он составлял только 3221 млрд руб. Доля интернет-торговли составила 13,4 % в 2023 г. от объема розничной торговли, наибольшее развитие она получила в Центральном и Приволжском федеральных округах.

В РФ рынок онлайн-торговли оценивается как самый быстрорастущий (+34 %) [10]. Наибольшие объемы интернет-торговли приходятся на Москву, Московскую область, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Свердловскую, Нижегородскую, Самарскую области, Республику Татарстан, Краснодарский край [7]. По товарным категориям наибольшая доля покупок через интернет приходится на цифровую и бытовую технику – 14,7 %, мебель и товары для дома – 14,7 %, одежду и обувь – 14,7 %. Меньше всего – книги, ювелирные изделия, аптечные товары [12].

Таким образом, в работе сформирован научный подход к идентификации маркетплейса путем выделения его ключевых отличительных признаков: взаимодействие субъектов через онлайн-платформу; предложение товаров и услуг множеству покупателей от множества продавцов; права собственности на товар закреплены за продавцом. На основании выделенных отличительных признаков, разработан алгоритм идентификации электронной торговой площадки, оффлайн-магазина, онлайн-магазина и маркетплейса. Маркетплейс представляет собой бизнес-модель, которая посредством использования онлайн-платформы объединяет продавцов, покупателей, организует финансовое, маркетинговое и логистическое посредничество и формирует цифровую экосистему

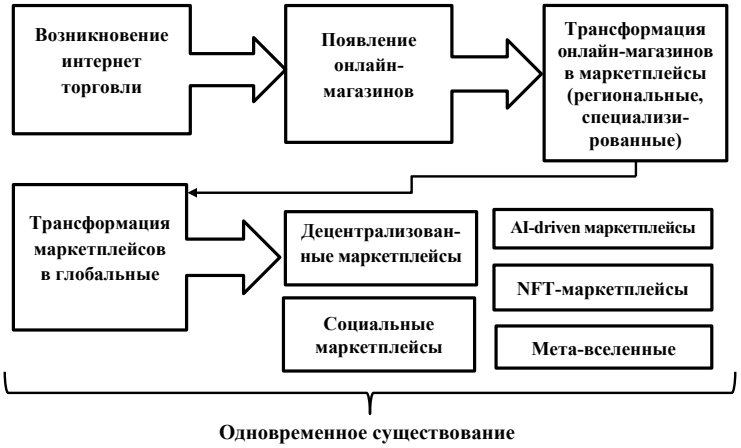

Рис. 2. Эволюция развития маркетплейсов

[1] Запрещены на территории Российской Федерации.

взаимодействия (смарт-контракты, блокчейн, оплата через криптовалюты, цифровые валюты; использование искусственного интеллекта, технологий *Big Data*, социальных сетей для продвижения товаров; продажа цифровых активов и токенизированных товаров, создание виртуальных торговых пространств). Перспективы дальнейшего изучения маркетплейсов, на наш взгляд, связаны с трансформацией их форм – появлением децентрализованных форм, социальных маркетплейсов, *NFT*-маркетплейсов, государственных маркетплейсов и др.

Литература:

1. Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html (дата обращения: 20.08.2024).
2. Махноносов Д.В. Маркетинговые технологии в организации электронной торговли и продвижении товаров и услуг в сети Интернет: дисс. ... докт. эконом. наук. Донецк, 2023. 367 с.
3. Семенов Н.С., Семенов С.Р. Правовое регулирование электронных торговых площадок как форма развития электронной коммерции и информационных отношений // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2022. Т. 22. № 11. С. 142–151. DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-11-142-151.
4. Канторoева А.К. Маркетплейс как инновационный элемент экосистемы коммерческого банка // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2020. № 27. С. 202–207.
5. Табышова А.К. Маркетплейс (онлайн-платформа электронной коммерции) как эффективная бизнес-модель торговли в условиях пандемии // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2020. № 5. С. 113–117.
6. Габалова Е.Б. Маркетплейс: современный инструмент повышения продаж // Modern Science. 2021. № 6-2. С. 35–37.
7. Сальникова А.В., Кудимова Ю.А. Контрафакт в маркетплейс на примере "Вайлдберриз": постановка проблемы // Вестник университета. 2021. № 2. С. 117–123. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-117-123.
8 Бухтиярова Т.И., Лысенко Ю.В., Лысенко М.В., Демьянов Д.Г. Площадка маркетплейс как инновационная бизнес-технология // Педагогическая наука и практика. 2021. № 2(32). С. 102–105.
9. Кордина И.В., Хлебович Д.И. Маркетплейс как бизнес-модель электронного посредничества // Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31. № 4. С. 467–477. DOI: 10.17150/2500-2759.2021.31(4).467-477.
10. Куликова О.М., Суворова С.Д. Маркетплейс: бизнес-модель современной торговли // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 6(48). С. 50–55. DOI: 10.47581/2020/10.23.PS85/IE/5.48.008.
11. VR и AR в ритейле: как технологии использовать в продажах. URL: https://new-retail.ru/tehnologii/vr_i_ar_v_riteyle_kak_tekhnologii_ispolzovat_v_prodazhakh/?utm_source=chatgpt.com.
12. Сводные аналитические данные. Ассоциации компаний интернет торговли. URL: https://akit.ru/analytics/analyt-data (дата обращения: 28.11.2024).

Marketplaces as a Business Model: Evolution and Development Trends in the Digital Economy

Musaev A.K.
University of Management «TISBI» (Kazan)

The share of the population making orders via the Internet tends to 70 % in 2023 in most federal districts. In 2024, marketplaces account for 81 % of the Russian online trade market, which determines the relevance of studying marketplaces from the standpoint of economic science. At the same time, there is still no established approach to the economic interpretation of the marketplace. The purpose of the study is to develop an approach to defining a marketplace. The novelty of the study lies in the development of an algorithm for identifying a marketplace based on its key features. The evolution of marketplaces and their development trends are considered: the formation of hybrid forms, decentralized forms, social marketplaces. A conclusion is made about the prospects for further development of marketplaces.

Keywords: marketplace, electronic trading platform, online store, digital economy

УДК 339.982
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-80-83

Влияние инвестиций на развитие информационно-коммуникационных технологий

Мусаев Р.К.
Аспирант кафедры экономики
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

В статье экономико-статистическими методами проанализировано влияние инвестиций в основной капитал, направленных на развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в органах власти, среди населения, среди компаний. Актуальность исследования определяется взаимосвязью между развитием ИКТ и дифференциацией регионов по социально-экономическому развитию. Выявлена существенная асимметрия в региональном распределении инвестиций в основной капитал в ИКТ между Москвой, Санкт-Петербургом, Московской областью и другими регионами РФ, что влечет за собой формирование цифрового разрыва между населением регионов.

Целью работы является определение направления влияния инвестиций в основные фонды, направленные на приобретение информационного, компьютерного и телекоммуникационного оборудования. В работе доказано, что инвестиции в основной капитал в большей степени влияют на обеспечение средствами ИКТ органов власти и усиление возможности населения взаимодействовать с ними через интернет, чем на долю населения, осуществляющую заказы через интернет. Полученные взаимосвязи позволяют выработать меры оптимизации инвестиционной политики, направленной на цифровую трансформацию регионов, для увеличения ее эффективности.

Ключевые слова: *информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), социально-экономическое развитие, регион, цифровизация, инвестиции*

Для цитирования: *Мусаев Р.К. Влияние инвестиций на развитие информационно-коммуникационных технологий // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 80–83. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-80-83.*

Информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) и уровень их проникновения в регион, с одной стороны, становятся причиной регионального цифрового разрыва. С другой – развитие ИКТ требует значительных инвестиций. Для региональной социально-экономической системы важно иметь объективные инструменты для определения эффективности инвестиций в ИКТ.

Взаимосвязь между инвестициями и развитием ИКТ рассматривается в работах С.А. Маковкиной и Н.Д. Воронова [1], Р.Р. Хабибрахмановой и Е.А. Еремеевой [2, с. 75–80]; С.П. Петров, М.П. Маслов, А.И. Карпович исследуют взаимосвязи между ВРП на душу населения и относительным показателем затрат на ИКТ [3, с. 424–428]. Однако целью работы является определение направления влияния инвестиций в основные фонды, направленные на приобретение информационного, компьютерного и телекоммуникационного оборудования.

По состоянию на 2023 г. около 40 % затрат бюджета г. Москвы было направлено на цифровую трансформацию и построение цифровой экосистемы. В результате было модернизировано более 100 услуг и запущено 80 проектов с использованием искусственного интеллекта. Бюджет регионов РФ на 2024 г. на развитие ИКТ суммарно составил

279,5 млрд руб. Наибольшая доля расходов в этом направлении на протяжении периода с 2015–2024 гг. приходится на Москву, Санкт-Петербург, Московскую область, Краснодарский край и Новосибирскую область [4].

Десятка лидеров по размерам инвестиций в ИКТ представлена на рисунке 1.

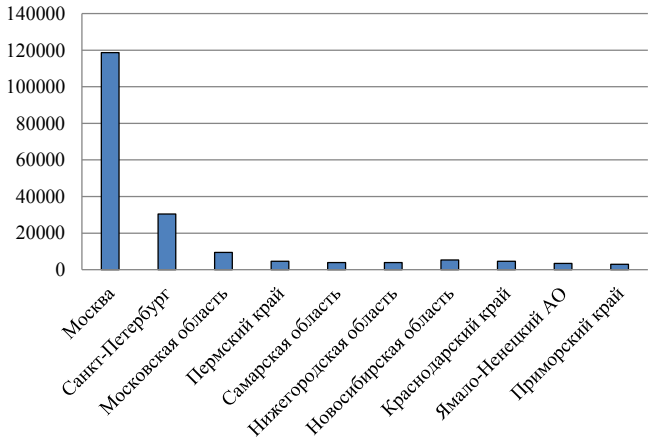

Рис. 1. Регионы-лидеры по объему инвестиций в ИКТ в 2022 г. [5]

При этом в период 2015–2022 гг. на постоянной основе в топ-10 регионов по размеру инвестиций в ИКТ входили Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Пермский край, Самарская и Новосибирская области. Республика Татарстан расположилась на 13 месте. Структура инвестиций в развитие ИКТ, согласно методике *CNews Analytics*, включает расходы на финансирование органов власти, отвечающих за ИКТ, затраты на мероприятия в сфере ИКТ (например, информатизация здравоохранения), затраты по статье бюджета «Связь и информатика», субсидии Минэкономсвязи [5].

Инвестиции в ИКТ направлены, как правило, на развитие цифровой инфраструктуры, например, на развитие сетей 5G, облачных хранилищ и т.д. Пилотные зоны 5G были запущены в Москве, Санкт-Петербурге, Казани. Особую актуальность имеют инвестиции, направленные на развитие НИОКР, данный вид инвестиций особенно важен для процесса углубления ИКТ (развитие блокчейн технологий, интернета вещей, искусственного интеллекта). Развитие цифровых компетенций также требует инвестиций, за счет этого происходит углубление знаний в сфере ИКТ и снижение цифрового разрыва. Национальный проект «Цифровая экономика» направлен на развитие инфраструктуры ИКТ, поддержку НИОКР и цифровизацию государственных услуг.

Федеральная служба государственной статистики производит мониторинг данных по показателю «Объем инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение информационного, компьютерного и телекоммуникационного оборудования», в 2023 г. данный показатель достиг по РФ 1042,1 млрд руб. Превалирующие показатели наблюдаются в Центральном федеральном округе, более 616 млрд руб. (рис. 2).

Однако стоит отметить, что данный показатель не учитывает полный комплекс расходов на ИКТ. В первую десятку по размеру инвестиций в основной капитал, направленный на приобретение ИКТ оборудования, входят Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Тюменская, Нижегородская, Свердловская и Астраханские области, Краснодарский край.

Размер инвестиций, направленный на ИКТ сильно дифференцирован по федеральным округам. Превалирующий объем инвестиций в период 2015–2023 гг. был в Москве – 26,9–49,5 %. Если рассматривать объем инвестиций в Центральном федеральном округе без Москвы, то он сопоставим с Северо-Западным и Приволжским федеральными округами.

В данном исследовании проверялась гипотеза о влиянии инвестиций на развитие ИКТ. Задачей было определить направление и силу влияния инвестиций на различные зависимые переменные. В качестве объясняющих переменных выступали прологарифмированные значения ВРП (*VRP*) и инвестиций в основной капитал на душу населения (*inv*), зависимой переменной попеременно использованы: доля населения, взаимодействовавшего с органами государственной власти и местного самоуправления через интернет (*GO*), использование

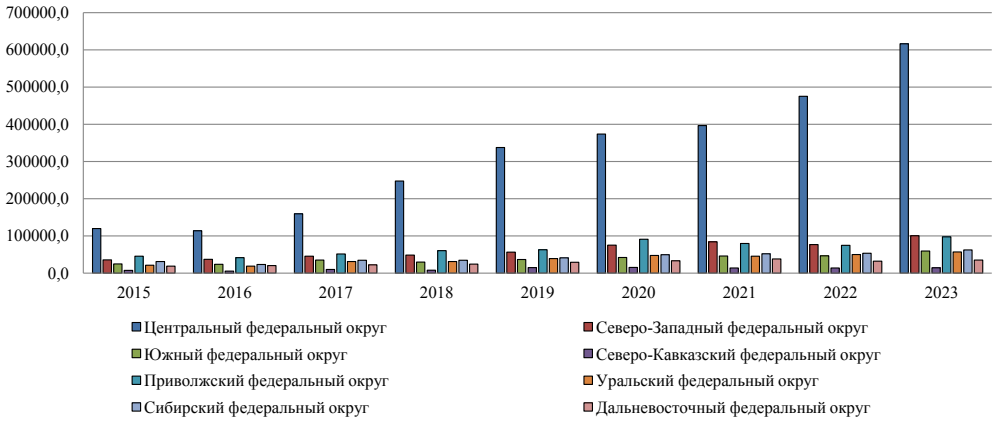

Рис. 2. Объем инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение информационного, компьютерного и телекоммуникационного оборудования (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами) [6]

информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей в домашних хозяйствах (%) (*Int*), доля населения в возрасте 15–74 лет, использовавшего интернет для заказа товаров (*Tov*)[1]. Тест Хаусмана показал, что необходимо выбрать модели с фиксированными эффектами. Применение данного вида моделей обосновано, когда предполагается, что ненаблюдаемые характеристики, которые влияют на зависимую переменную, неизменны во времени.

Таким образом, получено три динамические модели панельных данных с фиксированными эффектами:

1. Модель влияния инвестиций на долю взаимодействия населения с органами власти через интернет:

$$GO = -261,6 + 19,6lnVRP + 12,85lninv \quad (1)$$

2. Модель влияния инвестиций на долю населения, заказывающую товары через интернет:

$$Tov = -257,4 + 20,9lnVRP + 4,24\ lninv \quad (2)$$

3. Модель влияния инвестиций на долю домохозяйств, имеющих доступ в интернет:

$$Int = -102,1 + 13,3lnVRP + 1,12lninv \quad (3)$$

Модели прошли необходимые проверки на статистическую значимость, R^2 для всех трех моделей был больше 0,5. Анализ направления и силы влияния инвестиций в основной капитал в моделях на зависимую переменную представлен в таблице 1, наибольший коэффициент говорит о большей силе влияния на зависимую переменную.

Таблица 1

Анализ влияния инвестиций в основной капитал в моделях на зависимую переменную

Зависимая переменная	Коэффициент при показателе *lninv*	Сила влияния в (%) (коэффициент при показателе *lninv*/100 %)
GO	12,85	0,13 %
Tov	4,24	0,042 %
Int	1,12	0,0112 %

Проведенный анализ (табл. 1) доказывает, что инвестиции в основной капитал в большей степени воздействуют на развитие ИКТ в органах власти (*GO*), чем на заказ товаров через интернет (*Tov*), что объясняет тот факт, что в основном инвестиции в развитие ИКТ осуществляются за счет федерального и региональных бюджетов и в меньшей степени за счет венчурных инвестиций. При этом рост доли населения, взаимодействующей с органами государственной власти и местного самоуправления через интернет влечет к более активному развитию ИКТ в органах власти, тогда как рост доли заказов через интернет стимулирует компании развивать ИКТ, наращивать присутствие в электронной коммерции и т.п.

[1] Расчеты произведены с помощью программы *Gretl*. Использована модель панельных данных с фиксированными эффектами за период 2015–2022 гг.

Таким образом, можно констатировать на основе проведенного анализа, что инвестиции в основной капитал в большей степени будут влиять на расширение развития ИКТ среди органов власти, чем среди компаний и населения (рис. 3).

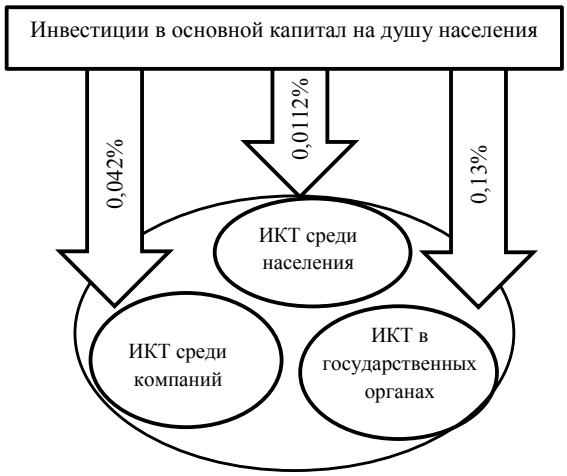

Рис. 3. Влияние инвестиций на направления развитие ИКТ

Таким образом, в условиях убывающей отдачи полезности необходимо понимать, что последующие инвестиции в основной капитал, направленные на расширение охвата ИКТ, будут приносить уже меньший прирост развития. Эффект «нулевой» базы для всех регионов РФ давно пройден, поэтому последующие инвестиции, направленные, например, на охват домохозяйств интернетом, будут давать все меньший результат. Проведенный экономико-статистический анализ доказывает влияние инвестиций на развитие информационно-коммуникационных технологий, что особенно характерно для взаимодействия с органами власти с использованием ИКТ. Так, 1 % увеличения инвестиций в основной капитал на душу населения приводит к росту взаимодействия населения с органами власти через интернет на 0,13 %. Другие направления, такие как охват домохозяйств интернетом (0,0112 %), доля населения, заказывающая товары через интернет (0,042 %), в меньшей степени чувствительны к инвестициям в основной капитал.

Инвестиционная политика в ИКТ становится важным инструментом для социально-экономического развития регионов РФ, их интеграцию в цифровую экономику, повышения качества жизни населения. Для определения политики инвестирования в развитие ИКТ важно учитывать отраслевую и социальную специфику региона. Требуется системно работать над компетенциями населения в сфере ИКТ для возможности углубления развития ИКТ. Важным аспектом является создание инвестиционно-привлекательного климата в регионе для развития стартапов и привлечения венчурных инвестиций в сферу ИКТ.

Литература

1. Маковкина С.А., Воронов Н.Д. Влияние цифровой трансформации на инвестиционную привлекательность региона // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 4 (29). С. 95–103.
2. Хабибрахманова Р.Р., Еремеева Е.А. Информационные ресурсы как фактор инвестиционной привлекательности региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 7. С. 73–82.
3. Петров С.П., Маслов М.П., Карпович А.И. Влияние инвестиций в развитие цифровой экономики на объем валового внутреннего продукта России // Journal of Applied Economic Research. 2020. Т. 19. № 4. С. 419–440.
4. ИКТ-бюджеты российских регионов в 2024 г. могут отыграть прошлогоднее падение. URL: https://news.egov.itmo.ru/24-08-15-371.html (дата обращения: 28.12.2024).
5. CNews. URL: https://gov.cnews.ru/articles/2016-07-0_po_dannym_cnewsiktrashody_regionov_v_2_raza_vyshechem_utverzhdaet (дата обращения: 6.01.2025).
6. Выборочное Федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt23/index.html (дата обращения: 7.10.2024).

The Impact of Investments on the Development of Information and Communication Technologies

Musaev R.K.
University of Management «TISBI» (Kazan)

The article analyzes the impact of fixed capital investments aimed at developing information and communication technologies (hereinafter ICT) in government bodies, among the population, and among companies using economic and statistical methods. The relevance of the study is determined by the relationship between ICT development and the differentiation of regions by socio-economic development. A significant asymmetry in the regional distribution of fixed capital investments in ICT between Moscow, St. Petersburg, the Moscow region and other regions of the Russian Federation is revealed, which entails the formation of a digital divide between the population of the regions. The purpose of the work is to determine the direction of the influence of fixed capital investments aimed at acquiring information, computer and telecommunications equipment. The work proves that fixed capital investments have a greater impact on providing government bodies with ICT tools and enhancing the ability of the population to interact with them via the Internet than they have on the share of the population placing orders via the Internet. The obtained relationships allow us to develop measures to optimize investment policy aimed at digital transformation of regions in order to increase its effectiveness.

Key words: information and communication technologies (ICT), socio-economic development, region, digitalization, investments

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-84-88

Актуальные внешние угрозы экономической безопасности российских субъектов малых форм хозяйствования и механизмы их минимизации

Мустафина Г.Н.
Старший преподаватель кафедры информатики и вычислительной математики, начальник Центра информационных технологий Набережночелнинского государственного педагогического университета

В работе на основе ситуационного анализа определено место малого бизнеса в процессе формирования российского ВВП и обозначена существующая диспропорция между потенциальными возможностями отечественной сферы малого предпринимательства и её реальным вкладом в национальное производство. Опираясь на результаты факторного анализа, автором выявлены актуальные внешние угрозы и вызовы экономической безопасности субъектов малых форм хозяйствования, дана их классификация и определены источники, ключевым из которых является геоэкономическая турбулентность мировой экономики. Используя доказательный подход в статье рассматриваются механизмы противодействия внешним угрозам субъектов малого бизнеса, основным из которых является укрепление собственных социально-экономического и технологического потенциалов, являющихся материальной основой их экономической безопасности.

Ключевые слова: *экономическая безопасность малого бизнеса, субъекты малых форм хозяйствования, государственная поддержка малого предпринимательства, внешние угрозы экономической безопасности малого бизнеса, механизмы минимизации внешних угроз малого предпринимательства*

Для цитирования: *Мустафина Г.Н. Актуальные внешние угрозы экономической безопасности российских субъектов малых форм хозяйствования и механизмы их минимизации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 84–88. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-84-88.*

В современной российской экономике многие годы наблюдался дисбаланс между фактическим вкладом малых форм хозяйствования в формирование национального ВВП и потенциальными возможностями субъектов малого предпринимательства. И по показателю доли малого бизнеса в национальном производстве Россия существенно отстает от уровня ведущих мировых экономик, тем самым самоограничивая возможности собственного экономического роста и расширения круга экономически активных россиян, непосредственно участвующих в этом процессе. Однако изменение вектора развития российской социально-экономической системы, вызванного развязанной коллективным Западом в 2022 г. полномасштабной экономической войной, кардинально изменили ситуацию в национальной экономике и взятый политическим руководством страны курс на суверенизацию с опорой на собственные ресурсы позитивно повлияли как на структуру формирования ВВП, так и на развитие сферы малого бизнеса.

Необходимость замещения ушедших с российского рынка иностранных компаний и бесперебойного обеспечения потребностей специальной военной операции предопределила текущие экономические стратегию и тактику Правительства РФ, ключевым элементов которых стала в том числе и более активная государственная поддержка отечественных субъектов малых форм хозяйствования, предоставляющая этому сектору дополнительные

возможности для развития. И несмотря на вызванный высокими ставками ЦБ и снижением внутреннего потребительского спроса спад бизнес-активности с середины ушедшего года, официальная российская статистика за 2024 г. и первый квартал 2025 г. беспристрастно зафиксировала увеличение до 6 461 000 числа микропредприятий (при годовом приросте +1 382 415) и малых предприятий до 225 130 [1]. При этом по итогам 2024 г. среднемесячный объем выручки микропредприятий, по данным ККТ, составил 1,7 трлн руб., а малых – 0,6 трлн руб., при увеличении размера средней выручки на один субъект на 11,2 % [2]. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что сфера малого предпринимательства перманентно увеличивает свою долю в социально-экономическом потенциале России, постепенно трансформируясь из «придатка» «большой экономики» в одного из ключевых её элементов, а значит, проблемы обеспечения экономической безопасности субъектов малого предпринимательства становятся как никогда актуальными и требующими усилий как непосредственно самих экономических агентов, так и мер государственной поддержки. И с учетом того, что экономическая безопасность субъектов малых форм хозяйствования является неотъемлемой частью национальной экономической безопасности, эффективно решать задачу её обеспечения можно только в рамках комплексного подхода, сочетая запросы каждого отдельного хозяйствующего субъекта со стратегическими интересами государства в целом.

Теоретико-методологические подходы к проблемам обеспечения экономической безопасности субъектов малых форм хозяйствования

Для удержания завоёванного места на рынке и повышения своей конкурентоспособности субъекты, осуществляющие свою финансово-хозяйственную деятельность в сфере малого предпринимательства, на постоянной основе решают задачи обеспечения положительной динамики развития созданных ими бизнес-структур, в полной мере отдавая себе отчет в том, что достичь всеобъемлющей экономической безопасности хозяйствования практически невозможно и успехом этой деятельности можно считать недопущение перехода из потенциальных в реальные и сведение к минимуму существующих вызовов и угроз, способных привести к затруднению или прекращению функционирования объекта, а также любым сколь-нибудь значимым снижением ресурсного потенциала.

В научной литературе при определении понятия «экономическая безопасность малого бизнеса» существует множество подходов, которые все же тождественны «выделением двух главных её компонентов – развития и устойчивости» [3] и пониманием того, что для конкретного субъекта она достигается «эффективным применением ресурсов для предупреждения угроз и обеспечения стабильной деятельности» [4, с. 105]. Исходя из общих целей и задач субъектов предпринимательства, экономическую безопасность малой бизнес-структуры также можно рассматривать как «состояние, при котором важнейшие оценочные показатели ее деятельности максимально приближены к показателям, заданным бизнес-стратегией» [5], а «опасность возникновения неблагоприятных событий не превышает допустимой величины» [3].

При этом существующие угрозы и уязвимости, прежде всего, подразделяются на внешние и внутренние, имеющие разную степень влияния на устойчивость и надежность субъекта малых форм хозяйствования, предопределяемой его эндогенным состоянием и текущей социально-экономической ситуацией в стране и мире. К внешним относятся угрозы макроуровня, непосредственно не связанные с производственной деятельностью субъекта и формирующиеся вне границ организационной структуры малой формы хозяйствования, а их источники практически не подлежат какому-нибудь управляющему воздействию со стороны последнего. Внутренние угрозы напрямую обусловлены хозяйственной деятельностью субъекта малого бизнеса (далее – МБ) и осуществлением своих функций его персоналом или единолично предпринимателем. И с учетом того, что внутренние и внешние угрозы экономической безопасности теснейшим образом связаны между собой, на наш взгляд, вне контекста текущей социально-экономической ситуации при оценке состояния экономической безопасности конкретного субъекта нельзя категорически утверждать о превалировании «веса» какого-либо вида угроз, т.к. в современных реалиях достаточно часто возникают непрогнозируемые внешние угрозы, способные парализовать даже самую экономически устойчивую предпринимательскую структуру, в то время как ошибочно избранная стратегия её развития может привести к прекращению деятельности даже в условиях сверхблагоприятной для ведения бизнеса внешней среды.

В финансово-хозяйственной практике малого бизнеса управление экономической безопасностью отдельных субъектов «представляет собой комплекс организационно управленческих, режимных, технических, профилактических и пропагандистских мер, направленных на защиту интересов, а также собственности, как от внешних, так и от внутренних угроз» [6], который включает в себя финансовую, кадровую, технологическую, информационную, инновационную и иные виды безопасности.

Ключевые внешние угрозы экономической безопасности российских субъектов малого предпринимательства в 2025 г.

Наступивший 2025 г. достаточно неожиданно форсировал процессы глубокой трансформации ми-

ровой экономической системы, а развязанная вновь избранным Президентом США Д. Трампом полномасштабная тарифная война стала «черным лебедем» для практически всех субъектов глобальной экономики, вне зависимости от их величины, формы собственности и государственно-территориальной принадлежности. Достаточно агрессивная тарифная политика новой администрации США в отношении 185 стран-партнеров, направленная в том числе и против их традиционных союзников и сателлитов, еще больше усилила существовавшую неопределенность в мировой экономике и, по оценке большинства международных экспертов, в случае её полноценной реализации потенциально способна разрушить функционирующую глобальную систему торговли, разорвав все существующие на сегодня логистические цепочки поставок. И даже если в результате проведения переговоров между США и их торговыми партнерами в ближайшее время будет достигнут ожидаемый всеми компромисс, спровоцированный действиями американского правительства хаос мировой экономики может продлиться как минимум в течение ближайших месяцев, вызвав замедление роста и значительно интенсифицировав её турбулентность. Как следствие, мировое экспертное сообщество уже пересматривает раннее сделанные прогнозы развития национальных экономик, существенно снижая плановые показатели роста их ВВП в краткосрочной перспективе, что неизбежно приведет к усилению политики протекционизма и инспирирует новый инфляционный виток, следствием которых станут снижение потребительского спроса и увеличение государственных расходов всех без исключения стран. И именно этим объясняется апрельское решение Минфина РФ о повышении дефицита федерального бюджета на 2025 г. с 0,5 до 1,7 % ВВП [7], что обоснованно поднимает вопрос об «идеальности» российского бюджета и возможностях государства полностью исполнять запланированные ранее обязательства.

Являясь неотъемлемой частью глобальной экономики, российская экономическая система также в полной мере подвержена всем издержкам протекающих геоэкономических процессов и Минэкономразвития РФ достаточно объективно определяет в качестве основных внешних рисков для России в краткосрочной перспективе «замедление роста мирового ВВП, эскалацию торговых войн и ужесточение санкций» [8]. По мнению значительного числа аналитиков, в ближайшие три года можно с высокой степени вероятности ожидать снижение на мировом рынке спроса на российские энергоресурсы, по-прежнему являющиеся ключевым источником наполнения государственного бюджета, что в сочетании с наметившейся неблагоприятной внешней конъектурой может спровоцировать замедление роста отечественной экономики в целом и сферы малого предпринимательства в частности.

Кроме того, субъекты малых форм предпринимательства в 2025 г. в своей финансово-хозяйственной деятельности столкнулись с существенным ростом налоговой нагрузки и снижением покупательской способности населения, а высокая ключевая ставка ЦБ РФ делает для них фактически недоступным заемный капитал, лишая МБ внешних источников получения необходимых для развития инвестиционных ресурсов. При этом необходимо отметить, что эти негативные для малого предпринимательства факторы дополнительно усугубляются снижением общего уровня государственной поддержки в 2025–2030 гг. на 21 % относительно показателей 2019–2024 гг., дополненной к тому же инфляционной рентой фактически выделенных на эти цели 308,8 млрд руб. [2]. И с учетом того, что с 2025 г. национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» утратил самостоятельный статус и становится федеральной программой в рамках нового нацпроекта «Эффективная и конкурентная экономика», можно с высокой степенью вероятности ожидать обострение конкуренции за выделяемуые бюджетом финансовые ресурсы и возведение дополнительных бюрократических препонов на пути их получения.

Механизмы минимизации внешних угроз экономической безопасности субъектом малого бизнеса

Как уже было сказано выше, субъекты малых форм хозяйствования практически почти не имеют эффективных инструментов воздействия на формирование внешней среды своей деятельности как на глобальном, так и на национальном и региональном уровнях, что и предопределяет выбор их тактики и стратегии по поддержанию приемлемого уровня своей экономической безопасности, которая, прежде всего, обеспечивается через укрепление собственного социально-экономического и технологического потенциалов, являющимися её материальной основой, а также повышение устойчивости и надежности бизнеса. В рамках решения этой задачи предпринимателям необходимо провести комплексный анализ своей финансово-хозяйственной деятельности, выявить собственные «слабые» стороны и незадействованные резервы и на основе полученных данных позиционировать свое место на выбранном для работы рынке, одновременно определив направления эволюции последнего в кратко-, средне- и долгосрочных перспективах. И уже базируясь на полученных результатах, разработать собственную программу развития, а также методы, инструменты и механизмы их реализации.

Как нам кажется, в условиях возрастания рисков, связанных с низким уровнем подготовки персонала и усиливающегося кадрового голода, прежде всего, необходимо сосредоточиться на повышении квалификации уже задействованных сотрудников и рас-

ширении перечня их компетенций, что обеспечит синхронизацию неизбежного роста оплаты труда с повышением его производительности и увеличением вклада каждого сотрудника в конечном продукте. Кроме того, достаточно стремительно меняющиеся социально-экономические реалии и массовое внедрение инновационных технологий делает перманентное обучение персонала обязательным условием сохранения на конкурентном рынке любого субъекта хозяйствования независимо от вида деятельности, его масштаба или формы собственности. При этом, задействованные в современном производстве и управлении инновации, включая ИИ, изначально сами по себе предполагают привлечение высоко квалифицированных кадров и применение более технически совершенного оборудования, «малой» автоматизации и роботизации, а отказ от их использования неизбежно повлечет за собой снижение конкурентоспособности и экономической устойчивости субъекта хозяйствования, вплоть до утраты возможности ведения деятельности.

Необходимо признать, что в современных реалиях любой субъект малого предпринимательства должен собственными силами или с привлечением сторонних специалистов повысить качество управления бизнес-процессами и внутрифирменного планирования, максимально задействовав в производственном процессе выявленные резервы и существующий потенциал. В условиях ограниченности собственных ресурсов, снижения уровня бюджетной поддержки, неоправданно высокой текущей ключевой ставки ЦБ РФ и недоступности банковских кредитов малый бизнес должен научиться использовать такие финансовые инструменты привлечения, необходимые для развития инвестиций, как лизинг, долговое и долевое инвестирование, шире использовать возможности венчурных фондов, бизнес-инкубаторов, бизнес-ангелов и акселераторов, а также повысить свою активность в вопросах получения выделяемой государственной целевой помощи путем постоянного мониторинга деятельности отвечающих за это государственных органов и повышения качества подготовки заявок на получения выделяемых грантов и целевых субсидий.

На основании сказанного, можно указать на следующее:

1. Геополитические и геоэкономические процессы конца 2024 г. – начала 2025 г. привели к существенной турбулентности как мировой, так и отечественной экономик и спровоцировали сокращение доходов бюджета РФ и резкое ухудшение предпринимательского климата для российских субъектов малых форм предпринимательства, что негативно отразилось на уровне их экономической безопасности и устойчивости.

2. Наиболее реалистичным механизмом поддержания приемлемого уровня экономической безопасности малого бизнеса России от обострившихся внешних угроз является путь укрепления собственного социально-экономического и технологического потенциала, повышения качества управленческих и производственных процессов и уровня квалификации персонала, а также активное внедрение цифровизации, роботизации, инноваций и применение прогрессивных финансовых инструментов привлечения внешних инвестиций.

3. Субъектам малого предпринимательства необходимо оценить тенденции трансформации рынка их финансово-хозяйственной деятельности и разработать собственную программу развития, гармонизировав её с перспективными планами государства, при этом четко определив ресурсные источники, конкретные цели и задачи запланированных изменений, а также механизмы их достижения, включая обеспечение приемлемого уровня экономической безопасности.

4. Необходимо признать, что реальными и значимыми внешними угрозами экономической безопасности субъектов малых форм хозяйствования являются не только геоэкономическая турбулентность, но и вполне законные действия органов государственно-муниципальной власти РФ всех уровней, направленные на снижение объемов реальной поддержки и увеличение административной и налоговой нагрузки на малый бизнес. Как следствие, в целях минимизации возможных издержек органам государственной власти и управления при формировании и реализации политики в сфере предпринимательства целесообразно более широко обсуждать проблемы малого бизнеса непосредственно с его представителями и экспертным сообществом.

5. Эффективное решение задач обеспечения оптимального уровня экономической безопасности субъектов малых форм предпринимательства в текущих социально-экономических реалиях возможно только в рамках комплексного подхода, сочетающегося интересы государства и малого бизнеса и основанного на активной поступательной позиции каждого из участников процесса, включая отдельных самозанятых, индивидуальных предпринимателей или общества с ограниченной ответственностью.

Литература:

1. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: https://ofd.nalog.ru/index.html
2. Рекордных 6,59 млн достигло число малых и средних предприятий в России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rekordnyh_659_mln_dostiglo_chislo_malyh_i_srednih_predpriyatiy_v_rossii.html
3. Симонов С.Г., Хаматханова М.А., Сафонов Д.А. Экономическая безопасность малого бизнеса: системный подход // Фундаментальные исследования. 2016. № 1-1. С. 198–202.
4. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
5. Найт Ф. Понятие риска и неопределенности // THESIS. 2006. № 5. С. 20–31.
6. Гунина И.А. Посаженникова Ю.Н. Система управления экономической безопасностью предприятия // ЭКОНОМИНФО. 2018. Т. 15. № 1. С. 28–31.
7. Минэкономразвития РФ достаточно объективно определяет в качестве основных внешних рисков для России в краткосрочной перспективе «замедление роста мирового ВВП, эскалацию торговых войн и ужесточение санкций. URL: https://www.interfax.ru/business/1023674
8. Минэк впервые назвал торговые войны одним из главных рисков для России. URL: https://ren.tv/news/ekonomika/1331347-minek-vpervye-nazval-torgovye-voiny-odnim-iz-glavnykh-riskov-dlia-rossii

Current External Threats to the Economic Security of Russian Small Business Entities and Mechanisms for Their Minimization

Mustafina G.N.
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Based on a situational analysis, the paper identifies the place of small business in the process of forming Russian GDP and identifies the existing disparity between the potential opportunities of the domestic small business sector and its real contribution to national production. Based on the results of factor analysis, the author identifies current external threats and challenges to the economic security of small business entities, classifies them, and identifies sources, the key of which is the geo-economic turbulence of the global economy. Using an evidence-based approach, the article examines the mechanisms for countering external threats to small businesses, the main of which is to strengthen their own socio-economic and technological potentials, which are the material basis of their economic security.

Keywords: economic security of small businesses, small business entities, government support for small businesses, external threats to the economic security of small businesses, mechanisms for minimizing external threats to small businesses

УДК 353.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-89-92

Факторы устойчивости в управлении городскими агломерациями

Олифир Д.И.
Кандидат географических наук,
доцент кафедры туризма, гостеприимства и сферы обслуживания
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург)

Статья посвящена определению факторов устойчивости в управлении городскими агломерациями, которые являются, с одной стороны, наиболее прогрессивными формами пространственной организации экономики, а с другой стороны, наиболее чувствительными к внешним экономическим потрясениям, кризисам и шокам. Ценность исследования заключается в развитии унифицированного построения теории устойчивости (резилиентности) в региональной экономике и использовании материалов работы органами региональной власти и местного самоуправления в политике по обеспечению устойчивости развития городской агломерации. Результатом, обладающим научной новизной, является выделение и характеристика следующих факторов устойчивости городских агломераций: сформированная высокотехнологичная производственная инфраструктура, развитая транспортно-коммуникационная сеть, инновационная система НИОКР, сбалансированная бюджетная система, устойчивая финансовая система, высококвалифицированные трудовые и предпринимательские ресурсы (человеческий капитал), диверсифицированная полиотраслевая структура, инвестиционная безопасность и привлекательность. Определено, что основным управленческим инструментом по обеспечению устойчивости должна стать система документов стратегического планирования, включающая стратегию развития городской агломерации, разделы которой посвящены вопросам устойчивости.

Ключевые слова: *городская агломерация, шоковые воздействия, кризисные воздействия, факторы устойчивости, обеспечение устойчивости, управление городскими агломерациями, стратегическое планирование*

Для цитирования: *Олифир Д.И. Факторы устойчивости в управлении городскими агломерациями // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 89–92. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-89-92.*

Глобальные кризисные явления предопределяют новые вызовы и угрозы, оказывающие воздействия как на государственную (национальную) экономическую систему, так и на региональные экономические системы различных территориальных уровней пространственной организации. В частности, к последним относятся городские агломерации, в которых за счёт повышенной концентрации населения и видов экономической деятельности наблюдается высокая степень инновационности и производительности труда [1]. Крупные и крупнейшие городские агломерации выступают драйверами экономического роста и пространственного развития страны. Однако их развитая полиотраслевая структура экономики, включающая высокую долю обслуживающих видов хозяйственной деятельности, наиболее сильно подвержена влиянию внешних шоковых воздействий. В результате актуальным становится проведение исследования, направленного на определение факторов устойчивости, которые необходимо учитывать в управлении городскими агломерациями.

Проблема устойчивости в отечественной экономической науке получила широкий импульс распространения в последнее десятилетие в связи с введением западными странами санкций по отношению к Российской Федерации, геополитическими конфликтами, нестабильностью и колебаниями мировых цен на сырьевые ресурсы (зависимостью от цен на нефть и газ), переориентацией внешней экономической политики «на Восток», технологическим отставанием от стран развитого мира, высокой инфляцией и т.п. Среди многочисленных публикаций по рассматриваемой тематике выделяется ряд трудов В.В. Климанова с соавторами, посвящённых теории устойчивости [2], измерению шокоустойчивости регионов [3], влиянию социально-экономических показателей на устойчивость регионов [4], устойчивости региональных бюджетов [5]. Также отметим исследование А.А. Волошинской и А.Н. Максимова, связанное с проблемами прогнозирования городской шокоустойчивости и подходов по их решению [6]. М.Ю. Малкиной дана оценка устойчивости экономик российских регионов к пандемии 2020 г. [7]. Н.Н. Михеевой рассмотрены вопросы и методы оценки устойчивости регионов к кризисным шокам [8].

Согласно утверждению Б.С. Жихаревича, В.В. Климанова и В.Г. Марача, «шокоустойчивость системы государственного (муниципального) управления зависит от способности территориального сообщества привлекать местных жителей и предприятия к смягчению последствий шока, создавать организационные связи, поддерживать локальные социальные системы. Важны способность к межведомственному взаимодействию, доверие к власти, адекватность полномочий власти в условиях шоков, объём и эффективность расходов бюджета...» [3, с. 8]. Из приведённой цитаты можно отметить, что ключевым условием к противодействию шоков является способность территориального сообщества (органов региональной и муниципальной власти) быстро реагировать и адаптироваться к негативным внешним воздействиям с целью недопущения деструктивных разрушительных последствий. Для этого необходимо определить факторы, управление которыми позволит придать устойчивость регионам (субъектам РФ), имеющим в своих границах сформированные городские агломерации, как наиболее чувствительные к экономическим потрясениям формы пространственной организации экономики и населения. К таким факторам, повышающим устойчивость городских агломераций, относятся:

1. *Сформированная высокотехнологичная производственная инфраструктура* – способствует стимулированию экономического роста за счёт реализации научно-технологического потенциала и развития инновационных технологий, снижает зависимость от импортной ориентации на технологии и отдельные виды продукции, увеличивает количество рабочих мест, привлекая высококвалифицированные кадры, сокращает негативное воздействие на экологическое состояние окружающей среды.

2. *Развитая транспортно-коммуникационная сеть* – снижает транспортные затраты и сокращает время доставки сырья, материалов, комплектующих, товаров и пр., обеспечивает связность между населёнными пунктами, а также транспортную доступность к объектам различного функционального назначения, повышает мобильность материальных и миграционных потоков, повышает качество обслуживания пассажирских и грузовых перевозок.

3. *Инновационная система НИОКР* – обуславливает повышение конкурентоспособности посредством совершенствования и обновления производственной технологической базы, стимулирования инноваций, создания и производства новых видов продукции, товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью, что в свою очередь благоприятствует формированию высокотехнологичной отраслевой структуры VI технологического уклада (нано-, био-, информационных и когнитивных технологий, робототехники, микроэлектроники, оптики, производства новых конструкционных материалов, возобновляемой энергетики и др.).

4. *Сбалансированная бюджетная система* – связывается с соблюдением принципа равновесия между бюджетными доходами и расходами, наличием финансовой подушки безопасности, т.е. обладанием остаточных бюджетных средств, которые были получены в предыдущие годы за счёт превышения бюджетных доходов над расходами, возможностями полного и своевременного выполнения социальных и долговых обязательств.

5. *Устойчивая финансовая система* – позволяет эффективно противостоять экономическим кризисам, рыночным колебаниям (изменениям потребительского спроса, курсов валют, стоимости кредитов и т.д.), недобросовестной конкуренции, защищать финансовые интересы субъектов хозяйственной деятельности и населения, рационально исполнять расходные обязательства и находит новые внутренние и внешние источники финансирования.

6. *Высококвалифицированные трудовые и предпринимательские ресурсы (человеческий капитал)* – профессионализм, гибкость и способность экономически активного населения быстро адаптироваться или переквалифицироваться под новые социально-экономические условия предопределяет дальнейший рост производительности труда. Предпринимательская активность благоприятствует развитию местной экономики, способствуя повышению занятости населения и увеличению налоговых поступлений в региональный (налог на прибыль организаций, налог на имущество организаций) и муниципальный (земельный налог) бюджеты.

7. *Диверсифицированная полиотраслевая структура* – обеспечивает быструю адаптацию производств к изменяющимся условиям посредством интенсификации межотраслевых связей и компенсации спада одной отрасли экономики ростом другой отрасли.

8. *Инвестиционная безопасность и привлекательность* – укрепляет доверие между инвесторами, региональными и муниципальными органами государственной власти, что способствует привлечению частного капитала в реализацию различных инфраструктурных проектов, а также в развитие новых и модернизацию существующих производств.

Обладая данными факторами устойчивости, позволяющими с наибольшей силой сопротивляемости противостоять шокам, экономическим кризисам и явлениям различного характера, целенаправленное управление городскими агломерациями позволяет обеспечить регионам (субъектам РФ), в которых они расположены социально-экономическую стабильность, экономическую независимость к санкциям, внешним рыночным ограничениям и угрозам, что в совокупности создаёт прочную фундаментальную основу для их дальнейшего динамического развития и роста.

К представленным выше факторам устойчивости органам региональной власти и местного самоуправления (субъектам управления) необходимо уделять особое внимание в документах стратегического планирования, система которых должна включать не только стратегию развития городской агломерации, но и сценарный план действий в случаях воздействия негативных вызовов, шоков и угроз. Отсюда вытекает важность соблюдения принципа способности субъектов управления системно оказывать целенаправленное воздействие на обеспечение жизнеспособности городской агломерации сохранять и поступательно развиваться по восходящей траектории с минимальными отклонениями от достигнутых ранее параметров социально-экономического развития в условиях неопределённости. Для этого субъекты управления городской агломерацией должны обладать такими качествами как предвидение, реагирование, сопротивление, предотвращение и адаптирование. Исходя из этого, в стратегиях развития городских агломераций нами предлагается включить следующие разделы, глубокая проработанность которых позволит оказать сопротивление кризисным и шоковым явлениям и повысить региональную устойчивость:

– анализ внешней среды, содержащий внешнеэкономические условия и приоритеты социально-экономического развития;

– анализ текущих и потенциальных рисков, в т.ч. *SWOT*-анализ, включающий категорию «угрозы»;

– характеристика пессимистических сценариев развития и антикризисный план действий по их сопротивлению;

– механизмы реализации по противодействию возможным кризисным явлениям и тенденциям.

Важно отметить, что по отношению к указанным разделам стратегии необходимо регулярно проводить аудит и мониторинг с целью их постоянного содержательного обновления и внесения необходимых корректив.

Таким образом, проведённое исследование позволило определить факторы устойчивости городских агломераций, которые необходимо учитывать органам региональной власти и местного самоуправления в практике противодействия и приспособления к кризисным и шоковым воздействиям (влияниям) с целью обеспечения устойчивости социально-экономического развития региональных систем. Ключевой акцент, сделанный по отношению к городским агломерациям, прежде всего крупным и крупнейшим, обусловлен их наибольшим вкладом в ВВП страны при наибольшей восприимчивости и уязвимости по отношению к негативным внешним возмущениям. Это связано с высокой долей отраслей сферы услуг и низким уровнем федеральных дотаций «агломерационных» регионов (субъектов РФ) в сравнении с менее развитыми (дотационными) регионами. Для обеспечения устойчивости таких «агломерационных» регионов нами предложено разработать систему документов стратегического планирования, включающую стратегию развития городской агломерации с разделами по обеспечению устойчивости.

Литература:

1. Дружинин П.В. Развитие экономики регионов Северо-Западного федерального округа в условиях миграции населения в Санкт-Петербургскую агломерацию // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 3. С. 100–116.
2. Климанов В.В. Михайлова А.А., Казакова С.М. Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 164–187.

3. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3(69). С. 4–15.
4. Климанов В.В. Казакова С.М., Михайлова А.А. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 46–64. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-46-64.
5. Землянский Д.Ю., Климанов В.В. Устойчивость региональных бюджетов в условиях санкций в 2022-2024 годах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 1(66). С. 308–316.
6. Волошинская А.А., Максимов А.Н. Проблемы прогнозирования устойчивости российских городов в современных условиях // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2(203). С. 125–137.
7. Малкина М.Ю. Устойчивость экономик российских регионов к пандемии 2020 // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 1. С. 101–124.
8. Михеева Н.Н. Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1(184). С. 106–118.

Sustainability Factors in Urban Agglomeration Management

Olifir D.I.
Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg)

The article is devoted to the definition of sustainability factors in the management of urban agglomerations, which are, on the one hand, the most progressive forms of spatial organization of the economy, and, on the other hand, the most sensitive to external economic upheavals, crises and shocks. The value of the study lies in the development of a unified construction of the theory of sustainability (resilience) in the regional economy and the use of materials of the work of regional authorities and local governments in the policy of ensuring the sustainability of the development of the urban agglomeration. The result, which has scientific novelty, is the identification and characterization of the following factors of sustainability of urban agglomerations: formed high-tech production infrastructure, developed transport and communications network, innovative R & D system, balanced budget system, sustainable financial system, highly qualified labor and entrepreneurial resources (human capital), diversified multi-sectoral structure, investment security and attractiveness. It has been determined that the main management tool for ensuring sustainability should be a system of strategic planning documents, including a strategy for the development of an urban agglomeration, sections of which are devoted to sustainability issues.

Keywords: urban agglomeration, shock impacts, crisis impacts, sustainability factors, ensuring sustainability, urban agglomeration management, strategic planning

УДК 332.1/342.25
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-93-99

Некоторые экономико-правовые новации в законодательстве о местном самоуправлении*

Орлов С.Л.
Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Рагозин А.В.
Кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник, директор Центра проблем организации, финансирования и межтерриториальных отношений в здравоохранении Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Целью настоящего исследования является научно-практическое осмысление наиболее существенных экономико-правовых акцентов в новом законодательстве об организации местного самоуправления в единой системе публичной власти, основанное на необходимости разъяснения актуальности и своевременности данного законодательного акта.

Научная и практическая значимость работы заключается в формировании целостного восприятия современного значения наиболее сущностных элементов нового законодательства об организации местного самоуправления в единой системе публичной власти и необходимости выстраивания прочной вертикали всего государственного управленческого механизма, что должно способствовать более эффективному переходу от выполнения в большей степени представительских функций к обеспечению условий жизнедеятельности населения с учётом сложившихся геополитических реалий, участия в обеспечении национальных интересов и комфортной среды обитания на основе повышения статуса местных органов власти и механизмов реализации жизненно важных проектов.

Ключевые слова: *национальное правовое пространство, новая социально-экономическая модель, геополитическая неопределённость и турбулентность, правовая реформа местного самоуправления, законодательные приоритеты, глобальный Восток и Юг, оперативное противодействие вызовам и рискам*

Для цитирования: *Орлов С.Л., Рагозин А.В. Некоторые экономико-правовые новации в законодательстве о местном самоуправлении // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 93–99. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-93-99.*

Современный турбулентный мировой геополитический тренд формирует объективное требование кардинальных изменений во всей системе при-

*Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

оритетов в национальном правовом пространстве, способствуя значительной перестройке механизмов властной вертикали для решения задач нынешнего государственного строительства и построения более прочной и соответствующей требованиям эпохи в период турбулентных перемен фундаментальной законодательной основы для дальнейшего стратегического развития всех ветвей власти. Основополагающим документом высшего уровня, учитывающим обозначенные перипетии и связанные с ними объективные изменения в мировом порядке, является Конституция Российской Федерации, в значительной степени дополненная в 2020 г. [1]. Указанный документ в последующем стал ориентиром для многих важнейших направлений совершенствования всего законодательного поля страны и разработки значительного числа различных официальных документов, соответствующих требованиям по существу новому основному закону государства [1].

В дальнейшем определились более конкретные приоритеты, для обеспечения которых на различных уровнях следует разработать новые или скорректировать многие ранее принятые официальные законодательные и нормативные правовые акты. Среди важнейших утверждённых целевых акцентов, учитывающих современное восприятие мирового событийного императива и способствующих построению новой социально-экономической модели России, необходимо в первую очередь выделить следующие официальные документы, в совокупности обеспечивающие правовое оформление социально-экономического развития страны и защиту национальных интересов на долгосрочную перспективу:

– Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» (ред. от 10.03.2025 г.);

– Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»;

– Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»;

– Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 12 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» (ред. от 13.08.2024 г.);

– Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»;

– Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»;

– Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»;

– Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 г. №.529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий».

Поскольку в настоящее время многие документы отраслевого стратегического планирования разрабатываются до 2050 г. [1 и др.], именно такой временной лаг можно определить в качестве базового периода формирования национальной экономической системы, основываясь на необходимости развития наиболее капиталоёмких отраслей, производств и инфраструктурных объектов. Это сопряжено, главным образом, с решением задач освоения национального пространства и муниципальных образований в отдалённых регионах Дальнего Востока и Арктической зоне России, ранее не осуществляемых вследствие отсутствия общей технологической подготовки и возможностей для достижения транспортной связанности. Кроме этого, в ближайшем будущем значительная хозяйственная деятельность в приграничных регионах и новых субъектах потребует длительного периода восстановления для переустройства и модернизации всего социально-экономического комплекса на указанных территориях. При этом результат успешного продвижения в направлении современной экономики должен отчётливо прослеживаться в промежуточном периоде до 2036 г., на протяжении которого создаётся будущий промышленно-технологический фундамент нового пространства России.

Представленное выше в хронологическом порядке ранжирование подобного рода обязательных установок в качестве основополагающего императива для преобразования и последовательного совершенствования национального пространства в рамках отдельной публикации приводится впервые. Вместе с тем многие базовые составляющие были обозначены С.Л. Орловым в предыдущих публикациях, а настоящая статья является своего рода продолжением ранее сформулированных размышлений по рассматриваемой тематике [3; 4]. Перечисленные выше важнейшие механизмы построения новой социально-экономической модели России охватывают принципиальные целевые установки для решения задач в сфере национальной безопасности, территориальной целостности, достижения суверенитета в социально-экономическом развитии, продовольственной, научно-технологической и внешнеполитической сферах деятельности.

Для правоприменительной практики и законодательного сопровождения перечисленных национальных приоритетов, определяемых в обновлённой Конституции России и представленных выше Указах Президента страны, необходимо подготовить многочисленные изменения и дополнения в целый ряд официальных актов прямого действия и нормативных правовых документов. Важное на-

правление на пути совершенствования данного процесса связано также с построением нового и более осмысленного законодательного пространства местного самоуправления: указанный сегмент должен органично войти в единую систему публичной власти [5]. Необходимость подобного рода действий основывается на особенном для России этапе исторического и социально-экономического развития, но в большей степени связана с современным видением перспектив преобразований в системе различных уровней российской власти в период геополитической неопределённости и турбулентности. Приоритеты для реализации наиболее приемлемых направлений поступательного продвижения страны определены в основополагающем Указе Президента России о национальных целях развития на перспективу до 2036 г. [6], а также в других представленных выше актах. Таким образом, процесс совершенствования законодательной базы в различных сегментах правового поля является объективной потребностью, отвечающей кардинальным преобразования всех сфер жизнедеятельности в период продвижения к новому мировому порядку.

На необходимость совершенствования законодательной базы местного самоуправления в различных аспектах и направлениях, а также значения этого уровня в государственной властной вертикали указывали многие авторы, причём это характерно при рассмотрении различных секторов т.н. конституализации, включая республики в составе России [7–10]. В частности, Н.А. Антонова констатирует, что «признание местного самоуправления государством и определение круга вопросов местного значения являются главными из условий существования муниципальной власти. В связи с этим чёткое установление вопросов местного значения является необходимым условием определения места муниципальной власти в системе народовластия в Российской Федерации…» [7, с. 14]. В некоторых научных работах среди недостатков ранее действующего федерального законодательства обозначены вопросы типизации муниципальных территорий, а также определение понятия «муниципальное образование», которое следует дополнить полномочиями в плане имущественных возможностей и бюджетного устройства на местах ввиду чрезмерной дифференциации муниципальных образований по уровню доходов и объёмам промышленного производства [10; 11].

Необходимость корректировки базового законодательства о местном самоуправлении потребовала внесения многочисленных – свыше 200 – изменений и дополнений в действующий на протяжении более двадцати лет основной правоприменительный документ [12]. Причём некоторые особо значимые в социальном плане статьи – об организации северного завоза в муниципальных образованиях (ст. 82.1), местного самоуправления на территориях опережающего развития (ст. 82.3) и ряд других – были введены лишь в 2022–2024 гг. Кроме этого, потребовалась корректировка и уточнение отдельных положений важнейших экономических законов, среди которых следует отметить Бюджетный кодекс Российской Федерации [13], в котором многочисленные актуальные дополнения в отношении местной бюджетной системы особенно часто вносились также в последние годы (2019–2024 гг.), исходя из сложившейся санитарно-эпидемиологической и геополитической ситуации.

Как отмечалось ранее, в большинстве публикаций последних лет авторами поступательно формируется мнение о том, что в стране необходима правовая реформа местного самоуправления, или по крайней мере, кардинальное совершенствование действующего законодательства, имея ввиду значительно более упрощённую видовую схему муниципальных образований в целях повышения эффективности всего комплекса управляемости и хозяйственной деятельности для решения социальных задач на соответствующей территории. Это приобретает особое значение в период возрождения многих исторически значимых малых городов и начавшихся преобразований на территории опорных населённых пунктов в районах Дальнего Востока и Арктической зоны России [14]. Именно здесь в полной мере может раскрыться экономический потенциал муниципалитетов на «Восточном» полигоне и в целом новое видение пространственного облика страны. В период геополитической турбулентности необходимо не забывать о выстраивании единой вертикали исполнительной власти: не секрет, что чрезмерная правовая автономизация от государственной власти, как федеральной, так и региональной, и множественность видов муниципальных образований порою не соответствовали действительному социально-экономическому статусу и потенциальным инвестиционным возможностям для преобразования территории того или иного местного органа. Поэтому принятие по существу нового законодательного акта об органах местного самоуправления [5], как отмечено ранее, следует считать вполне соответствующим нынешним запросам общества.

Определяющей парадигмой нового законодательного акта является формирование прочной правовой вертикальной структуры, в которую вписываются органы местного самоуправления. В современных условиях это способствует приобретению более эффективной сбалансированности и устойчивой восприимчивости к различного рода новациям для решения социальных задач. Достигается такой подход посредством того, что «в соответствии с Конституцией Российской Федерации органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти… Президент Российской Федерации обеспечивает согласованное функ-

ционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти в Российской Федерации» [5, ст. 1]. Вместе с тем здесь же отмечено, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» [5]. В данном случае системообразующим фактором является принцип единой публичной власти и взаимодействия двух составляющих ветвей – государственной и муниципальной – возглавляемой и координируемой Президентом страны. В прежнем законодательстве [12] такой императив отсутствовал. Это особенно важно, если учесть, что в условиях экономики мобилизационного типа необходимо обеспечить в полном объёме выполнение социальных обязательств государства.

Среди работ последнего времени по данному вопросу следует отметить публикацию П.В. Строева и О.В. Пивоваровой о роли муниципальных образований в современном пространстве России [15]. В данном случае авторы органично связывают два принципиальных момента: совершенствование типизации муниципальных образований и обеспечение эффективности экономического пространства. Такой вывод перекликается с постановкой проблемы других авторов об упорядочении организации местного самоуправления во взаимосвязи с контролируемым территориальным пространством [16]. При этом в анализируемой статье [15] можно отметить обоснованный критический взгляд на действующую до начала 2025 г. Стратегию пространственного развития России и постановку вопроса об усилении роли муниципальных образований в государственной политике совершенствования экономической территории страны. Думается, в этом состоят научно-практическое значение указанной разработки и перспективы дальнейшего исследования в данном направлении. Следует подчеркнуть, что научный и практический интерес к рассмотрению вопросов совершенствования различных аспектов организации местного самоуправления во взаимосвязи с национальным пространством возник почти сразу после осмысления необходимости совершенствования действовавшего до недавнего времени законодательства [12] и обозначил основные направления исследований, перманентно возникающие по ходу правоприменительной практики, т.е. на протяжении не менее двух десятков лет. Это подтверждается внесением периодических изменений в прежнее законодательство, начиная с 2004 г. [12], о чём упоминалось ранее.

На основании вышеизложенного представим в концентрированном виде важнейшие, на наш взгляд, отличительные инновационные черты вступившего в силу федерального законодательного акта об общих принципах организации местного самоуправления в России [5]. Здесь характеристика многих законодательных приоритетов формируется на основе сопоставлений с предыдущим федеральным актом о местном самоуправлении [12]. Среди них необходимо отметить:

– представление более чёткого в сравнении с предыдущим законодательным актом определения местного самоуправления в единой системе публичной власти при активном участии Президента России, что обеспечивает формирование прочной вертикали, соответствующей современным геополитическим условиям и национальным целям развития [5, ст. 1; 6];

– одновременно подтверждается двухуровневая система власти в России: государственная и муниципальная при участии всех органов публичной власти в решении задач местного самоуправления [5, ст. 1, пп. 5–7];

– определено, что «разграничение полномочий между уровнями публичной власти обеспечивается соответствующими финансовыми средствами и материальными ресурсами» [5, ст. 4, п. 10], ранее в законодательстве такого уточнения не существовало;

– введена новая, более упрощённая и отвечающая современным требованиям типология муниципальных образований, на территории которых осуществляется местное самоуправление: городской округ, муниципальный округ, внутригородское муниципальное образование города федерального значения [5, ст. 9];

– представлены характерные различия между городским и муниципальным округами, формирующие по существу две основные группы муниципальных образований в стране – для городов и сельских населённых пунктов [5, ст. 9, пп. 3 и 4]. При этом внутренне ранжирование городов федерального значения определяется дополнительно, таким образом в определённой степени подчёркивая их особый статус [5, ст. 9, п. 5];

– определяется численный состав, организационные основы и финансовое обеспечение представительного органа местного самоуправления, обеспечивающего разработку и принятие законодательных основ на подведомственной территории [5, ст. 15];

– в развёрнутом формате и подробным образом формулируются вопросы избрания, полномочий и досрочного прекращения деятельности главы муниципального образования [5, ст.ст. 19–23], в предыдущем законодательном акте рассмотренные только в общем порядке [12]. В дальнейшем это нашло логическое продолжение при рассмотрении функциональных основ местного самоуправления [5, ст. 32];

– важным дополнением в новом законодательстве является разработка и конкретизация механизма исполнения органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий и порядок наделения такими полномочиями, а кроме того, другими государственными функциями, которые в раз-

вёрнутом виде представлены в ст.ст. 33–38 [5]. Это необходимо при определённых обстоятельствах для обеспечения преемственности и последовательности в деятельности органов различного уровня на новых территориях, имеющих особый статус [17], а также в отдельных районах приграничных субъектов и в зоне чрезвычайных ситуаций техногенного характера;

– экономическая основа, приоритеты и полномочия органов местного самоуправления представлены в соответствующем разделе, включающем ст.ст. 62–74. Отличительной особенностью следует считать исчерпывающие базовые приоритеты и инструменты их реализации, ранее отсутствующие в предыдущем законодательном акте или представленные только в общих чертах. Здесь сформирована единая система хозяйственного комплекса, источников денежных ресурсов и направлений их пополнения, среди которых: муниципальное имущество, местные бюджеты, финансовое обеспечение реализации инициативных проектов, субвенции, а также субсидии и дотации, поступающие в качестве трансфертов из регионального бюджета, муниципальные займы;

– дополняет возможные направления пополнения инвестиционных ресурсов и новые сферы взаимодействия органов местного самоуправления, межмуниципальное сотрудничество, характеризуемое в ст.ст. 75–79, а также система международных внешнеэкономических связей органов местного самоуправления (ст.ст. 80–85). Это в особенности актуально в период ограниченной ресурсной базы и необходимости реализации национальных проектов, учитывающих потребности муниципального развития [18]. Следует однако признать, что практическая реализация установок на взаимовыгодные контакты на муниципальном уровне, обозначенных выше, весьма ограничена в силу многочисленных политических, макроэкономических и иных факторов;

– важным элементом нового законодательства является исчерпывающий перечень отдельных территорий, на которых целесообразно ввести особый порядок организации местного самоуправления, в том числе на федеральных территориях, в городах федерального значения, региональных центрах (столицах), наукоградах, территориях опережающего развития, свободного порта Владивосток и др. (перечень из 14-ти основных наименований). Это определяется в ст.ст. 86–87 и дополняется в ст. 90 «Особенности организации и осуществления северного завоза в муниципальных образованиях». Особо следует отметить поступательный разворот к реализации потребностей северных территорий. Это прослеживается в повышении статуса северного завоза [19] и соответствует изменившейся в последнее десятилетие национальной политике на Дальнем Востоке и в Арктической зоне России. При этом активное участие государства и органов местного самоуправления в решении задач поступательной динамики уровня жизни в указанных районах, поддержки предпринимательской инициативы и особого внимания к развитию муниципальных образований на данных территориях определяет вектор дальнейшего преобразования всего российского пространства [20–24]. По существу, осуществлена современная группировка и формулируются научные подходы к особым территориальным образованиям, обеспечивающим научно-технологический, промышленный и оборонный суверенитет России – ОЭЗ, ТОР, СПВ, ЗАТО, федеральной территории и др.

Таким образом, вступивший в силу важнейший федеральный акт о современной роли органов местного самоуправления в единой системе публичной власти [5] в максимально возможных пределах учитывает произошедшие в последние годы изменения в геополитической, внутренней макроэкономической ситуации и способствует формированию контура противодействия имеющимся вызовам и рискам для различных сторон жизнедеятельности. Это отражается в формируемом правовом поле муниципальных образований, максимально учитывающим для данного уровня происходящие в мире изменения, необходимость участия органов власти в обеспечении национальной безопасности и новые внешнеполитические конфигурации, в том числе приоритетный разворот в сторону глобального Востока и Юга. Любой законодательный акт на этапе адаптации к условиям конкретного правового пространства и особенностям исторического этапа развития требует определённого временного периода для накопления опыта правоприменительной практики в целях дальнейшего совершенствования направлений и методов обеспечения национальных интересов и достойного уровня жизни на определённой территории. Статичность законодательной базы не всегда может быть оправдана, поскольку в данном случае затрудняется способность к оперативному противодействию вызовам и рискам, которым в последние годы во множестве подвергается национальное пространство и деятельность многочисленных хозяйствующих субъектов. Поэтому практика применения нового законодательства об организации местного самоуправления, защищая этот уровень публичной власти, в последующем наверняка также потребует разработки обоснованных уточнений и дополнений. Таковы очертания перспектив правовой действительности в турбулентный период эпохи перемен.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.07.2024 г. № 1818-р «Об утверждении Стратегии развития минерально-сырьевой базы на период до 2050 года» // СПС КонсультантПлюс.
3. Орлов С.Л. Приоритет российской цивилизационной платформы как фактор устойчивого развития экономического пространства // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 1. С. 67–71.
4. Орлов С.Л. Важнейшие механизмы управления и инструменты инвестиционной деятельности на территории муниципальных образований // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 82–87.
5. Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС КонсультантПлюс.
6. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс.
7. Антонова Н.А. Проблемы определения компетенции органов местного самоуправления // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2022. № 3(34). С. 12–17.
8. Казанцева О.Л. Кузина Е.В. Местное самоуправление в системе российской государственности: проблемы и перспективы // Правоприменение. 2022. № 6(3). С. 161–171.
9. Петров А.М. Приоритетные направления развития моногородов // Экономические науки. 2024. № 1. С. 131–136.
10. Малиненко Э.В. К вопросу о местном самоуправлении в конституциях республик Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 2(43). С. 285–289.
11. Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирование института местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 1. С. 132–147.
12. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 13.12.2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.
13. Бюджетный кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс.
15. Строев П.В., Пивоварова О.В. Роль муниципальных образований в эффективной организации экономического пространства России // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 8. С. 4649–4662.
16. Бровченко Н.В. Муниципальное образование как объективная форма территориальной организации местного самоуправления // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8(224). С. 168–170.
17. Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // СПС КонсультантПлюс.
18. Новые нацпроекты и бюджет: сколько направят на инфраструктуру в ближайшие три года? URL: https://sherpagroup.ru/analytics/....16384161/
19. Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 411-ФЗ «О северном завозе» // СПС КонсультантПлюс.
20. Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 г. № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» (ред. от 29.11.2023 г.) // СПС КонсультантПлюс.
21. Федеральный закон от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (ред. от 21.04.2025 г.) // СПС КонсультантПлюс.
22. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (ред. от 27.02.2023 г.) // СПС КонсультантПлюс.
23. Орлов С.Л., Строев П.В., Дудник А.И. Арктическая территория как национальное достояние России в современном мире // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 4. С. 677–685.
24. Путин поручил обновить стратегию развития Арктической зоны. URL: https://www.rbc.ru/politics/17/05/2025/

Some economic and Legal Innovations in the Legislation on Local Self-Government

Orlov S.L., Ragozin A.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The purpose of this study is a scientific and practical understanding of the most significant economic and legal accents in the new legislation on the organization of local self-government in the unified system of public authority, based on the need to clarify the relevance and timeliness of this legislative act.

The scientific and practical significance of the work lies in the formation of a holistic perception of the modern meaning of the most essential elements of the new legislation on the organization of local self-government in a single system of public authority and the need to build a solid vertical of the entire state management mechanism, which should facilitate a more effective transition from performing more representative functions to ensuring the living conditions of the population, taking into account the prevailing geopolitical realities, participation in ensuring national interests and a comfortable living environment based on improving the status of local authorities and mechanisms for implementing vital projects.

Keywords: national legal space, new socio-economic model, geopolitical uncertainty and turbulence, legal reform of local self-government, legislative priorities, global East and South, operational counteraction to challenges and risks

УДК 351.72
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-100-104

Совершенствование внутреннего финансового аудита как направления контроллинга в секторе государственного управления

Павлова А.С.
Младший научный сотрудник
Института финансовых исследований Финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Повышение качества государственного управления приобретает особую актуальность в контексте направленности государственной политики на достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Цель работы состоит в предложении направлений совершенствования внутреннего финансового аудита в целях повышения качества государственного управления. В статье использовались общие методы научного познания, в том числе методы эмпирического и теоретического исследования. В результате исследования сформирован модельный регламент внутреннего финансового аудита, включающей порядок планирования, оценки и ранжирования бюджетных рисков, проведения, реализации результатов и самооценки уровня развития в целях применения организациями сектора государственного управления и раскрыто влияние его элементов на повышение эффективности государственного управления.

Ключевые слова: *внутренний финансовый аудит, качество государственного управления, модельный акт, контроллинг, эффективность использования бюджетных средств, методика самооценки*

Для цитирования: *Павлова А.С. Совершенствование внутреннего финансового аудита как направления контроллинга в секторе государственного управления // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 100–104. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-100-104.*

Проблема повышения качества государственного управления приобретает особую актуальность в контексте направленности государственной политики на достижение национальных целей развития Российской Федерации. В условиях ограниченности ресурсов и необходимости обеспечения эффективности их использования особую актуальность приобретает применение инструментов контроллинга в государственном управлении.

Система контроллинга способствует повышению качества государственного управления, обеспечивая прозрачность и эффективность использования бюджетных средств, принятие обоснованных управленческих решений. Одним из направлений контроллинга, способствующим повышению эффективности государственного управления, является внутренний финансовый аудит. Таким образом, совершенствование внутреннего финансового аудита рассматривается как необходимое условие повышения качества государственного управления.

Одна из целей внутреннего финансового аудита (далее – ВФА) – повышение качества финансового менеджмента [1], что позволит повысить эффективность управления государственными и муниципальными финансами, в том числе посредством перераспределения бюджетных средств между приоритетными направлениями государственной политики, а также эффективность бюджетных расходов на выполнение мероприятий в рамках национальных проектов для достижений национальных целей развития Российской Федерации.

Однако до настоящего времени Федеральным казначейством продолжают фиксироваться недостатки в сфере внутреннего финансового аудита [2]. Таким образом, совершенствование внутреннего финансового аудита рассматривается в качестве инструмента повышения качества государственного управления.

В целях разработки направлений совершенствования внутреннего финансового аудита как необходимого условия повышения качества государственного управления проведен анализ организации ВФА на основе оценки разрабатываемых организациями сектора государственного управления внутренних актов в сфере ВФА (49 актов: 19 – федерального уровня, 19 – уровня субъектов Российской Федерации и 11 – муниципального уровня).

Оценка документов осуществлялась на предмет наличия в них нарушений / недостатков двух типов: нарушений требований федеральных стандартов ВФА и недостатков качественного характера. Анализ актов проведен на соответствие формальным критериям (требованиям федеральных стандартов ВФА) и критериям качественного характера, отражающим рекомендации уполномоченных государственных органов и дополнительные положения, позволяющие в том числе повысить обоснованность оценки бюджетных рисков. По итогам оценки установлено, что наибольшее число нарушений и недостатков выявлено на муниципальном уровне (в среднем на 1 документ приходится 10 нарушений (недостатков)) и уровне субъектов Российской Федерации (в среднем на 1 документ приходится 9 нарушений (недостатков)), при этом на федеральном уровне на 1 документ приходится 6 нарушений (недостатков). Разрыв в количестве нарушений (недостатков) обусловлен большим числом нарушений требований федеральных стандартов ВФА, встречающихся в рассматриваемых методических документах на муниципальном уровне и уровне субъектов Российской Федерации: в среднем на 1 документ на федеральном уровне приходится 3 нарушения, на уровне субъектов Российской Федерации – 5 нарушений, на муниципальном уровне – 6 нарушений, соответственно, на федеральном уровне скорость приведения внутренних документов в соответствие требованиям принимаемых нормативных правовых актов выше, чем на иных уровнях.

Качество подготовки внутренних документов в сфере ВФА на федеральном уровне выше, чем на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальном уровне, указанный факт обусловлен следующими причинами:

– использование со стороны главных администраторов бюджетных средств (далее – ГАБС) федерального уровня опыта Министерства финансов Российской Федерации в части формирования методического документа в сфере ВФА;

– проведение Федеральным казначейством в приоритетном порядке в отношении ГАБС федерального уровня анализа осуществления ими ВФА и последующей разъяснительной работы в отношении выявленных нарушений и недостатков;

– накопление на федеральном уровне большего объема практического опыта и методических подходов к осуществлению ВФА;

– наличие на федеральном уровне большего объема кадровых ресурсов, обладающих соответствующей квалификацией в сфере ВФА;

– наличие на федеральном уровне большего объема ресурсов для прохождения курсов повышения квалификации в сфере ВФА.

Анализ видов нарушений и недостатков (рис. 1) показал, что некорректное использование терминологии встречается в большинстве рассматриваемых документов: на федеральном уровне – в 73,7 % актов, на уровне субъектов Российской Федерации – в 89,5 % актов, на муниципальном уровне – в 100 % актов. Указанное нарушение реализуется в следующих формах: использование терминов, содержащихся в утративших силу нормативных правовых актах; использование категорий, не предусмотренных федеральными стандартами ВФА. Основной причиной некорректного использования терминологии в методических документах выступает недооценка со стороны субъекта ВФА важности применения понятийного аппарата, соответствующего федеральным стандартам ВФА.

Среди нарушений, систематически встречающихся во внутренних документах в сфере ВФА, необходимо выделить формирование документов, не предусмотренных федеральными стандартами ВФА: указанное нарушение на федеральном уровне встречается в 52,6 % случаев, на уровне субъектов Российской Федерации – в 84,2 % случаев, на муниципальном уровне – в 81,8 % случаев. В большинстве случаев ошибочно формируется приказ о проведении аудиторского мероприятия на основе использования опыта действующей до принятия федеральных стандартов ВФА нормативной правовой базы [3].

Для внутренних документов в сфере ВФА муниципального уровня также характерно установление обязанности формирования акта аудиторского мероприятия и отчета о результатах аудиторского мероприятия вместо заключения в нарушение требований федеральных стандартов ВФА [4].

Недостатки, встречающиеся в большинстве рассмотренных документов, связаны с отсутствием в них расширенной методики оценки бюджетных рисков и методических подходов к ранжированию бюджетных рисков.

При этом федеральные стандарты ВФА [5; 6] содержат общий порядок оценки бюджетных рисков, который при применении на практике нуждается

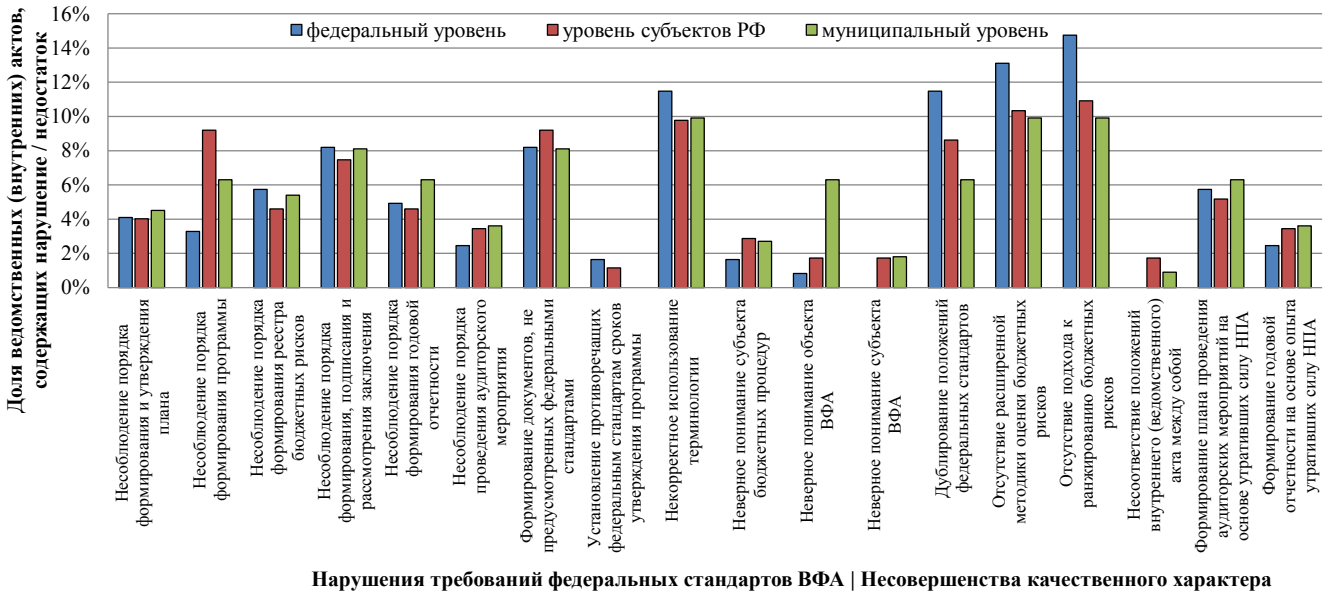

Рис. 1. Информация о нарушениях и недостатках внутренних документов ГАБС в сфере ВФА

в уточнении. Детальное описание подходов к оценке бюджетных рисков и их ранжированию позволит упорядочить процедуры по формированию и актуализации реестра бюджетных рисков и повысить объективность деятельности субъекта ВФА по указанному направлению, что в значительной мере сократит бюджетные расходы на оплату труда работников субъекта ВФА.

К недостаткам также отнесен формальный подход к разработке методических документов в сфере ВФА, следствием которого является дублирование положений федеральных стандартов ВФА. Разработанный в соответствии с указанным подходом документ не будет обладать для субъекта ВФА определенной степенью полезности ввиду отсутствия уточняющих и дополняющих федеральные стандарты ВФА положений, а также не станет источником профессионального инструктажа работников. Необходимость ранжирования бюджетных рисков объясняется как нормативно обусловленными причинами, так и потребностью охватить аудиторскими мероприятиями наиболее рискоемкие бюджетные процедуры (операции) в условиях ограниченности ресурсов. Отечественные ученые обращают внимание на неразвитость в Российской Федерации механизма управления бюджетными рисками и подчеркивают важность совершенствования организации управления ими [7].

На основе анализа внутренних актов в сфере ВФА и в целях совершенствования организации ВФА, повышения эффективности управления общественными финансами, эффективности бюджетных расходов, снижения негативного влияния на процедуры в рамках этапов государственного управления представляется целесообразным формирование модельного регламента организации и осуществления ВФА в секторе государственного управления (далее – модельный регламент), включающего порядок планирования, оценки и ранжирования бюджетных рисков, проведения, реализации результатов и самооценки уровня развития ВФА.

Необходимость включения в модельный регламент каждого элемента обусловлена их влиянием на повышение эффективности государственного управления (табл. 1). Например, утверждение порядка оценки и ранжирования бюджетных рисков будет способствовать при его реализации снижению объемов неэффективного использования бюджетных средств по ряду рискоемких направлений деятельности, сокращению бюджетных расходов на оплату штрафов и пеней за счет уменьшения числа нарушений.

По результатам проведенного анализа ведомственных актов в сфере ВФА ГАБС выявлены типовые недостатки и нарушения, в целях снижения риска реализации которых предложен подход к формированию модельного акта и дана характеристика влияния разработанных предложений на качество государственного управления.

Таким образом, подтверждена необходимость совершенствования ВФА в целях повышения качества государственного управления, что приобретает особую актуальность в условиях реализации национальных целей развития Российской Федерации.

Таблица 1

Влияние элементов модельного регламента на качество государственного управления

Элемент модельного регламента	Содержание элемента модельного регламента	Влияние на качество ВФА	Влияние на качество государственного управления
Порядок планирования ВФА	Закрепление порядка планирования ВФА, в том числе форм плана и программы, сроков и порядка направления плана и программы субъектам бюджетных процедур	Оптимизация процессов планирования ВФА, повышение результативности отбора рискоемких направлений	Снижение объемов неэффективного использования бюджетных средств по ряду рискоемких направлений деятельности, сокращение объемов бюджетных расходов на оплату штрафов и пеней за счет уменьшения числа нарушений
Порядок оценки и ранжирования бюджетных рисков	Закрепление порядка оценки и ранжирования бюджетных рисков в зависимости от уровня развития ВФА (базовый, развивающийся, продвинутый, эффективный), сроков и порядка актуализации реестра бюджетных рисков, порядка направления предложений по актуализации реестра бюджетных рисков	Повышение обоснованности разрабатываемых предложений по повышению эффективности бюджетных расходов, повышение результативности отбора для аудита рискоемких направлений деятельности	
Порядок проведения ВФА	Закрепление порядка проведения ВФА, в том числе порядка запроса и представления необходимых для проведения аудита сведений, порядка взаимодействия с субъектами бюджетных процедур в ходе проведения аудита	Оптимизация процессов проведения ВФА, повышение качества предложений и рекомендаций по результатам ВФА	Сокращение фактов недофинансирования / избыточного финансирования программ и недостижения целевых показателей программ
Порядок реализации результатов	Закрепление порядка реализации результатов ВФА, в том числе форм заключения и годовой отчетности, порядка и сроков направления проекта заключения / заключения субъектам процедур, порядка и сроков принятия решений, проведения мониторинга реализации мер	Оптимизация процессов реализации результатов ВФА, повышение доли выполненных предложений и рекомендаций по результатам ВФА	Принятие обоснованных управленческих решений в сфере государственного управления, повышение качества управления общественными финансами
Порядок самооценки уровня развития ВФА	Закрепление порядка самооценки уровня развития ВФА, в том числе сроков проведения самооценки, показателей самооценки, форм листов самооценки, порядка учета результатов самооценки	Повышение качества процедур ВФА, сокращение временных ресурсов на проведение процедур ВФА, повышение обоснованности предложений	Обеспечение результативности расходов бюджета на оплату труда аудиторов, снижение числа нарушений и расходов бюджета на их оплату

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
2. Информация о результатах осуществления главными администраторами средств федерального бюджета внутреннего финансового аудита в 2022 году // Официальный сайт Федерального казначейства. URL: https://clck.ru/3DkRoc (дата обращения: 28.03.2025).
3. Павлова А.С. Развитие внутреннего финансового аудита в секторе государственного управления // Государственный финансовый контроль в условиях цифровой экономики: проблемы и решения. I Межвузовс. науч. студен. конф. М.: Финансовый университет, 2020. С. 202–208.
4. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 22.05.2020 г. № 91н «Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Реализация результатов внутреннего финансового аудита» // СПС КонсультантПлюс.
5. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 05.08.2020 г. № 160н «Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Планирование и проведение внутреннего финансового аудита» // СПС КонсультантПлюс.
6. Федеральный стандарт внутреннего финансового аудита «Осуществление внутреннего финансового аудита в целях подтверждения достоверности бюджетной отчетности и соответствия порядка ведения бюджетного учета единой методологии бюджетного учета, составления, представления и утверждения бюджетной отчетности», утвержденный приказом Министерства финансов Российской Федерации от 01.09.2021 г. № 120н // СПС КонсультантПлюс.
7. Васюнина М.Л. Об управлении бюджетными рисками // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2020. № 22 (502). С. 2–13.

Improvement of Internal Financial Audit as a Direction of Controlling in the Public Sector

Pavlova A.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Improving the public administration quality is becoming particularly relevant in the context of the public policy focus on achieving the Russian Federation national development goals for the period up to 2030 and for the future up to 2036. The work purpose is to propose ways to improve internal financial audit in order to develop the public administration quality. The article uses general methods of scientific knowledge, including methods of empirical and theoretical research. As a result of the research, an internal financial audit model regulation was formed, including the procedure for planning, assessing and ranking budget risks, conducting, implementing results and self-assessing, in order to be applied by organizations of the public administration sector and the impact of its elements on improving the public administration efficiency.

Key words: internal financial audit, public administration quality, model act, controlling, efficiency of budget funds use, self-assessment methodology

УДК 332.02
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-105-110

Динамика развития системы государственной поддержки некоммерческого сектора в Ростовской области: институциональные и инфраструктурные аспекты*

Поляков М.Б.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления
Государственного университета управления (Москва)

Исследование посвящено анализу системы государственной поддержки некоммерческого сектора в Ростовской области в условиях современных социально-экономических вызовов, включая санкции и инфляцию. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения региональной специфики взаимодействия некоммерческих организаций (далее – НКО) с властью, особенно в контексте их роли в обеспечении социальной стабильности и реализации государственных программ. Цель исследования – оценка динамики развития мер поддержки НКО, включая институциональные и инфраструктурные аспекты. На основе анализа законодательства, статистики и экспертных данных выявлено, что, несмотря на устоявшуюся инфраструктуру поддержки, региональное законодательство ограничивает доступ НКО к налоговым льготам и имущественной помощи, предусмотренным на федеральном уровне. Финансирование через гранты демонстрирует рост объемов, но их реальная эффективность снижается из-за опережающей инфляции. Практическая значимость работы заключается в предложении мер по гармонизации региональных и федеральных норм, а также интеграции социально ориентированных НКО в национальные проекты для усиления их вклада в решение социальных задач. Научная новизна исследования состоит в комплексном подходе к оценке региональной системы поддержки, включая сравнительный анализ законодательства и адаптацию механизмов к экономическим реалиям. Результаты могут быть использованы органами власти, руководителями НКО и исследователями гражданского общества.

Ключевые слова: *Ростовская область, некоммерческая организация, социально ориентированная некоммерческая организация, третий сектор, государственная поддержка, гранты*

Для цитирования: *Поляков М.Б. Динамика развития системы государственной поддержки некоммерческого сектора в Ростовской области: институциональные и инфраструктурные аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 105–110. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-105-110.*

В современных условиях некоммерческий сектор играет ключевую роль в решении социально значимых задач, выступая связующим звеном между государством, бизнесом и обществом. Некоммерческие организации (далее – НКО) не только дополняют работу государственных институтов, но и активно участвуют в достижении национальных целей развития, сформулированных в указах Прези-

* Исследование проведено автором федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет управления» при поддержке Российского научного фонда в рамках реализации научного проекта № 24-18-00722 на выполнение научно-исследовательской работы на тему: «Социально-экономическая и политико-административная трансформация современного Юга России. "Новые" и "старые" регионы: сравнительный исторический анализ и перспективы развития».

дента Российской Федерации [1]. Их деятельность охватывает такие приоритетные направления, как борьба с бедностью, поддержка семьи и детства, развитие здравоохранения, образования и гражданских инициатив. В условиях современных вызовов, включая международные санкции, проведение Специальной военной операции и высокие инфляционные процессы, роль некоммерческих организаций в обеспечении социальной стабильности и адресной помощи наиболее уязвимым категориям населения становится особенно значимой.

В Российской Федерации поддержка некоммерческих организаций становится важным элементом государственной политики, направленной на развитие гражданского общества и повышение эффективности социальных услуг. Особый интерес в этом контексте представляет Ростовская область – регион с активно развивающимся третьим сектором, где формируются собственные модели взаимодействия между властью, НКО и населением. В условиях внешнего давления и экономической нестабильности региональные НКО демонстрируют устойчивость, беря на себя функции социальной амортизации и способствуя реализации государственных программ поддержки.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа динамики государственной поддержки НКО в Ростовской области, включая ее институциональные и инфраструктурные аспекты. Несмотря на растущее внимание к мерам поддержки некоммерческого сектора на федеральном уровне, региональная специфика требует отдельного изучения. Важно понять, как эволюционируют механизмы финансирования, нормативно-правовое регулирование и инфраструктурные инструменты (включая ресурсные центры, грантовые программы, образовательные проекты), а также какие факторы способствуют или препятствуют устойчивому развитию сектора в условиях текущих социально-экономических вызовов.

Вопросам развития системы государственной поддержки некоммерческого сектора в России посвящено несколько крупных исследований отечественных ученых. Авторский коллектив под руководством М.Б. Полякова исследовал ключевые аспекты государственной поддержки СОНКО, включая анализ показателей, опрос представителей сектора и изучение общественного восприятия деятельности НКО [2]. Региональный аспект данного направления получил свое отражение в работах некоторых российских авторов. А.С. Дмитриев и Н.В. Савельев в своем исследовании выявили текущее состояние и ключевые тенденции развития некоммерческого сектора в Южном федеральном округе на основе структурного и статистического анализа пяти показателей, демонстрируя разнонаправленную региональную динамику и обосновывая необходимость оптимизации финансирования и повышения общественной лояльности к деятельности НКО [3]. Д.Н. Протасеня проанализировала факторы и стратегии развития некоммерческого сектора Ростовской области, включая характеристику направлений деятельности, стратегии развития, а также ключевые проблемы и перспективы кластера СО НКО региона [4]. Однако следует отметить, что комплексных исследований по изучению инфраструктуры государственной поддержки некоммерческого сектора Ростовской области за последние годы не проводилось.

Цель данной работы – изучить динамику развития системы государственной поддержки НКО в Ростовской области, уделив особое внимание институциональным изменениям и инфраструктурным преобразованиям. В задачи исследования входят:

– анализ нормативно-правовой базы и ключевых программ поддержки НКО в регионе;

– выявление тенденций и перспектив совершенствования мер государственной поддержки в условиях санкций и экономической турбулентности.

Эмпирическую базу формируют данные Минюста России, Минэкономразвития России, Общественной палаты Российской Федерации, Фонда президентских грантов, региональных органов власти и НКО.

В исследовании использованы следующие методы: нормативно-правовой анализ (федерального и регионального законодательства), статистическая обработка данных грантовой поддержки и реестров НКО, социологический опрос с участием 187 представителей некоммерческого сектора, структурно-функциональный и сравнительно-исторический подходы, а также экспертный анализ документов и рейтинговых систем.

Законодательство о системе мер поддержки некоммерческого сектора на современном этапе включает 7 основных блоков на федеральном уровне и 5 основных блоков на уровне Ростовской области (табл. 1).

Изучение динамики развития системы поддержки некоммерческого сектора представляется важным направлением совершенствования методов взаимодействия с гражданским обществом и влияния на приоритетные направления реализации государственной политики. Сегодня деятельность НКО Ростовской области влияет не только на социальные отношения внутри региона, но и на часть других субъектов Российской Федерации, включая новые территории (ЛНР, ДНР, Херсонская область и Запорожская область). По данным Минюста России, по состоянию на 29.04.2025 г. в реестре НКО содержатся сведения о 4509 НКО (структура некоммерческого сектора Ростовской области представлена в табл. 2), из которых 929 (20,6 %), по данным Минэкономразвития России, отнесены к социаль-

Таблица 1

Система мер поддержки НКО

Меры поддержки, предусмотренные федеральным законодательством [5]	Меры поддержки, предусмотренные региональным законодательством Ростовской области [6]
финансовая	финансовая поддержка
имущественная	информационная поддержка
информационная	консультационная поддержка
консультационная	поддержка в сфере подготовки, дополнительного профессионального образования работников и добровольцев (волонтеров) СО НКО
обучение сотрудников и волонтеров	осуществление закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд у социально ориентированных некоммерческих организаций в порядке,предусмотренном законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд
льготы по уплате налогов и сборов	
осуществление закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд у СОНКО	

Составлена автором на основании законодательства о некоммерческих организациях.

Таблица 2

Структура некоммерческого сектора Ростовской области

Наименование показателя	Количество, ед.
Всего некоммерческих организаций	4 509
Из них:	
Автономная некоммерческая организация	849
Адвокатская палата	1
Адвокатское бюро	24
Адвокатское образование	86
Ассоциация (союз)	255
Казачье общество	275
Национально-культурная автономия (общественная организация)	45
Некоммерческое партнерство	79
Некоммерческий фонд	1
Нотариальная палата	1
Общественная организация	1126
Общественно-государственные организации	5
Общественные движения	22
Общественный фонд	16
Объединение работодателей	1
Объединения (союз, ассоциация) юр. лиц	1
Политическая партия	22
Профессиональный союз	461
Религиозная организация	672
Союз (ассоциация) общественных объединений	2
Территориальное общественное самоуправление	4
Учреждение	229
Фонд	332

Составлена автором на основе данных реестра НКО Минюста России [8] и реестра СО НКО Минэкономразвития России [7].

но ориентированным некоммерческим организациям [7]. Указанный фактор показывает неоднозначные данные – только 1/5 от общего числа НКО участвуют в системе государственной поддержки, реализуемой как на федеральном, так и на региональном уровне.

Для более детального анализа эффективности государственной поддержки необходимо сосредоточиться на ключевых направлениях. Как показывают данные опроса руководителей и сотрудников НКО (рис. 1), наиболее значимой формой помощи для некоммерческого сектора выступает финансовая поддержка, преимущественно предоставляемая в виде грантов.

По данным рейтинга «Регион-НКО 2024», Ростовская область находится на 32-м месте среди субъектов РФ по уровню развития инфраструктуры поддержки некоммерческого сектора (рис. 2), что свидетельствует о средних показателях в этой сфере.

Финансовая поддержка некоммерческого сектора в Ростовской области сегодня представлена в основном грантовыми конкурсами Фонда президентских грантов и областным конкурсом грантов для СО НКО.

За период с 2017 по 2024 гг. 617 организаций-резидентов Ростовской области получили финансовую поддержку на свою проектную деятельность от Фонда президентских грантов в общем объеме почти в 1 млрд руб. (958 290 284 руб.) (рис. 3). За указанный период времени средний размер грантовой поддержки вырос на 46 % (с 1 233 799,4 руб. в 2017 г. до 2 684 597,8 руб. в 2024 г.), однако, несмотря на значительный рост, данный показатель ниже уровня официальной накопленной инфляции за указанный период (64,93 %) [10].

Аналогичная ситуация по финансированию деятельности НКО на региональном уровне. За период с 2021 по 2024 гг. областные власти поддержали 260 организаций некоммерческого сектора на общую сумму 287 537 270 руб. (рис. 4). Средний размер гранта увеличился на 139,5 % (с 487 955,88 руб. в 2017 г. до 1 235 836 руб. в 2024 г.).

Сводная информация по иным формам государственной поддержки НКО в Ростовской области с разделением на отдельные направления деятельности организаций представлена в таблице 3.

Анализ представленных данных в таблице 3 свидетельствует о нормативных ограничениях оказания НКО таких форм поддержки, как налоговые

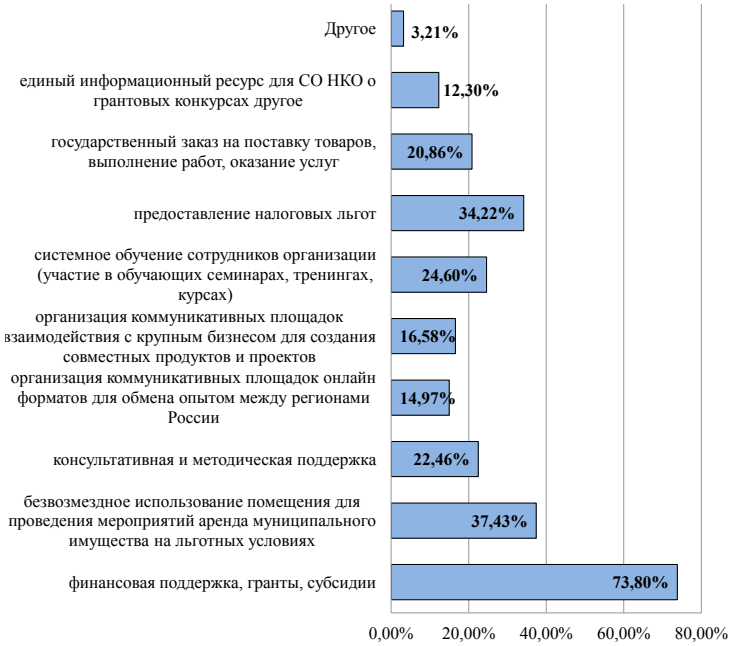

Рис. 1. Приоритетные меры государственной поддержки НКО (множественный выбор, до 5 вариантов ответа, в % от всех опрошенных)

Составлен автором по результатам социологического опроса 187 респондентов-руководителей и сотрудников НКО [Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024621053 Российская Федерация. Приоритетные направления государственной политики в области развития некоммерческого сектора (материалы исследования): № 2024620630: заявл. 22.02.2024 г.: опубл. 11.03.2024 / М.Б. Поляков, С.В. Чуев, И.И. Алексеева [и др.]; заявитель ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»].

Рис. 2. Рейтинговые факторы развития НКО в Ростовской области

Составлено автором на основе данных портала НКО [9].

Рис. 3. Финансовая поддержка НКО-резидентов Ростовской области в рамках конкурсов грантов Фонда президентских грантов.

Составлено автором на основе анализа заявок-победителей [11].

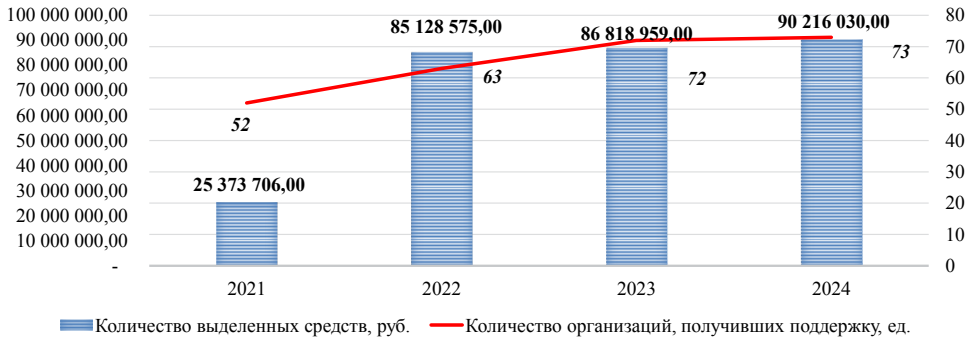

Рис. 4. Финансовая поддержка НКО-резидентов Ростовской области в рамках конкурсов грантов на региональном уровне

Составлено автором на основе анализа заявок-победителей [12].

льготы и имущественная поддержка, по причине отсутствия таких форм в областном законодательстве (см. табл. 1).

Таким образом, в рамках проведенного исследования можно выделить следующие основные выводы:

1. Сформированная инфраструктура государственной поддержки НКО в Ростовской области демонстрирует устойчивость, включая ресурсные центры, грантовые программы и образовательные проекты. Однако ее эффективность ограничена неполной гармонизацией регионального законодательства с федеральными стандартами, что требует устранения нормативных пробелов.

2. Региональные меры поддержки существенно уступают федеральным по спектру предоставляемых инструментов. В Ростовской области отсутствуют ключевые формы помощи, такие как налоговые льготы и имущественная поддержка, предусмотренные на федеральном уровне. Для повышения эффективности сектора необходимо законодательное закрепление этих мер на региональном уровне.

3. Рост номинального финансирования НКО не компенсирует инфляционные потери. Несмотря на увеличение объемов грантов (на 46 % на федеральном и 39,5 % на региональном уровне), их реальная покупательная способность снизилась из-за инфляции (64,93 % за

Таблица 3

Статистика по мерам государственной поддержки НКО в Ростовской области в 2024 г. [9]

Направления деятельности	Общее кол-во	Типы поддержки				
		Финансовая	Имущественная	Информационная	Консультативная, правовая и образовательная	Налоговые льготы для НКО
Без ограничений по направлениям деятельности	255	10	1	19	218	7
Защита социально-уязвимых групп граждан	65	44	0	17	4	0
Правозащита	4	4	0	0	0	0
Благотворительная медицинская и паллиативная помощь, развитие системы здравоохранения	26	16	0	7	3	0
Экология и зоозащита	27	17	0	8	2	0
Образование, воспитание и просвещение	50	40	0	10	0	0
Культура, искусство, создание комфортной среды и охрана наследия	73	64	0	9	0	0
Наука	19	16	0	3	0	0
Спорт, физкультура и здоровый образ жизни	36	28	0	8	0	0
Развитие гражданского общества, некоммерческого сектора, благотворительности	35	23	0	10	2	0
Иное	10	6	0	1	3	0
Итого:	**413**	**126**	**1**	**48**	**231**	**7**

период 2017–2024 гг.). Для сохранения эффективности поддержки требуется индексация грантов или введение дополнительных антиинфляционных механизмов.

4. Интеграция социально ориентированных НКО в государственные программы может стать драйвером развития. Только 20,6 % НКО региона имеют статус СО НКО, что ограничивает их доступ к целевой поддержке. Включение крупных и проверенных организаций в национальные проекты усилит их вклад в решение социальных задач.

5. Средние позиции Ростовской области в рейтинге развития инфраструктуры НКО (32-е место среди субъектов РФ) указывают на значительный потенциал для улучшений. Оптимизация взаимодействия власти и НКО, расширение консультационной и образовательной поддержки, а также повышение прозрачности грантовых конкурсов способны повысить рейтинг региона.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 28.04.2025).
2. Государственная политика в области поддержки и развития социально ориентированных некоммерческих организаций / М.Б. Поляков, И.И. Алексеева, А.К. Бикманова [и др.]. М.: Изд-во «Знание-М», 2023. 178 с.
3. Дмитриев А.С., Савельев Н.В. Состояние некоммерческого сектора экономики в Южном федеральном округе // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 3. С. 45–60. DOI: 10.24412/2071-6435-2021-3-46-61.
4. Протасеня Д.Н. Стратегия и факторы развития социально ориентированных некоммерческих организаций в системе социального обслуживания населения Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 2. С. 239–245. DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-2-239-245.
5. Федеральный закон 12.01.1996 г. № 7-ФЗ«О некоммерческих организациях» от // СПС КонсультантПлюс.
6. Областной закон Ростовской области от 11.11.2010 г. № 492-ЗС «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Ростовской области» // СПС Гарант.
7. Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.07.2021 г. № 1290 // Портал Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://data.

economy.gov.ru/analytics/sonko/region/70 (дата обращения: 29.04.2025).
8. Реестр НКО // Портал Министерства юстиции Российской Федерации URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/ (дата обращения: 29.04.2025).
9. Профиль региона: Ростовская область // Интерактивная информационно-коммуникационная платформа «НКО.РФ» URL: https://нко.рф/regions/ROS (дата обращения: 19.04.2025).
10. Инфляционные калькуляторы // Портал «Инфляция в России». URL: https://уровень-инфляции.рф/инфляционные-калькуляторы (дата обращения: 29.04.2025).
11. Результаты конкурсов грантов // Портал Фонда президентских грантов. URL: https://президентскиегранты.рф/ (дата обращения: 19.11.2024).
12. Результаты конкурсов грантов // Портал Гранты.РФ. URL: https://ростов.гранты.рф/ (дата обращения: 26.04.2025).

Dynamics of Development of the System of State Support for the Non-Profit Sector in the Rostov Region: Institutional and Infrastructural Aspects

Polyakov M.B.
State University of Management (Moscow)

The study is devoted to the analysis of the system of state support for the non-profit sector in the Rostov region in the context of modern socio-economic challenges, including sanctions and inflation. The relevance of the work is determined by the need to study the regional specifics of the interaction of NGOs with the government, especially in the context of their role in ensuring social stability and the implementation of government programs. The purpose of the study is to assess the dynamics of the development of measures to support NGOs, including institutional and infrastructural aspects. Based on the analysis of legislation, statistics and expert data, it has been revealed that, despite the well-established support infrastructure, regional legislation restricts the access of NGOs to tax benefits and property assistance provided at the federal level. Financing through grants shows an increase in volume, but their real effectiveness is decreasing due to outstripping inflation. The practical significance of the work lies in the proposal of measures to harmonize regional and federal standards, as well as the integration of socially oriented NGOs into national projects to enhance their contribution to solving social problems. The scientific novelty of the research consists in a comprehensive approach to assessing the regional support system, including a comparative analysis of legislation and the adaptation of mechanisms to economic realities. The results can be used by government authorities, NGO leaders, and civil society researchers.

Keywords: Rostov region, NGO, SONKO, third sector, government support, grants

УДК 339
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-111-119

Анализ конкурентоспособности российских производителей полиэтилена с использованием бенчмаркинга

Самоделкин С.И.
Аспирант кафедры предпринимательства и конкуренции
Университета «Синергия» (Москва)

Анисимов А.Ю.
Кандидат экономических наук, доцент,
заместитель директора по учебно-методической работе
факультета информационных технологий,
доцент кафедры информационного менеджмента
им. профессора В.В. Дика Университета «Синергия» (Москва)

В современных условиях значительного санкционного давления и потребности в сокращении сырьевого экспорта важной задачей становится продвижение продукции с высокой добавленной стоимостью на мировые рынки, что вызывает необходимость повышения конкурентоспособности предприятий, привлечения квалифицированных специалистов, снижения рисков и стабилизации экспортных доходов, способствующих быстрому экономическому росту во всех секторах экономики. Развитие нефтехимического производства, в том числе полиэтилена низкого давления, на мировом рынке является потенциальным направлением для укрепления позиций отечественных производителей. Учитывая растущий спрос на полиэтилен и другие нефтехимические продукты, развитие исследуемого сектора будет способствовать диверсификации экспорта и повышению экономического роста национальной экономики в условиях внешнего давления. Для повышения экспортного потенциала нефтехимического производства в условиях глобальной конкуренции на рынке полиэтилена низкого давления важно проанализировать позиции российских производителей и их влияние на мировой рынок.

Цель данного исследования заключается в анализе конкурентоспособности российских производителей полиэтилена с использование бенчмаркинга, основанного на сравнении российских производителей с международными конкурентами. В качестве задач поставлены: выбор детерминант международной конкурентоспособности для проведения бенчмаркинга на основе тематического анализа научной литературы, а также анализ конкурентоспособности предприятий на рынке полиэтилена на основе выбранных детерминант.

В результате исследования выявлено, что российские производители имеют потенциальные конкурентные преимущества на мировом рынке полиэтилена, однако в условиях санкционного давления и экономической нестабильности экспорт российской продукции столкнулся с рядом ограничений. Проведённый сравнительный анализ показателей конкурентоспособности позволил установить имеющееся отставание российских производителей полиэтилена от международ-

ных конкурентов по таким параметрам, как: внедрение новых технологий и стандартов устойчивого развития.

Полученные результаты подчеркивают важность внедрения инноваций и повышения стандартов качества для укрепления позиций российских производителей на мировом рынке полиэтилена. Улучшение технологической базы и обеспечение вектора на устойчивое развитие способны выступить ключевыми факторами дальнейшего роста конкурентоспособности российских производителей полиэтилена.

Ключевые слова: *конкурентоспособность, полимеры, международные рынки, устойчивое развитие, цифровизация, цепочка поставок, инновации*

Для цитирования: *Самоделкин С.И., Анисимов А.Ю. Анализ конкурентоспособности российских производителей полиэтилена с использованием бенчмаркинга // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 111–119. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-111-119.*

Россия, обладая значительными запасами углеводородного сырья и развитыми производственными мощностями, является одним из ключевых игроков на рынке полиэтилена, однако изменяющиеся глобальные экономические условия и растущие требования к устойчивому развитию ставят перед российскими производителями новые задачи по повышению конкурентоспособности на мировых рынках. Также важно отметить значительно изменившиеся геополитические факторы, способствующие росту издержек производства за счет дополнительных логистических затрат, вызванных поиском альтернативных способов доставки продукции потребителям в условиях введения барьеров для российских производителей и дополнительными издержками, вызванными необходимостью поиска новых рынков сбыта.

Полиэтилен низкого давления (далее – ПНД) является одним из наиболее широко используемых полимерных материалов в различных отраслях промышленности. Развитие рынка ПНД тесно связано с экономическими и технологическими изменениями, происходящими на мировом и страновом уровнях. В последние годы конкуренция на рынке полиэтилена усилилась, что требует от производителей эффективных стратегий для поддержания и повышения своей конкурентоспособности.

Вопросам определения направлений повышения конкурентоспособности и продвижения продукции на экспортные рынки отечественных производителей в современных условиях уделяется большое внимание. Среди авторов, детально раскрывающих исследуемые направления, можно выделить А.В. Макрецову [1], С.В. Кирбитову [2], И.М. Джумадылова [3], А.А. Никонорову [4].

Так, например, А.В. Макрекцов [1] в качестве основных методов, позволяющих оценить конкурентоспособность предприятий на международных рынках, выделяет: метод сравнительных преимуществ, метод равновесия организаций и отрасли, структурный подход, функциональный метод. С.В. Кирбитова на основе исследования широкого круга источников [2], раскрывающих вопросы оценки конкурентоспособности, пришла к выводу, что авторы, уделяя внимание общему пониманию конкурентоспособности в разрезе её уровней, не раскрывают специфику её формирования на глобальных рынках между производителями разных стран, отмечая при этом важность национальных различий в условиях производства и выхода на внешние рынки. К.Б. Герасимов [5] подчеркивает важность оценки глобальной конкуренции и степени влияния внешних факторов. Однако, несмотря на значительное количество представленных в научной литературе [6–8] методов комплексной оценки конкурентоспособности, необходимо отметить недостаточную их проработанность для предприятий при выходе на внешние рынки [9; 10]. В связи с чем повышается актуальность определения факторов, учет которых становится важен для участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД).

В качестве важного инструмента определения факторов конкурентоспособности предприятий на мировых рынках, на наш взгляд, можно выделить бенчмаркинг, представляющий собой процесс определения эффективности деятельности предприятия по сравнению с его конкурентами, занимающими более выгодное положение на рынке, и, соответственно, использованием полученной информации для создания фундамента для целей развития предприятия. Оценка сильных сторон лидеров отрасли, позволит не только улучшить свои слабые стороны, но и выявить уникальные конкурентные преимущества, которые могут быть использованы для выхода на новые рынки или укрепления позиций на существующих.

Выбор детерминант, определяющих лидерские позиции предприятий – производителей ПНД на мировых рынках, осуществлён с использованием

тематического анализа, результаты которого представлены в таблице 1.

Так, по мнению Д.Г. Сухих [11], З. Наварро и М. Арразола [12], необходимый объем производственных мощностей, способный обеспечить как внутреннее производство, так и экспорт, будет поддерживаться государством с целью диверсификации экспортно-ориентированной экономики. Н.Х. Олимова [16] отмечает, что в современных условиях экспортная деятельность предприятий поддерживается двумя основными способами: первый – через рыночные инструменты ВЭД (внешнеэкономической деятельности); второй – через использование инструментов государственной поддержки, однако приоритет должен отдаваться быстрой модернизации и техническому перевооружению предприятий. Соответственно, по мнению Д.Г. Сухих [11], З. Наварро и М. Арразола [12], Н.Х. Олимова [16], рост производственных мощностей, внедрение инновационных технологий в производственный процесс при поддержке государства и создании благоприятных условий для предприятий-экспортеров являются ключевыми факторами, направленными на обеспечение конкурентоспособности продукции. Эффективное управление производственными мощностями позволяет предприятиям не только удовлетворять спрос, но и оптимизировать производственные процессы, снижать издержки и обеспечивать высокое качество продукции, что особенно важно для успешного функционирования в условиях глобальной конкуренции. Современные предприятия, претендующие на лидерство на мировых рынках, должны активно инвестировать в развитие и модернизацию своих производственных мощностей. В то же время глобальный рынок представляет собой все более конкурентную и динамичную деловую среду, в которой технологические разработки и глобализация изменили модели поведения потребителей и открыли ряд новых возможностей для предприятий в продвижении своей продукции на международных рынках. В связи с чем внедрение инновационных технологий в производственные и управленческие процессы является важной движущей силой для высококачественного развития промышленного производства, что подтверждают результаты исследований авторов, обосновавших положительное влияние на конкурентоспособность экспорта обрабатывающей промышленности [13; 14].

По мнению Г.Е. Концевич и О.В. Михайлюк [20], Н.Б. Землянской [21], Ф. Садрио [22], важными детерминантами международной конкурентоспособности выступают стратегический подход к ведению бизнеса и маркетинг. Стратегический подход позволяет обеспечить адаптацию бизнеса к условиям внешней среды, учесть экономические, политические и культурные условия, которые могут значительно отличаться от условий на внутреннем рынке. Разработка маркетинговых стратегий с учетом требований локальных экспортных рынков способствует адаптации продуктов к требованиям местных потребителей, повышению узнаваемости и доверия к бренду, созданию ценностного предложения, выгодно отличающего продукт от конкурентов, что привлечет внимание целевой аудитории и будет способствовать росту доли на рынке.

И.М. Джумадылов [2], А.А. Никонорова [4] отмечают в качестве детерминант международной конкурентоспособности полиэтилена системы менеджмента качества, что объясняется в первую очередь высокими требованиями зарубежных потребителей к экологичности и безопасности материалов. Соответственно, внедрение на предприятии сертифицированных систем менеджмента качества подтверждает соответствие продукции указанным требованиям, способствуя выходу на новые рынки и повышению доверия со стороны международных партнеров.

Таблица 1

Детерминанты конкурентоспособности предприятий на международных рынках

Детерминанты конкурентоспособности предприятий	Авторы
Производственные мощности, инновационные технологии, доступ к сырью	Д.Г. Сухих [11], З. Наварро и др. [12], В.В. Швыдкий [13], Ф. Ванг и др. [14], Л.П. Дана и др. [15], Н.Х. Олимова [16], Р.Ш. Сулиманов [17], Д.Н. Эдах и др. [18], Т.П. Йосифовф [19]
Стратегический подход к ведению бизнеса, маркетинг	Г.Е. Концевич и О.В. Михайлюк [20], Н.Б. Землянская и др. [21], Ф. Садрио [22], М. Хауреддин и др. [23]
Система менеджмента качества	И.М. Джумадылов [2], А.А. Никонорова [4]
Влияние внешней среды	А.В. Горбенко, А.А. Ворогушин [24]
Развитая цепь поставок	Т. Ваттек [25], Д. Шелф [26]
Вектор на устойчивое развитие	П. Скозински [27], Л. Стампф [28]

Источник: составлено авторами.

Степень влияния внешней среды, отмеченная А.В. Горбенко, А.А. Ворогушиным [24], в качестве важной детерминанты конкурентоспособности продукции в большей степени определяется не только внутренними факторами, но и внешними условиями, формирующимися на страновом уровне. Внешнеэкономические и политические условия, страна происхождения продукции существенно влияют на успешность выхода предприятия на международный рынок. Так, например, страны, находящиеся под санкциями или вовлечённые в международные конфликты, сталкиваются

с трудностями при экспорте продукции, а также с ограничениями на доступ к иностранным технологиям, необходимым для обеспечения производственного процесса. Степень развития инфраструктуры, в том числе транспортной и цифровой, также оказывает значительное влияние на стоимость и сроки доставки продукции, способствует снижению логистических издержек и повышает привлекательность продукции на внешних рынках.

П. Скозински [27], Л. Стампф [28] в качестве наиболее важной детерминанты обеспечения международной конкурентоспособности отмечают учет мировых тенденций в сфере достижения целей устойчивого развития (ЦУР). Предприятиям, работающим на рынке полиэтилена, необходимо демонстрировать твердую приверженность повышению экологичности, соблюдая при этом строгие стандарты качества и безопасности своей продукции.

В связи с чем дальнейшее повышение экспортной конкурентоспособности продукции отечественных производителей должно учитывать основные детерминанты конкурентоспособности предприятий на внешних рынках, в том числе рост производственных мощностей, внедрение инновационных технологии, применение стратегического подхода к ведению бизнеса и разработки маркетинговых стратегий, а также требования международных систем менеджмента качества и достижения ЦУР.

Согласно исследованию объем рынка полиэтилена высокой плотности в последние годы имеет положительную динамику со среднегодовым темпом роста 10,6 % [29]. Наблюдаемый рост можно объяснить такими факторами, как индустриализация и расширение инфраструктуры, замещение традиционных материалов, повышенный спрос на потребительскую упаковку, соблюдение экологических норм, а также расширение розничного сектора. Ожидается, что рост упаковочной промышленности станет важным фактором для рынка полиэтилена высокой плотности (ПНД) (рис. 1). Так, по данным *Chemanalys*, рост в упаковочной промышленности определен как ключевой фактор, способствующий развитию рынка полиэтилена высокой плотности [30].

В условиях непрерывного роста спроса на полиэтилен крупные производители расширяют производственные мощности. Так, только за период с 2019 по 2021 гг. было введено производственных мощностей в объеме 10 тыс. т в год (рис. 2).

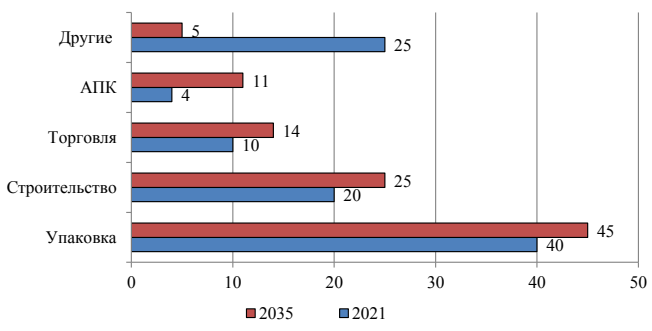

Рис. 1. Структура потребления полиэтилена, %

Источник: составлено авторами по данным [30].

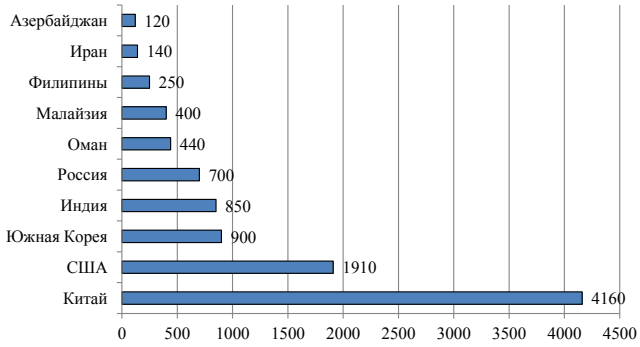

Рис. 2. Ввод новых мощностей ПНД по странам за период с 2019 по 2021 гг., т в год

Источник: составлено авторами по данным [31].

При этом необходимо отметить, что, в соответствии с аналитическими данными и прогнозами *ICIS* [29], к 2028 г. ожидается, что мировые мощности по производству ПНД превысят спрос в три раза. Как видно на рисунке 3, Китай выступает лидером по вводу производственных мощностей полиэтилена. При этом констатируем, что, по расчетам *ICIS* [29], превышение среднегодовой мощности над спросом по полиэтилену высокого давления (ПНД) за 2000–2019 гг. составило 4 млн т при среднем уровне эксплуатации 88 %.

Данные, представленные *ICIS* (рис. 3), указывают на стагнацию мирового рынка ПНД, однако, начиная с 2024 г., по прогнозу до 2030 г., ожидается относительная стабильность этих показателей, что может свидетельствовать о завершении периода значительного спада и переходя к фазе стабилизации. По мнению экспертов *ICIS*, закономерности, показанные на рисунке 3, одинаковы для всех полимеров из-за переоценки роста спроса в Китае, в связи с чем перед производителями ПНД стоят трудные решения, так, по мере ускорения реструктуризации менее крупные предприятия, которые оказываются в невыгодном положении из-за высокой стоимости сырья, вынуждены пересматривать свои бизнес-модели. Одним из возможных решений для таких производителей является переход на нишевые рынки сбыта, ориентированные на конечные продукты с более высокой добавленной стоимостью. На таких рынках можно получить «зеленые премии» за устойчивые решения, что особенно важно в условиях растущего спроса на экологичные товары. В то же время предприятия, обладающие доступом к дешевому сырью, сохранят свои конкурентные преимущества и будут доминировать в сырьевом сегменте химической промышленности.

Учитывая значительное падение цен и маржи на полиэтилен, начиная с 2022 г., рост новых мощностей окажет еще более значительное влияние на конъюнктуру рынка ПНД. Последствия пандемии

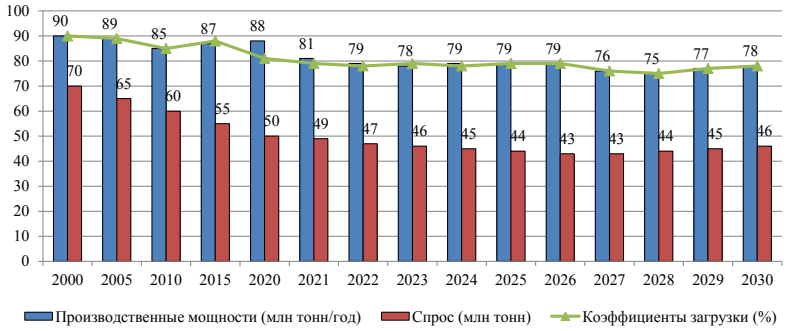

Рис. 3. Динамика спроса на ПНД

Источник: составлено авторами по данным [29].

коронавируса, а также введенные санкции в отношении российских производителей отразились на глобальных логистических цепочках, предоставив отечественным производителям преимущество перед импортом для внутреннего бизнеса. Российские предприятия смогли адаптироваться к изменениям за счёт укрепления позиций на внутреннем рынке, несмотря на сложности с импортом ресурсов, оборудования и ликвидностью. В настоящее время перед производителями стоит задача расширения экспортных направлений реализации продукции в условиях жестких санкционных ограничений, достижение которой возможно только на основе обеспечения достаточных конкурентных преимуществ.

Оценка конкурентных преимуществ российских производителей полиэтилена была проведена с использованием бенчмаркинга по направлениям, представленным в таблице 1.

В качестве российский предприятий выбраны ПАО «Сибур-холдинг» и ООО «Ставролен». В качестве лидеров мировых рынков – Публичная корпорация «*LyondellBasell*» (Нидерланды), ПАО *ExxonMobil* (США), Частная компания «*Ineos*» (Великобритания), Публичная акционерная компания «*Sabic*» (Саудовская Аравия). Основная информация о деятельности предприятий представлена в таблице 2.

Результаты проведения бенчмаркинга представлены рисунке 4. В качестве детерминант для оценки конкурентоспособности выбраны следующие: производственные мощности, доступ к сырью, использование стратегического подхода к ведению бизнеса, наличие маркетинговой стратегии, наличие развитой цепи поставок, наличие интегрированной системы менеджмента качества, степень влияния внешних факторов на деятельность предприятий.

Как следует из данных рисунка 4, по критерию стратегического подхода в ведении бизнеса имеют

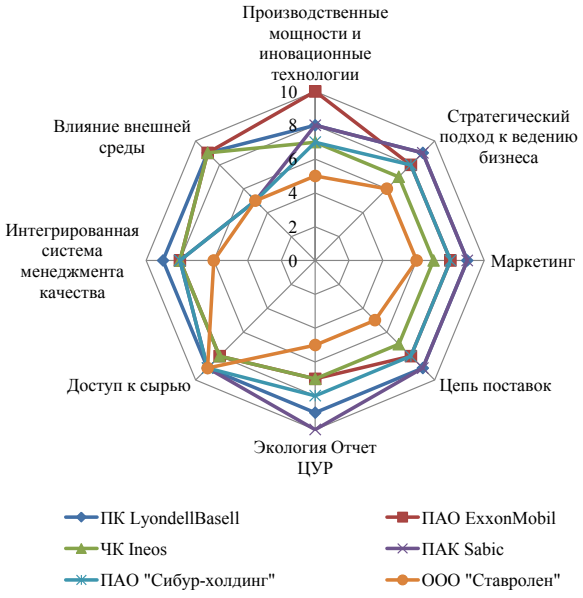

Рис. 4. Профили конкурентоспособности исследуемых предприятий на международных рынках производителей полиэтилена

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Мировые производители ПНД

Название	Характеристика деятельности
ПК «*LyondellBasell*»	один из крупнейших мировых производителей ПНД. Предприятие имеет большое количество производственных мощностей в Америке, Европе и Азии, активно внедряет технологии для перехода к низкоуглеродной экономике, включая переработку пластмасс и использование биоразлагаемых материалов, выступая лидером в области технологий и экологичности
ПАО *ExxonMobil*	значительный игрок на рынке ПНД, его отличительной особенностью выступает интеграция производственного процесса с добычей нефти и газа, что позволяет снижать издержки на сырье и логистику. *ExxonMobil* активно инвестирует в инновации и дифференциацию ассортиментного ряда полиэтилена
ПАК «*Sabic*»	одна из крупнейших компаний на Ближнем Востоке, которая активно конкурирует за долю на мировом рынке ПНД, отличается значительной интеграцией в нефтегазовую отрасль, обеспечивающей конкурентные преимущества за счет более низких производственных издержек
ПАО «Сибур-холдинг»	крупный российский производитель, который конкурирует за долю на мировых рынках благодаря своим производственным мощностям в России и технологическому развитию
ООО «Ставролен»	является российским производителем, который в основном ориентирован на внутренний рынок, что сужает его возможности для глобальной конкуренции

Источник: составлено авторами.

преимущества ПК «*LyondellBasell*» и ПАК «*Sabic*», предприятия также активно развивают устойчивые технологии, направленные на снижение выбросов и создание экономики замкнутого цикла. Стратегия ПАО «*ExxonMobil*» направлена на улучшение поставок и снижение воздействия на окружающую среду, большое внимание уделяется внедрению новых технологии. ЧК «*Ineos*» имеет сбалансированную стратегию, включая диверсификацию продукции и устойчивость, но уступает лидерам. Деятельность ПАО «Сибур-холдинг» направлена на развитие новых продуктов. ООО «Ставролен» имеет менее масштабную стратегию с ограниченным акцентом на глобальное развитие.

ПК «*LyondellBasell*» предоставляет потребителям проработанные информационные материалы, технические руководства и пособия. ПАК «*Sabic*» отличается высококачественными информационными ресурсами и техническими документами. ПАО «Сибур-холдинг» освещает свойства продукции, активно информирует о новинках и технологиях. ООО «Ставролен» имеет недостаточное количество маркетинговых материалов.

ПАК «*Sabic*» выступает лидером в области устойчивого развития и реализации ЦУР. ЧК «*Ineos*» активно работает над экологическими проектами, но уступает ПК «*LyondellBasell*». ПАО «Сибур-холдинг» ведёт экологические инициативы в России, соответствует международным стандартам. ООО «Ставролен» делает меньший акцент на экологию.

В целом, по данным рисунка 4, можно отметить, что российские производители уступают иностранным конкурентам по параметрам устойчивого развития и маркетинговой активности на международных рынках. Повышение конкурентоспособности отечественных производителей и расширение их присутствия на мировых рынках, по нашему мнению, невозможно без разработки соответствующей экспортной стратегии, в которой должны быть предусмотрены следующие направления её реализации: укрепление цепочек поставок и логистических возможностей, цифровизация взаимоотношений с потребителями, диверсификация продуктового портфеля, приверженность устойчивому развитию и экономике замкнутого цикла, развитие стратегических партнерств, инвестиции в инновационную деятельность.

Исходя из конкурентной среды и тенденций мирового рынка, для развития экспортных направлений и расширения присутствия отечественных производителей на зарубежных рынках важное значение приобретает оптимизация логистики и цепочек поставок за счет обеспечения эффективной и надежной транспортировки, развития партнерских отношений с международными логистическими компаниями и улучшения инфраструктуры для экспорта продукции, что особенно важно в условиях значительных санкционных ограничений и потребности в географической диверсификации экспорта. Укрепление цепочек поставок и логистических возможностей играет ключевую роль в повышении конкурентоспособности на мировых рынках, позволяя предприятиям минимизировать риски сбоев в доставке продукции и улучшать качество обслуживания клиентов, в том числе за счет использования цифровых технологий.

Инвестиции в цифровые платформы, ориентированные на зарубежных потребителей, способствуют улучшению процессов вовлечения клиентов, управлению цепочкой поставок и процессов продаж. Создание платформ электронной коммерции, клиентских порталов и цифровых инструментов для оптимизации заказов, доставки и послепродажного обслуживания будет способствовать расширению присутствия предприятий на мировых рынках

Несмотря на имеющийся ряд преимуществ отечественных производителей в производстве базовых полимеров, таких как доступ к сырью, наличие производственных мощностей, следует учитывать мировые тенденции спроса на инновационные полимерные материалы, а также потребности в кастомизации продукции для удовлетворения конкретных региональных потребностей. Несомненно, важным аспектом обеспечения конкурентных преимуществ на мировых рынках в условиях вектора глобальной экономики на устойчивое развитие будет обеспечение приверженности устойчивому развитию и экономике замкнутого цикла. На фоне ужесточающихся требований к устойчивому развитию со стороны регуляторов в разных странах, предприятия, внедряющие экологически безопасные и устойчивые технологии, оказываются в более выгодном положении. Приверженность принципам устойчивого развития укрепляет имидж предприятия, повышает доверие к её продуктам и способствует формированию лояльной базы клиентов, ориентированной на экологическую и социальную ответственность.

В условиях глобализации и усиления конкурентной борьбы на мировых рынках полимерной продукции производители сталкиваются с необходимостью разработки и внедрения стратегий, направленных на повышение конкурентоспособности. Важными факторами успеха становятся инновации, устойчивое развитие, интеграция в международные цепочки поставок и оптимизация внутренних производственных процессов с учётом мировых тенденций рынка. Для определения направлений повышения конкурентоспособности отечественных производителей полимеров на мировых рынках использован бенчмаркинг.

В процессе исследования установлено, что успешные производители полимеров на мировых рынках реализуют стратегический подход, основанный на диверсификации продуктового портфеля и

внедрении инновационных технологий. Немаловажным фактором успешности мировых лидеров рынка полимеров выступает активное участие в экономике замкнутого цикла. Наиболее развитую стратегию в области устойчивого развития и экономики замкнутого цикла демонстрируют ПАО «*LyondellBasell*» и ПАК «*Sabic*». ПК «*ExxonMobil*» сосредоточена на улучшении поставок, снижении экологического воздействия, а также разработке новые технологии. ЧК «*Ineos*» использует сбалансированную стратегию, включая диверсификацию продукции и устойчивость. Соответственно, для повышения конкурентоспособности на мировых рынках отечественным производителям полимеров необходимо учитывать мировые тенденции как в сфере развития маркетинга и цепей поставок, так и вектора в сторону устойчивости и инновационности полимерной продукции.

Литература:

1. Макрецова А.М. Основные методы оценки конкурентоспособности компании // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2018. № 4(27). С. 105–108.
2. Кирбитова С.В. Методика комплексной оценки конкурентоспособности предприятий – участников внешнеэкономической деятельности на внешних рынках с учетом специфики их деятельности и условий международной конкуренции // Экономические отношения. 2021. Т. 11. № 1. С. 235–262. DOI 10.18334/eo.11.1.111781.
3. Джумадылов И.М., Антонова Н.Л. Влияние системы менеджмента качества на лидерские позиции на рынке // Наукосфера. 2021. № 6-1. С. 353–358.
4. Никонорова А.А. Система менеджмента качества как фактор повышения конкурентоспособности предприятия // Становление и развитие предпринимательства в России: история, современность и перспективы: Сб. материалов 6-й Межд. науч. конф., Смоленск, 29 мая 2020 года. Курск: ЗАО Университетская книга, 2020. С. 156–160.
5. Герасимов К.Б., Уланова А.А. Особенности международной деятельности предприятия в условиях глобальной конкуренции // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 7. С. 133–140. DOI: 10.34755/IROK.2020.92.86.172.
6. Рожкова Л.В., Кафтулина Ю.А., Коса С.С., Сальникова О.В. Перспективы несырьевого неэнергетического экспорта Российской Федерации в условиях санкционных ограничений // Экономические отношения. 2022. Т. 12. № 3. С. 433–450. DOI: 10.18334/eo.12.3.115093.
7. Куанг Ф.Х., Буянова М.Э., Крюкова Е.В. Критический обзор методов и инструментов эмпирического анализа региональной конкурентоспособности // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2022. Т. 24. № 3. С. 74–89.
8. Якушев Н.О. Оценка высокотехнологичного экспорта в субъектах РФ и предложения по его развитию // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 2. С. 23–39.
9. Steinberg, J.B. Export market penetration dynamics // Journal of International Economics. 2023. № 145. P. 103807.
10. Wei H., Tu Y., Zhou P. Technical barriers to trade and export performance: Comparing exiting and staying firms // Economic Modelling. 2023. № 126. P. 106439.
11. Сухих Д.Г., Кац В.М. Методики оценки экспортного потенциала предприятия. Российский опыт // Векторы благополучия: экономика и социум. 2015. № 2 (17). С. 62–75.
12. Navarro Zapata A., Arrazola M., de Hevia J. Determinants of high-tech exports: New evidence from OECD countries // Journal of the Knowledge Economy. 2024. № 15(1). P. 1103–1117.
13. Швыдкий В.В. Теория и практика формирования и реализации экспортного потенциала предприятий // Известия КГТУ. 2010. №. 19. С. 67–73.
14. Wang F., Guo B., Wang Z., Wu Y. The impact of digital economy on the export competitiveness of China's manufacturing industry // Mathematical Biosciences and Engineering. 2023. № 20(4). P. 7253–7272.
15. Dana L.P., Salamzadeh A., Mortazavi S., Hadizadeh M. Investigating the impact of international markets and new digital technologies on business innovation in emerging markets // Sustainability. 2022. № 14(2). P. 983.
16. Олимова Н.Х. Состояние внешнеэкономических связей промышленных предприятий страны и пути повышения их экспортного потенциала (на примере ООО «Los gigantes textiles») // Архивариус. 2021. Т. 7. № 2 (56). С. 46–49.
17. Сулиманов Р.Ш. Патентные портфели и их влияние на конкурентоспособность инновационных предприятий // Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 240–243.
18. Edeh J.N., Obodoechi D.N., Ramos-Hidalgo E. Effects of innovation strategies on export performance: New empirical evidence from developing market firms // Technological Forecasting and Social Change. 2020. № 158. P. 120167.
19. Йосифов Т.П. Международная конкурентоспособность через развитие инновационного предприятия // Балканско научно обозрение. 2020. Т. 4. № 1 (7). С. 87–90.

20. Концевич Г.Е., Михайлюк О.В. Взаимосвязь конкурентоспособности и маркетинга в современных условиях мирового рынка // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2020. № 1 (69). С. 107–119.
21. Землянская Н.Б., Казакова Н.В., Сазонов А.А. Особенности применения современных инновационных технологий в сфере маркетинга как способа увеличения показателей конкурентоспособности промышленных предприятий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2020. № 3. С. 84–90.
22. Sudirjo F. Marketing Strategy in Improving Product Competitiveness in the Global Market // Journal of Contemporary Administration and Management (ADMAN). 2023. № 1(2). P. 63–69.
23. Haeruddin M.I.W., Musa M.I., Kurniawan A.W. Marketing strategy analysis in a global market // Journal Management & Economics Review (JUMPER). 2023. № 1(1). P. 17–24.
24. Горбенко А.В., Ворогушин А.А. Экономические основы и детерминанты обеспечения конкурентоспособности предприятий атомной отрасли // Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 476–480.
25. Wuttke T. Global value chains and local inter-industry linkages: South Africa's participation in the automotive GVC // The Journal of Development Studies. 2023. № 59(2). P. 153–169.
26. Sheth J.N., Uslay C. The geopolitics of supply chains: Assessing the consequences of the Russo-Ukrainian war for B2B relationships // Journal of business research. 2023. № 166. P. 114120.
27. Skoczinski P., Carus M., Tweddle G., Ruiz P., de Guzman D., Ravenstijn J., Raschka A. Bio-based building blocks and polymers: global capacities, production and trends 2022–2027 // Industrial Biotechnology.2023. № 19(4). P. 185–194.
28. Stumpf L., Schöggl J.P., Baumgartner R.J. Circular plastics packaging–Prioritizing resources and capabilities along the supply chain // Technological Forecasting and Social Change. 2023. № 188. P. 122261.
29. ICIS.COM. URL: https://www.icis.com/asian-chemical-connections/2023/08/global-hdpe-capacity-may-have-to-be-13m-tonnes-year-lower-in-2024-2030-to-return-to-healthy-operating-rates/
30. Chemanalyst. URL: https://www.chemanalyst.com/industry-report/high-density-polyethylene-market-718
31. Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/1120465/global-high-density-polyethylene-production-distribution-by-region/

Analysis of the Competitiveness of Russian Polyethylene Producers Using Benchmarking

Samodelkin S.I., Anisimov A.Yu.
Synergy University (Moscow)

In the current conditions of significant sanctions pressure and the need to reduce raw material exports, an important task is to promote products with high added value to world markets, which necessitates increasing the competitiveness of enterprises, attracting qualified specialists, reducing risks and stabilizing export revenues that contribute to rapid economic growth in all sectors of the economy. The development of petrochemical production, including low-pressure polyethylene in the world market is a potential direction for strengthening the position of domestic producers. Given the growing demand for polyethylene and other petrochemical products, the development of the sector under study will contribute to the diversification of exports and increase the economic growth of the national economy in the face of external pressure. To increase the export potential of petrochemical production in the context of global competition in the low-pressure polyethylene market, it is important to analyze the positions of Russian manufacturers and their impact on the world market.

The purpose of this study is to analyze the competitiveness of Russian polyethylene manufacturers using benchmarking based on a comparison of Russian manufacturers with international competitors. The objectives are: selection of international competitiveness determinants for benchmarking based on a thematic analysis of scientific literature, as well as analysis of the competitiveness of enterprises in the polyethylene market based on the selected determinants.

The study revealed that Russian manufacturers have potential competitive advantages in the global polyethylene market; however, in the context of sanctions pressure and economic instability, the export

of Russian products has faced a number of restrictions. The comparative analysis of competitiveness indicators made it possible to establish the existing lag of Russian polyethylene manufacturers from international competitors in such parameters as: implementation of new technologies and sustainable development standards.

The results obtained emphasize the importance of introducing innovations and raising quality standards to strengthen the position of Russian manufacturers in the global polyethylene market. Improving the technological base and ensuring a vector for sustainable development can act as key factors in further growth of the competitiveness of Russian polyethylene manufacturers.

Keywords: competitiveness, polymers, international markets, sustainable development, digitalization, supply chain, innovation

УДК 336.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-120-127

Совершенствование функционирования резервных фондов субъектов федерации с учетом зарубежного опыта

Шмиголь Н.С.
Кандидат экономических наук, доцент,
профессор кафедры общественных финансов Финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Токарев Д.А.
Студент Финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

В достижении финансового суверенитета важную роль играет устойчивость бюджетной системы Российской Федерации, которая во многом определяется устойчивостью региональных бюджетов. Формируемые в бюджетах субъектов Российской Федерации резервные фонды разных видов рассматриваются как действенный инструмент устойчивости и сбалансированности региональных бюджетов. Однако в условиях ограниченности бюджетных средств их формирование, целевое использование и управление ими требует большего анализа с позиций качества планирования и достаточности резервируемых средств для финансового обеспечения непредвиденных и неотложных расходов бюджета. Целью данного исследования является обоснование подходов к модернизации функционирования резервных фондов субъектов Российской Федерации с учетом зарубежного опыта, рассмотренного на примере резервных фондов штатов США, где подобные фонды также формируются и успешно используются. Результатом исследования является предлагаемая авторами модель функционирования резервных фондов субъектов Российской Федерации, практическое применение которой позволит повысить эффективность средств бюджетного резервирования.

***Ключевые слова**: региональный бюджет, бюджетная устойчивость, бюджетная сбалансированность, бюджетные резервы, резервный фонд, непредвиденные расходы*

***Для цитирования:** Шмиголь Н.С., Токарев Д.А. Совершенствование функционирования резервных фондов субъектов федерации с учетом зарубежного опыта // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 120–127. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-120-127.*

Вопросы устойчивости региональных бюджетов занимают одно из ведущих мест в научных публикациях, посвященных региональным финансам. Вместе с тем за последнее десятилетие такому инструменту устойчивости региональных бюджетов, как резервные фонды субъектов федерации, в научных исследованиях российских ученых отводится скромное внимание. Так, вопросы функционирова-

ния резервных фондов субъектов Российской Федерации изучаются в рамках исследования функционирования бюджетных резервов на разных уровнях бюджетной системы [1; 2], в контексте их связи с бюджетными правилами на региональном уровне [3; 4], а также в контексте поддержания суверенного рейтинга региона при осуществлении государственных заимствований субъекта федерации [5]. Резервные фонды субъектов федерации также изучаются как инструмент контрциклической бюджетной политики и макроэкономической стабилизации [6].

Рассматривая теоретические основы функционирования резервных фондов субъектов федерации, следует отметить их особенности как вида бюджетных резервов и целевое назначение. Формирование таких фондов представляет собой обособление части средств регионального бюджета либо в расходной части в форме самостоятельного вида расходов (зачастую такие фонды являются формой нерасписанных, условно утверждаемых расходов регионального бюджета), либо обособленных на отдельном счете от счета (счетов) регионального бюджета. Целевое назначение резервных фондов субъектов федерации обусловлено назначением бюджетных резервов как источника финансового обеспечения внеплановых (по возникновению и/или объему) неотложных расходов бюджета, возникших в результате наступлений определенных непредвиденных событий (обстоятельств) и реализации отдельных видов бюджетных и макроэкономических рисков. Основными признаками (характеристиками) резервных фондов субъектов федерации являются [7]:

• обособленный характер (выделение в качестве отдельной статьи расходов бюджета или отдельного счета по учету средств);

• принадлежность соответствующему публично-правовому образованию – субъекту федерации и, соответственно, директивный характер функционирования;

• строгое закрепление источников формирования резервного фонда и его целевого назначения;

• неотложный характер использования средств резервного фонда на нужды региона в целом при наступлении определенных непредвиденных событий (обстоятельств) и/или реализации бюджетных/макроэкономических рисков.

Основная функция резервных фондов – обеспечение устойчивости бюджета в условиях реализации непредвиденных обстоятельств, зачастую чрезвычайного характера, обусловливающих возникновение непредвиденных расходов.

Исследуя опыт штатов США по формированию и использованию резервных фондов штата, важно отметить, что такие фонды в американской практике рассматриваются как инструмент макроэкономической стабильности и контрциклического регулирования. В США бюджетные резервы большинства штатов принято создавать в двух формах: так называемый фонд на черный день (англ. *rainy day fund, далее RDF*) и резервный фонд под непредвиденные расходы (англ. *contingency reserve fund, далее CRF*). Существует множество интерпретаций данных понятий от различных авторов [9], но в основном под *RDF* понимается резервный фонд «на черный день», создаваемый обособлено от бюджета штата в форме самостоятельного фонда, порядок его функционирования устанавливается уставом штата и/или самостоятельным законом штата о *RDF*. Под *CRF* понимается резервный фонд в составе расходов бюджета штата, его объем и направления использования устанавливаются законом о бюджете штата. Целью создания *CRF* выступает покрытие бюджетных расходов, возникших в результате непредвиденных обстоятельств в течение бюджетного года, в том числе из-за ошибок прогнозирования расходов бюджета. *RDF* используется в случае возникновения непредвиденных обстоятельств более глобального характера или больших размеров, чем это может покрыть *CRF*, этим также объясняется его форма обособленного от бюджета фонда.

В составе бюджетных резервов штатов, богатых природными ресурсами, может привлекаться часть средств суверенных фондов благосостояния, ярким примером такого фонда является Постоянный фонд штата Аляска (*Alaska Permanent Fund Corporation (APFC*)). Вместе с тем, учитывая специфику функционирования суверенных фондов благосостояния, в том числе их инвестиционный характер, а также отсутствие в российской практике формирования таких фондов на уровне субъектов федерации, они не рассматриваются в рамках настоящего исследования.

Характеризуя *CRF* как отдельный вид резервных фондов штатов, отметим, что фонд представляет собой специальный счет (подраздел расходов) в составе расходной части бюджета штата США, его формирование и использование осуществляется на основании закона о бюджете штата. Предельный размер средств на счете обычно не регламентируется, однако практика нормирования величины *CRF* может зависеть от штата. Полагаем, что установление предельного размера *contingency fund* не требуется, поскольку этот фонд создается ежегодно вместе с формированием бюджета на очередной финансовый год, его объем каждый год проходит проверку и согласование со стороны законодательного органа штата, а значит, и его предельный объем также должен быть обоснован при рассмотрении бюджета штата.

Источником формирования средств *CRF* являются, например, накопленный за год нераспределенный остаток средств на конец финансового года, профицит бюджета. Решение об использовании средств фонда, как правило, осуществляет казначей штата. В отдельных штатах для таких фондов

законодательно установлено условие о согласовании выделения средств из фонда с законодательным органом штата. Так, например, половина средств из Специального фонда экономической неопределенности (англ. *Special Fund for Economic Uncertainties*) в штате Калифорния используется для погашения государственного долга штата и необеспеченных расходных обязательств, при этом предусмотрено с разрешения Конгресса использование средств фонда при дефиците бюджета штата и на помощь при стихийных бедствиях (не должно быть ранее чем через 30 дней после письменного уведомления Объединенному законодательному бюджетному комитету о необходимости предоставления средств из фонда) [10]. Вместе с тем такая практика согласования не носит массовый характер, что может объясняться нарушением принципа неотложного и своевременного использования средств *CRF* на экстренные нужды при достаточно длительном периоде согласования.

Некоторые штаты допускают использование средств *CRF* на покрытие временных кассовых разрывов, с условием возврата средств на счет до конца финансового года. Вместе с тем поддержание многоцелевого характера *CRF* как фонда, одновременно предназначенного для финансового обеспечения расходов, связанных со стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями и для финансирования внутригодовых кассовых разрывов, возможно только при качественном кассовом планировании с использованием длинных рядов данных. Полагаем, что только при длинном периоде функционирования такого фонда в конкретном штате и, соответственно, достаточных для анализа данных использования средств фонда можно спрогнозировать, какая часть фонда с преобладающей вероятностью может быть использована на покрытие кассового разрыва, а также на расходы по устранению последствий стихийных бедствий и иных чрезвычайных ситуаций.

Чаще всего *CRF* создается в штатах США для финансирования непредвиденных расходов, связанных со стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями. В отчете «Как штаты платят за стихийные бедствия в эпоху растущих издержек» (2020) [11] сделан упор на инструменты штатов в борьбе с ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий. Авторы отчета выделяют три типа счетов/фондов штатов на случай чрезвычайных ситуаций:

• штаты, создающие только чрезвычайные счета (*disaster or emergency accounts*);

• штаты, создающие счета на непредвиденные расходы (contingency accounts), которые включают возможность расходования средств, в том числе на расходы по ЧС;

• штаты, создающие несколько счетов «увязанных» под конкретные нужды.

При этом отмечено, что по состоянию на 2020 г. далеко не у всех счетов штатов были средства и/или определены источники их формирования, и невозможно найти хотя бы два штата с абсолютно одинаковой резервной политикой функционирования таких фондов.

Таким образом, проведенный анализ показал, что *CRF* имеет характер оперативного и/или страхового резерва в составе расходов бюджета штата США, созданного с целью финансового обеспечения непредвиденных неотложных расходов бюджета. Эффективность данного фонда зависит прежде всего от качества прогнозирования объема бюджетного резерва на очередной финансовый год и своевременности осуществления расходов из фонда на ликвидацию негативных последствий ситуаций, ставших причиной использования средств фонда. При сравнении с российской практикой в подходе к формированию и использованию *CRF* сопоставимы с резервными фондами высших исполнительных органов субъектов Российской Федерации.

Анализ практики функционирования *RDF* свидетельствует, что в США применяется различный подход к формированию и использованию резервных фондов «на черный день». Однако это не означает, что источники формирования *RDF* и условия их использования законодательно не ограничены. Наиболее часто источником формирования *RDF* является профицит бюджета, он используется в половине штатов США (табл. 1). Отдельные штаты ис-

Таблица 1

Источники и особенности механизма функционирования *RDF* в штатах США

Характеристики *RDF*	Кол-во штатов	Доля штатов (из 50), %
Источники формирования *RDF*		
Выделенный (отдельный) источник финансирования	17	34 %
Нерегулярный источник финансирования	9	18 %
Излишек (профицит) бюджета, образованный из части остатка средств бюджета	25	50 %
Превышение фактического уровня доходов над плановой величиной	6	12 %
Собственная формула, определяющая нормативную величину средств для пополнения фонда	13	26 %
Особенности механизма функционирования *RDF*		
Политики по формированию средств нет или она ограничена	2	4 %
Установлен период, необходимый для пополнения фонда (возврата средств в фонд)	8	16 %

Источник: составлено по данным отчета «Rainy Day Fund Strategies» [18].

пользуют одновременно два или три источника [11]. Во многих штатах выделен отдельный источник формирования данных резервных фондов. Часто источником становится волатильный доход, прогнозировать доходы от которого в общий фонд бюджета рискованно. В некоторых штатах составляется собственная формула финансирования фонда, так, например, Аризона установила формулу, по которой *RDF* пополняется при увеличении общего сбора подоходного налога с физических лиц с поправкой на инфляцию, а штат Айдахо пополняется *RDF*, когда общий доход бюджета штата на конец финансового года превышает доходы предыдущего года более чем на 4 % [12].

В научных публикациях В.В. Климанова, С.М. Казакова, А.Ю. Изотовой [8; 13] указаны и иные источники, такие как часть налоговых доходов и роялти, дополнительные доходы от продажи государственной собственности штата, бюджетный профицит в годы экономического бума, доходы от добычи полезных ископаемых, доходы от управления активами фонда (такие доходы нехарактерны для *RDF*), трансферты из федерального бюджета.

В основном в штатах США *RDF* используются в случае нехватки доходов, при росте доходов ниже тренда-прогноза, в случае экономического спада, при угрозе здоровью, опасности или чрезвычайной ситуации, встречаются и иные направления использования средств такого фонда (табл. 2). Большинство штатов указывают несколько направлений использования *RDF*.

Анализ данных таблицы 2 позволяет отметить, что использование средств резервных фондов в случае нехватки доходов применяется в 74 % законов штатов о *RDF*, что обоснованно желанием улучшить кредитный рейтинг штата для привлечения более дешевых заимствований. Кредитные рейтинговые агентства также смотрят, как штаты структурируют резервы, насколько последовательно они осуществляют вложения и вывод средств. Вместе с тем у некоторых штатов не установлены условия использования резервного фонда.

Таблица 2

Направления использования средств *RDF* в штатах США

Направления использования средств	Кол-во штатов	Доля штатов (из 50), %
Политики по использованию средств нет или она ограничена	6	12 %
Нехватка доходов	37	74 %
Рост доходов ниже тренда	2	4 %
Экономический спад	9	18 %
Угроза здоровью, безопасности или ЧС	25	50 %
Иные виды использования	13	26 %
Большая часть требуется под некоторые расходы (зависит от штата)	15	30 %

Источник: составлено по данным отчета «Rainy Day Fund Strategies» [18].

Проводя сравнение с российской практикой, *RDF* следует сопоставлять с Резервным фондом субъекта РФ, который по своему целевому назначению, источникам формирования и модели управления средствами, включая (согласно законам о резервном фонде отдельных субъектов федерации) возможность инвестирования средств на банковские депозиты в уполномоченных коммерческих банках, наиболее сопоставим с *RDF*.

Сравнительный анализ нормативных правовых актов, регламентирующих формирование резервных фондов штатов, выявил, что законы некоторых штатов о *RDF* ограничивают вывод средств из фонда. Так, например, в Конституции штата Калифорнии о счете бюджетной стабилизации (англ. *Budget Stabilization Account*) установлено, что при объявлении губернатором Калифорнии чрезвычайной ситуации в бюджете (основание для выделения средств из счета бюджетной стабилизации в бюджет) для решения непредвиденной ситуации может быть выделено «не более 50 % остатка на счете стабилизации бюджета в любом финансовом году, если только средства на счете стабилизации не были возвращены в бюджет для ассигнований в предшествующем финансовом году» [14]. То есть за один финансовый год не может быть выведено больше половины остатка средств *RDF*, несмотря на уровень опасности чрезвычайной ситуации или непредвиденного события.

При рассмотрении *RDF* следует обратить внимание, что с 1988 по 2022 гг. общий баланс *RDF* всех штатов США возрастал на протяжении всего рассматриваемого периода, за исключением периодов 4-х рецессий, когда эти фонды штаты тратили на поддержку расходов своих бюджетов, что как раз является их основной целевой направленностью [15].

Важно отметить, что законодательством штатов устанавливаются важные параметры резервных фондов, в числе которых:

• ограничение объема доходов, подлежащих зачислению в фонд (если фонд формируется как часть общей величины доходов или отдельных видов доходов бюджета штата);

• объем средств, разрешенных к использованию из резервного фонда;

• условия использования средств фонда, которые могут быть привязаны как к бюджетному циклу и колебаниям доходов бюджетов, уровню бюджетного дефицита, так и к экономическому циклу (показателям экономики, в числе которых уровень сокращения средней заработной платы, среднее количество рабочих часов в неделю, уровень занятости (безработицы), сокращение уровня розничных продаж (или суммы налога с продаж);

• сроки возврата средств в фонд.

По результатам исследования практики функционирования *RDF* в штатах США можно сделать вывод, что *RDF* – более масштабный по функциональному назначению по сравнению с *CRF* бюджетный резерв штата США, созданный в форме отдельного фонда (счета) от общего бюджета штата отдельным законом штата. Стратегический характер *RDF* проявляется, с одной стороны, в его цели стабилизации экономических циклов: поддержание стабильной доходной базы бюджета штата путем изъятия части доходов в благоприятный период и финансирование расходов в условиях падения доходов (или их росте ниже прогнозов) и в случае экономического спада. С другой стороны, в выделении средств из резерва при угрозе здоровью, опасности или чрезвычайной ситуации. Эту цель использования средств фонда можно назвать стратегической с учетом того, что средства *RDF* будут использованы после исчерпания *CRF*, одной из целей использования которого также является финансирование при угрозе жизни населения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Решение об использовании средств *RDF* на такие цели принимают законодательные органы штата.

При качественном прогнозировании объема *CRF*, средства *RDF* не должны использоваться на эти цели. Только при наступлении глобальной чрезвычайной ситуации, что случается довольно редко, *RDF* будет действительно задействован.

Сопоставляя практику функционирования резервных фондов субъектов Российской Федерации и *RDF* как близкий им аналог из американской практики, можно рекомендовать перенять из американского опыта следующие характерные особенности и инструменты механизма их функционирования:

• использовать стратегический подход к планированию резервного фонда субъекта федерации вместо их планирования на один финансовый год, поскольку, по сути, такие фонды рассчитаны на сглаживание колебаний показателей бюджета под влиянием долгосрочных дисбалансов и длительных периодов нестабильности. В результате субъекты федерации должны будут определить законодательно оптимальную величину резервного фонда субъекта РФ (в % от определенного параметра бюджета, которым может выступать объем налоговых и неналоговых доходов, общий объем доходов бюджета, общий объем расходов бюджета, нормированный остаток средств на едином счете бюджета) в силу их стратегического характера;

• законодательно на региональном уровне установить основания для выделения средств резервного фонда, в числе которых могут быть уровень падения налоговых и неналоговых доходов бюджета субъекта РФ, уровень сокращения основных фискально значимых (бюджетообразующих) налоговых доходов (НДФЛ, налога на прибыль) или уровень падения соответствующих показателей экономики региона (уровень реального ВРП, уровень безработицы). В качестве альтернативы может быть также рассмотрен риск-ориентированный подход к определению условий выделения средств из резервного фонда субъекта федерации, предусматривающий применение карты бюджетных рисков, при переводе которых в категорию опасных необходимо выделение средств фонда. Данная мера позволит повысить обоснованность выделения средств из резервного фонда субъекта федерации, обеспечить результативность его функционирования;

• установить законодательно требование о пополнении (возврате) средств, выделенных из резервного фонда, рекомендовав период восстановления средств в течение 3-хлетнего бюджетного цикла, что соответствует средней продолжительности принятия мер для выхода из кризисных явлений в экономике региона в результате реализовавшихся шоков. Указанная мера будет способствовать сохранности резервного фонда как инструмента бюджетной устойчивости;

• при определении оптимальной величины резервных фондов субъектов РФ учитывать показатели долговой устойчивости региона, поскольку в случае недоступности или неэффективности привлечения заемных источников финансирования (например, при высоких ставках привлечения средств у кредитных организаций) целесообразно использовать зарезервированные средства с условием их последующего возврата в фонд;

• допускать использование средств резервного фонда субъекта РФ на финансовое обеспечение расходов бюджета, связанных с ликвидацией чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, при условии, что объем резервного фонда высшего исполнительного органа власти субъекта РФ на эти цели уже использован.

Авторская модель формирования и использования средств резервных фондов СРФ представлена в таблице 3.

Ключевые позиции авторского подхода заключаются в следующем:

– предложено закрепить за каждым резервным фондом функции, отражающие его характер и горизонт планирования. За оперативным резервным фондом ВИО СРФ закрепляется финансирование средств на текущие расходы, от срочности (своевременности) которых непосредственно зависит решение непредвиденной ситуации, скорость устранения ее неблагоприятных последствий. За резервным фондом субъекта РФ предлагается закрепить решение стратегических задач, их основная функция заключается в финансировании расходов бюджета, причиной которых является фактическое неисполнение установленных планов и прогнозов по бюджету субъекта РФ;

Таблица 3

Модельный подход к функционированию резервных фондов, формируемых субъектами Российской Федерации

Критерий сравнения	Резервные фонды ВИО СРФ	Резервные фонды субъектов РФ
Характер фонда и горизонт планирования	оперативный и страховой; краткосрочный	стратегический; долгосрочный
Форма образования	нерасписанные расходы бюджета СРФ	обособленная часть бюджета СРФ
НПА, которым устанавливается порядок формирования/использования средств	БК РФ и НПА ВИО СРФ	БК РФ и закон СРФ (за искл. закона СРФ о бюджете СРФ)
Каким НПА формируется/используется?	закон о бюджете субъекта РФ	закон о бюджете СРФ/сводная бюджетная роспись бюджета СРФ
Предельный размер средств фонда	не ограничен БК РФ, устанавливается законом о бюджете субъекта РФ	устанавливается законом о резервном фонде СРФ
Источники формирования и увеличения фонда (ежегодная сумма пополнения средств фонда)	часть бюджетных доходов бюджета субъекта РФ	неиспользованный остаток средств на резервном фонде ВИО СРФ, непредвиденные (непланируемые при формировании) доходы бюджета СРФ (превышение факта над прогнозом), волатильные доходы или сильно зависящие от экономического цикла, иные внеплановые источники по усмотрению СРФ
Направление использования (расходования) средств	1. Предупреждение и ликвидация региональных ЧС и стихийных бедствий, аварий, в том числе на сетях, а также их последствий; 2. Прочие неотложные непредвиденные расходы, установленные субъектом РФ; 3. Помощь муниципальным образованиям	1. Восполнение бюджета при падении суммы налоговых и неналоговых доходов (или фискально значимых налоговых доходов) бюджета СРФ по сравнению с прошлогодним значением; 2. Ликвидация ЧС и стихийных бедствий регионального статуса и их последствий, если плановая сумма резервного фонда ВИО СРФ уже была использована в тек фин году
Условия использования средств по соответствующим направлениям (критерий связан с предыдущим)	по п. 1: ОИВ СРФ должны быть заранее установлены предельные нормативы расходования средств на ликвидацию ЧС. п. 3: по отдельному решению финансового органа СРФ. Данный расход должен быть непредвиденным, т.е. не повторяться из года в год	По п. 1: установить законом СРФ ограничение на использование, чтобы не потратить весь фонд за один фин год. 2: сумма, направленная на цели п. 2 должна быть также регламентирована, как и на соответствующие цели в резервном фонде ВИО СРФ
Решение об использовании средств	принимается ВИО СРФ, оформляется соотв. НПА (постановлением/решением) ВИО СРФ	по решению руководителя финансового органа СРФ
Возвратность средств фонда	требование отсутствует	при использовании средств фонда на покрытие временного кассового разрыва средств должны быть возвращены до конца финансового года при использовании средств фонда в качестве временной помощи организациям в течение установленного законом СРФ срока
Отчет об использовании резервного фонда	прилагается к годовому отчету об исполнении бюджета СРФ	прилагается к годовому отчету об исполнении бюджета СРФ
Управление средствами фонда	нет возможности инвестирования и направления средств на покрытие временных кассовых разрывов	могут использоваться на покрытие временных кассовых разрывов бюджета СРФ, инвестироваться, в том числе через Федеральное казначейство (по принципу управления средствами на ЕКС)

– важно разделить источники формирования резервного фонда в зависимости от его характера (функционального назначения), при этом выбор конкретных источников остается за органами власти субъектов федерации, так как их определение зависит от региональных особенностей функционирования экономики;

– обосновано установление требований к возвратности при управлении средствами резервного фонда субъекта Российской Федерации, особенно при условии, если фонд формируется за счет свободного остатка средств бюджета, не имеющего целевое назначение. Данное положение обеспечит сохранность средств резервного фонда и будет способствовать нивелированию риска его безвозвратного исчерпания, при выделении средств фонда на определенные цели.

Вместе с тем исследование зарубежного опыта позволило выявить следующие ограничения использования опыта штатов США в функционировании резервных фондов, формируемых субъектами Российской Федерации, в их числе:

– использование профицита бюджета как источника финансирования резервных фондов;

– выделение унифицированных источников формирования для резервных фондов для субъектов РФ из-за большой дифференциации бюджетной обеспеченности регионов и, как следствие, значительной доли безвозмездных поступлений из федерального бюджета в бюджетах СРФ;

– управление средствами резервного фонда через его инвестирование в акции компаний на данный момент не представляется возможным в силу большой волатильности финансового рынка и риском потери значительной части бюджетных средств;

– согласование решений о выделении средств из резервного фонда с законодательным органом власти не представляется обоснованным из-за увеличения времени процедур согласования;

– использование средств резервного фонда высшего исполнительного органа власти субъекта РФ на покрытие временных кассовых разрывов бюджета, как в практике использования средств некоторых *CRF*, поскольку оно будет «распылять» средства на цели, не являющиеся основными для данного оперативного резерва;

– использование дохода от добычи полезных ископаемых в виде углеводородного сырья в качестве источника формирования резервного фонда, поскольку в России такие доходы аккумулируются в составе нефтегазовых доходов федерального бюджета в целях предупреждения еще большей дифференциации регионов по уровню бюджетной обеспеченности.

Таким образом, по результатам исследования предложен авторский подход к изменению структуры резервных фондов регионов на основе разграничения их функционального назначения, определены возможные источники формирования, условия возвратности средств и особенности управления средствами фондами. Представляется, что применение авторской модели функционирования резервных фондов как основной формы средств бюджетного резервирования субъектов РФ будет способствовать повышению эффективности и результативности их формирования и использования как инструмента обеспечения устойчивости региональных бюджетов и поддержания макроэкономической стабильности на региональном уровне.

Литература:

1. Изотова А.Ю. Количественная характеристика использования внебюджетных фондов субъектов федерации резервной направленности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 2. С. 39–46.
2. Шмиголь Н.С. Бюджетные резервы: содержание и перспективы развития // Финансы и кредит. 2016. № 1. С. 193.
3. Кудрин А., Дерюгин А. Субнациональные бюджетные правила: зарубежный и российский опыт // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 1. С. 8–35. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-1-01.
4. Гурвич Е.Т., Соколов И.А. Бюджетные правила: избыточное ограничение или неотъемлемый инструмент бюджетной устойчивости? // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 5–29. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-4-5-29.
5. Сангинова Л.Д. Эффективная долговая политика субъектов Российской Федерации: теория и практика // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 1. С. 96–105.
6. Тимушев Е.Н., Яговкина В.А. Резервные фонды в регионах России: факторы учреждения и оценка эффективности // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 5. С. 61–78.
7. Шмиголь Н.С. Становление и развитие бюджетных резервов в России: дисс. … канд. эконом. наук. М., 1999. 227 с.
8. Изотова А.Ю. Резервные фонды субъектов федерации: сопоставление сущности и практики Российской Федерации и США // Финансы и кредит. 2020. Т. 26. № 3. С. 590–599.
9. Financial Disclosure Statements : Government Code - GOV § 16418 (c). URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=GOV&division=4.&title=2.&part=2.&chapter=2.&article=7.5. (дата обращения: 19.04.2025).
10. How States Pay for Natural Disasters in an Era of Rising Costs. Washington, DC: Pew Charitable Trusts, 2020. URL: https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/reports/2020/05/how-states-pay-for-natural-disasters-in-an-era-of-rising-costs (дата обращения: 20.04.2025).
11. When to Use State Rainy Day Funds. Washington, DC: Pew Charitable Trusts, 2017. URL: http://www.pewtrusts.org/~/media/assets/2017/04/when-to-use-state-rainy-day-funds.pdf (дата обращения: 22.04.2025).
12. Rainy Day Fund Strategies : A Call to Action. New York, NY: Volcker Alliance, 2019. URL: https://www.volckeralliance.org/resources/rainy-day-fund-strategies-call-action-0 (дата обращения: 20.04.2025).
13. Климанов В.В., Казакова С.М. Резервные фонды штатов США: опыт функционирования // Общественные финансы. 2023. № 1 (44). С. 58–66.

14. California Constitution. Article XVI. Public Finance. SEC. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=CONS&division=&title=&part=&chapter=&article=XVI (дата обращения: 22.02.2025).
15. What are State Rainy Day Funds and How Do They Work? Washington, DC: Tax Policy Center, Urban Institute & Brookings Institution, 2024. URL: https://taxpolicycenter.org/briefing-book/what-are-state-rainy-day-funds-and-how-do-they-work (дата обращения: 22.04.2025).

Improving the Functioning of the Reserve Funds of the Constituent Entities of the Russian Federation, Taking into Account Foreign Experience

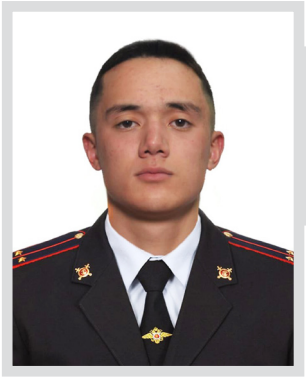
Shmigol N.S., Tokarev D.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The sustainability of the budget system of the Russian Federation plays an important role in achieving financial sovereignty, which is largely determined by the sustainability of regional budgets. The reserve funds of any types formed in the budgets of the constituent entities of the Russian Federation are considered as an effective tool for the sustainability and balance of regional budgets. But in conditions of limited budgetary resources, their formation, targeted use and management require analysis from the standpoint of planning quality and sufficiency of reserved funds for financial support of contingency and urgent budget expenditures. The purpose of this study is to substantiate the possible approaches to modernization of regional reserve funds functioning, taking into account the experience of the reserve funds in US states, where such funds are also formed and used successfully. The result of the research is the author's model of the functioning of the reserve funds of the constituent entities of the Russian Federation, which practical application will increase the efficiency of budget reserves.

Keywords: regional budget, budget sustainability, budget balance, budget reserves, reserve fund, contingency expenses

УДК 343.231
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-128-132

Административная преюдиция как институт гуманизации уголовной ответственности в Республике Беларусь и Российской Федерации

Бадретдинов А.И.
Адъюнкт Уфимского юридического института МВД России

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью сравнительно-правового анализа реализации института административной преюдиции в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь. Несмотря на схожесть уголовного законодательства, критерии применения административной преюдиции в УК РФ и УК РБ требуют детального изучения, особенно в контексте принципа гуманизма.

Научная значимость работы заключается в исследовании доктринальных подходов к категории административной преюдиции, анализе конструктивных признаков уголовно-правовых норм, а также систематизации составов преступлений с административной преюдицией в зависимости от сфер уголовно-правовой охраны.

Практическая значимость состоит в выработке предложений по совершенствованию уголовного законодательства в части применения норм с административной преюдицией. Исследована степень закрепления уголовно-правовых норм с административной преюдицией в уголовных кодексах Республики Беларусь и Российской Федерации. Рассмотрены теоретические позиции относительно понимания административной преюдиции в контексте реализации принципа гуманизма уголовного права. Выявлены особенности конструкций уголовно-правовых норм с административной преюдицией. На основе анализа положений уголовного законодательства Российской Федерации систематизированы составы преступлений с административной преюдицией в зависимости от сфер уголовно-правовой охраны. Автор приходит к выводу, что административная преюдиция, будучи важным инструментом борьбы с повторностью правонарушений, требует четкого законодательного регулирования для соблюдения баланса между эффективностью предупреждения правонарушений и принципов справедливости и гуманизма в уголовном праве. Результаты исследования могут способствовать реализации практики единообразного толкования таких норм уголовного законодательства с административной преюдицией.

Ключевые слова: *административная преюдиция, уголовная ответственность, уголовное право, гуманизация, сравнительно-правовой анализ, Российская Федерация, Республика Беларусь, дифференциация ответственности*

Для цитирования: *Бадретдинов А.И. Административная преюдиция как институт гуманизации уголовной ответственности в Республике Беларусь и Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 128–132. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-128-132.*

Современное уголовное право стремится к поиску баланса между эффективной охраной [1, с. 19] общественных интересов и соблюдением принципов гуманизма и справедливости. Одним из клю-

чевых правовых условий, позволяющих достичь этой цели, выступает институт административной преюдиции, который обеспечивает синергетическое взаимодействие административного и уголовного права, создавая двухуровневую систему ответственности. В условиях роста рецидивных правонарушений, особенно в сфере защиты несовершеннолетних (например, при повторной продаже им алкоголя), актуализируется вопрос о необходимости совершенствования механизмов уголовно-правового воздействия [2, с. 44] на нарушителей законодательства Российской Федерации.

Административная преюдиция представляет собой правовой институт, который обеспечивает взаимодействие норм административного и уголовного права. Его суть заключается в том, что совершение административного правонарушения при наличии определенных условий (неоднократность совершения аналогичных правонарушений в течение определённого времени) может служить основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. Административная преюдиция характеризуется двумя направленностями: с одной стороны, представляет собой воплощение принципа гуманизма в практике уголовного правоприменения, а с другой – обусловлена необходимостью усиления юридической ответственности за повторное совершение однотипных правонарушений. По мнению Г.Ш. Ибрагимовой, административно преюдициальные нормы будут способствовать оптимизации и гуманизации уголовных санкций в российском законодательстве [3, с. 460]. Между тем роль таких норм не сводится только лишь к применению уголовной ответственности в отношении лиц, неоднократно совершающих тождественные правонарушения. Институт административной преюдиции в уголовном праве действительно был введен прежде всего для минимизации применения уголовного наказания в отношении лиц, совершивших правонарушения, не обладающие высокой степенью общественной опасности. Его основная функция заключается в создании «буферного» механизма, позволяющего избежать немедленного уголовного преследования за малозначительные деяния. Это означает, что правонарушителю даётся возможность избежать уголовной ответственности в случае совершения правонарушения с административной преюдицией. Применение уголовной ответственности возможно лишь в случае устойчивого противоправного поведения, свидетельствующего о несоблюдении норм административного законодательства. Необходимо отметить, что административная преюдиция не является средством ужесточения наказания, а, напротив, позволяет предоставлять альтернативу уголовной ответственности там, где это возможно.

Существует мнение, согласно которому административная преюдиция ведет к избыточной криминализации [4, с. 7], поскольку превращает повторные административные нарушения в уголовные преступления. Однако такой подход не совсем согласуется с первоначальным смыслом, который вкладывает в исследуемый институт законодатель. Цель административной преюдиции – предотвратить применение уголовной ответственности за деяния, которые изначально не требуют применения исключительных мер уголовно-правового характера. Если бы этого механизма не существовало, то отсутствовал бы плавный переход от административных правонарушений к уголовным преступлениям, что снижало бы потенциал предупредительных и профилактических мер воздействия на правонарушителей. К тому же гуманизация уголовного права свелась бы к декларации, поскольку на практике развился бы вновь жесткий репрессивный подход, как это было раньше. Институт административной преюдиции выполняет важную функцию в реализации принципа гуманизации уголовного права, позволяя предотвращать его формализацию. Институционализация административной преюдиции обеспечивает реализацию восстановительного подхода, предоставляя субъекту правонарушения возможность коррекции противоправного поведения [5, с. 90] без применения уголовно-правовых последствий.

Также нормы с административной преюдицией способствуют построению многоуровневой системы ответственности, позволяющей отграничить правонарушения, совершённые впервые, от устойчивых (криминальных) форм противоправного поведения. Административная преюдиция в уголовном праве оптимизирует соотношение превентивной и репрессивной функций юридической ответственности, создавая эффективный механизм эскалации правового воздействия в зависимости от степени общественной опасности деяния и личности правонарушителя.

Следует отметить, что административно преюдициальные нормы выступают важным условием обеспечения реальной, а не декларативной гуманизации уголовной политики, устанавливая пропорциональный и дифференцированный подход к реализации уголовной ответственности. Административная преюдиция – не просто условие перехода от правонарушений к преступлениям, а ещё и предварительная гарантия, позволяющая сдерживать наступление последствий в виде уголовной ответственности для лица, впервые совершившего правонарушение. Административно преюдиционные нормы изначально задумывались как гуманистический инструмент, позволяющий избежать излишней уголовной репрессии. Однако их эффективность зависит от того, насколько точно законодатель и правоприменители соблюдают баланс между превенцией и справедливостью. Если этот механизм используется не для ужесточения, а для предоставления возмож-

ности правонарушителю задуматься о последствиях противоправного деяния, сразу же не привлекая его к уголовной ответственности, то он действительно служит целям гуманизации уголовного права.

Е.Ю. Симонова отмечает, что из 11 государств – участников СНГ уголовно-правовые нормы с административной преюдицией предусмотрены в уголовном законодательстве семи стран: Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Армении, Белоруссии, Молдовы, России [6, с. 186]. По мнению А.О. Лактюхина, наиболее полно и всесторонне признаки административной преюдиции описаны в уголовном законе Республики Беларусь [7, с. 7]. В частности, в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК РБ) [8] институт административной преюдиции правоконкретизируется в норме ст. 32 УК РБ. В свою очередь, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [9] данная норма реализуется через 26 норм Особенной части УК РФ.

Согласно ст. 32 УК РБ, совершение административного правонарушения, при наличии неснятого или непогашенного административного взыскания за аналогичное деяние, может служить основанием для привлечения к уголовной ответственности. По мнению Е.В. Овечкиной, наличие в УК РФ законодательного закрепления термина «административная преюдиция» выступило бы «в качестве границы» [10, с. 53] между административно и уголовно наказуемым деянием. Действительно, введение отдельной статьи или дополнения Общей части УК РФ определением административной преюдиции по примеру ст. 32 УК РБ способствовало бы повышению правовой определённости в части применения разных по смыслу и содержанию норм административного и уголовного права.

Особенностью белорусского законодательства является широкий перечень составов преступлений, в которых применяется административная преюдиция. Например, ст. 177.1 УК РБ (Незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей), ст. 201 УК РБ (Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности), ст. 272 УК РБ (Загрязнение либо засорение вод), ст. 296 УК РБ (Незаконные действия в отношении холодного оружия), ст. 304 УК РБ (Нарушение правил пожарной безопасности), ст. 371 УК РБ (Незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь) и т.д. Общим признаком составов преступлений с административной преюдицией в российском и белорусском уголовных законодательствах является отсутствие единого системного подхода при конструировании таких норм. Соглашаясь с позицией А.О. Лактюхина о необходимости приведения в единообразие преюдициальных норм в рамках уголовного законодательства как Российской Федерации, так и Республики Беларусь [7, с. 7], следует также отметить, что гармонизация законодательства в первую очередь необходима для соблюдения принципов законности, справедливости и эффективного межгосударственного сотрудничества в правоохранительной сфере.

Согласно исследованиям, проведённым Н.А. Спириной, УК РБ демонстрирует более широкое применение административной преюдиции, поскольку соответствующий механизм закреплён в 32 составах преступлений [11, с. 71]. В отличие от белорусского опыта использования преюдициальных норм, российский законодатель подходит к использованию данного института более сдержанно. По состоянию на начало 2025 г. нормами Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена административная преюдиция в 26 статьях. Наглядно использование данного института отражено в таблице 1.

Исходя из приведённых в таблице 1 данных, представляется возможным прийти к следующим выводам: а) в пятнадцати составах преступлений преюдиция выражена через признак неоднократности; б) в одиннадцати случаях требуется совершение конкретного административного правонаруше-

Таблица 1

Систематизированный перечень составов преступлений с административной преюдицией в УК РФ на 2025 г. по сферам правового регулирования

Сферы правового регулирования:	УК РФ	КоАП РФ
1. Против личности	ст. 116.1 УК РФ ст. 151.1 УК РФ ст. 154 УК РФ ст. 157 УК РФ	ст. 6.1.1 КоАП РФ ч.2.1 ст. 14.16 КоАП РФ ст. 5.37 КоАП РФ ст. 5.35.1 КоАП РФ
2. В сфере экономики	ст. 158.1 УК РФ ст. 171.4 УК РФ ст. 180 УК РФ ст. 191 УК РФ ст. 193 УК РФ	ст. 7.27 КоАП РФ ст. 14.17.1 КоАП РФ ст. 14.10 КоАП РФ ст. 7.5 КоАП РФ ч.5.2 ст. 15.25 КоАП РФ
3. В сфере дорожного движения	ст. 264.1 УК РФ ст. 264.3 УК РФ	ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ ч.4 ст. 12.7 КоАП РФ
4. Против общественной безопасности	ст. 212.1 УК РФ ст. 215.3 УК РФ ст. 215.4 УК РФ	ст. 20.2 КоАП РФ ст. 7.19 КоАП РФ ч.3 ст. 20.17 КоАП РФ
5. Против информационной безопасности	ст. 274.2 УК РФ ст. 284.1 УК РФ	ч.2 ст. 13.42 КоАП РФ ст. 20.33 КоАП РФ
6. Экстремистская направленность	ст. 280.1 УК РФ ст. 280.3 УК РФ ст. 282 УК РФ ст. 282.4 УК РФ ст. 284.2 УК РФ	ст. 20.3.2 КоАП РФ ст. 20.3.3 КоАП РФ ст. 20.3.1 КоАП РФ ст. 20.3 КоАП РФ ст. 20.3.4 КоАП РФ
7. Против государственной власти	ст. 285.5 УК РФ ст. 315 УК РФ ст. 321.1 УК РФ ст. 330.1 УК РФ ст. 330.3 УК РФ	ст. 7.30.3 КоАП РФ ч.4 ст. 17.15 КоАП РФ ч.2 ст. 19.12 КоАП РФ ч.1 ст. 19.34 КоАП РФ ст. 19.34.2 КоАП РФ

ния для привлечения к уголовной ответственности; в) сроки, в течение которых в случае повторного совершения административного правонарушения возможно привлечение к уголовной ответственности, варьируются от 1 года до 3 лет; г) нормы с административной преюдицией необходимо классифицировать на три категории по критерию временного соотношения их возникновения с соответствующими нормами Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и выполняемым функциям: синхронно созданные составы (ст. 151.1 УК РФ и ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ; ст. 116.1 УК РФ и ст. 6.1.1 КоАП РФ); постепенно преюдициализированные составы (ст. 282 УК РФ после введения ст. 20.3.1 КоАП РФ); опережающие криминализированные составы (ст. 285.5 УК РФ, введенная раньше ст. 7.30.3 КоАП РФ).

Предложенная классификация позволяет прийти к выводу, что административная преюдиция в уголовном праве выполняет разнонаправленные функции. Исследование показало, что нормы уголовного законодательства с административной преюдицией можно условно разделить на синхронно созданные нормы – инструмент изначальной гуманизации; постепенно преюдициализированные – механизм последующей гуманизации; опережающе криминализированные – пример адаптации уголовного права к новым вызовам с последующей оптимизацией ответственности.

Институт административной преюдиции играет важную роль в уголовном праве Республики Беларусь и Российской Федерации, выступая инструментом профилактики правонарушений и преступлений. Однако его применение в обеих странах имеет свои особенности, обусловленные различиями в правовых системах и подходах к уголовной политике. Для повышения эффективности этого института необходимо обеспечить баланс между профилактикой правонарушений и защитой прав граждан, а также избежать избыточной криминализации. Дальнейшее развитие института административной преюдиции требует тщательного анализа его применения и внесения соответствующих изменений в законодательство, чтобы обеспечить его соответствие принципам справедливости и правовой определенности, что позволит повысить его эффективность и улучшить правоохранительную деятельность.

Литература:

1. Шайхуллин М.С. Защита прав и свобод человека и гражданина: аксиологический подход // Право и государственность. 2024. № 4(5). С. 16–22.
2. Гаджиалиева А.Т. Профилактика преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Профилактика правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: Сборн. материалов Межд. конф., Уфа, 8 июня 2023 г. / Под общ. ред. А.Ю. Терехова. Уфа: Уфимский юрид. институт МВД РФ, 2023. С. 42–47.
3. Ибрагимова Г.Ш. Административная преюдиция в уголовном праве // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 11. С. 458–460.
4. Незнамова З.А., Незнамов А. В. Административная преюдиция как критерий криминализации противоправного деяния // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2(104). С. 4–9.
5. Маликов Б.З. Онтология социальной опасности: ее значение в оценке преступного поведения и в реализации цели исправления осужденного // Право и государственность. 2024. № 1(2). С. 88–94.
6. Симонова Е.Ю. Практика конструирования составов преступлений с административной преюдицией в уголовном законодательстве на постсоветском пространстве // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 52. С. 185–189.
7. Лактюхин А.О. Административная преюдиция в уголовном законодательстве Республики Беларусь и России: общие и отличительные черты // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 7(83). С. 6–9.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-З (в ред. от 17.02.2025) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь.1999. № 76. 2/50.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. (с посл. изм.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Овечкина Е. Возвращение к административной преюдиции: «за» или «против»? // Закон и право. 2008. № 2. С. 52–53.
11. Спирина Н.А. К вопросу об административной преюдиции в уголовном праве // Таврический научный обозреватель. 2017. № 4-2(21). С. 70–72.

Administrative Prejudice as an Institution of Humanisation of Criminal Liability in the Republic of Belarus and the Russian Federation

Badretdinov A.I.
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The relevance of the topic of the study is due to the need for comparative legal analysis of the implementation of the institute of administrative prejudice in the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. Despite the similarity of criminal legislation, the criteria for the application of administrative prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Republic of Belarus require detailed study, especially in the context of the principle of humanism.

The scientific significance of the work lies in the study of doctrinal approaches to the category of administrative prejudice, the analysis of constructive features of criminal law norms, as well as the systematisation of corpus delicti with administrative prejudice depending on the spheres of criminal law protection.

Practical significance consists in the development of proposals to improve criminal legislation in terms of application of norms with administrative prejudice. The degree of consolidation of criminal-legal norms with administrative prejudice in the Criminal Codes of the Republic of Belarus and the Russian Federation has been studied. The theoretical positions concerning the understanding of administrative prejudice in the context of the implementation of the principle of humanism of criminal law have been considered. The peculiarities of constructions of criminal-law norms with administrative prejudice are revealed. On the basis of the analysis of the provisions of the criminal legislation of the Russian Federation the corpus delicti of crimes with administrative prejudice are systematised depending on the spheres of criminal-legal protection. The author concludes that administrative prejudice, being an important tool to combat the repetition of offences, requires clear legislative regulation to maintain a balance between the effectiveness of prevention of offences and the principles of justice and humanism in criminal law. The results of the study can contribute to the implementation of the practice of uniform interpretation of such norms of criminal law with administrative prejudice.

Keywords: administrative prejudice, criminal liability, criminal law, humanisation, comparative legal analysis, Russian Federation, Republic of Belarus, differentiation of responsibility

УДК 347.93
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-133-138

Промежуточные судебные акты в российском праве

Белянина М.Г.
Адвокат Адвокатского бюро г. Москвы «Парадигма»

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена отсутствием единых подходов в юридической литературе и практике российских судов к вопросу определения окончательных и промежуточных решений судов. Это создает серьезные проблемы при регулировании вопросов признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений. Некоторые судебные акты являются промежуточными лишь по форме, а по существу влекут за собой важные материально-правовые последствия.

Основная цель исследования: определить существо окончательных и промежуточных судебных актов на основе теоретических исследований и практического воплощения в решениях судов и оценить их с точки зрения соответствия современным нуждам гражданского общества, законности и рациональности. Задачами исследования являются проведение анализа научных правовых подходов к промежуточным и окончательным судебным актам, а также анализа законодательства и судебной практики в рамках гражданского, арбитражного и уголовного кодексов; выявление противоречий между теорией и практикой; формирование выводов о вариантах разрешения выявленных противоречий.

Проведенный анализ ранее не был предметом научных трудов. Сформулированные выводы имеют не только научную, но и практическую значимость, поскольку основываются на сопоставлении теории и практики для целей выработки универсального подхода и развития исследуемых институтов права.

В работе рассмотрены основные научные подходы к определению окончательных и промежуточных судебных актов и практика российских судов, связанная с признанием и приведением в исполнение промежуточных решений иностранных государственных судов.

Автор приходит к выводу, что российское законодательство, судебная практика российских судов и научная доктрина исходят из разных подходов к определению окончательных и промежуточных судебных актов. Однако в долгосрочной перспективе разнонаправленные походы в теории и на практике к определению промежуточных судебных актов могут привести к отсутствию развитого и определенного института промежуточных судебных актов.

Ключевые слова: *виды судебных актов, окончательные и промежуточные судебные решения, признание и приведение в исполнение судебных актов иностранных государственных судов*

Для цитирования: *Белянина М.Г. Промежуточные судебные акты в российском праве // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 133–138. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-133-138.*

В действующем процессуальном законодательстве названы такие виды судебных актов, как решение, приговор, приказ, постановление, определение, постановление президиума суда надзорной инстанции. В научной литературе указанные судебные акты принято классифицировать по критерию фор-

мы. Также в доктрине судебные акты среди прочего подразделяют на окончательные и промежуточные. Названные доктринальные виды судебных актов широко применимы при осуществлении судами государственно-властных функций в соответствии с задачами судопроизводства. Несмотря на широкое практическое применение, в доктрине окончательные и промежуточные судебные акты не нашли широкого освещения и исследования. Вместе с тем для российских ученых и практикующих юристов представляется весьма актуальным осмысление существа и характерных черт названных видов судебных решений. К примеру, особое значение классификация судебных решений на окончательные и промежуточные приобретает в вопросах признания и приведения в исполнение промежуточных судебных актов иностранных судов на территории Российской Федерации. Поскольку российское процессуальное законодательство предусматривает признание и приведение в исполнение только окончательных иностранных судебных решений, то в вопросах отнесения того или иного иностранного судебного акта к виду окончательного важно опираться на существо и характеристики окончательного судебного решения в понимании российской правовой действительности.

Данное исследование проведено на материалах российской судебной практики, научных трудах российских и зарубежных юристов с применением формально-юридического метода.

В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) в ч. 2 ст. 15 указано, что «арбитражный суд принимает судебные акты в форме судебного приказа, решения, постановления, определения» [1].

Схожие формулировки применяются и в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Однако к приведенному выше перечню форм судебных актов в статье 13 добавляется и постановление президиума суда надзорной инстанции [2].

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) перечислены такие формы судебных актов, как приговор, постановление и определение.

В то же время УПК РФ оперирует терминами итоговое и промежуточное судебное решение. Стоит отметить, что ни АПК РФ, ни ГПК РФ указанными категориями не оперируют.

В п.п. 53.2 и 53.3 ст. 5 УПК РФ приводится следующее определение итогового и промежуточного судебных решений. Так, итоговое судебное решение – это «приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу» [3]. Промежуточное судебное решение определяется от обратного и представляет собой «все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения» [3].

Представляется, что, несмотря на то что в разных процессуальных отраслях права зачастую используется отличный категориальный аппарат (как по форме, так и по содержанию), единство процессуального смысла и подхода в рамках российского судопроизводства позволяет говорить о безусловной возможности выделения таких видов судебных актов, как окончательные и промежуточные вне зависимости от отрасли.

П.В. Крашенинников, С.К. Загайнова, В.В. Ярков относили окончательные и промежуточные судебные акты к классификации, подразделявшей судебные акты в зависимости от того, полностью ли дан ответ в судебном решении на все заявленные требования. Среди прочего в классификацию входили также дополнительные и частичные судебные акты [4, с. 478; 5, с. 239–240, 278–281; 6, с. 271–273].

Названная классификация базировалась на следующих сущностных характеристиках каждого из видов.

Окончательный судебный акт представляет собой судебное решение, вынесенное по всем заявленным требованиям и носящее исчерпывающий характер.

Дополнительный судебный акт представляет собой судебное решение, восполняющее неполноту окончательного решения в случае допущения такой неполноты.

Промежуточный судебный акт, в свою очередь, предполагает разрешение материально-правового требования, которое станет основанием разрешения другого материально-правового требования.

Частичное решение сводится к разрешению судом одного из заявленных и самостоятельных требований, которые рассматриваются в рамках одного дела.

В научных трудах встречаются подходы, которые объединяют окончательное и заочное решение в единую классификацию в зависимости от объема реализации полноты юридической процедуры. Видится, что подобная классификация связана по большей части с обычными и заочными решениями, предусмотренными в российском процессуальном законодательстве.

В то же время встречается и классификация, подразделяющая судебные акты на окончательные и промежуточные по степени реализации преследуемой цели [7, с. 64].

Вместе с тем представляется невозможным признать какую-либо из приведенных классификаций универсальной, поскольку приведенные классификации рассматривают окончательные и промежуточные судебные акты лишь под одним углом.

Особую ценность для рассматриваемого вопроса имеет выработанное в юридической науке определение, согласно которому окончательное судебное решение представляет собой итоговый судебный

акт, вынесенный по всем правилам и разрешивший дело по существу [8, с. 378–379].

Безусловно и то, что под окончательным судебным решением следует понимать судебный акт, в котором определение прав и обязанностей сторон состоялось таким образом, что нет более ничего, что нужно было бы определить с помощью суда (судебного акта). Как правило, в российской правовой действительности такой судебный акт имеет форму решения и приговора.

В свою очередь, в правоприменительной практике термин «окончательность» встречается при разрешении вопросов о признании и приведении в исполнение судебных актов. К примеру, в Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» (ред. от 27.06.2017) [9] отмечалось, что судебные акты иностранных судов о применении обеспечительных мер не являются окончательными, а потому не подлежат признанию и принудительному исполнению на территории Российской Федерации[1].

Отдельно следует отметить, что окончательность судебного акта ни в коем случае не может быть тождественна финальности. Ведь финальность определяет невозможность инстанционного пересмотра судебного акта в стране вынесения решения. При этом, как правило, в данном вопросе речь идет лишь об ординарных способах пересмотра судебного акта, не рассматривая возможную проверку на мошенничество или иные экстраординарные механизмы применимого права.

Близость, но не идентичность терминов «окончательный» и «финальный» прослеживается и на примере Гаагской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений 2019 г., а также в комментариях к ней [10]. Так, например, в пояснительном отчете Ф. Гарсимартин и Г. Сомьер указывается, что для исполнения иностранного судебного акта конвенция не требует, чтобы решение было «финальным и окончательным», поскольку единого определения этого статуса не существует. Достаточно, чтобы решение имело силу или было исполнимым в соответствии с законом государства происхождения [11, с. 83].

Арбитражные суды Российской Федерации под промежуточными судебными актами понимают любой иной судебный акт, не являющийся окончательным решением. Представляется, что арбитражные суды разделяют подход уголовно-процессуальной отрасли к вопросу определения промежуточного судебного акта. Возможно указанный подход разделяется судами в силу аналогии закона, закрепленной в ч. 5 ст. 3 АПК РФ и ч. 3 ст. 11 ГПК РФ.

Так, к примеру, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 05.10.2010 г. № 6547/10 по делу № А56-63115/2009 указывалось, что производство по делу о признании и приведении в исполнение решения иностранного арбитражного суда о понуждении возместить аванс по арбитражным расходам, так как исполнение промежуточных иностранных арбитражных решений положениями международных договоров и нормами АПК РФ не допускается [12]. Аналогичные выводы нашли свое воплощение и в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 01.11.2021 г. по делу № А40-55426/2021 [13].

Иными словами, такие судебные акты, как судебный акт о принятии обеспечительных мер (*interim measures*), о распределении судебных расходов, судебный акт о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц и даже судебный акт о направлении судебного поручения в компетентные органы иностранных государств, будут рассматриваться в арбитражном, гражданском и уголовном процессах в качестве промежуточных судебных актов.

С другой стороны, можно отметить и тот факт, что окончательными судебными актами помимо судебного решения допустимо назвать и судебный приказ[2], и определение о прекращении производства по делу, и судебные акты об утверждении мирового соглашения, но в зависимости от их наполнения применимым правом. В арбитражном, гражданском и уголовном процессе Российской Федерации перечисленные судебные акты оформляются в форме приказов/определений/постановлений суда, но не решений, хотя во многом отвечают существу окончательного судебного акта. В таком случае видится, что основополагающим принципом в вопросах отнесения того или иного судебного акта к окончательному или промежуточному будет являться именно его существо. Процессуальная форма судебного акта не должна вводить правоприменителей в заблуждение.

Видится, что почвой для формирования в доктрине и правоприменительной практике различного понимая промежуточных судебных актов стал исторический фактор. П.п. 53.2 и 53.3 ст. 5 УПК РФ были добавлены в рамках очередного пакета поправок в 2010 г. (Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации») и разрешали

[1] Утратил свою силу в связи с изданием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты».

[2] В тоже время судебный приказ в российском правопорядке выносится в рамках процедуры, не предполагающей исследование доводов ответчики и, наоборот, предполагающей согласие ответчика с заявленными требованиями и бесспорный характер требований заявителя.

свои задачи. При этом доктринальная разработка концепции промежуточного судебного акта идет своими корнями в XX в.

Возвращаясь к подходу, выраженному в определении промежуточного судебного акта как некой базы к разрешению иных материально-правовых требований, которое разделяется П.В. Крашенинниковым, С.К. Загайновой и В.В. Ярковым, стоит отметить, что он не менее интересен с научно-практической точки зрения. Вместе с тем возможно, что в таком случае промежуточный судебный акт с закладываемым смысловым значением тяготеет к термину «предварительный», поскольку предполагает предварительный этап – разрешение непосредственно вопроса о праве, но не конкретного размера возмещения или иного предмета требования, выраженного в итоговом предмете, который определяется в последующем отдельно.

Представляется, что промежуточный судебный акт при вышеобозначенном подходе может быть вынесен в том числе на основании положений ст. 160 АПК РФ. Так, в названной статье указывается, что «в случае, если в одном заявлении соединены требование об установлении оснований ответственности ответчика и связанное с ним требование о применении мер ответственности, арбитражный суд вправе с согласия сторон рассмотреть такие требования в раздельных судебных заседаниях» [1].

Ввиду неоднозначности формулировок указанная норма применяется редко. Кроме того, в научной дискуссии, в частности А.Г. Петровым, высказывается мнение о том, что в результате раздельного рассмотрения требования об установлении оснований ответственности ответчика и связанного с ним требования о применении мер ответственности выносится единый судебный акт [8, с. 189–204]. По всей видимости, именно к таким выводам пришли и суды в рамках арбитражных судебных разбирательств в делах А57-855/2015, А65-21081/2019, вынося судебный акт, поименованный в качестве решения [14; 15]. Тогда очевидно, что такой судебный акт является окончательным и не относится к категории промежуточного.

Кроме того, промежуточный судебный акт нашел свое активное применение в рамках дела о банкротстве. Рассматривая вопрос о субсидиарной ответственности, суд может отложить разрешение вопроса о ее размере, ограничившись вынесением определения о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (п. 7, ст. 61.16 [16]). Указанное особо актуально в ситуации, когда определение размера непогашенных требований кредиторов преждевременно. В настоящее время Российская Федерации не участвует в международных конвенциях, предусматривающих возможность признания и приведения в исполнение судебных актов, вынесенных в рамках дел о банкротстве, в связи с чем такое признание осуществляется лишь на условиях взаимности.

В то же время особый интерес вызывает предположение, выдвинутое советским и российским ученым Н.А. Чечиной [17, с. 341]. Так, было предложено рассмотреть возможность отнесения приговора к промежуточному судебному акту для целей применения в рамках гражданского процесса. В случае признания в разках уголовного дела потерпевшего гражданским истцом и разрешении в приговоре суда вопросов виновности подсудимого в гражданско-правовом деликте по сути предрешается материально правовое требование. В последующем вопрос остается лишь в определении размера требований. При этом определение размера требования по сути оформляется дополнительным решением.

В таком случае напрашивается вывод о том, что в зависимости от точки практического приложения судебный акт может быть и окончательным, и промежуточным.

Приведенные примеры демонстрируют неоднозначность и многогранность правовых подходов как российского законодателя, так и ученых в вопросе применимого категориального аппарата и категоризации судебных решений.

Предложенные в научной литературе, а также в действующем законодательстве и правоприменительной практике подходы к определению промежуточного судебного акта не являются едиными.

В научной среде господствует поход, определяющий промежуточный судебный акт в качестве разрешающего материально-правовое основание, предшествующее определению размера к присуждению.

В то же время практика судов воспринимает промежуточный судебный акт как любой иной судебный акт, не являющийся окончательным решением. Данный подход прямо закреплен в УПК РФ, а потому мог стать конститутивным для иных российских судов, ведущих процесс на основании АПК РФ или ГПК РФ в силу аналогии закона.

Разнонаправленные походы к определению промежуточных судебных актов могут привести к отсутствию развитого и определенного института промежуточных судебных актов. В связи с указанным представляется, что определение промежуточного судебного акта, данное в доктрине, может быть более очевидно выражено термином «предварительный судебный акт». При этом под промежуточным судебным актом видится логичным понимать любой иной судебный акт, не являющийся окончательным.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС КонсультантПлюс.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025)/ / СПС КонсультантПлюс.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) /8 СПС КонсультантПлюс.
4. Гражданское процессуальное право: учеб. В 2 т. Т. 1: Общая часть / Т.К. Андреева, С.Ф. Афанасьев, В.В. Блажеев и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2022. 550 с.
5. Афанасьев С.Ф., Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском процессе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 1 (276). С. 278–281.
6. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2021. 460 с.
7. Коваленко Е.Н. Судебное решение: теоретико-методологические и технико-юридические аспекты: дисс. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 154 с.
8. Петров А.Г. О видах судебных решений: доктринальные подходы и правоприменительная практика // Арбитражные споры. 2024. № 3. https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=154564#clYHbpUmeQ3IUvck1
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 55 (ред. от 27.06.2017) «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» // СПС Гарант.
10. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам (г. Гаага, 02.07.2019) // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru (дата обращения: 01.05.2025).
11. Garcimartin F., Saumier G. Explanatory Report on the Convention of 2 July 2019 on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters. URL: https://assets.hcch.net/docs/a1b0b0fc-95b1-4544-935b-b842534a120f.pdf.
12. Постановление Президиума ВАС РФ от 05.10.2010 г. № 6547/10 по делу № А56-63115/2009 // СПС КонсультантПлюс.
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.11.2021 г. по делу № А40-55426/2021 // СПС КонсультантПлюс.
14. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2015 г. по делу № А57-855/2015 // СПС КонсультантПлюс.
15. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 13.09.2019 г. по делу № А65-21081/2019 // СПС Консультант Плюс.
16. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 01.03.2025) // СПС КонсультантПлюс.
17. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 656 с.

Interim Judicial Decisions in Russian Law

Belyanina M.G.
Law buro «Paradigma» (Moscow)

The relevance of the topic under consideration is due to the lack of uniform approaches in the legal literature and practice of Russian courts to the issue of determining final and interim court decisions. This creates serious problems in regulating the issues of recognition and enforcement of foreign court decisions. Some judicial acts are interim only in form, but in essence they entail important substantive and legal consequences.

The main objective of the study: to determine the essence of final and interim judicial acts based on theoretical research and practical implementation in court decisions and to evaluate them in terms of compliance with the modern needs of civil society, legality and rationality. The objectives of the study are to analyze scientific legal approaches to interim and final judicial acts, as well as to analyze legislation and judicial practice within the framework of the civil, arbitration and criminal codes; identify contradictions between theory and practice; form conclusions on options for resolving the identified contradictions.

The analysis conducted has not previously been the subject of scientific works. The formulated conclusions have not only scientific but also practical significance, since they are based on a comparison

of theory and practice for the purposes of developing a universal approach and developing the legal institutions under study.

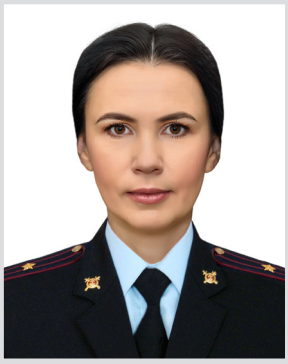
The work examines the main scientific approaches to defining final and interim judicial acts, and the practice of Russian courts related to the recognition and enforcement of interim decisions of foreign state courts.

The author comes to the conclusion that Russian legislation, the judicial practice of Russian courts and scientific doctrine are based on different approaches to defining final and interim judicial acts. However, in the long term, divergent approaches in theory and practice to defining interim judicial acts may lead to the absence of a developed and defined institution of interim judicial acts.

Keywords: types of judicial decisions, conclusive and interim judgments, recognition and enforcement of judicial decisions of foreign state courts

УДК 34.09
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-139-144

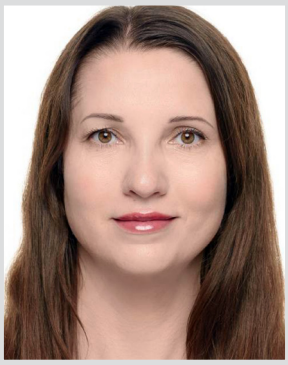
Искусственный интеллект в медицине: проблемы кибербезопасности и этические аспекты

Волченко А.В.
Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина, майор полиции

Когтева А.Н.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры информационной безопасности
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Тимохина Г.В.
Магистрант Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета

Интеграция искусственного интеллекта в медицину открывает широкие возможности, но одновременно порождает принципиально новые риски для информационной безопасности. Интеллектуальные системы получают доступ к конфиденциальным данным пациентов и участвуют в принятии клинических решений; их уязвимость (например, к атакам с искажением входных данных) может привести к утечке персональной информации или выдаче ошибочных медицинских рекомендаций. Между тем на федеральном уровне отсутствуют специальные требования к кибербезопасности медицинских систем с искусственным интеллектом, а единые этические стандарты их применения в здравоохранении не закреплены нормативно. Это обуславливает актуальность настоящего исследования. Его цель – проанализировать возникшие киберугрозы и этико-правовые пробелы при внедрении искусственного интеллекта в здравоохранение и разработать предложения по совершенствованию нормативной базы и практических мер для обеспечения безопасного и ответственного использования искусственного интеллекта. В ходе работы проведен анализ действующих нормативных актов и стандартов, выявлены ключевые проблемы (отсутствие специальных норм ответственности за ошибки искусственного интеллекта, риск злоумышленных воздействий на алгоритмы, дефицит правил прозрачности и информирования пациентов) и предложены подходы к их устранению. Научная и практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут служить основой для разработки новых требований и рекомендаций по кибербезопасности и этике применения искусствен-

ного интеллекта в медицине. Научная новизна состоит в комплексном рассмотрении вопросов информационной безопасности медицинских интеллектуальных систем с учётом технических, правовых и этических аспектов, а также в обосновании необходимости интеграции специальных мер защиты и прозрачности в существующую нормативно-правовую систему здравоохранения.

Ключевые слова: *искусственный интеллект в медицине, кибербезопасность, информационная безопасность, этические аспекты, правовое регулирование, защита персональных данных, прозрачность алгоритмов*

Для цитирования: *Волченко А.В., Когтева А.Н., Тимохина Г.В. Искусственный интеллект в медицине: проблемы кибербезопасности и этические аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 139–144. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-139-144.*

Стремительная цифровизация здравоохранения посредством внедрения систем искусственного интеллекта сопровождается появлением новых киберугроз. Однако существующие нормативно-правовые и этические механизмы обеспечения информационной безопасности отстают от развития технологий и не гарантируют должного уровня защиты. Проблема настоящего исследования заключается в противоречии между возрастающими рисками для информационной безопасности при использовании искусственного интеллекта в медицине и отсутствием специальных правовых и этических мер для их предотвращения.

На современном этапе интеграция интеллектуальных систем в клинические процессы порождает новые векторы киберугроз. Алгоритмы имеют доступ к конфиденциальной информации пациентов и способны влиять на принимаемые решения, поэтому их уязвимость (например, к атакам, искажающим входные данные) может привести к утечкам данных или выдаче ошибочных рекомендаций. Тем не менее специальные требования к обеспечению кибербезопасности медицинских интеллектуальных систем пока не закреплены на федеральном уровне (существуют лишь единичные региональные инициативы по этому вопросу).

Наблюдается также дефицит этических регуляторов. В сфере здравоохранения отсутствуют обязательные этические стандарты использования искусственного интеллекта, гарантирующие прозрачность алгоритмов и информированное согласие пациентов. Недостаток четких этико-правовых ориентиров усиливает недоверие к новым технологиям, поскольку значительная часть пациентов настороженно относится к внедрению искусственного интеллекта без гарантий безопасности и ответственности.

Риски для информационной безопасности

Интеграция интеллектуальных систем в медицинские информационные процессы порождает новые векторы киберугроз. Искусственный интеллект в медицинской сфере обычно функционирует в связке с электронными медицинскими системами, получая доступ к чувствительным данным пациентов, а в некоторых случаях – влияя на принятие решений, затрагивающих жизнь и здоровье.

Таким образом, нарушение работы искусственного интеллекта или несанкционированный доступ к нему может привести к тяжким последствиям: от утечки большого объема конфиденциальной информации до выдачи ошибочных рекомендаций по лечению.

Действующие нормативы по защите информации в здравоохранении (приказы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю и др.) распространяются на информационные системы персональных данных и государственные системы (типа ЕГИСЗ – Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения), но специально аспекты безопасности искусственного интеллекта не выделяют.

Существуют также риски манипулирования алгоритмами (например, так называемые *adversarial attacks* – внедрение во входные данные небольших искажений с целью ввести в замешательство алгоритм), против которых традиционные меры защиты не всегда эффективны. Кроме того, подключение внешних интеллектуальных сервисов (например, по модели *SaaS*) к медицинским информационным системам порождает угрозы на стыке сетевой безопасности и защиты данных.

Законодательство пока не устанавливает специальных требований к кибербезопасности медицинских интеллектуальных систем. Хотя общие нормы обязывают медицинские организации защищать обрабатываемые ими персональные данные и поддерживать безопасность инфраструктуры, отсутствуют конкретные указания для разработчиков искусственного интеллекта по обеспечению устойчивости алгоритмов к атакам, шифрованию встроенных моделей и т.п.

В ряде случаев региональные власти сами вводят требования: так, Постановление правительства Республики Татарстан от 19.04.2022 г. № 369 «Об использовании технологий искусственного интеллекта в Республике Татарстан» [1] прямо предпи-

сывает при внедрении интеллектуальных сервисов обеспечивать защиту информации и прозрачность принимаемых алгоритмами решений. Однако это единичный пример на региональном уровне. Общероссийские же правила информационной безопасности в контексте искусственного интеллекта пока находятся в стадии формирования.

Обработка данных и конфиденциальность

Персональные медицинские данные составляют основу для обучения и работы медицинских алгоритмов искусственного интеллекта, что обуславливает особую остроту вопросов конфиденциальности и информационной безопасности. Медицинская информация относится к категории специальных персональных данных, охраняется режимом врачебной тайны, установленным в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [2], согласно требованиям которого сбор и использование персональных данных допустимы лишь для заранее определенных, законных целей и с согласия субъекта. Нарушение этих требований способно ущемить права на неприкосновенность частной жизни пациента.

Широкое внедрение электронных медицинских карт, телемедицины и устройств с интеллектуальным интерфейсом приводит к сбору колоссальных объёмов чувствительных данных (идентификационные сведения, история болезней, результаты анализов, генетическая информация и пр.) для нужд искусственного интеллекта [3, с. 16]. Это порождает существенные риски: несанкционированный доступ, утечки и взломы баз данных могут раскрыть конфиденциальную информацию.

Несанкционированный доступ к медицинским данным ставит под угрозу приватность пациента и его безопасность, подрывая доверие к системе. Пациенты вправе ожидать ответственной обработки своих данных, и нарушение этого доверия влечет далеко идущие негативные последствия как для отдельных лиц, так и для медицинских организаций [4, с. 42]. Кроме внешних киберугроз, существуют и внутренние риски – неправомерное использование данных медицинским персоналом, человеческий фактор [3]. Таким образом, обеспечение кибербезопасности и строгий контроль доступа становятся этическим императивом, дополняющим правовые нормы.

Другой проблемой является дефицит контроля пациентов над своими данными. В сложных экосистемах электронного здравоохранения данные нередко циркулируют между разными сервисами и учреждениями, а пациенты могут не знать, какие сведения собираются, передаются и как используются. Это ведет к ощущению уязвимости и утрате автономии [5, с. 13]. Кроме того, агрегирование разрозненных баз данных для обучения ИИ может непреднамеренно раскрыть личную информацию или привести к повторной идентификации пациентов, даже если данные обезличены, что создает новые риски для конфиденциальности. Эти этические соображения выходят за рамки простого соблюдения норм закона и затрагивают принципы уважения частной жизни и доверия. Пациент должен иметь возможность принимать осознанные решения о сборе и использовании своих медицинских сведений, а медицинские организации обязаны поддерживать высочайшие стандарты защиты данных.

В российском правовом поле защита персональных данных пациентов регламентируется уже упомянутым Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных», а также отраслевым законодательством, например, Федеральным законом от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [6].

Появление искусственного интеллекта потребовало новых подходов. Для ускорения внедрения технологий были предприняты регуляторные эксперименты. Так, Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона № 152-ФЗ» [7] запустил особый правовой режим в городе Москве для испытания решений на основе искусственного интеллекта. Этим актом допущена обработка обезличенных медицинских данных пациентов без их согласия в ряде случаев. По сути, закон позволил использовать большие массивы данных для обучения алгоритмов, ослабив действие общего правила о необходимости предварительного согласия.

Данное нововведение получило неоднозначное восприятие. С одной стороны, выдача автоматических согласий недопустима, поскольку каждый человек имеет право знать, с какой целью используются его сведения. В то же время представляется возможным оборот надлежащим образом обезличенных данных ради общественного блага – ускорения прогресса искусственного интеллекта (при условии гарантированной защиты от деанонимизации).

Таким образом, перед законодателем стоит задача найти баланс между развитием технологий больших данных и защитой прав личности. Необходимо уточнить режим обезличивания данных, установить прозрачные требования к анонимизации, при которых риски идентификации сводятся к минимуму, а также обеспечить внешние проверки (аудит) соблюдения конфиденциальности.

Кроме того, следует усилить ответственность за утечки и неправомерное использование медицинской информации. В информационном праве уже

формируются подходы к информационным данным как к специфическому ресурсу, например, предлагается создание сертифицированных инфраструктур для безопасного обмена медицинскими данными. Без восстановления доверия пациентов к тому, что их данные не станут достоянием третьих лиц, масштабное внедрение искусственного интеллекта в медицине натолкнется на обоснованные этические возражения.

Этические и социальные аспекты

Помимо юридически значимых рисков, применение искусственного интеллекта в медицине ставит этические проблемы (прозрачность решений, возможность дискриминации, необходимость информирования пациента об участии искусственного интеллекта и получения согласия на это и др.). Пока эти вопросы слабо урегулированы нормативно.

В 2021 г. в РФ был принят Этический кодекс разработчиков искусственного интеллекта [8] (на уровне соглашения при поддержке Минэкономразвития), но он носит добровольный характер. Однако в сфере здравоохранения отсутствуют отраслевые этические рекомендации по использованию искусственного интеллекта. Это может приводить к недоверию со стороны пациентов. Например, нет разъяснений, должен ли врач информировать пациента, что при постановке диагноза он опирался на рекомендацию искусственного интеллекта, и нужно ли получать согласие на использование такого инструмента.

Отсутствие четких этико-правовых ориентиров в сочетании с названными выше проблемами (неопределенность ответственности, возможные ошибки алгоритма) в итоге может подорвать доверие к технологиям. По данным опросов, значительная часть людей испытывает настороженность к внедрению искусственного интеллекта без гарантий безопасности и ответственности [9]. Следовательно, в правовом регулировании следует учитывать и этическую составляющую – вводить нормы, обеспечивающие прозрачность и подотчетность использования искусственного интеллекта в отношениях врач – пациент.

Отмеченные проблемы взаимосвязаны: так, отсутствие специальных норм об ответственности и безопасности усложняет и защиту данных, и этическое сопровождение. В совокупности они указывают на необходимость совершенствования законодательства и ведомственных регламентов.

Кибербезопасность интеллектуальных систем в медицинской деятельности

Технологии искусственного интеллекта становятся частью медицинской информационной инфраструктуры и к ним применимы все базовые требования по защите информации, актуальные для здравоохранения. Медицинские организации обязаны соблюдать Приказ ФСТЭК от 18.02.2013 г. № 21 «Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» [10], устанавливающий требования по защите персональных данных, и связанные регламенты, обеспечивать защиту сетей, шифрование каналов, контроль доступа.

Однако интеллектуальные системы могут иметь уязвимости и особенности, которые требуют дополнительных мер. Например, алгоритмы глубокого обучения подвержены «атакам путем внедрения данных»: злоумышленник, имея доступ, может слегка модифицировать медицинское изображение или запись таким образом, что для человека изменение незаметно, а для искусственного интеллекта приводит к ошибочному выводу.

Предотвращение подобных атак выходит за рамки стандартных методов информационной безопасности. Здесь необходима комбинация мер: регулярное обновление и тестирование моделей на устойчивость к внешним воздействиям, валидация входных данных, мониторинг аномалий в работе алгоритма.

В нормативном аспекте следует разработать руководства или стандарты кибербезопасности применительно к искусственному интеллекту. Всемирная организация здравоохранения в своих рекомендациях по искусственному интеллекту в здравоохранении отмечает, что для укрепления доверия к технологиям критически важна транспарентность и документирование всего жизненного цикла интеллектуальных систем, а также управление рисками, включая учет угроз кибербезопасности [11]. То есть каждый этап – от разработки до эксплуатации – должен сопровождаться мерами безопасности и фиксацией изменений (журналированием).

В российской практике уже делаются шаги: ГОСТ Р 59921.3-2021 и 59921.5-2022 устанавливают требования к управлению изменениями алгоритма и к набору данных, используемых для обучения, что косвенно относится и к безопасности (исключение некорректных данных, недопущение незадокументированных модификаций модели и т.д.). Однако этих технических мер недостаточно без организационной составляющей.

Необходимо, чтобы в каждой медорганизации, использующей искусственный интеллект, были регламенты информационной безопасности для таких систем: порядок обновления алгоритмов (только от доверенных источников и после проверки), разграничение доступа (кто может запускать/настраивать искусственный интеллект, кто имеет доступ к результатам), протоколирование случаев отказов или нестандартных рекомендаций, план действий при сбоях. Возможно, имеет смысл наделить Росздравнадзор или Минздрав полномочиями по утверждению отраслевых руководств по безопасному использованию искусственного интеллекта.

Также важно интегрировать интеллектуальные сервисы в общую систему защиты: если больница использует облачный интеллектуальный сервис, должен быть заключен договор, обязывающий поставщика соблюдать требования защиты данных по российскому законодательству (территориальное хранение, сертификация криптосредств и т.д.).

В целом, обеспечение информационной безопасности медицинских информационных систем с интеллектуальными компонентами должно рассматриваться как часть обеспечения качества медицинской помощи. Как и клинические риски, киберриски могут напрямую влиять на здоровье пациентов, поэтому их минимизация – зона ответственности как разработчиков программ, так и медицинских организаций и регуляторов.

Литература:

1. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.04.2022 г. № 369 «Об использовании технологий искусственного интеллекта в Республике Татарстан». URL: https://pravo.tatarstan.ru/npa_kabmin/post/?npa_id=977556
2. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
3. Кошечкин К.А., Хохлов А.Л. Этические проблемы внедрения искусственного интеллекта в здравоохранении // Медицинская этика. 2024. № 1. С. 12–19.
4. Асеева И.А. Проблема приватности в цифровую эпоху // Науковедческие исследования. 2020. № 20. С. 36–50.
5. Вигель Н.Л., Меттини Э. Этические и культурные вызовы внедрения искусственного интеллекта в медицинских практиках: мультикультуральный анализ // Medical Ethics. 2024. № 3. С. 11–15.
6. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
7. Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.
8. Приказ Минэкономразвития России от 02.07.2021 г. № 407 «Об утверждении отдельных методик расчета показателей федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (ред. от 28.12.2021) // СПС Гарант.
9. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет результаты всероссийского опроса о применении искусственного интеллекта в здравоохранении. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/progress-ili-ugroza-ili-ob-iskusstvennom-intellekte-v-medicine
10. Приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 г. № 21 «Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» (ред. от 14.05.2020) (зарегистрировано в Минюсте России 14.05.2013 г. № 28375) // Российская газета. 2013. № 107.
11. 2023 Нормативно-правовое регулирование искусственного интеллекта в здравоохранении / Regulatory considerations on artificial intelligence for health // Всемирная организация здравоохранения. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/mezhdunarodnye-dokumenty-po-razvitiyu-ii/2023_normativno-pravovoe_regulirovanie_iskusstvennogo_intellekta_v_zdravoohranenii_regulatory_considerations_on_artificial_intelligence_for_health_vsemirnaya_organizaciya_zdravoohraneniya

Artificial Intelligence in Medicine: Cybersecurity Issues and Ethical Aspects

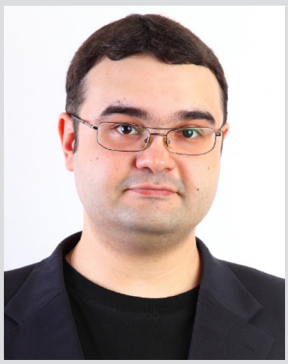
Volchenko A.V.
Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin
Kogteva A.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
Timokhina G.V.
Belgorod State National Research University

The integration of artificial intelligence into medicine opens up wide opportunities, but at the same time creates fundamentally new risks for information security. Intelligent systems gain access to confidential patient data and participate in clinical decision-making; their vulnerability (for example, to attacks with distorted input data) can lead to the leakage of personal information or the issuance of erroneous medical recommendations. Meanwhile, there are no special requirements for the cybersecurity of medical systems with artificial intelligence at the federal level, and uniform ethical standards for their use in healthcare are not legally fixed. This determines the relevance of this study. Its purpose is to analyze the emerging cyber threats and ethical and legal gaps in the implementation of artificial intelligence in healthcare and to develop proposals for improving the regulatory framework and practical measures to ensure the safe and responsible use of artificial intelligence. In the course of the work, an analysis of existing regulations and standards was carried out, key problems were identified (lack of special rules of responsibility for artificial intelligence errors, the risk of malicious attacks on algorithms, lack of rules for transparency and patient information) and approaches to their elimination were proposed. The scientific and practical significance lies in the fact that the results obtained can serve as a basis for the development of new requirements and recommendations on cybersecurity and ethics of the use of artificial intelligence in medicine. The scientific novelty consists in a comprehensive consideration of the issues of information security of medical intelligent systems, taking into account technical, legal and ethical aspects, as well as in substantiating the need to integrate special protection measures and transparency into the existing regulatory and legal system of healthcare.

Keywords: artificial intelligence in medicine, cybersecurity, information security, ethical aspects, legal regulation, personal data protection, transparency of algorithms

УДК 342.552
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-145-149

Предупреждение как мера ответственности губернатора по российскому законодательству

Гарипов Р.Ф.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Игонин Д.И.
Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Затронутая в представленной статье проблематика актуализируется формированием в Российской Федерации управленческой практики по контролю Президента над реализацией полномочий губернаторами, подчинёнными новым законодательным положениям об их конституционно-правовой ответственности. В частности, вступление в силу в 2022 г. Федерального закона № 414-ФЗ продемонстрировало комплекс правовых новаций, которые формализовали фактически сложившиеся инструменты воздействия на институты региональной власти. Цель статьи заключается в выявлении правовых особенностей предупреждения в системе мер ответственности, налагаемых на глав субъектов федерации в силу действующего российского законодательства о публичной власти. В связи с этим авторы в качестве одной из ключевых задач обратились к нескольким теоретическим подходам, сложившимся в российской юридической науке относительно сущности и признаков юридической ответственности. Теоретическая значимость исследования проявляется в установленном фрагментарном раскрытии оснований вынесения Президентом Российской Федерации такого предупреждения, когда правовые нормы не позволяют однозначно судить о негативных последствиях, возникающих в статусе губернатора в результате наложения данной меры. Практическая значимость выражается в установленном содержании предупреждения, в котором заложен риск наступления более строгой меры ответственности – отрешения губернатора от должности. Такое негативное последствие неизбежно возникает, если глава субъекта федерации не принял мер по устранению причин вынесения предупреждения. Основным результатом работы стала проекция выявленной неоднозначности теоретического осмысления на использованную в законе юридическую технику. Тем самым предупреждение предшествует отставке губернатора при его бездействии, которое в том числе обеспечено особенностями правовых презумпций.

Ключевые слова: *губернатор, конституционно-правовая ответственность, политическая ответственность, федеративные отношения, региональная власть, субъекты федерации, главы субъектов федерации*

Для цитирования: *Гарипов Р.Ф., Игонин Д.И. Предупреждение как мера ответственности губернатора по российскому законодательству // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 145–149. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-145-149.*

На протяжении последнего десятилетия юридическая ответственность глав субъектов Российской Федерации подвержена правовой институционализации, направленной на установление определённого правопорядка в современных федеративных отношениях. Смежным процессом выступает законодательная формализация условий наложения отдельных мер ответственности на российских губернаторов, включая появление предупреждения как нового способа правового воздействия.

Большинство норм, затрагивающих институт ответственности губернаторов, сконцентрировано в Федеральном законе от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [1], который легализовал расширенную систему правовых инструментов воздействия на высших должностных лиц субъектов федерации. Механизм осуществления предупреждений в отношении губернаторов фрагментарно раскрыт в ст. 29 среди других мер ответственности. По данному формально-юридическому критерию многие исследователи рассматривают предупреждение в качестве одной из форм конституционно-правовой ответственности глав субъектов Российской Федерации [2, с. 39; 3, с. 164].

Вместе с тем указанная мера не обладает всем комплексом признаков, выделяемых у юридической ответственности в теоретико-правовом выражении, что позволяет некоторым авторам наполнить её иным содержательным смыслом.

Так, по мнению сторонников концепции позитивной ответственности, предупреждение преимущественно выполняет превентивную функцию, призванную не ограничить деятельность губернатора, а обратить его внимание на возникшую проблему в порядке реализации управленческих полномочий [4, с. 107; 5, с. 33]. В какой-то степени подобный характер заложен в ч. 1 ст. 29 Федерального закона № 414-ФЗ, где сформулированы основания для применения рассматриваемой меры. При этом её сущность прямо не предполагает каких-либо негативных последствий для главы субъекта федерации, что обязательно присутствует в теоретической конструкции любого вида юридической ответственности [6; 7].

Впрочем, в содержательном выражении рассматриваемого предупреждения заложен риск наступления более строгой юридической ответственности, выраженной в отрешении губернатора от должности Президентом Российской Федерации, если им не приняты меры по устранению причин вынесения предупреждения. Тем самым предупреждение предшествует отставке главы субъекта федерации при бездействии с его стороны.

В то же время среди двух детализированных оснований для применения предупреждения лишь одно можно уверенно назвать в качестве конституционно-правового деликта. В частности, согласно п. 1 ч. 1 ст. 29 Федерального закона № 414-ФЗ, губернатор, издавший нормативно-правовой акт, который противоречит федеральному законодательству либо напрямую федеральным конституционным положениям, и не предпринявший в рамках установленных полномочий действий к реализации соответствующего судебного решения, которым верифицирован данный юридический факт, подвергается предупреждению со стороны Президента Российской Федерации.

В названном основании присутствует сразу два признака противоправности:

1) принятие нормативно-правового акта, полностью или частично вступающего в противоречие с федеральными законодательными нормами (формальное нарушение в виде совершения юридического акта);

2) неисполнение судебного решения, констатировавшего факт подобного противоречия (фактическое противоправное бездействие).

Напротив, в п. 2 ч. 1 ст. 29 Федерального закона № 414-ФЗ закреплено основание в виде бездействия губернатора по разрешению спорного вопроса о нормативно-правовом акте, принятом им самим либо исполнительным органом субъекта федерации, если данный акт приостановлен соответствующим президентским указом. В приведённой норме не определён первичный признак неправомерности подобного нормативно-правового акта. В точности в ней не установлено, должен ли спорный нормативно-правовой акт противоречить только федеральным законам или он может быть приостановлен по причине его несоответствия подзаконным нормативно-правовым актам федерального уровня.

Если обратиться к нормативным положениям Конституции Российской Федерации, то, в соответствии с ч. 2 ст. 85, приостановление юридического действия акта регионального органа исполнительной власти происходит не только в силу вступления его в противоречие с федеральными конституционными нормами и с нормами федеральных законов, но и с международными обязательствами государства. Кроме того, приостановление допустимо в связи с нарушением данным нормативно-правовым актом прав и свобод человека и гражданина. Аналогичные основания продублированы в ч. 5 ст. 3 Федерального закона № 414-ФЗ.

Как видно из отмеченной конституционной формулировки, противоречие между нормативно-пра-

вовым актом главы субъекта федерации и федеральным подзаконным нормативно-правовым актом не может служить непосредственным основанием для принятия указа Президента Российской Федерации о его приостановлении. Вместе с тем очевидно, что прямое нарушение губернатором или региональным исполнительным органом нормативно-правовых актов, принятых Президентом либо федеральным Правительством, является разновидностью конституционно-правового деликта, который получил фрагментарную формализацию в действующем российском законодательстве о публичной власти в субъектах Российской Федерации.

Попыткой разрешения указанного пробела в праве следует признать гипотезу нормы, изложенной в ч. 2 ст. 85 Конституции Российской Федерации, согласно которой на суд возлагается функция правовой оценки возникших противоречий, что, в свою очередь, очерчивает диапазон времени приостановления Президентом Российской Федерации спорного регионального акта.

Помимо этого, правовое значение приобретают предметы ведения федерального центра и субъектов федерации, закреплённые в Конституции Российской Федерации и детализированные в отдельных федеральных законах. Если приостановленный Президентом акт губернатора не стал предметом судебного рассмотрения в течение двухмесячного срока с момента издания соответствующего президентского указа, то он презюмируется противоправным по смыслу п. 2 ч. 1 ст. 29 Федерального закона № 414-ФЗ.

Исследователи занимают смешанные позиции по признанию указа Президента Российской Федерации о приостановлении нормативно-правового акта губернатора в качестве средства констатации неправомерности последнего. Так, одни теоретики отмечают, что сложившаяся вертикаль власти и специфика федеративных отношений позволяют сужать правовые рамки нормотворческой деятельности глав субъектов Российской Федерации [8; 9]. В подобном механизме регулирования губернатор несёт юридическую ответственность как за собственные деликты, так и за ненадлежащий контроль в отношении региональных исполнительных органов, принявших спорный нормативно-правовой акт [10, с. 38].

Другие авторы полагают распространение конституционно-правовой ответственности на губернатора за неправомерные действия, совершённые иными субъектами конституционных правоотношений, проявлением политической ответственности, выходящей за рамки общего механизма применения мер государственного принуждения [11; 12]. О политизации ответственности говорят учёные в призме размытых границ нормотворческой деятельности главы субъекта федерации, когда прямое противоречие принятых им нормативно-правовых актов с федеральными подзаконными актами может быть квалифицировано в качестве основания для вынесения Президентом предупреждения [13].

Выявленный теоретический дискурс спровоцирован неоднозначной юридической техникой, использованной в нормах Федерального закона № 414-ФЗ. С одной стороны, в ч. 1 ст. 29 подробно сформулированы ключевые основания для вынесения предупреждения губернатору. С другой стороны, в ч. 3 ст. 29 заложена широкая трактовка оснований, позволяющих применять к главам субъектов федерации предупреждение на фоне других мер ответственности. В частности, в данном нормативном положении говорится о ненадлежащем выполнении ими обязанностей, включая полномочия, делегированные федеральным центром.

В определённой степени предупредительный характер заложен во все виды юридической ответственности и выделяется в теоретико-правовом понимании в качестве одной из функций ответственности. При этом в отраслевом законодательном выражении предупреждение, как правило, не обладает негативным содержанием, поскольку не предполагает наложение каких-либо ограничительных мер и не влияет в сущности на реализацию субъективных прав и свобод.

В то же время предупреждение, как мера административной ответственности, обозначено в ч. 1 ст. 3.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [14] (далее – КоАП РФ) в качестве меры административного наказания. Его отрицательность заключается в официальном порицании правонарушителя посредством письменной формы, если административный проступок совершён впервые без причинения вреда и без угрозы возникновения такого вреда охраняемым законом ценностям (жизни и здоровью граждан, экологии, культурному наследию, государственной безопасности и др.).

В Уголовном кодексе Российской Федерации [15] (далее – УК РФ) предупреждение использовано в нескольких значениях:

1) как превентивная задача уголовного закона (ч. 1 ст. 2 УК РФ);

2) как цель уголовной ответственности (ч. 2 ст. 43 УК РФ);

3) как принудительная мера воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего, который совершил преступление небольшой или средней тяжести (п. «а» ч. 2 ст. 90 УК РФ), что проявляется в разъяснении ему вреда от противоправного поведения и последствий, вызванных повторением преступного деяния (ч. 1 ст. 91 УК РФ).

Сопоставление нормативно-правовых особенностей предупреждения, содержащихся в КоАП РФ и УК РФ, позволяет сформулировать назначение та-

кой меры ответственности в Федеральном законе № 414-ФЗ применительно к губернаторам. В частности, предупреждение со стороны Президента Российской Федерации призвано оформить публичное порицание главы субъекта федерации за допущенные им должностные нарушения при отсутствии квалифицирующих признаков другого правонарушения, влекущего наступление определённого вида юридической ответственности.

Таким образом, предупреждение может быть вынесено Президентом Российской Федерации при любом нарушении губернатором порядка осуществления своих непосредственных полномочий, в том числе в форме принятия нормативно-правового акта, противоречащего федеральной Конституции и федеральным законам, включая случаи издания спорного акта региональными исполнительными органами.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973; 2024. № 51. Ст. 7865.
2. Акчурина А.В. Новации мер конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации как элемента системы публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 38–41.
3. Якубенко Д.Э. Объект конституционного деликта: классификация и особенности на примере высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 163–165.
4. Милушева Т.В. Юридическая ответственность властных субъектов: позитивный аспект // Правовая культура. 2023. № 4 (55). С. 105–109.
5. Маркунин Р.С. Основание утраты доверия как структурный элемент единой системы юридической ответственности органов публичной власти // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2 (151). С. 31–37.
6. Боброва Н.А., Хачатуров Р.Л. Сущность юридической ответственности // Теория государства и права. 2020. № 4 (20). С. 26–48.
7. Бредихин А.Л. Цель юридической ответственности: дискуссионные вопросы // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 2 (71). С. 78–82.
8. Докторова А.Т. Органы и должностные лица органов публичной власти как субъекты ответственности перед населением // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 13–16.
9. Молокаева О.Х. Российский федерализм: историко-правовые и теоретические аспекты // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2020. № 1. С. 54–61.
10. Диденко О.Н., Гаврилова В.Д. Принцип единства публичной власти: сущность, уровни, формы взаимодействия // Право и практика. 2023. № 1. С. 35–40.
11. Монахова М. Конституционная ответственность органов публичной власти субъектов Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-1 (86). С. 144–148.
12. Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С. Роль юридической ответственности в реализации принципа единства публичной власти в Российской Федерации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 43–54.
13. Маркунин Р.С. Отсутствие единства системы юридической ответственности органов публичной власти как фактор роста юридической аномии в российском обществе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 1 (63). С. 6–14.
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2025. № 15. Ст. 1796.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2025. № 17. Ст. 2131.

Warning as a Measure of Responsibility of the Governor Under Russian Legislation

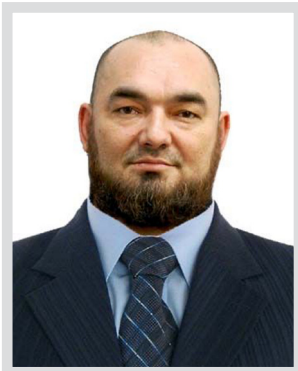
Garipov R.F., Igonin D.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

This issue is being updated by the formation in the Russian Federation of management practices for the President's control over the implementation of powers by governors under the new Federal Law No. 414-FZ, which entered into force in 2022. It contains a set of legal innovations that formalized the instruments of influence on regional government institutions. The purpose of the article is to identify the legal features of warning in the system of measures of responsibility of the heads of Russian regions under the current legislation on public authority. In this regard, the authors, as one of the key tasks, turned to several theoretical approaches that have developed in legal science on the essence and characteristics of legal responsibility. The theoretical significance of the study is manifested in the established fragmentary disclosure of the grounds for issuing such a warning by the President of the Russian Federation, when legal norms do not highlight obvious negative consequences for the governor. The practical significance is expressed in the content of the warning established by the authors. In particular, it contains the risk of a more severe measure of responsibility – deprivation of the governor's powers. Such a negative consequence occurs if the head of the Russian region has not taken measures to eliminate the reasons for issuing a warning. The main result of the work was the projection of the identified ambiguity of the theoretical approach onto the legal technique used in the law. Thus, the warning precedes the resignation of the governor in the event of his inaction, which is also ensured by the peculiarities of legal presumptions.

Key words: governor, constitutional responsibility, political responsibility, federal relations, regional authorities, Russian regions, heads of Russian regions

УДК 342
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-150-154

Межведомственное взаимодействие как основа эффективного публичного управления: проблемы разобщенности и пути консолидации властных структур

Давлетшин Д.В.
Аспирант кафедры государственного
и муниципального управления Владимирского филиала –
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

В статье рассматривается проблема единства публичной власти в России, фокусируясь на координационных механизмах между различными властными уровнями и препятствиях эффективному межведомственному взаимодействию. Цель состоит в анализе проблем и поиске механизмов консолидации. Для этого анализируются структурные, правовые и административные барьеры, ведущие к разрозненности действий, функциональному дублированию и снижению управленческой эффективности. На основе отечественного и зарубежного опыта предложены решения по совершенствованию координации между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти и преодолению межведомственных барьеров. Проведенное исследование обладает научной ценностью, поскольку комплексно анализирует проблему единства публичной власти с позиций конституционно-правового регулирования, сравнительного изучения зарубежных моделей взаимодействия и разработки практических механизмов его укрепления в условиях современных управленческих вызовов.

Ключевые слова: *публичное управление, публичная власть, государственное управление, муниципальное управление, межведомственное взаимодействие*

Для цитирования: *Давлетшин Д.В. Межведомственное взаимодействие как основа эффективного публичного управления: проблемы разобщенности и пути консолидации властных структур // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 150–154. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-150-154.*

Проблема единства публичной власти представляет собой одну из ключевых дилемм государственного устройства, затрагивающую фундаментальные основы организации политической системы общества. В современных условиях, для которых характерно усложнение государственно-правовых отношений и многоуровневая структура управления, вопросы согласованного функционирования различных элементов публичной власти имеют особую актуальность.

Понятие единой системы публичной власти существовало в национальном законодательстве Российской Федерации исторически и использовалось преимущественно на доктринальном уровне как термин, обозначающий совокупность государственной и общественной власти, а также власти местного самоуправления. Однако его конституционализация произошла относительно недавно, поэтому данный феномен требует глубокого научного осмысления.

Единство публичной власти предполагает согласованное функционирование различных уровней властных структур (федерального, регионального, местного) как элементов единого механизма государственного управления. Однако на практике достижение такого единства сталкивается с целым рядом противоречий.

С точки зрения теории государства, единая публичная власть является необходимым условием целостности государства, обеспечивающим реализацию его суверенитета и единой правовой политики. При этом принцип разделения властей требует независимости законодательной, исполнительной и судебной ветвей, что уже создает определенное напряжение в системе. Это противоречие является одной из ключевых проблем в организации публичной власти, требующей теоретического и практического разрешения.

При структурно-функциональном подходе к изучению публичной власти особую значимость приобретает вопрос о ее составных элементах. В научной литературе получила распространение классификация, предложенная С.А. Авакьяном и соавторами [1], согласно которой система публичной власти включает три фундаментальные формы организации: государственную власть, общественную власть и власть местного самоуправления. При этом последняя идентифицируется исследователями как комплексный феномен, сочетающий признаки как государственной, так и общественной власти, а конкретное соотношение этих элементов может варьироваться в зависимости от особенностей того или иного института.

Современная правовая доктрина демонстрирует отсутствие консенсуса относительно включения институтов гражданского общества в систему публичной власти. Формально-юридический анализ положений Федерального закона от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» исключает возможность квалификации общественной власти в качестве самостоятельной подсистемы публичной власти. В контексте данной проблематики значительный интерес представляют позиции видных ученых-правоведов: так, С.А. Авакьян и соавторы аргументировали целесообразность конституционной институционализации гражданского общества [1], тогда как А.Н. Чертков в своих трудах последовательно развивает тезис о том, что организационная структура общественной власти формируется всей совокупностью институтов гражданского общества [2].

Стоит отметить, что хотя вопрос определения места общественной власти по отношению к публичной власти является дискуссионным и не получил своего закрепления в Конституции Российской Федерации, законодатель все же отразил нормативную формулировку данного вида власти в ст 20 Федерального конституционного закона 06.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», определяя полномочия Правительства Российской Федерации в области взаимодействия с институтами гражданского общества.

Идея принципа единства системы публичной власти заключается в том, чтобы создать фундамент, на основе которого органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также муниципальные органы эффективно взаимодействовали друг с другом. При этом должна сохраняться заложенная в ст. 12 Конституции России независимость местного самоуправления [3].

Здесь возникает определенное противоречие между конституционной гарантией независимости местного самоуправления и необходимостью включения его в единую систему публичной власти. Данное противоречие требует теоретического осмысления и практического разрешения при реализации конституционных положений.

Принципиальное значение в системе взаимодействия институтов публичной власти имеет проблема распределения компетенций между ними. Как справедливо отмечает А.А. Векшин, в то время как принцип единства публичной власти создает организационно-правовую основу для интеграции различных ветвей и уровней власти в целостный механизм публично-правовой деятельности, несущий ответственность перед государством, обществом и гражданином, принцип субсидиарности выполняет принципиально иную функциональную нагрузку [4]. Последний призван гарантировать эффективность осуществления властных полномочий, обеспечивая рациональное распределение компетенций между различными субъектами публичной власти, в особенности на региональном уровне.

Тем самым, несмотря на большое количество научных работ и исследований в данной области, в современных условиях существует правовая неопределенность, которая может быть устранена только в процессе правоприменительной практики.

Измерение проблемы единства публичной власти можно провести с точки зрения горизонтали и вертикали межведомственного взаимодействия.

Горизонтальное измерение касается взаимодействия различных ветвей власти на одном уровне. Здесь возникает дилемма между необходимостью системы сдержек и противовесов и требованием согласованного функционирования государственного аппарата. Важным механизмом обеспечения единства публичной власти в горизонтальном измерении является конституционное правосудие, позволяющее разрешать споры о компетенции между органами государственной власти и обеспечивать единое конституционно-правовое пространство. Однако эффективность данного механизма зависит от степени независимости судебной власти и авторитета конституционного суда.

Вертикальное измерение касается взаимоотношений центра и регионов, а также регионов и муниципалитетов. Особенно острой эта проблема становится в федеративных государствах, где необходимо балансировать между федеральными интересами и принципом самостоятельности субъектов федерации.

Следует особо отметить, что институционализация механизмов совместного ведения при одновременном четком определении компетентностных границ между различными уровнями публичной власти способствует ликвидации существующего дисбаланса в системе государственного управления. Подобная модель организации властных отношений обладает значительным потенциалом, так как обеспечивает оптимальное сочетание принципов централизации и децентрализации в функционировании публично-властных институтов.

На практике отсутствие или недостаточность единства публичной власти может проявляться следующим образом:

– в межуровневых компетентностных спорах, когда различные эшелоны властной вертикали вступают в противоречия относительно сфер ответственности, что существенно замедляет процесс принятия решений по важным социально-экономическим вопросам;

– в нормативно-правовых противоречиях, выражающихся в коллизиях между законодательными актами разного уровня и непоследовательной правоприменительной практике, что создает предпосылки для правовой неопределенности;

– в функциональном дублировании и нерациональном распределении ресурсов, когда идентичные управленческие задачи решаются параллельно разными органами власти;

– в непоследовательности государственной политики, что негативно сказывается на уровне общественного доверия к государственным институтам и снижает эффективность программных мероприятий.

Отметим, что в различных странах сложились разнообразные модели межведомственного взаимодействия, отражающие их политико-административные традиции. В таблице 1 приведены некоторые из них.

Каждая из рассмотренных моделей обладает набором характеристик, формирующих их специфические преимущества и ограничения.

Например, координационная модель, реализуемая в США и Великобритании, обеспечивает гибкость взаимодействия через систему межведомственных рабочих групп, однако подвержена рискам бюрократизации. Иерархический подход, характерный для Франции и Китая, гарантирует единообразие решений, но ограничивает местную инициативу. Сетевая модель скандинавских стран и Эстонии отличается высокой адаптивностью, но требует развитой цифровой инфраструктуры. Контрактные механизмы Австралии и Канады обеспечивают четкие показатели эффективности, но могут приводить к излишней коммерциализации. Цифровые платформы Сингапура и Южной Кореи демонстрируют высокую эффективность оказания услуг, однако создают технологическую зависимость.

Институциональная эффективность моделей детерминирована спецификой бюрократической культуры, проявляющейся в балансе между открытостью и иерархичностью административных процессов. Выбор оптимальной модели межведомственного взаимодействия требует учета политико-

Таблица 1

Модели межведомственного взаимодействия в зарубежных странах

Модель	Страны-примеры	Характеристики	Преимущества	Недостатки
Координационная	США, Великобритания	Межведомственные рабочие группы и комитеты. Система «lead agency» (головное ведомство). Общие цифровые платформы (Gov.uk)	Гибкость, адаптивность к проектам. Снижение дублирования функций	Риск бюрократизации процессов. Зависимость от лидерства ведомств
Иерархическая	Франция, Китай	Четкое подчинение регионов центру. Префектуры (Франция). Межминистерские комиссии под руководством премьера	Единообразие решений. Быстрое исполнение решений сверху	Ограничение инициативы на местах. Риск централизации власти
Сетевая	Швеция, Дания, Эстония	Гибкие проектные группы. Местные «хабы» госуслуг. Электронное правительство (e-Estonia)	Высокая адаптивность. Учет местных особенностей	Сложность контроля. Зависимость от цифровой инфраструктуры
Контрактная	Австралия, Канада	Межведомственные соглашения о сервисах. Аутсорсинг функций. KPI-система оценки эффективности	Оптимизация затрат. Четкие показатели результативности	Риск коммерциализации госуправления. Конфликты интересов
Цифровая платформа	Сингапур, Южная Корея	Единые базы данных (Singpass). Сквозные цифровые сервисы. ИИ для прогнозирования спроса	Максимальная прозрачность. Скорость оказания услуг	Зависимость от технологий. Риски кибербезопасности

административных факторов, включая особенности государственного устройства, исторически сложившиеся традиции публичного управления и уровень технологического развития институтов власти. Критерий эффективности – способность системы обеспечивать равновесие между адаптивностью и контролем, инновационностью и стабильностью, стандартизацией и гибкостью управленческих практик.

Современная практика показывает тенденцию к комбинированию элементов различных моделей для достижения оптимального баланса между эффективностью, контролем и адаптивностью системы государственного управления.

Проблема единства публичной власти не имеет универсального решения и требует постоянного поиска оптимального баланса между централизацией и децентрализацией, между единством государственной политики и учетом региональной специфики. В современных условиях это становится особенно актуальным, учитывая необходимость оперативного реагирования на глобальные вызовы при сохранении демократических основ государственного устройства.

Тем не менее, для решения проблемы единства публичной власти необходимо предпринимать определенные шаги. И, прежде всего, требуется совершенствование конституционно-правовых механизмов разграничения полномочий между различными уровнями власти. Существующие противоречия в законодательстве должны быть устранены, а предметы ведения определены более четко. Важно исключить дублирование функций, так как это минимизирует конфликты компетенций и создаст правовую основу для согласованной деятельности государственных органов.

Стратегическое значение имеет развитие институциональных структур межуровневой координации, включая формирование постоянно действующих совещательных органов с участием представителей федеральных, региональных и муниципальных властей. Целесообразно создание интегрированных информационных систем и единых регламентов межведомственного взаимодействия, обеспечивающих оперативный обмен данными и снижение административных барьеров при реализации совместных программ.

Усиление роли конституционного контроля представляется необходимым условием поддержания единого правового пространства. Расширение практики проверки нормативных правовых актов на соответствие конституционным принципам позволит своевременно выявлять и устранять правовые коллизии, а также эффективно разрешать споры о компетенции между различными уровнями и ветвями власти [5].

Формирование общих профессиональных стандартов государственной и муниципальной службы обеспечит единство подходов к управленческой деятельности. Рекомендуется внедрение унифицированных систем оценки эффективности, единых квалификационных требований и программ профессионального развития для государственных и муниципальных служащих всех уровней, что будет способствовать повышению качества управления и укреплению кадрового потенциала публичной власти.

Существенным фактором укрепления единства публичной власти должно стать повышение ее прозрачности и подотчетности. Внедрение механизмов общественного контроля, расширение форм участия граждан в принятии управленческих решений и систематическое информирование о деятельности органов власти создадут условия для роста общественного доверия и легитимности государственных институтов, что в конечном счете укрепит единство всей системы публичного управления.

Таким образом, проблема единства публичной власти остается одной из наиболее сложных и актуальных в теории и практике государственного управления. Несмотря на ее конституционализацию в российском законодательстве, сохраняются существенные противоречия между необходимостью централизованного управления и принципами децентрализации, независимости местного самоуправления, а также разделения властей. Анализ различных моделей межведомственного взаимодействия показывает, что универсального решения не существует, так как каждая система требует учета национальных особенностей, правовых традиций и уровня технологического развития.

Теоретическое осмысление данной проблемы и разработка практических механизмов ее решения должны основываться на глубоком понимании природы публичной власти, конституционных принципов ее организации и особенностей национальной правовой и политической культуры.

Ключевые направления совершенствования публичной власти состоят в четком разграничении компетенций, развитии механизмов координации между уровнями власти, усилении конституционного контроля и повышении прозрачности управления. Только комплексный подход, сочетающий правовые, административные и общественные инструменты, способен обеспечить эффективное функционирование публичной власти как единого механизма, гарантирующего устойчивое развитие государства.

Литература:

1. Современные проблемы организации публичной власти. Монография / Рук. авторского колл. и отв. редактор д.ю.н., профессор Авакьян С.А. М.: Юстицинформ, 2014 – 596 с.
2. Чертков А.Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19–23.
3. Котов И.Н. Новеллы конституционного принципа единства публичной власти в призме федерального законодательства Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 1А-2А. С. 157–163.
4. Векшин А.А. Актуальные аспекты правопонимания, регулирования и реализации принципа разделения публичной власти в субъектах Российской Федерации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2024. №2. С. 81–91.
5. Муратшин Ф.Р. Предварительный конституционный контроль как способ повышения качества законотворчества и обеспечения легитимности власти // Вестник УЮИ. 2021. №1 (91). С. 32–37.

Interdepartmental Interaction as a Basis for Effective Public Administration: Problems of Disunity and Ways to Consolidate Power Structures

Davletshin D.V.
Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the problem of public authority unity in Russia, focusing on coordination mechanisms between different levels of government and obstacles to effective interagency cooperation. The aim is to analyze existing challenges and identify consolidation mechanisms. The study explores structural, legal, and administrative barriers that lead to fragmented decision-making, functional duplication, and reduced governance efficiency. Drawing on domestic and international experience, the article proposes solutions to improve coordination between federal, regional, and municipal levels of government and overcome interagency barriers. The research holds scientific value as it provides a comprehensive analysis of public authority unity from the perspectives of constitutional and legal regulation, comparative study of foreign coordination models, and the development of practical mechanisms for strengthening governance amid modern challenges.

Keywords: public administration, public authority, government administration, municipal governance, interagency cooperation

УДК 343.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-155-159

Ошибка в факте как основание для пересмотра судебного решения в трибунале по бывшей Югославии

Зиганшин Р.Р.
Аспирант кафедры конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

*Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью совершенствования процедур апелляции в международном уголовном праве для обеспечения справедливости и законности правосудия. Цель работы связана с анализом правовых механизмов пересмотра судебных решений Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) на основании ошибок в факте и их практического применения. Для этого автором поставлены следующие задачи: исследовать нормативно-правовое регулирование пересмотра судебных решений; проанализировать прецедентную практику МТБЮ по делам, где ошибки в факте привели к изменению приговоров; определить критерии доказывания ошибок в факте и их роль в квалификации преступлений (на примере *actus reus* пособничества и подстрекательства); выявить проблемы правовой неопределенности в трактовке элементов преступления при апелляционном пересмотре.*

Исследование подтверждает, что ошибки в факте – значимое, но сложно доказуемое основание для пересмотра приговоров МТБЮ. Ключевая проблема при пересмотре – широкое усмотрении судей в вопросах трактовки элементов преступления (например, необходимости «конкретного указания» для квалификации пособничества), что приводит к противоречивой практике.

Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности для гармонизации норм о пересмотре решений на национальном и международном уровнях, для разработки учебных курсов по международному уголовному праву и правосудию, а также в практической деятельности юристов, участвующих в международных уголовных процессах (формирование стратегии обжалования приговоров).

Ключевые слова: *Международный трибунал по бывшей Югославии, международное правосудие, ошибка в факте, судебный прецедент, доказательства*

Для цитирования: *Зиганшин Р.Р. Ошибка в факте как основание для пересмотра судебного решения в трибунале по бывшей Югославии // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 155–159. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-155-159.*

Учитывая специфику международных преступлений, ученые в области международного уголовного права выделяют некоторые проблемы учета ошибок в факте [1, с. 228–237]. Такие ошибки могут возникать в виде неверной констатации факта, когда суд признает наличие определенного обстоятельства, не имея для этого достаточных доказательств. Также ошибки могут проявляться в отрицании факта, когда суд отказывается признать наличие доказанных обстоятельств. Здесь стоит отметить, что подобные ошибки могут касаться как главного факта, так и его составных частей.

Ошибка в факте как основание освобождения от уголовной ответственности или же смягчения наказания предусмотрена как в национальном законодательстве стран различных правовых систем мира, так и в статутах трибуналов *ad hoc* как одно из оснований для апелляции.

Так, например, УПК Королевства Саудовская Аравия предусматривает обжалование сторонами процесса любого решения, если они пришли к убеждению, что есть основания для оправдания или вывода об отсутствии юрисдикции суда для вынесения этого решения. Важно отметить, что саудовская система апелляционного судопроизводства отличается от систем многих западных стран. Апелляционный суд в Саудовской Аравии не проводит новое судебное разбирательство и не собирает новые доказательства. Его полномочия ограничиваются анализом материалов дела, представленных судом первой инстанции. Процедура обжалования выглядит следующим образом: после подачи жалобы апелляционный суд изучает представленные материалы. Если будут обнаружены какие-либо нарушения, апелляционный суд направляет в суд первой инстанции запрос о разъяснениях – замечания, которые требуют от суда первой инстанции предоставления дополнительных объяснений по спорным моментам. Суд первой инстанции обязан предоставить исчерпывающие ответы на эти замечания. Если ответы удовлетворяют апелляционный суд, первоначальное решение подтверждается. Если же ответы неубедительны или если апелляционный суд обнаружил существенные нарушения закона, жалоба удовлетворяется. Это приводит к отмене решения суда первой инстанции, и дело направляется на новое рассмотрение в другой суд первой инстанции, чтобы исключить предвзятость или влияние каких-либо факторов, повлиявших на исход предыдущего процесса.

Помимо апелляции, УПК Саудовской Аравии предусматривает процедуру пересмотра приговора (кассационная жалоба). Ст. 206 УПК Саудовской Аравии устанавливает строгие основания для пересмотра, значительно сужающие возможности для повторного обжалования. Пересмотр возможен только в исключительных случаях, когда выявлены чрезвычайные обстоятельства, которые могли повлиять на исход судебного разбирательства. К таким обстоятельствам относятся:

1. Выявление факта ошибки в определении личности погибшего – если обвиняемый был осужден за убийство, а затем установлено, что человек, которого якобы убили, на самом деле жив.

2. Противоречие в приговорах – если два человека осуждены за одно и то же преступление, возникает противоречие, требующее пересмотра приговоров для оправдания одного из них.

3. Использование подложных доказательств – если решение было основано на поддельных документах, фальсифицированных доказательствах или ложных показаниях свидетелей, приговор может быть пересмотрен. Важно отметить, что бремя доказывания подложности лежит на стороне заявителя.

4. Обнаружение новых фактов или доказательств – если после вынесения приговора обнаружены новые факты или доказательства, которые были неизвестны во время судебного разбирательства и могут повлиять на исход дела (оправдание или смягчение наказания), это является основанием для пересмотра. Эти новые факты должны быть существенными и достоверными, а не просто косвенными или слухами. В отличие от апелляции, пересмотр приговора может привести к вынесению нового решения апелляционным судом, которое является окончательным и не подлежит дальнейшему обжалованию [2, с. 77–79].

Система обжалования в Саудовской Аравии, таким образом, представляет собой многоступенчатый процесс, направленный на обеспечение минимизации судебных ошибок, указывающих на виновность или невиновность лица. Система апелляции ориентирована на проверку – переосмысление фактических обстоятельств. Однако строгие критерии для пересмотра ограничивают его применение лишь исключительными случаями.

Международно-правовые акты занимают крайне важное место в системе обеспечения правовой защиты для людей, которые могут оказаться в ситуациях, когда их действия или бездействие могут быть расценены как уголовные преступления. Важным принципом, закрепленным в таких международных документах, является исключение уголовной ответственности для тех лиц, которые действовали в условиях неопределенности или ошибочности относительно фактов, которые могут послужить основанием для их уголовного преследования. Так, например, ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП) закрепляет, что никто не может быть признан виновным в совершении уголовного преступления, если его действия не подпадали под действие уголовного законодательства на момент их совершения [3]. Это положение подчеркивает важность принципа законности и предсказуемости в праве [4, с. 94], который гарантирует, что граждане должны заранее знать, какие действия могут быть расценены как преступные. Кроме того, аналогичные нормы закреплены в п. 75 Дополнительного протокола (Протокол 1) к Женевским конвенциям, принятым 8 июня 1977 г. Этот документ также подчеркивает, что лица не могут быть привлечены к уголовной ответственности за действия, которые не считались преступными на момент их совершения согласно действующему праву [5, с. 214].

Ошибка в праве как исключение виновности лица также была закреплена в статутах трибуналов

ad hoc. Так, например, в соответствии со ст. 25 статута Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ), апелляционная палата рассматривает только ошибки в праве, которые могут сделать решение судебной палаты недействительным, и ошибки в факте, которые привели к судебной ошибке [6].

Стоит отметить, что в своих решениях апелляционная палата акцентирует внимание на том, что стороны, участвующие в деле, не могут просто повторять в своих апелляционных жалобах те аргументы, которые были поданы в ходе судебного разбирательства в первой инстанции. Это правило действует до тех пор, пока не будет представлено убедительное доказательство того, что отклонение данных аргументов судебной палатой было ошибочным и требовало вмешательства со стороны апелляционной палаты. Стороны должны предоставить четкие и точные ссылки на соответствующие страницы стенограммы или конкретные параграфы в решении или постановлении, которые оспариваются. Более того, стоит отметить, что апелляционная палата не рассматривает доводы сторон, если они неясны, противоречивы или расплывчаты [7; 8].

Рассмотрим конкретный пример из практики – дело «Прокурор против Момчило Перишича». В этом деле Перишичу были предъявлены обвинения в пособничестве и подстрекательстве к преступлениям, совершенным на территории боснийских городов Сараево и Сребреница. В обвинительном заключении утверждалось, что Перишич несет ответственность за содействие в предоставлении военной и материально-технической помощи от Армии Республики Сербской, известной как ВРС. Прокурор утверждал, что Перишич несет главную ответственность за ряд тяжких преступлений, включая убийства, истребление, бесчеловечные акты, а также нападения на гражданских лиц и преследования, которые квалифицировались как преступления против человечности и нарушения законов или обычаев войны.

Судебная палата, судья Молото при особом мнении, признала Перишича виновным в качестве пособника и подстрекателя в указанных преступлениях и приговорила к 27 годам лишения свободы [9].

Перишич в своей апелляционной жалобе отмечал, что когда речь идет о «дистанционном поведении», «конкретное указание» должно быть требованием для установления actus reus за пособничество и подстрекательство. Обосновывает свои доводы тем, что его действия не были конкретно направлены на оказание помощи в преступлениях ВРС, а также указывал, что он в любом случае не мог остановить поток помощи.

Апелляционная палата оправдала Перишича, мотивируя свое решение тем, что его действия не носили «конкретного указания», то есть не были напрямую направлены на совершение преступления [10].

Здесь стоит отметить, что в данном случае основная проблема установления ошибки в факте сводится к определению *actus reus*, то есть «виновного деяния». Вопрос о необходимости наличия «конкретного указания» как важного элемента в рамках ответственности за пособничество и подстрекательство при квалификации преступления и последующем осуждении является темой, которая рассматривалась в различных решениях трибунала. Подходы к этому вопросу оказались неоднозначными и разными. Например, в одном из апелляционных решений, связанном с делом «Прокурор против Миле Мркшич и Веселин Шливанчанин», было четко указано, что наличие «конкретного указания» не является обязательным элементом для определения *actus reus* пособничества и подстрекательства. Это решение показывает, как именно трибунал интерпретирует элементы преступления [11].

Для более глубокого понимания подходов трибунала к элементам преступления следует обратиться к формулировкам *actus reus* пособничества и подстрекательства, которые были представлены в различных решениях суда.

Одним из первых и наиболее значимых апелляционных решений, в котором были установлены параметры ответственности за пособничество и подстрекательство, является дело «Прокурор против Душко Тадич». В данном деле *actus reus* уголовной ответственности за пособничество и подстрекательство был сформулирован следующим образом: пособник и подстрекатель должны совершать действия, которые специально направлены на содействие, поощрение или оказание моральной поддержки в совершении определенного конкретного преступления. Здесь, в контексте *actus reus* пособничества и подстрекательства, подчеркивается обязательность более тесной связи между оказанной помощью и конкретными преступными действиями, то есть помощь, которую предоставляет пособник или подстрекатель, должна быть «конкретно» направлена на соответствующие преступления, а не просто оказываться в каком-либо общем смысле. Это означает, что квалифицируя указанные деяния, необходимо установить, что действия пособника или подстрекателя непосредственно способствовали совершению конкретного преступления. Таким образом, вопрос о наличии «конкретного указания» становится ключевым моментом в определении ответственности за пособничество и подстрекательство. Однако проблема заключается в том, что трибунал может по-разному трактовать эти элементы, что создает правовую неопределенность [12].

Данная формулировка, указанная в этом решении, дословно повторялась в некоторых следующих

решениях МТБЮ, а также международного трибунала по Руанде [13–16].

Отметим, что в ряде других апелляционных решений отсутствовала четкая ссылка на «конкретные указание», вместо этого в нескольких из этих решений были использованы альтернативные формулировки, которые позволили расширить понимание понятий пособничества и подстрекательства. Например, в апелляционном решении по делу «Прокурор против Благое Симич» было дано определение actus reus пособничества и подстрекательства как «действия, которые направлены на содействие, поощрение или оказание моральной поддержки в совершении конкретного преступления».

В апелляционном решении по делу «Прокурор против Насер Орич» было указано, что «бездействие должно быть направлено на содействие, поощрение или оказание моральной поддержки совершению преступления и иметь существенное влияние на его осуществление». Это означает, что даже простое отсутствие действий, которое могло бы предотвратить преступление или ограничить его последствия, может быть квалифицировано как пособничество, если оно существенно способствовало совершению данного преступления [7].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о достаточно широком усмотрении судей в вопросах трактовки элементов преступления, что приводит к разнообразному применению норм при апелляционном пересмотре решений и выявлению ошибок в факте. Некоторые решения не предлагают всеобъемлющего определения элементов ответственности за пособничество и подстрекательство. В зависимости от обстоятельств, в случае, например, если лицо, обвиняемое в пособничестве и подстрекательстве, могло физически присутствовать во время подготовки или совершения преступлений, совершенных основными исполнителями, и внести сопутствующий существенный вклад, наличие «конкретного указания», которое демонстрирует связь между помощью обвиняемого пособника и подстрекателя и преступлениями основных исполнителей, будет очевидным. Однако не все случаи пособничества и подстрекательства будут включать близость соответствующих действий обвиняемого лица к преступлениям, совершенным основными исполнителями. Если обвиняемый пособник и подстрекатель удален от соответствующих преступлений, доказательств, требуется явное рассмотрение «конкретного указания». То есть *actus reus* пособничества и подстрекательства требует более тесной связи между оказанной помощью и конкретными преступными действиями: помощь должна быть «конкретно», а не «каким-либо образом» направлена на соответствующие преступления.

Литература:

1. Кораблёва С.Ю. Ошибка в факте и ошибка в праве как частные правила исключения вины лица в международном уголовном праве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 2 (839). С. 228–237.
2. Уголовно-процессуальный закон Королевства Саудовская Аравия / Науч. рея. докт. юрид. наук, проф. Н.Г. Стойко; послесловие П.А. Гусеновой, Н.Г. Стойко; пер. с англ. Н.Г. Гусеновой. СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2016. 168 с.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс.
4. Международное право: проблемы современности / Отв. ред. А.И. Абдуллин, Л.Х. Мингазов, Г.Р. Шайхутдинова. Казань: Казан. ун-т, 2013. 184 с.
5. Трикоз Е.Н. Международное уголовное право: практикум / науч. ред. А.Х. Абашидзе. М.: Норма, 2007.400 с.
6. Updated Statute of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, ICC. URL: https://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Statute/statute_sept09_en.pdf (дата обращения: 12.02.2025).
7. Prosecutor v. Naser Orić, ICTY, [Appeals Chamber] Appeals judgement summary, case IT-03-68-A,03.07.2008. URL: https://www.icty.org/x/cases/oric/acjug/en/080703_Oric_summary_en.pdf (дата обращения: 24.02.2025).
8. Prosecutor v. Sefer Halilović, ICTY, [Appeals Chamber] Appeals judgement summary, case IT-01-48-A,16.10.2007. URL: https://www.icty.org/x/cases/halilovic/acjug/en/071016_Halilovic_summary_en.pdf (дата обращения: 24.02.2025).
9. Prosecutor v. Momčilo Perišic, ICTY, [In trial chamber I] Judgement, case IT-04-81-T, 06.09.2011. URL: https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/IT-04-81/JUD233R0000338816.pdf (дата обращения: 24.02.2025).
10. Prosecutor v. Momčilo Perišic, ICTY, [Appeals Chamber] Judgement, case IT-04-81-A, 28.02.2013. URL: https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/IT-04-81-A/JUD248R0000399801.pdf (дата обращения: 18.03.2025).
11. Prosecutor v. Mile Mrksic, Veselin Sljivancanin, ICTY, [Appeals Chamber] Judgement, case IT-95-13/1-A, 05.05.2009. URL: https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/IT-95-13%231-A/JUD204R0000259801.pdf (дата обращения: 18.03.2025).

12. Prosecutor v. Dusko Tadic, ICTY, [Appeals Chamber] Judgement, case IT-94-1-A, IT-94-1-Abis 26.01.2000. URL: https://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/000126_summary_en.pdf (дата обращения: 11.03.2025).
13. Prosecutor v. Miroslav Kvocka, Mlado Radic, Zoran Zigie, Dragoljub Prcac,Milojica Kos, ICTY, [Appeals Chamber] Judgement, case IT-98-30/1-A, 9.05.2007.2000. URL: https://www.icty.org/x/cases/kvocka/acjug/en/050228_Kvokaetal._summary_en.pdf (дата обращения: 11.03.2025).
14. Prosecutor v. Mitar Vasiljević, ICTY, [Appeals Chamber] Judgement, case IT-98-32-A, 25.02.2004. URL: https://www.icty.org/x/cases/vasiljevic/acjug/en/040225_Vasiljevi_summary_en.pdf (дата обращения: 11.03.2025).
15. Prosecutor v. Tihomir Blaskić, ICTY, [Appeals Chamber] Judgement, case IT-95-14-A, 29.07.2004. URL: https://www.icty.org/x/cases/blaskic/acjug/en/040730_Blaki_summary_en.pdf (дата обращения: 11.03.2025).
16. Prosecutor v. Vidoje Blagojević, Dragan Jokić, ICTY, [Appeals Chamber] Judgement, case IT-94-1-A, IT-02-60-A 09.05.2007. URL: https://www.icty.org/x/cases/blagojevic_jokic/acjug/en/070509_Blagojevic_Jokic_summary_en.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

Mistake of Fact as Grounds for Review of a Judgment in the Tribunal for the Former Yugoslavia

Ziganshin R.R.
University of Management «TISBI» (Kazan)

*The relevance of this study is due to the need to consider appeals in order to ensure fairness and legality of justice. The purpose of the work is to analyze legal solutions for reviewing ICTY court decisions based on errors of fact and their practical application. To this end, the author sets the following objectives: to eliminate the normative-legal regulation of the review of court decisions; to pay attention to the case law of the ICTY in cases where an error of fact led to the sentencing; to determine the criteria for proving errors of fact and their role in the qualification of crimes (according to the principle of *actus reus* aiding and abetting); the emergence of problems allows avoiding uncertainties in the interpretation of the elements of crimes during appellate review. The study confirmed that an error of fact is an emerging, but difficult to prove basis for reviewing ICTY sentences. The key problem in review is the broad adoption of decisions in accordance with the interpretations of the elements of crimes (for example, the need for "specific instructions" for the qualification of aiding and abetting), which leads to contradictory wording.*

The results of the study can be used in legislative activities to harmonize the rules on reviewing decisions at the public and societal level, for the development of training courses on international criminal law and justice, as well as in the practical activities of lawyers arising in international criminal proceedings (for formulating appeal strategies).

Keywords: international tribunal for the former Yugoslavia, international justice, error of fact, judicial precedent, evidence

УДК 343.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-160-164

Требования, предъявляемые к цифровой платформе уголовного судопроизводства

Ибрагимова А.М.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры основ управления, организации и цифровизации прокурорской деятельности Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Актуальность представленной работы обусловлена активным обсуждением в научной среде перспектив цифровизации уголовного судопроизводства и формированием теоретической модели цифрового уголовного судопроизводства.

Целью проведенного исследования является формулирование требований, которым должна отвечать цифровая платформа уголовного судопроизводства для обеспечения реализации назначения российского уголовного судопроизводства.

Задачами исследования является изучение современного состояния развития представлений об использовании цифровых возможностей и правового регулирования некоторых аспектов указанного вопроса, а также изучение зарубежного опыта применения цифровых возможностей в уголовном судопроизводстве на примере законодательства и правоприменительной практики некоторых стран.

Научное и практическое значение статьи заключается в выработке имеющих глубокое теоретическое значение требованиях, соблюдение которых позволит обеспечить безопасность, предсказуемость, но в то же время прозрачность и доступность российского цифрового уголовного судопроизводства.

На основе проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что в условиях многообразия технологических решений без создания теоретических требований к цифровой платформе уголовного судопроизводства, которые изложены в настоящей статье, реализация назначения уголовного судопроизводства будет сложной.

Осмысление перспективы цифровизации уголовного судопроизводства вносит определенный вклад в развитие теории цифровизации уголовного судопроизводства в свете перехода к информационному обществу, в соответствии с существующими государственными документами стратегического планирования и формулированию теоретических положений, содержащих требования к формируемой в теории уголовно-процессуального права цифровой платформе уголовного судопроизводства, в чем заключается и научная новизна предлагаемой широкому кругу читателей научной статьи.

Ключевые слова: *технологичный уголовный процесс, цифровое уголовное судопроизводство, цифровизация, цифровая трансформация, цифровая платформа уголовного судопроизводства*

Для цитирования: *Ибрагимова А.М. Требования, предъявляемые к цифровой платформе уголовного судопроизводства // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 160–164. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-160-164.*

Активное внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни общества вынуждает принять меры для приведения в соответствие с потребностями общества и сферы уголовного судопроизводства. Из всех видов судопроизводства уголовное является наиболее неприспособленным к возросшему значению информационных технологий. Это объяснимо. Ведь на кону стоит высшая ценность – человек, его права и свободы. Необдуманное и поспешное внедрение информационных технологий, не прошедших серьезного научного осмысления, может стоить очень дорого.

Однако внедрение информационных технологий в уголовное судопроизводство – процесс неизбежный и уже запущенный. Первые нормы об электронных документах (ст.ст. 474.1, 474.2 УПК РФ), о цифровых способах взаимодействия (ст. ст. 189.1, 241.1 УПК РФ) уже нашли отражение в уголовно-процессуальном законе.

В ст. 164.1 УПК РФ закреплена отдельная норма, посвященная работе с электронными носителями информации, о порядке использования их в качестве доказательств. Однако в УПК РФ отсутствует упоминание о процессуальном значении электронных доказательств или сведений в электронном виде.

С этим связаны распространенные мнения авторов о необходимости нормативного закрепления понятия «электронное доказательство» [1, с. 109; 2, с. 120; 3, с. 72].

Некоторые авторы возражают против термина «электронное доказательство», но не отрицают назревшую необходимость законодательной регламентации рассматриваемого вида доказательств [4, с. 50].

Немало ученых настаивают на достаточности тех видов (источников) доказательств, которые регламентированы ч. 2 ст. 74 УПК РФ, исключая необходимость легального закрепления электронных доказательств [5, с. 109; 6, с. 49; 7, с. 18–19], в том числе по той причине, что правоприменительная практика находит место сведениям в электронной форме, имеющим доказательственное значение, в традиционной системе доказательств в уголовном судопроизводстве, признавая их преимущественно вещественными доказательствами [8, с. 47].

Все это свидетельствует о начальном этапе зарождения теории цифровизации уголовного судопроизводства, о необходимости научного поиска ответов на вопрос о том, каким должен быть технологичный уголовный процесс в Российской Федерации.

Несмотря на многообразие мнений и подходов относительно значения существующей информации в электронной форме, объединяющим для всех авторов является признание того, что необходима процессуальная регламентации представления и использования имеющих процессуальное значение данных в электронной форме при производстве по уголовным делам.

При работе с любыми электронными сведениями, в особенности имеющими доказательственное значение, остро встает вопрос о необходимости хранения этих сведений и выборе информационного ресурса, в котором будет обеспечиваться хранение таких сведений.

Большинство авторов придерживается мнения о необходимости перехода к электронному уголовному делу. В частности, С.В. Зуев и Н.А. Моругина предложили теоретическую модель электронного уголовного дела [9, с. 83–94], представляющую из себя совокупность нескольких модулей, имеющих процессуальное значение. Представляется, что уголовное дело будет существовать на базе какой-то одной информационной системы, к которой будет обеспечен доступ участникам уголовного судопроизводства.

Такой подход поддержан и другими авторами. В частности, В.Н. Григорьев, А.П. Суходолов, С.С. Ованесян, М.Г. Спасенникова, В.В. Тюньков [10, с. 879], предлагая в качестве объекта правового регулирования цифровую систему, обозначают в качестве таковой отдельную информационную систему, в рамках которой должны регулироваться уголовно-процессуальные отношения.

Однако решение данного вопроса не лежит на поверхности, так как в отличие от традиционных правоотношений цифровые являются новым и малоизученным феноменом. Для формирования представления об объединяющей модели информационной системы необходимо обратиться к зарубежному опыту.

В частности, в США электронное уголовное дело формируется судом в системе *CM/ECF (Case Management and Electronic Case Files*). Все документы, которые загружаются в эту систему, подаются в формате *PDF*. Обеспечивается их онлайн-хранения в веб-сервисе *Evidence.com* [11], который помогает собирать цифровые доказательства. Открытый доступ к файлам электронных уголовных дел обеспечивается централизованно, через общую систему открытого электронного доступа *PACER*, позволяющую пользователям получать сведения о судебных делах и материалы судебных дел [12, с. 123]. Тем самым единая информационная система находится в ведении государственных органов, обеспечивающих контролируемый доступ к материалам уголовного дела.

В результате реформ 2016–2020 гг. в уголовном судопроизводстве Германии внедрено электронного досье. Суть заключается в создании единой информационной системы уголовного судопроизводства, которая позволяет осуществлять обмен цифровой информацией в уголовном судопроизводстве в целом на основе сервиса *DE-MAIL*, работающего по принципу электронной почты. Особенностью является то, что ее операторами являются частные

международные компании связи. В этой связи государство не тратит ресурсы на обеспечение его функционирования [13, с. 113].

Однако контроль за деятельностью оператора осуществляется на государственном уровне в целях обеспечения технически бесперебойного функционирования и предсказуемости всего цифрового уголовного судопроизводства, что весьма важно и для безопасности российского цифрового уголовного судопроизводства [14, с. 148]. В соответствии со ст. 32 УПК ФРГ, данный вопрос находится в компетенции федерального правительства и правительства федеральных земель.

Документы, подаваемые по системе электронного документооборота, должны быть представлены в общераспространенном формате файлов (*pdf, exel, doc, jpeg* и т.п., конкретный перечень которых установлен Федеральным правительством) в виде электронного документа, подписанного квалифицированной подписью, и поданы безопасным способом [13, с. 114].

В Казахстане на законодательном уровне закреплено понятие «электронное уголовное дело», под которым понимается «обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования по поводу одного или нескольких уголовных правонарушений в электронном формате посредством модуля е-УД», производство по которому является регламентированным на уровне организационно-распорядительного документа [15]. Тем самым существующие модули электронного уголовного дела по заданному алгоритму обеспечивают единство процессуальной формы, отклонения от которой возможны с учетом особенностей конкретного уголовного дела и отсутствием некоторых стадий, связанных с обжалованием действий и решений. Цифровая платформа электронного уголовного дела основана на использовании электронной машиночитаемой обрабатываемой информации, неразрывно связанной с электронным взаимодействием всех участников уголовного процесса и предназначенной для осуществления «беспредметного» цифрового уголовного судопроизводства [16, с. 78].

В уголовном судопроизводстве Китайской Народной Республики цифровые возможности используются в двух направлениях – применение технических средств при производстве процессуальных действий (система распознавания лиц, технико-следственные мероприятия, включая полиграф, а также видеосъемка, в том числе тайная, компьютерное прослушивание, прослушивание телефонных переговоров) и цифровые интернет-технологии (осуществление правосудия через интернет, автоматизация процесса расследования уголовных дел, система собирания, хранения, обработки и обмена доказательствами в электронной форме на основе программы «Интернет+», имеющие различные виды подпрограмм, включающих отдельные функции исходя из назначения), облачные хранилища [13, с. 179]. Такие меры позволяют избежать многих бюрократических проволочек и лишнего документооборота. При этом законодатель не отказывается полностью от традиционных уголовно-процессуальных правоотношений, что характеризует гибкий подход в правовом регулировании. Ввиду геополитического соседства и тесного сотрудничества пример Китайской Народной Республики представляет большой интерес для нашего уголовного судопроизводства.

В настоящее время российскими органами, осуществляющими предварительное расследование, органами прокуратуры электронный документооборот осуществляется локально в каждом органе с использованием ведомственных информационных систем. Так, в системе МВД России используется СЭД [17; 18, с. 49], в СК России – АИК «Надзор» [19], в органах Прокуратуры России – АИК «Надзор-WEB» [8, с. 82; 20]. Однако технической инфраструктуры взаимодействия, обеспечивающей интересы уголовного судопроизводства и законодательно закрепленных принципов, уголовно-процессуальное законодательство не содержит.

На общегосударственном уровне предпринимаются попытки межведомственного электронного взаимодействия на основе федеральных информационных систем и различных технологий, включая такие, как блокчейн. Однако, очевидно, что эта мера связана с цифровизацией всех сфер жизни общества, а науке уголовно-процессуального права необходимо выработать теоретические основы цифрового взаимодействия в уголовном судопроизводстве.

С учетом достижений зарубежного законодательства, некоторые из которых изложены нами в предлагаемой работе, интеграция ведомственных информационных систем в целях формирования единой цифровой платформы уголовного судопроизводства должно осуществляться на основе следующих требований:

1. Создание цифровой платформы уголовного судопроизводства должно происходить на основе единой технологической модели для всех организаций, участвующих в уголовном судопроизводстве, включая МВД, Следственный комитет Российской Федерации, прокуратуру, адвокатуру и суд, отдельных физических лиц, участвующих в производстве по уголовным делам, позволяющей связываться онлайн, получать доступ и обмениваться имеющей процессуальное значение технологически единообразной электронной информацией.

2. Единая технологическая модель не исключает функционирование ведомственных информационных систем, интегрирующихся с единой цифровой платформой и обеспечивающих сохранность материалов уголовного дела, направленных в единую цифровую платформу.

3. Функционирование цифровой платформы уголовного судопроизводства должно осуществляться централизованно, предусматривая возможность государственного контроля предсказуемости уголовного судопроизводства независимо от источника финансирования единой цифровой экосистемы в уголовном судопроизводстве.

4. Цифровая платформа уголовного судопроизводства должна обеспечивать надежность работы в ней, заключающуюся в защищенности электронной информации от искажения, уничтожения, модификации, прозрачности функционирования системы и деятельности участников, в совокупности обеспечивающую доверие к цифровому уголовному судопроизводству и достижение назначения уголовного судопроизводства.

5. В цифровой платформе должна быть обеспечена единая процессуальная форма всего цикла цифрового уголовного судопроизводства с учетом существующих законодательных ограничений уголовно-процессуального закона на использование цифрового формата.

Литература:

1. Марфицин П.Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 106–109.
2. Оконенко Р.И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52). С. 120–124.
3. Пастухов П.С., Терехин В.В. К вопросу о понятии и сущности электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2014. № 18. С. 69–75.
4. Зигура Н.А. Природа компьютерной информации как доказательства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 28 (161). С. 50–52.
5. Олиндер Н.В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 3. С. 107–110.
6. Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 3 (26). С. 46–51.
7. Калиновский К.Б., Маркелова Т.Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18–19.
8. Ступаченко Е.В. Цифровизация организации прокурорской деятельности как необходимое условие функционирования органов прокуратуры в условиях развития информационного общества // Административное право и процесс. 2024. № 9. С. 81–84.
9. Зуев С.В., Моругина Н.А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3(57). С. 83–94.
10. Григорьев В.Н., Суходолов А.П., Ованесян С.С., Спасенникова М.Г., Тюньков В.В. Цифровые информационные платформы как предмет нормативно-правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 6. С. 873–883.
11. EVIDENCE.com расширяет свою облачную «Виртуальную комнату для сбора улик». URL: https://tracxn.com/d/companies/evidence.com.
12. Моругина, Н.А. Зарубежный опыт использования электронного производства по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 1(67). С. 117–143.
13. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран: монография / Под ред. д-ра. юрид. наук С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2020. 216 с.
14. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Применение видеоконференц-связи в досудебном производстве как мера безопасности участника следственного действия // Юридический вестник Дагестанского государственного ун-та. 2022. Т. 43. № 3. С. 147–152.
15. Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 03.01.2018 г. № 2 «Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» (зарег. в Министерстве юстиции Республики Казахстан 23.01.2018 г. № 16268) // ИПС «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268 (дата обращения: 13.05. 2025).
16. Зуев С.В. Информационно-технологический процесс уголовного судопроизводства: вопрос времени // Технологии XXI века в юриспруден-

ции: материалы Шестой всерос. науч.-практ. конференции (Екатеринбург, 24 мая 2024 г.). Екатеринбург: АНО «КримЛиб», 2024. С. 77–82.
17. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 14.11.2022 г. № 855 «Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
18. Шевырталов Е.П., Дерюгин Р.А. Организационно-тактические особенности проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 45–50.
19. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 18.07.2012 г. № 40 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству Следственного комитета Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
20. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.05.2016 г. № 276 «Об утверждении Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Requirements for the Digital Platform of Criminal Justice

Ibragimova A.M.
Kazan Law Institute (branch) University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

The relevance of the presented work is due to the active discussion in the scientific community of the prospects of digitalization of criminal proceedings and the formation of a theoretical model of digital criminal proceedings.

The purpose of the study is to formulate the requirements that the digital platform of criminal justice must meet in order to ensure the implementation of the purpose of Russian criminal justice.

The objectives of the research are to study the current state of development of ideas about the use of digital opportunities and the legal regulation of some aspects of this issue, as well as to study foreign experience in the use of digital opportunities in criminal proceedings using the example of legislation and law enforcement practice in some countries.

The scientific and practical significance of the article lies in the development of requirements with deep theoretical significance, the observance of which will ensure the security, predictability, but at the same time transparency and accessibility of Russian digital criminal proceedings.

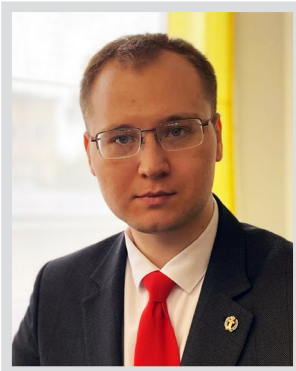
Based on the conducted research, the author came to the conclusion that in conditions of a variety of technological solutions without creating theoretical requirements for the digital platform of criminal proceedings, which are described in this article, the implementation of the purpose of criminal proceedings will be difficult.

Understanding the prospects of digitalization of criminal proceedings makes a definite contribution to the development of the theory of digitalization of criminal proceedings in the light of the transition to an information society in accordance with existing state strategic planning documents and the formulation of theoretical provisions containing requirements for the digital platform of criminal proceedings formed in the theory of criminal procedure law, which is the scientific novelty of the scientific article proposed to a wide range of readers.

Keywords: technological criminal process, digital criminal proceedings, digitalization, digital transformation, digital platform of criminal proceedings

УДК 347.42
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-165-168

Проблема определения критериев добросовестности одностороннего отказа от обязательства

Идрисов Т.Р.
Аспирант кафедры гражданского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы обоснована результатом анализа судебных дел, вызванных односторонним отказом от обязательства. Целью исследования является уточнение критериев добросовестности в действующем гражданском праве РФ, рассматриваемых в качестве ключевого механизма эффективного разрешения юридических споров, возникающих в результате отказа от договора. Задачи: выделить основные подходы к определению критериев добросовестности, существующие в отечественной цивилистике; выявить противоречия в содержании указанных подходов и предложить пути их разрешения; определить критерии добросовестности, направленные непосредственно на разрешение гражданско-правовых споров в связи с односторонним отказом от обязательства. Практическая значимость публикации обусловлена возможностью конкретного применения критериев добросовестности в судебной практике при разрешении споров между сторонами договора. Итогом проведенного исследования является вывод об обязательном рассмотрении критериев добросовестности в практике разрешения судебных споров. Отсутствие четких нормативных ориентиров в этом вопросе является препятствием для эффективного разрешения конфликта, возникающего в связи с односторонним отказом от обязательства. Новизна исследования основана на выделении критериев добросовестности, обладающих правовой нормативностью и применимых в судебной практике.

Ключевые слова: *договорное обязательство, принцип и критерии добросовестности, односторонний отказ от договора*

Для цитирования: *Идрисов Т.Р. Проблема определения критериев добросовестности одностороннего отказа от обязательства // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 165–168. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-165-168.*

Одним из базовых принципов исполнения гражданско-правового обязательства в действующем праве является принцип реального исполнения договора. В соответствии с ним предписывается безусловная необходимость выполнить обязательство в натуре, т.е. исполнить именно то действие, которое выступает в качестве предмета договорного обязательства. Безусловность указанного принципа усиливается тем, что данное обязательство сохраняется даже в случае уплаты неустойки недобросовестной стороной. Освобождение от исполнения обязательства возможно только в случае, если таковое допускается законом или предусмотрено условиями самого договора [1]. Наиболее явно принцип реального исполнения договора представлен в содержании ст. 505 ГК РФ, согласно которой ни возмещение убытков, ни уплата неустойки не освобождают продавца от исполнения обязательства в натуре [1].

Тем не менее судебная практика указала на необходимость допущения исключений даже в подобном основополагающем принципе. Результатом этой практики стало принятие 24.03.2016 г. Пленумом

Верховного Суда РФ Постановления № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». В нем, в частности, уточняется смысл п. 1 ст. 308.3 ГК РФ. Позиция Верховного Суда РФ в данном случае исходит из того, что исполнение договорного обязательства будет невозможным, если сам предмет, подлежащий передаче должником кредитору, оказался уничтожен (состояние «гибели индивидуально-определенной вещи»). Подобное освобождение от исполнения договора также может вступить в силу, если таковое противоречит правомерному акту государственной власти или органа местного самоуправления [2].

Еще одним условием исключения из реализации принципа реального исполнения договора выступает невозможность кредитора требовать в судебном порядке исполнения в натуре обязательства, «исполнение которого настолько связано с личностью должника, что его принудительное исполнение будет нарушать принцип уважения чести и достоинства гражданина» [2]. Данная ситуация рассматривается в указанном Постановлении на примере невозможности исполнения некоего музыкального произведения на концерте.

Таким образом, в судебной практике возникают противоречия в трактовке принципа реального исполнения договора. С одной стороны, он требует неукоснительного соблюдения, с другой – допускает определенные исключения. По сути в данном случае сталкиваются между собой юридическая природа гражданского обязательства и принципы его исполнения и отказ от исполнения договора. При этом с точки зрения защиты законного права контрагентов, обе позиции одинаково важны. Требование неукоснительного соблюдения гражданско-правового обязательства остается главным гарантом обеспечения выполнения обязанностей должником, неким стандартом исходного страхования для кредитора. В свою очередь, односторонний отказ от исполнения договорного условия также может выступать в качестве вынужденного механизма защиты законных интересов кредитора. Однако в другом, внешне схожем, случае подобный односторонний отказ может оказаться умышленным нарушением прав контрагента.

В связи с этим наиболее значимым и сложным аспектом проблемы остается необходимость разделения правомерного и неправомерного отказа от исполнения обязательства. Иначе говоря, вопрос сводится к определению критериев добросовестности одностороннего отказа от обязательства, исследованию обстоятельств, легализующих поведение контрагента, для которого данный отказ оказался юридически оправданным и наиболее эффективным выходом из сложившейся ситуации.

Определение точных критериев само по себе усложняется, так как осуществлять его приходится в условиях изменения содержания современного гражданского права, понимания его базовых принципов. Между тем подходы к понятию добросовестности имеют достаточно давние традиции. К.П. Бергер и Т. Арнц указывают, что время его формирования в правовой мысли следует относить еще к содержанию римского права [3, с. 240]. При этом проблема последующего правоприменения данного понятия возникает в связи с самой его природой. К.П. Бергер и Т. Арнц отмечают невозможность выработки целостного унифицированного подхода к понятию добросовестности, так как оно выступает прежде всего в качестве этическо-морального стандарта. Формы проявления и применения такого стандарта весьма разнообразны в связи с условиями различных правопорядков. Поэтому практическое содержание указанного морального стандарта должно рассматриваться в каждом конкретном случае отдельно [3, с. 240].

Однако даже в подобной форме применение моральных стандартов в юридической практике невозможно в силу, прежде всего, их темпорального характера, допускающего перманентные изменения в содержании под влиянием социального развития. Поэтому дальнейшее формирование гражданско-правовой мысли требовало применения более определенного, нормативного подхода к поставленной проблеме.

Одной из первых таких попыток стало исследование И.Б. Новицкого 1916 г. «Принцип доброй совести в проекте обязательственного права». В ней он оттолкнулся от прежнего морально-этического содержания принципа добросовестности, основываясь на позиции известнейших философов права Л.И. Петражицкого и Р. Штаммлера, провозглашавших юридическое понимание доброй совести как некое воплощение принципа любви и социального идеала [4, с. 131]. Следующее из этого определение И.Б. Новицкого по сути содержит ряд ключевых, по мнению автора, критериев: «сообразование собственного интереса с чужими, установление известных границ для проявления эгоизма, признание интересов общества» [4, с. 132].

Указанное выше расхождение между абстрактным пониманием этики и юридической нормативностью сохранилось и в современном дискурсе по проблеме. Достаточно широко, например, трактует принцип добросовестности А.М. Ширвиндт, определяя его как некий ориентир на включение в содержание договорных отношений объективных элементов социального порядка [5, с. 241]. Более близкой к нормативному пониманию представляется позиция К.В. Нама, исходящая из особой роли добросовестности в обеспечении правоприменения другого важнейшего юридического принципа справедливости. Нормативность в данном случае выражается в том, что понимание справедливости в свою очередь не должно зависеть от субъективной пози-

ции судей, а определяться «законом, правом и общепринятыми в обществе и поддерживаемыми правом ценностями» [6, с. 37].

Сохраняющуюся проблему определения критериев добросовестности отмечает А.Я. Рыженков, объясняя ее спорностью оценок в силу большого числа частных случаев, а также субъектов, принимающих решения по конкретным делам [7, с. 70]. Разумным выходом из сложившейся ситуации он видит применение нормативного подхода, основанного на официальном толковании судебных и административных органов. Только эти толкования способны предоставить суду действительно четкие критерии, облегчающие последующее принятие решений по делу [7, с. 70].

Позиция А.Я. Рыженкова представляется наиболее аргументированной и рациональной. Поэтому в определении критериев добросовестности отечественная цивилистика все больше основывается именно на нормах действующего гражданского законодательства. Принцип добросовестности получил в нем относительно недавнее воплощение – только в конце 2012 г., когда соответствующие изменения были внесены Федеральным законом от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [8] (в действовавшем ранее Гражданском кодексе 1964 г. присутствовало лишь указание на добросовестного приобретателя и добросовестного владельца [9, с. 74]).

В исследовании В.И. Емельянова, например, проводится анализ содержания ст.ст. 157, 220, 303, 1109 ГК РФ, в которых раскрывается понимание противоположного явления – недобросовестности участников гражданских правоотношений. Опираясь на данные статьи закона, автор называет основанием определения добросовестности лица отсутствие умысла, легкомыслия и небрежности при причинении вреда [9, с. 75].

А.Я. Рыженков добавляет к данному перечню более ориентированные на содержание договорного права критерии, к числу которых он относит «отсутствие излишних обременений для одной из сторон договора, наличие баланса интересов сторон, а также соответствие устоявшимся деловым обыкновениям» [7, с. 70]. Указанные критерии могут быть отнесены и к ситуации добросовестного отказа от обязательства.

К.В. Нам не указывает прямого перечня критериев добросовестности, выделяя в первую очередь функции этого принципа. В их числе он называет функцию принципа добросовестности как генеральной оговорки, а также конкретизирующую, дополняющую, ограничительную, корректирующую функции [10]. Однако анализ указанных функций дает возможность определить интересующие нас критерии добросовестности, действующие в отношении одностороннего отказа от обязательства.

Таковыми, по нашему мнению, следует считать:

– отсутствие извлечения преимущества из ситуации одностороннего отказа от обязательства;

– учет прав и законных интересов другой стороны договора, оказание мер, необходимых для реализации предусмотренного договором обязательства, предоставление бывшему партнеру полной информации в условиях возникшей ситуации одностороннего отказа от обязательства [1];

– соблюдение дополнительных обязанностей, даже если они не были оговорены условиями договора или содержанием действующего законодательства;

– частичное исполнение договорного обязательства или незначительное нарушение сроков должником в случае несущественности неисполненной части и отсутствии факта нарушения прав и интересов кредитора;

– отказ от обязательства при расторжении договора, если произошло «существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора» [1];

– отказ от договорного обязательства, «когда в силу определенных обстоятельств исполнение для должника становится неприемлемым» [10, с. 40].

Достаточно категорично оценивают ситуацию одностороннего отказа от обязательства Л.А. Чеговадзе и Т.В. Дерюгина, обусловливая добросовестность поведения контрагентов исключительно исполнением договорного обязательства и недопустимостью отступления от принципа «равное за равное» [11, с. 65]. В подобном понимании соблюдение указанного принципа выступает в качестве единственного критерия добросовестности.

Таким образом, рассматривая односторонний отказ от исполнения обязательства в контексте критериев его добросовестности, можно отметить прямую взаимосвязь такого юридического действия с принципами исполнения гражданско-правовых обязательств. Обращение к принципу добросовестности возможно в случае, если факт отказа от договора формально подпадает под нормативное регулирование, но его применение будет иметь очевидно несправедливый характер. Главным критерием добросовестности в подобной правовой ситуации будет оставаться стремление к соблюдению принципов исполнения обязательств, важнейшими из которых являются надлежащее исполнение обязательства, недопустимость отказа от обязательства и реальное исполнение договорного обязательства. При этом практические ситуации, естественно, обладают своими отличительными особенностями. Однако с позиции соблюдения духа и буквы закона прежде всего требуется подтверждение фактов, свидетельствующих о наличии указанного выше стремления. В противном случае отказ от обязательства может оцениваться как злоупотребление правом и недобросовестное поведение.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32 (ч. 1). Ст. 396.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (ред. от 22.06.2021) // СПС Консультант Плюс.
3. Бергер К.П., Арнц Т. Принцип добросовестности в английском коммерческом праве. Обзор актуальной английской судебной практики // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 234–269.
4. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124–181.
5. Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // Aequum ius. Сборник статей. М.: Статут, 2014. С. 203–242.
6. Нам К.В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта: автореф. дисс. … докт. юрид. наук. М., 2021. 45 с.
7. Рыженков А.Я. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 68–71.
8. Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1).
9. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: «Лекс-Книга», 2002. 160 с.
10. Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 32–42.
11. Чеговадзе Л.А., Дерюгина Т.В. Правовая природа платы за односторонний отказ от исполнения обязательства // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9. С. 57–65.

The Problem of Determining the Criteria of Good Faith of Unilateral Repudiation of an Obligation

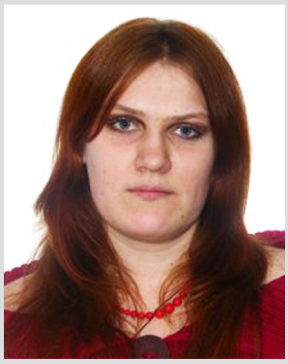
Idrisov T.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the topic is justified by the practice of court cases caused by unilateral repudiation of the obligation. The complexity of the current stage of economic development has further exacerbated this problem. The purpose of the study is to clarify the criteria of good faith in the current civil law of the Russian Federation, considered as a key mechanism for effective resolution of legal disputes arising from the repudiation of a contract. Objectives: to identify the main approaches to determining the criteria of good faith, existing in domestic civilistic; to identify contradictions in the content of these approaches and propose ways to resolve them; to determine the criteria of good faith, aimed directly at resolving civil law disputes in connection with unilateral repudiation of the obligation. The practical significance of the publication is due to the possibility of normative application of good faith criteria in judicial practice when resolving disputes between parties to a contract. The outcome of the study is the conclusion that the criteria of good faith must be considered in the practice of resolving court disputes. The lack of clear normative guidance on this issue is an obstacle to the effective resolution of a conflict arising from a unilateral repudiation of an obligation. The novelty of the study is based on the identification of criteria of good faith that have legal normativity and are applicable in judicial practice.

Key words: contractual obligation, principle and criteria of good faith, unilateral withdrawal from the contract

УДК 340.12
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-169-172

Идеология демократического конфедерализма и конституционное строительство в Сирийском Курдистане

Калинина Е.Ю.
Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Абдуллазаде Н.Р.
Магистр международных отношений, ассистент кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Данная работа является исследованием политико-правовых процессов формирования конституционного строя, основанного на идеологии демократического конфедерализма в самопровозглашенной автономии северной и восточной Сирии (Рожава, Сирийский Курдистан). Целью исследования является определение государственного строя и политического режима, сформировавшегося в вышеназванной автономии. Актуальность данной работы связана со стремительно меняющейся обстановкой на Ближнем Востоке, конкретно в Сирии – это свержение режима президента Башара Асада в декабре 2024 г. и процессы взаимодействия новых властей Сирии с уже сформировавшейся курдской автономией на севере и востоке страны. В работе был применен метод юридического анализа конституционных норм Хартии Рожавы и их сравнения с основными политическими принципами идеологии демократического конфедерализма. Научная ценность данного исследования заключается в изучении идеологических основ конституционного строительства в Рожаве и определении дальнейших перспектив сосуществования автономии с центральным правительством Сирии после свержения Башара Асада.

Ключевые слова: *Сирия, Сирийский Курдистан, Демократический конфедерализм, Конституция Рожавы, государственный строй, политический режим*

Для цитирования: *Калинина Е.Ю., Абдуллазаде Н.Р. Идеология демократического конфедерализма и конституционное строительство в Сирийском Курдистане // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 169–172. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-169-172.*

Одной из сторон Сирийской гражданской войны (2011–2024 гг.) являлось курдское национальное меньшинство этой арабской республики. В Сирии курды проживают в основном на северо-востоке страны и составляют примерно от 15 до 17 % населения республики [1]. На начальном этапе гражданской войны в 2011 г. сирийские курды сохраняли лояльность баасистскому режиму в Дамаске, однако с эскалацией гражданской войны и угрозой международного терроризма курдские политические силы

приступили к формированию самопровозглашенной автономии на северо-востоке Сирии.

Ведущая роль в курдском движении Сирии принадлежит партии «Демократический союз» (*Partiya Yekitiya Demorkrat, PYD*) [2]. Программа *PYD* основана на идеологии демократического конфедерализма, автором которой является лидер курдского революционного движения Абдулла Оджалан. Необходимо упомянуть, что *PYD* тесно связана с Курдской рабочей партией (*PKK, Partiya Karkeren Kurdistane*), признанной террористической организацией в Турции и в ЕС [3]. *PYD* является частью зонтичной коалиции политических партий Рожавы «Движение за демократическое общество» или *TEV-DEM* (курд. *Tevgera Civaka Demokratik*). Курдское слово «*Rojava*» (в русской транскрипции Рожава) означает Запад и применяется самими курдами для обозначения Сирийского Курдистана.

Формально автономия на севере и востоке Сирии была сформирована в 2014 г., когда были провозглашены три автономных кантона: Африн, Джизре и Кобани. В том же году, 29 января 2014 г., была принята так называемая Конституция кантонов Рожавы [4], которая официально именуется «Общественный договор кантонов Рожавы» в Сирии (иногда кратко Хартия Рожавы).

Доминирующей идеологией курдского движения в Сирии является не классический национализм или национально-освободительное движение, а левая, близкая анархизму, концепция демократического конфедерализма. Еще одно название этой идеологии – апоизм (иногда встречается название «апочизм»), от курдского слова «апо», что значит «дядя», это прозвище основателя Курдской рабочей партии Абдуллы Оджалана. Демократический конфедерализм по многим свои пунктам совпадает с теорией либертарного муниципализа американского мыслителя и анархистского активиста Мюррея Букчина [5]. Однако, продолжая идеи М. Букчина, Абдулла Оджалан делает акцент на борьбе с этнической и религиозной дискриминацией, важной темой для апоистов является эмансипация женщин, далекая от европейского феминизма, прямая демократия и «зеленая» экономика [6, с. 55].

Следует особо подчеркнуть, что политические силы Рожавы декларируют принцип территориальной целостности Сирии и никак не стремятся к отделению от Арабской республики. То есть это движение провозглашает отказ от сепаратизма, но взамен предлагает модель уникального демократического проекта для всей страны [1]. Система политической власти, сформированная в Рожаве, напоминает идею советской власти, но без большевиков. Программа демократического конфедерализма для Сирии является продолжением и логическим развитием концепции правового государства [7, с. 33].

Конституцией курдской автономии является «Общественный договор кантонов Рожавы» или как Хартия Рожавы. В преамбуле Хартии провозглашается, что народ Демократических автономных регионов Африна, Джизре и Кобани, конфедерация курдов, арабов, сирийцев, арамеев, туркоманов, армян и чеченцев объединены на основе принципов мирного сосуществования, плюрализма и возможности для всех участвовать в общественной жизни. Целью объединения является строительство общества, свободного от авторитаризма, милитаризма, централизма и вмешательства со стороны религиозных структур. Хартия Рожавы закрепила территориальную целостность Сирии и стремление ее народов к установлению внутреннего и внешнего мира [4]. Как видно из приведенного примера, преамбула полностью выдержана в духе принципов демократического конфедерализма.

Именно прогрессивные, по сути, левые идеи, заложенные в Общественном договоре кантонов Рожавы, стали настоящим революционным событием на Ближнем Востоке. Уже в самой преамбуле перечисляются этнические и религиозные группы, представленные как полноправные и равные участники нового сообщества. Стоит напомнить, что до этого многие национальные меньшинства (ассирийцы, туркоманы, армяне и др.) подвергались дискриминации и ассимиляции со стороны руководства арабской националистической партии «Баас». Важным дополнением будет то, что в самой преамбуле признается территориальная целостность Сирии.

Принципы демократического конфедерализма и в дальнейшем нашли свое отражение в Хартии Кантонов Рожавы, состоящей из 9 разделов и 95 статей. В ст. 3 Хартии Рожавы провозглашается демократический характер будущей Сирии, управляемой парламентской системой на основе принципов децентрализма и плюрализма. Структура управления Автономией представлена в ст. 4 Хартии Рожавы и состоит из Законодательной ассамблеи, Исполнительных советов кантонов, Высшей избирательной комиссии, Высших конституционных судов и муниципальных и региональных советов.

В ст. 6 Конституции провозглашается равенство каждого человека и каждой общины перед законом. Ст. 7 предоставляет право каждому городу или даже деревне, принимающей принципы, представленные в Хартии Рожавы, присоединиться к автономии и сформировать свой кантон. В ст. 12 снова повторяется принцип территориальной целостности Сирии и провозглашается то, что нынешняя автономия является моделью для будущего децентрализованного, федеративного, демократического устройства Сирии [4]. Таким образом, отказ от сепаратизма и построения этно-национального государства закреплен юридически в самой Конституции автономии.

Второй раздел Общественного договора кантонов Рожавы называется «Основные принципы» и включает ст.ст. с 13 по 20. Особый интерес представляет ст. 15, в которой четко указывается, что единственной законной вооруженной силой на территории Автономных регионов являются Отряды народной самообороны (курдск. *Yekineyen Parastina Gel, YPG*). Кроме того, в Сирийском Курдистане существуют Отряды женской самообороны (*Yekineyen Parastina Jin, YPJ*), действующие как ветвь *YPG*. В той же статье упоминаются силы Асайиш, выполняющие полицейские функции на территории автономии.

Третий раздел Хартии Рожавы посвящен правам и свободам человека. В Общественном договоре кантонов Рожавы провозглашается, что Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах являются его составной частью (ст. 21) [4]. Ст. 23 провозглашает право каждого на проявление своих этнических, культурных, языковых и гендерных прав, а также право каждого жить в здоровой экологической среде. Согласно Конституции кантонов Рожавы, каждый имеет право на выражение своего мнения и распространение любой информации. Свобода слова может быть ограничена только по соображениям безопасности. Ст. 27 Хартии провозглашает равноправие женщин и их право участвовать в политической, общественной, экономической и культурной жизни. Также в Хартии упоминаются права детей и есть прямой запрет на ранние браки. То есть, согласно ст. 29, запрещается вступать в брак до достижения совершеннолетия. Ст. 30 перечисляет право каждого на: личную безопасность, бесплатное общее образование, защиту материнства и детства, здравоохранение и т.д. Важным пунктом является свобода вероисповедания. Но одна религия в Хартии Рожавы упоминается отдельно – это езидизм (религия езидов, субэтноса курдов). Дело в том, что на протяжении многих веков езиды подвергались дискриминации и преследованиям со стороны мусульман. Это преследование езидов переросло в геноцид со стороны исламских террористов [8]. Именно по причине дискриминации езидов это меньшинство было взято под особую защиту Конституцией Рожавы, хотя на территории Сирии езидов значительно меньше, чем в Иракском Курдистане. Также интерес представляет норма о праве на политическое убежище (ст. 37), которая предоставляет каждому право на поиск убежища от преследования на территории Автономных Регионов.

Согласно Конституции Рожавы, выборы в Законодательную ассамблею являются прямыми и проводятся каждые четыре года. При этом ни один член Законодательной ассамблеи не может избираться более двух раз подряд. Возраст, с которого можно избираться в Законодательную ассамблею, – 22 года (ст. 49). Законодательная ассамблея формирует Исполнительный совет и выбирает глав кантонов.

Шестая часть Конституции посвящена отправлению правосудия в Автономных регионах. Седьмой и восьмой разделы Хартии Рожавы посвящены, соответственно, принципам функционирования и формирования Высшей избирательной комиссии и Высшего конституционного суда. Девятый раздел представляет статьи, посвященные основным процедурам внесения изменений и поправок в Конституцию.

Исходя из вышеизложенного можно сделать выводы, о том, что Хартия Рожавы представляет собой самую настоящую зрелую конституцию, основанную на прогрессивных, демократических и светских началах. Сформировавшая конституционная модель в Сирийском Курдистане отвергает расизм, религиозный фундаментализм, любую дискриминацию по признаку пола, религии, национальности и т.д. Система публичной власти, выстроенная, согласно Хартии Рожавы, создает предпосылки формирования демократического, толерантного общества. С политической точки зрения Сирийский Курдистан на данный момент представляет собой более прогрессивную и жизнеспособную модель организации общества на началах демократического конфедерализма.

Однако сложно определить государственный строй, сложившийся в автономии. Дело в том, что сама идея демократического конфедерализма отвергает стремление к построению этно-национального государства, как это пишет сам Абдулла Оджалан [9, с. 30]. Это роднит демократический конфедерализм с анархистскими идеями. Но при изучении сложившихся реалий в Автономной администрации Северной и Восточной Сирии (далее – ААСВС) становится очевидным, что это – не анархистская утопия, а вполне функционирующая автономия с устоявшимися институтами власти. Однозначно, государственный строй автономии – не монархия, но и ни к какой известной форме республики ее отнести мы тоже не можем. В отличие от Курдского регионального правительства (автономия в Иракском Курдистане) в ААСВС нет поста президента. Учитывая то, что автономия является, по сути, конфедерацией кантонов, ее условно можно сравнить по структуре с ранним Швейцарским союзом или, как было отмечено ранее, с советской республикой, но без диктатуры одной партии. Де-юре – это конфедерация с децентрализованной республиканской формой правления и демократическим политическим режимом. С другой стороны, на территории автономии доминируют политические силы, придерживающиеся левой идеологии, многие из которых состоят в *TEV-DEM*. То есть на политическом поле абсолютное доминирование левых партий, представляющих курдов, арабов и ассирийцев.

Данное выше определение государственного строя автономии нельзя считать исчерпывающим ввиду того, что и ААСВС и демократический конфедерализм являются уникальными явлениями и требуют более детального изучения.

Литература:

1. Matin K. Democratic confederalism and societal multiplicity: a sympathetic critique of Abdullah Öcalan's State theory // Geopolitics. 2019. № 26(1). P. 1–20. DOI:10.1080/14650045.2019.1688785
2. Партия «Демократический союз». URL: http://pydrojava.org/english/ (дата обращения: 25.03.2025).
3. Council Decision (CFSP) 2024/332 of 16 January 2024 updating the list of persons, groups and entities covered by Common Position 2001/931/CFSP on the application of specific measures to combat terrorism, and repealing Decision (CFSP) 2023/1514 // An official website of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024D0332.
4. The Constitution of Rojava Cantons. URL: https://civiroglu.net/the-constitution-of-the-rojava-cantons/ (дата обращения: 25.03.2025).
5. Zaher B. Confederalism, Democratic Confederalism and Rojava 2018. URL: https://libcom.org/article/confederalism-democratic-confederalism-and-rojava (дата обращения: 25.03.2025).
6. Abdulla Ocalan. Liberating Life: Woman's Revolution. 2013. International Initiative Edition. Cologne, Germany, 2013. URL: https://www.kurdipedia.org/files/books/2022/439582.PDF?ver=133101588289663126
7. Глушаченко С.Б., Билашенко Е.В., Зуев А.В. Исторические предпосылки возникновения и развития концепции правового государства // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 1. С. 32–36.
8. «Islamic State Killed 500 Yazidis, Buried Some Victims Alive». URL: https://www.huffpost.com/entry/yazidis-islamic-state-massacre_n_5665655 (дата обращения: 25.03.2025).
9. Abdulla Ocalan. Democratic Confederalism 2017. International Initiative Edition. Cologne, Germany, 2017. 300 p.

The Ideology of Democratic Confederalism and Constitutional Construction in Syrian Kurdistan

Kalinina E.Y., Abdullazade N.R.
The Russian State Pedagogical University of A.I. Herzen (Saint Petersburg)

This work is a study of the political and legal processes of the formation of a constitutional system based on the ideology of democratic confederalism in the self-proclaimed autonomy of northern and eastern Syria (Rojava, Syrian Kurdistan). The purpose of the study is to determine the state system and the political regime formed in the above-mentioned autonomy. The relevance of this work is related to the rapidly changing situation in the Middle East, specifically in Syria – the overthrow of the regime of President Bashar al-Assad in December 2024. and the processes of interaction between the new Syrian authorities and the already established Kurdish autonomy in the north and east of the country. The method of legal analysis of the constitutional norms of the Charter of Rojava and their comparison with the basic political principles of the ideology of democratic confederalism was applied in the work. The scientific value of this research lies in the study of the ideological foundations of constitutional construction in Rojava and the prospects for the coexistence of autonomy with the central government of Syria after the overthrow of Bashar al-Assad.

Keywords: Syria, Syrian Kurdistan, Democratic Confederalism, Constitution of Rojava, state system, political regime

УДК 340.15
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-173-177

Институт договора товарищества в римском частном праве

Кобчикова Е.В.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Макаров Т.Г.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
доцент кафедры гражданского права Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева

Положения об обязательствах и договорах являются такими институтами римского частного права, которые особенно сильно повлияли на современное гражданское право. В статье подробно рассмотрены происхождение и развитие института contractus societas, т.е. договора товарищества. Данный договор присутствует и в современном российском гражданском законодательстве. В связи с этим исследование института договора товарищества в римском частном праве представляется актуальным.

Целью данного исследования является формирование комплексного научного представления о происхождении и развитии института contractus societas, т.е. договора товарищества, в римском частном праве. Задачей исследования является рассмотрение различных разновидностей института contractus societas, таких как societas unius rei, при которой имущество участников было строго обособлено и общей собственности не возникало, а также contractus societas negotiationis, при которой имущество становилось общей собственностью товарищей с момента его приобретения.

Научная значимость исследования заключается в выявлении основных характеристик института договора товарищества, подробно урегулированного по самым разнообразным аспектам к моменту кодификации Юстиниана.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в вопросах изучения римского частного права. Научная новизна исследования состоит в сформированном авторами комплексном научном представлении о происхождении и развитии института договора товарищества.

Ключевые слова: *договор товарищества, римское частное право, кодификация Юстиниана, имущество товарищей, общая собственность*

Для цитирования: *Кобчикова Е.В., Макаров Т.Г. Институт договора товарищества в римском частном праве // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 173–177. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-173-177.*

Римское обязательственное право содержало в себе достаточное количество договоров, подавляющее большинство которых вошло в гражданское законодательство современных стран и прежде всего стран континентальной правовой семьи. То же самое можно сказать и о договоре товарищества. Кроме того, именно договор товарищества претерпел наименьшие изменения со времен его закрепления в Кодификации Юстиниана и до наших дней. В связи с этим соображением авторы данной статьи решили обратиться к этой договорной конструкции, проследив в том числе и ее постепенное развитие и обозначив ее окончательное формирование в Кодификации Юстиниана.

Хотя институт договора товарищества (*contractus societas*) известен был еще с достаточно ранних времен, его развитие можно проследить лишь отчасти вследствие фрагментарности источников. Из результата деятельности кодификационной комиссии Юстиниана можно извлечь лишь разбросанные отрывки касательно данного института.

В императорский период уже существовали различные формы хозяйственных объединений, в т.ч. и товарищества. С этого периода можно проследить достаточно крупные ассоциации для различных промышленных целей. В законодательстве Юстиниана вследствие бурного роста экономической активности товарищество уже существует как устоявшийся институт, а устаревшие первичные его формы практически в данной кодификации не отражаются.

Причиной, побудившей лиц объединяться в товарищество, является то обстоятельство, что для достижения определенной экономической цели ресурсов отдельного участника недостаточно. Речь идет прежде всего о ресурсах материальных. Поставленная цель может быть достигнута только на объединенные средства. Объединения такого рода обычно носили характер долгосрочный и постоянный, но самостоятельного субъекта права не возникало. И.А. Покровский справедливо указывал, что *societas* (товарищество) произошло от *consortium* (соглашения), т.е. соглашения между братьями после смерти их отца не разделяться и продолжать вести хозяйство сообща. Это происхождение отражается и в позднейшем праве в том, что вообще отношения между *socii* (товарищами) носят на себе печать особо *fraternitas* (братства) [1, с. 542].

Кроме того, изначально и торговые товарищества Рима были основаны на родственных узах, т.е. были семейными союзами и чаще всего их участниками были сонаследники. Данный тип полного товарищества (*societas omnium bonorum*) включал в себя все семейное имущество, и, возможно, именно он и породил прочие разновидности товариществ. С другой стороны, *societas omnium bonorum* в подавляющем большинстве случаев имел место между ближайшими родственниками и только в исключительных случаях между посторонними лицами.

Уже в императорский период усиливается имущественная самостоятельность *filli familias* (в данном контексте – подвластные), в связи с чем наследство, полученное от отца, уже перестает быть единственным имуществом детей. Поэтому *societas omnium bonorum* встречается уже значительно реже, хотя окончательно и не исчезает.

Со временем, когда хозяйственная жизнь римского общества усложнилась, появляются *societas unius negotiationis* (товарищество, созданное для одной какой-либо деятельности) и *societas unius rei* (товарищество, созданное для одного конкретного дела), когда «стороны предусматривали по договору долю участия каждого из компаньонов, и товарищи обязывались сделать указанное имущество общей собственностью (*pro quota*)» [2, с. 423]. Таким образом, при объединении лиц в *societas* предполагалась передача личного имущества в общую собственность.

Возникшее раньше *societas unius rei* всегда имело временный характер. Такое товарищество преследовало цель – заключение только одной сделки. Имущество участников было строго обособлено, общей собственности здесь не возникало. Как правило, целью товарищества было приобретение какой-либо вещи, и тот из участников, который, как представитель других, приобретал имущество, становился и его собственником. Впоследствии другие товарищи могли требовать передачи этого имущества в общую собственность [3, с. 53; 4, с. 508].

Такие же правила действовали и в случае отчуждения в интересах товарищества вещи, принадлежащей кому-либо из участников. Такая вещь до момента продажи остается в собственности предоставившего ее участника. Другие участники имеют право на распределение прибыли, полученной от продажи вещи [3, с. 44; 4, с. 555]. Таким образом, имущество участников *contractus societas unius rei* оставалось строго обособленным, а их самих связывали строго обязательственные отношения.

Впоследствии возникает другая разновидность *contractus societas – contractus societas negotiationis*. Здесь имущество становилось общей собственностью товарищей с момента его приобретения [3, с. 28; 4, с. 524]. Причем общая собственность возникает здесь сразу на основании заключенного договора товарищества. Такое имущество, находившееся в общей собственности, являлось предметом различных сделок (*negotiationis*). Вещь могла как приносить прибыль в пользу товарищества, так и требовать расходов на нее. Таким образом, складывался один общий интерес, находящийся вне сферы интересов отдельных участников. То же самое можно было наблюдать, когда товарищи путем внесения взносов составляли капитал для ведения деятельности в общих интересах – *commune lucrum*.

Societas приобретало черты современного договора простого товарищества. В связи с этим Ю. Барон, срав-

нивая древнеримское товарищество с корпорацией, обращал внимание на то, что «товарищество не имеет организации, поэтому юридические сделки могут быть предпринимаемы только единогласно всеми *socii* (товарищами) или поверенным в делах, назначенным всеми товарищами», а также на то, что «товарищи имеют свои доли в общем имуществе, делаются сами должниками и кредиторами по сделкам, заключенным от имени товарищества» [5, с. 83]. Тот же автор указывал, что «в области *societas* не может быть требований и долгов товарищества как такового, а есть только долги и требования отдельных товарищей» [5, с. 218].

Стороны по возникшему из *contractus societas* обязательства защищались с помощью *actio pro socio* (иск, защищающий сторон договора товарищества). При этом трудно установить, когда этот иск вошел в состав преторского эдикта. Расширение Римского государства и развитие торгово-экономического оборота способствовали распространению договора товарищества. При участии в договоре иностранцев правосудие осуществлялось при участии *praetor peregrinus* (претора перегринов) и *contractus societas* уже причислялись к разряду *contractus iuris gentium* (контракт права народов). Возникновение *actio pro socio* часто относят ко второй половине республиканского периода [6, с. 82].

Хотя *actio pro socio* возник в конце республиканского периода, относительно самого contractus societas известно, что такие договоры встречались гораздо раньше. Для этого договора долгое время не было судебной защиты, но эта сделка была защищена сакральным правом как заключенная во имя *Fides*. Еще до внесения *actio pro socio* в преторский эдикт, преторы по ходатайству какой-либо стороны договора прибегали к *stipulations cautionales* (стипуляция, содержащая каузу), т.е. стороны в соответствии с правилами стипуляции взаимно обещали друг другу то, что являлось предметом соглашения. Также первоначально каждый участник мог отказаться от договора в любое время и по сути безмотивировочно, по своему усмотрению. Единственное ограничение было связано с *bona fides* (принцип доброй воли), т.е. с принципом добросовестности. Уже впоследствии выработались более строгие правила. Юристы классического периода считали, что тот, кто своим отказом от договора нанес ущерб другим товарищам, должен претерпеть неблагоприятные последствия.

Хотя правоотношение, вытекающее из *contractus societas,* и не признавалось цивильным правом, а значит, и не пользовалось судебной защитой, благодаря стипуляции все же получало судебную защиту и признавалось *contractus iuris civiles* (контракт цивильного права). Таким образом, натуральное обязательство становилось *obligatio civiles* (цивильным обязательством), характерный пример которого содержится в отрывке из Дигестов Публия Альфена Вара, сохранившемся в Дигестах Юстиниана: «Два лица, вступившие в товарищество, учреждают учебное заведение, определяя, что доход от него будет общим. Сначала они заключают неформальный договор товарищества (*pactum societatis*), но чтобы обеспечить свои обязательства на случай спора, они прибавляют еще формулу стипуляции» [3, с. 57; 4, с. 544].

Итак, в конце республиканского периода в преторском эдикте появляется особый иск для защиты сторон договора товарищества – *actio pro socio.* Товарищество, не являясь обособленной единицей, тем не менее взаимодействовало с другими лицами. На основании *bona fides* один из товарищей вел общие дела.

Теперь необходимо обратиться к вопросу об отличии корпорации как юридического лица (*corporatio*) и товарищества как договорной конструкции. Пандектисты XIX в. отмечали, что по обязательствам товарищества отвечает каждый из участников своим имуществом, в то время как по обязательствам корпорации ее члены не отвечают [7, с. 55].

Но это скорее отражает положения современного для пандектистов германского права. Римские юристы, наоборот, не придавали этому различию существенного значения. В то же время они отмечали, что имущество корпорации отличается от имущества лиц – ее участников. Это и породило в свое время регулирование защиты имущества корпорации [3, с. 53; 4, с. 533].

Цельс отмечал, что за убытки, связанные с общим делом, должны отвечать не отдельные участники товарищества, а все объединение товарищей, так как если бы не было товарищества, то не было бы и убытков. Он также упоминает общую кассу (*arca communis*) [3, с. 52; 4, с. 545].

Кроме того, само дело, ради которого создавалось товарищество, могло потребовать расходов, которые не были предусмотрены при заключении контракта. Вследствие этого могли возникать споры относительно того, кто из участников должен нести эти затраты. Во избежание этого расходы должны были падать на communis arca. Юристы позднего классического периода, в т.ч. Юлиан, Павел, Ульпиан и Папиниан отделяют общее имущество товарищества (*communis res*) от имущества отдельных товарищей [3, с. 53; 4, с. 553].

Необходимо обратиться также и к вопросу об отношениях, возникающих вследствие заключения сделок с третьими лицами в интересах товарищества. Самая ранняя форма товарищества – *societas omnium bonorum* – предполагала полное слияние имущества участников.

В *societas unius negotiationis* участник, заключивший сделку от имени товарищества с третьим лицом, по отношению к этому третьему лицу являлся единственным контрагентом и также единолично отвечал по обязательствам из такой сделки. Впоследствии этот товарищ посредством *action pro socio* мог требовать вознаграждения от других товарищей.

В *societas unius rei* все товарищи являлись участниками сделки с третьим лицом, а ответственность каждого из них зависела от его доли в общем имуществе товарищества. Таким образом, третье лицо, заключившее договор с товариществом (говоря условно, т.к. самостоятельного субъекта права не было) в случае спора вынужден был предъявлять требования к каждому из товарищей по отдельности *pro parte*, что было крайне неудобно для хозяйственного оборота.

В итоге *contractus societas* постепенно становится таким институтом, который приобретает сходство с *corpus* (общиной) и *collegium* (коллегией). Но общая казна товарищества (*communis arca*) принципиально отличалась от имущества корпорации в том, что не имела самостоятельного представителя (*actor*). В товариществе все члены являлись контрагентами в заключённых договорах и каждый мог быть представителем товарищества.

Уже классические юристы отмечали обособленность имущества *societas unius negotiationis* и отделяли его от имущества отдельных товарищей. Так, Павел писал, что при наличии требований одного из участников к товариществу оно должно быть удовлетворено из общего имущества (*communis arca*) [8, с. 107]. Это же правило будет действовать в отношении любого третьего лица, имеющего требование к товариществу.

Со временем *societas unius negotiationis* преследует цель – не заключение одной конкретной сделки, а участие в постоянном хозяйственном обороте. В связи с этим возникает задача регламентации правоотношений между участниками. При этом учитываются не только денежные вклады, но и труд товарищей. Так, например, товарищество, созданное для строительства доходного дома, нуждалось в привлечении лиц, обладающих специальными знаниями и навыками [3, с. 52; 4, с. 535].

А при распределении прибыли и убытков необходимо было учесть труд, который был произведен для общей пользы. Так, Сервий Сульпиций отмечает возможность неравномерного распределения прибыли и убытков между участниками, в отличие, например, от Квинта Муция, не допускавшего такого. Сервий Сульпиций утверждал, что любой, затраченный для общего дела труд должен иметь денежную оценку для окончательного расчета между товарищами. Кроме того, он отмечает, что внесший в общее дело только труд, в некоторых случаях при ликвидации товарищества может получить только прибыль, но не нести убытки, поскольку при прекращении товарищества на долю такого участника пришлись бы одни убытки. То же самое утверждали такие юристы, как Кассий, Ульпиан и Сабин. Ульпиан при этом отмечает также, что личный трудовой вклад может быть важнее денежного взноса, если, например, он управляет кораблем, когда товарищество снаряжает корабль [3, с. 53; 4, с. 561].

Изначально ответственность за неисполнение договора товарищества исчерпывалась условной карой божества *Fides* (богиня Верности). Цензорский надзор *magisterium morum* впоследствии защищал тех лиц, которые пострадали от других участников, но при условии умышленного нарушения *contractus societas*. Часто в заключаемом договоре товарищи устанавливали, что будут воздерживаться от *fraus* (обман) и *dolus malus* (злой умысел). Если речь при этом шла о таком товариществе, которое создавалось ради заключения одной сделки, другая гарантия не требовалась. Павел писал, что ответственность будет наступать только при наличии *dolus*. С этим же были согласны другие юристы, например, Юлиан [3, с. 59; 4, с. 567].

Такой взгляд еще долго сохранялся и после появления *actio pro socio*. Но со временем все-таки возобладало мнение, что ответственность будет возникать и в других случаях. В Кодификации Юстиниана мы уже видим, что и неосторожность, и небрежность будут иметь своим следствием возмещение убытков.

Гай указывает, что участники товарищества будут отвечать при небрежности – *neglegentia*, неосторожности – *culpa* и нерадивости – *decidia*. Со временем к вопросу об ответственности участника стали подходить с позиции того, что от товарища требовались те добрая воля и усердие, с которыми он ведет собственные дела. Так, как он ведет свое хозяйство, так он и должен отнестись к делу товарищества. Главное, что требовалось от участника договора, – это добрая воля.

Относительно прекращения товарищества юристы классического периода указывают следующие обстоятельства:

- отказ участника (*renuntiatio*);
- гибель объекта товарищества;
- банкротство или смерть участника;
- предъявление *actio pro socio*, который всегда вел к прекращению товарищества.

Изначально отказ от договора (*renuntiatio*) был возможен в любое время и по своему усмотрению. В то же время те же юристы-классики отмечают, что в основе такого выхода не должен лежать корыстный умысел. Вообще сами по себе причины не важны, достаточно того, что участник считает общее дело нежелательным для себя. Но все это касается *societas unius negotii*, которое создается ради заключения одной сделки. В *societas unius negotiationis* такая свобода выхода из договора необоснована при многообразии дел товарищества или многочисленности участников.

Лабеон и Прокул отмечают, что произвольный отказ от договора может причинить значительные убытки и поэтому другие участники вправе требовать возмещения убытков путем предъявления *actio pro socio* [3, с. 56; 4, с. 557].

В то время как сабинианцы не допускают произвольного выхода из товарищества ни при каких обстоятельствах и такой выход, по их мнению, должен

повлечь в любом случае ответственность, юристы более позднего времени считают виновным только того участника, который вышел из товарищества намеренно, с корыстным умыслом (*dolo*) извлечь для себя какую-либо выгоду.

Предъявление иска *actio pro socio* влекло прекращение договора, но поздние юристы, например, Павел, уже допускают, что при предъявлении иска *actio pro socio* возможно и сохранение товарищества [3, с. 51; 4, с. 547].

Изначально существенное значение в договоре товарищества имела личность участника, и в течение длительного времени смерть одного из товарищей влекла прекращение товарищества. Лабеон первым заговорил о том, что это правило не должно всегда применяться, в частности, к *socio unius rei* [3, с. 53; 4, с. 544]. Тем не менее в Институциях Юстиниана все-таки действует старое правило [9, с. 153]. И хотя личность контрагента в какой-то мере всегда имеет значение, все-таки именно для договора товарищества это особенно важно. Сабин при этом считает, что хотя наследник товарища участником договора не является, он принимает все права и обязанности наследодателя и также должен нести ответственность, вытекающую из договора [3, с. 55; 4, с. 611].

Исходя из вышеизложенного, мы делаем вывод, что в римском частном праве к моменту кодификации Юстиниана практически полностью сложился институт договора товарищества (*contractus societas),* достаточно подробно урегулированный по самым разнообразным аспектам.

Литература:

1. Покровский И.А. История римского права. СПб.: Летний сад, 1998. 555 с.
2. Дождев Д.Р. Римское частное право. М.: Норма, 2015. 784 с.
3. Кодекс Юстиниана = Codex Iustinianus: Пер. с лат. / Отв. ред. А.В. Копылов; [пер. с лат. А.В. Щеголева; фил. ред. А.И. Солопов]; Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак., НОЦ «Римское частное право». М.: Статут, 2021. 372 с.
4. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. III. М.: Статут, 2003. 780 с.
5. Барон Ю. Система римского гражданского права. Выпуск первый. Книга I. Общая часть. / Пер. и предисл. Л. Петражицкого. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих (влад. А.Э. Коллинс), 1909. 250 с.
6. Соколовский П.Е. Договор товарищества по римскому гражданскому праву. Киев: Типография императорского университета св. Владимира, 1893. 304 с.
7. Wendt O. Lehrbuch der Pandekten. Jenna, 1888. 922 p.
8. Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / Пер. с лат Л.М. Штаерман; отв. ред. и сост. Л.Л. Кофанов. М.: Зерцало, 1998. 285 с.
9. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.

The Institute of Partnership in Roman Private Law

Kobchikova E.V., Makarov T.G.
Kazan (Volga Region) Federal University

Provisions on obligations and contracts are such institutions of Roman private law that have particularly strongly influenced modern civil law. In this article examine in detail the origin and development of the institution of contractus societas, i.e. a partnership agreement. This agreement is also present in modern Russian civil legislation. In this regard, the study of the institution of a partnership agreement in Roman private law seems relevant.

The purpose of this study is to form a comprehensive scientific understanding of the origin and development of the institution of contractus societas, i.e. a partnership agreement, in Roman private law. The objective of the study is to consider various varieties of the institution of contractus societas, such as societas unius rei, in which the property of the participants was strictly separate and common ownership did not arise, as well as contractus societas negotiationis, in which the property became the common property of the partners from the moment of its acquisition. The scientific significance of the study lies in identifying the main characteristics of the institution of the partnership agreement, which was regulated in detail in a variety of aspects by the time of Justinian's codification.

The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in studying Roman private law. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive scientific understanding of the origin and development of the institution of the partnership agreement formed by the authors.

Keywords: partnership agreement, Roman private law, Justinian's codification, property of partners, common property

УДК 346.5
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-178-181

Развитие теоретических подходов к регулированию цифровых экосистем и платформ в зарубежной правовой науке

Коротенко А.Ф.
Аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

В статье прослеживаются тенденции развития правовой теории в зарубежных учениях о цифровых экосистемах и платформах как сравнительно новых объектах правового регулирования. Автор акцентировал внимание на сопоставлении реалистической и социологической концепциях правопонимания, основанных на разном порядке формирования правовых регуляторов в цифровой среде. В результате сформулирован вывод о фрагментарном понимании рассматриваемых терминов в силу их сложности и технологического разнообразия, построенного на элементах саморегуляции. Главенствующими методами научного исследования стали сравнительный и формально-логический методы, а также некоторые методологические направления социологической школы права в цивилистике (инструментализм, антропологический подход, праксеологическая теория). В комплексе данные методы способствовали выявлению особенностей развития зарубежной научной мысли. Автор полагает обоснованным вывод о том, что первоначальная акцентуация на саморегуляцию цифровой среды сменилась на возрастающую роль корпоративного и государственного регулирования, призванных достичь общественно полезных результатов. Это подтверждается эволюцией теории правового инструментализма, юридико-праксеологического и юридико-антропологического подходов.

Ключевые слова: *теория права, цивилистика, философия права, цифровая экосистема, цифровая платформа, цифровое право, цифровые правоотношения*

Для цитирования: *Коротенко А.Ф. Развитие теоретических подходов к регулированию цифровых экосистем и платформ в зарубежной правовой науке // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 178–181. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-178-181.*

Цифровизация различных общественных отношений, опосредующих современный гражданский оборот, предопределяет не только трансформацию соответствующих социальных регуляторов, но и появление многообразных правовых новаций, призванных обеспечить правопорядок. В свою очередь, потребность в регуляции цифровых форм гражданских правоотношений продиктована активизацией конфликтной среды, которая неизбежно сопровождает участников рынка при совершении сделок, иных юридических действий, влекущих гражданско-правовые последствия.

Несмотря на сохранение большинства проблем, вытекающих из экономической деятельности, цифровизация позволяет как экстраполировать некоторые из них, так и провоцировать качественно новые негативные явления и процессы. Так, цифровые технологии, обладая такими неоспоримыми преимуществами, как «передача сигнала без помех, высокая скорость обработки данных, удалённое обновление систем, непрерывная коммуникация, доступ к разным источникам информации и автоматизация процессов, вместе с тем при использовании отдельных систем искусственного интеллекта генерируют

экзистенциональный риск» [1]. Аналогичным образом возникает положительная динамика в достижении определённых задач. Наглядным примером названных тенденций служат цифровые экосистемы и платформы, получившие стремительное развитие за последнее десятилетие и приобретшие очевидные глобализованные формы, которые приводят к необходимости их международно-правового признания с целью консолидировать функции государств по регулированию отношений в цифровой среде, а в определённом смысле – гармонизировать и унифицировать нормативно-правовые механизмы воздействия на них.

Отмеченные объективные факторы, ускоряющие развитие экономических связей в современном обществе, активно исследуются в юридических науках. Помимо сугубо прикладных направлений, продуцирующих знания о новых явлениях и процессах, вызванных оппортунизмом цифровых экосистем и платформ, в юриспруденции формируются фундаментальные теоретические подходы, которые способствуют осмыслению содержательных особенностей цифровых правоотношений. Впрочем, развитие теоретико-правовых учений в данной области значительным образом отстаёт от научных наработок отраслевого характера, что сказывается на их фрагментарности и внутренней противоречивости.

Между тем сложная система отношений, складывающихся в форме цифровых платформ, не может быть объяснена классическими правовыми теориями, которые сложились за прошлые столетия. Например, реалистическая школа права, несмотря на свою максимальную близость к рассматриваемым правовым явлениям и процессам, сужается лишь до особенностей правоприменения в цифровой среде [2, p. 776; 3, p. 81]. При этом реализация правовых предписаний предполагает наличие их нормативно-правовых или индивидуально-правовых элементов, которые в большинстве случаев выводятся из общих правовых конструкций (принципов права, содержания субъективных прав и свобод, юридических гарантий, запретов, дозволений, пределов правового регулирования и мн. др.) [4, p. 906]. Тем самым возможность суда или иного правоприменительного института по регуляции деятельности цифровых экосистем и платформ сегодня значительно сужена, что снижает потенциал реалистической концепции в осмыслении изучаемых цифровых объектов и средств.

Напротив, социологическая теория права в методологическом выражении способна обосновать любые изменения и новшества, связанные с регулированием общественных отношений, в том числе приобретающих цифровой формат [5; 6]. Базируясь на вариативности социума в определённый период развития, сторонники данного концептуального подхода рассматривают цифровые экосистемы и платформы в качестве конкретного вида правоотношений, сформировавшегося в определённой сфере коллективного общения больших и малых групп людей (т.н. «цифровые группы» – «*digital tribe*»), ограниченного виртуальным пространством [7, p. 41].

Вместе с тем социологическая школа права на современном этапе лишь фиксирует видимые массовые социальные проявления цифровизации вне зависимости от их полезности или вредности. Поэтому в социологическом выражении регуляции подвергается не сама цифровая среда, а повторяющееся поведение людей во взаимодействии друг с другом, что оставляет за пределами значимости такие категории, как субъективные интересы, ценности, регулирующий эффект, практическая целесообразность и т.д. Такая особенность объясняет хронологическое отставание комплексных юридико-социологических концепций от специальных научных направлений, построенных на исследовании отдельных правоотношений, возникающих по поводу цифровых экосистем и платформ.

В частности, в зарубежной литературе исторически первыми попытками осмыслить построение правоотношений в цифровой среде стали труды сторонников антропологического подхода в юриспруденции, которые совместили терминологию естественных наук (природная экосистема) с кибернетическим направлением [8]. Опираясь исключительно на синергетический эффект от совместных усилий определённых участников виртуального пространства, учёные вывели ряд закономерностей, свойственных развитию цифровых экосистем: устойчивость к внутренним и внешним факторам, высокая самоорганизация, искусственная масштабируемость [9, p. 86; 10, p. 350].

В то же время синергетика в юридических науках не является каким-либо самостоятельным методологическим подходом, поскольку адаптируется исследователями применительно к отдельно взятому правовому явлению или процессу. В полной мере такую тенденцию можно наблюдать на примере научного осмысления цифровых экосистем и платформ, выступающих своеобразными адаптивными инструментами общения людей, которые вне зависимости от массового распространения неизбежно сталкиваются с потребностью в установлении определённых нормативных рамок [11, p. 381].

В более общем виде отождествление цифровых экосистем и платформ с некими средствами построения взаимоотношений между людьми, в том числе ориентированных на достижение экономических результатов, прослеживается в теории правового инструментализма. Её сторонники разделяют цифровое общение на конвенциональное и неконвенциональное по критерию правового вмешательства

[12, p. 88]. Исходя из этого, в нормативно-правовом выражении цифровая экосистема представляет собой совокупность информационных коммуникаций, выстроенных в определённой иерархии для использования цифровых ресурсов [13, p. 1033]. Тем самым значение приобретают не цифровые правоотношения, а правовые средства их проектирования, позволяющие достичь либо заложенный законодателем правопорядок, либо цели индивидуально-правового регулирования, либо способы саморегуляции.

Получение определённого эффекта от регулирования отношений, складывающихся в рамках цифровых экосистем и платформ, вкладывается в более поздних исследованиях в праксеологическую трактовку, основанную на оценке практического влияния совокупной человеческой деятельности, прежде всего, на повторяемость (цикличность) правоотношений и на выработку норм, соответствующих потребностям непосредственных участников цифровой среды [14; 15]. В таком ракурсе цифровая экосистема состоит из множества технологий и программных решений, использование которых выгодно большому количеству людей для удовлетворения жизненных потребностей и реализации профессиональных задач [16; 17].

Различие между праксеологическим (практикодеятельным) и антропологическим подходами применительно к регулированию цифровых экосистем и платформ заключается в соотношении общей цели с индивидуальной или коллективной мотивацией участников:

1) в праксеологической плоскости такая цель формируется последовательно из множества значимых действий (например, извлечение коммерческой выгоды, накопление и передача профессиональных знаний, ускорение обмена информацией и др.);

2) в антропологическом выражении цель может отсутствовать или задаваться существующими правовыми рамками, а её изменение неизбежно приводит к усложнению норм и стиранию границ между нормативно-правовым и индивидуально-правовым регулированием.

Таким образом, в зарубежной доктрине прослеживается фрагментарное развитие теоретических подходов к пониманию цифровых экосистем и платформ по критерию целей, средств, механизмов и форм регулирования отношений в сложившихся правовых рамках с одновременной оценкой возможной трансформации предмета регулирования под влиянием социально-экономических тенденций. Изначальный акцент на саморегуляцию цифровой среды сместился на возрастающую роль корпоративных субъектов и государства в проектировании общественно полезных результатов, что наглядно демонстрируется в эволюции теории правового инструментализма, юридико-праксеологического и юридико-антропологического подходов, использующих достижения социологической школы права. В российской юридической науке указанный спектр теоретического осмысления цифровых экосистем и платформ заменён на доминирование правового прагматизма и его специфического концептуального направления в виде сетевого подхода в праве.

Литература:

1. Аламова С.М. Цифровые технологии и правовой ландшафт в сфере интеллектуальной собственности // Юридическая наука. 2024. № 11. С. 121–128.
2. Yan D. Virtual Reality: Can We Ride Trademark Law to Surf Cyberspace // Fordham Intell. Prop. Media & Ent. LJ. 1999. Vol. 10. P. 769–785.
3. Bertol D. Designing digital space: an architect's guide to virtual reality. Hoboken: John Wiley & Sons, 1996. 356 p.
4. Rothchild J. Protecting the digital consumer: The limits of cyberspace utopianism // Ind. LJ. 1998. Vol. 74. P. 893–998.
5. Elkin-Koren N. Cyberlaw and social change: A democratic approach to copyright law in cyberspace // Cardozo Arts & Ent. LJ. 1996. Vol. 14. P. 215–231.
6. Lacey N. Normative reconstruction in socio-legal theory // Social & Legal Studies. 1996. Vol. 5. № 2. P. 131–157.
7. Howes D. E-legislation: Law-making in the digital age // McGill LJ. 2001. Vol. 47. P. 39–57.
8. Wall D. S., Johnstone J. The industrialization of legal practice and the rise of the new electric lawyer: The impact of information technology upon legal practice in the UK [1] // International Journal of the Sociology of Law. 1997. Vol. 25. № 2. P. 95–116.
9. Benkler Y. The battle over the institutional ecosystem in the digital environment // Communications of the ACM. 2001. Vol. 44. № 2. P. 84–90.
10. Selwyn N. Reconsidering political and popular understandings of the digital divide // New media & society. 2004. Vol. 6. № 3. P. 341–362.

11. Naik P. A., Raman K. Understanding the impact of synergy in multimedia communications // Journal of marketing research. 2003. Vol. 40. № 4. P. 375–388.
12. Benkler Y. The battle over the institutional ecosystem in the digital environment // Communications of the ACM. 2001. Vol. 44. № 2. P. 84–90.
13. Martin A. Digital literacy and the "digital society" // Digital literacies: Concepts, policies and practices. 2008. Vol. 30. № 151. P. 1029–1055.
14. Loveluck B. The many shades of digital vigilantism. A typology of online self-justice // Global Crime. 2020. Vol. 21. № 3-4. P. 213–241.
15. Marsden C., Meyer T., Brown I. Platform values and democratic elections: How can the law regulate digital disinformation? // Computer law & security review. 2020. Vol. 36. P. 105–373.
16. Rim A. Obligations in the Digital Environment: Legal Doctrine // Legal Issues in the digital Age. 2024. № 3. P. 4–30.
17. Tsindeliani I. A. et al. Digital transformation of the banking system in the context of sustainable development // Journal of Money Laundering Control. 2022. Vol. 25. № 1. P. 165–180.

Development of Theoretical Approaches to Regulation of Digital Ecosystems and Platforms in Foreign Legal Science

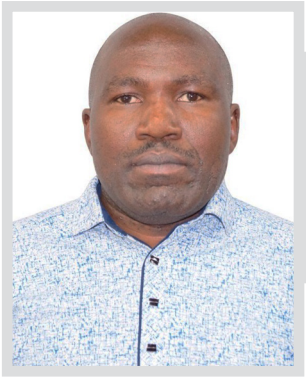
Korotenko A.F.
University of Management «TISBI» (Kazan)

In article, the author examined the trends in the development of legal theory in foreign studies on digital ecosystems and platforms. These are relatively new objects of legal regulation. The author focused on the comparison of the realistic and sociological concepts of legal understanding. In particular, they differ in the order of formation of legal regulators in the digital environment. As a result, the author notes a fragmentary understanding of these terms due to their complexity and technological diversity, built on elements of self-regulation. The main methods of scientific research were comparative and formal-logical methods. The author also used some methodological directions of the sociological school of law in civilistics (instrumentalism, anthropological approach, praxeological theory). Together, these methods contributed to the identification of the features of the development of foreign scientific thought. The author believes that the conclusion that the initial emphasis on self-regulation of the digital environment has been replaced by an increasing role of corporate and state regulation in achieving only socially useful results is justified. This is confirmed by the evolution of the theory of legal instrumentalism, legal-praxeological and legal-anthropological approaches.

Key words: theory of law, civilistics, philosophy of law, digital ecosystem, digital platform, digital law, digital legal relations

УДК 341
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-182-187

Неотъемлемый суверенитет Республики Бурунди над природными ресурсами: пересмотр контрактов в сфере добычи полезных ископаемых

Ндувимана Жанвье
Аспирант кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматриваются актуальные аспекты правового регулирования реализации права Республики Бурунди на суверенитет над природными ресурсами, которые становятся особенно значимыми в контексте возрастающего интереса транснациональных корпораций к местному горнодобывающему сектору. Увеличивающаяся конкуренция за доступ к полезным ископаемым с высокой экономической ценностью требует пересмотра условий действующих договоров и усиления правовой защиты национальных интересов государства и его населения.

Целью статьи является выявление и анализ правовых оснований, определяющих возможность и необходимость пересмотра условий горнодобывающих соглашений между Правительством Бурунди и иностранными инвесторами. Практическая значимость исследования состоит в формировании теоретико-правовой базы, которая позволит эффективно применять инструменты контрактного регулирования в области добычи полезных ископаемых. Это, в свою очередь, позволит Бурунди защищать экономические и социальные интересы, минимизируя риск возникновения конфликтов и содействуя укреплению стабильности в отношениях с зарубежными инвесторами.

Результаты исследования отражают факт того, что наличие и правильное использование специальных оговорок о пересмотре условий контрактов является взаимовыгодным для обеих сторон. Данные выводы могут способствовать совершенствованию законодательства Бурунди и других африканских стран, находящихся в аналогичной ситуации, обеспечивая баланс между национальными интересами и привлекательностью инвестиционного поля.

Ключевые слова: *неотъемлемый суверенитет, естественные ресурсы, иностранные инвестиции, контракты на добычу полезных ископаемых, пересмотр контрактов, pacta sunt servanda*

Для цитирования: *Ндувимана Ж. Неотъемлемый суверенитет Республики Бурунди над природными ресурсами: пересмотр контрактов в сфере добычи полезных ископаемых // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 182–187. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-182-187.*

Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами – это принцип, который был введен Организацией Объединенных Наций по просьбам колонизированных и развивающихся стран, чтобы те могли иметь возможность пользоваться собственными природными ресурсами для благополучия своего населения. Поскольку суверенитет над природными ресурсами является одним из главных следствий права народов на самоопределение, представляется возможным выявить, что этот су-

веренитет также является осуществимым правом *erga omnes* [1, с. 18].

Развитие этого принципа имело беспрецедентный успех, что привело к принятию множества резолюций, например, Резолюции 1803 о неотъемлемом суверенитете над естественными ресурсами, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1962 г., в которой использовались положения ст. 55 Устава Организации Объединенных Наций: «С целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружеских отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединенных Наций содействует […]» [2].

Резолюция 1803 среди прочего провозглашала, что неотъемлемый суверенитет над природными ресурсами должен осуществляться в интересах «национального развития и благосостояния народа соответствующего государства; и принимающее государство может вести переговоры и пересматривать условия договоров по добыче полезных ископаемых только в соответствии с национальным законодательством и принципом “выиграл – выиграл”» [3, с. 2].

В то же время, стоит отметить, что принцип *pacta sunt servanda*, который означает, что «каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться» [4], не представляет проблемы, если обе стороны являются частными лицами. Ситуация меняется, когда одной из сторон договора выступает государство. Будучи суверенным субъектом, государство в определённых ситуациях может быть вынуждено совершать действия, несовместимые с обязательствами, заключенными в договоре. Эти действия обычно приводят к мерам, принимаемым во имя «общих интересов», таких как пересмотр законодательства, девальвация валюты, экспроприация по соображениям общественной пользы и т.д. [5].

Природные богатства Бурунди по-прежнему остаются разработанными не в полном объёме, и в последние годы страна пытается привлечь иностранные инвестиции в горнодобывающий сектор. Горнодобывающие контракты важны для государства, поскольку влияют на его экономический потенциал. Именно поэтому представляется важным проанализировать подобные договоры на предмет сложностей их пересмотра и аннулирования.

Пересмотр горнодобывающих контрактов вызывает многочисленные вопросы с юридической точки зрения: имеет ли государство, как суверенное образование, право в одностороннем порядке изменять условия контракта, на которые оно добровольно согласилось? Какую ответственность оно может понести перед иностранными инвесторами?

В контексте решения Правительства Республики Бурунди о приостановлении действия соглашений о добыче полезных ископаемых с иностранными компаниями, которые считаются не соответствующими бурундийскому законодательству и принципу «выиграл – выиграл», использовался термин «переговоры». Была поставлена задача определить правовые аспекты, на основе которых государство может инициировать пересмотр заключенных им договоров.

Принцип состоит в том, что любой дисбаланс между договорными действиями сторон может стать одной из причин, приводящих к пересмотру условий этого договора. Однако весьма интересным представляется анализ обстоятельства, при котором договор является менее справедливым по отношению к государству, и, следовательно, иностранному инвестору предоставлены чрезмерные преимущества. Этот вопрос, естественно, приводит к случаям, когда соглашение окажется нечестным или «поврежденным». Форс-мажорные обстоятельства, непредсказуемость и так называемый «акт государя» (о котором пойдёт речь в дальнейшем) также считаются законными причинами, побуждающими стороны договора пересмотреть его.

Рассмотрим проблему вероятного существенного неравенства учтённых интересов при заключении договора. Любой договор предполагает взаимовыгодную сделку двух сторон, подписавших его. Так, согласно ст. 3.2.7 Принципов международных коммерческих договоров (УНИДРУА 2010), «сторона может оспорить договор или отдельное его условие, если в момент его заключения договор или какое-либо его условие неоправданно создавало чрезмерное преимущество для другой стороны» [6]. Таким образом, определяющим фактором является наличие или отсутствие несоразмерной и даже несправедливой выгоды для одной из сторон.

Стоит также обратить внимание на непредсказуемость (непредвиденность) обстоятельств как одну из причин для пересмотра условий договора. Возникновение новых и непредвиденных обстоятельств в момент заключения договора также ведет к осложнению исполнения его условий. В Принципах европейского договорного права (ЕДП) в п. 1 ст. 6.111 указывается, что стороны договора обязаны выполнять свои обязательства, даже если исполнение становится более обременительным. Но если исполнение договора становится чрезмерно обременительным в результате изменения обстоятельств, стороны добросовестно обязуются изменить условия этого договора или расторгнуть его. При отсутствии соглашения между сторонами в течение разумного периода времени представляется возможность обращения в суд для справедливого изменения договора или его расторжения, о чем говорится в п. 2 ст. 6.111 ЕДП [7].

Под форс-мажорными обстоятельствами традиционно понимают непредвиденные события, характеризующиеся своей непреодолимостью и внешним

характером по отношению к стороне, ссылающейся на подобные обстоятельства, препятствующие исполнению данного обязательства [8]. Термин «форс-мажор» был выбран, поскольку он широко известен в международной деловой практике [6].

Так, в п. 2 ст. 49 Соглашения о добыче колумбо-танталита и сопутствующих полезных ископаемых на территории Бувьюкана в коммунах Нтега и Марангара провинций Кирундо и Нгози, заключенным между государством Бурунди и *Ntega Holding Burundi s.a.*, указывается, что в качестве форс-мажорных следует рассматривать такие обстоятельства, действия или события, как войны или условия, возникшие вследствие военных действий, восстания, гражданские беспорядки, блокада, эмбарго, террористические акты, эпидемии, землетрясения, наводнения или другие экстремальные погодные условия, взрывы, пожары и молнии, влияющие на выполнение соглашения о добыче полезных ископаемых [9].

Во французском языке существует такое понятие, как «акт государя» (или «акт принца»). Этот термин используется во французском административном праве для обозначения меры, принимаемой администрацией в одностороннем порядке и оказывающей влияние на договор, стороной которого она является. Это должна быть мера, принимаемая администрацией в рамках её внедоговорных прерогатив, например, меры административной полиции [10, с. 67].

Все вышеперечисленные факторы так или иначе влияют на взаимовыгодный характер соглашения для обеих сторон и позволяют как государству, так и иностранному инвестору найти правовую основу для инициирования пересмотра контракта. Кроме того, если одна из сторон не выполнила свои обязательства, другая может использовать исключение *exceptio non adimplenti contractus* (исключение неисполнения). Однако последнее решение на практике встречается редко, так как иностранный инвестор часто оказывается в ситуации, когда он уже выполнил большую часть своих обязательств [11].

В Бурунди большинство государственных контрактов, заключенных с иностранными инвесторами, включают в себя положение о пересмотре условий (см. соответственно ст.ст. 50, 52 и 51 соглашений о добыче полезных ископаемых между такими компаниями, как *African Mining LTD, Tanganyika Gold, а также Ntega Holding Burundi s.a.* [9], и государством Бурунди). В п. 49 Договора о добыче золота и сопутствующих полезных ископаемых в районе Масака коммуны Бутихинда, заключенным между государством Бурунди и компанией *African Mining LTD*, указано, что любые изменения, которые одна из сторон желает внести в договор, должны быть представлены в письменной форме другой стороне, которая, в свою очередь, обязуется отреагировать в течение срока, не превышающего 90 дней [9]. Также в данном соглашении указано, что стороны впоследствии стремятся достичь согласия касательно пересмотра условий, и если удалось прийти к консенсусу, то предлагаемое изменение вносится в новую редакцию договора в качестве поправки.

В отсутствие такого положения обычно трудно добиться пересмотра контракта с другой стороной, если только государство не осуществляет свои суверенные прерогативы. В некоторых случаях иностранный инвестор даже использует стабилизационную оговорку, чтобы предотвратить любое последующее изменение контракта со стороны государства. В отличие от стабилизационной оговорки, целью которой является сохранение договора в том правовом виде, которым он обладал на момент заключения и который, следовательно, вступает в противоречие с правом на суверенитет подписывающего государства, оговорка о пересмотре условий позволяет избежать подобной опасности, предлагая сторонам защиту, основанную на гибкости условий соглашения.

Правительство Бурунди не только отказалось от использования своего суверенитета, но и избежало любой двусмысленности, включив в договоры по горнодобывающей промышленности, которые связывают его с иностранными горнодобывающими компаниями, пункт, предусматривающий, что изменение текста законодательства приведет к изменению условий соглашения *ipso facto*. Так, что касается применимого права, ст. 4 Соглашения о добыче полезных ископаемых между государством Бурунди и компанией *Ntega Holding Burundi s.a.* предусматривает, что «в течение всего срока действия договора правом, применимым к нему, является бурундийское законодательство, в частности, Горный кодекс» [9].

Вопрос, поставленный нами в данном исследовании, заключается в том, будет ли приостановка контрактов, по распоряжению Правительства Бурундии, расцениваться как описанный ранее «акт государя» или просто как применение государством своего права на неотъемлемый суверенитет над природными ресурсами.

В контексте пересмотра соглашений по добыче горных ископаемых в 2022 г. Правительство Бурунди обосновало свою инициативу тем, что эти договоры были разработаны в ущерб социально-экономическим интересам государства и что многие из них представляют собой нарушение принципа «выиграл – выиграл». Действительно, решения, принятые Правительством Бурунди, должны являться приоритетными при регулировании спора, существующего между принципом неприкосновенности договора и использованием государством права на суверенитет над своими природными ресурсами, формально закрепленным в Уставе Организации Объединенных

Наций и его многочисленных резолюциях, в частности, в Резолюции 1803 [3].

Развивающиеся государства интерпретировали данный принцип как прерогативу, позволяющую им экспроприировать, национализировать и даже в одностороннем порядке изменять условия договоров, когда этого требуют общие интересы [11].

Причем п. 1 ст. 5 Протокола о борьбе с незаконной эксплуатацией природных ресурсов в субрегионе Великих озер, одной из сторон которого является Бурунди, указывает, что «любой инвестиционный контракт, касающийся природных ресурсов, должен уважать и соблюдать принцип постоянного суверенитета каждого государства-члена над своими естественными ресурсами в соответствии с национальным законодательством, положениями настоящего Протокола, Учредительного акта Африканского Союза, Устава Организации Объединенных Наций и других региональных правовых документов и соответствующих международных стандартов» [12].

В частности, п. 3 той же статьи предусматривает, что «в случаях, когда государство-член разрешает разведку, разработку и распоряжение своими ресурсами другому государству-члену, распоряжение полученными импортируемыми благами и прибылью будет регулироваться положениями настоящего Протокола, национальным законодательством, действующими и применимыми в этом вопросе нормами международного права. Полученная прибыль должна быть справедливо распределена между инвесторами и заинтересованным государством-членом с учётом соблюдения осторожности, чтобы ни по какой причине не подорвать суверенное право государств-членов распоряжаться своими природными ресурсами» [13, с. 245].

Таким образом, как подчеркивалось выше, Бурунди может воспользоваться своим правом на суверенитет над природными ресурсами и потребовать пересмотра тех положений соглашения по добыче полезных ископаемых, которые, по мнению государства, наносят ущерб его интересам и населению. Однако это не исключает права иностранного инвестора на получение компенсации при наличии и выполнении ряда условий [14].

Основание несоблюдения принципа «выиграл – выиграл», выдвинутого Правительством Бурунди для приостановки действия контракта по горнодобывающей промышленности для иностранных инвесторов, было усилено появлением нового Горного кодекса 2023 г. [15]. Данный Кодекс недропользования принес много новшеств, тем самым превращая существующие соглашения по добыче полезных ископаемых в нелегитимные. К примеру, стоит отметить, что доля участия государства в уставном капитале ранее увеличивалась с 10 до 16 %, а затем еще на 5 % при каждом продлении разрешения на эксплуатацию (ст. 164), а срок действия разрешения на эксплуатацию также снизился с 25 до 15 лет для промышленно развитых компаний, однако с возможностью продления на срок до 10 лет (п. 2 ст. 74) [15].

Эти изменения в Горном кодексе непосредственно влияют на ситуацию, поскольку предоставление права на добычу полезных ископаемых не может осуществляться на основе договора, противоречащего положениям новой редакции Кодекса от 2023 г.

Однако при таком подходе обнаруживаются некоторые тонкости и исключения. Во-первых, с точки зрения международного публичного права государства обычно заключают двусторонние договоры для защиты инвестиций, сделанных их гражданами в другой стране. В таком контексте возможно, что иностранный инвестор получит выгоду от определенных исключений из режима регулирующего права, основанных на положениях договора. В этом случае Горный кодекс будет применяться ко всем остальным аспектам, на которые не распространяются исключения.

Во-вторых, поскольку договор о добыче полезных ископаемых, заключенный с иностранным инвестором, носит международный характер, автономия воли сторон может привести к тому, что государство и иностранный инвестор интернационализируют соглашение с учетом применимого права и юрисдикции для регулирования спора, возникающего на основе некоторых условий контракта. Однако даже в этом случае Горный кодекс придется применять лишь частично, поскольку трудно представить, что в сфере природных ресурсов государство могло бы согласиться подчинить каждое условие договора иному законодательству, а не своему собственному [16].

В-третьих, вышеописанные исключения также могут быть результатом положения о стабилизации (что не относится к конвенциям, не ратифицированным Правительством Бурунди).

В действительности правовые последствия договорных обязательств государства рассматриваются в международных судах иначе, чем в национальных. Национальная юрисдикция будет более склонна к преимущественному обращению к Горному кодексу Бурунди, в то время как международные юрисдикции смогут минимизировать его применение, основываясь на принципах международного права.

Именно в этом заключается опасность того, что такие компании, как *African Mining LTD, Tanganyika Gold, а также Ntega Holding Burundi s.a.,* прибегнут к обращению в международные арбитражные инстанции при Международном центре по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) (см. соответственно положения ст.ст. 51, 53 и 52 упомянутых выше соглашений по добыче полезных ископаемых) [9].

Несмотря на то, что стороны согласились применять законодательство Бурунди, бурундийскому государству по причинам, упомянутым выше, будет трудно выдвигать претензии МЦУИС, основанные

на простом финансовом дисбалансе в контракте (ст. 25(1)) [17]. На самом деле, бурундийское государство рискует выплатить крупную сумму за причинённый ущерб, если оно не сможет доказать, что приостановило действие этих контрактов, поскольку компании не выполнили свои обязательства. Ситуация была бы менее сложной при взаимодействии с Международной торговой палатой (МТП), которая, следуя принципам УНИДРУА, устанавливает недействительность договора в случае обладания чрезмерным преимуществом одной из сторон [6].

Пересмотр соглашений по добыче полезных ископаемых с целью достижения консенсуса является лучшим подходом, позволяющим избежать длительных судебных разбирательств для сторон по изменению или расторжению контрактов. Государство, осуществляя свой суверенитет в случае одностороннего пересмотра или изменения иностранных инвестиционных контрактов, не несёт международную ответственность в контексте норм и принципов международного публичного права. Это ставит его в привилегированное положение, поскольку оно несет только гражданскую ответственность, которая, как правило, приводит к выплате компенсации иностранному инвестору.

Таким образом, государству следует избегать подобного «эгоистичного» поведения и не выступать в качестве торгового партнера, использующего свои суверенные прерогативы для необоснованных односторонних изменений. Страна должно осознавать факт того, что сегодня рост иностранных инвестиций остается двигателем экономического развития. Поэтому государство должно предоставить всю возможную юридическую безопасность иностранным инвесторам, при этом гарантируя, что заключенные с ними контракты по добыче полезных ископаемых сохраняют взаимовыгодный финансовый баланс на протяжении всего периода их исполнения, что также должно оказаться выгодным для населения.

Литература:

1. Gümplová P. Sovereignty over natural resources – A normative reinterpretation // Global Constitutionalism. 2019. Vol. 9. № 1. P. 7–37. DOI: https://doi.org/10.1017/S2045381719000224
2. Устав ООН // United Nations. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text.
3. Резолюция 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН о неотъемлемом суверенитете над естественными ресурсами. URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_1803/ga_1803_ph_r.pdf
4. Венская конвенция о праве международных договоров. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml
5. Боголюбов С.А. Суверенитет России на ее природные ресурсы // Теоретические проблемы отраслей права. 2016. № 6 (115). С. 10–25.
6. Принципы международных коммерческих договоров, УНИДРУА. 2016. URL: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-Russian-bl.pdf
7. Аналитика, Контракты, Lex Mercatoria. URL: https://miripravo.ru/
8. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
9. La convention minière entre l'Etat du Burundi et la société NTEGA Holding Burundi S.A. URL: https://www.amjamboafrica.com/burundi-suspends-multinational-mining-contracts/
10. Crawford J., Brownlie I., Brownlie's Principles of Public International Law. Oxford: Oxford University Press, 2019. URL: https://books.google.ru/books/about/Brownlie_s_Principles_of_Public_Internat.html?id=pjmdDwAAQBAJ&redir_esc
11. François Campagnola, Le fait et le temps: force majeure et imprévision en droit des contrats, 2016. URL: https://www.village///justice.com/articles/
12. Protocole sur la Lutte contre l'Exploitation Illégale des Ressources Naturelles dans la sous-région des grands-lacs, 2006. URL: https://ungreatlakes.unmissions.org/sites/default/files/cirgl_protocole_sur_la_lutte_contre_lexploitation_illegale_des_ressources_naturelles.pdf
13. Schrijver N.J. Sovereignty over natural resources: balancing rights and duties in an interdependent world, 1995. URL: https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/3265518/dissertatie.pdf
14. Case LIAMCO v Libye 1980 (62) ILR, p. 160. URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/482/1175/2095591/
15. La Loi No 1/19 Du 04 Aout 2023 Portant Modification de la Loi No 1/21 Du 15 Octobre Portant Code Minier du Burundi. URL: https://presidence.gov.bi/2023/08/10/loi-no1-19-du-04-aout-2023-portant-modification-de-la-loi-no1-21-du-15-octobre-2013-portant-code-minier-du-burundi//
16. Дмитриева Г.К., Викторова Н.Н. Суверенитет государства в контексте привлечения иностранных инвестиций // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12 (97). С. 26–38. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.97.12.026-038.
17. Вашингтонская Конвенция 1965 г. о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами. URL: http://www.arbitrations.ru/userfiles/file/Law/Treaty/icsid%20convention%20russian.pdf

The Permanent Sovereignty of the Republic of Burundi over its Natural Resources: Renegotiation of Mining Contracts

Nduwimana J.
Kazan (Volga Region) Federal University

This article examines the current aspects of legal regulation of the implementation of the right of the Republic of Burundi to sovereignty over natural resources, which are becoming especially significant in the context of the growing interest of transnational corporations in the local mining sector. Increasing competition for access to minerals with high economic value requires a revision of the terms of existing agreements and strengthening the legal protection of the national interests of the state and its population.

The purpose of this article is to identify and analyze the legal grounds that determine the possibility and necessity of revising the terms of mining agreements between the Government of Burundi and foreign investors. The practical significance of the study lies in the formation of a theoretical and legal framework that will allow the effective use of contractual regulation tools in the field of mineral extraction. This, in turn, will allow Burundi to protect economic and social interests, minimizing the risk of conflicts and promoting stability in relations with foreign investors. The results of the study reflect the fact that the presence and correct use of special clauses on the revision of contract terms is mutually beneficial for both parties. These findings can contribute to the improvement of the legislation of Burundi and other African countries in a similar situation, ensuring a balance between national interests and the attractiveness of the investment field.

Keywords: inalienable sovereignty, natural resources, foreign investment, mining contracts, renegotiation contracts, pacta sunt servanda

УДК 342
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-188-193

О публично-поощрительных правоотношениях с участием муниципальных образований

Нигметзянов А.А.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Никитенко И.Г.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Цель работы – исследовать публично-поощрительные правоотношения в системе публичной власти с участием муниципальных образований. Развитие поощрительных правоотношений обусловлено необходимостью поиска новых форм повышения эффективности работы органов местного самоуправления, широкого привлечения населения к решению вопросов местного значения. Значительное внимание в статье уделено муниципальному образованию как субъекту, получающему поощрение от вышестоящего звена публичной власти (субъекта РФ), и как субъекту, осуществляющему поощрение нижестоящего звена самоуправления – территориального общественного самоуправления. Затронуты формы, используемые в механизме реализации поощрительной политики. Для развития этих форм требуется дальнейшее совершенствование юридических оснований поощрения всех участников муниципальных правоотношений. Внедрение средств материального и морального поощрения, процедурного закрепления поощрительных отношений способствует более эффективному решению муниципальных проблем.

***Ключевые слова**: поощрительные отношения, поощрительная политика, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, территориальное общественное самоуправление, стимулирование*

***Для цитирования:** Нигметзянов А.А., Никитенко И.Г. О публично-поощрительных правоотношениях с участием муниципальных образований // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 188–193. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-188-193.*

В научной литературе вопросам поощрения в системе публичной власти уделяется недостаточно внимания, хотя это важный элемент в системе мер, направленных на повышение эффективности местного самоуправления. Проводимая государством поощрительная политика на уровне местного самоуправления требует не только экономического обоснования, но и четкого правового оформления, что предполагает исследование возникающих поощрительных правоотношений.

Раскрывая содержание правоотношений, следует обратить внимание на ряд самостоятельных, но в то

же время связанных единой концептуальной идеей правовых факторов, включающих предмет регулирования, субъекты правоотношений, основания возникновения. Характеризуя каждый из элементов, мы получаем общее представление о правовом феномене в целом.

Предмет регулирования. Предметом регулирования являются публично-правовые отношения, возникающие в сфере поощрения муниципальных образований. Они неоднородны, поскольку возникают между субъектами, имеющими разный правовой статус. Особенностью является и включенность участников рассматриваемых отношений в иерархическую систему публичной власти. Поощрение предполагает вознаграждение субъекта и может быть осуществлено как между равными по правовому статусу субъектами, так и находящимися в определенной правовой зависимости одного от другого.

Публично-поощрительные правоотношения с участием муниципальных образований можно разделить на два вида:

а) поощряемым субъектом выступает муниципальное образование, а поощряющим – РФ и субъект РФ;

б) поощряющим субъектом выступает муниципальное образование, а поощряемым – территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС) как низовой уровень организации местного сообщества.

Рассматриваемые публично-поощрительные правоотношения отличаются от общих поощрительных правоотношений [1] обязательным наличием публичного образования, а также ТОС и органов публичной власти. Среди субъектов такого правоотношения можно выделить поощряемого (награждаемого) и награждающего (поощряющего): в качестве поощряющего всегда выступает публичное образование (за исключением ТОС), а поощряемыми субъектами могут быть как индивидуальные, так и коллективные, юридические лица, организации без образования юридического лица, а также публичные образования – субъекты РФ, муниципальные образования и ТОС. Но важно отметить, что при поощрении обозначенных лиц, кроме публичных образований, поощрительные отношения носят скорее смешанный, частно-публичный характер, поскольку они касаются оценки деятельности конкретных лиц, их частного, индивидуального поведения, заслуг, часто сопровождающихся мерами материального стимулирования. Например, при награждении почётным знаком Губернатора Владимирской области «Родительская слава Земли Владимирской» выплачивается единовременная денежная премия в размере 40000 руб. [2; 3]. Публичный компонент смешанного поощрительного правоотношения выражен в моральном поощрении, формировании за счет награждения идеальной модели поведения в обществе.

Поощрение муниципальных образований [4], а также поощрение, осуществляемое самими муниципальными образованиями, осуществляется в рамках публично-поощрительных правоотношений, определяемых как комплексные отношения конституционного, административного и финансового характера. Конституционно-правовые предпосылки возникновения поощрительных отношений базируются на общих положениях, вытекающих из комплекса мер, определяющих взаимоотношения субъектов публичного права [5]. Основные поощрительные отношения получают закрепление в административном праве: в сфере учреждения наград для муниципальных образований, самого процесса награждения, а также установления оснований поощрения муниципального образования, мер материально-финансового поощрения, а также порядка их предоставления. Материальные вопросы поощрительных отношений получают закрепление в бюджетных и иных финансовых документах различного уровня. Особенностями публично-поощрительных правоотношений с участием муниципальных образований является их материально-финансовый характер, направленный, главным образом, на повышение эффективности управления муниципальным образованием.

Субъекты публично-поощрительных отношений. Исследование публично-поощрительных правоотношений, с точки зрения традиционной структуры правоотношений [6, с. 269–270], требует рассмотрения муниципального образования как субъекта этих правоотношений.

В научной литературе под муниципальным образованием предлагается понимать:

– публично-правовое образование, юридическое лицо публичного права, территориальный публичный коллектив, организованный жителями определенной территории [7, с. 14, 271];

– территориальные коммунальные корпорации по аналогии с такими корпорациями в Германии [8, с. 25];

– локальное публично-правовое образование, созданное для решения местных вопросов и легитимизации местного сообщества, наделенное правосубъектностью, наименованием, территорией, компетенцией, муниципальной собственностью, бюджетом и казной [9, с. 231].

В целом, действующее законодательство и современные научные походы позволяют говорить о муниципальном образовании как о публично-правовом образовании, в рамках которого осуществляется местное самоуправление, основанное на самостоятельном разрешении местным сообществом – жителями определенной территории вопросов местного значения, обладающего публичной властью и управленческим аппаратом. Именно местное сообщество осуществляет свою власть непосредственно или через органы муниципального управления.

Органы местного самоуправления не идентичны муниципальному образованию, хотя и обладают публичными полномочиями. Они осуществляют публичную власть, представляют муниципальное образование в правоотношениях разного рода, включая и частно-правовые отношения [10, с. 141]. Эти органы выступают от имени муниципального образования в публично-правовых отношениях. Территориальное общественное самоуправление в публичных поощрительных отношениях представляют органы территориального общественного самоуправления [11].

Можно утверждать, что субъектами публично-поощрительных отношений с участием муниципальных образований являются органы государственной власти субъектов РФ (формирующие меры поощрительного порядка) и муниципальные образования, выступающие получателями наград и средств, по итогам деятельности и соответствующей их оценки. В свою очередь органы местного самоуправления формируют поощрительное нормативное установление (поощрительные акты), направленное на поощрение территориального общественного самоуправления. Таким образом, муниципальное образование выступает в публично-поощрительных отношениях в двух ипостасях: как поощряемый субъект и как субъект, осуществляющий поощрение низового звена самоуправления – территориального общественного самоуправления.

Можно заметить, что на уровне субъектов РФ участниками поощрительных отношений выступают органы государственной власти, а не сами публичные образования. Дело в том, что условия поощрения и процедуры принятия решений по поощрению муниципальных образований определяют органы государственной власти субъектов РФ. Их решения порождают поощрительные отношения, в рамках которых определяются поощряемые субъекты, объем поощрения, сроки реализации принятых решений о поощрении.

Основания поощрения муниципальных образований. Основания правового поощрения довольно подробно были исследованы в отношении индивида и личности [12], что было связано с психологическими особенностями, моральными переживаниями индивида [13]. Заслуга является фактическим основанием применения поощрения и представляет собой сверхнормативное поведение, активное поведение [14], одобряемое государством. Мотивы и цели поощряемого лежат в основе его заслуженного поведения [15]. Поощрение публичного образования имеет свои особенности, в том числе и в части установления оснований для поощрения. В отношении муниципальных образований применение понятия заслуги весьма относительно, поскольку они не обладают психикой, переживаниями и возможностью самостоятельной оценки поведения, а также являются публичным образованием. Безусловно, в пределах муниципального образования местное сообщество, как территориальный коллектив, обладает некой общностью интересов, ценностей, формируемых и в последующем воспроизводимых [16]. Но, с точки зрения нормативно-правового регулирования, основаниями поощрения муниципальных образований служит результат деятельности местного сообщества. Этот результат является следствием коллективной деятельности местных жителей, что может быть основанием для награждения как муниципального образования, так и его части (населенного пункта).

Основания поощрения – конкретные условия, при наступлении которых применяются меры материального и морального стимулирования.

Все основания поощрения можно разделить на юридические и фактические (в литературе встречается разделение на юридические и специальные [17], что, однако, нельзя признать удачным решением, поскольку в дальнейшем говорится лишь о специальных нормах в сфере поощрения).

Юридические основания поощрения – это конкретные правовые нормы, устанавливающие условия предоставления поощрения, закрепленные в нормативных правовых актах различного уровня.

Ранее, в качестве основного акта, составляющего основу правового регулирования всего местного самоуправления и его поощрения, называли Европейскую хартию местного самоуправления 1985 г. [18]. Но с 16 марта 2022 г. она перестала действовать в отношении РФ в связи с выходом РФ из Совета Европы [19]. В настоящее время юридические основания представлены только национальным законодательством.

Из положений ст. 18.1 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» следует, что фактическим основанием для поощрения муниципальных образований является выполнение органами местного самоуправления показателей эффективности их деятельности. Например, численность работников в сфере малого и среднего предпринимательства; доля населения, не имеющего доступ к регулярному транспорту для связи с административным центром; доля протяженности местных автомобильных дорог, не отвечающих нормативам; доля детей, не устроенных в детские сады, ожидающих очереди; доля земель, облагаемых земельным налогом; обеспеченность жилым помещением из расчета на одного жителя и т.д.

Правительством РФ в свою очередь устанавливаются дополнительные показатели [20]. Например, обеспеченность культурными учреждениями отдельно определяется по обеспеченности библиотеками, парками культуры и отдыха, клубами и т.д. Таким образом, юридические основания поощрения

муниципальных образований содержатся и в подзаконных актах – нормативных указах Президента РФ и постановлениях Правительства РФ.

В настоящее время получило развитие такое направление как выделение грантов муниципальным образованиям. Размер выделяемого гранта находится в прямо пропорциональной зависимости от значения комплексной оценки муниципального образования и во многом зависит от мнения населения. В отдельных субъектах РФ активно поощряется работа муниципалитетов по организации самообложения, позволяющего решать задачи развития муниципальных образований [21].

Фактическое основание для поощрения муниципального образования – это наличие заслуги в сфере управления муниципальным образованием, выраженной в количественных (преимущественно) и качественных показателях.

Также фактическим основанием поощрения муниципального образования может быть и коллективное исполнение местным сообществом своих обязанностей, совершение жителями подвига и проявление мужества. Например, звания «Город воинской славы» удостаиваются города, в непосредственной близости от которых защитники Отечества проявили мужество и героизм [22]. При этом, такой героизм должен подтверждаться документально, наградами работников и предприятий за трудовые заслуги (например, переходящими Красными знаменами) [23].

Несмотря на то, что указанные выше звания могут присуждаться поселениям, не являющимся самостоятельными муниципальными образованиями, тем не менее, подобное поощрение порождает публично-поощрительные отношения.

В муниципальных правовых актах устанавливаются основания для поощрения (награждения) как физических лиц, так и групп лиц. Поскольку целью исследования является рассмотрение награждения именно публичных образований (пусть и низового уровня), то поощряющим субъектом муниципальное образование выступает в отношении ТОС. Фактическим основанием их поощрения выступает заслуга по достижению наилучших результатов в самоорганизации граждан по месту жительства для решения вопросов местного значения: активная организация семинаров, конференций, правотворческих инициатив; организация благоустройства и досуга; привлечение внебюджетных средств и т.д. [24].

Таким образом, основания поощрения – это конкретные условия, при наступлении которых применяются меры материального и морального стимулирования (поощрения). Основания поощрения муниципальных образований могут быть юридическими и фактическими. Юридические основания поощрения – это конкретные правовые нормы, устанавливающие условия предоставления поощрения. Фактические – это высокие показатели в деятельности органов местного самоуправления, явившиеся результатом эффективной работы органов местного самоуправления и граждан по управлению муниципальным образованием, выраженные в количественных (преимущественно) и качественных показателях, устанавливаемых органами государственной власти федерального и регионального уровней. Основанием морального поощрения может быть проявленная самоотверженность жителей в период чрезвычайных обстоятельств (например, в годы военных действий).

Поощрения в системе публично-территориальных образований играют важную роль в формировании у муниципальных образований заинтересованности в повышении эффективности работы органов местного самоуправления, стимулируют их к поиску новых форм и методов, позволяющих наиболее эффективно решать возникающие проблемы. Поощрительные отношения в системе публичных образований возникают как следствие активности органов государственной власти по отношению к муниципальным образованиям и органов местного самоуправления по отношению к территориальному общественному самоуправлению.

Периодически проводимые в России реформы организации местного самоуправления должны, на наш взгляд, учитывать влияние поощрительных норм на развитие муниципальных образований, укреплять имеющиеся и развивать перспективные поощрительные отношения с участием муниципальных образований. Оценка преобразований будет позитивной, если она идет на благо развития поселений и негативной, если она уменьшает самоуправленческий потенциал местного самоуправления [25, с. 433]. Реформы должны учитывать имеющийся положительный опыт и создавать условия для его тиражирования.

Литература:

1. Нигметзянов А.А. Наградные правоотношения: теория, история, техника. СПб.: Изд-во Алетейя, 2020. 208 с. (Либерализация права: от репрессий к милосердию). ISBN 978-5-00165-083-6.
2. Указ Губернатора Владимирской области от 30.08.2018 г. № 98 «О наградах Губернатора Владимирской области» // Владимирские ведомости. 2018. № 139. 8 сентября.
3. Указ Губернатора Владимирской области от 20.04.2023 г. № 130 «Об установлении порядка предоставления единовременной денежной премии лицу, награжденному почетным знаком Губернатора Владимирской области «Родительская слава Земли Владимирской» // Владимирские ведомости. 2023. № 59. 28 апреля.
4. Нигметзянов А.А. Поощрение муниципальных образований: понятие и сущность // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8(165). С. 46–56. DOI 10.17803/1994-1471.2024.165.8.046-056.
5. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. T.VI. Конституционное право России: монография. М.: Юрлитинформ. 2021. 560 с.
6. Гавриков В.П. Теория государства и права. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 461 с.
7. Чиркин В.Е. Публично-правовое образование. М.: ООО «юридическое издательство Норма», 2022. 336 с.
8. Гриценко Е.В. Местное самоуправление и государство в условиях федерализма: сравнительно-правовое исследование на примере Германии и России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 46 с.
9. Сергеев Д.Б. Муниципальное образование в системе правовых категорий. Екатеринбург: ИД «Урал. гос. юрид. акад.», 2012. 265 с.
10. Муниципальное право России / Под ред. А.Н. Кокотова. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 406 с.
11. Малый А.Ф. Территориальное общественное самоуправление в системе местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 66–70.
12. Нигметзянов А.А. Стимулирование как метод позитивного воздействия на личность // Вестник Евразийской академии административных наук. 2022. № 4(61). С. 56–58.
13. Нигметзянов А.А. О мотивирующем влиянии права на личность // Юридическая психология. 2024. № 3. С. 10–13. DOI 10.18572/2071-1204-2024-3-10-13.
14. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
15. Уздимаева Н.И., Куслин А.С. Заслуга как основание правового поощрения // Контентус. URL: http://kontentus.ru/wp-content/uploads/2018/07/.
16. Прохоров Д.В. Значение развития местных сообществ для повышения эффективности муниципального управления // Russian Journal of Education and Psychology. 2016. № 12 (68). С. 279–295.
17. Шайхуллин М.С. Правовое регулирование института поощрений муниципальных образований // Образование и право. 2022. № 10. С. 61–66.
18. Европейская хартия местного самоуправления: совершено в г. Страсбурге 15.10.1985 // СЗ РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.
19. Федеральный закон от 28.02.2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Российская газета. 2023. № 45. 2 марта.
20. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7490.
21. Малый А.Ф., Артемова О.Е., Качалов П.Н. Самообложение как форма самоорганизации граждан // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 28–32.
22. Федеральный закон от 09.05.2006 г. № 68-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы» // СЗ РФ. 2006. № 20. Ст. 2158 (Ст. 1).
23. Федеральный закон от 01.03.2020 № 41-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации «Город трудовой доблести» // Российская газета. 2020. № 45. 3 марта.
24. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 01.06.2015 № 391 «О республиканском конкурсе «Лучшее территориальное общественное самоуправление года Республики Татарстан» // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. 2015. № 53. Ст. 1807.
25. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. Т. VI. Конституционное право России: монография / Под ред. проф. Н.А. Бобровой и проф. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ. 2021. 560 с.

On public Incentive Legal Relations Involving Municipalities

Nigmetzyanov A.A., Nikitenko I.G.
Kazan (Volga Region) Federal University

The purpose of the work is to investigate public incentive legal relations in the system of public authorities with the participation of municipalities. The development of incentive legal relations is conditioned by the need to find new forms of improving the efficiency of local government bodies and to widely involve the population in solving issues of local importance. Considerable attention in the article is paid to municipal education as a subject receiving encouragement from a higher level of public authority (a subject of the Russian Federation), and as a subject encouraging a lower level of self–government – territorial public self-government. The forms used in the mechanism of implementing the incentive policy are touched upon. The development of these forms requires further improvement of the legal grounds for encouraging all participants in municipal legal relations. The introduction of means of material and moral encouragement, procedural consolidation of incentive relations contributes to a more effective solution of municipal problems.

Keywords: incentive relations, incentive policy, subjects of the Russian Federation, municipalities, territorial public self-government, stimulation

УДК 340.125
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-194-198

Эволюция праксеологических учений в российской юридической науке

Рязанова М.Н.
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

Ларионова Н.Б.
Старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

В статье с позиции праксеологического методологического подхода сопоставлены общие и специальные направления данного научного течения в российском правоведении. Авторы акцентировали внимание на проекции достижений представителей социологической школы права в отношении теоретико-правовых направлений оценки т.н. «праксеологического эффекта» в механизмах правового регулирования. В результате в статье сформулирован вывод о фрагментарности использования данного методологического приёма, который получил распространение лишь в отраслевых направлениях с целью оценки тенденций возникновения и трансформации правовых результатов. Определяющими методами научного исследования стали формально-логический и аналитический методы, а также отдельные частнонаучные методы (правовая праксеология, юридический инструментализм). В своей совокупности они позволили оценить тенденции развития российской юридической науки в плоскости проведения праксеологических исследований. Авторы выдвигают в качестве основного вывода тот факт, что российские правоведы предпринимают попытки совмещать философские наработки в области праксеологии с исключительно прагматическими научными теориями, построенными на социологическом восприятии права.

Ключевые слова: *философия права, праксеология, правоприменительная практика, правовое регулирование, теория права, правовая политика, правоотношения*

Для цитирования: *Рязанова М.Н., Ларионова Н.Б. Эволюция праксеологических учений в российской юридической науке // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 194–198. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-194-198.*

Концепция правовой праксеологии представляется многими исследователями сравнительно новым направлением в юридической науке в силу активного использования её ключевых методологических приёмов лишь в постсоветский период и по причине слабой развитости в актуальных научных направлениях правоведения. Между тем в зарубежных публикациях по правовой проблематике праксеологические элементы прошли длительную эволюцию, зародившись в русле социологической

школы права и пройдя своеобразный теоретический фильтр в доктринах правового прагматизма и юридического инструментализма.

Общей тенденцией среди российских и зарубежных авторов, базирующих свои научные изыскания на праксеологическом подходе, является акцент на сугубо отраслевой характер анализируемой проблематики. Так, основной вектор в таких исследованиях смещён на установление эффективности правоприменительной практики, которая, в свою очередь, предопределяет трансформацию норм права в пределах отраслевого законодательства [1; 2]. Собственно, эти процессы именуются праксеологическим эффектом (от греческого «праксис» – практика), а сама правовая праксеология стала восприниматься в российской юридической науке в двух концептуальных значениях:

1) в рамках философско-правового течения, сторонники которого проводят осмысление практической деятельности в определённых юридических рамках, в том числе посредством образования новых правовых институтов [3, с. 6; 4, с. 21];

2) в пределах теоретико-правового понимания, основанного на взаимном влиянии социальных регуляторов и практической деятельности, что позволяет выделять такие категории, как «правовая реальность», «правовая действительность» и «эффективность правового регулирования» [5, с. 42; 6, с. 59].

Однако второе направление на протяжении последних десятилетий сформировалось под влиянием отраслевых правовых особенностей, что спровоцировало противоречивое использование праксеологических средств и привело к рассогласованным подходам.

В частности, по мнению одних учёных, любое правовое воздействие необходимо оценивать в плоскости практического влияния на определённые общественные отношения, что предполагает доминирование процессуальной трактовки праксеологического эффекта, т.е. право воспринимается в качестве разновидности человеческой деятельности, состоящей из заданной последовательности действий [7; 8]. В таком ракурсе праксеологическое учение противопоставляется нормативистской концепции, ведь значение имеют не формальные механизмы правовой регуляции, а исключительно их практическое воплощение, что закладывается в термин «правовой результат». Следовательно, сопоставление результативности и целеполагания правового регулирования позволяет выявить комплекс праксеологических эффектов, оказываемых совокупным поведением непосредственных участников правоотношений [9, с. 18].

Вместе с тем отмеченное понимание праксеологии во многом совпадает с антропологическим подходом в праве, согласно которому любое воздействие человека на социальные регуляторы приводит либо к их институционализации, либо к формализации [10; 11]. При этом категория интереса, заложенного в структуру подобного влияния на развитие правового материала, различается в праксеологическом и антропологическом смыслах:

1) в первом теоретическом подходе право становится усреднённым результатом, сформированным человеческой практикой, т.е. рационализированной нормой, что обнажает потребность в установлении публичных интересов, доминирующих над частными [12, с. 20];

2) во втором подходе право всецело поставлено в зависимость от человеческой активности, которая, в свою очередь, далеко не всегда имеет широкое распространение, т.е. норма, образовавшаяся вследствие такого влияния, может быть продиктована частными интересами, которые даже в своей совокупности всё равно не становятся публичными [13; 14].

Таким образом, расхождения между антропологическим и праксеологическим подходами в российской юридической науке представлены в минимальном объёме, что способствует теоретическому обоснованию монополизации государством тех правовых средств, которые позволяют повсеместно воплотить нормативные предписания среди большого числа людей. Вместе с тем постановка целей в указанном механизме правового регулирования и их достижимость в правовой реальности являются объектами другого праксеологического направления, сторонники которого базируются на оценке не только регулирующего эффекта норм права, но и на их восприятии непосредственными участниками правоотношений [15; 16].

Так, по представлению одних исследователей формирование любого правового результата (положительного или отрицательного) необходимо анализировать в тесной связи между правовыми средствами, правовыми механизмами, правосознанием и образующимся праксиологическим эффектом [17, с. 14]. Подобным образом, например, учёные выявляют критерии применимости норм права в тех или иных сферах общественной жизни, а также оценивают «живое» и «мёртвое» право в плоскости сужения либо расширения т.н. «праксеологического поля», отождествляемого с предметом регулирования [18].

Исходя из этого, внешние факторы человеческой деятельности, облечённой в форму определённых правоотношений, не имеют главенствующего характера, в то время как «праксеологическое поле» является системным условием совершения правовых действий [19, с. 88; 20, с. 56]. В российской юридической науке традиционно используется термин «правовая действительность», обладающий преимущественно социологическим понятийным содержанием, поскольку демонстрирует соотношение нормативно-правовых и фактических обстоя-

тельств, сопровождающих развитие общественных отношений [21].

Если акцентировать внимание лишь на позитивных достижениях правового регулирования, реализованного как нормативно-правовыми, так и индивидуально-правовыми средствами, то праксеологический подход сужается до научного обоснования политико-правового проектирования определённых правоотношений и направлен на предупредительную оценку потенциальных дефектов правового воздействия на них. Отсюда принято выделять [22; 23]:

– дефекты целей правового регулирования, реализованных в точном соответствии с нормативными предписаниями;

– дефекты правовых результатов, полученных при деформации механизмов правоприменения;

– дефекты правовых средств, неверно использованных при конструировании нормативного материала (с выделением пробелов в праве, юридических коллизий, аномии и диссиметрии права и др.).

Помимо разграничений внутри праксеологического подхода по отмеченным критериям, в российской юридической науке не сложилось однозначного восприятия индикаторов достижения целей правового регулирования в их сопоставлении с фактическим правовым результатом. Как правило, доминирующим показателем выступают социально-экономические эффекты, оказываемый правовыми нормами [24, с. 219]. Такой подход показал свою малую состоятельность в связи с необходимостью установления динамики самих отношений, подвергнутых правовой регуляции, а также с потребностью выявления закономерностей в изменении механизмов реализации права под влиянием фактических обстоятельств или под воздействием частных и публичных интересов.

Кроме того, прексеологический эффект должен вытекать из институционализации самих правоотношений, что неизбежно требует обретения новых форм повторяющегося поведения. В силу такого восприятия правовая формализация изменившихся общественных отношений базируется не только на практическом влиянии человеческой деятельности, но и на наличии правотворческой воли, т.е. достижения баланса между участниками правоотношений, правовыми средствами регуляции и субъектами правотворческих процессов с одновременным выстраиванием соответствующих механизмов правореализации.

Вместе с тем традицией российской правовой праксеологии стала оценка человеческого влияния на формирование и трансформацию правоприменительной практики, что обнажает проблематику толкования законодательных норм, поиска смыслов для юридических абстракций, пределов понимания принципов и гарантий, которые в своей совокупности обеспечивают достижение проектируемого правопорядка. Поэтому в праксеологическом значении принято сопоставлять общественный порядок, представляющий собой комплекс фактически институционализированных общественных отношений в некой сфере, с желаемым (идеальным) объектом (состоянием) таких правоотношений. Выявленные между названными категориями различия, детерминированные деятельной активностью людей, являются предметом праксеологических исследований, направленных на установление взаимосвязь практического эффекта от действия норм права, от применения индивидуально-правовых средств и способов саморегуляции.

Таким образом, праксеологический подход в российской юридической науке остаётся фрагментарно используемым методологическим приёмом в отраслевых направлениях с целью оценки тенденций возникновения и трансформации правовых результатов. Как правило, в данных научных исследованиях уделяется мало внимания человеческой мотивации, что смешивает их с юридико-антропологическим подходом. Вместе с тем особое значение в них придаётся средствам и способам достижения результата в определённом виде общественных отношений с учётом логического обоснования причинно-следственных связей.

Поэтому российские правоведы предпринимают попытки совмещать философские наработки в области праксеологии с исключительно прагматическими научными теориями, построенными на социологическом восприятии права. Во многом это объясняется доминированием инструментальной правовой теории и концепции юридического прагматизма, сводящих механизмы правового регулирования к преимущественно утилитарным задачам. Последние выступают средствами правовой политики, проводимой государством и обществом, что требует выделения стройных логических цепочек, которые нормативно-правовым образом не только проектируют определённые общественные отношения, но и задают рамки формирующегося специального правопорядка, как качественного результата правового воздействия на ту или иную сферу общественной жизни.

Литература:

1. Sima J. Praxeology as Law & Economics // Journal of Libertarian Studies. 2004. Vol. 18. P. 73–90.
2. Sechrest L.J. Praxeology, economics, and law: Issues and implications // The Quarterly Journal of Austrian Economics. 2004. № 4. P. 19–40.
3. Баранов В.М., Денисов С.А. Об интегративности идеи в философии права // Философия права. 2001. № 2 (4). С. 5–8.
4. Лысов С.И. Проблема соотношения должного и сущего в контексте современной российской философии государства и права // Вестник Тюменского государственного университета. 2005. № 2. С. 18–26.
5. Ореховский А.И. Основания ответственности: методологический и праксиологический аспекты. Новосибирск: Сиб. гос. ун-т телекоммуникаций и информатики, 2003. 71 с.
6. Мушинский М.А. Структурно-функциональная и юридико-праксиологическая характеристика законодательства о несовершеннолетних // Сибирский юридический вестник. 2016. № 4 (75). С. 58–67.
7. Ирхин И.В. Праксиологическое измерение института народного представительства: конституционно-правовой аспект // Достижение социальной гармонии на рынке труда в современных условиях: Российский и международный опыт. Коллективная монография / Под ред. В.В. Момотова. Краснодар: Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2010. С. 5–11.
8. Землин А.И., Землина О.М. Правовая природа общественных отношений, возникающих в связи с осуществлением государственных закупок, и праксиологических последствиях их эвентуализации и дифференции // Некоммерческие организации в России. 2017. № 6. С. 60–68.
9. Кузьмин И.А. Доктринальные и праксеологические основы понимания общетеоретической категории «правовой механизм» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 16–20.
10. Борисов А.М. Юридическая антропология: отправные теоретические начала // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2 (7). С. 82–90.
11. Медушевская Н.Ф. Методологические принципы юридической антропологии // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 101–104.
12. Сапун В.А., Шундиков К.В. Инструментальная теория права и человеческая деятельность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1 (306). С. 14–32.
13. Романовская О.В. Саморегулирование и сорегулирование как формы дерегулирования в российском праве // Гражданин и право. 2017. № 11. С. 3–15.
14. Лескова Ю.Г. Саморегулирование как проявление метода частного права // Гражданское право. 2010. № 4. С. 8–11.
15. Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования: дисс. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 206 с.
16. Оносов Ю.В. Диалектика соотношения социальной и юридической эффективности регулирования: дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 255 с.
17. Осипов М.Ю. Понятие и особенности целей и способов правового регулирования // Современное право. 2008. № 11. С. 14–17.
18. Дробышевский С.А., Тихонравов Е.Ю. Ограничительное толкование правовых норм и создание умышленно «мертвых» юридических правил как способы неприменения действующего права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 6. С. 24–34.
19. Киреев Е.Ю., Мазаев Ю.Н. Праксеология как метод социологического исследования // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 2 (127). С. 86–93.
20. Корнев Г.П. Идеонормативная концепция истины. Философия и правоприменение. М.: Акад. проект, 2006. 350 с.
21. Гаврилова Ю.А. Конкретизация смысла права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2010. № 1 (12). С. 24–27.
22. Байгутлин Р.И. К вопросу об эффективности правового регулирования (опыт аксиологического подхода к проблеме) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 31 (132). С. 5–14.
23. Севостьянов А.А. Средства достижения целей в сфере правового регулирования // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 1. С. 180–183.
24. Варламова Н.В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1 (282). С. 212–232.

Evolution of Praxeological Doctrines in Russian Legal Science

Ryazanova M.N., Larionova N.B.
Kazan branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

In article, from the position of the praxeological methodological approach, the author compared the general and special directions of this scientific trend in Russian jurisprudence. The author focused on the achievements of representatives of the sociological school of law on the issues of the "praxeological effect" in the order of legal regulation. As a result, the article formulates a conclusion about the fragmentary nature of the use of this methodological technique in Russia. It has become widespread only in industry studies in order to assess the trends in the emergence and transformation of legal results. The defining methods of scientific research were the formal-logical and analytical methods. The author also relied on individual private scientific methods (legal praxeology, legal instrumentalism). Together, they allowed us to assess the trends in the development of Russian legal science in the plane of conducting praxeological research. The author puts forward as the main conclusion the fact that Russian legal scholars are attempting to combine philosophical developments in the field of praxeology with exclusively pragmatic scientific theories built on a sociological perception of law.

Key words: philosophy of law, praxeology, law enforcement practice, legal regulation, theory of law, legal policy, legal relations

УДК 34.01
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-199-204

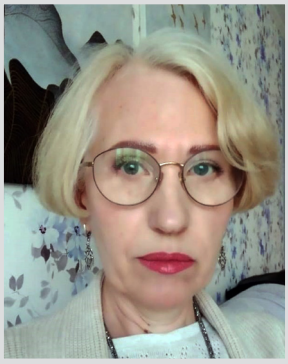
Цифровое право: перспективы развития новой отрасли

Ситникова И.Е.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Макаров Т.Г.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры гражданского права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Щурикова Л.Г.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента Казанского национального исследовательского технологического университета

Актуальность темы исследования обусловлена процессами трансформации правовой системы, которые происходят в современных условиях в связи с цифровизацией правового регулирования. В статье рассматривается возможность существования цифрового права как формирующейся комплексной отрасли права, не обладающей полноценной самостоятельностью, появившейся в ответ на новый технологический и цифровой уклад, который не только изменяет жизнедеятельность общества, но и кардинально меняет правовое регулирование. На современном этапе развития общественных отношений во многие сферы заложены цифровые инновации, в связи с чем возникает необходимость правового регулирования и установления правовых режимов в сфере цифровых правоотношений. Ответом на эти вызовы и потребности и выступает цифровое право.

Целью данного исследования является рассмотрение цифрового права как формирующейся комплексной отрасли права, сочетающей в себе нормативный материал и правовые институты схожих по предмету правового регулирования отраслей. Задачей исследования выступает изучение предпосылок формирования цифровых правоотношений в законодательстве, возможностей существования цифрового права как новой отрасли внутри правовой системы. Научная значимость исследования заключается в выявлении основных характеристик цифрового права, определении его предметной определенности и возможности кодификации соответствующих

норм. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в вопросах изучения общих вопросов теории права. Научная новизна исследования состоит в предложенном авторами подходе считать цифровое право комплексной отраслью права. В процессе проведенного исследования авторами делается вывод о перспективах развития цифрового права в качестве самостоятельной отрасли права.

Ключевые слова: *право, правовое регулирование, отрасли права, правовая система, правоприменение, цифровые правоотношения, цифровое право*

Для цитирования: *Ситникова И.Е., Макаров Т.Г., Щурикова Л.Г. Цифровое право: перспективы развития новой отрасли // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 199–204. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-199-204.*

В настоящее время в современном обществе происходят коренные изменения, связанные с интенсивным развитием науки и техники, что требует изменений в системе правового регулирования соответствующих общественных отношений. Появление интернет-технологий, искусственного интеллекта, развитие цифрового пространства требуют совершенствования нормативной базы и ставят вопрос о возможности существования новой отрасли права – цифрового права.

Следует отметить, что попытки создать новое правовое регулирование в сфере цифровых отношений предпринимались давно, но значительным первым шагом на пути формирования цифрового права как отрасли права было внесение изменений в действующее правовое регулирование в сфере гражданского законодательства в 2019 г.: был принят Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [1]. Закон ввел в гражданский оборот, а также в теорию и практику термин «цифровые права». В соответствии со ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, цифровыми правами называют обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [2].

Таким образом появился новый срез общественных отношений, регулируемых правом, – цифровые правоотношения. Как известно, все отрасли права и законодательства взаимосвязаны, взаимозависимы и опираются на научные разработки общей теории права. Поэтому закрепление цифровых прав в гражданском законодательстве требует пересмотра положений теории права, особенно в тех вопросах, когда речь идет о понимании сущности и разграничении таких понятий, как субъективное цифровое право и объективное право, выраженное в цифровой форме [3, с. 165].

Также это актуализирует проблему выделения в правовой системе новой отрасли цифрового права, поскольку есть соответствующие законодательные нормы, закрепляющие цифровые права, общественные отношения, подлежащие правовому регулированию, их субъекты и содержание. Следовательно, речь должна идти не столько о субъективном, сколько об объективном цифровом праве.

Как известно, для того, чтобы отрасль права обладала определенной самостоятельностью, необходимо наличие собственного инструментария – предмета и метода правового регулирования. Как утверждают многие теоретики и практикующие юристы, в сфере цифровизации, в настоящее время не имеет смысла говорить о каких-либо особенных отношениях в сфере цифровой реальности, имеющих специфическую характеристику, также как и не существует особых способов правового регулирования [4, с. 16]. Это вполне объяснимо тем, что многие вопросы в сфере цифровых общественных отношений уже урегулированы правом, точнее, нормами других отраслей, поэтому возникает некая взаимообусловленность и взаимозависимость нормативного материала разных отраслей права внутри правовой системы. В связи с этим правильнее говорить о том, что цифровое право как отрасль права не обладает самостоятельностью, а представляет собой комплексную отрасль права, вобравшую в себя нормы других отраслей права, причем необязательно смежных. Но все же не стоит забывать и о том, что цифровое право нацелено на регулирование общественных отношений в информационной среде, тех отношений, которые так или иначе связаны и с цифрой, с оцифровкой чего-либо, что во многом может говорить о том, что не исключено самостоятельное правовое регулирование данной отраслью права общественных отношений, опосредованных информационной средой. Более того, цифровое право обладает рядом особенностей, которые тоже свидетельствуют о некой степени самостоятельности правового регулирования цифровых отношений. Назовем данные особенности. Во-первых, общественные отношения, подлежащие правовому регулированию отраслью цифрового права, возникают по поводу

использования любых объектов, в том числе и данных, в оцифрованном виде, а также результатов их анализа и обработки, использования в различных сферах общественной жизни с помощью цифровых технологий [5, с. 61]. Во-вторых, техническая и технологическая обусловленность правового регулирования, так как объекты отношений в цифровой среде обладают определенной спецификой и в качестве таковых, как правило, выступают цифровые технологии, средства вычислительной техники, информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, данные как таковые и т.п. В-третьих, использование норм права при правовом регулировании сочетается с техническими нормами. Здесь можно отметить и такую особенность в методологии, как неопределённость набора регуляторов, так как это могут быть не только правовые инструменты, но, как говорилось выше, и технические нормы, этические нормы, механизмы саморегулирования. Кроме того, здесь можно отметить, закономерность, когда к правовому регулированию добавляются объекты, которые невозможно отрегулировать с помощью нормативного инструментария. Такие примеры мы можем увидеть и в других сферах, когда право не может отрегулировать определенный блок общественных отношений (например, глубокие межличностные отношения, отношения любви или дружбы), но в рассматриваемой сфере это проявляется наиболее ярко. К примеру, технологии на основе искусственного интеллекта в принципе не могут быть отрегулированы правом, так как основываются на особенностях человеческого мышления и биопсихосоциальных механизмах его функционирования. Хотя сам механизм искусственного интеллекта в целом и его применение в частности можно соотносить с определенными правовыми нормами. В-четвертых, это особый субъектный состав регулируемых общественных отношений: обладатели и пользователи цифровых данных, цифровых прав, цифровых технологий; цифровые посредники, оказывающие различные услуги в информационной среде. Конечно, нельзя исключать из их содержания традиционных субъектов – физических и юридических лиц, а также публично-правовые образования. Названные субъекты, к примеру, граждане, повседневно и повсеместно сталкиваются с информацией в цифровом виде, информационными технологиями, поскольку «цифра» прочно укрепилась и развивается в современном обществе.

Поднимая вопрос о самостоятельности цифрового права как отрасли права, необходимо понимать, что для этого должен наличествовать целый ряд условий: самостоятельная нормативно-правовая база, которой, к сожалению, пока нет; категориальный аппарат и меры государственного принуждения, применяемые в случае несоблюдения цифровых правовых норм. С данным условием, казалось бы, не должно возникать каких-либо проблем, есть нормы гражданского, административного и уголовного законодательства, предупреждающие и пресекающие неправомерные действия, но при этом никто не может говорить о том, что нет юридических коллизий, возникающих при применении нормативно-правовых актов различной отраслевой принадлежности. Не исключено существование и пробелов в законодательстве. Все это требует корректировки законодательных норм, устранения коллизий и пробелов в праве. Таким образом, мы видим, что о признании цифрового права самостоятельной отраслью в настоящее время не приходится говорить, так как нет ряда общепризнанных критериев, свидетельствующих о ее самостоятельности.

Учитывая вышеизложенное, можно дать следующее определение цифрового права. Итак, цифровое право – это совокупность правовых норм, регулирующих однородную сферу общественных отношений в информационной, телекоммуникационной и цифровой среде.

Рассматривая возможности существования цифрового права как самостоятельной отрасли российского права, считаем важным обозначить еще один аспект. Как известно, в каждой отрасли российского права существует главный нормативно-правовой акт, как правило, закон или кодекс, который регулирует соответствующий блок однородных общественных отношений. Цифровое право на сегодняшний день является исключением, поскольку для регулирования общественных отношений в данной сфере используются законы и кодексы других отраслей права. Какого-либо своего единого нормативно-правового акта не существует и перспективы его принятия пока четко не ясны.

Данный вопрос уже являлся предметом многочисленных дискуссий, когда учеными предлагалось для устранения противоречий в информационно-телекоммуникационной сфере принять Информационный кодекс [6; 7]. Концепция Информационного кодекса активно обсуждалась, были разработаны проекты. Позже пришли к выводу, что Информационный кодекс все-таки будет средством регулирования не столько цифровых, а по большей части информационных общественных отношений, поэтому большинством была озвучена идея создания Цифрового кодекса [8]. Но, к сожалению, все попытки кодифицировать информационную и телекоммуникационную сферу не увенчались успехом и так и остались только предметом дискуссий. Причины такого «неуспеха» носили и объективный, и субъективный характер. Объективность заключалась в том, что очень трудно в условиях разнообразного нормативного массива, который и так регулирует соответствующие общественные отношения в цифровой среде, создать единый систематизированный нормативный правовой акт и при этом не вступить

в противоречие при реализации правовых норм. Субъективный момент заключался во множественных, порой противоречивых, мнениях относительно целесообразности правового регулирования с помощью кодифицированного правового акта.

Рассмотрим вопрос возможности создания кодифицированного нормативно-правового акта в сфере цифрового права.

Как мы говорили ранее, цифровое право состоит из регулятивных и охранительных норм права, которые являются классическими, известными всем. У цифрового права нет особенностей и в методологии правового регулирования, нет собственного специфического метода правового регулирования, потому что используются императивный и диспозитивный методы, которые есть во всех отраслях и подотраслях права. Теория права исходит из того, что предмет и метод являются необходимыми критериями для признания отрасли права самостоятельной в правовой системе. И получается, что этого мы не видим в цифровом праве. Но вместе с тем, несмотря на это, существует общая сфера правового регулирования, когда правовой регламентации подлежат общественные отношения, связанные с использованием цифровых технологий, информационных систем, телекоммуникационной сферы, информации как таковой. Общая сфера правового регулирования появляется благодаря взаимовлиянию и взаимообусловленности правовых норм, относящихся как к основным базовым отраслям права (гражданское, административное, уголовное), так и к специальным, комплексным отраслям (банковское, антимонопольное и др.). Когда, например, цифровые отношения могут быть отрегулированы и гражданским, и коммерческим, и предпринимательским, и административным, и даже уголовным правом. Здесь мы выявляем некоторое общее консолидирующее предметное начало, позволяющее говорить о цифровом праве как о специфической комплексной отрасли права.

Не следует также забывать о том, что современная российская научная правовая доктрина знает не только отраслевую, но и межотраслевую кодификацию. Примеры последней невелики, но все же имеются. В частности, достаточно назвать такие нормативные акты, как Кодекс торгового мореплавания, Воздушный кодекс, Устав железнодорожного транспорта, Кодекс внутреннего водного транспорта и т.д. [9, с. 85] Несмотря на то, что данный подход не получил достаточного распространения в российской законотворческой практике, возможность принятия Цифрового кодекса не исключена, тем более теория права допускает такой вариант, когда кодифицированные нормативно-правовые акты создаются взамен разнородных многочисленных некодифицированных нормативно-правовых актов для того, чтобы исключить использование норм права для регулирования соответствующей сферы отношений, приводящее к возникновению юридических коллизий и иных противоречий в правовом регулировании, хотя и смежных, но все-таки специфических общественных отношений. Когда идет процесс такой кодификации, то в результате существовавшие ранее нормативные правовые акты теряют юридическую силу, а вместо них принимается новый единый кодифицированный нормативный правовой акт. Иными словами, планируемый кодификационный нормативно-правовой акт (в нашем случае это Цифровой кодекс) должен содержать разноотраслевое правовое регулирование, полностью закрывающее потребность в правовом регулировании всего комплекса отношений в соответствующей области. Но при этом нужно понимать, что не получится закрепить все нормы цифрового права в одном кодификационном акте, исключив использование иных источников права, как например, Гражданский, Уголовный, Трудовой кодексы РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях и другие, так как, согласно сложившейся практике, не существует «чистых» отраслей права, которые бы состояли только из однородного массива правовых норм, неизбежно использование нормативного материала из иных сфер правового регулирования. Если предположить, что данные кодексы теряют юридическую силу, то возникает вопрос, как же тогда регулировать гражданско-правовые, уголовно-правовые, трудовые, административные и иные отношения? Ответ прост – такое невозможно. Кроме того, может возникнуть ситуация, что нормы иных отраслей права будут вступать в противоречие с кодифицированным нормативно-правовым актом, что, в свою очередь, приведет к юридическим коллизиям. Таким образом, на сегодняшний день вопрос о принятии Цифрового кодекса является нерешенным и требующим больших усилий по систематизации существующего нормативно-правового материала, предотвращению юридических коллизий и пробелов в правовом регулировании вышеуказанной сферы.

Говоря о развитии цифрового права, считаем нужным обозначить ряд тенденций.

Во-первых, в современной правовой системе в целом и системе права в частности существует и продолжает пополняться группа нормативных правовых актов, регулирующих отношения в цифровой, информационной и телекоммуникационной сфере. Данный процесс связан в первую очередь с интенсивным развитием науки и техники, что неизбежно влечет совершенствование, создание и изменение законодательства, потому что часто развитие общественных отношений опережает законодателя. Например, возникает острая потребность в правовом регулировании цифровых активов, использования технологий блокчейн, искусственного интеллекта, больших данных. С другой стороны, отдельные нормы, регулирующие цифровые отноше-

ния, внедряются в отраслевое законодательство [5, с. 59], тем самым создавая проблему комплексного правового регулирования (например, в уголовное законодательство вносятся изменения в связи с появлением новых нарушений и совершения преступлений в сфере высоких цифровых технологий).

Во-вторых, механизм правового регулирования в цифровой среде базируется прежде всего на том, что многие общественные отношения имеют изначально информационную природу, поскольку возникают между субъектами, совершающими какие-либо действия с информацией в ее, как правило, оцифрованном виде. Иными словами, субъекты общественных отношений имеют дело с цифровыми данными в различных сферах. И очень часто эти отношения могут быть связаны и с использованием цифровых технологий. И в такой ситуации остается только возвести в закон тот или иной их блок. Хорошим примером могут стать блокчейн-технологии, приобретающие на современном этапе особую популярность, так как их использование позволяет в десятки и сотни раз ускорить многие процессы, в частности, организовать открытый обмен информацией в рамках одной или нескольких бизнес-сетей. Но не стоит забывать, что, с другой стороны, подобными общественными отношениями сегодня пронизаны все сферы общественной жизни и эти сферы необязательно изначально носят цифровую природу. Это касается политической, экономической, культурной и социальной сфер. Поэтому здесь опять можно увидеть комплексное правовое регулирование, поскольку те же информационные технологии, применяемые в этих сферах, могут одновременно относиться к гражданско-правовым, трудовым, административно-правовым, уголовно-правовым и другим видам правоотношений (особенно когда речь идет об их правовой защите).

Говоря о перспективах развития цифрового права, необходимо упомянуть о возможных положительных и отрицательных сторонах в данном процессе. Если цифровое право будет динамично развиваться, то это, несомненно, окажет положительное влияние на систему права в целом: появится новая самостоятельная отрасль права с институтами и субинститутами, сформируется систематизированный массив нормативно-правовых актов, четко будут обозначены субъекты и объекты правового регулирования; возможно, в отдаленной перспективе можно будет ставить вопрос о выделении подотрасли или подотраслей цифрового права. Но вместе с тем цифровое пространство и его структура таковы, что очень часто типичные инструменты правового регулирования не срабатывают. Например, цифровые правоотношения трудно поддаются традиционному контролю со стороны государства. Поэтому можно утверждать, что цифровая сфера по некоторым аспектам пока что находится за пределами правового регулирования. Немаловажным является вопрос об отнесении цифрового права к публичному или частному праву, так как из вышесказанного следует, что отрасль цифрового права состоит из нормативного материала как публичных отраслей права, так и частных отраслей права. И поэтому, как мы отмечали выше, необходима планомерная работа в этом направлении, особенно в сфере создания собственных инструментов правового регулирования.

Подводя итог, отметим, что на сегодняшний день не совсем верно с точки зрения правоприменения считать цифровое право самостоятельной отраслью права. Согласно теории права, цифровое право – скорее, формирующаяся отрасль российского права, носящая комплексный характер с перспективой перехода в самостоятельную отрасль права. Но это не означает, что данная отрасль права не должна развиваться и совершенствоваться, напротив, ее динамика в настоящее время представляет не только научный, но и практический интерес для всех сфер общественной жизни, поскольку цифра и соответствующие технологии очень прочно вошли во все сферы жизни общества и государства.

Литература:

1. Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Гарант.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 8 августа 2024 г.) // СПС Гарант.
3. Головкин Р.Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2 (51). С. 163–166.
4. Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И., Насыров Р.В., Васев И.Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 15–18.
5. Минбалеев А.В. Цифровое право как комплексный институт российского права // Проблемы права. 2019. № 4 (73). С. 58–64.

6. Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4. Ст. 3-13.
7. Бачило И.Л. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации. М.: Канон-плюс, 2014. 192 с.
8. Для России напишут «Цифровой кодекс». URL: https://iz.ru/news/669972 (дата обращения: 04.04.2025).
9. Кулагина П.В. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли цифрового кодекса? // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: Материалы VII Нац. науч.-практ. конф. (симпозиума) / Под общ. ред. В.П. Камышанского. Краснодар, 2022. С. 83–86.

Digital Law: Prospects for the Development of a New Branch of Law

Sitnikova I.E.
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov,
Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice
Makarov T.G.
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice
Shchurikova L.G.
Kazan National Research Technological University

The relevance of the research topic is due to the processes of transformation of the legal system that occur in modern conditions in connection with the digitalization of legal regulation. The article considers the possibility of the existence of digital law as an emerging complex branch of law that does not have full independence, which appeared in response to the new technological and digital order, which not only changes the life of society, but also radically changes legal regulation. At the current stage of development of public relations, digital innovations are embedded in many areas, and therefore there is a need for legal regulation and the establishment of legal regimes in the field of digital legal relations. Digital law is the answer to these challenges and needs.

The purpose of this study is to consider digital law as an emerging complex branch of law that combines normative material and legal institutions of branches similar in the subject of legal regulation. The objective of the study is to study the prerequisites for the formation of digital legal relations in legislation, the possibilities of the existence of digital law as a new branch within the legal system. The scientific significance of the study lies in identifying the main characteristics of digital law, determining its subject certainty and the possibility of codifying the relevant norms. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in studying general issues of legal theory. The scientific novelty of the study lies in the approach proposed by the authors to consider digital law as a complex branch of law. In the course of the study, the authors conclude on the prospects for the development of digital law as an independent branch of law.

Keywords: law, legal regulation, branches of law, legal system, law enforcement, digital legal relations, digital law

УДК 343.241
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-205-209

Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ

Сундурова О.Ф.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Университета управления «ТИСБИ» (Казань),
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

В статье подчеркивается, что незаконная выдача или фальсификация рецептов либо иных документов, предоставляющих право на получение наркотических или психотропных веществ (далее наркотиков) характеризуется высокой степенью общественной опасности для общества. Рассматриваемая тема является крайне актуальной в настоящее время, поскольку затрагивает вопросы общественной безопасности, здравоохранения и правопорядка. Доступ к наркотикам через поддельные рецепты способствует распространению наркомании, особенно среди молодежи, что ведет к росту заболеваний, деградации и смертности.

Целью исследования является выработка предложений, направленных на совершенствование уголовного законодательства и точную квалификацию содеянного в судебной практике.

Автор предлагает усилить уголовно-правовые меры борьбы с незаконными действиями, связанными с использованием рецептов и других документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ; дифференцировать положения нормы ст. 233 УК РФ путем закрепления в ч. 2 ст. 233 УК РФ квалифицирующих признаков (деяние, совершенное из корыстных побуждений или с использованием служебного положения); признать способом совершения преступления незаконную выдачу либо подделку рецепта или иных документов на получение наркотиков.

Ключевые слова: *незаконная выдача, подделка, иные документы, наркотические средства, уголовная ответственность*

Для цитирования: *Сундурова О.Ф. Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 205–209. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-205-209.*

В ст. 233 УК РФ установлена уголовная ответственность за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ. Общественная опасность такого преступления состоит в том, что наркотики, попадая в незаконный оборот, представляют серьезную опасность для здоровья населения. Поэтому законодателем для защиты легального получения рецептов или других документов, предоставляющих право получения необходимого наркотического или психотропного препарата, определен закрепленный в нормативных правовых актах специальный порядок их получения.

Вопрос о том, что выступает предметом преступления, предусмотренного ст. 233 УК РФ, является дискуссионным. Так, А.И. Ролик в более ранний период признавал предметом преступления рецепт или

иные документы на получение наркотиков [1, с. 148]. Однако со временем он изменяет свою позицию и в настоящее время признает предметом преступления наркотические средства или психотропные вещества. А рецепт или иные документы считает средствами совершения преступления, предусмотренного ст. 233 УК РФ [2, с. 258]. Ему возражает А.В. Федоров, определяя указанную А.И. Роликом точку зрения как ошибочную [3, с. 22]. Средствами совершения преступления выступают такие инструменты, которые способствуют достижению желаемой цели. А таковой являются незаконное приобретение наркотических средств или психотропных веществ.

Думается, что поддельные, нелегально оформленные рецепты или иные документы выступают способом совершения преступления, предусмотренного ст. 233 УК РФ для получения наркотиков.

Другим обсуждаемым вопросом является не признание аналогов предметом преступления, предусмотренного ст. 233 УК РФ. А.И. Ролик предлагает указать аналоги наркотических средств или психотропных веществ наряду с наркотическими средствами или психотропными веществами [2, с. 258]. Его поддерживает М.А. Любавина [4, с. 359-360]. Противоположную позицию занимает А.В. Федоров, который считает, что включение аналогов в предмет преступления нормы ст. 233 УК РФ противоречит уголовному законодательству, согласно которому аналоги наркотических средств или психотропных веществ не включены в перечень запрещенных средств, находящихся под контролем. В связи с этим исключается возможность выдачи и подделки рецептов и иных документов, в которых указаны аналоги [3, с. 26].

Известно, что у медицинских препаратов существуют аналоги, которые указаны в качестве таковых в различных медицинских справочниках. С одной стороны, существование аналогов наркотиков и психотропных веществ признает законодатель, устанавливая за совершение с ними указанных в законе действий уголовную ответственность (ст. ст. 228, 228^1, 229^1, 230, 230^3 (вступит в силу с 1 сентября 2025 г.), 232 УК РФ), на основании того, что аналоги обладают свойствами, присущими наркотикам и психотропным веществам. С другой стороны, отсутствие перечня аналогов не позволяет выписать или подделать рецепт на их получение, поскольку в рецепте могут быть указаны только такие наркотические средства или психотропные вещества, которые содержатся в утвержденном Правительством РФ списке и предназначены для их назначения по рецепту в медицинских целях.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 233 УК РФ, включает несколько альтернативных нелегальных действий: выдачу рецептов и иных документов, дающих право на получение наркотиков и их подделку.

В 2021 г. в Российской Федерации по ст. 233 УК РФ было осуждено 1 лицо, в 2022 г. – 3, в 2023 г. – 4, в 2024 г. – 2 [5]. Несмотря на незначительное количество осужденных, отмечается тенденция к их росту в 2022 г. по отношению к 2021 г. количество выросло на 33,3 %, в 2023 г. по сравнению с 2022 г. на 33 %. В 2024 г. происходит снижение количества осужденных по сравнению с 2023 г. на 50 %. Рассматриваемое преступление является скрытым, то есть высоколатентным преступлением.

Под нелегальной выдачей рецептов (иных документов) понимается их выдача при несоблюдении определенного законом порядка. Требования к выдаче рецептов установлены в нормативных правовых актах [6–8]. В соответствии со ст. 26 Федерального закона от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – ФЗ № 3-ФЗ), рецепты, включающие в себя назначение наркотиков, формируются на специальных бумажных (электронных) бланках (ч. 1) [9]. С появлением цифровых рецептов и электронных систем учета возникает новый вызов киберпреступности, связанный со взломом баз данных и созданием фальшивых электронных документов. В связи с этим меры контроля в отношении выписываемых электронных рецептов следует усилить в современных условиях.

Среди иных документов рассмотрим, к примеру, лицензию на выполнение заявки на поставку наркотиков, выписку из амбулаторной карты пациента, товарно-транспортную накладную и др. Согласно Федеральному закону № 3-ФЗ, выдача рецептов с назначением наркотиков при несоблюдении требований их выдачи, равно как и их подделка с назначением запрещенных средств при отсутствии для этого оснований, является основанием для привлечения виновного лица к уголовной ответственности [9].

Подделка с целью обмана является подлогом. Соотнесем понятия «подлог» и «подделка». Подлог документов, по мнению Е.Г. Коваленко, показывает совокупность активных, целенаправленных умышленных и заранее подготовленных действий, вызванных ситуацией, по формированию, преобразованию и (или) применению документов, изменяющих или скрывающих известные реальные обстоятельства [10, с. 8]. Понятие «подлог документов» является шире понятия «подделка документов». При совершении подделки лицо оказывает действие на предмет, а при подлоге – на конкретное лицо с целью подвести его к действиям, выгодным субъекту подлога. Содержание подлога отражает две стороны: документальную и относящуюся к поведению.

В теории уголовного права рассматривают два вида подлога: простой и производный; интеллектуальный (внесение ложной информации) и материальный (внесение исправлений, подтирка и др.). Подделка рецепта или иного документа – простой подлог, который проявляется во внесении в доку-

мент исправлений, искажающих его первичное содержание, или изготовление документа, ложного с формальной стороны. Нелегальная выдача рецепта (другого документа) лицом, не имеющим права на его выдачу, – интеллектуальный подлог. Подделка заключается во внесении заведомо ложных сведений в оригинальный рецепт или другой документ, оформленный на утвержденном бланке; включение в рецепт ложных сведений путем замены или исправления даты, объема наркотиков, дозировок, установленных для употребления, личных данных лица, которому выписан рецепт.

А.В. Федоров предлагает дифференцировать уголовную ответственность за преступление, предусмотренное ст. 233 УК РФ. В ст. 233 УК РФ предусмотреть ответственность за незаконную выдачу рецептов или других документов на получение наркотиков, а в ст. 233[1] УК РФ – за подделку рецептов или иных документов, дающих право на их получение [3, с. 20]. Следует согласиться с А.В. Федоровым в том, что в действующей редакции ст. 233 УК РФ содержатся два вида преступления, которые различаются по объективной стороне и субъекту. А.В. Федоров рассматривает установление в ч. 2 ст. 233[1] УК РФ ответственности за подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотиков, совершенных в целях сбыта этих рецептов или документов. Е.С. Витовская предлагает включить в объективную сторону преступления (ст. 233 УК РФ) еще одно альтернативное деяние – сбыт рецептов и иных документов [11, с. 13], который может быть осуществлен как самостоятельное деяние или вместе с выдачей рецепта и иных документов и их подделкой [1, с. 13].

Как квалифицировать случаи совершения преступления, предусмотренного ст. 233 УК РФ должностным лицом? Исходя из правила квалификации, заключающегося в конкуренции между общей нормой в ст. 285 УК РФ и специальной в ст. 233 УК РФ, квалификация будет осуществляться по ст. 233 УК РФ.

Исходя из того, что ст. 233 УК РФ является специальной по отношению к ст. 292 УК РФ, желательно установить уголовную ответственность за совершение подделки рецептов или иных документов на получение наркотиков лицом с использованием своего служебного положения. Таким лицом выступает как должностное лицо, так и иное другое лицо, имеющее доступ к рецептам или иным документам, которые дают право получить наркотики. Совершение преступления указанным лицом повышает степень общественной опасности содеянного и личности этого лица. Результатом указания такого квалифицирующего признака выступает необходимое соотношение между общей и специальной нормой.

Думается, что следует дифференцировать уголовную ответственность в ст. 233 УК РФ, используя средства дифференциации (квалифицирующие признаки) в ч. 2 ст. 233 УК РФ: п. «а» совершение деяния из корыстных побуждений и п. «б» совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения.

Состав преступления, предусмотренного в ст. 233 УК РФ, является формальным, поэтому для привлечения к ответственности не имеет значение получение лицом, указанных в рецепте наркотиков. Если виновное лицо приобрело желаемые запрещенные средства таким способом, то эти действия, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г., подлежат дополнительной квалификации как незаконное приобретение наркотических средств или психотропных веществ [12]. На практике встречаются случаи полной подделки рецептов, но также возможна и их частичная подделка.

Пролетарским районным судом г. Ростов-на-Дону рассмотрено уголовное дело Б., совершившего преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 327, ч. 1 ст. 327, ч. 1 ст. 233 УК РФ. Б., имея умысел сбыть рецептурный бланк с целью личной выгоды, действуя умышленно, осознавая противоправность действий, сделал заведомо подложные документы Он включил в заранее подготовленный с помощью технических средств бланк рецепта данные о серии, номере, дате изготовления на имя Р. формы № 148-1\у-88, предоставляющий право на приобретение наркотиков, выданный от имени медицинской организации России. Лично заполнил текст этого рецепта, поставил оттиски печатей медицинской организации и врача-терапевта. Кроме этого, он от имени врача-терапевта указал дозировку сильнодействующего препарата «Трамадол 50 мг.». Впоследствии, Б., имея корыстную цель, сбыл Д., который проводил ОРМ «Проверочная закупка», фальсифицированный им бланк рецепта серии 1245 № 45027, дающий право на покупку сильнодействующих веществ на сумму 1400 руб.

Суд признал вину Б. по ч. 1 ст. 327 УК РФ – сбыт поддельного иного официального документа (1 эпизод); по ч. 1 ст. 327 УК РФ – подделку иного официального документа, предоставляющего право, в целях его использования (2 эпизод); по ст. 233 УК РФ – подделку рецепта, дающего право на получение психотропных веществ (3 эпизод) [13].

Подделка рецепта на получение наркотиков может совершаться с поддельными документами, которые устанавливают личность. Лицо, выдающее поддельный рецепт, содействует совершению преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ. Поэтому оно является пособником в приобретении или возможном сбыте лицом наркотиков.

Таким образом, поддельные, незаконно оформленные рецепты или другие документы являются способом совершения преступления, предусмо-

тренного ст. 233 УК РФ, применяя который лицо достигает цели – получение права на наркотики, которые мы определяем как предмет данного преступления. Представляется необходимым совершенствование уголовно-правовых мер противодействия преступлениям, совершенным с рецептами или другими документами с правом получения наркотиков. Поэтому, как указано выше, следует провести более тщательную дифференциацию уголовной ответственности по ст. 233 УК РФ, используя средства дифференциации.

В связи с этим предлагаем дополнить ч. 2 ст. 233 УК РФ, изложив ее в следующей редакции:

2. Те же деяния, совершенные:

а) из корыстных побуждений;

б) лицом с использованием своего служебного положения.

Литература:

1. Ролик А.И., Романова Л.И., Федоров А.В. Современная наркопреступность: криминологические, уголовно-политические и уголовно-правовые аспекты: монография / Под ред. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд. дом Дальневосточного фед. ун-та, 2009. 333 с.
2. Ролик А.И. Наркопреступления: проблемы законотворчества и правоприменения: монография / Науч. ред. А.И. Коробеев. Владивосток: Изд. дом Дальневосточного фед. ун-та, 2013. 400 с.
3. Федоров А.В. Ответственность за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, по ст. 233 УК РФ // Наркоконтроль. 2014. № 3 (36). С. 16–27.
4. Любавина М.А. О некоторых направлениях совершенствования законодательства об уголовной ответственности за преступления, связанные с наркотическими средствами и психотропными веществами // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 359–360.
5. Судебная статистика Российской Федерации. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17.
6. Приказ Минздравсоцразвития России от 12.02.2007 г. № 110 «О порядке назначения и выписывания лекарственных препаратов, изделий медицинского назначения и специализированных продуктов лечебного питания» (ред. от 24.11.2021) // СПС КонсультантПлюс.
7. Приказ от 20.12.2012 г. № 1175н «Об утверждении порядка назначения и выписывания лекарственных препаратов, а также форм рецептурных бланков, порядка оформления этих бланков, их учета и хранения». URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=306572.
8. Приказ от 14.01.2019 г. № 4н «Об утверждении порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения». URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=382468.
9. Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ред. от 25.12.2023) // СПС Гарант.
10. Коваленко Е.Г. Расследование преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности с использованием подлога документов: дисс. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. 203 с.
11. Витовская Е.С. Актуальные вопросы уголовно-правовой характеристики незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ // Уголовная юстиция. 2022. № 10. С. 10–14.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС КонсультантПлюс.
13. Приговор Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону № 1-185/2017. URL: https://sud-praktika.cloud/precedent/258445.html .

Illegal Issuance or Forgery of Prescriptions or Other Documents Giving the Right to Obtain Narcotic Drugs or Psychotropic Substances

Sundurova O.F
University of Management «TISBI» (Kazan),
Kazan branch Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article emphasizes that the illegal issuance or falsification of prescriptions or other documents granting the right to obtain narcotic or psychotropic substances (hereinafter drugs) is characterized by a high degree of public danger to society. The topic under consideration is extremely relevant at the

present time, as it affects issues of public safety, health care and law and order. Access to drugs through counterfeit prescriptions contributes to the spread of drug addiction, especially among young people, which leads to an increase in diseases, mortality and degradation.

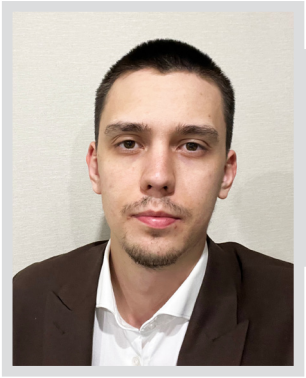
The purpose of the study is to develop proposals aimed at improving criminal legislation and the precise qualification of the act in judicial practice. The objectives of the scientific research are to analyze the provisions of Article 233 of the Criminal Code of the Russian Federation and judicial practice for the commission of this act; to identify provisions on the problem under study that have ambiguous interpretation; to analyze the problems discussed under Article 233 of the Criminal Code of the Russian Federation in the scientific literature.

The author proposes to improve criminal law measures to combat illegal actions related to the use of prescriptions and other documents that give the right to obtain narcotic drugs or psychotropic substances; differentiate the provisions of Article 233 of the Criminal Code of the Russian Federation by establishing in Part 2 of Article 233 of the Criminal Code of the Russian Federation qualifying features (an act committed for selfish reasons or using official position); recognition of the method of committing a crime - the illegal issuance or forgery of a prescription or other documents for obtaining drugs.

Key words: illegal issuance, forgery, other documents, narcotic drugs, criminal liability

УДК 340
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-210-213

Роль Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении системности конституционных терминов

Хабибуллин А.Р.
Аспирант кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье исследуется практика Конституционного Суда Российской Федерации, играющего, по мнению автора, ключевую роль в систематизации конституционных терминов, а также обеспечении конституционализации юридической терминологии. Целью исследования выступает выявление теоретических и практических аспектов системности конституционных терминов. Для достижения поставленной цели необходимо разрешить ряд взаимосвязанных задач: раскрыть основные формы проявления системности конституционных терминов, определить содержание понятия «конституционный термин», а также установить их основные разновидности. В результате проведенного исследования предложено авторское понятие «конституционный термин», обоснованы его основные разновидности (однокомпонентные, многокомпонентные), выявлены основные признаки их системности.

Ключевые слова: *юридический термин, конституционный термин, системность конституционных терминов, Конституционный Суд Российской Федерации*

Для цитирования: *Хабибуллин А.Р. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении системности конституционных терминов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 210-213. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-210-213.*

Конституция представляет собой не только источник права, обладающий особо значимой юридической силой, закрепляющий государственный суверенитет, права и свободы граждан вкупе с их обязанностями и гарантиями, а также основополагающие принципы общественного строя и организации публичной власти [1, с. 26], но и официальный документ, содержащий термины, обороты и словосочетания, которые встречаются практически во всех сферах и видах профессиональной юридической деятельности.

Иными словами, конституционные нормы, из которых слагается нормативное содержание конституции, структурируются с помощью специальной юридической терминологии, формирующей язык основного закона. Более того, используемые в конституции термины, как справедливо отмечает А.В. Анцифиров, идентичны или созвучны иным лексическим формам, используемым в других отраслях права [2, с. 24].

В специальной литературе под термином понимаются «специальные слова, ограниченные своим особым назначением, установленные для однозначного и точного выражения понятия посредством формулирования отличительных критериев обозначаемого понятия от других» [3, с. 319].

В свою очередь, юридический термин трактуется как «элемент юридической техники, словесное обозначение государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [4]; «слово (или словосочетание), точно обозначающее соответствующее правовое понятие, однозначно воспринимаемое в пределах юридического языка, смысл которого выражен с помощью определения» [5, с. 10]; «слово или устойчивое

словосочетание, которое унифицировано употребляется в тексте нормативного правового акта, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличается смысловой однозначностью (моносемичностью), функциональной устойчивостью» [6, с. 13–14] и пр.

Исходя из вышеизложенного, конституционный термин можно рассматривать как элемент юридической и одновременно конституционной техники, лексическое обозначение правовых, а также конституционных понятий, с помощью которых выражается и фиксируется содержание государственно-властных предписаний, обладающих верховенством, наивысшей юридической силой в правовой системе государства.

Как известно, любые специальные термины, включая конституционные, должны соответствовать общим требованиям функционирования научной терминологии, к которым прежде всего относится системность [7, с. 235].

Так, системность юридических терминов, по мнению В.А. Толстика, выражается в том, что «они должны находиться в состоянии иерархичности, взаимосвязи, взаимодействия и непротиворечивости друг другу» [8, с. 302–307]. В данном контексте конституционные термины отражают системность как общепризнанное свойство права, его структурных подразделений, а также внешних форм выражения правовых норм.

Системность конституционных терминов выражается в том, что им полагается находиться во внутренних взаимоотношениях согласованности, если речь идет о структуре и содержании самого основного закона, а также во внешних связях согласования с иными официальными правовыми документами, обеспечивающих их единообразное понимание и применение в иных отраслевых источниках и юридических практиках.

Как полагает С.В. Гунич, семантическая сущность конституции раскрывается, главным образом, в текущем законодательстве [9, с. 46]. Для этих целей, к примеру, в содержание законодательных актов нередко включаются дефинитивные нормы. Однако не менее эффективным средством в устранении концептуального расхождения в трактовке конституционных терминов, к которым обращаются субъекты правотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельности, выступает конституционное правосудие.

Обеспечивая единообразное понимание конституционных терминов, Конституционный Суд Российской Федерации обращается к нескольким юридико-техническим приемам.

Во-первых, Конституционный Суд Российской Федерации вправе определять форму, объем и содержание конституционного термина. Так, в своем Постановлении от 27.01.1999 г. № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» [10] Конституционный Суд квалифицировал словосочетания «система федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти», «структура федеральных органов исполнительной власти» в качестве понятий, определив тем самым наличие в Конституции Российской Федерации многокомпонентных конституционных терминов (конституционных терминов-словосочетаний).

Во-вторых, Конституционный Суд Российской Федерации использует и закрепляет в тексте итоговых решений судебные конструкции, идентифицирующие юридическую терминологию, одной из которых является конструкция «конституционное понимание». В частности, в своем Постановлении от 23.12.2013 г. № 29-П [11] Конституционный Суд фиксирует конституционное понимание сущности и содержания права наследования, предусмотренного ч. 4 ст. 35 Конституции России, а также способов осуществления составляющих его правомочий, отметив его призвание гарантировать каждому, что приобретенные им при жизни имущество и иные материальные блага (с имеющимися в отношении них обременениями) после его смерти перейдут к его наследникам, согласно его воле как наследодателя, либо, если он ее не выразит, согласно воле закона, которая в данном случае презюмируется как соответствующая личной воле наследодателя.

В-третьих, используя межсистемные взаимосвязи конституционных норм, а значит, и лексических форм, имеющихся в их составе, Конституционный Суд Российской Федерации раскрывает правовое содержание одного или нескольких взаимосвязанных конституционных терминов. Так, согласно Определению от 05.07.2001 г. № 135-О [12] и Определению от 16.11.2006 г. № 496-О [13] Конституционный Суд сформулировал правовую позицию, согласно которой понятием «семья» – наряду с понятиями «материнство», «детство», «отцовство» – охватывается, как следует из сопоставления ст. 38 (ч. 1) Конституции Российской Федерации с положениями ее ст.ст. 7 (ч. 2), 23 (ч. 1) и 72 (п. «ж» ч. 1), особая сфера жизни человека, являющаяся объектом конституционного регулирования, которое конкретизируется в нормативных правовых актах федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

В-четвертых, Конституционный Суд Российской Федерации констатирует полисемантическую (многозначную) природу отдельных конституционных терминов, подтверждая тем самым их принадлежность к группе концептуальных категорий. Это связано с тем, что Конституционный Суд РФ выступает не только субъектом предметно-практической, но и научно-познавательной деятельности, обладающим

определенной свободой усмотрения в выборе той методологии, которая позволяет выявить смысл и содержание любой конституционной лексической формы.

К примеру, одной из общих правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, отмечающих, на наш взгляд, открытый характер таких, с одной стороны, концептуальных категорий, а с другой – конституционных терминов, как семья, материнство и детство, выступает следующая: «Семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые гарантируют непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа России, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства» [14]. Как видно из вышеизложенного, Конституционный Суд РФ использовал исторический и аксиологический подходы к уяснению смысла и содержания перечисленных конституционных терминов.

С позитивистской точки зрения Конституционный Суда Российской Федерации раскрывает конституционное понимания брака как союза мужчины и женщины (ст. 72, п. «ж», ч. 1, Конституции Российской Федерации) и сложившихся в обществе представлений о традиционной модели семейных отношений, также предполагающей основанный на принципе добровольности брачный союз мужчины и женщины (п. 3 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации) [15].

В-пятых, системность прослеживается в том, что родовидовые признаки, отличающие конституционные термины, излагаются посредством специальных, в том числе конституционных понятий, присутствующих в соответствующих определениях. Этот вывод прослеживается в Постановлении от 27.01.1999 г. № 2-П, где Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал дефиницию понятия « система федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти», под которым, по его мнению, следует понимать единство взаимосвязанных федеральных органов различных ветвей государственной власти, которое, исходя из разграничения полномочий при осуществлении законодательных, исполнительных и судебных функций, обеспечивает баланс этих властей, систему взаимных сдержек и противовесов.

Отметим, что подобную функцию Конституционный Суд Российской Федерации выполняет и в отношении лексических форм, содержащихся в отраслевых источниках права, используя при этом присущую им специальную терминологию.

К примеру, в Постановлении от 19.04.2016 г. № 12-П [16] в контексте конституционных установлений раскрывается понятие колонии-поселения, которое, как отмечает Конституционный Суд, представляет собой исправительное учреждение с полусвободным режимом отбывания наказания, где отбывание наказания характеризуется существенно меньшим объемом ограничений по сравнению с другими видами исправительных учреждений.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 22.06.2017 г. [17] вносится точность и ясность в конституционное понимание добросовестного приобретателя применительно к недвижимому имуществу в контексте п. 1 ст. 302 Гражданского Кодекса Российской Федерации. Таковым, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, в его конституционно-правовом смысле в правовой системе Российской Федерации является приобретатель недвижимого имущества, право на которое подлежит государственной регистрации в порядке, установленном законом, если только из установленных судом обстоятельств дела с очевидностью не следует, что это лицо знало об отсутствии у отчуждателя права распоряжаться данным имуществом или, исходя из конкретных обстоятельств дела, не проявило должной разумной осторожности и осмотрительности, при которых могло узнать об отсутствии у отчуждателя такого права.

Конституционный Суд Российской Федерации, выявляя должное конституционно-правовое содержание оспариваемых нормативных правовых актов (нормативных правовых предписаний, элементов нормативных правовых предписаний), не только обеспечивает конституционализацию отраслевых норм, но и осуществляет конкретизирующее отраслевое правовое регулирование большего или меньшего объема.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь к вопросам конституционного понимания формы и содержания конституционной и отраслевой юридической терминологии, а также вопросам их системности, способствует распространению регулирующего воздействия конституционных норм на разные сферы (группы) общественных отношений, отрасли и институты права.

Литература:

1. Акопов Л.В., Сизько И.А., Линкин В.Н. Конституционное право Российской Федерации: Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2022. 213 с.
2. Анцифиров А.В. Вопросы самостоятельности конституционной терминологии (Бланкетные (?) конституционные нормы) // Право и политика. 2017. № 8. С. 24–36.

3. Урматова А.Д., Рыспаева Г.С. Юридическая терминология// Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 9. С. 318–324.
4. Барихин А.Д. Большая юридическая энциклопедия [Электронный ресурс]: более 30000 терминов и определений. М.: Книжный мир, 2010. 960 с.
5. Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. 45 с.
6. Черекаев А.В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2004. 21 с.
7. Корниевская Т.К. Термин как объект исследования в лингвистике // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5 (ч. 1). С. 234–237.
8. Толстик В.А. Требования, предъявляемые к юридической терминологии: формально-логическое и социокультурное обоснование // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 302–307.
9. Гунич С.В. Системность и точность юридической терминологии в сфере конституционно-правового регулирования // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7. С. 41–53.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт г), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции РФ». URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27011999-n/ (дата обращения: 09.12.2024 г.).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // Российская газета. 2014. № 6.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 г. № 135-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Костромской областной Думы о толковании понятия «семья», содержащегося в статье 38 (часть 1) Конституции РФ» // СПС Консультант Плюс.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 г. № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.01.2014 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Аникиев» // СПС Гарант.
15. Постановление Конституционного Суда РФ 29.06.2021 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области». URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29062021-n-30-p-po/
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС Гарант.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // СПС Гарант.

The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in Ensuring the Consistency of Constitutional Terms

Khabibullin A.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, which, in the author's opinion, plays a key role in the systematization of constitutional terms, as well as ensuring the constitutionalization of legal terminology. The purpose of the study is to identify the theoretical and practical aspects of the consistency of constitutional terms. To achieve this goal, it is necessary to solve a number of interrelated tasks: to reveal the main forms of manifestation of the consistency of constitutional terms, to define the content of the concept of "constitutional term", as well as to establish their main varieties. As a result of the research, the author's concept of "constitutional term" was proposed, their main varieties (single-component, multicomponent) were substantiated, and the main signs of their consistency were identified.

Keywords: legal term, constitutional term, consistency of constitutional terms, Constitutional Court of the Russian Federation

УДК 342
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-214-219

К вопросу о специально-юридических функциях института отрасли муниципального права (на примере вступления в силу муниципальных правовых актов)

Хабибуллина Г.Р.
Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящается функциональной характеристике внутриотраслевых институтов муниципального права, которые относятся к числу малоизученных в одноименной юридической науке. Целью исследования выступает выявление и обобщение их функций на примере института вступления в силу муниципальных правовых актов. Для ее достижения потребовалось решить ряд задач, в том числе установить их примерный перечень и дать краткую характеристику. Научная новизна выражается в выявлении и систематизации функций отраслевых институтов муниципального права в целом и его отдельного института в частности. По результатам проведенного исследования сформулировано определение и предложен состав функций институтов муниципального права как отрасли права.

Ключевые слова: *отрасль права, муниципальное право, правовой институт, функции правового института, вступление в силу, муниципальный правовой акт*

Для цитирования: *Хабибуллина Г.Р. К вопросу о специально-юридических функциях института отрасли муниципального права (на примере вступления в силу муниципальных правовых актов) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 214–219. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-214-219.*

В самом общем плане обнародование муниципальных правовых актов представляется возможным трактовать как систему норм, регулирующих однородный вид общественных отношений, характеризующих порядок вступления в силу правотворческих актов местного самоуправления.

Данный институт имеет функциональное назначение, которое может быть проанализировано в контексте задач, решаемых правом в целом, а значит, и его отдельными структурными подразделениями, включая отрасль муниципального права и его внутриотраслевые правовые образования.

Как известно, важнейшими функциями самого права выступают регулятивная и охранительная [1, с. 22], которые определяются как направления правового воздействия, призванные обеспечить организацию и функционирование общественных отношений [2, с. 219–220] прежде всего путем установления субъективных прав и юридических обязанностей, определения круга субъектов тех или иных правоотношений и тех обстоятельств, ведущих к их возникновению, изменению и прекращению (регулятивная функция) [3, с. 57], а также обеспечить охрану положительных и вытеснение вредных для общества отношений (охранительная функция) [4, с. 52].

В то же время отдельные авторы полагают, что функциональная сторона права может быть не только расширена, но и детализирована. Соответственно, функциональное назначение права раскрывают регулятивно-статическая, регулятивно-динамическая, охранительная, оценочная функции [5, с. 241–242], а также информационно-ориентирующая, систематизирующая и конкретизирующая [6, с. 8].

Регулятивно-статическая функция института вступления в силу муниципальных правовых актов. В юридической литературе основной целью

регулятивно-статической функции права признают закрепление сложившегося порядка общественных отношений [7, с. 102–105]. В данном контексте регулятивно-статическая функция института вступления в силу актов муниципального правотворчества видится в его направленности на организацию общественных отношений, возникающих в процессе их официального опубликования (обнародования).

Кроме того, данная функция призвана решить комплекс задач, связанных с тем, что отношения по вступлению в силу муниципальных правовых актов образуют своеобразное интегральное пространство, которое обеспечивает на правовом уровне единство многоуровневых публичных интересов: федеральных, региональных, местных. И одной из таковых является формирование формально-юридических основ института официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов, которые можно охарактеризовать в качестве: а) публично-правовых, поскольку порядок принятия (издания) муниципальных правовых актов сочетает в себе как формы гражданской активности (например, правовые акты местного референдума (схода граждан)), так и способы решения вопросов, значимых для местного населения, органами публичной власти на основе соблюдения общественного интереса (правовые акты органов и должностных лиц местного самоуправления); б) публично-дифференцированных, поскольку в закреплении этих отношений принимают участие все уровни публичной власти, включая муниципальный, где осуществляется наибольший объем нормирования в соответствии с уставом муниципального образования; в) межотраслевых, поскольку для их регулирования применяются источники конституционного, муниципального, информационного, бюджетно-налогового права и законодательства (например, по требованию Федерального закона от 06.11.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131-ФЗ) [8] нормативные правовые акты представительных органов местного самоуправления о налогах и сборах вступают в силу в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации).

Регулятивно-статическая функция института вступления в силу муниципальных правовых актов выражается также в том, что его формально-юридические основы закрепляют правотворческие полномочия органов и должностных лиц местного самоуправления в данной сфере.

Регулятивно-динамическая функция института вступления в силу муниципальных правовых актов. Особенность регулятивно-динамической функции права усматривается в том, что, воздействуя на общественные отношения, оно направляет их в необходимое русло, способствуя дальнейшему развитию [9, с. 11].

Регулятивно-динамическая функция института вступления в силу муниципальных правотворческих актов наиболее ярко отражается в эволюционном развитии его законодательных основ. Так, первоначально федеральный законодатель относил эти вопросы к предметам совместного ведения субъектов Российской Федерации и муниципальных образований [10]. Однако изменения, протекавшие в социально-экономической, политической, информационной и идеологической сферах, концептуально изменили подход к их законодательному регулированию, и в результате они были переданы в совместное ведение Российской Федерации и муниципальных образований [8].

Регулятивно-динамическая функция института вступления в силу муниципальных правовых актов также отражается в характере и объеме правового регулирования соответствующих общественных отношений. В частности, в отличие от прежних законодательных актов Федеральный закон № 131-ФЗ в последующей редакции (особенно в редакции Федерального закона от 18.04.2018 г. № 83-ФЗ и Федерального закона от 02.11.2023 г. № 517-ФЗ) более детально и системно регулирует такие вопросы, как: обязательное уставное регулирование вступления в силу актов муниципального правотворчества; вступление в силу отдельных видов муниципальных нормативных правовых актов непосредственно после официального опубликования; цели обнародования муниципальных правовых актов; виды обнародования муниципальных правовых актов; понятие официального опубликования и т.д.

Еще одним проявлением регулятивно-динамической функции данного института выступает уточнение смысла и содержания предметных законодательных норм, направленное на обеспечение единообразия и согласованности их применения органами местного самоуправления в конституционно-правовом пространстве. Так, в настоящее время ч.ч. 1 и 3 ст. 47 названного Федерального закона № 131-ФЗ могут применяться исключительно в том конституционно-правовом смысле, который был выявлен и изложен Конституционным Судом Российской Федерации в своем Постановлении от 27.05.2021 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 части 1 статьи 44, частей 1 и 3 статьи 47 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Ю.Г. Ефремова» [11].

Также следует отметить, что нормы федерального и регионального законодательства по вопросам организации местного самоуправления, а также уставы муниципальных образований устанавливают необходимые требования, определяющие механизм реализации регулятивно-динамической функции института вступления в силу муниципальных

правовых актов, в виде объектов соответствующих муниципальных правоотношений, их субъектного состава и предоставленных им полномочий, юридических фактов, а также актов применения надлежащих норм (например, заключение об официальном обнародовании муниципального правового акта, соглашения, заключаемого между органами местного самоуправления).

Охранительная функция института вступления в силу муниципальных правовых актов. Как отмечается в специальной литературе, охранительная функция права реализуется путем применения специальных охранительных норм, а также действующих в охранительном режиме регулятивных норм [5, с. 242].

Для института вступления в силу правотворческих актов местного самоуправления в большей мере характерно наличие регулятивных муниципальных норм, действующих в охранительном режиме, установленном непосредственно Федеральным законом № 131-ФЗ. В частности, если для реализации решения, принятого путем прямого волеизъявления граждан, дополнительно требуется принятие (издание) муниципального правового акта, компетентный орган или должностное лицо местного самоуправления обязаны в фиксированные сроки со дня вступления в силу решения, принятого на местном референдуме (сходе граждан), определить срок подготовки и (или) принятия соответствующего муниципального правового акта. Причем нарушение установленных сроков является основанием для отзыва выборного должностного лица, досрочного прекращения полномочий главы местной администрации, осуществляемых на основе контракта, или досрочного прекращения полномочий выборного органа местного самоуправления.

Вместе с тем действующее законодательство применительно к названному институту отрасли муниципального права также содержит и специальные охранительные нормы, назначение которых, как отмечает В.В. Лазарев, заключается в том, чтобы устанавливать и регламентировать меры юридической ответственности и другие принудительные меры защиты субъективных прав [12, с. 303].

В частности, согласно п. 2 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 09.02.2009 г. № ФЗ-8 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [13], к таковой относится информация о нормотворческой деятельности органа местного самоуправления, касающаяся муниципальных правовых актов, изданных органом местного самоуправления, включая сведения о внесении в них изменений, признании их утратившими силу, признании их судом недействующими, а также сведения о государственной регистрации муниципальных правовых актов в случаях, установленных законодательством Российской Федерации. Неисполнение законодательных требований влечет за собой привлечение виновных должностных лиц к административной ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 13.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Таким образом, охранительная функция института вступления в силу муниципальных правовых актов выражается в установлении и непосредственном применении предусмотренных законом санкций к органам и должностным лицам местного самоуправления.

Нацеленность на охрану правоотношений по вступлению в силу муниципальных правотворческих актов выражается и в том, что в составе данного института находятся запретительные нормы, причем их появление напрямую обусловлено конституционным императивом, согласно которому неопубликованные законы не применяются, а любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Оценочная функция института вступления в силу муниципальных правовых актов. Как известно, оценочная функция права выражается в том, что оно не только регулирует, но одновременно оценивает поведение участников правоотношений в качестве правомерного или неправомерного, желательного или нежелательного для общества и государства [14, с. 10]. Наличие регулятивных норм, действующих в охранительном режиме, свидетельствует о том, что данный институт располагает критериями оценки правомерности (неправомерности) деятельности органов и должностных лиц, ответственных за официальное опубликование (обнародование) муниципальных правовых актов.

В то же время одним из основных элементов института вступления в силу правотворческих актов местного самоуправления выступают компетенционные нормы, определяющие структуру и содержание правового статуса органов и должностных лиц местного самоуправления как специальных субъектов муниципального права, включая вопросы их ответственности. Следует отметить, что в зависимости от совершаемых ими действий (или бездействия) оценочная функция института вступления в силу муниципальных правовых актов может рассматриваться в различных плоскостях.

Так, если специальные субъекты муниципального права действуют ответственно при реализации компетенционных норм (например, глава муниципального образования в течение семи дней со дня поступления из территориального органа уполномоченного федерального органа исполнительной власти в сфере регистрации уставов муниципальных образований исполняет обязанность по опублико-

ванию (обнародованию) зарегистрированного устава муниципального образования, муниципального правового акта о внесении в него изменений и дополнений), то целесообразно говорить о проявлении ***оценочно-позитивной функции*** института вступления в силу правотворческих актов местного самоуправления. Ненадлежащее же исполнение либо неисполнение органами и должностными лицами местного самоуправления или муниципальными служащими предоставленных полномочий, прав и обязанностей в сфере официального опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных правовых актов, напротив, позволяет ставить вопрос об их юридической ответственности, свидетельствующей о наличии ***оценочно-негативной функции*** у данного института.

Следует отметить, что оценочно-негативная функция в обязательном порядке формализуется, о чем, в частности, свидетельствует содержание специализированных актов муниципального правотворчества.

Так, согласно Решению Совета депутатов Леденгского сельского поселения Павинского муниципального района Костромской области от 23.10.2014 г. № 170 «Об утверждении Порядка опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов и другой официальной информации» [15], глава муниципального образования своим распорядительным документом назначает специалистов администрации муниципального образования, ответственных за организацию работы по опубликованию (обнародованию) муниципальных правовых актов и другой официальной информации органов местного самоуправления, в том числе ведение реестра справок об обнародовании муниципальных правовых актов и другой официальной информации, распространение официального выпуска печатного издания в поселении, которые за неисполнение либо ненадлежащее исполнение установленных требований несут ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Систематизирующая функция института вступления в силу муниципальных правовых актов выражается в том, что он выступает системным правовым образованием в рамках отрасли муниципального права, отражающим внешние и внутренние процессы интеграции и дифференциации муниципальных правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений по официальному опубликованию (обнародованию) правотворческих актов местного самоуправления и приданию им юридической силы, в структурно упорядоченное единство, обладающее особыми свойствами. К таким свойствам В.В. Воронин, например, относит единство и структурную упорядоченность частей, относительную самостоятельность, устойчивость, автономность функционирования, организованность, иерархичность, функциональную завершенность, целостность [16, с. 20].

Конкретизирующая функция института вступления в силу муниципальных правовых актов определяется тем, что Федеральный закон № 131-ФЗ относит к ведению муниципальных образований установление уставного порядка официального опубликования (обнародования) актов муниципального правотворчества. Более того, указанная функция генетически взаимосвязана с регулятивно-динамической функцией института вступления в силу муниципальных правовых актов, поскольку определяет внутренние условия его развития.

К функциональным основам института вступления в силу муниципальных правовых актов также относят ***информационно-ориентирующую функцию***, которая отражается в законодательной формуле об уставном обеспечении возможности ознакомления граждан с принятыми правотворческими актами местного самоуправления. Вместе с тем данная функция является комплексной и включает в себя информационно-уведомительную, информационно-коммуникативную и информационно-справочную.

С помощью ***информационно-уведомительной функции*** института вступления в силу муниципальных правовых актов определяются способы ознакомления с ними граждан. Так, Решением Совета депутатов сельского поселения Введенского сельсовета Липецкого муниципального района Липецкой области от 03.07.2017 г. № 146 «Об утверждении Положения об обеспечении доступа к информации о деятельности органов местного самоуправления сельского поселения Введенский сельсовет Липецкого муниципального района Липецкой области» [17] способами доведения признаются обнародование (опубликование) в средствах массовой информации, размещение в сети Интернет, размещение в помещении, занимаемом администрацией сельского поселения Введенский сельсовет, ознакомление через архивный фонд муниципального архива, а также библиотечный фонд и т.п.

Посредством ***информационно-коммуникативной функции*** определяются формы взаимодействия органов и должностных лиц местного самоуправлениямежду собой, а также с гражданами по вопросам официального опубликования (обнародования) и вступления в силу правотворческих актов местного самоуправления.

Кроме того, ее действие проявляется во взаимодействии органов государственной и муниципальной власти в сфере официального опубликования (обнародования) и вступления в силу правотворческих актов местного самоуправления. К примеру, требуемый порядок информационного взаимодействия между указанными субъектами публичной власти устанавливается Постановлением Адми-

нистрации Костромской области от 25.11.2014 г. № 480-а «О порядке направления в Администрацию Костромской области в электронном виде копий муниципальных нормативных правовых актов, сведений об источниках и датах их официального опубликования (обнародования), копий дополнительных сведений о муниципальных правовых актах для включения их в регистр муниципальных правовых актов органов местного самоуправления муниципальных образований Костромской области, а также требований к ним» [18].

Информационно-справочная функция данного института реализуется путем предоставления в случае обращения граждан информации о вступивших в силу муниципальных правовых актов, по итогам которой, к примеру, может быть принято решение об их повторном опубликовании (обнародовании).

Таким образом, особенность институтов муниципального права, включая вступление в силу муниципальных правовых актов, заключается в их полифункциональности, т.е. в способности системно выполнять множество взаимосвязанных между собой функций. При этом сама функция института отрасли муниципального права представляет собой основное направление правового воздействия взаимосвязанной совокупности муниципальных норм на однородный вид (сторону) общественных отношений в системе местного самоуправления, участниками которых выступают первичные, специальные и иные субъекты муниципального права. К основным функциям института отрасли муниципального права относятся регулятивно-статическая, регулятивно-динамическая, охранительная, оценочно-позитивная, оценочно-негативная, систематизирующая, конкретизирующая, информационно-уведомительная, информационно-коммуникативная и информационно-справочная.

Литература:

1. Макарова Н.А. К вопросу о регулятивных и охранительных нормах в российском праве // Юридическая наука. 2014. №1. С. 21–23.
2. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учеб. пособие для высших учеб. заведений / Под ред. проф. В.Г. Стрекозова. М.: Из-во «Омега-Л», 2001. 323 с.
3. Ковтун З.Л. О реализации регулятивной функции права // Теория и практика общественного развития. 2016. № 1. С. 57–59.
4. Лапшина О.С. О соотношении охранительной функции права и правоохранительной функции государства // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2008. № 2. С. 51–55.
5. Леушин В.И., Перевалов В.Д. Социальная ценность и функции права // Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов и факультетов / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: Изд. группа ИНФРА М-НОРМА, 1997. 558 с.
6. Пискунова О.В. Функции норм российского права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов. 2013. 26 с.
7. Макарова Н.А. Об особенностях классификации функций современного позитивного права // Юристъ-Правоведъ. 2009. № 6. С. 102–105.
8. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 8 октября 2003. № 202.
9. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. Т. I. М.: Юридическая литература, 1981. 363 с.
10. Федеральный закон от 28.08.1995 г. № 54-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3506
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2021 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 части 1 статьи 44, частей 1 и 3 статьи 47 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Ю.Г. Ефремова». URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27052021-n-23-p/ (дата обращения: 12.12.2023 г.).
12. Лазарев В.В. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2011. 634 с.
13. Федеральный закона от 09.02.2009 г. № ФЗ-8 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
14. Глебченко О.А. Проблема классификации функций позитивного права // Сибирский юридический вестник. 2008. № 3 (42). С. 8–11.
15. Решение Совета депутатов Леденгского сельского поселения Павинского муниципального района Костромской области от 23.10.2014 г. № 170 «Об утверждении Порядка опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов и другой официальной информации». URL: https://леденгск.рф/documents/912.html
16. Воронин В.В. Основания и проявления системности права: автореф. дисс…. канд. юрид. наук. Казань, 2013. 34 с.
17. Решение Совета депутатов сельского поселения Введенского сельсовета Липецкого муниципального района Липецкой области от 03.07.2017 г. № 146 «Об утверждении Положения об обеспе-

чении доступа к информации о деятельности органов местного самоуправления сельского поселения Введенский сельсовет Липецкого муниципального района Липецкой области». URL: http://vved-adm.ru/documents/139.html
18. Постановление Администрации Костромской области от 25.11.2014 г. № 480-а «О порядке направления в Администрацию Костромской области в электронном виде копий муниципальных нормативных правовых актов, сведений об источниках и датах их официального опубликования (обнародования), копий дополнительных сведений о муниципальных правовых актах для включения их в регистр муниципальных правовых актов органов местного самоуправления муниципальных образований Костромской области, а также требований к ним» // Официальный интернет-портал информации (www.pravo.gov.ru) 28.11.2014 г.

The Main Functions of the Institute of the Branch of Municipal Law (on the Example of the Entry Into Force of Municipal Legal Acts)

Khabibullina G.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the functional characteristics of intra-branch institutions of municipal law, which are among the little-studied in the legal science of the same name. The purpose of the study is to identify and summarize their functions using the example of the institution of the entry into force of municipal legal acts. To achieve this goal, it was necessary to solve a number of tasks, including establishing an approximate list of them and giving a brief description. The scientific novelty is expressed in the identification and systematization of the functions of sectoral institutions of municipal law in general and its separate institution in particular. Based on the results of the research, the definition is formulated and the composition of the functions of municipal law institutions as a branch of law is proposed.

Keywords: branch of law, municipal law, legal institution, functions of a legal institution, entry into force, municipal legal act

УДК 347
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-220-225

Особенности правовой охраны и защиты прав на дизайн сайта в сети Интернет

Шайдуллин Р.М.
Аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

Статья ставит целью проанализировать правовые аспекты охраны защиты дизайна веб-сайтов в Российской Федерации, уделяя особое внимание вопросам охраны авторских прав на дизайн как составное произведение. Актуальность исследования обусловлена тем, что правовая охрана дизайна веб-сайтов сопряжена с рядом сложностей, обусловленных спецификой данного объекта интеллектуальной собственности. Дизайн веб-сайта представляет собой сложный комплекс элементов, включающий графическое оформление, структуру, навигацию, цветовые решения и другие параметры, которые в совокупности формируют уникальный пользовательский опыт.

Научная значимость исследования заключается в систематизации подходов к защите прав на дизайн сайтов, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики. Практическая ценность состоит в предложении мер по оптимизации доказывания нарушений и снижению рисков незаконного копирования дизайна.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе актуальных судебных решений, а также в предложении мер по унификации подходов к защите прав на дизайн сайтов, включая обязательное проведение экспертиз и уточнение критериев творческого характера произведения. Работа может быть полезна юристам, веб-разработчикам и правообладателям, сталкивающимся с вопросами защиты интеллектуальных прав в цифровой среде.

Ключевые слова: *веб-дизайн, дизайн сайта, авторское право, право интеллектуальной собственности, защита авторских прав*

Для цитирования: *Шайдуллин Р.М. Особенности правовой охраны и защиты прав на дизайн сайта в сети Интернет // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 220–225. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-220-225.*

Стремительное развитие цифровых технологий и доминирующая роль сети Интернет в современном обществе обусловили значительное увеличение числа веб-сайтов, используемых для различных целей: от коммуникации и предоставления информации до продвижения товаров и услуг. В условиях высокой конкуренции уникальный и привлекательный дизайн сайта становится ключевым фактором, определяющим его успех и привлекательность для целевой аудитории. В связи с этим вопросы правовой охраны и защиты прав на дизайн сайта в сети Интернет приобретают особую актуальность.

Согласно п. 1 ст. 1259 ГК РФ, произведения дизайна отнесены законодателем к объектам авторских прав. Указанное положение, очевидно, распространяется и на дизайн веб-сайта. Дизайн сайта может рассматриваться как составное произведение, охраняемое авторским правом, при условии соблюдения определенных требований.

В соответствии с п. 2 ст. 1260 ГК РФ, составителю сборника и автору иного составного произведения (антологии, энциклопедии, базы данных, интернет-сайта, атласа или другого подобного произведения) принадлежат авторские права на осуществленные ими подбор или расположение материалов (составительство).

Судебная практика играет важную роль в формировании подходов к защите прав на дизайн сайта. Практикообразующим и центральным результатом судебной практики в части защиты прав на дизайн сайта является «Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.05.2024 г.).

В п. 5 указанного «Обзора» Верховный Суд РФ включил «Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации» от 27.04.2021 г. № 5-КГ21-14-К2 [1]. В указанном деле Истец со ссылкой на копирование доменного имени до степени смешения и на копирование дизайна сайта (графических элементов, цветовой схемы, расположения элементов сайта), просил заблокировать домен Ответчика.

Суды первой, апелляционной и кассационной инстанции, рассмотрев дело, отказали в удовлетворении требований Истца в полном объеме, в связи с чем Истец обратился с жалобой на указанные судебные акты в ВС РФ.

ВС РФ, рассмотрев жалобу, изучив доводы, изложенные в ней, сделал важнейшие для единообразия судебной практики по данной категории споров выводы.

1. ВС РФ указал на то, что дизайн сайта охраняется как объект авторского права.

2. Для предоставления правовой охраны и защиты авторских прав на дизайн сайта должен быть установлен и доказан творческий вклад автора в создание дизайна сайта.

3. Необходимо установить, проявил ли автор творческие способности при создании дизайна сайта именно оригинальным способом.

4. Для установления творческого вклада и его оригинальности судам необходимо рассмотреть вопрос о назначении судебной экспертизы, так как для установления указанных критериев необходимы специальные познания.

5. ВС РФ, рассматривая дизайн сайта как составной объект, делает акцент также и на том, что суды не рассмотрели вопрос о том, использовались ли в дизайне сайта иные объекты интеллектуальных прав, например, базы данных или программы ЭВМ.

В данном случае наиболее важными проблемами, на наш взгляд, являются проблемы оригинальности и творческого подхода при создании дизайна сайта.

Верховный Суд РФ считает, что суд не обладает специальными познаниями, позволяющими ему самостоятельно установить творческий, оригинальный подход при составительстве дизайна сайта. Поэтому, несмотря на дискреционность полномочий суда по назначению судебной экспертизы в соответствии со ст. 82 АПК РФ, ВС РФ выразил правовую позицию, в соответствии с которой назначение судебной экспертизы по данной категории дел становится фактически обязательной.

Однако, несмотря на, казалось бы, четкие выводы ВС РФ по данной категории дел, судебная практика продолжает сталкиваться с определенными проблемами правоприменения.

Например, интересным является Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 05.10.2023 г. по делу № А43-3508/2022 [2], вынесенное по результатам обжалования решения Арбитражного суда Нижегородской области от 05.07.2023 г. по делу А43-3508/2022.

Истец утверждал, что обнаружил в сети «Интернет» сайт с аналогичным контентом и дизайном (идентичные шрифты, цветовые гаммы графических элементов, расположение блоков и т.д.) Ответчика. Истец, утверждая, что исключительные права на сайт принадлежат ему на основании договора авторского заказа с веб-дизайнером (Автором), просил запретить ответчику использовать переданные по договору авторского заказа на сайте ответчика подбор и расположение материалов (составительство) сайта любыми способами, взыскать с ответчика компенсацию за нарушение исключительных прав, взыскать судебные расходы.

Однако Ответчик возражал против удовлетворения требований и указывал на то, что дизайн сайта Ответчика не является идентичным дизайну сайта Истца.

Исходя из текстов судебных актов, ни одна из сторон о назначении судебной экспертизы не ходатайствовала.

В качестве доказательства идентичности дизайна и контента сайтов Истца и Ответчика Истцом был представлен протокол осмотра доказательств, произведенный нотариусом с приложением к нему скриншотов страниц сайтов сторон.

Как явствует из текста решения суда 1-й инстанции, суд самостоятельно сравнил сайты сторон и пришел к выводу о том, что сайты идентичны как по дизайну (расположение блоков, структура, цветовые гаммы оформления), так и по наполнению («контенту»). Так как Истцом был представлен договор авторского заказа на создание сайта, суд посчитал наличие исключительных прав на сайт на стороне Истца.

Однако наиболее интересным является вывод суда 1-й инстанции о том, что интернет-сайт Истца является результатом самостоятельного творческого труда автора. Суд указал, что пришел к такому выводу, «изучив представленные в материалы дела доказательства». В свою очередь, в решении суда нет никаких ссылок на досудебные или судебные экспертизы, проведенные в целях установления факта творческого подхода при создании дизайна сайта Истца.

На наш взгляд, в отсутствие такого рода экспертиз было бы преждевременно делать вывод об охраноспособности произведения авторского права – дизайна сайта. Ведь, согласно п. 2 ч. 2 ст. 1259 ГК РФ, «к объектам авторских прав относятся составные произведения, то есть произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда».

То есть Суд, самостоятельно установив идентичность дизайна и наполнения («контента») сайтов сторон спора, установив наличие у Истца исключительных прав на сайт, приходит к выводу о нарушении исключительных прав Истца на дизайн сайта. Однако, на наш взгляд, учитывая позицию ВС РФ по данному вопросу, предварительно следовало разрешить вопрос об охраноспособности дизайна сайта Истца. По причине того, что суд не обладает специальными познаниями в данной области, следовало назначить судебную экспертизу по вопросу «Является ли дизайн сайта произведением, созданным в результате творческого труда?».

В отсутствие ответа на этот вопрос разрешение вопроса об идентичности или не идентичности дизайна сайтов сторон спора является преждевременным.

Не менее интересным с точки зрения правоприменения является и апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29.05.2024 г. № 33-12859/2024 [3], принятое по результатам рассмотрения апелляционной жалобы на решение Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 25.12.2023 г. по гражданскому делу № 2-3884/2023.

В данном деле суд 1-й инстанции отказал в удовлетворении требований Истицы о признании незаконным использование товарных знаков и обязании Ответчика прекратить нарушение авторских прав на составные произведения – Интернет-сайты истца путем запрета использования их копий под доменными именами Ответчика.

По делу была назначена компьютерно-техническая экспертиза, по результатам которой экспертом был сделан вывод о том, что, хотя сайты Истицы и Ответчика являются схожими по некоторым позициям, сделать вывод о полной их идентичности нельзя. Кроме того, данное дело интересно и с позиции того, что экспертиза проводилась лишь на основании исходного кода сайта.

Более того, важнейшим для правоприменения по спорам о правах на дизайн сайта является вывод суда по доводу Истицы о том, что элементы дизайна сайта сходны до степени смешения. Суд обратил внимание на то, что критерий смешения до степени схожести является применимым для средств индивидуализации, а не для объектов авторского права.

Следовательно, для признания нарушения исключительного права лица на объект авторского права – дизайн сайта, необходимо доказать идентичность дизайнов сайтов, а не их схожесть. Также и доля схожести в данном случае значения не имеет.

Следует отметить, что несмотря на то что судом ставился перед экспертом вопрос о первичности определенного сайта из числа ряда сайтов, исключительные права на которые Истец и Ответчик считали принадлежащими каждому из них, судом не ставился вопрос о творческом характере составительства дизайна сайта, как основании для признания охраноспособности этого дизайна.

Также интересной является и правовая позиция, изложенная в Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 28.12.2024 г. по делу А08-1554/2024 [4], принятое по результатам оспаривания решения Арбитражного суда Белгородской области от 26.04.2024 г. по делу № А08-1554/2024 и Постановления Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2024 г. по тому же делу.

Суть спора сводится к тому, что Истец обнаружил в сети Интернет сайт, который копирует дизайн сайта, исключительные права на который принадлежат Истцу.

Дело было рассмотрено в порядке упрощенного производства. Ответчик, не оспаривая принадлежность спорного сайта ему, оспаривал охраноспособность сайта Истца, указывал на необходимость перехода к рассмотрению дела в общем порядке.

Суд первой инстанции в переходе к рассмотрению спора в общем порядке отказал.

В кассационной жалобе, поданной в Суд по интеллектуальным правам, Ответчик указывал на то, что суд не назначил судебную экспертизу по вопросу охраноспособности дизайна сайта Истца. Однако Суд по интеллектуальным правам указал, что назначение экспертизы является дискреционным полномочием суда и отклонил указанный довод.

Кроме того, в материалах дела имелось досудебное заключение эксперта по вопросу идентичности спорных сайтов.

Однако, на наш взгляд, в условиях оспаривания Ответчиком творческого характера произведения – дизайна сайта, а также в условиях презюмированного отсутствия как у суда, так и у сторон спора специальных познаний для ответа на вопрос о творческом характере произведения, нельзя установить творческий характер дизайна сайта без назначения судебной экспертизы по этому вопросу.

Показательным по данной категории споров является Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17.01.2024 г. по делу № А45-130/2022 [5], принятое по результатам рассмотрения кассационной жалобы на решение Арбитражного суда Новосибирской области от 19.07.2023 г. по делу № А45-130/2022 и Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2023 г. по тому же делу.

Суть данного дела сводится к тому, что Истец просил взыскать компенсацию за нарушение исключительного права на произведение дизайна сайта и о прекращении незаконного использования произведения дизайна сайта.

В обоснование своих требований Истец также приобщил к материалам дела досудебную экспертизу по вопросу идентичности сайтов.

В процессе рассмотрения спора Ответчик отрицал охраноспособность дизайна сайта Истца, просил назначить судебную экспертизу по вопросу охраноспособности сайта Истца и по вопросам, касающимся копирования дизайна сайта Истца на сайте Ответчика.

Суд 1-й инстанции назначил судебную экспертизу по указанным вопросам, а также дополнительную экспертизу, так как посчитал, что по результатам опроса эксперта в судебном заседании появилась необходимость внесения ясности и полноты заключения эксперта.

По результатам проведения экспертиз, экспертом был сделан вывод о том, что:

1. Дизайн сайта Истца является самостоятельным, оригинальным и творчески созданным произведением.

2. Дизайн сайта Ответчика создан на основе макета дизайна Истца.

Судебные акты всех трёх инстанций по данному спору демонстрируют, на наш взгляд, наиболее полное исследование доказательств по делу, а также верное определение и разрешение всех существенных вопросов для разрешения спора. Суд установил именно те обстоятельства, которые и должен был установить при разрешении спора:

1. Принадлежность исключительных прав на дизайн сайта Истцу.

2. Охраноспособность дизайна сайта Истца.

3. Идентичность дизайна сайта Ответчика дизайну сайта Истца.

Указанное, в свою очередь, позволило вынести полное и мотивированное решение по делу.

Правовая доктрина также имеет важное влияние и значение при определении охраноспособности дизайна сайта. Наиболее важным вопросом, стоящим на разрешении перед правовой доктриной и научным сообществом по вопросу охраноспособности дизайна сайта, на наш взгляд, являются вопросы творческого подхода при создании дизайна сайта и оригинальности указанного произведения.

Критерий творческого подхода тесно связан с критерием оригинальности. Творческий подход предполагает, что при создании произведения автор должен проявить свою фантазию, изобретательность и креативность. Применительно к дизайну сайта творческий подход может проявляться в нестандартных решениях, инновационных подходах к пользовательскому интерфейсу, использовании оригинальных графических элементов и других приемах, направленных на создание уникального визуального образа.

В правовой доктрине РФ существует несколько точек зрения касательно существа критерия творчества.

Например, А.В. Кашанин считает, что критерий творчества означает оригинальность и новизну результата «творческой» деятельности [6]. В науке данный подход обозначается как объективный.

В свою очередь, С.О. Иоффе придерживался мнения о субъективном подходе в определении критерия творчества. Он считал, что творчество проистекает из оригинального и уникального стиля, почерка конкретного автора [7].

Существуют и точки зрения комплексного подхода в определении критерия творчества. Например, А.Ю. Копылов считает, что для определения критерия творчества необходимо использовать и объективный, и субъективный подходы в комплексе [8].

Критерий оригинальности является частью творчества в целях предоставления правовой охраны объекту авторского права, в том числе дизайну веб-сайта. Оригинальность предполагает, что произведение должно быть создано автором самостоятельно, без заимствований из других источников. Иными словами, произведение должно быть неповторимым, отличающимся от уже существующих аналогов. Применительно к дизайну сайта оригинальность может проявляться в уникальном графическом оформлении, необычной компоновке элементов, оригинальном цветовом решении и других аспектах, отражающих индивидуальный стиль автора.

Что касается критерия оригинальности, Е.А. Свиридова считает, что оригинальность предполагает «неповторимость созданного в процессе творческой деятельности результата, когда исключается возможность его повторения при параллельном творчестве» [9].

Хотя критерий оригинальности прямо не закреплен законодательно, судебная практика все чаще обращается к нему при определении охраноспособности какого-либо объекта авторских прав.

Следовательно, можно резюмировать, что понятие «оригинальность» является составной частью критерия «творчества» при создании дизайна веб-сайта и они соотносятся как частное и общее.

Как подчеркивает Е.А. Моргунова, «веб-сайт, представляющий собой совокупность разнородных элементов (графических изображений, текстов, аудиовизуальных материалов и т.д.), может быть признан составным произведением, если подбор и расположение этих элементов отражают творческий замысел автора» [10]. Таким образом, для возникновения авторских прав на дизайн сайта необходимо наличие двух ключевых условий: охрано-

способность отдельных элементов дизайна и оригинальность их подбора и расположения.

Охраноспособность отдельных элементов дизайна предполагает, что каждый из них должен соответствовать критериям, установленным для объектов авторского права. В частности, графические изображения должны быть оригинальными и не заимствованными из общедоступных источников, тексты – написаны автором и обладать признаками творчества, аудиовизуальные материалы – созданы с соблюдением авторских прав третьих лиц. Отсутствие охраноспособности хотя бы у одного из элементов дизайна может поставить под сомнение возможность защиты всего веб-сайта как составного произведения.

Оригинальность подбора и расположения элементов дизайна предполагает, что автор веб-сайта должен проявить творческий подход при выборе и организации различных элементов, создавая уникальное и неповторимое художественное решение. При этом необходимо учитывать, что не всякий подбор и расположение элементов дизайна могут быть признаны оригинальными. В частности, не подлежат авторско-правовой охране решения, обусловленные исключительно техническими требованиями к функционированию сайта или являющиеся стандартными и общепринятыми в данной области.

Важным аспектом защиты авторских прав на дизайн сайта является определение объема правовой охраны. В соответствии с действующим законодательством, авторские права распространяются только на форму выражения произведения, а не на его содержание. Это означает, что защита предоставляется не идеям, концепциям или принципам, лежащим в основе дизайна сайта, а конкретному способу их выражения в графической форме, текстовом содержании или аудиовизуальных материалах.

Практическая реализация защиты авторских прав на дизайн сайта в сети Интернет сталкивается с рядом трудностей. Одной из основных проблем является доказывание факта нарушения авторских прав. В частности, сложно установить, какие именно элементы дизайна были скопированы нарушителем, и определить, является ли копирование существенным, чтобы говорить о нарушении прав. Кроме того, идентификация нарушителя в сети Интернет также представляет собой серьезную проблему, учитывая возможности анонимного использования сети.

В этой связи «Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.05.2024 г.) играет важную роль в формировании единообразной судебной практики по делам о защите дизайна сайтов. В данном «Обзоре» Верховный Суд РФ подтверждает возможность охраны дизайна сайта авторским правом как составного произведения, указывая на необходимость установления оригинальности подбора и расположения элементов дизайна. При этом подчеркивается, что не подлежат охране элементы, обусловленные исключительно техническими требованиями к функционированию сайта.

Для повышения эффективности защиты авторских прав на дизайн сайта в сети Интернет необходимо предпринимать ряд практических мер. Во-первых, необходимо обеспечить надлежащее оформление авторских прав на дизайн сайта, в частности, заключить договоры с дизайнерами и разработчиками, в которых четко определить объем передаваемых прав. Во-вторых, необходимо использовать технические средства защиты авторских прав, такие как водяные знаки и системы контроля доступа. В-третьих, необходимо проводить мониторинг сети Интернет на предмет выявления случаев нарушения авторских прав на дизайн сайта и оперативно реагировать на выявленные нарушения.

Что касается судебной практики по делам о нарушениях авторских прав на дизайн сайта, как видно из приведенного в настоящей статье анализа, судебная практика продолжает сталкиваться с проблемой определения охраноспособности дизайна сайта, как объекта авторского права. Суды зачастую переходят к исследованию вопроса идентичности спорных сайтов, не исследовав изначально вопрос о возможности защиты дизайна сайта с точки зрения авторского права. Ведь, на наш взгляд, в случае, если спорный дизайн сайта, например, Истца и вовсе не обладает признаками охраноспособности, то дальнейшее исследование вопроса об идентичности спорных сайтов теряет свой практический смысл.

В заключение следует отметить, что авторское право является основным и наиболее эффективным инструментом защиты прав на дизайн сайта в сети Интернет. Однако правильное применение норм авторского права и принятие необходимых практических мер позволит правообладателям эффективно защищать свои интересы и пресекать несанкционированное использование дизайна сайта третьими лицами.

Литература:

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2021 г. № 5-КГ21-14-К2 // СПС Гарант.
2. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 05.10.2023 г. по делу № А43-3508/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/7987fdb5-e0f9-4a67-8fbc02eca653328b/3d284d54-3db6-4159-bdb2-f277b7d5bbdc/%D0%9043-3508-2022_20231005.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.06.2025).
3. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29.05.2024 г. № 33-12859/2024 // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.12.2024 г. по делу № А08-1554/2024 // Картотека арбитражных дел. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/612e5f41-4626-47fe-8d4c-4beb1034e79c/dc0d89ea-c793-4945-b61d-5e0a49f0ddbb/%D0%9008-1554-2024_20241228.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.06.2025).
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17.01.2024 г. по делу № А45-130/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/128b5220-8999-4061-a1c7-699f6d2feb4a/c1395978-ee00-49cf-a7eb-02c19f9db43b/%D0%9045-130-2022_20240117.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.06.2025).
6. Кашанин А.В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 75–119.
7. Иоффе О.С. Основы авторского права. Авторское, изобретательское право, право на открытие: учеб. пособие. М.: Изд-во «Знание», 1969. 128 с.
8. Копылов А.Ю. Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12. С. 56–62.
9. Свиридова Е.А. Критерий оригинальности объекта авторского права в Российской и зарубежной судебной практике // Образование и право. 2018. № 6. С. 140–144.
10. Моргунова Е.А., Шахназаров Б.А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий: монография. М.: Издательство «Норма», 2023. 152 с.

Features of Legal Protection and Protection of Rights to Website Design on the Internet

Shaydullin R.M.
University of Management «TISBI» (Kazan)

The article aims to analyze the legal aspects of website design protection in the Russian Federation, paying special attention to the issues of copyright protection for design as a composite work. The relevance of the research is due to the fact that the legal protection of website design involves a number of difficulties due to the specifics of this intellectual property object. Website design is a complex set of elements, including graphic design, structure, navigation, color schemes and other parameters, which together form a unique user experience.

The scientific significance of the research lies in the systematization of approaches to the protection of website design rights, as well as in the development of recommendations for improving law enforcement practice. The practical value consists in offering measures to optimize the proof of violations and reduce the risks of illegal copying of the design.

The scientific novelty of the research lies in a comprehensive analysis of current court decisions, as well as in the proposal of measures to unify approaches to the protection of website design rights, including mandatory expertise and clarification of criteria for the creative nature of the work. The work can be useful for lawyers, web developers, and copyright holders who are faced with issues of intellectual property protection in a digital environment.

Keywords: web design, website design, copyright, intellectual property law, copyright protection

УДК 343.163
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-226-231

Особенности информационно-аналитической работы в органах прокуратуры при рассмотрении и разрешении обращений граждан

Шеставин Д.А.
Аспирант кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Актуальность темы исследования обусловлена значимостью работы по рассмотрению обращений при реализации органами прокуратуры как внешних, так и внутриведомственных функций, поскольку заявления граждан выступают частью информационно-аналитической работы и оказывают существенное влияние на планирование деятельности ведомства в целом. Цель научного исследования заключается в установлении наиболее эффективных способов повышения уровня качества информационно-аналитической работы при рассмотрении обращений граждан в органах прокуратуры. Задачами исследования являются выявление существующих проблем в прокурорской деятельности в сфере работы с обращениями граждан, определение путей их преодоления, а также совершенствование прокурорской деятельности на данном направлении. Научная значимость исследования состоит в раскрытии отдельных теоретических положений информационно-аналитической работы. Практическая значимость выражается в предложениях по оптимизации прокурорской деятельности, комплексном анализе внутриведомственной работы с заявлениями граждан, а также в раскрытии особенностей взаимодействия прокурора-руководителя и исполнителя при работе с обращениями. Результаты научного исследования представлены в ряде рекомендаций оперативным работникам органов прокуратуры по совершенствованию информационно-аналитической работы при рассмотрении и разрешении обращений граждан.

Ключевые слова: *обращения граждан, органы прокуратуры, информационно-аналитическая работа, информация*

Для цитирования: *Шеставин Д.А. Особенности информационно-аналитической работы в органах прокуратуры при рассмотрении и разрешении обращений граждан // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 226–231. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-226-231.*

Информационно-аналитическая работа в органах прокуратуры является важным компонентом деятельности ведомства, позволяющим реализовывать функции прокуратуры в более эффективной и результативной форме. Под информационно-аналитической работой исследователями понимается непрерывная деятельность, осуществляемая всеми оперативными работниками органов прокуратуры «по определению источников информации, сбору информации о нарушениях законодательства, их учету, накоплению, анализу и выработке предложений для принятия управленческих решений» [1, с. 48].

В науке сформировался консенсус относительно того, что информационно-аналитическая работа осуществляется по двум направлениям [1, с. 47; 2; 3]: внешнему и внутреннему. Внешнее направление – это деятельность органов прокуратуры по работе с поступающей извне информацией с целью даль-

нейшего прогнозирования мероприятий по обеспечению правопорядка на поднадзорной территории. Внутреннее направление – это деятельность ведомства по работе с информацией о собственных организационных мероприятиях с целью совершенствования системы управления. Данные направления взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Предметом по внешнему направлению информационно-аналитической работы выступает работа с информацией, содержащей сведения об исполнении законов органами и организациями. Для внутреннего направления предметом является работа с информацией, характеризующей внутриведомственную деятельность органов прокуратуры.

Цели информационно-аналитической работы установлены п. 3.1 Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации, утвержденного приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 11.05.2016 г. № 276. К таковым относятся: совершенствование организации и управления в системе органов прокуратуры, определение приоритетных направлений деятельности, формирование планов и подготовка организационно-распорядительных и информационно-справочных документов Генеральной прокуратуры [4].

Являясь внешним источником информации, жалобы, заявления, предложения и другие обращения юридических и физических лиц [2] представлены составным элементом информационно-аналитической деятельности в органах прокуратуры.

Поступающие обращения позволяют оценить уровень работы поднадзорных органов, социально-экономическую обстановку на поднадзорной территории. Также сведения, которые были получены в ходе проверочных мероприятий по обращению, можно использовать оперативными работниками в дальнейшем при планировании прокурорской деятельности. Кроме того, поступающие в вышестоящие прокуратуры обращения могут свидетельствовать о существующих в нижестоящих прокуратурах недостатках: а) в работе с обращениями (нарушение сроков, необоснованное перенаправление и т.д.); б) во взаимодействии подчиненных прокуратур с гражданами.

Несмотря на то что Генеральной прокуратурой Российской Федерации в 2024 г. были подготовлены новые «Методические рекомендации по составлению аналитических справок о практике рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» [5], ряд докладных записок прокуратур подготовлен без их учета. Среди распространенных недостатков Генеральная прокуратура Российской Федерации отмечает отсутствие в итоговых документах отдельных прокуратур информации о результативности личных приемов населения (особенно выездных, тематических, с использованием технических средств связи), конкретизации об организации личного приема граждан. Также в итоговых документах не отражено состояние деятельности прокуратур на данном направлении, а лишь констатируются факты использования различных форм приемов. Должных выводов и предложений по повышению эффективности проводимой работы, а также значимых примеров в аналитических справках не представлено [6].

Не утратила своей актуальности проблема избыточной информации, поступающей в органы прокуратуры, поскольку на работу с любыми сведениями «затрачивается много времени и сил» [2]. В то же время каждое сведение о нарушении закона подлежит проверке, что «усложняет и повышает объем и реализацию информационно-аналитической деятельности» [7, с. 232] ведомства. В связи с чем нельзя не согласиться с научной позицией, предлагающей использовать нейросети для нужд информационно-аналитической деятельности органов прокуратуры [8].

В настоящее время активное внедрение информационных технологий в прокурорскую деятельность создало качественные условия для взаимодействия ведомства с гражданами, объединениями граждан и юридическими лицами в цифровой среде. Сформировано множество вариантов подачи заявлений в органы прокуратуры, что создает благоприятные условия для реализации конституционного права на обращение. Однако среди населения также пользуются популярностью массовые и веерные обращения в органы власти.

Под массовыми обращениями С.П. Степкин предлагает понимать более 10 обращений идентичного или одинакового содержания от разных заявителей, а также подготовленные с помощью шаблонов. Под веерными обращениями исследователь понимает заявления схожего или одинакового содержания, направленные одним заявителем в различные органы и организации [9, с. 29].

Действительно, в настоящее время указанные явления позволяют недобросовестным заявителям, злоупотребляя правом на обращение, увеличивать нагрузку на работников органов прокуратуры, что способно привести к распылению внимания и, соответственно, к снижению уровня качественного разрешения всех обращений граждан. В результате – к общему снижению качества информационно-аналитической работы в целом. Один из способов по снижению доли массовых и веерных обращений видится в активном проведении мероприятий по правовому информированию населения органами прокуратуры, в ходе которых гражданам будет разъясняться компетенция ведомства, а также порядок работы с обращениями.

Кроме того, в регионах имеются фирмы, специализирующиеся на оказании услуг по подготовке обращений, которые чаще всего оказываются без-

основательными. Например, в 2024 г. в прокуратуре Белгородской области снизилось общее количество поступивших обращений по вопросам нарушения пенсионных прав, прав инвалидов и престарелых на 53 %. Резкое снижение показателя обусловлено прекращением деятельности на территории региона организации, занимавшейся подготовкой обращений по вопросам перерасчета пенсии. В большинстве случаев указанные обращения являлись необоснованными [10].

Деятельность подобных организаций помимо того, что создает необоснованную нагрузку на органы прокуратуры, также вводит граждан в заблуждение относительно наличия у последних каких-либо субъективных прав.

Полагаем, что при неоднократном и систематическом поступлении необоснованных по различным вопросам обращений работникам органов прокуратуры необходимо организовывать комплексную работу с гражданами. Должностным лицам ведомства следует уточнять доводы заявителей, проводить правовое разъяснение гражданам и в случаях выявления подобных недобросовестных практик по оказанию юридических услуг, а также при наличии законных оснований инициировать проверочные мероприятия уже в отношении указанных организаций.

Органы прокуратуры на постоянной основе осуществляют мониторинг средств массовой информации. При обнаружении информации, содержащей сведения о нарушении законов, или публичных обращений ведомство начинает проведение проверки по данному факту. Кроме того, параллельно осуществлению проверочных мероприятий следует проводить работу по правовому разъяснению гражданам их прав. Учитывая, что средства массовой информации представлены множественностью вариантов распространения сведений, которые в равной степени могут заинтересовать различные компетентные органы, то необходимо качественно анализировать ежедневно производимый информационный материал.

На осуществление сбора, учета, накопления, анализа, а также принятия решений требуется определенное количество ведомственных ресурсов. С учетом роста и видоизменения средств массовой информации необходимо принятие дополнительных мер по оптимизации мониторинга.

Под публичным обращением следует понимать реализацию в индивидуальной или коллективной форме конституционно определенной возможности излагать суть вопроса (в части рекомендаций, просьб о содействии в реализации или о восстановлении или защите прав) общедоступным для неопределенного круга лиц способом посредством опубликования в средствах массовой информации или в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Как один из вариантов оптимизации прокурорской деятельности на данном направлении, способным повысить уровень взаимодействия ведомства и средств массовой информации, представляется нам в организации на постоянной основе работы по перенаправлению редакциями средств массовой информации тех публичных обращений, в которых содержатся сведения о нарушении законов. Также следует установить аналогичное взаимодействие с включенными в установленном законом порядке в реестр Роскомнадзора владельцами или администраторами страниц в социальных сетях с аудиторией более 10 тыс. подписчиков.

Ключевую роль в работе с обращениями граждан играет прокурор-руководитель. От качественно организованной им работы по рассмотрению и разрешению обращений зависит не только состояние законности на поднадзорной территории, но и информационно-аналитическая работа, а также имидж конкретной прокуратуры.

Ответственность за объективное, всестороннее и своевременное разрешение обращений возлагается на руководителей органов прокуратуры [11], поэтому прокурор-руководитель предпринимает полный комплекс необходимых мер для качественного рассмотрения и разрешения каждого обращения, вырабатывает методику и тактику действий, принимает ряд управленческих решений.

В рамках планирования работы по поступившему обращению прокурор-руководитель определяет и конкретизирует цели и задачи, осуществляет выбор подходящей стратегии и необходимых методов для их достижения, а также утверждает план действий.

При поступлении обращения прокурор-руководитель анализирует текст поступившего заявления, принимая одно из возможных предварительных решений. Назначает ответственного исполнителя и дает предварительные поручения.

При организации работы с обращением прокурору-руководителю необходимо организовывать равномерную нагрузку на подчиненных оперативных работников, учитывать их опыт работы, сложность направлений прокурорской деятельности и оперативной обстановки, а также должностные обязанности работников. Кроме того, руководителю следует придерживаться баланса при распределении поступивших обращений, при необходимости и загруженности оперативного работника равномерно распределять жалобы между подчиненными, избегая ситуаций, в которых у одного подчиненного на разрешении может оказаться до 80 % поступивших обращений, у других – 20 %. Также необходимо учитывать сложность поступающих обращений, ограниченные сроки рассмотрения и разрешения, объем доводов, подлежащих проверке, наличие контроля вышестоящей прокуратуры. Поэтому процентное соотношение по объему работы с обраще-

ниями между подчиненными должно быть приблизительно равным. В свою очередь распределение в равных долях обязанности по взаимодействию с населением позволит снизить нагрузку на оперативных работников, предоставит им возможность более качественно рассматривать доводы заявителя, на основе анализа принимать полный комплекс необходимых мер, что, в общем, положительно отразится на уровне информационно-аналитической работы ведомства.

Также прокурору-руководителю следует обеспечивать согласованность между оперативными работниками. Поддерживать мотивацию работников, ориентировать их на выполнение своих обязанностей наилучшим образом.

Нельзя не согласиться с исследователями в части стрессовых ситуаций, «препятствующих успешному мыслительно-логическому процессу, который служит стержнем аналитической деятельности» [2]. Для преодоления таковых негативных эффектов, чаще всего вызванных рутинной деятельностью, прокурору-руководителю необходимо поддерживать эмоциональный климат среди работников. При необходимости оказывать поддержку оперативным работникам, консультировать исполнителей при разрешении обращений и при взаимодействии с гражданами. Грамотно оценивать возможности каждого работника.

Прокурору-руководителю следует на постоянной основе осуществлять контроль за рассмотрением обращений. С определенной периодичностью заслушивать доклады о проделанной работе по каждому обращению.

Для подчиненных оперативных работников эффективным будет следующий порядок действий с обращениями.

Первоначально необходимо проанализировать текст обращения. Определить, имеются ли основания для разрешения в рамках специальных сроков, а также сроков, не требующих дополнительного изучения и проверки (15 дней).

В ходе анализа из текста обращения следует извлечь сущность и факты, поскольку чаще всего заявители, аргументируя свою позицию, приводят доводы, не относящиеся к содержанию заявления. Задача прокурорского работника состоит в том, чтобы точно выявить суть обращения заявителя, понять, в чем состоит просьба или претензия обратившегося. Резюмируя текст, исполнитель формирует точное представление о содержании обращения. Классифицируя доводы заявителя, прокурорский работник понимает, какие нормы законодательства, исходя из изложенного, были (могут быть) нарушены.

Кроме того, исполнителю следует установить: имелись ли случаи подобных обращений от заявителя по этому вопросу раньше; с какой периодичностью обращался заявитель в органы прокуратуры; имелись ли случаи обращений от иных граждан по данному вопросу. Если имелись, то существует ли закономерность между этим обращением и предыдущими жалобами.

На втором этапе работы с обращением необходимо организовать взаимодействие с заявителем. Уточнение доводов, получение объяснений в части сути содержания обращения необходимы для комплексного разрешения обращения. Кроме того, встреча с заявителем имеет психологический эффект, поскольку заявитель может наблюдать за ходом рассмотрения его обращения, участвовать в его разрешении, что способствует формированию уверенности у обратившегося в том, что его проблема будет объективно, всесторонне и своевременно рассмотрена.

Далее следует определить круг участников, о которых говорится в обращении. Запросить необходимую информацию, если таковая не опубликована официально в средствах массовой информации или не размещена на официальном сайте органа или организации. Вместе с тем существует следующий проблемный вопрос. Так, не исключены случаи, когда официально опубликованная информация органов или организаций является неактуальной. Для информационно-аналитической деятельности органов прокуратуры это существенная угроза, так как анализ искаженных или несоответствующих действительности сведений способен привести к неверным выводам и вытекающим из этого недостаткам в прокурорской деятельности. Как один из вариантов разрешения указанного проблемного вопроса видится нам в осуществлении систематической сверки опубликованной официально информации на соответствие ее актуальности либо в периодическом уточнении актуальности опубликованных сведений при работе с таковыми.

В рамках проверочных мероприятий необходимо опросить должностных лиц органов и организаций, упомянутых в заявлении, в необходимых случаях выйти с проверкою на место. Оперативные прокурорские работники используют как свой собственный, так и накопленный коллегами опыт при проведении проверочных мероприятий.

По результатам проверки, проанализировав имеющиеся данные, оперативный работник принимает одно из предусмотренных решений по заявлению: удовлетворить обращение; удовлетворить повторное обращение; отклонить в связи с необоснованностью требований; разъяснить вопросы правового характера; принять иное решение; перенаправить обращение [11].

По результатам информационно-аналитической работы по конкретному обращению исполнитель готовит справку, в которой докладывает прокурору-руководителю о результатах рассмотрения обращения. На основании доклада прокурор-руководитель

делает соответствующие выводы и принимает одно из решений.

Ранее Э.Б. Хатовым было высказано интересное замечание относительно необходимости расширения «круга прокуратур, обладающих собственными сайтами» [12, с. 63]. С указанной позицией нельзя не согласиться, поскольку в настоящее время информация о деятельности прокуратур районного (городского) звена публикуется на официальных сайтах прокуратур субъектов Российской Федерации и на сайтах органов местного самоуправления. Отсутствие интернет-приемных не позволяет заявителям обращаться таким способом напрямую в нижестоящие прокуратуры. В связи с чем нами предлагается принятие комплекса мер, направленных на создание включенных в Единый портал ведомства официальных сайтов прокуратур районного (городского) звена, на которых будет иметься не только интернет-приемная для возможности подать обращение, но и будут содержаться сведения о результатах прокурорской деятельности на поднадзорной территории, правовое информирование граждан.

Подводя итог вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Обращения граждан являются важным элементом информационно-аналитической работы в органах прокуратуры. Сохраняя свои особенности, работа ведомства по рассмотрению и разрешению обращений продолжает активно развиваться в условиях изменяющегося мира. Несмотря на то что вышестоящими органами прокуратуры на постоянной основе ведется качественная разработка различных методических рекомендаций по работе подчиненных с обращениями, в настоящее время в нижестоящих прокуратурах продолжают возникать новые проблемные вопросы. Необходимо разрабатывать и активно внедрять методы работы с недобросовестными гражданами, злоупотребляющими правом на обращение. Следует активизировать работу по взаимодействию и укреплению связей со средствами массовой информации, налаживать обмен информацией, в том числе и с владельцами онлайн-площадок, производящих различный контент. Кроме того, необходимо уделять внимание постоянному совершенствованию организационных качеств прокуроров-руководителей, формировать у них навыки эффективного управляющего подчиненными. Также следует продолжать развивать и совершенствовать имеющиеся способы взаимодействия органов прокуратуры с населением.

Литература:

1. Организация деятельности прокуратуры: учеб. пособие / О.Н. Коршунова, И.И. Головко, Э.Р. Исламова [и др.]; под ред. О.Н. Коршуновой. СПб.: Санкт-Петербург. юрид. институт (филиал) ун-та прокуратуры РФ, 2024. 259 с.
2. Амирбеков К.И., Андреев В.Б., Воронцов А.А., Жигоцкий П.Э. Информационно-аналитическая деятельность прокуратуры города (района): метод. пособие. М., 2013. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/scientific-materials?item=4900047 (дата обращения: 25.02.2025).
3. Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации: учеб. / Под ред. проф. А.Ф. Смирнова. М.: ИПК РК Генеральной прокуратуры РФ, 2004. 334 с.
4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.05.2016 г. № 276 «Об утверждении Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Методические рекомендации по составлению аналитических справок о практике рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации: письмо заместителя Генерального прокурора от 21.06.2024 № 25-08-2024: Документ официально опубликован не был.
6. Обзор практики организации личного приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации в первом полугодии 2024 г. от 09.09.2024 № 24-03-2024/Иф13909-24: Документ официально опубликован не был.
7. Коломоец И.И., Степанов О.А. Совершенствование информационно-аналитической деятельности прокуратуры Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2019. № 4. С. 230–234.
8. Спиридонов А.П. Искусственный интеллект в деятельности органов прокуратуры: перспективы внедрения и использования // Законность. 2024. № 8. СПС «КонсультантПлюс».
9. Степкин С.П. Проблемы правовой регламентации массовых, веерных и коллективных обращений граждан // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 11 (144). С. 23–30.
10. О результатах работы по рассмотрению обращений и приему граждан в 1 полугодии 2024 г.: Информационное письмо прокурора Белгородской области от 09.08.2024 г. № 25-03-2024/5396. Документ официально опубликован не был.
11. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2013 г. № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» (с изм. на 05.06.2024 г.) СПС «КонсультантПлюс».
12. Хатов Э.Б. Совершенствование информационно-аналитического обеспечения органов прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 3. С. 58–64.

Features of Information and Analytical Work in the Prosecutor's Office When Considering and Resolving Citizens' Appeals

Shestavin D.A.
St. Petersburg Law Institute (branch)
of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The relevance of the research topic is due to the importance of the work on reviewing appeals in the implementation by the prosecutor's office of both external and internal functions, since citizens' statements are part of the information and analytical work and have a significant impact on the planning of the department as a whole. The purpose of the scientific research is to establish the most effective ways to improve the quality of information and analytical work when considering citizens' appeals to the prosecutor's office. The objectives of the study are to identify existing problems in prosecutorial activities in the field of dealing with citizens' complaints, identify ways to overcome them, and improve prosecutorial activities in this area. The scientific significance of the research lies in the disclosure of certain theoretical provisions of information and analytical work. The practical significance is expressed in proposals to optimize prosecutorial activities, a comprehensive analysis of the interdepartmental work with citizens' applications, as well as in disclosing the specifics of the interaction between the prosecutor, the head and the executor when dealing with appeals. The results of the scientific research are presented in a number of recommendations to the operational staff of the prosecutor's office to improve information and analytical work when considering and resolving citizens' appeals.

Keywords: citizens' appeals, prosecutor's offices, information and analytical work, information

УДК 343.163
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-232-236

Особенности осуществления прокурорского надзора за учетом и регистрацией заявлений и сообщений о преступлениях коррупционной направленности

Шутило О.В.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

Нигматуллин А.Р.
Студент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

В статье анализируются проблемы прокурорского надзора в сфере учета и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях коррупционной направленности, практика прокурорского надзора, типичные нарушения закона, встречающиеся при проведении прокурорских проверок; дается оценка количественным и качественным показателям работы органов прокуратуры в рассматриваемом направлении надзора. Цель статьи заключается в определении методических подходов к проведению прокурорских проверок в рассматриваемой сфере. Сделан вывод о том, что прокурорский надзор следует расценивать как действенное средство профилактики в системе средств противодействия коррупции, позволяющее выявлять многочисленные факты искажения в документах первичного учета органов дознания и следствия. На основе анализа положительного опыта работы прокуратур субъектов РФ сформулированы предложения по совершенствованию рассматриваемого направления надзора, в частности, обоснована необходимость введения дополнительного логического контроля, позволяющего программным средствам ограничивать ввод в базы данных информационных центров недостоверных показателей статистической отчетности.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, учет и регистрация, прокурорские проверки, коррупционные преступления, профилактика коррупции*

Для цитирования: *Шутило О.В., Нигматуллин А.Р. Особенности осуществления прокурорского надзора за учетом и регистрацией заявлений и сообщений о преступлениях коррупционной направленности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 232–236. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-232-236.*

Преступления коррупционной направленности занимают особенное место в системе противоправных деяний. Они характеризуются своей распространенностью и существенными негативными последствиями, которые вытекают из их совершения. Следует согласится с мнением Н.Н. Окутина, что «…помимо экономического урона, деяния коррупционной направленности подрывают авторитет государственной

власти и органов местного самоуправления, минимизируют эффективность работы должностных лиц, искажают правильное восприятие человеком конституционного строя нашей страны» [1].

На приоритетность прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях указывают многие авторы, занимающиеся рассматриваемой тематикой. Так, О.Н. Коршунова считает «…что эффективная борьба с коррупционной преступностью невозможна без строгого учета и регистрации преступлений коррупционной направленности, а также сообщений о них» [2]. К.Б. Байтимиров, обосновывая актуальность исследования рассматриваемого направления надзора, указывает на необходимость анализа его текущего состояния, точного определения предмета надзора, классификации направлений, что «…в конечном счете, важно для упорядочения и распределения обязанностей в рамках реализации всего круга надзорных полномочий прокуратуры» [3].

Проблемы исследуемого направления прокурорского надзора периодически становятся предметом диссертационных исследований. Особое внимание данной проблеме уделили такие ученые, как К.В. Капинус и М.В. Колесов, систематизировав в своих диссертациях наиболее часто встречающиеся нарушения учетно-регистрационной дисциплины и методику их выявления [3; 4]. Однако, несмотря на имеющиеся работы, следует отметить, что проблематика прокурорского надзора за выявлением преступлений коррупционной направленности решается неоднозначно, возникает необходимость анализа теоретико-прикладных проблем, а также практических аспектов рассматриваемой темы.

Исследуемое направление прокурорского надзора регламентируется уголовно-процессуальным законодательством, а также ведомственными актами, такими как совместный приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29.12.2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» [5], а также приказом Генерального прокурора РФ от 23.10.2023 г. № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия» [6] и иными ведомственными актами.

Учетно-регистрационная дисциплина на различных стадиях уголовного судопроизводства является ключевым аспектом прокурорского надзора. Так, согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры РФ, за 2024 г. прокурорами выявлено 5 436 999 нарушений законов (в 2023 г. – 5 331 275), в том числе при приеме регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях выявлено 3 477 520 нарушений (в 2023 г. – 3 446 813) [7]. Таким образом, правонарушения при регистрации сообщений о преступлениях составили 64 % от всех выявленных нарушений.

В порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурорами в 2024 г. направлено 4 348 требований об устранении нарушений федерального законодательства по делам и материалам о преступлениях коррупционной направленности (в 2023 г. – 4 415), из числа которых удовлетворено 4 129 требований (в 2023 г. – 4 099). По результатам рассмотрения актов прокурорского реагирования к дисциплинарной ответственности по делам и материалам о преступлениях коррупционной направленности в 2024 г. привлечено 1 535 лиц, из их числа в органах Следственного комитета Российской Федерации привлечено 132 лица, следствия МВД России – 1 018 лиц, дознания МВД России – 385 лиц [7]. Указанные цифры свидетельствуют как о возрастающей активности прокурорского надзора, так и увеличении преступных деяний в рассматриваемой сфере.

Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ ежегодно анализирует практику учета преступлений коррупционной направленности. Одним из распространённых нарушений, допускаемых органами предварительного расследования, является некорректное отражение в статистических карточках сведений при учете преступлений рассматриваемого вида. Генеральная прокуратура РФ неоднократно выявляла факты искажения в документах первичного учета показателей, касающихся суммы возмещенного материального ущерба по уголовным делам, связанным с коррупцией. В частности, широкое распространение имеют случаи, когда в статистическую карточку формы № 4 включаются данные о добровольном возмещении такого ущерба, которые в свою очередь не находят своего подтверждения материалами уголовного дела. Так, в отсутствие подтверждающих документов следственными органами Республики Татарстан в статистических карточках по 12 уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 159, 160 УК РФ, отражены сведения о добровольном погашении обвиняемыми материального ущерба на сумму 9,8 млн руб. В частности, по направленному в суд уголовному делу по обвинению главного бухгалтера образовательного учреждения в хищении бюджетных денежных средств путем завышения в свою пользу сумм выплат заработной платы необоснованно указан добровольно погашенный ущерб в размере 3 млн руб. [8].

Следственным управлением СК России по Ульяновской области расследовано уголовное дело по факту мошеннических действий заместителя генерального директора Ульяновского филиала ПАО «Ростелеком» и предпринимателей, организовавших приобретение и отгрузку в медицинские учреж-

дения области компьютерной техники, не соответствующей условиям договоров поставки, похитив более 213 млн руб. Поскольку указанная техника была поставлена заказчику и ее технические характеристики приняты последним, следственным органом сделан необоснованный вывод о том, что причиненный вред на обозначенную сумму возмещен добровольно. В связи с этим по инициативе Генеральной прокуратуры Российской Федерации Прокуратурой Ульяновской области внесены соответствующие корректировки [8].

По расследованному Главным следственным управлением СК России по Республике Крым и г. Севастополю уголовному делу в отношении генерального директора ООО «ГласСтрой», обвиняемого по ч. 4 ст. 159 УК РФ, причиненный государству ущерб в размере более 12 млн руб. возмещен в рамках гражданско-правовых отношений путем выплаты кредитной организацией банковской гарантии по заключенному для обеспечения исполнения государственного контракта договору. Однако следственным органом в статистической карточке № 4 отражены недостоверные сведения о добровольном погашении ущерба обвиняемым [8].

Многочисленные искажения также обусловлены тем, что следователи в статистической карточке формы № 4 указывают в качестве суммы изъятого имущества (денег, ценностей) стоимость активов, на которые был наложен арест. К примеру, следователем следственного управления СК России по Республике Татарстан по уголовному делу в отношении руководителя коммерческой организации, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, в качестве изъятого имущества указано оборудование стоимостью 1,7 млн руб., поставленное в ФКУ ИК-19 УФСИН России по Республике Татарстан в соответствии с заключенным до расследуемых событий договором. При этом предметом хищения по делу являлись денежные средства, выделенные в качестве субсидий на возмещение коммерческой организации затрат, связанных с приобретением [8].

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о недостаточности принимаемых прокурорами мер предупредительного характера по обеспечению полноты и достоверности статистических данных, что затрудняет их эффективное применение при осуществлении надзорных функций, связанных с возмещением ущерба от коррупционных преступлений.

При подведении итогов надзорной деятельности, в соответствии с требованиями приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 10.10.2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» [9], представляется необходимым реально оценивать работу по возмещению ущерба с учетом включения сведений по уголовным делам о преступлениях, не причиняющих имущественного вреда в показатель, отражающий стоимость имущества, на которое наложен арест. В ходе надзорной деятельности необходимо также учитывать, что окончательное решение в отношении арестованного имущества, за счет которого может быть возмещен ущерб, принимается судом.

При этом на практике допускаются факты снятия ареста, наложенного на имущество обвиняемых. Это происходит из-за отсутствия в материалах, выделенных в отдельное производство уголовных дел данных о предъявленных исках, а также недостаточного взаимодействия государственных обвинителей с подразделениями, осуществляющими надзор за расследованием уголовных дел. К примеру, Следственным отделом по г. Надым Следственного управления СК России по Ямало-Немецкому автономному округу расследовано уголовное дело в отношении руководителей хозяйствующих субъектов М. и Г. и муниципальных служащих С. и И. по факту хищения бюджетных денежных средств в рамках реализации национального проекта «Жилье и городская среда» на сумму более 35 млн руб. Исковые требования в порядке ст. 44 УПК РФ о взыскании с обвиняемых солидарно суммы причиненного бюджету ущерба предъявлены Надымским городским прокурором, в целях их обеспечения на имущество обвиняемых наложен арест.

В связи с заключением с М. и Г. досудебных соглашений о сотрудничестве уголовные дела в отношении них выделены в отдельные производства, направлены в суд и в последующем рассмотрены в особом порядке. При этом отсутствие в материалах дел и обвинительных заключениях сведений об исках оставлено при проверке уголовных дел надзирающим прокурором без должного внимания, что привело к снятию ареста с имущества обвиняемых и невозможности его обращения в доход государства в счет возмещения ущерба [8].

Как показывает практика прокурорского надзора нарушения, допускаемые сотрудниками правоохранительных органов при учете деяний коррупционной направленности, часто связаны с необоснованным отнесением или же неотнесением деяний к преступлениям коррупционной направленности, указанным в перечне № 23, утвержденным Совместным указанием Генпрокуратуры РФ и МВД РФ от 25 июня 2024 г. № 462/11/2 [10], а также неверным определением должностного положения лиц, совершивших данные преступления и ненадлежащее заполнение реквизитов статистических карточек. Так, Прокуратурами Республики Северная Осетия – Алания, Ставропольского края, Саратовской, Сахалинской областей пресечены случаи учета уголовно наказуемых деяний коррупционной направленности, уголовные дела о которых приостановлены на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В Московской

области прокурорами выявлено более 160 случаев необоснованного учета таких преступлений, совершенных лицами без постоянного источника дохода.

Прокурорскими проверками устанавливались случаи неверного отражения в документах первичного учета сведений о совершении преступления должностным лицом или лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческих или иных организациях. Например, в Приморском крае было снято с учета 29 преступлений коррупционной направленности, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, по фактам хищений денежных средств, принадлежащих гражданам, совершенных путем обмана с использованием служебного положения, поскольку в уголовном деле отсутствовали сведения об их совершении специальным субъектом из корыстной заинтересованности, а также не установлено наличие связи деяния с занимаемым этим лицом положением и прямого умысла на совершение преступления.

Еще одним типичным нарушением закона правоохранительными органами являются факты дробления единого продолжаемого преступления на отдельные эпизоды преступной деятельности. Так, в Краснодарском крае по уголовному делу, возбужденному в отношении трех лиц, с которым в одно производство соединены уголовные дела о преступлениях коррупционной и экономической направленности, предусмотренных ч.ч. 3, 4 ст. 159 УК РФ, по указанию прокурора снято с учета 115 эпизодов преступной деятельности в связи с установлением признаков единого продолжаемого преступления [9].

Необходимо отметить, что нарушения, повлекшие искажения статистических сведений, допускаются не только органами расследования, но и регистрационно-учетными подразделениями, информационными центрами территориальных органов МВД России. Так, в Камчатском крае в алгоритм формирования раздела 2 «Сведения о лицах, государственных служащих и служащих органов местного самоуправления, а также о лицах, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование» в формы федерального статистического наблюдения № 1-КОРР ИЦ УМВД по краю необоснованно включено условие учета показателей на основании статистической карточки формы № 1.2 (составляется только органами внутренних дел). В связи с этим лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 159 УК РФ, ошибочно учтено как совершившее деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 159.1 УК РФ.

Положительной оценки заслуживает опыт отдельных прокуратур субъектов по введению дополнительного логического контроля, который в свою очередь дает возможность программному обеспечению ограничить ввод в базы данных информационных центров недостоверных показателей государственной статистической отчетности. К примеру, по инициативе Прокуратуры Пермского края информационным центром введен логический контроль на этапе ввода данных в базу «Уголовная статистика», в соответствии с которым программным способом исключена возможность отражения в реквизитах 27 и 34 (дополнительная характеристика преступления) статистических карточек форм № 1 на выявленное преступление и № 2 на лицо, совершившее преступление, соответственно, кодов 149 (в интересах юридического лица) и 150 (от имени юридического лица) по всем уголовно наказуемым деяниям, за исключением квалифицированных по ст.ст. 204–204.2 и 290–291.2 УК РФ [9].

Таким образом, прокурорские проверки выявляют многочисленные факты искажения данных в документах первичного учета; неправильную квалификацию преступлений; неверное определение должностного положения лиц, совершивших данные преступления; факты дробления единого продолжающегося преступления на отдельные эпизоды преступной деятельности и т.д. В целях повышения квалификации работников правоохранительных органов представляется целесообразным систематически проводить межведомственные учебно-методические семинары по вопросам практики и механизма исполнения обязанностей ведения учета и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях коррупционной направленности.

В целях совершенствования практики учета преступлений коррупционной направленности необходимо принять меры по обеспечению полноты и достоверности показателей форм федерального статистического учета, использовать положительный опыт по внедрению дополнительного логического контроля, позволяющего программными средствами ограничить ввод в базы данных информационных центров территориальных органов недостоверных показателей государственной статистической отчетности. Представляется, что указанные меры будут способствовать повышению качества проведения проверочных мероприятий и усилению надзора за устранением нарушений законодательства о статистическом учете.

Литература:

1. Нафиков И.С., Нуриев Т.М. Оценка результативности надзора за исполнением законов при учёте, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях коррупционной направленности (в отношении взяткодателей и посредников во взяточничестве (коммерческом подкупе)) // Законность. 2023. № 11. С. 3–5.
2. Прокурорская проверка: методика и тактика проведения: учеб. пособие / Под. общ. ред. О.Н. Коршуновой. СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2024. 428 с.
3. Байтемиров К.Б. Понятие и сущность организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 2. С. 185–188.
4. Капинус К.В. Прокурорский надзор за исполнением законов при разрешении заявлений и сообщений о преступлениях: дисс. … канд. юрид. наук. М, 2004. 240 с.
5. Колесов М.В. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании должностных преступлений, связанных с укрытием преступлений от учета: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2015. 225 с.
6. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 г. «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (ред. от 15.10.2019) // Российская газета. 2006. 25 января. № 13.
7. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23.10.2023 г. № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия» // Законность. 2023. № 12.
8. Надзор за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства (утв. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 09.03.2022 № 134). URL: file:///C:/Users/Администратор/Downloads/Надзор_на_досудебной_стадии_уголовного_судопроизводства.pdf
9. Информационные письма Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О практике работы правоохранительных органов по возмещению ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направленности». URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/methodic/inf
10. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 10.10.2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» (ред. от 16.10.2024) // Законность. 2022. № 11.
11. Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // Гарант.

Peculiarities of Prosecutor's Supervision Over the Recording and Registration of Statements and Reports on Corruption Offences

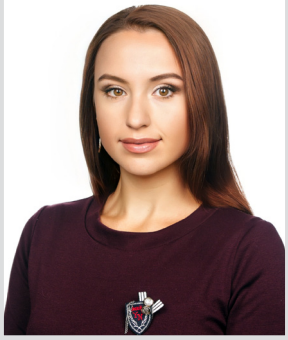
Shutilo O.V., Nigmatullin A.R.
Saratov State Law Academy

The article analyses the problems of prosecutor's supervision in the field of registration and registration of statements and reports on corruption offences; the practice of prosecutor's supervision; typical violations of the law encountered during prosecutor's inspections; and assesses the quantitative and qualitative indicators of the work of prosecutor's offices in this area of supervision. The purpose of the article is to determine the methodological approaches to conducting prosecutor's inspections in this area. It is concluded that prosecutor's supervision should be regarded as an effective means of prevention in the system of anti-corruption means, allowing to reveal numerous facts of distortion in the primary records of the bodies of enquiry and investigation. On the basis of the analysis of positive experience of the work of the prosecutor's offices of the constituent entities of the Russian Federation, proposals for improving this area of supervision are formulated, in particular, the need to introduce additional logical control, allowing software to limit the entry of unreliable statistical reporting indicators into the databases of information centres.

Keywords: prosecutorial oversight, record keeping and registration, prosecutorial inspections, corruption offences, corruption prevention

УДК 347.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-237-240

К вопросу об эффективности приказного производства в современном гражданском процессе

Шухарева А.В.
Кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры гражданского права и процесса
Нижегородской академии МВД России

Кострова О.В.
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административной деятельности ОВД
Нижегородской академии МВД России

В статье проводится комплексный анализ института приказного производства в современном гражданском процессе. Научная значимость исследования проявляется в его системном характере, имеющего целью общую теоретико-правовую характеристику данного института, анализ его ключевых преимуществ и процессуальных особенностей, осмысление существующих актуальных проблемных аспектов. Ценность работы состоит в авторских предложениях по оптимизации механизма приказного производства в части совершенствования уведомления должника, а также формулирования критериев наличия в деле спора о праве. Авторы приходят к выводу о том, что институт приказного производства уже доказал свою эффективность и значимость на практике, но в то же время, постоянно развивается и совершенствуется. Однако главной проблемой в приказном производстве остается вопрос баланса прав должника и взыскателя, и никакие законодательные меры не должны нарушать данное равенство.

Ключевые слова: *судебный приказ, взыскатель, должник, мировой судья, защита гражданских прав, спор о праве, уведомление*

Для цитирования: *Шухарева А.В., Кострова О.В. К вопросу об эффективности приказного производства в современном гражданском процессе // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 237–240. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-237-240.*

Недавняя модернизация норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), регламентирующих приказное производство, свидетельствует о целенаправленной законодательной политике, ориентированной на оптимизацию данного института в системе гражданской юрисдикции. Приказное производство представляет собой особую упрощенную процессуальную форму разрешения юридически бесспорных требований, характеризующуюся отсутствием стадии судебного разбирательства в его традиционном понимании. Однако, несмотря на свою эффективность и оперативность, приказное производство сталкивается с рядом проблем.

Первой проблемой видится возможность злоупотребления правом со стороны взыскателей. Так, некоторые взыскатели могут подавать заявления о выдаче судебного приказа по требованиям, которые на самом деле являются спорными. То есть, в нарушение принципа добросовестности, заведомо представляя, что у другой стороны могут возникнуть

несогласия с предъявленным требованием, заявитель вместо исковой процедуры инициирует упрощенную, приказное производство. Это приводит к необоснованному ограничению прав должников, которые вынуждены оспаривать приказ в отдельном процессе. Например, кредитор может подать заявление на взыскание долга, не предоставив должнику возможности оспорить сумму или факт задолженности до вынесения приказа.

Законодатель предусматривает основания для отказа в принятии заявления о вынесении судебного приказа по основаниям, предусмотренным ст. 134 ГПК РФ, а также в случае, если:

1) заявлено требование, не предусмотренное ст. 122 ГПК РФ;

2) место жительства или место нахождения должника находится вне пределов РФ;

3) из заявления и представленных документов усматривается наличие спора о праве.

Установление спора о праве – это ключевой момент в гражданском судопроизводстве, который определяет, возможно ли рассмотрение дела в упрощенном порядке или требуется полноценное судебное разбирательство. Суд устанавливает наличие спора о праве на основании представленных документов, заявлений сторон и других обстоятельств дела.

Спор о праве – один из краеугольных камней данного правоотношения. Наибольшую сложность решение данного вопроса представляет в делах по требованиям, возникающим из сделок, совершенных в простой письменной форме.

В судебной практике сложилось положение, согласно которому требования кредитора считаются признанными со стороны должника при отсутствии в материалах дела документально выраженных возражений против заявленных притязаний. Данная правовая презумпция основана на принципе процессуальной активности сторон и предполагает, что молчание должника при надлежащем извещении его о судебном разбирательстве может быть истолковано как акцепт предъявленных требований. Так, должник может выразить несогласие, направив в суд возражение в отношении действительности договора, из которого вытекает требование, или размера заявленных требований (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» – далее Постановление № 62) [1].

Для признания требования бесспорным необходимо его подтверждение доказательствами, обладающими неопровержимым характером, то есть такими, которые в силу своих объективных характеристик и соответствия установленным критериям достоверности (например, подлинники документов с подписями и иными реквизитами) исключают возможность их оспаривания в контексте юридической практики. Согласимся с Л.А. Тереховой, что «вряд ли можно с уверенностью утверждать, что в приказном производстве нет спора, поскольку налицо уклонение должника от выполнения лежащей на нём обязанности, что можно назвать своеобразным спором. Что действительно является «бесспорным» в приказном производстве, так это доказательства, представляемые кредитором» [2, с. 71].

Но, как правило, ситуация такова, что существует письменный договор займа с пропущенным сроком исполнения и возникновения задолженности, а также начисления неустойки. В целом, отношения между сторонами договора неактивны, должник уклоняется от исполнения и допускает просрочку обязательства.

Представляет интерес содержание п. 15 Постановления № 62 о том, что в обоснование заявления о взыскании денежных сумм заявитель должен представить документы, подтверждающие существующее обязательство и наступление срока его исполнения (например, договор или расписку).

Разберем распространенную ситуацию, что договором предусмотрена неустойка за нарушение договора займа. Судебной практикой установлено, что взыскатель вправе в порядке приказного производства заявить как требование о взыскании с должника процентов за пользование денежными средствами, так и требование о взыскании просроченных процентов (неустойки), предусмотренных договором. Установленное законом право суда, в соответствии со ст. 333 ГК РФ, на уменьшение размера неустойки и право должника на оспаривание штрафных санкций не свидетельствуют о наличии спора между сторонами кредитного договора. Аналогичная позиция по возможности взыскания процентов и неустойки в приказном производстве приведена в Постановлении Президиума Приморского краевого суда от 21.11.2016 г. № 44Г-84/2016, которым отменены акты нижестоящих судов [3]. Отказывая в выдаче судебного приказа, мировой судья исходил из того, что требования кредитора заявлены не только о взыскании основного долга по договору займа, но и о взыскании процентов, которые не являются бесспорными, поскольку для их разрешения необходимо выяснение причин образования задолженности, наличия обстоятельств, влекущих уменьшение размера процентов, а также правомерности их начисления, в связи с чем усматривается наличие спора о праве. Отменяя данное судебное постановление, Кассационная инстанция указала, что, исходя из п. 7 ст. 127 ГПК РФ, в судебном приказе, в том числе, указывается размер неустойки, если ее взыскание предусмотрено федеральным законом или договором, а также размер пеней, если таковые причитаются. Таким образом, взыскатель вправе в порядке

приказного производства заявить как требование о взыскании с должника процентов за пользование денежными средствами, так и требование о взыскании просроченных процентов (неустойки), предусмотренных договором. Установленное законом право суда, в соответствии со ст. 333 ГК РФ, на уменьшение размера неустойки и право должника на оспаривание штрафных санкций не свидетельствуют о наличии спора между сторонами кредитного договора.

Однако суды неохотно выносят приказы по требованиям, включающим также неустойку, ссылаясь на наличие спора о праве: «Наличие признаков спора о праве в каждом конкретном деле устанавливает судья. Если он сомневается в бесспорном характере требований, то в целях защиты прав и интересов ответчика отказывает в принятии заявления» [4].

Несомненно, у взыскателя для защиты своих имущественных прав остается исковая форма, однако это приводит к дополнительным расходам заявителя (на уплату государственной пошлины, почтовых и иных расходов). Видится, что немотивированная ссылка суда на необходимость истребования доказательств, как усмотрения спора о праве (несмотря на то, что сам законодатель и Верховный Суд РФ требуют только наличие договора установленной формы и расписки), нарушает баланс интересов сторон в приказном производстве.

Следующей проблемой, влияющей на эффективность приказного производства, является уведомление должника.

Федеральный закон от 12.06.2024 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» введен в действие для оптимизации состязательного характера судопроизводства и обеспечения процессуального равноправия сторон, а также с целью гарантирования должнику права на заблаговременное ознакомление с требованиями, предъявляемыми взыскателем. Положения данного закона предусматривают в том числе корректировку ст. 124 ГПК РФ, в части возложения на взыскателя обязательства по представлению к заявлению о выдаче судебного приказа, наряду с базовым пакетом документов, уведомления о вручении либо иного документа, свидетельствующего о надлежащем уведомлении должника о получении копий соответствующего заявления и сопутствующих материалов. То есть правовой статус взыскателя на этапе подачи заявления включает обязанности, аналогичные обязанностям истца в исковом производстве.

Таким образом, закон требует, чтобы должник был уведомлен о подаче заявления о выдаче судебного приказа. Однако на практике уведомление может не доходить до должника из-за ошибок в адресе или недобросовестности взыскателя. Если должник не получает уведомление, он лишается возможности своевременно подать возражения, что нарушает его право на защиту. Это может привести к тому, что должник не узнает о приказе до начала исполнения судебного акта. Данное правило положительно влияет на правовое положение должника относительно возможности высказать несогласие с предъявляемыми требованиями.

Поскольку один лишь десятидневный срок для выражения своей позиции по уже вынесенному приказу зачастую не обеспечивает возможность должника среагировать на данный документ. В связи с этим, большой массив дел по возражениям на судебный приказ содержат просьбы о восстановлении пропущенных сроков. И одной из самых частых проблем становится ненадлежащее извещение должников.

К уважительным причинам пропуска процессуальных сроков, в числе прочих, относятся следующие обстоятельства:

1. Нарушение регламента доставки судебной корреспонденции со стороны Почты России, включая:

– отсутствие подписи адресата на уведомлении о вручении;

– ненадлежащее оформление конверта (отсутствие формы № 20, фиксирующей основания возврата корреспонденции);

– отсутствие документально зафиксированных причин возврата отправления без вручения;

– несоблюдение сроков хранения (досрочный возврат отправителю до истечения семидневного периода).

2. Отсутствие подтверждения вручения судебного приказа должнику в случае предоставления им документальных доказательств непроживания по адресу, указанному в судебном акте.

3. Нахождение должника на стационарном лечении в период поступления судебного приказа по месту его предполагаемого получения.

Рассмотрим случай оспаривания судебного приказа № 2-984/21/2021 от 18.10.2021 г., вынесенного по заявлению АО «Банк Русский Стандарт» о взыскании кредитной задолженности с заемщика Г. В рамках процессуальных действий должник подала в суд мотивированные возражения против исполнения данного судебного акта, аргументируя свою позицию следующими доводами: фактически задолженность по указанному кредитному обязательству отсутствовала (представлены документы о погашении долга); надлежащее уведомление о судебном приказе не осуществлялось (доказано неполучение копии судебного акта); имело место расхождение в адресах фактического проживания должника и направления приказа. В ходе судебного разбирательства и анализа представленных материалов судебная инстанция установила наличие объективных обстоятельств, которые фактически препятствовали своевременному представлению процессуальных возражений. Указанные обстоятельства имели место в течение всего процессуального срока, отведенного для подачи возражений. При этом суд

принял во внимание, что со стороны должника были предприняты надлежащие процессуальные действия по направлению возражений в судебный орган в установленный законом сокращенный срок – не позднее десятидневного периода с момента устранения препятствующих обстоятельств.

Копия судебного приказа направлена должнику почтовой корреспонденцией по адресу: ***. Конверт возвращен в адрес суда по «иным обстоятельствам». Материалы дела не содержат сведений о получении Г. судебного приказа. Суд счёл требования Г. об отмене судебного приказа правомерными и подлежащими удовлетворению.Такой вывод суда основан на принципах разумности и справедливости судопроизводства, а также на положениях процессуального законодательства, допускающих восстановление процессуальных сроков при наличии уважительных причин.

Улучшение ситуации с уведомлением видится во внедрении электронных способов уведомления и контроле за доставкой корреспонденции. Несомненно, базовым стандартом для взаимодействия в рамках судебной системы является использование заказных писем с уведомлением. Для фиксации точного адреса должника необходима интеграция хотя бы электронной формы отправки почтовой корреспонденции с базами данных (ФНС, Росреестр) с элементами скрытия персональных данных для отправителя, но точной привязки отправления к верному адресу.Для повышения гарантий информированности должника предлагается обязательное дублирование уведомлений через несколько каналов связи (почта, SMS, e-mail, личный кабинет на сайте «Госуслуги»); а также создание механизма перенаправления корреспонденции при смене места жительства.

Также процессуальной гарантией баланса интересов должника и взыскателя может стать закрепление презумпции информированности должника (получения уведомления) после двукратной отправки разными способами.

Также не следует забывать о повышении правовой информированности граждан в целом – необходимо проводить разъяснительную работу о правах и обязанностях граждан в рамках приказного производства. Это позволит в комплексе снизить количество отмененных судебных приказов, а также будет способствовать повышению доверия к судебной системе.

Таким образом, приказное производство, несмотря на свои преимущества, требует совершенствования для устранения существующих проблем и повышения эффективности гражданского судопроизводства.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.
2. Терехова Л.А. Эффективность приказного производства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2023. Т. 20. № 2. С. 69–78.
3. Постановление Президиума Приморского краевого суда от 21.11.2016 г. по делу № 44Г-84/2016. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=89110#aMkLrhUXo0LxlkPQ (дата обращения: 03.03.2025).
4. Апелляционное определение Воротынского районного суда Нижегородской области от 07.03.2024 г. по делу № 11-11/2024. // URL: https://vorotinsky.nnov.sudrf.ru/ (дата обращения: 03.03.2025).

On the Issue of the Effectiveness of the Order Procedure in Modern Civil Proceedings

Shukhareva A.V., Kostrova O.V.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article provides a comprehensive analysis of the institution of order production in a modern civil process. The scientific significance of the study is manifested in its systemic nature, which aims at a general theoretical and legal characterization of this institution, an analysis of its key advantages and procedural features, and an understanding of existing topical problematic aspects. The value of the work lies in the author's proposals to optimize the mechanism of order proceedings in terms of improving the notification of the debtor, as well as formulating criteria for the existence of a dispute about the right in the case. The authors conclude that the institution of order production has already proven its effectiveness and significance in practice, but at the same time, it is constantly developing and improving. However, the main problem in order proceedings remains the issue of balancing the rights of the debtor and the claimant, and no legislative measures should violate this equality.

Key words: court order, claimant, debtor, justice of the peace, protection of civil rights, dispute over rights, notification

УДК 316
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-241-246

Риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании: взгляд студентов

Бурганова Л.А.
Доктор социологических наук,
профессор кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Юрьева О.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Кукушкина О.Ю.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Проблема использования в образовательном процессе вуза искусственного интеллекта приобрела статус одной из самых обсуждаемых в последние годы. В статье обращено внимание проблеме рисков применения искусственного интеллекта студентами высших учебных заведений. Эмпирической основой статьи являются результаты интернет-анкетирования на тему «Студенты и искусственный интеллект: отношение и привычки в эпоху данных». Представленные результаты эмпирического исследования демонстрируют неоднозначные оценки студентов использованию ИИ в обучении. Была выявлена связь между уровнем цифровой компетентности студентов и степенью восприятия ими рисков применения искусственного интеллекта в обучении, что актуализирует проблему совершенствования цифровой подготовки студентов в вузах.

Ключевые слова: *цифровые компетенции, студенты, высшее образование, искусственный интеллект, риски использования искусственного интеллекта*

Для цитирования: *Бурганова Л.А., Юрьева О.В., Кукушкина О.Ю. Риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании: взгляд студентов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 241–246. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-241-246.*

Искусственный интеллект сегодня является одной из наиболее перспективных и стремительно развивающихся технологий обучения. Интеграция искусственного интеллекта в сферу образования

является быстро растущей тенденцией, которая потенциально может революционизировать то, как мы преподаем, а также как и чему учатся студенты. Проблема его использования в образовательном процессе вуза приобрела статус одной из самых обсуждаемых в последние годы, что связано в немалой степени с высокой чувствительностью института образования к развитию высоких технологий, в том числе и в области искусственного интеллекта.

В литературе сложились различные трактовки сущности искусственного интеллекта. Это понятие развивалось в большей степени в области информатики как направление науки, в которой разрабатываются методы и средства моделирования и воспроизведения с помощью ЭВМ отдельных интеллектуальных действий человека. В прикладном аспекте под искусственным интеллектом (ИИ, *artificial intelligence, AI*) понимается свойство интеллектуальных машин и компьютерных программ осуществлять творческие функции, решать задачи, которые под силу только человеку. Обычно перечисляются следующие важнейшие структурные элементы системы искусственного интеллекта в сфере высшего образования: 1) поисковая система, на базе которой формируется единая база данных, основанная на множестве различных информационных источников и ресурсов; 2) автоматизированная библиотека с набором электронных учебно-методических материалов; 3) база данных с контрольными заданиями, позволяющая учитывать результативность каждого отдельно взятого участника образовательных отношений; 4) цифровая система отслеживания уровня знаний, успеваемости и активности обучающихся; 5) система распределения воспитательной и учебно-педагогической нагрузки; 6) коммуникационная система, отвечающая целям установления взаимодействия всех участников образовательной группы [1].

На сегодняшний день сложился обширный научный дискурс, посвященный возможности использования искусственного интеллекта в высшем образовании. В России и за рубежом вот уже много лет идут дискуссии как о преимуществах внедрения искусственного интеллекта в высшее образование, так и о рисках его использования. Вместе с тем и зарубежными, и отечественными исследователями признается дефицит эмпирических данных, на базе которых можно было бы дать глубокий анализ отношения студентов к использованию ИИ, выявить особенности его использования студентами различных направлений образовательной подготовки [2–10].

Особое беспокойство преподавателей университетов вызывают этические риски интеграции ИИ в процесс обучения, значительно усилившиеся в результате недавнего появления общедоступного доступа к чат-ботам, например, такому, как *ChatGPT* от OpenAI, который может за считанные секунды генерировать тексты на любую тему, освобождая студентов от самостоятельной работы, тем самым подменяя творческий процесс элементарным плагиатом. Огромный резонанс, в частности, два года назад вызвала информация о том, как студент РГГУ за сутки выполнил дипломную работу с помощью *ChatGPT* и успешно ее защитил [11]. 21 мая 2025 г. в СМИ прошла информация об еще одной скандальной истории, связанной на сей раз с использованием *ChatGPT* преподавателем одного из университетов США в лекционных материалах [12].

В рамках данной статьи мы сосредоточим свое внимание на проблеме рисков применения искусственного интеллекта студентами высших учебных заведений. Эмпирической основой статьи являются результаты интернет-анкетирования на тему «Студенты и искусственный интеллект: отношение и привычки в эпоху данных», проведенного с применением сервиса для создания опросов и проведения исследований «Анкетолог» в период с февраля по апрель 2025 г. Выборка однородная, целенаправленная. Методы: отбор студентов на добровольной основе и методом «снежного кома». В исследовании приняли участие студенты только гуманитарных направлений бакалавриата из двух вузов г. Казани: КФУ и КНИТУ-КХТИ, Объем выборки составил 300 студентов, ее структура корректировалась по четырем критериям: федеральный статус университета, гуманитарное направление обучения, уровни образования: бакалавриат, магистратура, очное отделение. В исследовании приняли участие 74,70 % женщин и 25,30 % мужчин; 92,9 % студентов уровня бакалавриата, 7,1 % студентов магистратуры.

Одной из задач исследования было выявление специфики восприятия студентами рисков использования искусственного интеллекта (ИИ) в образовании, в частности, в решении ими задач, связанных с обучением и подготовкой научных проектов.

Прежде всего, нам важно было выявить уровень информированности студентов об искусственном интеллекте. Как показали результаты опроса (рис. 1), большинству студентов данный феномен знаком, до них доходят новости о возможностях и

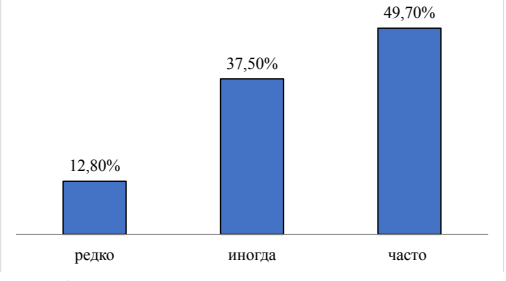

Рис. 1. Распределение ответов студентов по вопросу: «За последние 12 месяцев, как часто вы слышали или читали новости о возможностях и рисках использования искусственного интеллекта в образовании?»

рисках его использования в образовании. Половина опрошенных студентов (49,7 %) за последние 12 месяцев часто получали информацию по этой проблеме, 37,5 % – иногда, и только 12,8 % опрошенных оказались практически равнодушными к этой повестке СМИ.

В следующих ответах студентов заметно небольшое расхождение с предыдущими позициями: только 70 % студентов посчитали себя вполне компетентными, чтобы понять и оценить риски и возможности использования ИИ, остальные выразили сомнение в своих способностях давать этому оценку (рис. 2).

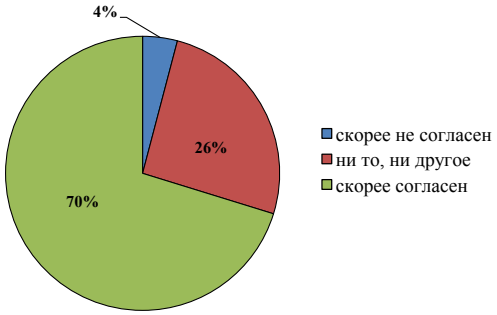

Рис. 2. Распределение ответов студентов по вопросу: «Я хорошо понимаю и оцениваю риски и возможности искусственного интеллекта»

Причину выявленной некомпетентности трети студентов в оценке рисков ИИ можно связать с их низким уровнем повышения цифровой грамотности в ходе обучения в вузе: только 20 % студентов считают, что за годы обучения в вузе они существенно продвинулись в своей цифровой компетентности; почти 2/3 (65 %) опрошенных дали более скромную самооценку (рис. 3).

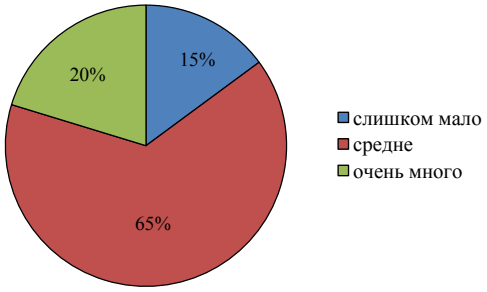

Рис. 3. Распределение ответов студентов по вопросу: «В ходе вашего обучения в вузе, насколько много вы узнали о цифровой грамотности?»

Поэтому большинство студентов (78 %) считают, что следует увеличить сроки прохождения обучения цифровой грамотности (см. рис. 4).

Следующий вопрос анкеты позволяет прояснить *уровень информированности студентов о различных функциях ИИ,* помогающих образовательному процессу (см. рис. 5). По результатам опроса в числе приоритетных для студентов указаны такие, как помощь ИИ в поиске литературы (73,9 %), сборе и анализе больших данных для научных исследований (71,9 %).

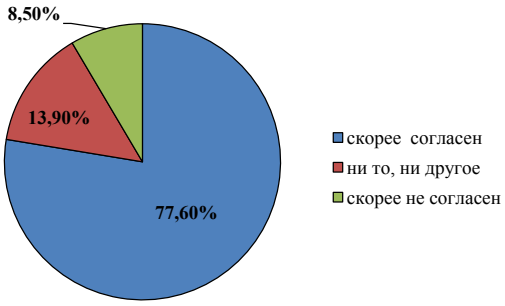

Рис. 4. Распределение ответов по вопросу о необходимости повышения сроков обучения студентов цифровой грамотности

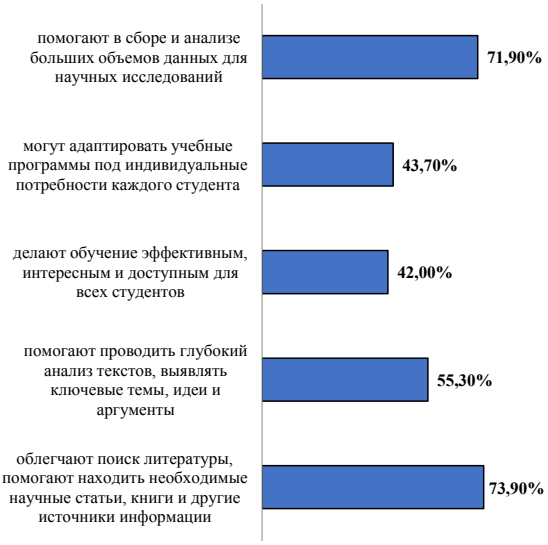

Рис. 5. Распределение ответов студентов по вопросу: «Какие функции ИИ помогают образовательному процессу в вузе?» (множественный выбор)

Уровень информированности о функциях ИИ оказывает самое непосредственное влияние на *цели его применения* (см. рис. 6). По результатам исследования 78,7 % студентов используют ИИ для поиска информации, 65,5 % – для подготовки докладов, 52,7 % – для написания эссе и рефератов, 42,6 % – для создания презентаций. Сравнение этих показателей с предыдущими, характеризующими уровень цифровой грамотности, позволяет нам сделать предположение, что практически все студенты, владеющие цифровыми инструментами, обладающие более или менее развитыми цифровыми компетенциями (по данным нашего исследования их почти 70 %), используют при подготовке учебных заданий технологии искусственного интеллекта. Остальные 30 % просто элементарно этого не умеют, ибо, как известно, не все негородского происхождения студенты имеют за своими плечами базовую школьную подготовку по предмету «информатика» в силу разных причин: это и дефицит преподавателей, и необеспеченность малых поселений интернетом, и др. Но, очевидно, следует ожидать, что, как только эти студенты наберутся цифровых знаний и умений, эти показатели претерпят существенные изме-

Рис. 6. Распределение ответов студентов по вопросу: «Для каких целей вы применяете ИИ в обучении?» (множественный выбор)

нения. Если, разумеется, не будут приняты соответствующие меры административного (и не только) характера.

На рисунке 7 видно, что большинство студентов в целях обучения выбирают такие инструменты ИИ, как чат-боты (76,6 %) и генераторы текстов (51,9 %).

Рис. 7. Распределение ответов студентов по вопросу: «Какие из следующих инструментов ИИ вы используете в обучении?» (множественный выбор)

То, что студенты используют чат-боты в основном в качестве поисковика информации, генерирования текстов для докладов, курсовых работ, находит косвенное подтверждение в ответах студентов на вопрос о том, сколько времени в неделю они в среднем затрачивают на использование ИИ. По данным нашего опроса (рис. 8), почти половина из них (48,6 %) – менее 1 часа, треть опрошенных (33,5 %) – от 1 часа до 3! Подчеркнем, что это за неделю, значит, в день примерно 10–20 минут, то есть ровно столько, чтобы сформулировать свой запрос и распечатать готовый текст.

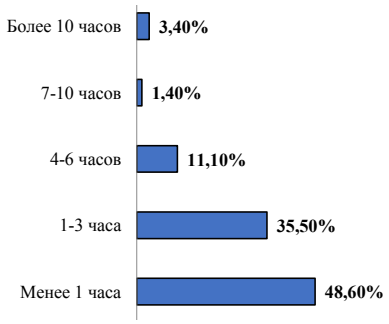

Рис. 8. Распределение ответов студентов по вопросу: «Сколько времени вы тратите на использование ИИ в обучении в среднем за неделю?»

Рис. 9. Распределение ответов студентов по вопросу: «Какие риски использования ИИ могут возникнуть в вузах» (множественный выбор)

А как сами студенты определяют риски использования ИИ в учебном процессе? По данным опроса (рис. 9), у студентов наибольшее опасение вызывают зависимость от ИИ, утрата навыков самостоятельного поиска информации (76,4 %), снижение способности к критическому мышлению и самостоятельному анализу (70,3 %), потенциальная возможность ИИ ошибаться, что чревато искажением информации и неправильным пониманием тем студентами (62,5 %). Однако эти опасения скорее всего останутся на словах, они не уберегут студентов от соблазна и в дальнейшем перекладывать на ИИ свои учебные проблемы, если не будут приняты соответствующие меры.

Подведем итоги.

Результаты нашего исследования показывают, что система образования, испытывающая влияние искусственного интеллекта, стала иной, и она никогда уже не сможет вернуться в прежнее состояние. Результаты произошедшей трансформации нуждаются в серьезном анализе как с точки зрения преимуществ внедрения искусственного интеллекта в учебный процесс, так и рисков, связанных прежде всего с неэффективностью контроля самих вузов и

государства за использованием инструментов ИИ в обучении.

В ходе исследования была выявлена связь между уровнем цифровой компетентности студентов и степенью восприятия ими рисков применения искусственного интеллекта в обучении, что актуализирует проблему совершенствования цифровой подготовки студентов в вузах. Подчеркнем, цифровая грамотность студентов – решающий фактор формирования этической и юридической ответственности студентов в процессе использования ИИ в учебном процессе. В связи с этим одним из ключевых направлений совершенствования адаптации студентов к использованию ИИ в учебной деятельности является совершенствование их цифровой компетентности.

Литература

1. Коровникова Н.А. Искусственный интеллект в современном образовательном пространстве: проблемы и перспективы // Социальные новации и социальные науки. 2021. №. 2 (4). С. 98–113.
2. Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Нарбут Н.П., Крухмалева О.В., Савина Н.Е. Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2. С. 335–353.
3. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угрозы или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 9–22.
4. Котлярова И.О. Технологии искусственного интеллекта в образовании // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2022. Т. 14. № 3. С. 69–82.
5. Лапина М.А., Токмакова М.Е., Демин Д.А., Есаян Г.А. Особенности внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс // Auditorium. 2023. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovatelnyy-protsess (дата обращения: 23.05.2025).
6. Лучшева Л.В. Социальные проблемы использования искусственного интеллекта в высшем образовании: задачи и перспективы // Научный Татарстан. 2020. № 4. С. 84–89.
7. Миркушина Л.Р. Искусственный интеллект и этические аспекты в современном образовании. М.: МГПУ, 2023. Т. 1. С. 178–181.
8. Субботина М.В. Искусственный интеллект и высшее образование – враги или союзники / // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 176–183.
9. Abbas M., Jam F.A., Khan T.I. Is it harmful or helpful? Examining the causes and consequences of generative AI usage among university students // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2024. Vol. 21. №. 10. DOI:10.1186/s41239-024-00444-7.
10. Chan C.K.Y., Hu W. Students' voices on generative AI: Perceptions, benefits, and challenges in higher education // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2023. Vol. 20. № 43. DOI:10.1186/s41239-023-00411-8.
11. Студент РГГУ защитил диплом, написанный ChatGPT. Информационная служба Хабра. URL: https://habr.com/ru/news/714216/ (дата обращения: 21.05.2025).
12. Студентка потребовала вернуть деньги за обучение, потому что профессор использовал ChatGPT. Платформа Skillbox. URL: https://skillbox.com/media/education/studentka-potrebovala-vernut-dengi-za-obuchenie-potomu-chto-professor-ispolzoval-chatgpt/ (дата обращения: 23.05.2025).

Risks of Using Artificial Intelligence in Higher Education: Students' Perspective

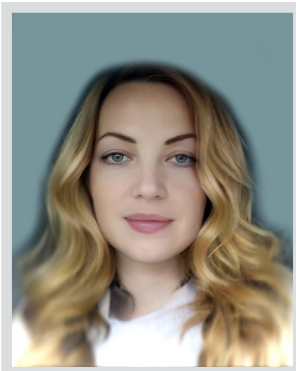
Burganova L.A., Yurieva O.V., Kukushkina O.Yu.
Kazan (Volga Region) Federal University

The problem of using artificial intelligence in higher education institutions has acquired the status of one of the most discussed in recent years. The article draws attention to the problem of risks of using artificial intelligence by students. The empirical basis of the article is the results of an Internet questionnaire on the topic 'Students and artificial intelligence: attitudes and habits in the data age'. The presented results of the empirical study demonstrate students' mixed evaluations of the use of AI in learning. The correlation between the level of students' digital competence and the degree of students' perception of the risks of using artificial intelligence in teaching was revealed, which actualises the problem of improving digital training of students in higher education institutions.

Key words: digital competences, students, higher education, artificial intelligence, risks of using artificial intelligence

УДК 316.77:316.723
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-247-250

Динамика социальных реакций на новости о субкультуре квадробика: результаты анализа телеграмм-каналов

Вайсбург А.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

Стремительное распространение субкультуры квадробика среди детей и подростков вызвало бурную реакцию среди общественности. Повсеместное распространение информации, атрибутов, элементов данной субкультуры вызвали вопросы со стороны детей, родителей, политиков, психологов, педагогов и других социальных групп. Целью проведенного исследование стало комплексное рассмотрение реакций общественности на квадробику как современную молодежную субкультуру. Задачами: анализ истоков субкультуры квадробика; характеристика и классификация ее видов; анализ просмотров, комментариев и реакций в телеграмм-каналах на новости о квадроберах в период с марта по октябрь 2024 г. Данное исследование позволяет операционализировать субкультуру квадробики, изучить ее феномен среди современного поколения. Анализ показал стремительное распространение новостей о квадробике, однако ослабление реакций на новости о ней и возрастание толерантного отношения к квадроберам. Результаты исследования помогут родителям, педагогам, психологам, журналистам в работе с представителями данной субкультуры и формировании общественного мнения о ней.

Ключевые слова: *квадробика, квадроберы, телеграмм-каналы, субкультура, посты*

Для цитирования: *Вайсбург А.В. Динамика социальных реакций на новости о субкультуре квадробика: результаты анализа телеграмм-каналов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 247–250. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-247-250.*

Актуальность темы исследования обусловлена ростом интереса к различным субкультурам в современном обществе, особенно данная тенденция прослеживается среди молодежи. Популярной в последнее время стала субкультура квадробики. Квадробика представляет собой сочетание физической активности, игры и способа самовыражения, где участники воспроизводят движения животных, используя специальные действия, костюмы и аксессуары. Представители квадробики образуют сообщества, в которые объединяются по интересам, обмениваются опытом, общаются, организуют мероприятия и помогают друг другу. Однако субкультура квадробики сталкивается с целой волной социального возмущения и неодобрения подобного поведения со стороны общества, вплоть до требований запрета на законодательном уровне.

Истоки зарождения субкультуры квадробики установить достаточно сложно, однако ее создателем можно считать японского спортсмена Кенити Ито [1]. Он изучал движения различных животных на протяжении 9 лет, практиковал занятия спортом в технике животных и разработал 6 стилей бега на основе поведения животных [2]. Он пропагандирует квадробику как разновидность спорта для детей и молодежи.

В США квадробика начала активно распространяться с 2019 г., использовались звериные образы

из субкультуры фурри, характерные движения – из *animal flow* [1], прыжки, трюки и акробатические элементы – из паркура.

В России квадробика получила массовое распространение только весной 2024 г. Распространение данной субкультуры проходило не в рамках спортивного направления [3], а среди детей, подростков и молодежи, в основном не затрагивая спортивную составляющую субкультуры, а больше являясь способом самовыражения, эпатажности, подверженности моды. Молодежь не только повторяет движения, поведение, достигает внешнего сходства с животными, но и воспроизводит их стиль жизни и поведения. Она стала одной из форм досуга среди молодежи с демонстрацией своего поведения. Также она признана социальным феноменом, отражающим стремление современных молодых людей найти, продемонстрировать и, зачастую, прорекламировать свою идентичность и принадлежность.

Квадробика, несомненно, является современным видом детско-подростковой субкультуры и может быть классифицирована по различным критериям в зависимости от уровня подготовки, места проведения и целей квадробики. Выявленные характеристики субкультуры направлены на более детальное понимание различных стилей и техник, используемых квадроберами, а также различного отношения к ним со стороны общественности. Сопоставляя элементы субкультур и квадробики, можно выделить следующие характеристики, присущие данной субкультуре.

1. Атрибуты субкультуры квадробика (имидж) – костюмы животных, которые способствуют погружению в образ животного: маски, хвосты, перчатки и другие элементы одежды, грим [4]. Наиболее распространенными из них среди детей и подростков являются образы кошек (демонстрируют грациозность, ловкость, независимость, плавность движений, гибкость); лисиц (показывают хитрость, игривость); собак и волков (пропаганда командного духа, преданности).

2. Стиль поведения квадроберов. Наиболее глубокое погружение в образ влечет за собой идентификацию собственного «я» с выбранным образом животного. Данное явление называется терианизмом [5]. Терианцы воспринимают качества определенного животного как часть своей личности [6]. Выделяют обычных квадроберов, которые демонстрируют дружелюбие и открытость, они стремятся создать позитивную атмосферу, уважают чужое пространство. А также агроквадроберов, которые проявляют конфликтность и агрессию, могут причинять физический вред (укусы, царапины). Защищают собственную территорию и конфликтуют с внешними группами [7].

3. Состав участников субкультуры. Индивидуальная квадробика направлена на развитие собственных навыков и самовыражение. Коллективная квадробика позволяет ощутить принадлежность к сообществу субкультуры, поддержку подобного поведения, одобрение, повышение самооценки в глазах других, признание группы и разделение единых ценностей [4].

4. Места для встреч представителей субкультуры квадробики. Открытые площадки: парки, спортивные площадки, общественные места. В данных местах квадроберам предоставляется больше возможностей для выполнения различных движений, таких как прыжки, акробатика и т.д. Однако очень сильно влияние погодных условий на поведение квадроберов. Также возможно демонстративное поведение на публику, привлечение других членов в субкультуру. Закрытые помещения: спортзалы, студии, специально оборудованные пространства. В таких местах могут быть доступны различные тренажеры и оборудование, что позволяет разнообразить и углубить обучение.

5. Обычаи и нормы поведения квадроберов. Подражание животным в системе питания (миски, корм для животных). Использование специализированных мест для сна (подстилки, лежанки, матрасы и т.д.). Поведение (воспроизведение звуков, движений, манер, игр животного).

Проанализированные характеристики квадробики свидетельствуют о ее достаточном уровне становления как самостоятельной субкультуры. А любая новая субкультра, особенно стремительно распространяющаяся среди детей и подростков, неизбежно влечет определенные реакции общественности на нее.

В декабре 2024 г. при содействии бакалавров 1 курса направления подготовки «Социология» Тверского государственного технического университета Н.Т. Абдулсаламовой, В.А. Богачевой, В.А. Зориной, А.М. Москвитина, С.И. Петровой, И.А. Рыбакова, С.И. Фоминой, С.Е. Шерстобитовой было проведено социологическое исследование на тему: «Анализ новостей о квадробике в популярных новостных телеграмм-каналах». Методом контент-анализа было проанализировано семь популярных телеграмм-каналов: «*SHOT*», «Что произошло?», «КК», «*Kosti*», «Ньюсач/двач», «Первый народный» и «ВПШ» (n = 184 публикаций). Были проанализированы динамика просмотров, комментариев и реакций пользователей данных каналов на новости о субкультуре квадробики.

В целом основная доля публикаций приходится на октябрь (65,2 %) и сентябрь (20,1 %) месяцы (рис. 1). Наименьшее количество новостей о квадроберах выпускалось в телеграмм-каналах в мае (1,6 %) и августе (1,1 %).

Появление данного феномена в марте 2024 г. не нашло отклика в проанализированных новостных каналах (рис. 1). Публикация новостей и нарастание интереса к ним со стороны пользователей теле-

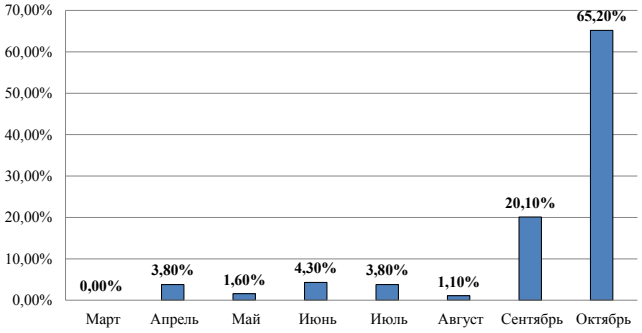

Рис. 1. Доля новостей о квадроберах в телеграмм-каналах с марта по октябрь 2024 г.

грамм-каналов началось с апреля месяца, вызвав незамедлительную реакцию. Практически каждый просмотр новости о квадробике сопровождался комментарием пользователя, что свидетельствует о высоком социальной резонансе, новизне, актуальности данной темы для пользователей и выражении их активной социальной позиции (табл. 1). При этом большинство реакций на новости о квадроберах (82,4 %) поставлены пользователями в позитивном ключе (табл. 2).

В мае количество публикуемых новостей по данной теме снижается почти в 2 раза (рис. 1), интерес к просмотру подобных новостей, соответственно, также падает (рис. 2) и почти вдвое меньше комментариев подобных действий, чем просмотров (табл. 1). При этом резко начинают возрастать реакции подписчиков каналов с негативным окрасом (56,4 %) (рис. 3). Это свидетельствует об утихании интереса и неодобрении данной субкультуры общественностью.

С июня по август наблюдаются всплеск и постепенное угасание количества новостей о квадроберах (рис. 1) и их просмотров (табл. 1). А вот количество комментариев по отношению к количеству просмотров подобных новостей неуклонно растет (рис. 2). В августе почти в 2 раза больше комментариев, чем самих публикуемых новостей. Это свидетельствует о возрастающей социальной реакции на феномен квадробики. При этом сам характер поступающих реакций достаточно разнообразен (табл. 2). В июне люди высказывают более толерантные (позитивные и нейтральные) реакции на новости о квадробике, в июле – преобладает нейтралитет, а уже к августу практически все реакции смешиваются, но доминируют негативные отзывы (рис. 3).

Однако в сентябре наблюдается резкий скачок, количество публикуемых новостей о квадробике резко увеличивается, количество просмотров подобных новостей выросло более чем в 500 раз, количество комментариев в 26 раз (рис. 2). Однако на

Таблица 1

Динамика просмотров и комментариев новостей о квадробике в телеграмм-каналах по месяцам 2024 г.

Месяц	просмотры новости	комментарии новости
Март	0	0
Апрель	1 496	1 444
Май	620	287
Июнь	2 594	767
Июль	1 990	1 412
Август	382	692
Сентябрь	198 543	18 180
Октябрь	319 848	28 268
Итого:	**525 475**	**51 050**

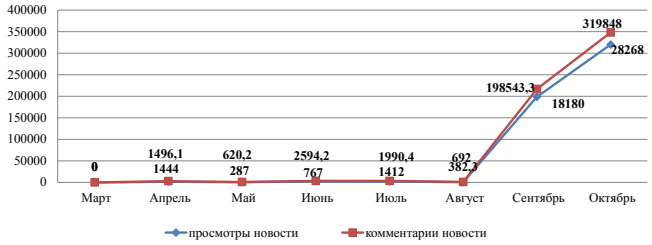

Рис. 2. Динамика просмотров и комментариев о квадробике в телеграмм-каналах по месяцам, %

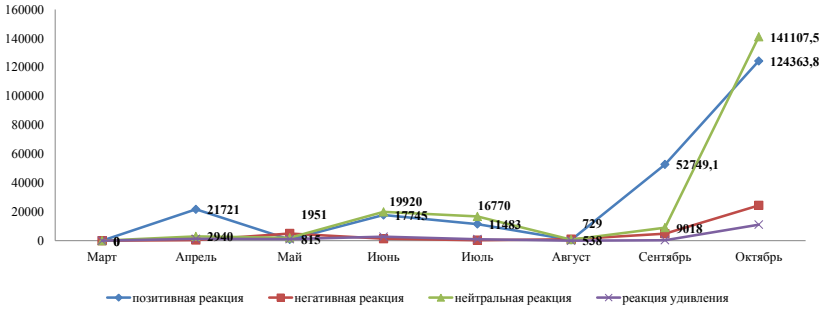

Рис. 3. Динамика реакций пользователей телеграмм-каналов на новости о квадробике по месяцам

Таблица 2

Реакции пользователей телеграмм-каналов на новости о квадроберах по месяцам 2024 г., %

Реакция пользователей	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
позитивная	0,0	82,4	9,2	42,5	38,7	23,2	78,8	41,3
негативная	0,0	1,6	56,4	3,2	1,2	45,2	7,2	8,1
нейтральная	0,0	11,2	22,1	47,7	56,6	31,5	13,5	46,9
удивление	0,0	4,9	12,3	6,5	3,5	0,0	0,5	3,7
Итого:	0,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

фоне резкого увеличения публикаций и просмотров новостей люди стали гораздо реже комментировать новости о квадроберах. Только каждый 10-й подписчик, просмотревший новость, оставлял свой комментарий (табл. 1). И реакции становятся преимущественно положительного характера (78,8 %) (рис. 3).

В октябре, по сравнению с сентябрем, количество публикаций возрастает еще втрое (рис. 1). Число комментариев и комментариев увеличивается почти в 1,5 раза (рис. 2). Это может свидетельствовать о стремительном распространении субкультуры квадробика, а также о растущей заинтересованности людей в этой теме. Однако только каждый 11-й пользователь, просматривающий новость, теперь комментирует ее. Реакции становятся все более толерантными (позитивными и нейтральными) (рис. 3). Также стоит отметить, что именно в октябре одна и та же новость могла встречаться сразу в четырех, пяти и семи каналах одновременно, в то время как в других месяцах одна новость встречалась преимущественно в одном канале.

Таким образом, на фоне возрастающей динамики публикаций о субкультуре квадробика, наблюдается снижение интереса к обсуждению данной тематики и более толерантное отношение к данной субкультуре среди пользователей телеграмм-каналов. Что, скорее всего, приведет к снижению интереса и социальной реакции на данную субкультуру. По мнению автора, данная субкультура не оказывает существенного влияния на молодежь. Как и большинство популярных среди молодежи в последнее время субкультур, она, в большей степени, является частью современной моды и в скором времени практически исчезнет.

Литература:

1. Кириллова С., Никитина А. Квадробика: почему дети притворяются животными и бегают на четвереньках // Как появился новый подростковый тренд. URL: https://journal.tinkoff.ru/quadrobics/ (дата обращения 24.09.2024).
2. Волкова К. Что такое квадробика – хулиганский спорт или спортивное хулиганство? URL: https://stv-kray.ru/novosti/zdorove/chto-takoe-kvadrobika-huliganskij-sport-ili-sportivnoe-huliganstvo.html (дата обращения 6.10.2024).
3. Акименко В. Увлечение, спорт или расчеловечивание: разобрались, что такое квадробика. URL: https://yamal-media.ru/narrative/uvlechenie-sport-ili-raschelovechivanie-razobralis-chto-takoe-kvadrobika (дата обращения 8.10.2024).
4. Михайлов А.П., Федосеева А.А. Социокультурные факторы в этиологии девиантного поведения молодежи. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. Вып. 1 (57). С. 71–80.
5. Разеев Д.Н. О двух уровнях эпистемологии сознания // Epistemology & Philosophy of Science. 2015. № 2 (44). С. 74–86.
6. Большой вопрос. URL: https://www.bolshoyvopros.ru/questions/4380597-v-chem-otlichie-kvadrobera-ot-teriana.html (дата обращения: 24.10.2024).
7. Половнева Е., Симанкова Е. Что говорят о квадроберах они сами, их родители и хейтеры. URL: https://www.miloserdie.ru/article/mozhem-porychat-chto-tut-takogo-chto-govoryat-o-kvadborberah-oni-sami-ih-roditeli-i-hejtery/ (дата обращения: 19.11.2024).

Dynamics of Social Reactions to News About the Quadrobik Subculture: the Results of the Analysis of Telegram Channels

Vaisburg A.V.
Tver State Technical University

The rapid spread of the quadrobik subculture among children and teenagers caused a strong reaction among the public. The widespread dissemination of information, attributes, and elements of this subculture has provoked reactions from children, parents, politicians, psychologists, educators, and other social groups. The purpose of the study was a comprehensive review of public reactions to quadrobics as a modern youth subculture. Objectives: analysis of the origins of the quadrobic subculture; characterization and classification of its types; analysis of views, comments and reactions in telegram channels to news about quadrobers in the period from March to October 2024. This study makes it possible to operationalize the quadrobics subculture and study its phenomenon among the modern generation. The analysis showed a rapid spread of news about quadrobics, but a weakening of reactions to news about it and an increase in tolerance towards quadrobics. The results of the study will help parents, teachers, psychologists, and journalists in working with representatives of this subculture and forming public opinion about it.

Keywords: quadrobics, quadrobers, telegram channels, subculture, posts

УДК 336.71 + 316.343.2:004.738
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-251-257

Геймификация в банковском маркетинге: анализ восприятия и поведения студентов

Волков В.Р.
Кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Волкова М.М.
Кандидат технических наук, доцент
кафедры автоматизированных систем сбора и обработки информации
Казанского научно-исследовательского технологического университета

В статье представлено исследование отношения студентов к внедрению элементов геймификации в банковские продукты и услуги. Данная тема приобретает особую актуальность ввиду роста цифровых технологий и активного проникновения игровых подходов в разные сферы жизнедеятельности молодежи, включая финансовую сферу.

Целью исследования было изучение восприятия студентами геймифицированных банковских продуктов, выявление факторов, оказывающих влияние на их выбор и лояльность, а также идентификация общих тенденций и отличительных черт молодежного сегмента в отношении внедрения игровых элементов в банковские услуги.

Научная новизна исследования заключается в том, что проведен анализ отношения студенческого сегмента целевой аудитории к использованию геймификации в банковских продуктах.

Практическая значимость работы заключается в получении данных о поведении и интересах молодежной аудитории, которые могут послужить базой для последующего изучения потребностей клиентов и разработки новых маркетинговых стратегий в банковской сфере. Сделаны выводы о специфике восприятия и предпочтениях студентов в области геймификации, что позволяет глубже понять динамику потребительского поведения молодой аудитории.

Ключевые слова:*банковские услуги, геймификация, студенческая молодежь, лояльность клиентов, мотивация клиентов*

Для цитирования: *Волков В.Р., Волкова М.М. Геймификация в банковском маркетинге: Анализ восприятия и поведения студентов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 251–257. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-251-257.*

Внедрение элементов геймификации в маркетинговые практики в настоящее время становится все более востребованным и популярным. В последние годы в мире наблюдается взрывной рост рынка геймифицированных услуг. Если в 2019 г. мировой рынок геймифицированных услуг оценивался экс-

пертами в 6 млрд долл. [1, с. 109], то уже в 2024 г. он увеличился до 24 млрд долл. и к 2029 г., по прогнозам экспертов, его объем достигнет 73,6 млрд долл. [2].

В научной и бизнес-литературе под геймификацией понимается процесс внедрения игровых элементов и механик в неигровые контексты с целью повышения мотивации, вовлеченности и лояльности участников [3, с. 512].

Геймификация в маркетинге – это маркетинговая стратегия, которая использует элементы игровой механики в неигровых ситуациях с целью стимулирования участия, вовлечённости и повышения лояльности различных сегментов целевой аудитории.

В маркетинге геймификация включает в себя применение таких игровых элементов, как задачи, достижения, бонусы, рейтинги, программы лояльности, конкурсы и квизы, которые используются для привлечения внимания и повышения мотивации реальных и потенциальных клиентов к взаимодействию с брендом.

Выделим основные компоненты геймификации [3, с. 511; 4]. В первую очередь, к ним относятся:

• Цели и задачи. В маркетинге это может быть увеличение продаж, повышение уровня удовлетворённости клиентов, сбор обратной связи или укрепление пользовательской лояльности;

• Игровой сценарий. Это история или определенный перечень событий, которые реальный или потенциальный пользователь продукта переживает в процессе взаимодействия с продуктом или услугой;

• Игровые механики. К ним относятся правила и компоненты, которые превращают процесс взаимодействия клиента с брендом из рутинного занятия в увлекательное и захватывающее мероприятие. К ним могут относиться различные награды (бонусы, баллы), а также достижения и прогресс (системы рейтингов, таблицы лидеров, уровни сложности);

• Обратная связь. Для поддержания вовлеченности пользователя необходима налаженная обратная связь, т.е. постоянно поступающая информация о прогрессе пользователя, егоуспехах и неудачах в игре. Это увеличивает вовлеченность пользователя в игру и позволяет ему совершенствовать свою игровую стратегию;

• Дизайн пользовательского опыта. Чтобы достичь поставленных целей, геймификация должна быть органичной частью взаимодействия пользователя с брендом – продуктом или услугой. Для этого необходима разработка определенного дизайна, который должен соответствовать общей концепции бренда и учитывать интересы и предпочтения целевой аудитории.

• Анализ данных и адаптация. Эффективная геймификация требует постоянного анализа результатов и готовности к изменениям. Сбор и анализ результатов применения элементов геймификации в маркетинговых стратегиях позволяет выяснить, какие элементы наиболее эффективны и приводят к желаемому результату, а также как их можно усовершенствовать.

Все большее число компаний в самых различных сферах общественной жизни осознает потенциал геймификации для продвижения своих продуктов, повышения лояльности пользователей, их вовлеченности.

Геймификация постепенно заменяет традиционные маркетинговые приемы, позволяя использовать более интерактивные и эффективные способы привлечения и удержания клиентов.

Наиболее активно элементы геймификации внедряются в маркетинговые стратегии и практики в сферах образования, здравоохранения, ритейла, *HR*, банковскового и финансового секторов.

Феномен геймификации вызывает значительный интерес исследователей, изучающих как теоретические, так и практические аспекты этого явления.

Так, теоретико-методологические основы геймификации подробно исследуются в книге Й. Хейзинга «*Homo Ludens*» («Человек играющий») [5]. Он рассматривает игру как фундаментальный элемент человеческой культуры и цивилизации. По мнению Й. Хейзинга, игра предшествует культуре и является основой для многих социальных институтов и практик. Он делает вывод, что игра выполняет важные функции, такие как социализация, обучение и развлечение, и служит механизмом для формирования норм и ценностей общества.

Различные теоретико-практические аспекты применения геймификации во внутренней и внешней деятельности организаций рассматриваются в работах Ю Кан Чоу [6], Г. Зикерманн и Дж. Линдер [7], К. Вербаха и Д. Хантера [8].

Исследование феномена геймификации в маркетинговых стратегиях организаций, в том числе в банковской сфере, отмечается в ряде публикаций, как в научной, так и в бизнес-литературе. Так, можно выделить работы Е.Б. Кургановой [1], И.А. Белоусова [9], П.Ю. Нартова [10], Т. Терновской [11].

Банки все чаще стремятся интегрировать игровые элементы в свои маркетинговые кампании для решения задач по привлечению внимания и удержания клиентов, повышения мотивации и лояльности пользователей, расширения возможностей для изучения и анализа поведения потребителей.

Вывод на рынок новых банковских продуктов и донесение информации о них до различных сегментов целевой аудитории также требует новых подходов и инновационных идей.

Все это обуславливает тот факт, что большинство банков в настоящее время чаще запускают разнообразные игры в своих мобильных приложениях или на сайте.

Так, Сбер запустил программу «Спасибо от Сбербанка», основанную на накоплении бонусов

за покупки. Эти бонусы можно обменять на товары и услуги партнеров банка [12].

Приложения для детей Сбера – «*Sberkids*» и «Сберкот» в простой и доступной форме знакомят подростков с финансовыми инструментами и обучают их финансовой грамоте [13].

Альфа-банк через мобильное приложение продвигает свою программу кэшбека, включающую игровые элементы [14].

В качестве образовательного инструмента для повышения финансовой грамотности пользователей, а также для продвижения своего брокерского сервиса Т-банк запустил онлайн-игру «Спейс-инвесторс» [15]. В ней участники знакомятся с основами инвестирования.

Есть примеры онлайн игр, направленных на повышение финансовой грамотности населения и знакомства их с новыми банковскими продуктами в Ак барс банке, ВТБ и ряде других банков.

Эти примеры демонстрируют активное внедрение банками игровых элементов в свои маркетинговые практики для улучшения взаимодействия с клиентами, стимулирование их активности и повышения лояльности.

Особую значимость геймификация в банковском секторе приобретает при воздействии на такой сегмент целевой аудитории, как молодежь в целом, и студенческая молодежь – в частности.

В первую очередь, это связано с тем, что современная молодежь выросла в эпоху цифровых технологий и привыкла к интерактивному взаимодействию. Ее представители предпочитают получать информацию и выполнять задачи в игровой форме. Именно это делает геймификацию эффективным инструментом для привлечения их внимания.

Студенты представляют особую категорию потребителей, характеризующихся высоким уровнем цифровой грамотности и активной вовлеченностью в онлайн-пространство. Исследование влияния геймификации на поведение данной группы позволяет выявить наиболее эффективные методы мотивации и привлечь молодых клиентов к использованию финансовых услуг.

Для того чтобы выявить, как влияет геймификация в маркетинговом продвижении банковских услуг на молодежный, в первую очередь – студенческий сегмент целевой аудитории и какие игровые механики наиболее востребованы студенческой молодежью авторами статьи в марте 2025 г. было проведено социологическое исследование.

Исследование направлено на выявление ключевых факторов, влияющих на лояльность студентов, а также на оценку эффективности геймифицированных программ в банковском маркетинге.

В разработанную для опроса анкету были включены ряд блоков вопросов – для выявления опыта взаимодействия пользователей с геймификацией в банковской сфере, определения их отношения к геймификации, выявления ее преимуществ и недостатков, а также наиболее предпочтительных видов геймификации в данной области.

Опрос проходил в виде онлайн-анкетирования.

Было опрошено 270 студентов нескольких казанских вузов, в первую очередь – Казанского (Приволжского) федерального университета, Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ и Казанского национально-исследовательского технологического университета – КХТИ. Респонденты представляют студентов в возрастном диапазоне от 18 до 26 лет, обучающихся с первого по четвертый курс бакалавриата, а также магистров 1 и 2 курсов.

Среди респондентов – 58 % составили юноши и 42 % – девушки.

Большинство опрошенных, а именно 46 % – жители г. Казани, 39 % респондентов – представители других населенных пунктов Республики Татарстан, а 15 % ответивших приехали на учебу в Казань из других регионов Российской Федерации.

При оценке своего материального положения чуть больше половины респондентов (а именно – 53 %) ответили, что они могут без труда приобретать вещи длительного пользования, а 33 % опрошенных отметили, что денег хватает только на еду и одежду.

При анализе данных исследования были получены следующие результаты.

Все респонденты пользуются услугами различных банков, одновременно имеют дебетовые и кредитные карточки нескольких банков.

Наиболее популярные среди них – Сбер (76 % респондентов отметили, что пользуются тем или иным продуктам этого банка), Т-банк (66 % указали на то, что имеют карты этого банка) и ВТБ (этот банк отметили 58 % респондентов)[1].

Большинство респондентов (63 %) в той или иной степени знакомы с понятием и концепцией геймификации.

Значительная часть из них (43 % ответивших) имеет опыт взаимодействия с геймифицированными банковскими продуктами. Это может свидетельствовать о достаточно высоком уровне готовности пользователей данного сегмента целевой аудитории взаимодействовать с новыми технологиями.

В то же время третья часть респондентов (31 %) заявила, что не имела опыта использования таких продуктов. Такой выбор ответа может быть обусловлен рядом причин – от недоверия к нововведениям до отсутствия потребности или достаточной мотивации попробовать новые формы взаимодействия с банками.

И наконец, четверть респондентов (25,6 %) испытывает трудности с однозначным ответом. Такая

[1] Вопрос предполагал выбор множественных вариантов ответа.

неопределённость может говорить о недостаточности опыта взаимодействия с продуктом или непонимании сути геймификации.

Для выявления наиболее часто встречающихся элементов геймификации, применяемых банками, респондентам задавался вопрос о различных элементах геймификации, с которыми они встречались при взаимодействии с банковскими продуктами.

Ответы на этот вопрос[2] представлен в таблице 1. Анализ ответов на этот вопрос позволяет выявить наиболее популярные разновидности геймификации среди изучаемого сегмента целевой аудитории.

Таблица 1

«Какие элементы геймификации вам встречались в банковских продуктах?»

Накопление баллов/баллы за покупки	81 %
Конкурсы и розыгрыши	37 %
Мини-игры в мобильных приложениях	47,4 %
Квесты и задания	25,6 %
Программы лояльности	44,8 %

Подавляющее большинство респондентов (81 %) знакомы с системой начисления бонусных баллов за покупки. Такой высокий показатель свидетельствует о значительной популярности и широком признании данного метода среди студентов – пользователей банковских продуктов.

Значительное число респондентов (47,4 %) заявило о своем опыте взаимодействия с небольшими играми внутри банковских приложений. Данный результат наглядно иллюстрирует растущую тенденцию использования игровых механик для повышения вовлечённости клиентов и увеличения продолжительности пребывания в мобильном приложении.

Почти половина респондентов (44,8 %) отметила наличие программ лояльности. Это указывает на важную роль таких программ в формировании устойчивого спроса на банковские продукты и увеличение приверженности клиентов бренду.

В то же время, менее половины участников (37 %) столкнулись с конкурсами и розыгрышами. Хотя такие события привлекают большое внимание, частота их проведения недостаточна для широкого распространения среди клиентов.

И, наконец, четверть респондентов (25,6 %) упомянули о таком формате взаимодействия, как квесты и задания. Возможно, это обусловлено слабой интеграцией квестовых элементов в маркетинг банковских продуктов или недостаточной информированности клиентов о наличии таких функций.

В исследовании также оценивался уровень интереса респондентов к различным элементам геймификации в банковских продуктах, которые представлены в таблице 2. Можно отметить, что большинство респондентов (суммарно около 57,4 %) проявляют определённый интерес к таким элементам (сумма голосов «очень интересно» и «скорее интересно»). Это демонстрирует наличие значительной группы пользователей, готовых взаимодействовать с геймифицированными банковскими продуктами.

Таблица 2

Насколько интересны вам подобные элементы в банковских услугах?

Очень интересно	17,8 %
Скорее интересно	39,6 %
Безразлично	33 %
Совсем неинтересно	4,8 %
Затрудняюсь ответить	4,8 %

В то же время примерно одна треть респондентов (33 %) высказала полное равнодушие к данному типу предложений. Это может свидетельствовать о низком восприятии ценности или полезности таких элементов, либо о неудовлетворённости качеством реализации текущих предложений.

И совсем небольшие доли респондентов (всего по 4,8 %) отметили полное отсутствие интереса к рассматриваемым элементам, либо затруднились выразить свое мнение. Это малозначительный показатель, не влияющий радикально на общую картину восприятия.

Оценка влияния геймификации на отношение к банку представлена в таблице 3.

Таблица 3

«Помогли ли элементы геймификации изменить ваше отношение к банку?»

Да, стал(а) более лояльным(ой)	18,9 %
Стало немного более лояльным	26,7 %
Никак не повлияло	51,5 %
Стало немного менее лояльным	1,0 %
Стало намного менее лояльным	1,9 %

Более половины опрошенных (51,5 %) считают, что элементы геймификации не оказали влияния на их отношение к банку. Это значит, что внедрение игровых механик само по себе не стало причиной кардинального изменения лояльности пользователей.

Тем не менее, значительная часть респондентов (45,65 %) признала, что использование геймификации привело к положительному изменению отношения к банку. Среди них 18,9 % стали заметно более лояльными, а 26,75 % отмечают, что их отношение слегка изменилось в лучшую сторону.

Интересно отметить, что крайне малый процент (всего 3 %) указал негативное изменение лояльности. Очевидно, это связано с негативным опытом использования игровых элементов или плохим исполнением самих геймификационных решений.

[2] Вопрос предполагал выбор множественных вариантов ответа.

Респондентов также просили оценить преимущества геймификации для них, как для клиентов банка.

В результате анализа полученных ответов можно выделить ряд важных моментов.

Главным преимуществом геймификации для данного сегмента целевой аудитории является возможность получения скидок и бонусов (73 % респондентов отметили этот вариант ответа). Это показывает, что материальная выгода играет ключевую роль в восприятии и принятии игровых элементов. Потребители хотят видеть непосредственную экономическую отдачу от использования геймифицированных сервисов.

Второстепенным, но значительным достоинством выступает забавный и интересный опыт (25 %), а также возможность привлекать внимание к новым банковским продуктам (также 25 %). Геймификация помогает сделать общение с банком приятным и интересным занятием, снижая стресс и напряжение, сопровождающие стандартные операции.

Ряд респондентов (20 %) оценили образовательную составляющую геймификации, отметив возможность учиться чему-то новому. Таким образом, можно отметить, что элементы обучения и воспитания финансовой грамотности также находят отклик у определенной части студенческой аудитории.

Также сравнительно небольшое количество респондентов выбирает вариант «возможность выигрыша призов» (31,9 %).Скорее всего, это можно объяснить тем, что стоимость призов часто оказывается символической, что снижает привлекательность таких подходов[3].

Наряду с достоинствами и преимуществами использования элементов геймификации в маркетинговых стратегиях банков респондентов просили также оценить их недостатки и сложности в использовании.

Анализ полученных ответов позволил сделать следующие выводы.

Основной недостаток, названный респондентами, касается размера и значимости призов, которые предлагают банки в рамках геймификационных акций (56,7 %).

Чуть меньше половины опрошенных также недовольны недостаточной прозрачностью правил участия (41,1 %). Оба эти показателя отражают низкий уровень доверия пользователей к условиям и правилам игровых механик.

Также были отмечены проблемы, связанные с нехваткой интересного содержания (33,7 %) и ограниченными возможностями для участия (21,5 %).

И лишь один из пяти респондентов отметил сложность участия в мероприятиях, что предполагает относительно удобный процесс регистрации и вступления в игру[3].

[3] Вопрос предполагал выбор множественных вариантов ответа.

Важно подчеркнуть, что для данного сегмента целевой аудитории проблема маленьких призов доминирует над остальными недостатками. Невозможность получения значимых материальных выгод демотивирует пользователей и во многом лишает их смысла участия в игровых процессах.

Для того, чтобы определить потенциал роста направлений геймификации в маркетинге и продвижении банковских продуктов, понять, стоит ли вкладывать ресурсы в разработку и запуск новых геймифицированных программ и выявить группы клиентов, склонных или не склонных к использованию игровых элементов, и скорректировать на этой основе целевую аудиторию будущих акций респондентам задавался вопрос – хотели бы они видеть больше геймифицированных акций и программ от их банка.

Абсолютное большинство респондентов (52,6 %) выразили желание видеть больше геймифицированных акций и программ от своего банка. Это свидетельствует о том, что такие предложения вызывают живой интерес и поддерживают заинтересованность пользователей.

Почти треть респондентов (28,5 %) не смогли четко сформулировать свое мнение. Это может свидетельствовать о том, что часть респондентов просто не обращает внимания на этот инструмент маркетингового продвижения банковских продуктов.

И, наконец, наименьшую долю составили те, кто ответил отрицательно (18,55 %), продемонстрировав нежелание участвовать в игровых событиях.

Одной из задач исследования было выяснить, какие конкретно виды геймифицированных программ будут восприняты аудиторией положительно и принесут максимальный эффект.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

Наиболее популярным вариантом оказалось обучение финансовой грамотности через игры (28,9 %). Это говорит о том, что клиенты заинтересованы в получении полезных знаний в лёгкой и приятной форме. Геймификация становится инструментом, помогающим облегчить сложный процесс освоения основ финансового менеджмента.

Второй по популярности ответ – игры с возможностью выигрыша реальных призов (22,6 %). Это подчёркивает стремление клиентов к материальным выгодам, а также демонстрирует интерес к увлекательной игровой динамике.

Программы лояльности с интересными заданиями выбрало 20,7 % респондентов. Это может свидетельствовать о том, что клиенты приветствуют любые попытки банков поднять вовлечённость через выполнение оригинальных и нестандартных задач.

Самыми редкими предпочтениями стали участие в конкурсах с денежными призами (17,4 %) и интерактивные квесты и головоломки (8,5 %). Это

позволяет сделать вывод о том, что данные формы геймификации менее популярны, так как требуют больших временных затрат или вызывают сомнение в объективности конкурса.

Таким образом, наибольший интерес у изучаемого сегмента целевой аудитории вызывает сочетание образовательного аспекта и практической пользы, приносящей выгоду.

Для проверки уровня удовлетворенности клиентов, которые использовали геймифицированные банковские продукты и готовы рекомендовать их друзьям и знакомым, респондентам был задан следующий вопрос «Готовы ли вы рекомендовать своему окружению банковские продукты, включающие элементы геймификации?».

Были получены ответы, которые позволили сделать следующие выводы.

Практически каждый пятый участник (21,5 %) выразил твёрдую решимость рекомендовать банковские продукты с элементами геймификации своим близким и знакомым. Это говорит о высоком уровне удовлетворённости клиентов и сформированности позитивного опыта, который они готовы транслировать дальше.

Ещё около трети участников (28,9 %) заявили, что склонны рекомендовать такие продукты, хотя и с некоторой долей осторожности. Причинами могут служить недавний положительный опыт, который ещё не успел закрепиться окончательно, или боязнь показаться предвзятыми.

В то же время значительная часть участников опроса (39,6 %) испытывают трудности с выбором позиции. Это может быть вызвано несколькими факторами:

• отсутствие личного опыта использования геймифицированных банковских продуктов;

• несоответствие уровня геймификации ожиданиям пользователей;

• нестабильность собственного мнения, обусловленная разными условиями применения геймификации.

Незначительное количество респондентов настроены негативно и либо сомневаются в необходимости рекомендовать геймифицированные продукты (5,9 %), либо категорически против таких рекомендаций (4,4 %). Вероятно, это обусловлено негативным личным опытом или чрезмерно завышенными ожиданиями, не оправдавшимися в реальности.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

• респонденты продемонстрировали средний уровень осведомленности о геймификации, при этом большинство сообщило о личном опыте взаимодействия с элементами геймификации в банковских продуктах;

• геймификация рассматривается большинством опрошенных как фактор развлечения и способ экономить деньги, повышая интерес к банковскому обслуживанию;

• несмотря на общее одобрение, лишь небольшая часть респондентов отметила значительное повышение лояльности к банку благодаря наличию элементов геймификации;

• отмечены основные проблемы применения геймификации в маркетинге банковских услуг – это недостаточная прозрачность правил, низкие размеры призов и ограниченные возможности для участия в геймифицированных акциях;

• значительная часть респондентов выразила желание видеть больше геймифицированных акций и программ от своего банка, подчеркнув важность наличия разнообразных и привлекательных предложений;

• примерно половина респондентов готова рекомендовать своим знакомым и родным банковские продукты с элементами геймификации.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют положительные перспективы применения геймификации в банковской деятельности при условии качественной информационной работы, постоянной модернизации и тестирования геймифицированных решений, а также повышения прозрачности и ясности условий участия в подобных акциях.

Литература:

1. Курганова Е.Б. Геймификация в банковской сфере:почему банки заигрывают с целевыми аудиториями // МедиаВектор. 2021. № 2. С. 109–112.
2. Gamification Market Report 2025. URL: https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/gamification-global-market-report (дата обращения: 28.03.2025).
3. Муравская С.А., Смирнова М.М. Геймификация: подходы к определению и основные направления исследований в менеджменте // Вестник Санкт- Петербургского университета. Менеджмент. 2019. № 18 (4). С. 510–530.

4. Игровые элементы геймификации. URL: https://4brain.ru/gamification/igrovye-jelementy.php?ysclid=mbq7l1v897445091034 (дата обращения: 5.06.2025).
5. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент. указатель Д.Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
6. Ю-Кай Чоу. Геймифицируй это: как стимулировать клиентов к покупке, а сотрудников – к работе / Пер. на рус. язык Д. Шалаева. М.: Эксмо, 2022. 400 с.
7. Зикерманн Г., Линдер Дж. Геймификация в бизнесе: как пробиться сквозь шум и завладеть вниманием сотрудников и клиентов / Пер. с англ. И. Айзятуловой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 272 с.
8. Вербах К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса / Пер. с англ. А. Кардаш. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 224 с.
9. Белоусов И.А. Геймификация в маркетинге: как динамический контент повышает вовлеченность пользователей – IT-технологии и цифровые процессы. URL: https://na-obr.ru/component/djclassifieds/?view=item&cid=7:publ-4&id=1713:геймификация-в-маркетинге-как-динамический-контент-повышает-вовлеченность-пользователей&Itemid=464 (дата обращения: 22.04.2025).
10. Нартов П.Ю. Применение инструментов геймификации в процессе рекламы банковских услуг (дата обращения: 18.04.2022)
11. Терновская Т. На игре. Как геймификация становится для банков необходимостью. URL: https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10911753 (дата обращения: 28.03.2025).
12. СберСпасибо. URL: https://spasibosberbank.ru/ (дата обращения: 4.06.2025).
13. СберкатратКидс. URL: https://www.sberbank.com/ru/person/bank_cards/debit/sberkarta_kids?yclid=10937543609734922 23&utm_source=yandex&utm_medium=organic&cid=1749022877938953713 (дата обращения: 4.06.2025).
14. Карта Аэрофлот. URL: https://alfabank.ru/everyday/debit-cards/aeroflot/?platformId=alfasite (дата обращения: 10.06.2025).
15. Спейс-инвестор: новая игра от Т-Банка. URL: https://space-investors.tbank.ru/results (дата обращения: 10.06.2025).

Gamification in Banking Marketing: An Analysis of Students' Perception and Behavior

Volkov V.R.
Kazan Scientific Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI
Volkova M.M.
Kazan Scientific Research Technological University

The article presents a study of students' attitudes towards the introduction of gamification elements into banking products and services. This topic is becoming especially relevant due to the growth of digital technologies and the active penetration of gaming approaches into various spheres of youth life, including the financial sphere.

The purpose of the study was to study students' perception of gamified banking products, identify factors influencing their choice and loyalty, as well as identify general trends and distinctive features of the youth segment regarding the introduction of gaming elements into banking services.

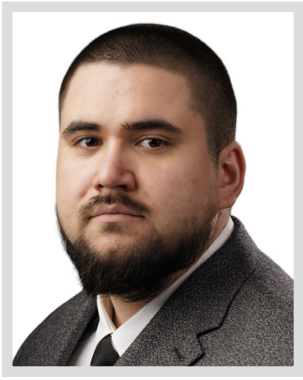
The scientific novelty of the study lies in the fact that the analysis of the attitude of the student segment of the target audience towards the use of gamification in banking products was carried out.

The practical significance of the work lies in obtaining reliable data on the behavior and interests of the youth audience, which can serve as a basis for the subsequent study of customer needs and the development of new marketing strategies in the banking sector. Conclusions are made about the specifics of students' perception and preferences in the field of gamification, which allows for a deeper understanding of the dynamics of consumer behavior of young audiences.

Keywords: banking services, gamification, students, customer loyalty, customer motivation

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-258-263

Цифровой формат взаимодействий поколений в условиях ускоренной цифровой трансформации современного российского общества

Зинуров Э.А.
Аспирант кафедры государственного управления, истории, социологии
Казанского национального исследовательского
технологического университета

Российское общество находится в процессе ускоренной цифровой трансформации, догнавшей социальные и технологические процессы западного мира. Однако широкомасштабное использование цифровых технологий и активное внедрение искусственного интеллекта может тормозиться поколенческими различиями в степени готовности к цифровому формату взаимодействий. Целью статьи является спецификация поколений современного российского общества на основе активного использования цифровых компетенций. Значимость проведенной работы состоит в обосновании потребности формирования общего цифрового языка, снимающего разрыв между поколениями. Ценность представленных в статье результатов в том, что они публикуются и вводятся в научный оборот впервые, так как автор находится в процессе подготовки диссертационного исследования межпоколенческого взаимодействия. Представлены результаты исследований, предметом которых были степень участия и цели присутствия молодого поколения в социальных сетях. Также раскрывается социальная проблема вовлечения молодежи в киберпреступления через социальные сети.

Ключевые слова: *цифровые форматы, активные поколения, поколенческий подход, взаимодействие поколений*

Для цитирования: *Зинуров Э.А. Цифровой формат взаимодействий поколений в условиях ускоренной цифровой трансформации современного российского общества // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 258–263. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-258-263.*

Взаимодействие и спецификация образов разных социальных поколений, живущих здесь и сейчас, вновь попала в актуальную повестку социологических исследований. И сегодня она затрагивает еще одну сферу – сферу цифровых форматов, интенсивное развитие которых формирует свои нормы взаимодействия поколений, ориентированные как на развитие индивидуума и общества, так и на высвечивание проблемных зон взаимодействия поколений, порой имеющих негативные последствия для общества. Значимым фактором в данном случае выступает ускоренная цифровая трансформация российского общества, догнавшая социальные и технологические процессы западного мира. И если вопросы классификации поколений уже были исследованы в конце XX в. применительно к социально-историческим особенностям американского общества (Н. Хоув, У. Штраус) [1], а вслед за ними и в европейских странах, то кульминация российских исследований на основе поколенческого (а не демографического) подхода случилась в XXI в. (В.В. Радаев, Т. Шанин и др.) [2; 3].

«В нынешний цифровой мир все проникли разными путями: одни оказались в нем от рождения, другие вошли в этот мир в юности, третьим пришлось приложить немало усилий, чтобы стать его полноправным жителем» [4]. Тех, кто не пользуется цифровыми сервисами, практически уже не оста-

лось, о чем свидетельствуют результаты междисциплинарных исследований цифровых отношений [5].

Интенсивное и активное внедрение цифровых технологий во все отрасли хозяйствования приводят к трансформационным изменениям в экономической и социальной сферах России, в которой использование искусственного интеллекта и инновационных технологий идет масштабными темпами, способствуя повышению конкурентоспособности и улучшению качества жизни населения. Успешная реализация государственных инициатив и проектов в отраслях российской экономики и социальной сфере обеспечивает устойчивое развитие общества [6].

Примером может служить активное использование искусственного интеллекта в нефтедобывающей отрасли промышленности России. Искусственный интеллект позволяет с высокой долей точности обнаружить место залегания запасов российской нефти, предотвратить возможные аварии, оптимизировать техническое обслуживания, включая и предупредительные мероприятия. Российская промышленность в целом, обладая значительным инновационным потенциалом, активно внедряет искусственный интеллект и передовые цифровые технологии в процессы модернизации экономики и улучшения качества жизни населения. Сегодня цифровые трансформации остаются ключевым фактором конкурентоспособности и обеспечения устойчивого развития России, условием жизнеобеспечения населения удобным и быстрым обслуживанием. Однако широкомасштабное активное внедрение искусственного интеллекта в ключевые отрасли промышленности России может тормозиться процессами неготовности трудоспособного населения к цифровой трансформации в ключевых отраслях экономики, в социальной сфере и в сфере государственного и муниципального управления, масштабы которых определены в «Стратегии госуправления» [7].

Для осуществления проектов внедрения сквозных технологий, включая искусственный интеллект, в отраслях социально-экономического жизнеобеспечения требуется высокопрофессиональный персонал, способный не только создавать искусственный интеллект, но и управлять им во благо общества. Подготовка специалистов уступает темпам развития цифровизации социально-экономических процессов, что требует нахождения приемов и методов обучения, чтобы выровнять дисбаланс.

Существует и серьезная социальная проблема, связанная с широкомасштабными процессами цифровизации общества. Она связана с вовлечением молодежи в киберпреступления. Среди методов кибератак в цифровом пространстве выделяются свопинг, эксплойт, кликджекинг, фрод, кардинг, прекапинг, скам, кибер-вымогательство, кибер-буллинг, груминг, фишинг и другие, разнообразие которых возрастает. На уловки мошенничества с использованием искусственного интеллекта попадает практически любая возрастная категория граждан, но в большей степени подвержены подростки и старшее поколение. В этой связи рассмотрение темпов цифровизации общества во взаимосвязи с поколенческими группами, выросшими в разные социально-экономические эпохи, но представляющими сегодня социально-активную часть населения страны, актуализирует цели и задачи данного исследования.

Несмотря на обилие исследований различных поколений, вопрос о поколенческих границах остается проблемным. Теория поколений не является «истиной в последней инстанции». У. Штраус и Н. Хоув – скорее публицисты, чем академические исследователи, и их концепция критикуется за избыточное обобщение и недостаточную эмпирическую верификацию. В зависимости от используемой методики, приоритетности факторов социализации поколений авторы имеют обыкновение свободно трактовать границы. Для эмпирического исследования трех активных поколений мы признали функциональной следующую классификацию, отражающую зарубежные и российские подходы: поколение *X* (1963–1982 гг.), поколение *Y* (1983–2002 гг.), поколение *Z* (2003–2023 гг.).

Авторские результаты спецификации образов социальных действий трех активных поколений современного российского общества, а именно ранее неопубликованные данные массового опроса в Республике Татарстан методом онлайн-анкетирования в 2023 г. (N = 1200), полученные в процессе работы над диссертационным исследованием, показали, что принципиально новым фактором, повлиявшим на становление младших поколений, в частности на поколение *Z*, а также частично на поздних представителей поколения миллениалов (*Y*) стала цифровая среда социализации, которая в малой степени коснулась предыдущих поколений. На начало 2025 г. число интернет-пользователей в мире достигло 5,56 млрд чел., что составляет 67,9 % мирового населения [8]. По данным отчёта *DataReportal*, на январь 2025 г. в России насчитывалось 133 млн интернет-пользователей, что составляет 92,2 % от всего населения страны (144 млн чел.) [9]. Это один из самых высоких показателей в мире. Данные свидетельствуют о том, что интернет стал инструментом формирования новых культурных практик, прежде всего образовательных, профессиональных, коммуникационных форматов социальных действий.

Результаты сравнительного анализа поколений позволяют сделать заключение: несмотря на непрерывность жизнеобеспечивающих циклов в обществе, деление на поколенческие когорты высвечивают наличие межпоколенческих различий, обусловленных ценностными установками и информационно-цифровым разрывом между ними.

Проблемными зонами цифрового формата взаимодействия поколений могут быть различные аспекты – различия в ценностях, взглядах на жизнь, образовании, технологиях и жизненном опыте могут приводить к конфликтам и недопониманию. Ключевым фактором является отсутствие понимания и эмпатии, что приводит к обособленности и сложности в общении.

Для решения указанных проблем можно рекомендовать использование *soft-skills*, как восстановление «гибких» или «мягких» навыков, приобретенных старшими поколениями в более раннем возрасте, забытые и восстановленные для успешного взаимодействия поколений в вопросах цифровых коммуникаций.

В качестве одного из факторов, порождающих различия поколенческих групп, связанных с информационно-цифровым разрывом между ними, приведем данные из Европейской классификации навыков, компетенций, квалификаций и профессий (*ESKO*), разработанной Европейской комиссией. Среди других компетенций в нем присутствуют цифровые компетенции, позволяющие оценивать логическое и критическое мышление обучаемых [10]. По своей сути компетенция отражает «уверенное и критическое использование технологий информационного общества для работы, отдыха и общения».

Авторское исследование самого младшего из трех заявленных поколений было проведено методом фокус-групп, участниками которых выступили юноши и девушки 9–11 классов – учащиеся общеобразовательных учреждений города Казани [11]. Качественное исследование, целью которого явилось не столько констатация и выявление тенденций социальных действий поколения, а распознание и понимание смыслов социальных действий участников фокус-группы, а также сопереживание им. Организовано и проведено три фокус-группы в составе 10 чел. каждая, в равной гендерной пропорции с учетом данных статистики. Фокус-группы проводились в школах разных районов. Расшифровка мнений молодых респондентов, полученных в процессе проведения фокус-групп, показала влияние интернета на досуг поколения *Z*.

«*Досуг представители моего поколения проводят, занимаясь саморазвитием, поиском себя и своего предназначения, чего они хотят в этой жизни и как это получить. Читают книги, смотрят видеоролики, соответствующие интересующими их темам, слушают подкасты. Также многие работают, а еще больше тех, кто и учится, и работает, становясь более самостоятельными, выносливыми и подготовленными к взрослой жизни*» (респ. 32, жен., 17 лет).

«*Современное поколение достаточно разнообразно в своих интересах. Стоит отметить, что поколение интересуется многими психологическими темами: свобода личности, самовыражение, «токсичные» отношения, личностный рост и так далее. В интернете существует множество курсов, гайдов и просто полезных страничек на подобные темы. Соответственно поколение духовно развивается*» (респ. 3, жен., 17 лет).

«*Государство делает многое для развития интереса к спорту у молодежи. Культ здорового образа жизни – одна из тенденций современности. Но не всех так сильно интересует ЗОЖ, как современные технологии, которые ушли далеко вперед, развиваясь семимильными шагами. Действительно, данное русло набирает стремительную популярность*» (респ. 24, муж., 17 лет).

«*Присутствует также отношение на уровне 0. Это когда люди не замечают друг друга, практически не контактируют (однако бывают случаи «разговоров за спиной», когда человека критикуют, но в его присутствии относятся нейтрально). Также есть отрицательное отношение, когда человека презирают беспричинно либо как раз из-за вышеупомянутой нетолерантности. Одно отличие человека от других даёт повод насмехаться над ним. Всё переливается в «буллинг», травлю, из-за чего человек закрывается в себе, начинает ненавидеть себя и в совокупности всё может привести даже к сущиду, поскольку подросток – человек хрупкий и эмоционально нестабильный*» (респ. 12, жен., 17 лет).

«*Конечно, в большинстве случаев интернет заменил нам очень многое, в том числе и живое общение. Это удобно, доступно и легко, поэтому проще написать сообщение (которое не требует немедленного ответа), нежели звонить, тревожить человека и тратить на это время. Но стоит отметить и пагубное влияние интернета. Он навязывает мнение, моду, стиль общения, ориентиры и ценности. Не всегда все это бывает положительным*» (респ. 25., жен, 17 лет). «*Поколение Z чаще всего досуговое время проводит «за телефоном», как сказали бы многие родители, однако стоит отметить, что мы не бездумно проводим там время, огромное количество ресурсов, просматриваемых ежедневно нами, не бесследно уходит из головы. Смотря различные видео на YouTube, мы получаем информацию, смотря ленту в Instagram, мы получаем информацию. Большинство моих знакомых пользуются этими сервисами только в малой доле для развлечения, мы просматриваем новости, узнаем новую научную информацию, читаем блоги о саморазвитии и тому подобное*» (респ. 18, жен., 17 лет).

Анализируя результаты фокус-групп, подробнее остановимся на кибер-идентичности молодежи. Молодежь в большей степени использует социальную сеть. Как показали полученные данные, на этот сегмент приходится высокий процент: 90 %

респондентов – участников фокус-групп – пользуются сетью ВКонтакте, 50 % – Инстаграм, от 4 до 20 % опрошенных респондентов используют Твиттер, *WhatsApp, Фейсбук, Телеграм, Вайбер*[1]. Соотнесем полученные данные с рейтинговой оценкой результатов корпорации *Brand Analytics*, которые подтверждают, что в контексте ежемесячного посещения молодежной аудиторией, наиболее распространенной является сеть ВКонтакте – посещение в месяц до 53,6 млн чел. [12].

Российская технологическая корпорация *Mail.ru Group*, в активе которой социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники», провела исследование, по результатам которого выявлено, что в среде российской аудитории социальные сети «ВКонтакте» более привлекают учащуюся молодежь (40 %). Старшие поколения имеют другие приоритеты, они пользуются сетью «Одноклассники» [13].

100 % респондентов ответили, что выбрали бы социальную сеть ВКонтакте в случае отсутствия альтернативы или в случае необходимости выбрать только одну соцсеть из предложенного многообразия [14]. По частоте пользования интернетом ответ респондентов однозначен – ежедневно [15].

Вторичный анализ данных ранее проведенного исследования «Конфигурация идентичности российской молодежи» [16], одним из инструментов которого был контент-анализа сообщений СМИ, позволил сделать выводы о спектре использования сети ВКонтакте. Ее популярность респонденты чаще всего связывают с информационно-развлекательным контекстом (табл. 1).

Для определения проблемных зон включенности в интернет-сообщества были проведены полевые исследования пользователей интернета в студенческой целевой аудитории, также относящихся к поколению *Z* [17].

Таблица 1

Причины популярности сети *ВКонтакте*

Цель пользователя соцсетью	Пользователи, чел.
Осведомленность: новости, события в мире и в стране	121
Поиск информации для работы/учебы	126
Использовать электронную почту для обмена информацией	128
Смотреть клипы, кинофильмы, слушать музыку, книга-чтение и др. виды организации само-досуга	147
Занять свободное время играми	89
Общение с иными пользователями	115
Поиск друзей, людей близких по интересам	87
Совершение онлайн-покупок	62
Информируемость, расширение кругозора	118

[1] *Telegram, WhatsApp, Discord, Microsoft Teams, Snapchat, Viber, WeChat* запрещены в Российской Федерации с 01.06.2025 г.

Результаты опроса показали, что более половины респондентов делают покупки через интернет, и только четвертая часть опрошенных не имеет опыта онлайн-покупки. Безусловно, в свое время «пандемия» внесла свои коррективы в развитии отрасли интернет-торговли, однако, наряду с удобством, данный вид интернет-коммуникации может отразиться на развитии «шопоголизма» как патологического желания совершить покупку ненужной вещи только потому, что она есть у других, или ради самого процесса покупки.

Мобильный телефон практически не сходит с рук у каждого, кто его имеет и по разным причинам его использует; удивительно, что только 10 % респондентов указали, что время, проводимое ими в социальных сетях, составляет 20 минут в день и менее. Трудно в это поверить, но это констатация фактов. Респонденты (20 %) считают, что затрачиваемое ими время в 1–2 часа в день на общение в соцсетях обосновано и достаточно. Остальные опрошенные (70 %) не смогли однозначно определить время своего пребывания в соцсетях. Ответ «без горизонтов» служит ориентиром для выявления «интернет-мании» и выделения этой группы респондентов, как потенциально-уязвимых участников интернет-мошенничества, особенно если подросток использует интернет в развлекательных целях, например, он может быть подвергнут таким формам кибератаки, как «кликджекинг», при которой искусственный интеллект скрыто перенаправляет играющего на вредоносные сайты через поддельные кнопки или ссылки в играх, или «скам», как вид интернет мошенничества, связанный с предложением конкурсов с требованиями предоплаты, которые могут оказаться ложными, или фейковые игры с требованием денег, или ложные предложения работы для подростков.

Переход в цифровое пространство стал сегодня ключевым фактором роста подростковой преступности. Подростки, проводящее большую часть времени в интернете, сегодня уязвимы, и именно их в первую очередь вербуют мошенники через интернет, убеждая, что уголовная ответственность им не грозит, обещая легкие деньги. Сегодня как никогда обострилась проблема роста статистики привлечения подростков в деятельность, которая по российскому законодательству относиться к преступной: закладками наркотиков, террористическая и диверсионная деятельность, связанная с поджогами автомобилей, вышек связи и железнодорожного оборудования. Учитывая, что подростки проводят большую часть своего времени в сетях, мошенники с ними легко выходят на онлайн контакты и вовлекают в нелегальные действия. Чаще всего это происходит по невнимательности, по недомыслию ответственности согласия на сотрудничество с мошенниками. В сети мошенников попадают под-

ростки из неблагополучных семей, где отсутствует контроль за поведением подростка, но также из благополучных семей, в которых не формируется навык ответственности за свои поступки.

Киберпреступность в современных условиях развития *IT*-технологий набирает обороты: подростков привлекают для рассылки диверсионных сообщений, скупая их аккаунты в соцсетях. Дети становятся жертвами кибербуллинга – травли в сети и онлайн-груминга (шантажа), включая распространение слухов, угроз, издевательств и унижений [18].

Сегодня подростки это поколение *Z* (хоумлендеры), родившиеся в 2003–2024 гг., подвержены следующим методам кибермошенничества: свопингу (метод кибератаки при котором мошенники «угоняют» чужой мобильный номер); эксплойту (мошенники используют уязвимость в программном обеспечении и получают доступ к личным данным подростка или к управлению его устройством); фроду (обман с целью получения финансовой выгоды, проявляется через вовлечение подростков в пересылку запрещенных товаров; через кардинг как кража данных банковских карт, через прекапинг как мошенничество с предоплатой), кибервымогательству (шантаж с использованием угроз распространения личных фотографий, утечки конфиденциальной информации, блокировка аккаунтов), фишингу (мошенничество с целью получения личных данных подростка через поддельные сайты, часто маскируемые под популярные игры и соцсети). Перечислены не все виды кибермошенничества, которые все время обновляются и становятся еще более изощренными, в это связи следует не оставлять подростков без внимания, стараться вовремя обнаружить проблемы и находить решения их устранения.

Среди рекомендаций, которые автор статьи считает необходимым озвучить, явно просматриваются организация тренингов, обучение по методам и формам мошенничества. Причем такое информирование требуется не только школьникам поколения *Z*, но и родителям нынешних подростков на предмет предотвращения негативных последствий суточного время пребывания в интернете. Среди конструктивных навыков можно предложить созидательные проекты с использованием современных информационных технологий. Часто представители молодого поколения не в полной мере оценивают коварство киберпреступности, так как они играют в игры с подобными сюжетами.

Таким образом, цифровая трансформация общества артикулирует социальный заказ на цифровые форматы взаимодействия как внутри возрастных групп, так и между поколениями, имеющими различный жизненный опыт и уровень цифровой компетентности. Очевидно, что сегодня социальные сети стали неотъемлемым атрибутом коммуникаций как в профессиональной, так и личной сферах жизни. В процессе таких коммуникаций происходит обмен кейсами и опытом решения проблемных ситуаций. Формирование общего цифрового языка снимает разрыв между поколениями и способствует более эффективному решению профессиональных и социальных задач. Обращение к социально-демографической структуре российского общества показывает, что продление продолжительности жизни старшего поколения и рост рождаемости в статистике младшего поколения на длительный период создает неизбежность профессиональных коммуникаций в социально-экономической деятельности нескольких поколений. Актуальность овладения цифровыми компетенциями продолжает нарастать в контексте цифрового формата взаимодействия в российском обществе.

Литература:

1. Howe N., Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. NY: Vintage Books, 2000. 432 p.
2. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2020. 224 с.
3. Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25.
4. Твенге Дж. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни / Пер. с англ. А. Толмачева. М.: Рипол-Классик, 2019. 406 с.
5. Ершова Р.В., Корягина Т.М. Психологические особенности цифрового поколения: от теории к практике исследования. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2021. 123 с.
6. Войскунский А.Е. Человек в цифровом обществе // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сб. науч. статей / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. С. 8–11.

7. Цифровая трансформация госуправления (стратегическое направление). URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_трансформация_госуправления_(стратегическое_направление)#.
8. Статистика интернета и соцсетей на 2025 год – цифры и тренды в мире и в России. URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2025-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v rossii/?utm_referrer =https %3a % 2f %2fyandex.ru %2f
9. Digital 2025: ключевые данные из нового отчета Datareportal. URL: https://www.byyd.me/ru/blog/2025/03/digital-2025-key-data-datareportal/
10. Европейская система квалификаций. URL: https://bsu.by/upload/page/ 172163.pdf
11. Зинуров Э.А. Социологическое исследование социальных действий российского поколения зет // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 296–302. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-296-302.
12. Brand Analytics. URL: https://br-analytics.ru/
13. Mail.ru Group – все новости на сегодня. URL: https://news.mail.ru/company/mail_ru_group/
14. База ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=661&q_id= 47671&date=03.04.2010 (дата обращения: 15.105.2025).
15. База ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1037&q_id= 71681&date=23.08.2015 (дата обращения: 15.11.2016).
16. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Гаязова Э.Б., Алексеев С.А. Конфигурация идентичности российской молодежи: результаты социологического исследования // Управление устойчивым развитием. 2016. № 6 (07). С. 67–79.
17. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р. Медиасфера современного российского студенчества: проблема доверия (на примере вузов Республики Татарстан) // Управление устойчивым развитием. 2024. № 3 (52). С. 45–52.
18. Шевцова Е.В. «Бумеры» и «миллениалы»: жизненные стратегии, политические установки и цифровизация // Развитие территорий. 2021. № 3 (25). С. 46–52. DOI: 10.32324/2412-8945-2021-3-46-529.

The Digital Format of Intergenerational Interactions in the Context of Accelerated Digital Transformation of Modern Russian Society

Zinurov E.A.
Kazan National Research Technological University

Russian society is in the process of accelerated digital transformation that has caught up with the social and technological processes of the Western world. However, the widespread use of digital technologies and the active introduction of artificial intelligence may be hampered by generational differences in the degree of readiness for digital interaction. The purpose of the article is to specify the generations of modern Russian society based on the active use of digital competencies. The significance of the work carried out is to substantiate the need for the formation of a common digital language that bridges the gap between generations. The value of the results presented in the article lies in the fact that they are being published and introduced into scientific circulation for the first time, since the author is in the process of preparing a dissertation study on intergenerational interaction. The results of research are presented, the subject of which was the degree of participation and the goals of the presence of the younger generation in social networks. The social problem of youth involvement in cybercrimes through social networks is also revealed.

Keywords: digital formats, active generations, generational approach, generational interaction

УДК 316.472
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-264-272

Этнокультурные ценности народов Удмуртии в интернет-пространстве: практики применения в образовательной деятельности

Касимов Р.Н.
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск)

Поздеев И.Л.
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск)

Активное развитие цифровых технологий в современной России привело к тому, что содержание и наполнение виртуального пространства становится частью информационной и образовательной политики. В этой связи значительный исследовательский интерес представляет содержательное наполнение электронных ресурсов с этнокультурной спецификой, их назначение и функции, характер работы педагогов с материалами «этнического Интернета».

Целью исследования является анализ тематических интернет-ресурсов, являющихся базовыми для работы педагогов Удмуртии в процессе формирования и закрепления у учащихся этнокультурных ценностей. Научная значимость работы заключается в выявлении содержания и динамики развития этнически ориентированной информационной среды, определения механизмов репрезентации этнокультурных ценностей в виртуальном пространстве. Практическая значимость работы видится в том, что представители государственных и муниципальных органов власти смогут использовать в своей деятельности теоретические наработки и выводы авторов при реализации основных положений государственной национальной политики, в том числе при формировании позитивной общегосударственной идентичности. Исследовательские наработки помогут педагогическим работники более эффективно применять предлагаемый этнокультурный контент в своей деятельности.

В результате исследования выявлено, что наибольший интерес для педагогов представляют ресурсы, формирующие региональную идентичность, делающие акцент на специфике истории и культуры народов Удмуртской Республики, прежде всего удмуртов. Однако факт наличия разнообразных интернет-ресурсов этнокультурной направленности нивелируется незначительным количеством необходимого педагогам материала в рамках образовательной программы и отсутствием эффективного методического инструментария для школ.

Ключевые слова: *этнокультурные ценности, этнический интернет, репрезентация этничности, Удмуртская Республика, региональная идентичность, этническая идентичность, образовательная деятельность*

Для цитирования: *Касимов Р.Н., Поздеев И.Л. Этнокультурные ценности народов Удмуртии в интернет-пространстве: практики применения в образовательной деятельности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 264–272. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-264-272.*

Этнокультурные ценности народов, живущих в современном мире, формируются под влиянием различных факторов, среди которых можно выделить ряд ключевых:

– функционирование и развитие родных языков, которые формируют и закрепляют характерные этнические символы и национальное самосознание;

– развитие знаний и обогащение представлений по истории и специфике взаимодействия этнических культур, которые позволяют обогащать духовный мир человека, формировать патриотизм и уважение к прошлому своего народа;

– формирование представлений об этническом самосознании через погружение в этнокультурную среду, что позволяет выявлять общие черты коллективных стереотипов и типичные мировоззренческие установки;

– этнокультурное воспитание и образование, осуществляемое социально-культурными институтами общества, которые продвигают элементы традиционной этнокультуры, транслируя её ценности в социокультурное пространство, в том числе, через возможности сети Интернет.

Активное развитие «этнического Интернета» в современной России свидетельствует о том, что он становится действенным инструментом информационной и образовательной политики в поликультурных регионах многонациональной страны. Современные технологии формирования и наполнения виртуального пространства существенно влияют на мировосприятие подрастающих поколений, в том числе оказывая воздействие на формирование и закрепление этнокультурных ценностей, региональной и этнической идентичности. Важным показателем такого воздействия является репрезентация традиций этнической культуры в современном медиапространстве при помощи сети Интернет.

Проблема «этнического Интернета» и его роли в работе педагогов Удмуртии в настоящее время практически не изучена. Сегодня она является перспективным исследовательским направлением в рамках изучения возможностей сохранения и продвижения этнокультурных ценностей народов Удмуртии, поскольку и сам контент, и эффективные методы и приемы его применения в образовательном пространстве республики находятся на стадии становления и систематизации.

В рамках статьи предполагается решить задачи по выявлению и анализу тематических интернет-ресурсов, являющихся базовыми для работы педагогов Удмуртии. Исследовательский интерес представляет содержательное наполнение этнокультурного контента на специализированных сайтах, возможности использования в просветительских практиках.

Эмпирическую основу работы составили результаты экспертных опросов педагогов образовательных организаций Удмуртской Республики, использующих в своей работе этнокультурную информацию. В качестве метода сбора данных было использовано анкетирование. В анкете предлагалось ответить на ряд вопросов, охватывающих различные сферы жизни и работы педагога, в том числе: выделение ключевых маркеров этнической идентичности, использование в работе электронных ресурсов с этнокультурной спецификой. Кроме того, выяснялось отношение к преподаванию в школах таких предметов, как «История нашего края», «ОРКСЭ», «ОДНКНР», цикла внеурочных занятий «Разговоры о важном» и др. В анкете использовались открытые вопросы, дающие возможность получения свободных ответов. Это позволило выявить, помимо разноплановой информации, эмоциональное отношение педагогов к предмету исследования. В течение 2024 г. удалось собрать и обработать более 60 экспертных интервью.

Среди вопросов, которые предлагались экспертам, часть касалась «этнического Интернета», как информационного инструмента для поддержания и сохранения национальных чувств, этнокультурных ценностей культуры народа. Необходимо было понять, какие конкретно электронные ресурсы педагоги Удмуртской Республики используют в своей работе по этнокультурному образованию.

Возможности сети Интернет в школе нужны для того, чтобы вывести образовательный процесс на новый, более качественный уровень. Тематические сайты и порталы дают возможность для представления больших массивов специфической этнокультурной информации в более наглядном виде. Современным школьникам нравится учиться при помощи информационных возможностей сети Интернет, так как ресурсы «этнического Интернета» способны предоставить ученику гораздо больше информации, чем традиционные учебники и книги, при этом вся текстовая, визуальная, звуковая информация будет компактно размещаться в рамках одного источника.

Несмотря на то, что многообразные ресурсы «этнического Интернета» не ставят перед собой задачу предоставления только образовательного контента,

тем не менее они дают возможность разнообразить источниковую базу для подготовки учителя к занятиям. Педагог при работе с виртуальным контентом, при должном уровне самоподготовки может формировать уникальные задания, которые помогают лучше усваивать сложный этнокультурный материал и выстраивать индивидуальные образовательные траектории для различных групп обучающихся.

В статье рассматриваются наиболее часто упоминаемые педагогами интернет-площадки. Акцент сделан именно на том контенте, который учителя определили как наиболее перспективный в процессе приобщения обучающихся к этнокультурным ценностям конкретной территории. Для таких интернет-площадок образовательная функция не является первоочередной, однако просветительский потенциал подобных сайтов и порталов велик, что даёт основания использовать его возможности на занятиях в рамках предметов социально-гуманитарного профиля.

Современные исследователи, отмечая важность формирования этнического образа и этнокультурных ценностей в современной медиакультуре, указывают, что «она связана не только с его репрезентацией в глазах представителей другого народа, но и с тем, что в этом пространстве складывается "образ для себя". Вот почему всё большее влияние оказывает визуальный канал восприятия, через пространство медиакультуры, в котором транслируется тот набор черт этноса, который становится актуальным прежде всего для носителей данной культуры» [1, с. 58].

Безусловно, носители конкретной этнической культуры в своем виртуальном образе хотят видеть прежде всего позитивные черты собственной этничности. Интернет-пространство позволяет конструировать, укреплять, визуализировать, представлять такие характеристики (в доступной форме) для широкого круга потребителей. С одной стороны, упрощается формирование и распространение этнокультурных ценностей народа, с другой – складываются стереотипы восприятия, чётко разграничивающие представителей этнических культур в границах бинарной позиции «мы – они». Для педагогов Удмуртии такая бинарность является в определенной степени препятствием для широкого использования в своей работе региональных ресурсов этнокультурной направленности. Дело в том, что если федеральные интернет-площадки делают акцент на формирование общероссийской гражданской идентичности, актуализируя информацию о единстве многонационального народа Российской Федерации, то региональные ресурсы концентрируются главным образом на языковой, исторической, культурной «самости» конкретных народов, что не всегда соответствует образовательной парадигме многонациональной школы Российской Федерации, которая предполагает поликультурное образование, характеризующееся освоением знаний о различных культурах многонационального государства; уяснением общего и особенного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов России. Между тем знания такого рода важны; они раскрываются в понятиях глобальных компетенций учащихся, отражающих ценности суб-, макро- и мировой культур [2].

Конструирование и трансляция этнического образа и этнокультурных ценностей – одна из главных творческих проблем медиарепрезентации в сети Интернет. Непростой процесс самопознания личности через восприятие этнических ценностей своего народа является одним из видов самоидентификации. При этом использование возможностей сети Интернет при создании этнического образа «имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционными средствами медиакультуры. Речь идет о возможности комбинировать разные источники (фольклорные, литературные, визуальные, аудиовизуальные) в рамках одного медиаобраза; при этом звукозрительный эффект связан с обобщением опыта разных поколений в этнокультурном контексте» [3, с. 13].

В этом смысле у педагогов, привлекающих региональные электронные ресурсы, появляется современный инструмент формирования знаний о «малой родине» на занятиях, особенно в городских школах.

Следует отметить, что сами сайты и порталы не ставят образовательную функцию во главу угла, в большей степени акцентируя внимание на просветительском потенциале своей информации. Но в любом случае в региональном этнокультурном контенте «этнического Интернета», основанном на популяризации ключевых этнических маркеров, заложен «конструктивный потенциал, они выполняют важную функцию по объединению людей, сохранению родного языка, традиций, развитию их национального самосознания» [4, с. 79]. Другими словами, технологии сети Интернет непосредственно влияют на самосознание индивида, трансформируя и дополняя характеристики этнокультурных ценностей регионального сообщества.

Исследователи отмечают, что виртуальная идентичность в современных условиях становится частью традиционной этничности, удобным механизмом репрезентации этнокультурных ценностей. Такая «идентичность менее ограничена естественными барьерами и более контролируема самим индивидом. В силу технической опосредованности она актуализирована в молодежной и городской среде, а также среди диаспор и этнических меньшинств» [5, с. 295].

Деятельность значительной части педагогов современной школы тесно соприкасается с этнокультурной спецификой конкретной территории. Говоря об этнической идентичности, учителя истории и обществознания в Удмуртии выделили следующие основные маркеры: осознание принадлежности к определённой нации, менталитет, национальные

традиции и обряды, история народа, язык. Несмотря на то что родной язык рассматривается большинством педагогов как важная этнокультурная ценность, другие черты этничности также служат основаниями реализации и трансляции этнокультурной идентичности.

Благодаря электронным порталам с этнокультурной спецификой, представители этнических сообществ могут получать и распространять информацию о родной культуре. Специализированные сайты федерального уровня нужны для сохранения этнокультурного многообразия России. Сайты регионального уровня нужны для поддержания культур народов, населяющих определенную территорию. Впрочем, виртуальные площадки предполагают не только знакомство граждан с культурой и историей конкретного народа, но и с соседними. Это помогает развивать диалог культур, практику межнационального общения в поликультурных регионах многонациональной страны.

В процессе общения большинство педагогов называли общие ресурсы, где можно получить разнообразные представления, связанные с этнокультурными ценностями народов России. Рассмотрим подробнее наиболее популярные среди педагогов сайты, материалы которых они активно используют в своей работе:

Сайт Российского военно-исторического общества [6]. Сайт имеет 4 больших раздела: федеральные новости; региональные новости; конкурсы, просветительские и образовательные проекты; различные публикации, в том числе представителей педагогического сообщества. Некоторый практический интерес для учителя представляют материалы в разделе «Публикации», и при должном уровне самостоятельной подготовки педагог сможет адаптировать имеющиеся здесь материалы для раскрытия феномена многонационального народа Российской Федерации. Однако сама идеология организации предполагает, что упор делается именно на военно-патриотическую тематику и в меньшей степени – на раскрытие вопросов, связанных с популяризацией и продвижением этнокультурных ценностей в регионах большой страны. Дается информация о деятельности регионального отделения Российского военно-исторического общества в Удмуртской Республике [7].

Сайт Ассоциации «Российское историческое общество» [8]. Сайт имеет несколько больших разделов: события и новости; информация о деятельности региональных отделений; проекты (выставки, фестивали, конкурсы); основные приоритетные темы по истории страны, утверждённые для разработки членами Российского исторического общества; интервью с историками и краеведами; цех историков, где публикуются работы наиболее авторитетных членов общества и известных историков; видеоролики. Представлена подробная информация о работе регионального отделения в Удмуртской Республике [9].

Сайт Русского географического общества [10]. Сайт предлагает актуальную информацию о туристических маршрутах и экспедициях, освещает крупные тематические акции и конкурсы. Кроме того, здесь есть интервью с учёными и путешественниками, новости сообщества. Между тем на сайте нет специального раздела, посвященного работе с педагогическим сообществом, нет конкретных материалов для работы на занятиях по географии, истории и обществознанию. Информации много, часть её педагог может использовать в работе, но только опосредованно, адаптируя имеющиеся материалы под нужды конкретной образовательной программы или темы занятия.

Телевизионный канал «Культура» – телеканал «Россия К». Позиционируют себя как единственный просветительский федеральный телеканал в стране. Подавляющее большинство программ основано на отечественном контенте: фонд видеоматериалов о самых ярких событиях в российской и мировой культуре, программы об истории, музыке, театре, изобразительном искусстве и литературе, а также художественные и документальные сериалы [11]. Здесь много роликов о жизни многонациональной страны. Но при всём многообразии контента такой ресурс нельзя назвать образовательным, он, скорее, просветительский. Материалы представляют интерес не столько для педагогического сообщества, сколько для широких слоёв населения, в том числе для детей и молодёжи.

Портал «Культура.РФ» – гуманитарный просветительский проект, посвященный культуре России. Электронный ресурс рассказывает об интересных и значимых событиях и людях в истории литературы, архитектуры, музыки, кино, театра, а также о народных традициях и памятниках природы России в формате просветительских статей, заметок, интервью, тестов, новостей. Например, на портале представлены уникальные проекты: «Народы России» [12] – информация о народных промыслах народов России [13]; «Уникальная Россия» – материалы о разных регионах и народах нашей страны [14]; «Нематериальное культурное наследие России» [15]. Материалы опять же представляют интерес не столько для педагогического сообщества, сколько для широких слоёв населения. Тем не менее их можно использовать как иллюстративную дополнительную информацию на занятиях по истории и обществознанию, по географии, в рамках изучения курса «ОРКСЭ», например.

Сайт Российского этнографического музея. Онлайн-материалы экспозиции Российского этнографического музея [16]. Электронный ресурс содержит информацию о специфике знаменитого

музея; рассказывает о выставках и просветительских акциях; содержит полезную информацию для музейных работников, в том числе в образовательных организациях. Наиболее полезным для работы педагогов Удмуртской Республики представляется раздел «Ресурсы». В нём есть ценная информация о коллекции музея, электронная научная библиотека.

Сайт Кунсткамеры [17]. Электронный ресурс содержит информацию о специфике знаменитого музея в Санкт-Петербурге, рассказывает о выставках и просветительских акциях, содержит полезную информацию для научных работников.

Сайт «Народов много – Родина одна». Ресурс работает в тестовом режиме, при поддержке АНО «ИРИ» (Институт развития Интернета) [18]. Есть материалы о народах России, проживающих в крупных городах нашей страны, в том числе о татарах, удмуртах, марийцах. Ресурс содержит образовательный контент, в частности, здесь можно найти тесты на знание истории России, её народов и традиций, здесь можно проверить свой уровень знаний [19].

Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России создан при поддержке Министерства культуры РФ и содержит информацию о специфике бытования отдельных традиций, обычаев и обрядов некоторых народов России. В частности, есть информация о татарах и марийцах, в том числе представлены четыре объекта нематериального этнокультурного достояния из Удмуртии [20]. Электронный ресурс представляет интерес прежде всего для экспертов в области национальных и религиозных отношений, активистов национально-культурных объединений, краеведов, музейных работников, хранителей музейных коллекций в школах.

Портал «Национальный акцент» – специализированный медиапроект Гильдии межэтнической журналистики, посвящённый межэтническим отношениям в России [21]. Также есть научно-популярные материалы, позволяющие полнее рассказать о людях разных национальных культур. Цель ресурса – сбор и систематизация информации о каждом этносе, населяющем Россию. Представляет интерес прежде всего для экспертов в области национальных и религиозных отношений, активистов национально-культурных объединений, журналистов.

Непосредственно получать знания про этнокультурное своеобразие Удмуртии, как части региона Урало-Поволжья, помогают, по мнению педагогов, следующие сайты:

Сайт Бюджетного учреждения Удмуртской Республики «Дом Дружбы народов» [22]. Это учреждение является частью Министерства национальной политики УР, его структурным подразделением. Сайт содержит информацию о реализации целевых государственных программ национального развития в области культуры, образования, патриотического воспитания граждан; о государственной поддержке деятельности национально-культурных объединений республики при создании благоприятных условий для этнокультурного развития народов Удмуртии; материалы, призванные укреплять общероссийскую гражданскую идентичность; информационные материалы противодействия формам и проявлениям экстремизма и ксенофобии на национальной и религиозной почве. Высокий образовательный потенциал имеет раздел сайта «Проекты» [23].

Сайт Национального музея Удмуртской Республики имени Кузебая Герда [24]. На портале самого крупного музея в Удмуртии предоставлена информация о природе, истории, культуре Удмуртии, с которой можно познакомиться через обзор экспозиций, выставок, коллекций и просветительских мероприятий музея. Отдельного раздела для работы педагогов с детьми на сайте нет. Однако учитель может получить ценную информацию, чтобы активизировать практики внеурочной деятельности, например, организовать экскурсию.

Сайт архитектурно-этнографического музея-заповедника «Лудорвай» [25]. Содержит информацию о традиционной культуре удмуртов и бесермян, русских, татар. Особый интерес для педагогов представляет раздел сайта «Виртуальные выставки», где можно познакомиться с элементами традиционной материальной культуры удмуртов и бесермян [26]. Таким образом, музей-заповедник можно посетить не только в формате традиционной экскурсии, но и сделать это в формате виртуального путешествия с детьми.

Сайт Научной национальной библиотеки Удмуртской Республики [27]. Сайт крупнейшей в Удмуртии библиотеки интересен педагогам прежде всего благодаря разделу «Ресурсы». Здесь есть понятный для учителя список электронных каталогов и баз данных; единый алгоритм поиска информации по каталогам библиотеки; национальная электронная библиотека (НЭБ УР); онлайн-библиотека с открытым доступом, содержащая оцифрованные фонды библиотек республики; электронные библиотеки сторонних организаций, к которым НБ УР предоставляет доступ своим читателям. Благодаря такой информации у педагога появляется возможность подобрать необходимую литературу при подготовке тем, связанных с этнокультурной составляющей на занятиях по истории, языку и литературе, обществознанию, географии и пр.

Краеведческий портал «Родная Вятка» [28]. Посвящен истории Вятской земли, Вятской губернии, современной Кировской области. Это краеведческий портал о прошлом предков, который будет интересен прежде всего историкам-архивистам, краеведам. Специального раздела для работы педагога с детьми на портале нет. Однако ресурс предоставляет богатый архивный и краеведческий мате-

риал для активизации поисково-исследовательской деятельности обучающихся.

Виртуальный проект «Terra Удмуртия», автором которого является журналист информационного агентства «Удмуртия» Е. Якимова [29]. Это своеобразный авторский видеокурс, подготовленный к 100-летию государственности Удмуртии (2020 г.), просмотрев который можно получить информацию про историю и культуру удмуртов, других народов Удмуртии; про историю населенных пунктов республики.

Удмуртский научно-культурный информационный портал «Удмуртология» [30]. Кроме материалов по изучению удмуртского языка, сайт содержит ряд разделов, интересных педагогам. Например: «Удмуртский национальный интернет» (Концепции, технологии и проблемы развития удмуртского национального сектора интернета); «Каталог удмуртских сайтов» (Сайты на удмуртском языке. Финно-угорский интернет. Ссылки на электронные ресурсы Ижевска и Удмуртии. Языковые сайты); «Геральдика Удмуртии» (Гербы Удмуртии. Флаги Удмуртии. Символы Удмуртии); «Научная библиотека» (Персональные страницы исследователей удмуртского языка, истории и культуры Удмуртии. Интернет-публикации книг и статей по этнокультурному своеобразию территории). Последнее обновление на портале было зафиксировано в январе 2011 г. Впрочем, судя по ответам педагогов, материал сайта активно применяется в образовательных целях, особенно при подготовке исследовательских проектов по краеведению.

Сайт Республиканского центра межнациональной культуры. Ресурс создан на основе средств фонда президентских грантов [31]. Сайт сопровождает работу Центра развития народных промыслов и ремёсел, воссоздания и преумножения культурных традиций малых народностей, компактно проживающих на территории Удмуртской Республики. Особый интерес для педагогов будут представлять следующие разделы сайта: «Народы Удмуртии»; «Видео». В частности, в разделе «Видео» представлены традиционные народные танцы, в разделе «Народы Удмуртии» есть информация о татарском Сабантуе, о кряшенах, марийцах, чувашах. Последние обновления в этих разделах были в 2018 г., но педагоги используют этот ресурс при подготовке детьми рефератов, докладов небольших исследований о народах Удмуртии.

Сайт Центра развития туризма Удмуртской Республики о туризме, культуре и спорте [32]. Ресурс туристической направленности. Интересен он тем, что предлагает образовательные экскурсии по Удмуртии и региону Урало-Поволжья педагогам и их обучающимся. Наиболее известный туристический маршрут, рассматриваемый на сайте, – «Влюбиться в Удмуртию» – поездка в оружейную столицу России, на родину великого композитора Петра Чайковского.

Сайт «Удмуртия 360. Достопримечательности Удмуртии» предлагает интерактивную карту достопримечательностей Удмуртии, включая туристические маршруты, этнографические комплексы, музеи и памятные места в республике [33].

Виртуальный проект «ПроУдмуртию» – карта достопримечательностей, которая станет своеобразным туристическим путеводителем по Удмуртской Республике [34]. Проект рассказывает об истории, красоте природы, достопримечательностях, национальной кухне и, конечно, о самобытных народах, которые проживают в Удмуртии.

Сайт Международного фестиваля национальной кухни «Быг-Быг» [35]. Специальной информации для работы педагога в образовательной организации электронные ресурсы фестиваля не содержат. Основная задача – привлечение внимания к национальному гастрономическому фестивалю. Но материалы сайта можно использовать для проведения внеурочных мероприятий с обучающимися, организовать выезд с детьми на площадку фестиваля, провести виртуальную экскурсию, не выходя из класса.

Сайт «Усадьба Тол Бабая». В селе Шаркан располагается усадьба удмуртского Деда Мороза – Тол Бабая [36]. Его организатором и модератором выступает муниципальное автономное учреждение «Культурно-туристический центр «Усадьба Тол Бабая» для привлечения внимания к конкретному туристическому маршруту.

Сайт экскурсионного центра «Открывая Удмуртию» [37]. Ресурс туристической направленности. Интересен он тем, что предлагает образовательные экскурсии по Удмуртии и региону Урало-Поволжья педагогам и их обучающимся. У туристической организации есть значительный просветительский потенциал, сотрудники центра активно взаимодействуют с образовательными организациями.

Безусловно, у всех сайтов, описанных выше, есть свои тематические страницы в социальных сетях, например, «ВКонтакте». Следует отметить, что сайты и страницы в социальных сетях и мессенджерах – это разные, дополняющие друг друга инструменты информационной поддержки в современном мире. Сайт (портал) – долговременный, формализованный ресурс, а страницы в социальных сетях и мессенджерах, как правило, – временная поддержка информационного контента, своеобразная рекламно-информационная афиша. Очевидно, что для крупных федеральных или международных проектов сайты будут предпочтительнее страниц в социальных сетях. Если регулярно работать с контентом на сайте, расширять его, обновлять старые материалы, то сайт всегда будет приводить заинтересованный контингент из поиска. Кроме этого, со временем сайт «обрастает» ссылками с других электронных ресурсов.

Страницы в социальных сетях, в отличие от специализированных сайтов и порталов, не предпола-

гают выделенных тематических блоков и разделов. Их задача – презентация возможностей заинтересованным пользователям, формирование механизма поиска возможных партнеров. Тем не менее для всех охарактеризованных выше организаций характерно содержание своего сайта и тематической страницы в социальной сети. Это удобно, так как разнообразие информационных инструментов позволяет распространять большой объем актуальных знаний среди целевых групп. На сайте необходимая информация систематизирована, и на неё удобнее ссылаться, например, когда педагог подбирает данные по этнокультурной специфике.

Подводя итог, следует отметить, что информационные ресурсы, которые называют педагоги Удмуртии, включают в себя разнообразные базы данных, связанных с этнокультурными ценностями. Такая информация представлена на порталах органов государственной и региональной власти, ведомственные учреждений (музеев, библиотек, образовательных и научных учреждений), на платформах и ресурсах экспертных сообществ. В качестве инициаторов таких ресурсов выступают учёные, краеведы, политические структуры, журналистский корпус, а также активисты национально-культурных и религиозных организаций.

Просветительские медиа «национального Интернета» на федеральном уровне – ресурсы, работающие на идею формирования общегосударственной федеральной идентичности многонационального народа Российской Федерации. На региональном уровне – это электронные ресурсы, созданные для информирования пользователей, представителей преимущественно одной этнической группы или этноконфессионального сообщества. Проведенный анализ некоторых сайтов и порталов, контент-анализ их содержания позволяют раскрыть суть общения в сообществах, образованных по признакам этнокультурной специфики их участников, и выявить основных потребителей данного контента.

Фиксируемое активное развитие «национального (этнического) Интернета» в Удмуртии позволяет сегодня говорить о том, что он становится важным инструментом просветительской политики в этнокультурном образовании и является механизмом сохранения этнических чувств представителей регионального социума. Благодаря активностям на региональном уровне формируется новая виртуальная площадка для закрепления этнической и региональной идентичности.

Таким образом, создатели порталов, сайтов, администраторы сообществ в социальных сетях становятся сегодня акторами, конструирующими новую этническую реальность, которая по силе своего воздействия может оказываться более эффективной, чем традиционные образовательные и информационные ресурсы.

Однако, несмотря на большое количество положительных аспектов проявления «этнического Интернета», виртуальному пространству и взаимодействию в нем свойствен ряд проблем, требующих особого внимания и учета в педагогической деятельности. Это важно для того, чтобы «необдуманная информатизация образования не стала одним из потенциально возможных "троянских коней", которые инициируют изменения системных свойств современного образовательного пространства» [38, с. 71].

В качестве рекомендаций, призванных усилить образовательные возможности тематических сайтов и порталов, хотелось бы обратить внимание на необходимость проработки и совершенствования инструментально-деятельностного и прикладного компонентов рассматриваемых электронных ресурсов. Многим электронным площадкам на сегодняшний день не хватает методических рекомендаций для успешной самостоятельной деятельности педагога, а также учебных материалов, которые можно было бы использовать при подготовке учителя к занятиям или в исследовательской работе обучающихся. Недостаточен и прикладной компонент информационной наполняемости рассмотренных ресурсов. Как правило, он не включает в себя практическую поддержку педагогической деятельности в области репрезентации этнокультурных ценностей непосредственно в системе школьного образования.

Литература:

1. Корючкина П.С. Этнический образ в пространстве современной медиа-культуры // Культура и цивилизация. 2018. № 4 А. Т. 8. С. 57–63.
2. Поликультурное образование и народная культура как условие формирования глобальных компетенций обучающихся: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. 25 февраля 2021 года, Ижевск. Ижевск: АОУ ДПО УР «Институт образования», 2022. 167 с.
3. Клюсова П.С. Медиарепрезентация образов этнической культуры как способ сохранения идентичности: дисс. … канд. культурологии. Екатеринбург, 2020. 151 с.
4. Зайцева Л.А., Казакова М.Н., Мальченков С.А. Особенности проявления национального самосознания в социальных сетях (на примере «Facebook» и «ВКонтакте») // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 3 (10). С. 79–91.

5. Махмутов З.А. Теоретические подходы к изучению этнической идентичности в онлайн-пространстве // Казанский педагогический журнал. 2020. № 6. С. 292–298.
6. Сайт Российского военно-исторического общества. URL: https://rvio.histrf.ru/?ysclid=m6q6zd3xzb995739801 (дата обращения: 01.04.2025).
7. Страница регионального отделения Российского военно-исторического общества в Удмуртской Республике. Официальный сайт Российского военно-исторического общества. URL: https://rvio.histrf.ru/18?ysclid=m6rdxvekac432230 (дата обращения: 01.04.2025).
8. Сайт Российского исторического общества. URL: https://historyrussia.org/ (дата обращения: 01.04.2025).
9. Страница регионального отделения Российского исторического общества в Удмуртской Республике. URL: https://historyrussia.org/otdeleniya/izhevsk.html?ysclid=m8foauya8s552870671 (дата обращения: 01.04.2025).
10. Всероссийская общественная организация Русского географического общества. URL: https://rgo.ru/about/ (дата обращения: 01.04.2025).
11. Сетевое издание «Государственный Интернет-Канал «Россия». URL: https://vgtrk.ru/tvkultura?ysclid=m6q43bjsge45780824 (дата обращения: 01.04.2025).
12. Сайт «Культура.РФ». URL: https://www.culture.ru/ (дата обращения: 01.04.2025).
13. Раздел «Народные промыслы России» на сайте «Культура.РФ». URL: https://www.culture.ru/s/narodnye-promysly-rossii/?ysclid=luqj9vqnq5641873698 (дата обращения: 01.04.2025).
14. Раздел «Уникальная Россия» на сайте «Культура.РФ». URL: https://www.culture.ru/?ysclid=luqj233oea990802571 (дата обращения: 01.04.2025).
15. Раздел «Нематериальное культурное наследие России» на сайте «Культура.РФ». URL: https://www.culture.ru/traditions/culture-heritage/location-russia (дата обращения: 01.04.2025).
16. Сайт Российского этнографического музея. URL: https://collection.ethnomuseum.ru/?ysclid=luqjb2v25e122194980 (дата обращения: 01.04.2025).
17. Сайт Кунсткамеры. URL: https://www.kunstkamera.ru/ (дата обращения: 01.04.2025).
18. Сайт «Народов много – Родина одна». URL: https://www.народы-россии.рф/ (дата обращения: 01.04.2025).
19. Раздел «Тесты» на сайте «Народов много – Родина одна». URL: https://народы-россии.рф/exams (дата обращения: 01.04.2025).
20. Сайт «Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России». URL: https://rusfolknasledie.ru/#/main (дата обращения: 01.04.2025).
21. Портал «Национальный акцент». URL: https://nazaccent.ru/about/ (дата обращения: 01.04.2025).
22. Сайт Бюджетного учреждения Удмуртской Республики «Дом Дружбы народов». URL: https://udmddn.ru/?ysclid=m6q3rk5naz750299856#/about (дата обращения: 01.04.2025).
23. Раздел «Проекты» на сайте Бюджетного учреждения Удмуртской Республики «Дом Дружбы народов». URL: https://udmddn.ru/?ysclid=m73020hpu8589320298#/project (дата обращения: 01.04.2025).
24. Сайт Национального музея Удмуртской Республики имени Кузебая Герда. URL: https://nmur.ru/?ysclid=m6q9lmt8q4562879956 (дата обращения: 01.04.2025).
25. Сайт архитектурно-этнографического музея-заповедника «Лудорвай». URL: https://ludorvay.ru/?ysclid=m6q6kd1zl6871141016 (дата обращения: 01.04.2025).
26. Раздел «Виртуальные выставки» на сайте архитектурно-этнографического музея-заповедника «Лудорвай». URL: https://ludorvay.ru/vystavka/ (дата обращения: 01.04.2025).
27. Сайт научной национальной библиотеки Удмуртской Республики. URL: https://unatlib.ru/ (дата обращения: 01.04.2025).
28. Краеведческий портал «Родная Вятка». URL: https://rodnaya-vyatka.ru/?ysclid=m6q9pli4c9978249579 (дата обращения 01.04.2025).
29. Проект «Terra Удмуртия». URL: https://udmurt.media/rubrics/obshchestvo/53410-proekt_zhurnalista_ia_udmurtiya_voshel_v_top_10_regionalnoy_premii_serebryanyy_luchnik/ (дата обращения: 01.04.2025).
30. Удмуртский научно-культурный информационный портал «Удмуртология». URL: http://udmurt.info/ (дата обращения: 01.04.2025).
31. Сайт Республиканского центра межнациональной культуры. URL: https://centrudm.nethouse.ru/ (дата обращения: 01.04.2025).
32. Сайт Центра развития туризма Удмуртской Республики. URL: https://visitudmurtia.org/?ysclid=lujleeg0q4166537241 (дата обращения: 01.04.2025).
33. Сайт «Удмуртия 360. Достопримечательности Удмуртии». URL: https://udm360.ru/?ysclid=lujmewvf5f906679283 (дата обращения: 01.04.2025).
34. Проект «ПроУдмуртию». URL: https://proudm.ru/?ysclid=m8fp2etccw770613560 (дата обращения: 01.04.2025).
35. Сайт Международного фестиваля национальной кухни «Быг-Быг». URL: https://bygbyg.tilda.ws/ (дата обращения: 01.04.2025).
36. Сайт «Усадьба Тол Бабая». URL: https://tolbabay.net/o-nas (дата обращения: 01.04.2025).
37. Сайт экскурсионного центра «Открывая Удмуртию». URL: https://открываяудмуртию.рф/?ysclid=m6yofzqr46877470153 (дата обращения: 01.04.2025).
38. Йокубаускайте И.К. Образовательный потенциал сети Интернет и проблемы его использования // Нижегородское образование. 2010. № 2. С. 70–75.

Ethnocultural Values of Peoples in Udmurtia on the Internet: Practices of Application in Educational Activities of Teachers

Kasimov R.N., Pozdeev I.L.
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The active development of digital technologies in modern Russia has led to the fact that the content and filling of the virtual space is becoming part of the information and educational policy. In this regard, the substantive content of electronic resources with ethnocultural specifics, their purpose and functions, the nature of the work of teachers with the materials of the "ethnic Internet" are of considerable research interest.

The purpose of the study is to analyze thematic Internet resources that are basic for the work of teachers of Udmurtia in the process of forming and consolidating ethnocultural values in students.

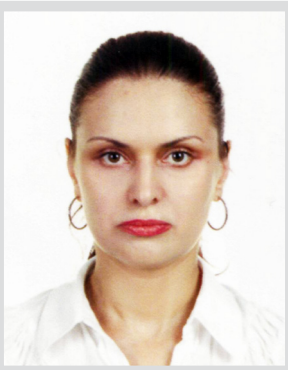
The scientific significance of the work lies in identifying the content and dynamics of the development of an ethnically oriented information environment, determining the mechanisms for representing ethnocultural values in the virtual space. The practical significance of the work is that representatives of state and municipal authorities will be able to use the theoretical developments and conclusions of the authors in their activities when implementing the main provisions of the state national policy, including the formation of a positive national identity. Research developments will help teaching staff to more effectively apply the proposed ethnocultural content in their activities.

As a result of the study, it was revealed that the greatest interest for teachers is in resources that form regional identity, emphasizing the specifics of the history and culture of the peoples of the Udmurt Republic, primarily the Udmurts. However, the fact of the presence of various Internet resources of ethnocultural orientation is offset by the insignificant amount of material necessary for teachers within the educational program and the lack of effective methodological tools for schools.

Keywords: ethnocultural values, ethnic internet, representation of ethnicity, Udmurt Republic, regional identity, ethnic identity, educational activities

УДК 316.74
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-273-277

Оценка современного российского кинематографа: социологический анализ

Ковалева Е.О.
Кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

Вайсбург А.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

Российское кино, формирующееся после распада СССР, столкнулось с необходимостью поиска новых тем, идей, героев и форм. На этом пути были как успешные проекты, так и поражения. В настоящее время отечественный кинематограф испытывает некоторый рост, но преимущественно количественный, а не качественный. Целью проведенного исследования стал анализ мнений жителей города Твери о современном российском кинематографе. Определить достоинства и недостатки российского кинематографа, удовлетворенность аудитории фильмами и сериалами отечественного производства и факторы, влияющие на предпочтения. Данное исследование позволяет выявить предпочтения аудитории и рассмотреть основные проблемы кинематографии в России. Результаты исследования могут способствовать совершенствованию российского кинематографа и улучшению функционирования кинокомпаний.

Ключевые слова: *кинематорграф, кино, сериалы, социология кино*

Для цитирования: *Ковалева Е.О., Вайсбург А.В. Оценка современного российского кинематографа: социологический анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 273–277. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-273-277.*

После распада СССР российская киноиндустрия оказалась в сложной ситуации: потеряли свою актуальность темы, герои и художественные приемы советского кино, возникла необходимость поиска новых, созвучных времени. В настоящее время, несмотря на некоторый рост, отечественный кинематограф испытывает целый ряд трудностей. Рассмотрим наиболее острые среди них.

Большинство отечественных специалистов считают главной проблемой отечественного кино отсутствие хороших идей и неталантливое их воплощение в сценариях с банальной сюжетной линией и карикатурными персонажами [1–4]. Советский кинематограф снимал про простого трудящегося человека, новое время потребовало иных героев, российское кино включилось в поиск. Сначала ими были бандиты из 90-х гг. («Бригада», «Бумер»), затем – топ-менеджеры («Духless») и чиновники-коррупционеры («Домашний арест», «Год культуры»), но и они утратили актуальность. Поиск героя продолжается, он осложнен тем, что российские кинематографисты недостаточно хорошо понима-

ют отечественного зрителя, в результате снимают, ориентируясь на собственные вкусы (про себя и для себя).

Еще одна особенность российского кино связана с желанием заработать, превалирующим над творческой мотивацией. В такой ситуации кинодеятели выбирают темы, одобряемые «сверху», на которые выделяются значительные государственные средства. То же желание заработать приводит к тому, что некоторые фильмы превращаются практически в рекламные ролики. Результаты подобной работы зритель не принимает, чувствуя фальшь.

Типичная для отечественного кино проблема – малый по сравнению с Голливудом бюджет, отсюда нашим фильмам трудно конкурировать не только с ним, но и с продукцией активно развивающихся киноиндустрий Индии, Китая, Турции, Южной Кореи.

Остро стоит перед российским кинематографом трудность вторичности производимого продукта. Отечественные режиссеры увлеклись копированием успешных зарубежных образцов, а также попытками снять ремейки советских картин. Копия чаще всего хуже оригинала, что и почувствовал зритель.

Особенностью, характеризующей сегодняшнюю ситуацию в киноиндустрии, является отбор режиссеров и актеров, который осуществляется по принципу непотизма. Как следствие, одни и те же не очень талантливые режиссеры и актеры производят средний по качеству продукт, тогда как настоящим талантам тяжело пробиться.

Результат указанных тенденций – большая часть кинопродукции носит развлекательный характер, отличается невысоким качеством, вследствие чего не находит отклика у зрителя.

Однако наряду с проблемами в российском кинопроизводстве наметились и положительные тренды. Отечественные кинематографисты взялись за создание собственных кинофраншиз супергероев, которые чрезвычайно популярны у молодежной аудитории. Об этом сообщает глава «Союзмультфильма» и киностудии им. Горького Юлиана Слащева. Совместно с писателями С. Лукьяненко и С. Волковым разрабатывается франшиза, основанная на произведениях известных советских фантастов: Александра Беляева, Алексея Толстого, уральского сказочника Павла Бажова. Планируется выпустить шесть полноценных фильмов и сериал, кроме того, для привлечения детской и подростковой аудитории к каждому фильму предполагается создать компьютерную игру. Запущена франшиза по книгам А. Волкова, первый шаг уже сделан – выпущен фильм «Волшебник изумрудного города» [5].

Как отмечает С. Жуков, у отечественного зрителя запрос на «трушность», на честность, правдивость и искренность. Популярностью пользуется картины, отсылающие зрителей к более справедливо устроенной жизни, что особенно остро воспринимается подростками, так певец и продюсер объясняет успех фильма «Слово пацана» и ему подобных [6].

Еще один современный тренд – сказка вытесняет блокбастеры. Зрителя в ней привлекает искренность, мораль и счастливый конец.

Поиск героя нового времени заставил кинематографистов обратиться к русской классической литературе, которая полна героических, захватывающих, филигранно изложенных событий и характеров героев. Успех отечественных экранизаций классики («Онегин», «Мастер и Маргарита») задает новый тренд – классика привлекает молодую аудиторию.

Указанные тенденции показывают, что современного человека, погрязшего в цифровом потреблении, по-прежнему привлекает искреннее, живое повествование, где есть место подвигу, предательству, помощи и прощению.

Однако в настоящее время достаточно мало работ посвящено эмпирическому анализу российского кинематографа. Для этого были исследованы мнения жителей города Твери о российском кинематографе (в январе 2025 г., с использованием метода интервью, $n = 41$ интервью). В роли информантов выступили 5 мужчин и 5 женщин в возрасте от 18 до 29 лет, 9 мужчин и 8 женщин в возрасте от 30 до 54 лет, 5 мужчин и 9 женщин в возрасте от 55 лет. Исследование проводилось при содействии бакалавров направления «Социология» 4 курса Е. Кучеренко, Е. Блохиной, В. Вакиной, К. Морозовой, А. Соловьевой, Е. Сорокиной, Э. Янгулы.

Подавляющее большинство опрошенных (40 чел.) проявляют интерес к советскому кинематографу («Эти фильмы интересные, жизненные, смотрятся с положительными эмоциями», «Советский кинематограф – фильмы на все времена», «…для всех поколений»). Часть информантов характеризуют его как положительный (12 чел.) – это мужчины и женщины среднего возраста, имеющие средний материальной достаток. Как душевный (7 чел.) советский кинематограф был охарактеризован среди семейных женщин. 4 информанта, двое мужчин и две женщины среднего возраста, определили советский кинематограф как разнообразный. И только один участник интервью (мужчина 18–29 лет) охарактеризовал советский кинематограф как негативный, считая его крайне идеологическим. 15 интервьюируемых всех возрастных категорий выделяют жизненные темы любви, дружбы, верности, долга, добра, которые затрагивает советский кинематограф. 5 чел. характеризуют советское кино как патриотическое, подчёркивающее важные социальные и политические темы своего времени. Это свидетельствует о важности транслирования посредством отечественной киноиндустрии традиционных ценностей, нравственных и моральных понятий, гражданских и общечеловеческих принципов. Высокий уровень художественного исполнения, силь-

ную актёрскую игру, отличную работу операторов и глубинные сюжеты отметили 9 мужчин и женщин всех возрастных категорий («люди были живыми», «фильмы отражали реальную жизнь», «своя школа мирового кино», «актеры были талантливые»).

12 чел. (молодого и среднего возраста) выразили свое положительное отношение к современному российскому кинематографу. Тогда как представители старшего поколения мало смотрят современное российское кино. У 14 интервьюируемых современный российский кинематограф вызывает разочарование из-за однообразных и предсказуемых сюжетов (8 чел.), это информанты в возрасте 30–54 лет и старше 55 лет. Отсутствие хороших актёров (6 чел.) отмечают участники интервью в возрасте 18–29 лет и 30–54 лет. О том, что российский кинематограф им не нравится, сказали 9 информантов. Вовсе не смотрят российское кино 2 женщины. Информанты считают, что нет достойных, интересных картин, а также данный кинематограф не впечатляет и деградирует («Произведения кажутся слишком сложными и непонятными», «Из сериала в сериал все одно и то же», «После просмотра трех-четырех серий становится ясно, что будет дальше, и желание продолжать смотреть пропадает»). Только 2 женщины (30–54 лет) считают, что современное российское кино развивается и восстанавливается.

Наибольшей популярностью среди жителей Твери пользуются такие жанры, как комедия (13 чел.) и мелодрама (12 чел.). Люди ищут возможность расслабиться и отвлечься от повседневных забот. Мужчины предпочитают боевики, а женщины – мелодрамы. Детективы считают популярными 9 женщин всех возрастов. Наиболее популярные жанры сериалов – мелодрамы (16 чел.), комедии (14 чел.), детективы (8 чел.), криминальные сериалы (4 чел.), («…наибольшую популярность имеют комедии и мелодрамы. Люди ищут возможность расслабиться и отвлечься от повседневных забот, а эти жанры предлагают легкость и позитивные эмоции»).

10 чел. сказали, что в российском кинематографе представлены в настоящее время всевозможные жанры. Также информанты называли чаще других такие жанры кинематографа, как комедии (19 информантов), детективы (13 информантов), военное и историческое кино (14 информантов). Комедии больше предпочитают женщины среднего (5 информантов) и старшего (4 информанта) возраста, а также молодые мужчины (3 информанта). Жанр детектива больше выбирают мужчины молодого (3 информанта) и среднего возраста (3 информанта). Военное и историческое кино нравится информантам старшего возраста (7 чел.).

Среди жанров, которые не представлены в российском кино, были названы: ужасы и хорроры (8 чел.), фантастика и фэнтези (6 человек), истории о супервселенных (2 чел.). Также отмечен недостаток исторических и документальных фильмов (10 чел.), комедий (4 чел.) и «простых легких» произведений, транслирующих традиционные ценности для молодежи (4 чел.), а также детективов (3 чел.) и боевиков (3 чел.). По мнению информанта, «это привлекло бы молодежную аудиторию и расширило горизонты отечественного кинематографа».

О достоинствах фильмов отечественного производства были названы: доброта (6 человек), искренность (4 чел.), ценности, которые близки, и которые важно передавать из поколения в поколение (4 чел.), историчность (3 чел.), ориентированность на культурную традицию (3 чел.). 8 чел. не смогли назвать явных достоинств фильмов отечественного производства. Мужчина в возрасте от 30 до 54 лет смог в шуточной форме сравнить отечественные фильмы с отечественным автопромом: «Это как спрашивать про достоинства российских автомобилей», подметив до этого, что в кино отсутствует конкуренция.

Почти половина информантов (18 чел.) отметила важными недостатками отечественного кино сюжет и сценарий («современные сериалы смотришь и думать не обязательно», «дефицит хороших сценаристов»). Больше одной трети информантов (16 чел.) отметила актерскую игру («мало актёров высокого класса»). Также распространенным недостатком, по мнению интервьюированных, является: копирование, подражание и видоизменение сюжета иностранных фильмов (6 чел.). Информанты высказались и о недостаточном финансировании, низком качестве спецэффектов, технической составляющей и юморе («освоить выделенные средства получается плохо, мягко говоря, нужно, чтобы в фильм реально вот вкладывали душу, как в советских фильмах было», «декорации, антураж такие, дешёвые»).

Большая часть информантов (30 чел.) положительно оценивает русский кинематограф, что свидетельствует о наличии позитивных тенденций и интереса к отечественному кино как у мужчин, так и у женщин. Люди пожилого возраста более критичны к фильмам, так как часто сравнивают современные фильмы с советскими, где был всегда очень хороший актерский состав, прекрасная игра и довольно жесткая цензура. 7 информантов негативно оценивают русский кинематограф. Негативные оценки поставили исключительно мужчины в возрасте от 20 до 36 лет. 4 информантов оценили русский кинематограф нейтрально.

5 информантов отмечают, что турецкие сериалы и дорамы имеют высокую визуальную привлекательность, в большинстве своем это женщины среднего возраста («думать не надо, эмоции через край, всё красивое, яркое», «людям хочется эмоций, посмотреть на любовь, на чувства...»). четверо участников интервью выделяют «моду» как один из факторов популярности турецких сериалов и дорам («сейчас модно подражать турецкой моде, японской, корей-

ской»). Стоит отметить, что так говорят информанты молодого и среднего возраста.

Большинство информантов (34 чел.) ответили, что смотрят отечественные сериалы и фильмы ежедневно, часто используя как фон. Это свидетельствует о том, что отечественное кино выполняет функцию не только развлекательного контента, но и создает атмосферу в повседневной жизни. Все участники интервью смотрят их по телевидению, а новинки – в кинотеатрах. Некоторые также используют мобильные устройства и бесплатные источники.

Среди фильмов отечественного производства, которые понравились информантам больше всего за последние несколько лет, было названо достаточно много фильмов. Наиболее часто упоминаемыми стали: «100 лет тому вперед», «Движение вверх», «Евгений Онегин», «Лёд», «Огонь», «Серебряные коньки», «Майор Гром», «Лето», «Матильда», «Викинг», «Последний богатырь», «Холоп», «Надо мною солнце не садится», «Бременские музыканты».

Среди качество популярных сериалов отечественного производства, которые понравились людям было названо большое разнообразие. Информанты женского пола отметили: «Мажор», «Слово пацана», «Закрытая школа», «Папины дочки», «Метод», «Топи», «Шерлок Холмс», «Выйти замуж любой ценой», «Триггер», «Эпидемия», «Пищеблок», «След», «Склифосовский» и другие. Информанты мужчины назвали следующие сериалы: «Мажор», «Дальнобойщики», «Два холма», «Чикатило», «Солдаты», «Бригада», «Полицейский с рублевки», «Девушки с Макаровым», «Эпидемия», «Скорая помощь», «Условный мент» и другие. 2 женщины, которые не смотрят отечественное кино, пересматривают старое советское кино, «…потому что уж очень дороги сердцу».

Среди факторов, влияющих на выбор для просмотра отечественных фильмов и сериалов, ключевым является актерский состав (15 чел.). Для мужчин также важными факторами являются: сюжет (4 чел.), жанр (4 чел.), реалистичность (4 чел.), рекомендации и отзывы друзей (3 чел.), рейтинг (2 чел.), трейлер (2 чел.). Для женщин: рекомендации и отзывы друзей (5 человек), реклама (4 чел.), высокий рейтинг (3 чел.), трейлер (2 человека), режиссёр (2 чел.), жанр (2 чел.), сюжет (2 чел.). «Добрый семейный фильм», «Сериал основан на реальных событиях, сюжет интересный», «Простота, чтобы не пришлось много думать. Я предпочитаю комедии, чтобы можно было посмеяться и расслабиться».

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что большинство участников интервью проявляют интерес к советскому кинематографу, который вызывает у них положительные эмоции. Из-за предпочтения к иностранным фильмам молодежь и люди среднего возраста практически, а то и вовсе не смотрят современный российский кинематограф. Наиболее предпочитаемыми жанрами среди отечественных сериалов и фильмов информанты считают мелодрамы и комедии. Большинство участников интервью считает, что в российском кинематографе представлены различные жанры, а слабо представлены жанры фантастики и фэнтези, истории о супервселенных. Не хватает в российском кинематографе ужасов и хорроров, документальных фильмов и боевиков. Основными достоинствами фильмов отечественного производства, по мнению информантов, можно считать их доброту, искренность, ценности, которые надо передавать из поколения в поколение, историчность и ориентированность на культурную традицию, а основными недостатками – слабый сюжет и сценарий, плохую актерскую игру, копирование, подражание и видоизменение под сюжет иностранных фильмов, недостаточное финансирование, низкое качество спецэффектов, технической составляющей и юмора. Большинство информантов удовлетворены российским кинематографом. Главные проблемы заключаются в недостатке оригинальности, качестве сценариев и актерского исполнения, а также в существующем однообразии в жанрах. Отечественные фильмы и сериалы активно смотрят большинство информантов, чаше всего по телевизору. Ключевым фактором, влияющим на выбор сериала или фильма, является актерский состав.

На основе проведенного интервью можно рекомендовать отечественным кинопроизводителям привлекать профессиональных сценаристов и режиссеров, создавать фильмы с оригинальными сюжетами, несущие в себе гуманистические ценности. С целью сохранения культурного наследия снимать качественные исторические и документальные фильмы, экранизировать классические произведения. Создавать обучающие и развивающие фильмы для детей. Все это поможет расширить аудиторию российского кино и получить большие кассовые сборы.

Литература:

1. Глотова А.О. Современное российское кино: экспертная характеристика // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 4 (137). С. 111–118.
2. Жабский М.И., Тарасов К.А. Российская социология кино в контексте развития общества // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 73–81.

3. Кузнецов Д.В. Современное российское кино: 25 лет развития, состояние и перспективы // Современная русская культура. Сб. материалов Недели современной русской культуры. 2017. С. 27–48.
4. Познин В.Ф. Становление российского жанрового кино в начале XXI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2023. Т. 13. № 3. С. 535–556.
5. Слащева Ю. Мы готовим наш ответ Marvel. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2024/12/23/675aca2e9a794783d16a3740 (дата обращения: 06.04.2025).
6. Жуков С. У молодежи есть запрос на «трушность». URL: https://www.rbc.ru/life/news/6703d1669a7947045ab47bc6 (дата обращения: 06.04.2025).
7. Жабский М.И. Социология кино. Н. Новгород: Канон-плюс. 2020. 512 с.
8. Луппова А.В. Влияние санкций на российский рынок кинопроката // Молодой ученый. 2023. № 21 (468). С. 168–170.
9. 10 современных киносказок для всей семьи // Портал Культура. РФ. URL: https://www.culture.ru/materials/258329/10-sovremennykh-kinoskazok-dlya-vsei-semi / (дата обращения: 06.04.2025).
10. Родькин П.Е. Кинополитики. 13 опытов по герменевтике современного кинематографа. М.: Совпадение. 2018. 284 с.

Assessment of Modern Russian Cinema: a Sociological Analysis

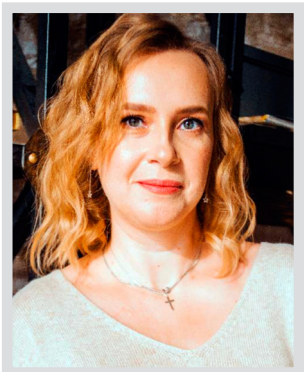
Kovaleva E.O., Vaisburg A.V.
Tver State Technical University

Russian cinema, which was formed after the collapse of the USSR, faced the need to find new themes, ideas, characters and forms. There have been both successful projects and failures along the way. Currently, the domestic cinema is experiencing some growth, but mainly quantitative rather than qualitative. The purpose of the study was to analyze opinions about modern Russian cinema. Objectives: to explore the interest in Soviet cinema; to identify the proportion of informants who prefer Russian cinema; to describe the most popular and underrepresented genres of Russian films and TV series; to study the most memorable films and TV series. To identify the advantages and disadvantages of Russian cinema; audience satisfaction with films and TV series of domestic production and factors influencing preferences. This study allows us to identify audience preferences and consider the main problems of cinematography in Russia. The results of the study can contribute to the improvement of Russian cinema and improve the functioning of film companies.

Keywords: cinematography, cinema, TV series, sociology of cinema

УДК 316.334.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-278-282

Категория добровольного страхования в социологическом дискурсе*

Круглова Е.Л.
Кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник, доцент кафедры социологии
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Сфера страхования признается бурно растущей и развивающейся в России в последние годы: по сравнению с 2023 г., в 2024 г. страховой рынок продемонстрировал двукратный рост. Успехи в сфере страхования в целом и наиболее сложной для развития его формы – добровольного страхования – в частности свидетельствуют о повышении активности экономического поведения населения, что формирует цель данного исследования: изучить социальную составляющую категории добровольного страхования посредством ее отражения в социологическом дискурсе. В работе приведен обзор как теоретических подходов к изучению страхования с позиции социологии, так и прикладных социологических исследований, посвященных добровольному страхованию. Основной вывод исследования заключается в формировании противоречия: с одной стороны, наблюдается рост эффективности функционирования отрасли добровольного страхования, что освещается с экономической точки зрения, с другой – социальная сущность этого процесса, несмотря на научное доказательство ее роли, остается слабо изученной и неактивно транслируется в социологическом поле.

***Ключевые слова**: страхование, добровольное страхование, экономическое поведение, страховое поведение, социальная сфера*

***Для цитирования:** Круглова Е.Л. Категория добровольного страхования в социологическом дискурсе // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 278–282. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-278-282.*

В современном Экономическом словаре страхование определяется как «использование контрактов для снижения и перераспределения риска (*risk*). В договоре страхования страховщик получает фиксированный платеж, или премию, от застрахованного лица и в ответ берет на себя обязательство осуществить платежи, если произойдут определенные события» [1]. Далее приводится подробное пояснение обстоятельств разных вариантов страховых случаев. Однако даже с экономической точки зрения в первую очередь при описании страхования на себя обращает внимание социальная сторона данного процесса: взаимоотношения двух сторон – страхователя и застрахованного, иными словами, рассматривать страхование в отрыве от социальной сферы не представляется возможным.

В данной научной работе *объектом* исследования выступает добровольное страхование как социологическая категория. *Целью* является анализ и уточнение места добровольного страхования в социологическом дискурсе.

Страхование как вид экономического поведения начало выделяться социологами в конце XX в. вместе с появлением социологии страхования как частной социологической теории [2]. Страховой рынок в данном подходе представляется как комплекс социальных контактов и отношений между индивидами, предлагающими и получающими страховые ус-

* ***Финансирование***: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств, по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ в 2025 г.

луги, при этом упор делается также на сам процесс предоставления указанного вида услуг.

Важность института страхования в социологическом понимании обоснована тем, что он дает определенные гарантии и обеспечивает безопасность всему социуму и отдельным социальным группам. Это касается многих отраслей, например, здравоохранения, трудовой деятельности или пенсионного обеспечения [3–5].

Рынок страхования представляет собой достаточно динамичную систему, которая постоянно подвергается изменениям. На эту систему оказывают влияние как экономические законы и принципы, к которым традиционно можно отнести разделение труда или соперничество за владение ресурсами, так и социологические постулаты [6–8]. Прежде чем обратиться к самому объекту исследования – добровольному страхованию, необходимо разобрать более общее понятие страхования, что видится нам правильным сделать посредством социологических законов, среди которых мы выделили наиболее значимые для сферы страхования.

Закон развития: подразумевает, что общество не может находиться в статическом положении и нуждается в изменениях, происходящим на разных уровнях социума, обусловленных разными целями и задачами. В случае с системой страхования закон развития подтверждает необходимость постоянных преобразований как для участников страхового рынка, так и для самой системы, которая должна под них подстраиваться.

Закон структуры: с его помощью возможен анализ участников страховой системы. Представляется возможность выявления социально-экономического портрета реального и потенциального пользователя страховых услуг, что является очень важным пунктом в процессе изучения участников страхового рынка. Этот процесс становится катализатором для выявления социальных ожиданий, установок и намерений населения касаемо рынка страхования или его отдельных инструментов.

Закон социального целого: отвечает за то, что многие изменения, которые происходят в смежных со страхованием сферах, будут оказывать влияние на дальнейшее развитие страховой отрасли. Примером может стать динамика уровня безработицы: при его повышении понижается общее благосостояние населения, что может негативно отразиться на интересе к заключению договоров страхования. Во-вторых, безработица как явление может непосредственно оказать влияние на работников страховых компаний, т.е. иметь внутренний эффект [9].

Закон социальной нормы: представляет интерес для социолога с точки зрения понимания страхования (особенно, если речь идет о добровольном его виде) как нормы экономического поведения.

Безусловно, остальные социальные законы также находят свое выражение при погружении в изучение сферы страхования, однако, на наш взгляд, их проявления более очевидны (например, закон социального взаимодействия или стратификации).

В социологическом видении страховое поведение является частью социального поведения, отражающей деятельность страховых организаций, направленную на потребителей страховых услуг, при этом отражающей и реакции потребителей страхового рынка. Следовательно, при рассмотрении страхового поведения можно выделить четыре уровня, которые присущи любому поведению, которое можно отнести к понятию социального.

Первый уровень включает в себя реакции, следующие вслед за происходящими в системе страхования трансформациями. Эти реакции могут быть как мгновенными, так и отложенными.

На втором уровне происходит процесс приспособления участников рынка страховых услуг к произошедшим изменениям. Так, страховые компании стараются сохранить свои позиции и не отдавать своих клиентов конкурентам.

Третий уровень страхового поведения – целенаправленные последовательные действия страховых компаний и страхователей на рынке страховых услуг по достижению поставленных целей.

На четвертом уровне происходит процесс закрепления намеченных целей и подготовка к возможным сдвигам в существующей системе.

Для социологического подхода характерно повышенное внимание к двум последним уровням, поскольку именно на них появляется возможность изучить будущие сценарии развития страхового рынка и предполагаемые действия его участников.

Таким образом, мы подтвердили социальную сущность страхования, однако само по себе оно также неоднородно и разные его виды требуют особого подхода в изучении. Базовый вариант классификации страхования – это его деление на обязательное и добровольное (рис. 1). Добровольное страхование, в свою очередь, имеет три основных вида: личное (страхование жизни и здоровья, ДМС, пенсионное страхование и др.), имущественное и страхование ответственности.

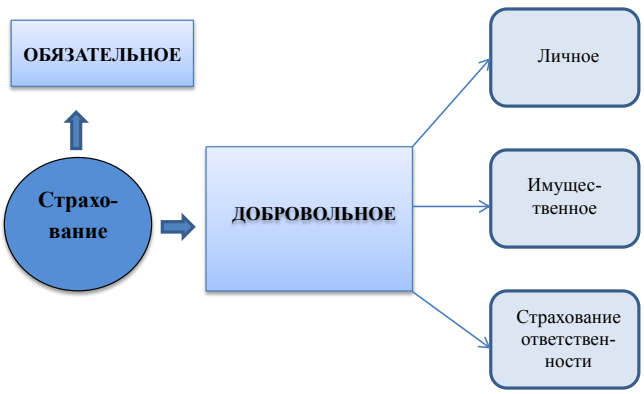

Рис. 1. Добровольное страхование в общей системе страхования

Числовые показатели рынка добровольного страхования по данным на 4 квартал 2024 г. говорят о позитивном росте: объем страховых премий по сравнению с 2023 г. увеличился почти на две трети. Лидерами отрасли является страхование жизни (инвестиционное – ИСЖ и накопительное – НСЖ), далее следует ДМС (добровольное медицинское страхование), автострахование и корпоративное страхование. Чистая прибыль страхового рынка по итогам 2024 г. увеличилась почти в 1,5 раза, что привело к возвращению рентабельности на докризисный уровень 2019 г. [10].

Также был проведен количественный контент-анализ публикаций на портале *elibrary.ru*. За последние 5 лет (2020 – начало 2025 гг.) опубликовано 618 статей, освещающих данную тему[1]. Из них 591 – в экономической или юридической тематике, 177 – социологической, 73 – политической (как видно из приведенных цифр, ряд статей имеет смежную область исследования). При этом в названии «добровольное страхование» вынесено в качестве объекта изучения только в 144 опубликованных работах, из которых в рамках социологической тематики остаются 37 публикаций.

И третий важный пункт при анализе категории добровольного страхования в социологическом дискурсе – это эмпирические исследования, посвященные данной теме. Картина представляется аналогичной теоретическим изысканиям: объект большинства исследований – это обязательное, а не добровольное страхование. Из видов добровольного страхования самым популярным для изучения является ДМС [11]. Исследований же, посвященных в целом категории добровольного страхования крайне мало:

1) В 2019 г. агентство «Рекадро» провело исследование об отношении россиян к страхованию [12].

Организация опросила 511 россиян на предмет их отношения к страхованию в России.

Были получены следующие данные:

1. В первую очередь главной причиной страхования россияне называют требования со стороны законодательства или работодателя. И лишь во вторую очередь респонденты отмечают грамотность страхования как подхода для снижения рисков. Также некоторые россияне отмечают, что у них нет запаса финансов на непредвиденный случай.

2. Почти половина опрошенных никогда не приобретали полис добровольного страхования, а 37 % когда-то приобретали страховой продукт, но больше этого не делают. И лишь 14 % пользуются услугами данной сферы и по сей день.

3. Существуют гендерные различия: мужчины реже пользуются страховыми услугами, чем это делают женщины (рис. 2).

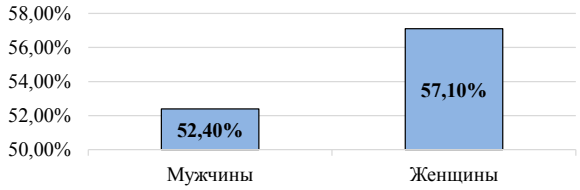

Рис. 2. Гендерное распределение по использованию страховых услуг [12]

4. Также была выявлена закономерность: по мере роста карьеры растёт и спрос на добровольные виды страхования. Так, студенты и выпускники совершенно не имеют опыта пользования страховыми услугами, в то время как все менеджеры высшего звена, которые приняли участие в исследовании, хоть раз приобретали страховой продукт (рис. 3).

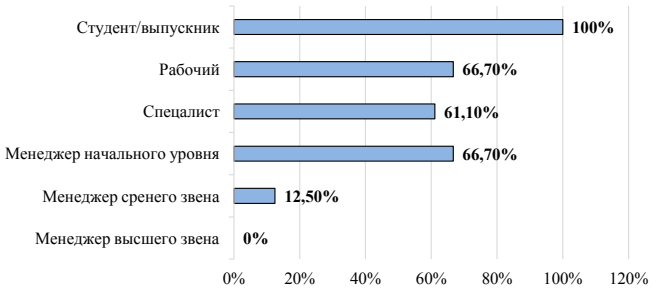

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос об отсутствии опыта приобретения продуктов добровольного страхования в разрезе категории должности [12]

5. Оценивая в целом отношение россиян к страхованию, можно заметить, оно, скорее, позитивно. Однако значительная часть респондентов – 27,5 % – не смогла определиться и затруднилась ответить на этот вопрос.

2) В 2020 г. Исследовательский центр НАФИ провел широкомасштабное исследование по вопросам добровольного страхования [13]. Основные выводы следующие:

1. Социально-демографический портрет потребителей услуги добровольного страхования: работающие люди среднего и выше возраста и достатка, жители мегаполисов, состоящие в браке, имеющие детей.

2. Наиболее популярный вид добровольного страхований – ДМС (что еще раз подтверждает сказанное нами выше), на втором месте – страхование жизни (20 и 10 % респондентов соответственно воспользовались данными видами страхования).

3. Исследователи отмечали рост интереса населения к данной категории страхования, отчасти объясняя его периодом пандемии *Covid*-19, когда людям хотелось иметь дополнительную уверенность в получении медицинской помощи (относительно

[1] Для анализа взяты данные с сайта *elibrary.ru.* Отбор произведен по ключевому слову «добровольное страхование», встречающееся в названиях, аннотациях и ключевых словах опубликованных статей, книг и диссертаций за период с 2020 г. до начала 2025 г.

ДМС) и возможность покрыть некоторые риски, связанные с жизнью и здоровьем.

3) Исследование центра РОМИР 2021 г. имело основной целью изучение отношения россиян к страхованию жизни, однако затронуло и некоторые общие вопросы, поэтому считаем, что его необходимо упомянуть в нашей работе [14]. По мнению россиян, страхование жизни находится на втором месте по уровню доверия после банков среди финансовых институтов. Фактор доверия достаточно подробно раскрывается в исследовании, указывая на добровольное страхование как эффективный инструмент для снижения рисков и повышения уровня доверия как в финансовой системе в целом, так и в сегменте страхования в частности.

4) В 2021 г. ВЦИОМ провел исследование, посвященное страховым компаниям, в котором затрагивались вопросы добровольного страхования [15]. Наибольший интерес представляют результаты ответа на вопрос «Если говорить о добровольном (необязательном) страховании, почему Вы пользуетесь или планируете пользоваться им?». В топ-3 популярных причин использования добровольного страхования вошли: желание чувствовать себя и своих близких более защищенными (13 %), понимание важности и необходимости страхования (9 %) и принудительный характер: по требованию работодателя или в качестве условия при покупке товара (по 6 %). Более половины респондентов (56 %) не отвечали на данный вопрос, что позволяет сделать вывод о том, что участие в программах добровольного страхования не входит в их планы.

В последние три года масштабных исследований, посвященных отдельно сегменту добровольного страхования, не проводилось, он выступал частью более крупных социологических исследований. К примеру, в 2024 г. Сберстрахование и Сберстрахование жизни изучили рынок страхования, придя к оптимистичным выводам [16]. По их данным, доля россиян, которым свойственно страховое поведение, увеличилось на 18 % за прошедший год, достигнув 63 % от общего количества населения России. Вывод, который цитируют по итогу исследования: «В России быстро развивается рынок страхования» [16], причем речь идет как об обязательном, так и добровольном страховании.

Исходя из представленного выше анализа, можно сделать следующие выводы:

1) сфера страхования вызывает интерес как у практиков, так и у научного сообщества. Большинство исследований и публикаций носят экономический характер и освещают финансово-экономическую сторону страхования;

2) социальная сущность страхования отражена в определении и не может быть исключена из исследовательского поля. Социологический ракурс позволяет представить качественные и количественные характеристики страхования как вида экономической деятельности с упором на ее социальную сторону;

3) большинство социологических исследований охватывают тему страхования в общем, не делая упор на отдельных его видах, например, на добровольном страховании. В то время как развитие добровольного страхования свидетельствует о росте экономической активности и финансовой культуры населения, стабилизации внутренней экономики и росте доверия к институтам власти, что отражает необходимость привлечения внимания к вопросам добровольного страхования и более тщательному изучению отдельных его аспектов.

Литература:

1. Блэк Дж. Экономика: толковый словарь: англо-русский. М.: ИНФРА-М: Весь Мир, 2000. 829 с.
2. Закиров Ф.Р. Страхование как объект и предмет социологического исследования // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2009. № 5-2. С. 43–47.
3. Силласте Г.Г. Социология страхования // Безопасность Евразии. 2003. № 1 (11). С. 279–334.
4. Zhang Y., Zhao G., Gu H. Investing in health capital: Does medical insurance matter? Research in International Business and Finance. 2022. Vol. 61. https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2022.101661.
5. Jing J., Tran Ch. Social health insurance: A quantitative exploration. Journal of Economic Dynamics and Control. 2022. Vol. 139. https://doi.org/10.1016/j.jedc.2022.104374.
6. Boyle Ph. and others. Annuity and insurance choice under habit formation. Insurance: Mathematics and Economics. 2022. Vol. 105. P. 211–237. https://doi.org/10.1016/j.insmatheco.2022.04.003.
7. Lee H., Lee M., Hong J. Optimal insurance under moral hazard in loss reduction. The North American Journal of Economics and Finance. 2022. Vol. 60. https://doi.org/10.1016/j.najef.2021.101627.

8. Hemrit W., Nakhli M.S. Insurance and geopolitical risk: Fresh empirical evidence. The Quarterly Review of Economics and Finance. 2021. Vol. 82. P. 320–334. https://doi.org/10.1016/j.qref.2021.10.001.
9. Андрущенко А.Л., Бубнов А.Л., Коршунова Ю.А. Обязательное страхование в России: история вопроса // Международный журнал социогуманитарных исследований. 2022. № 2 (6). С. 48–55.
10. Информационно-аналитические материалы «Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков, 2024 г.». URL https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55214/review_insure_24Q4.pdf.
11. Проклова Т.Н., Миляков В.П., Бульхина Г.Р. О добровольном медицинском страховании (социологическое исследование) // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2012. № 2. С. 24.
12. Отношение россиян к страхованию. URL: https://marketing.rbc.ru/research/42817/ (дата обращения: 11.03.2025).
13. Добровольное страхование востребовано у 34 % россиян. URL: https://nafi.ru/analytics/dobrovolnoe-strakhovanie-vostrebovano-u-34-rossiyan/ (дата обращения: 14.03.2025).
14. Отношение россиян к страхованию жизни. URL: https://ins-union.ru/press-centre/press-releases/issledovanie-kazhdyy-pyatyy-rossiyanin-planiruet-oformit-polis-strakhovaniya-zhizni/ (дата обращения 09.03.2025).
15. Лучшая страхования компания – 2021. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/luchshaja-strakhovaja-kompanija-2021?ysclid=m8o67kojl6680759665 (дата обращения 01.03.2025).
16. Стало известно, сколько россиян покупают страховку. URL: https://www.banki.ru/news/lenta/?id=11007282 (дата обращения 14.03.2025).

The Category of Voluntary Insurance in Sociological Discourse

Kruglova E.L.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The insurance sector is recognized as rapidly growing and developing in Russia in recent years: compared to 2023, in 2024 the insurance market demonstrated a twofold growth. Successes in the insurance sector in general, and the most difficult to develop form of it – voluntary insurance – in particular, indicate an increase in the activity of the economic behavior of the population, which forms the goal of this study: to study the social component of the voluntary insurance category through its reflection in sociological discourse. The paper provides an overview of both theoretical approaches to the study of insurance from the standpoint of sociology and applied sociological research devoted to voluntary insurance. The main conclusion of the study is the formation of a contradiction: on the one hand, there is an increase in the efficiency of the voluntary insurance industry, which is covered from an economic point of view, on the other hand, the social essence of this process, despite the scientific evidence of its role, remains poorly studied and is not actively broadcast in the sociological field.

Key words: insurance, voluntary insurance, economic behavior, insurance behavior, social sphere

УДК 316.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-283-287

Проблемы социально-трудовой адаптации и трудоустройства в оценках выпускников татарстанских школ и школ-интернатов для детей с ОВЗ

Лаукарт-Горбачева О.В.
Кандидат социологических наук,
заведующая кафедрой общественных наук
Рыбинского государственного авиационного технического
университета имени П.А. Соловьёва

Осиповская М.П.
Кандидат педагогических наук, доцент отделения общей и
коррекционной педагогики и психологии
Приволжского межрегионального центра повышения квалификации и
профессиональной переподготовки работников образования
Казанского (Приволжского) федерального университета

Растущая численность обучающихся и выпускников с особыми образовательными потребностями в российской системе образования обуславливает необходимость изучения вопросов их дальнейшей профессиональной интеграции в общество. Целью авторского исследования является выявление ключевых проблем и особенностей процесса социально-трудовой адаптации выпускников образовательных учреждений для детей с ограниченными возможностями здоровья на территории Республики Татарстан. Исследовательские задачи включают анализ готовности выпускников к профессиональной деятельности, определение их образовательных планов и профессиональных предпочтений, а также выявление основных факторов и способов поиска трудоустройства данной категорией молодежи. На основе проведенного исследования установлено, что большинство выпускников татарстанских школ и школ-интернатов для детей с ограниченными возможностями здоровья планируют продолжение образования в средних профессиональных учебных заведениях, однако испытывают значительную тревожность относительно будущей трудовой деятельности, выявлена высокая потребность в специализированном сопровождении со стороны специалистов по профориентации и психологов, обоснована необходимость создания комплексного реабилитационного пространства для обеспечения эффективной социально-трудовой адаптации данной категории выпускников.

Ключевые слова: *социально-трудовая адаптация, трудоустройство, дети с ограниченными возможностями здоровья, особые образовательные потребности, выпускники школ-интернатов*

Для цитирования: *Лаукарт-Горбачева О.В., Осиповская М.П. Проблемы социально-трудовой адаптации и трудоустройства в оценках выпускников татарстанских школ и школ-интернатов для детей с ОВЗ // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 283–287. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-283-287.*

Объективным фактором, обуславливающим актуализацию проблемы трудоустройства и социально-трудовой адаптации выпускников с ограниченными возможностями здоровья (далее – с ОВЗ), является постоянный рост численности обучающихся с особыми образовательными потребностями.

По статистическим данным Министерства просвещения РФ, на 2024 г. в России насчитывается около 1,69 млн обучающихся с ОВЗ и инвалидностью, из них 40 % детей, имеющих различные нарушения речи (дислалия, дизартрия, заикание), 30 % детей с проблемами слуха или зрения (дальнозоркость, косоглазие, глухота различной степени), 20 % детей имеют органическое поражение центральной нервной системы, 10 % имеют различные синдромы задержки психического развития (синдром Дауна, Фрагильный Икс-синдром и др.). С 2019 г. наблюдается увеличение на 15 % численности обучающихся с особыми образовательными потребностями в дошкольных образовательных организациях, на 21 % – в общеобразовательных организациях, на 36 % – в средних профессиональных образовательных организациях, на 43 % – в учреждениях высшего образования [1].

Анализ статистических данных, опубликованных в докладах Уполномоченного по правам ребенка Татарстана, выявил увеличение за последние 15 лет практически в 2,5 раза числа обучающихся с ОВЗ, получающих образование в татарстанских дошкольных и школьных учреждениях: 13 895 обучающихся в 2010 г., 32 053 обучающихся в 2024 г. Обеспечение образованием данной категории детей осуществляется за счет роста количества дошкольных групп компенсирующей направленности в детских садах комбинированного вида, классов общеобразовательных школ, где реализуется совместное обучение детей с ОВЗ с нормотипичными детьми, и коррекционных классов в общеобразовательных школах. Отметим, что в исследуемый период не произошло существенных изменений количества дошкольных образовательных организаций компенсирующего вида и специальных коррекционных школ и интернатов [2].

Эмпирические исследования вопросов трудоустройства и социально-трудовой адаптации людей с ОВЗ последних лет фиксируют следующие, наиболее актуальные для российского общества, проблемы [3–13]:

– экспертное и педагогическое сообщество: невысокий уровень готовности выпускников школ и школ-интернатов для детей с ОВЗ Татарстана к трудовой деятельности, трудности социально-трудовой адаптации в связи с недостаточной обеспеченностью выпускников с ОВЗ правовой, психологической, социально-педагогической поддержкой;

– работодатели: неразвитость экономических механизмов, стимулирующих работодателей принимать на работу людей с ОВЗ; сохраняющиеся стереотипность мышления и стигматического восприятия потенциальных работников с ОВЗ; ориентация на достижение быстрой экономической результативности;

– родительское сообщество: отсутствие эффективных методик социальной подготовки выпускников к трудностям реальной жизни и соответствующих технологий профориентационной работы с обучающимися с ОВЗ, что обуславливает невысокий уровень готовности выпускников к трудовой деятельности; стереотипы работодателей о труде людей с ОВЗ (более низкая производительность труда, необходимость значительных затрат и усилий для создания рабочего места работнику с ОВЗ, частые уходы на «больничный» в связи с обострениями заболеваний, недостаточный уровень знаний и опыта у лиц с ОВЗ для выполнения служебных обязанностей); отсутствие законодательных гарантий, защищающих права лиц с ОВЗ, не имеющих статуса «инвалид»;

– выпускников с ОВЗ вузов: ограниченные возможности получения профессионального образования, обусловленные состоянием здоровья; недостаточная развитость адаптированной под возможности людей с ОВЗ инфраструктуры рабочего пространства и транспортного трансфера; потребности в комплексной помощи со стороны специалистов и государственных структур, оказывающих социально-психологическую, юридическую, информационную поддержку.

С целью более глубокого погружения в исследуемое проблемное социальное поле было проведено социологическое исследование среди выпускников татарстанских школ и школ-интернатов для детей с ОВЗ (ноябрь 2024 г. – март 2025 г.). В связи со спецификой изучаемого объекта, ряда коммуникационных ограничений анкетным опросом были охвачены такие категории выпускников, как школьники с нарушением слуха, опорно-двигательного аппарата, интеллекта. Всего опрошено 292 чел.

По данным опроса большинство выпускников планируют продолжить образование в средних профессиональных образовательных организациях: 66 % в колледжах (техникумах), 14,7 % в профессиональных лицеях. Лишь 4,1 % респондентов отметили, что не планируют дальше учиться. Выбор будущей профессии, по высказываниям опрошенных, осуществлялся самостоятельно (30 %), на основе советов родителей (27,2 %), в результате профориентационной работы (21,2 %), по рекомендациям учителей (12,4 %), по советам друзей (5,6 %). Интересно, что практически каждый четвертый респондент (23,4 %) отметил, что выбор профессионального учебного заведения не совсем совпадает с его профессиональными предпочтениями.

Подавляющее большинство (87,6 %) отметило наличие возможности получить желаемую профессию, 7,6 % выпускников указали на незначительные

шансы поступления в учебное заведение, реализующее желаемое профессиональное обучение, и 4,8 % предположили, что не смогут получить желаемое профессиональное образование из-за состояния здоровья.

Мнения об уровне готовности к дальнейшей учебе и трудовой деятельности распределились следующим образом: высокий – 14,9 %, средний – 66,2 %, низкий – 6,8 %. Затруднились оценить свой уровень готовности 12,2 % опрошенных выпускников. Каждый третий респондент (33,8 %) имеет некоторые волнения, переживания по поводу будущей учебы и работы, 27,7 %, отмечая наличие незначительных опасений и страхов, считают их естественными, так как все новое связано с определенными волнениями. Примерно равное по соотношению количество опрошенных отрицают наличие каких-либо волнений, страхов (17,6 %) и отмечают сильную неуверенность и боязнь предстоящих изменений (16,9 %).

Значительная доля выпускников отмечает необходимость дополнительной помощи специалистов по профориентационной работе и психологов как в настоящее время (62,9 %), так и в будущем (54,5 %) (предоставлялась возможность множественного выбора).

Наиболее значимым фактором при поиске работы для опрошенных выпускников является уровень заработной платы (25,8 %) (см. рис. 1).

Согласно приведенным данным: 1) при поиске работы для респондентов определяющими являются факторы, связанные с обеспечением себя (20,7 %), своих близких (13,5 %) и обретением финансовой самостоятельности (13,7 %); 2) как незначимый выпускники оценили фактор возможности профессионального роста, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о недостаточной уверенности в своих способностях и низкой информированности обучающихся о возможностях, способах развития в профессиональной сфере на современном рынке труда; 3) незначимым при поиске работы также является желание быть полезным обществу, что может быть обусловлено преобладанием патерналистских установок и ожиданий опрошенных.

При поиске работы респонденты в первую очередь рассчитывают на помощь родственников и государственные структуры, призванные содействовать трудоустройству населения (см. рис. 2).

Согласно полученным в ходе опроса данным, выпускники татарстанских школ и школ-интернатов для детей с ОВЗ в большей степени ориентируются на традиционные способы поиска работы: помощь родственников (18,3 %), обращение в государственные центры занятости (14,8 %), непосредственное обращение в компанию работодателя (13,6 %), помощь друзей и знакомых (13,6 %). Менее значимы для опрошенных способы поиска работы на интернет-ресурсах (10,7 %) и обращение в агентства по трудоустройству (11,2 %), что, по нашему мнению, может быть связано как с объективными причинами состояния здоровья, так и с недостаточно развитыми цифровыми компетенциями и навыками коммуникации выпускников.

В целом полученные результаты проведенного исследования фиксируют заинтересованность и мотивированность получения профессионального образования у выпускников татарстанских школ и школ-интернатов с ОВЗ, с одной стороны, и значительные социально-психологические проблемы, с другой (высокая степень тревожности и неуверенности в своих силах, потребность в постоянном сопровождении и помощи со стороны специалистов).

Важным, на наш взгляд, является создание реабилитационного пространства, в котором обучающие с ОВЗ и выпускники смогут на постоянной основе получать комплексную поддержку и помощь. Создание такого пространства представляет собой многогранную систему поддержки, которая не ограничивается периодом обучения, а продолжает функционировать на постоянной основе. Это особенно актуально в контексте постинтернатного сопровождения, которое обеспечивает плавный переход от образовательной среды к самостоятельной жизни.

Реабилитационное пространство основывается на принципе комплексности. Это означает, что поддержка охватывает все ключевые сферы жизни человека с ОВЗ:

Рис. 1. Факторы, влияющие на поиск работы (в % от общего количества опрошенных)

Рис. 2. Приемлемые способы поиска работы (в % от общего количества опрошенных)

– профессиональное становление включает не только содействие в получении профессионального образования, но и помощь в определении наиболее подходящей специальности с учетом особенностей здоровья, интересов и способностей обучающегося. Это могут быть программы профориентации, специализированные курсы, адаптированные образовательные программы;

– трудоустройство предполагает взаимодействие с потенциальными работодателями, подготовку к собеседованиям, помощь в оформлении необходимых документов, а также последующее сопровождение в период адаптации на рабочем месте. Важным аспектом является также создание защищенных рабочих мест и содействие в организации самозанятости;

– правовая поддержка включает консультирование по вопросам социальных гарантий и льгот, защиту прав в сфере трудовых отношений, помощь в решении жилищных вопросов, оформлении пособий и других юридических аспектах;

– психологическое сопровождение направлено на формирование позитивной самооценки, развитие эмоционального интеллекта, преодоление психологических барьеров, связанных с инвалидностью или особенностями развития, а также общую поддержку психического здоровья;

– социально-педагогическая помощь способствует развитию социальных навыков, умения строить отношения в различных контекстах, решать бытовые вопросы, планировать личный бюджет и другие аспекты самостоятельной жизни.

Эффективное реабилитационное пространство должно быть гибким и адаптивным, учитывающим индивидуальные особенности и потребности обучающихся и выпускников с ОВЗ. Это предполагает разработку индивидуальных программ сопровождения, регулярный мониторинг результатов и корректировку используемых методов и подходов.

Литература:

1. Дети с особыми образовательными потребностями // Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/limited_health/ (дата обращения: 02.04.2025).
2. Доклады Уполномоченного по правам ребенка в Республике Татарстан / Официальный сайт Уполномоченного по правам ребенка в Республике Татарстан. URL: https://rtdety.tatarstan.ru/dokladi-upolnomochennogo-po-pravam-rebenka-v.htm (дата обращения: 02.04.2025).
3. Антонова Г.В., Кураева Л.Н., Бондарчук А.Г. Проблемы трудоустройства выпускников с инвалидностью в реалиях современного рынка труда // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 11. С. 1007–1022. DOI: 10.18334/et.7.11.111100
4. Гурина М.А., Моисеев А.Д., Шурупова А.С. К вопросу о повышении уровня занятости лиц с инвалидностью в России // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 1. С. 465–482. DOI: 10.18334/et.6.1.40450
5. Лаукарт-Горбачева О.В., Максимова О.А. Социальные аспекты трудоустройства и социально-трудовой адаптации выпускников вузов с ограниченными возможностями здоровья // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. Т. 14. № 2. С. 34–48. DOI: 10.31660/1993-1824-2021-2-34-48.
6. Лаукарт-Горбачева О.В., Осиповская М.П. Проблемы социально-трудовой адаптации и трудоустройства выпускников школ и школ-интернатов для детей с ОВЗ // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 3 (3). С. 19–21. DOI: 10.26907/2079-5912.2021.3.19-21.
7. Лаукарт-Горбачева О.В., Осиповская М.П. Социально-трудовая адаптация и трудоустройство выпускников татарстанских школ и школ-интернатов для детей с ОВЗ в оценках родительского сообщества // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 111–114.
8. Мануйленко Э.В., Попов М.В., Медников Е.В. Проблемы получения образования и трудоустройства инвалидов в условиях цифровизации экономики // Информатизация в цифровой экономике. 2024. Т. 5. № 1. С. 125–136. DOI: 10.18334/ide.5.1.120530
9. Нефедьева Е.И., Седых О.Г. Социальная защита инвалидов в сфере труда и занятости: социологический аспект // Труд и социальные отношения. 2018. Т. 29. № 3. С. 52–62.
10. Никонова О.Д. Развитие инклюзивного рынка труда в условиях цифровизации экономики // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12. № 3. С. 703–714. DOI: 10.18334/lim.12.3.122608
11. Циканова Л.М., Казова З.М. Инклюзивное трудоустройство как императив гуманизации современной экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 374–378. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-374-378
12. Laukart-Gorbacheva O.V, Belyaev V.A., Maximova O.A., Sibaeva G.R. Employment and Labor Adaptation of Russian University Graduates with Disabilities // Nuances Est. Sobre Educ., Presidente Prudente. 2021. Vol. 32. DOI: https://doi.org/10.32930/nuances.v32i00.9127

13. Osipovskaya M.P, Laukart-Gorbacheva O.V, Gafiatullina N.R. Problems of Implementing an Inclusive Concept of Educational Organizations of the Republic of Tatarstan // Gafurov I., Valeeva R. (Eds) VI International Forum on Teacher Education, Kazan Federal University, Russia. May 27 – June 9, 2020 // ARPHA Proceedings. 2020. Vol. 3. P. 1897–1909.

Problems of Social and Labor Adaptation and Employment in the Assessments of Graduates of Tatarstan Schools and Boarding Schools for Children with Disabilities

Laukart-Gorbacheva O.V.
Rybinsk State Aviation Technical University named after P. A. Solovyov
Osipovskaya M.P.
Kazan (Volga Region) Federal University

The growing number of students and graduates with special educational needs in the Russian education system necessitates the study of issues related to their further professional integration into society. The aim of the authors' research is to identify key problems and features of the social and labor adaptation process of graduates from educational institutions for children with disabilities in the Republic of Tatarstan. The research objectives include analyzing graduates' readiness for professional activity, determining their educational plans and professional preferences, as well as identifying the main factors and methods of job searching among this category of youth. Based on the conducted research, it was found that the majority of graduates of Tatarstan schools and boarding schools for children with disabilities plan to continue their education in secondary vocational educational institutions, but they experience significant anxiety about their future work, and there is a high need for specialized support from career guidance specialists and psychologists., the necessity of creating a comprehensive rehabilitation space to ensure effective social and labor adaptation of this category of graduates is substantiated.

Key words: social and labor adaptation, employment, children with disabilities, special educational needs, graduates of boarding schools

УДК 323.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-288-292

Политическая и электоральная активность российской студенческой молодежи: тенденции и перспективы развития

Мюллер Д.Г.
Кандидат политических наук,
доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Лаптев В.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье анализируются тенденции трансформации политической и электоральной активности российской студенческой молодежи, рассматриваемые в контексте результатов опросных исследований, проведенных ранее, в 2011–2024 гг. Актуальность темы связана с необходимостью осмысления динамики политического участия современной российской молодёжи, а также с необходимостью выработки рекомендаций по совершенствованию практики коммуникации с данной группой и ее вовлечения в конструктивные формы политического участия. Целью проведенного исследования являлось определение актуальных тенденций трансформации политической и электоральной активности российской студенческой молодежи. В ходе исследования, проводимого авторами на протяжении нескольких лет, решались задачи определения подходов к изучению политической и электоральной активности российской студенческой молодежи, проводились опросные исследования, на основе анализа результатов которых проведен анализ как существующих проблем в указанной сфере, так и оценка динамики изменения политических и электоральных ориентаций студенческой молодежи. Научная значимость результатов исследования обусловлена осмыслением динамики политической и электоральной активности студенческой молодёжи в контексте трансформации практики медиапотребления. Практическая значимость результатов исследования связана с выработкой рекомендаций по совершенствованию государственной молодежной политики. В результате проведенного исследования подтверждаются выводы аналогичных исследований по теме относительно того, что политика занимает в жизни современной молодежи далеко не главное место, а существующие формы политической коммуникации не привлекают молодежь своим «односторонним» характером фактически без обратной связи. Это требует соответствующих корректировок в государственной молодежной политике. Научная новизна проведенного исследования обусловлена осмыслением динамики политической и электоральной активности студенческой молодёжи в контексте трансформации практики медиапотребления в цифровой среде.

Ключевые слова: *государственная политика, выборы, молодежь, молодежная политика, социологические исследования, медиапотребление*

Для цитирования: *Мюллер Д.Г., Лаптев В.В. Политическая и электоральная активность российской студенческой молодежи: тенденции и перспективы развития // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 288–292. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-288-292.*

Перспективы устойчивого поступательного развития современного российского демократического государства, на наш взгляд, напрямую связаны с уровнем политической активности и осознанным участием молодого поколения в общественно-политической жизни страны. Особое положение здесь занимает студенческая молодежь, которая в силу своего будущего социального статуса, связанного с процессом обучения, должна будет играть ведущую роль в решении насущных социально-политических, экономических, культурных и иных задач, стоящих перед обществом. Как уже было заявлено ранее, круг проблем в данной области достаточно четко «очерчен» и не является специфическим, характерным исключительно для российской политической системы и социума. Тем не менее специфика развития внешне- и внутриполитической и, как следствие, экономической ситуации делает остроактуальными задачи оперативного анализа форм политического участия, источников и практик получения и потребления политической информации.

Поиск путей повышения политической активности молодежи, на наш взгляд, осложняется сравнительно быстрой (последние 10–15 лет) трансформацией самой информационной среды, привносящей новые коммуникативные практики, которые в силу своих социально-демографических характеристик начинают использоваться студенческой молодежью в первую очередь. В данном случае формальные политические институты выступают, как правило, в роли «догоняющих», пытаясь адаптировать новые информационно-коммуникационные платформы «под собственные нужды». Несмотря на то что, по данным ВЦИОМ, на сегодняшний день наиболее распространена так называемая «смешанная модель медиапотребления», при которой более половины россиян являются активными пользователями и телевидения, и интернета, обращаясь к обоим каналам информации не реже нескольких раз в неделю (53 %), доля сторонников гибридной модели медиапотребления постепенно снижается [1].

Обращает на себя внимание тот факт, что ядро потребления телевидения и интернета сегодня составляют разные демографические группы. Если к активным телезрителям сегодня себя относят преимущественно представители старших возрастных групп (43 % в возрасте шестидесяти лет и старше), то среди молодежи их доля стремится к нулю (в возрастной группе 18–24 – 0 %; в возрасте от 25 до 34 лет – 1 %) [1].

Помимо этого, ряд российских исследователей указывает на проблемы, связанные как с изменением самой организационной формы молодёжных движений, так и постоянной трансформацией избирательной системы России. В первом случае «на смену традиционной партийной иерархии с формализованными отношениями приходит открытая сетевая структура с неформальным и часто кратковременным участием» [2]. Второе обстоятельство существенно затрудняет «идентификацию молодых избирателей с какой-либо политической партией», что в условиях персонифицированного характера восприятия власти отрицательно сказывается на электоральном участии молодежи [3].

Переходя к результатам исследования, следует отметить, что опросные исследования, посвященные социально-политическим ориентациям студенческой молодёжи, а также вопросам, связанным с особенностями потребления политической информации, проводились авторами на регулярной основе, начиная с 2011 г. Результаты соответствующих исследований нашли свое отражение в ряде публикаций по данной теме [4–6 и др.]

Весной 2024 г., перед выборами Президента Российской Федерации, среди студентов Казанского (Приволжского) федерального университета и Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева (КНИТУ-КАИ) был проведен очередной социологический опрос с целью измерения текущих показателей отношения студенческой молодежи к вопросам политической жизни. В опросе приняли участие 965 респондентов.

Сразу отметим, что уровень интереса к вопросам политики в студенческой молодёжной среде остается примерно одинаковым на протяжении длительного времени и в этом отношении студенчество едва ли можно «отделить» от российской молодежи в целом. Так, доля респондентов, ответивших утвердительно на вопрос «Интересуетесь ли Вы политикой?», составила весной 2024 г. 27 %, более половины опрошенных, 52,9 %, интересуются вопросами политики ситуативно, а пятая часть опрошенных, 20,1 %, не интересуется политикой совсем. Двумя годами ранее, в апреле – мае 2022 г., доля ответивших утвердительно на тот же вопрос составила 30 %, ситуативно политикой интересовались 44,1 %, а почти 26 % опрошенных сообщили, что не интересуются политикой. Интересно, что эти

результаты в целом соотносятся с результатами, полученными в ходе аналогичного опроса, проводившегося в 2011 г.: тогда о своем регулярном интересе к политике сообщали 22,7 % опрошенных, 53 % интересовались политикой ситуативно, в то время как 20,8 % ответили на соответствующий вопрос отрицательно.

Динамика отношения молодёжи к перспективе участия в работе политических партий также представляет интерес. Весной 2024 года, также как и 13 лет назад, половина опрошенных ответила отрицательно на вопрос «Вы допускаете для себя возможность стать активным сторонником какой-либо партии либо публичного политика?» (51,2 % в 2024 г. и 49 % в 2011 г.). При этом доля тех, кто утвердительно ответил на такой вопрос, сократилась с 21,6 % в 2011 г. до 15,7 % в 2024 г. В полтора раза за указанный период выросла доля тех, кто не определился с перспективами политического участия: в 2011 г. таких было 20,8 %, а в 2024 г. их стало уже 31,7 %.

Пассивность студенчества проявляется и в том, что практически половина от общего числа опрошенных (45,6 %) не читают агитационные материалы политических партий и кандидатов во время предвыборной кампании и только 10,6 % делают это регулярно. Читают блоги российских политических деятелей и политических партий регулярно лишь 9 % студентов, в то время как не читают вовсе больше половины опрошенных – 54 %. Отметим, что практически половина (49,9 %) респондентов не могут отнести себя к сторонникам той или иной политической партии, а среди «определившихся» лидируют сторонники «Единой России» (14,6 %), а далее с большим отставанием – сторонники партии «Новые люди» (4,8 %).

В целом на протяжении длительного временного периода отношение студенческой молодёжи к возможности активного участия в политической жизни практически не претерпело существенных изменений. Вместе с тем доля участвующих в выборах органов власти различного уровня, выросла за рассматриваемый период с 26,3 % в 2011 г. до 40,3 % в 2024 г. Доля тех, кто принимает участие в работе политических партий, практически не меняется, оставаясь на уровне 2,5 %. Участие в работе общественных организаций (профсоюзы и т. д.) на протяжении длительного временного отрезка принимает 6–7 % опрошенных (7,2 % в 2011 г., 5,59 % в 2024 г.).

Обращает на себя внимание и то, что доля тех, кто имеет опыт участия в демонстрациях и митингах, также остается примерно одинаковой: в 2011 г. о таком опыте сообщили 6,8 % опрошенных, а в 2024 г. – 5,38 %. Важно отметить, что в целом стабильными остаются и показатели готовности студенческой молодежи к участию в выборах. Так, если в 2011 г. 54,6 % опрошенных сообщили о намерении принять участие в выборах Президента РФ весной 2012 г., то весной 2024 г. в президентских выборах собирались принять участие 50 % опрошенных.

Одновременно с этим можно констатировать и тот факт, что, характеризуя политические выборы в России, студенческая молодежь в целом позитивно оценивает их значимость. Среди ответов на вопрос об их значимости с большим отрывом (32 % опрошенных) лидирует «Выборы определяют будущее страны». На втором месте среди ответов: «Выборы – долг каждого гражданина России» (16 %), и третье место за возможностью «продемонстрировать свою политическую позицию». Считают выборы и политику «грязным делом» лишь 5 % респондентов.

Отдельный интерес представляет динамика трансформации потребления новостной политической информации. Прежде всего обращает на себя внимание существенное сокращение потребления такой информации по ТВ, радио и через печатную прессу (с 3/4 опрошенных в 2011 г. до менее чем 1/3 в 2024 г.). За этот период значение интернет-источников соответственно выросло с 64,8 до 83,8 %. В то же самое время доля опрошенных, которые получают такую информацию от друзей, знакомых и родственников, осталась примерно неизменной (порядка четверти опрошенных). За время наблюдений структура источников потребления студенческой молодёжью новостной политической информации изменилась – это связано прежде всего с появлением мессенджеров как важного источника информации. Так, результаты опросного исследования, проведённого весной 2024 г., показывают, что мессенджером «Телеграм» пользуются 90,8 % опрошенных. При этом важно подчеркнуть, что регулярно новостной политический контент потребляет лишь малая часть опрошенных – 15,2 %, почти две трети опрошенных читают такие новости лишь эпизодически.

Представляют также определённый интерес предпочтения респондентов относительно социальных сетей и мессенджеров. Так, почти три четверти (72,6 %) опрошенных используют социальную сеть «Вконтакте» (доля респондентов, использующих одноименный мессенджер, оказалась почти вдвое меньше, 37,7 %) что само по себе не является чем-то необычным. В то же время результаты опроса показали, что как минимум треть опрошенных активно использует социальные сети, доступ к которым заблокирован на территории Российской Федерации, поскольку они принадлежат организациям, деятельность которых признана экстремистской. Получить доступ к таким ресурсам возможно только с использованием средств обхода блокировок, что неоднократно квалифицировалось в современной российской судебной практике как правонарушение. С учетом этого обстоятельства можно сделать вывод о том, что для определённой современной студенческой молодежи характерен невысокий уровень готовности следовать транслируемым в официальных

источниках взглядам на выбор источников информации и, более того, определенная степень правового нигилизма в данном отношении, что, в свою очередь, находит выражение в готовности искать и использовать средства, позволяющие получать доступ к заблокированному контенту. Вместе с тем, как уже отмечалось выше, невысокий уровень заинтересованности студенческой молодежи политикой в целом и рассмотрение её в отрыве от контекста своей повседневной жизни, в частности, делают такое поведение объяснимым и закономерным.

Помимо всего прочего, интернет, социальные сети и мессенджеры «выбились в лидеры» по уровню доверия в качестве источника новостной политической информации (73 % респондентов), а в «аутсайдерах» оказались друзья, знакомые (18 %) и преподаватели (9 %). Второе место за телеграм-каналами (38 %), а третье – за традиционными (телевидение, радио, печатные издания) СМИ – 29 % опрошенных. Вопрос подразумевал возможность выбора не более трех вариантов ответа.

Переходя к выводам, заметим, что политика стабильно находится далеко не на первых местах в структуре жизненных приоритетов российской студенческой молодежи. Несмотря на в целом позитивную оценку значимости политики и выборов, студенческая молодежь, по всей видимости, не готова «тратить свои силы и время» на регулярный мониторинг политической информации, равно как и принимать активное участие в политической жизни страны. Наиболее приемлемой и фактически единственной формой подобного участия студенчество считает участие в выборах. Подобное отношение к миру политики едва ли можно считать «неожиданным и шокирующим», более того, отсутствие ярко выраженного нигилизма по отношению к политическим институтам скорее внушает осторожный оптимизм. При этом важно отметить, что российская молодежь в целом и студенческая в частности создает сегодня собственное коммуникативное пространство, построенное на базе новых информационно-коммуникационных платформ, ведущую роль в котором играет диалог (в отличие от односторонней коммуникации традиционных СМИ). В этой ситуации, на наш взгляд, формальные политические институты будут вынуждены обеспечить эту «бесперебойную» обратную связь, учитывающую меняющиеся потребности и приоритеты молодого поколения, что и обеспечит приемлемый уровень политического участия в настоящем и будущем.

Литература:

1. Тренды медиапотребления. ВЦИОМ. Аналитический обзор. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-mediapotreblenija-2022 (дата обращения: 25.09.24).
2. Попов П.В. Политическая активность молодёжи в современной России. URL: https://www.researchgate.net/publication/362155378_Politiceskaa_aktivnost_molodezi_v_sovremennoj_Rossii_Current_Political_Activity_of_Russian_Youth (дата обращения: 25.09.24).
3. Селезнева А.В., Зиненко В.Е. Политическая активность российской молодежи: современные тенденции развития // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 192–208.
4. Лаптев В.В., Морозова Г.В., Мюллер Д.Г. Отношение молодежи к политике, выборам и источникам политической информации (по итогам социологического исследования) // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. С. 230–234.
5. Морозова Г.В., Мюллер Д.Г., Лаптев В.В. Социальное самочувствие студенческой молодежи г. Казани: по данным социологического исследования / Под ред. А.И. Остроумова. Казань: Казан. ун-т, 2012. 132 с.
6. Морозова Г.В., Мюллер Д.Г., Лаптев В.В., Гусев С.Н. Основные тенденции медиапотребления студенческой молодежи г. Казани: по результатам социологического исследования / Под ред. Г.В. Морозовой. Казань: Казан. ун-т, 2023. 141 с.
7. Беспалова О.С., Сайганова Е.В., Камилаева Д.Е. Электоральное поведение молодежи: специфика и факторы мотивации // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2023. № 4 (100). С. 54–55.
8. Дунас Д.В., Вартанов С.А., Кульчицкая Д.Ю., Салихова Е.А., Толоконникова А.В. Теоретические аспекты изучения медиапотребления российской молодежи: к пересмотру теории использования и удовлетворения // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2019. № 2. С. 3–28.
9. Казанин В.Е., Широбоков В.Н. Абсентеизм в электоральном поведении российской молодежи // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 2 (47). С. 133–143.
10. Кульчицкая Д.Ю. Фоновое медиапотребление традиционных СМИ среди российской молодежи: результаты эмпирического исследования // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия. Сб. материалов межд. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 226–227.
11. Кульчицкая Д.Ю., Вартанов С.А., Дунас Д.В., Салихова Е.А., Толоконникова А.В. Медиапотребление молодежи: специфика методологии исследования // Медиаскоп. 2019. № 1. С. 1–9.
12. Полуэхтова И.А. Практики медиапотребления российской молодежи в цифровом обществе (по

результатам эмпирического исследования) // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 3. С. 90–107.
13. Узикова А.А. Практики электорального поведения студенческой молодежи в современной России. Научные исследования XXI века. 2022. № 2 (16). С. 161–164.

Political and Electoral Activity of Russian Student Youth: Trends and Development Prospects

Müller D.G., Laptev V.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article presents the analysis of the tendencies of transformation of political and electoral activity of Russian student youth, considered in the context of the results of survey studies conducted earlier, in 2011–2024. The relevance of the topic is connected with the necessity of understanding the dynamics of political participation of modern Russian youth, as well as with the necessity of developing recommendations for improvement of communication practices with this group and its involvement in constructive forms of political participation. The purpose of the conducted research is to define the current tendencies of transformation of political and electoral activity of Russian student youth. In the course of the research conducted by the authors for several years, the tasks of defining approaches to the study of political and electoral activity of Russian student youth were solved, survey studies were conducted, based on the analysis of the results of which the analysis of both existing problems in the specified sphere and the assessment of the dynamics of changes in political and electoral orientations of student youth were carried out. The scientific significance of the research results is determined by the understanding of the dynamics of political and electoral activity of student youth in the context of transformation of media consumption practices. The practical significance of the research results is related to the development of recommendations for improving the state youth policy. The study confirms the findings of similar studies on the topic regarding the fact that politics is far from the main place in the lives of modern youth, and existing forms of political communication do not attract young people with their "one-sided" nature, virtually without feedback – this requires appropriate adjustments in the state youth policy. The scientific novelty of the study is due to the understanding of the dynamics of political and electoral activity of student youth in the context of the transformation of media consumption practices in the digital environment.

Key words: state policy, elections, youth, youth policy, sociological research, media consumption

УДК 316.35
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-293-298

Аксиологемы российского рэпа 2000-х гг. (на примере социологического исследования альбома Гуфа «Подарок»)

Равочкин Н.Н.
Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова (Кемерово)

Леонов А.А.
Кандидат технических наук, доцент кафедры агроинженерии Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова (Кемерово)

Санкина О.В.
Кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой агроинженерии Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова (Кемерово)

Актуальность исследования определена стремительно растущей популярностью рэп-музыки в культурном пространстве российского социума и появлением новых групп интересантов по поводу музыкального творчества отечественных исполнителей данного жанра среди представителей молодежи в настоящем столетии. Показано, что свои наиболее яркие детерминационные и объяснительные возможности ценностные конструкты рэп-музыки приходятся именно на обозначенную социальную группу, в части конституирования аксиологических модусов и жизненных миров молодых людей, что теснейшим образом связано с их характерными чертами. Цель исследования заключается в изучении воздействия аксиологем рэп-музыки на формирование жизненных миров и поведение молодых людей. В качестве материала исследования был выбран альбом российского рэпера Гуфа «Подарок». Продемонстрирована эволюция имплементации аксиологических конструктов рэп-исполнителей в российское социокультурное пространство. Осуществлен содержательный анализ альбома Гуфа. На основе обобщения результатов имеющихся данных авторами выделены и интерпретированы аксиологемы, которые представлены в анализируемых песнях, а также проведено сравнение с ранее полученными результатами альбома «Баста 1». Научная новизна настоящего исследования состоит в авторской репрезентации аксиологических конструктов и их связью с повседневностью и поведенческими практиками российской молодежи и других социальных групп в начале XXI в.

Ключевые слова: *ценности, рэп-музыка, лексика, эмоции, мир, культура, общество*

Для цитирования: *Равочкин Н.Н., Леонов А.А., Санкина О.В. Аксиологемы российского рэпа 2000-х гг. (на примере социологического исследования альбома Гуфа «Подарок») // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 293–298. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-293-298.*

Рэп-культура успешно адаптируется к меняющейся социокультурной реальности, расширяя свою аудиторию. Изначально андеграундная и почти криминальная, сегодня она собирает тысячи зрителей на концертах и миллионы просмотров в интернете. Рэп часто затрагивает *taboo*-темы – наркотики, насилие, экзистенциальный кризис – при этом важно отличать романтизацию от рефлексии. Рэп-культура коренится в молодёжном протесте против общественных норм и часто затрагивает личные темы. Сегодня рэп остаётся рупором протеста. Данное музыкальное направление артикулирует наиболее острые проблемы различных социальных групп, причем делает это с весьма высокой долей экспрессии, но одновременно с этим он обретает черты высокого искусства и привлекает все большую аудиторию. Да, порой рэп политизирован, отражает сложные аспекты общества и личности, выступая против консерватизма, власти и существующих институтов, выражаясь как в музыке, так и в перформансах [1; 2].

Обсценная лексика в рэпе – тема неоднозначная. Однако, как и в литературе (для этого достаточно вспомнить Венедикта Ерофеева), мат может быть способом выразить то, что иначе звучало бы фальшиво. Рэп-музыка сегодня – это не просто развлечение, но и форма интеллектуального сопротивления. Через смесь юмора, мата и философии она задаёт вопросы, на которые у общества нет готовых ответов. И если раньше критики видели в рэпе угрозу культуре, то сейчас он сам становится её частью, предлагая новый язык для диалога о будущем. Русский рэп давно перестал быть просто музыкой для развлечения [2; 3]. Алексей Долматов, известный как Гуф, – один из тех, кто превратил рэп в зеркало реальности, где интеллект идёт рука об руку с уличной поэзией. В его текстах всё чаще звучат социальные манифесты, личные драмы и философские размышления. Его творчество – это не просто рифмы, а сложный сплав личного опыта, критики общества и поиска смысла в обыденности. Личная история Гуфа – ключ к его творчеству. Реабилитация, клиники, борьба с зависимостями – всё это стало топливом для его философии.

Изучение аксиологем музыкального дискурса Гуфа осуществлялось на основании анализа композиций альбома «Подарок» (2004). Альбом также является первым, принесшим известность исполнителю. В качестве основных методов исследования композиций были выбраны контент- и фоносемантический (далее – ФС) анализ. Для наглядности нами также был проведен сравнительный анализ с уже полученными результатами по изучению ценностных конструктов рэпера Басты [3].

Результаты анализа композиций Гуфа на предмет ключевых аксиологем представлены в таблице 1.

Наиболее частотные лексемы первой проанализированной композиции представлены следующими:

1) ***centr (E, CENTR***, *наше мнение, лира переулков, наша марка CENTR*) – название коллектива, в данном случае множественное использование слова отвечает цели реализации рекламной функции, репрезентации собственного образа как созданного музыкального коллектива, продвижение собственного бренда. Не следует забывать, что музыкальная индустрия – одна из наиболее прибыльных, это объясняет необходимость продвижения собственного бренда;

2) ***мнение*** (*Объединила* ***мнения*** *каждого в частности, всех в целом,/ Миллионы голов в одном теле*) – суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к чему-либо, взгляд на что-либо [4, с. 543]. Мнение, суждение связаны с когнитивными процессами, мышлением личности. В данном аспекте отражается направленность рэп-дискурса на углубление философского контекста, формирования ощущения избранности исполнителя и его целевой аудитории, культивация образа думающего человека, противостоящего обществу;

3) ***может*** (*Быть* ***может*** *это трюк такой, а* ***может*** *быть он в транс впадает*) – быть в состоянии, иметь возможность делать что-либо [4, с. 556]. В целом, рэп-исполнители часто апеллируют к собственной значимости, способности и возможности что-то изменить, сделать мир более справедливым. Дискурс тяготеет к маскулинности, репрезентации активной жизненной позиции, избранности.

Фоносемантический анализ позволяет сделать вывод о преобладании лексем, которые вызывают ассоциации с чем-то сильным, темным, быстрым, что позволяет усилить маскулинность произведения.

Ключевыми словами второй проанализированной композиции являются следующие:

1) ***станция*** *(Минут за двадцать от* ***станции до станции***) – 1) пункт, место остановки на железных дорогах и некоторых других путях сообщения; 2) расстояние между двумя такими соседними пунктами; 3) название некоторых учреждений, предприятий или научно-исследовательских учреждений специального назначения [4, с. 1131]. Станция традиционно связана с дорогой, движением, кото-

Таблица 1

Ценности рэп-композиций Гуфа

Лексема	Кол-во	Часто-та, %	Результаты ФС анализа
Наша марка			
centr	5	2,2	Не обладает фоносемантическими характеристиками
мнение	4	1,76	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, твёрдого, темного
может	2	0,88	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, твёрдого, темного, большого
применение	2	0,88	
прислать	2	0,88	Не обладает фоносемантическими характеристиками
стечь	2	0,88	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, темного, большого
тело	2	0,88	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, твёрдого, темного, большого
частность	2	0,88	Производит впечатление чего-то темного
агрессивный	1	0,44	Производит впечатление чего-то сильного
ваш	1	0,44	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, твёрдого, темного, быстрого
Метрополитен			
станция	6	1,34	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, темного
ловить	5	1,11	Не обладает фоносемантическими характеристиками
туннель	5	1,11	
mail	4	0,89	
ветер	4	0,89	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, твёрдого, темного, большого, быстрого
километр	4	0,89	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, темного, большого, быстрого
колкий	4	0,89	Производит впечатление чего-то сильного, твёрдого, быстрого
легкий	4	0,89	Производит впечатление чего-то сильного, твёрдого
метрополитен	4	0,89	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, темного, большого, быстрого
подземный	4	0,89	

Продолжение таблицы 1

Лексема	Кол-во	Часто-та, %	Результаты ФС анализа
Новогодняя			
все	9	2,21	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, темного
один	5	1,23	Производит впечатление чего-то хорошего, красивого, простого, гладкого, округлого, доброго, светлого, громкого, храброго, активного, яркого
ждать	4	0,98	Производит впечатление чего-то отталкивающего, страшного, сложного, шероховатого, злого, темного, тяжелого, грубого, горячего, храброго, могучего, большого
источник	4	0,98	Производит впечатление чего-то хорошего, хилого
мамочка	4	0,98	Производит впечатление чего-то хорошего, могучего
подарок	4	0,98	Производит впечатление чего-то страшного, шероховатого, угловатого, темного, грубого, мужественного, быстрого
святой	4	0,98	Производит впечатление чего-то хорошего, хилого
фуражка	4	0,98	Производит впечатление чего-то плохого, отталкивающего, страшного, шероховатого, угловатого, злого, темного, тяжелого, грубого, тихого, хилого, грустного, медлительного, пассивного, тусклого, печального
хачик	4	0,98	Производит впечатление чего-то плохого, отталкивающего, страшного, шероховатого, угловатого, злого, темного, низменного, тихого, хилого, пассивного, тусклого, печального
шапочка	4	0,98	Производит впечатление чего-то плохого, страшного, шероховатого, темного, тяжелого, грубого, тихого, хилого, грустного, медлительного, пассивного, тусклого, печального

рое, выступает одним из ключевых концептов рэп-дискурса;

2) ***ловить (Лови****, метрополитен mail*) – 1) стараться схватить, захватить как добычу; 2) стараться воспринять, получить, использовать что-либо; 3) внезапно останавливать внимание на чем-либо [4, с. 786]. В анализируемом тексте слово употребляется в своем первом значении, т.е. в значении «схватить, захватить как добычу». На начальных этапах своего становления одним из важнейших концептов англоязычного рэпа была воинственность [5]. Т.е. американские исполнители неоднократно поднимали тему насилия, причем, не всегда насилие было представлено в негативном свете. Как неоднократно было указано в рамках данного исследования, рэп-музыка – своеобразный протест личности против социальной и любой иной несправедливости

или того, что так воспринимается. Рэп-музыка политизирована, она затрагивает самые острые социальные, политические, культурные вопросы, часто представляет существующие реалии в негативном свете. Соответственно, насилие достаточно часто рассматривается как средство борьбы с несправедливостью. Русский рэп в какой-то степени заимствует проблематику насилия, подчёркивает необходимость действовать, проявлять инициативу, силу;

3) ***туннель*** *(По светлым станциям и холодным* ***туннелям***) – подземное сооружение в виде коридора, по которому проложены пути [4, с. 1196]. Указанная лексема также связана с мотивом пути, дороги, постоянного движения вперед.

Результаты фоносемантического анализа позволяют сделать вывод о преобладании лексем, которые вызывают ассоциации с чем-то холодным, твердым, сильным, быстрым.

Анализ следующей композиции позволяет выявить следующие наиболее употребительные единицы:

1) ***все*** *(А летом и осенью* ***все*** *вроде как бы затихло*) – охватывающий все и всех. Обращение к местоимению обусловлено протестным характером рэп-дискурса, доминированием концепта избранности в нем, в результате чего исполнитель противостоит обществу, толпе;

2) ***один*** *(****Один*** *снег нам дарит небо*) – 1) число, цифра и количество; 2) без других, в отдельности; 3) какой-то, некий; 4) то же самый, тождественный; 5) только, исключительно; 6) какой-нибудь в ряду сходных; 7) единый, целостный. Акцент на значении слова обусловлен факторами, о которых говорилось раннее, необходимостью подчеркнуть собственную избранность, исключительность, протестной подоплекой дискурса. Лексема вызывает ассоциации с чем-то простым, красивым, гладким, храбрым, т.е. обладает позитивной оценочностью, выступает средством культивации силы, храбрости;

3) ***ждать*** *(Подарков* ***ждут*** *все, девочки, мальчики/ Фуражки, начальники, подтяжки, хачики*) – 1) быть где-нибудь, пребывать в каком-нибудь состоянии, рассчитывая на появление, прибытие кого-либо, чего-либо; 2) надеяться на что-нибудь, стремиться получить что-нибудь; 3) предполагать, что что-либо произойдет, случится, а также вообще предполагать, считать; 4) о том, что должно произойти, случиться в чьих-либо интересах [3, с. 343]. Как уже неоднократно отмечалось в рамках данного исследования, рэп культивирует активность, инициативность, самостоятельность личности, мотивирует к реализации активности, противодействия социальной несправедливости, соответственно, ожидание, пассивность воспринимаются в негативном ключе. На ассоциативном уровне возникают ассоциации с чем-то отталкивающим, страшным, могучим, грубым, что позволяет повысить маскулинность дискурса.

Анализ наиболее частотных единиц в творчестве Гуфа представлен в таблице 2.

Несмотря на сходство тем, которые поднимают исполнители в своих произведениях, анализ ключевых лексем позволяет сделать вывод, что творчество Гуфа в большей степени испытывает на себе влияние коммерческой составляющей, в большей степени нацелено на получение прибыли. Наиболее многочисленными лексемами являются следующие:

1) все – слово, направленное на формирование оппозиции «я – все», акцент на собственной избранности и избранности целевой аудитории. Т.е. исполнитель подчеркивает обращенность композиций к большому числу слушателей;

2) *centr* – множественное употребление лексемы направлено на продвижение имиджа музыкального коллектива, рост его популярности, узнаваемости и, соответственно, прибыльности;

3) мнение – как и Баста [3], Гуф культивирует культуру разума, рассудка, умения критически осмысливать информацию, формируется концепт избранности рэпера и его целевой аудитории.

Отдельно следует отметить, что частота ключевых лексем в композициях Басты выше, чем у Гуфа,

Таблица 2

Ценности рэп-композиций Гуфа (Топ-10)

Лексема	Кол-во	Часто-та, %	Результаты ФС анализа
все	9	2,21	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, темного
centr	5	2,2	Не обладает фоносемантическими характеристиками
мнение	4	1,76	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, твёрдого, темного
станция	6	1,34	Производит впечатление чего-то холодного, сильного, темного
один	5	1,23	Производит впечатление чего-то хорошего, красивого, простого, гладкого, округлого, доброго, светлого, громкого, храброго, активного, яркого
ловить	5	1,11	Не обладает фоносемантическими характеристиками
туннель	5	1,11	Не обладает фоносемантическими характеристиками
ждать	4	0,98	Производит впечатление чего-то отталкивающего, страшного, сложного, шероховатого, злого, темного, тяжелого, грубого, горячего, храброго, могучего, большого
источник	4	0,98	Производит впечатление чего-то хорошего, хилого
мамочка	4	0,98	Производит впечатление чего-то хорошего, могучего

что позволяет сделать вывод о более активном культивировании ценностей.

Были выявлены также некоторые отличия в вербальном оформлении дискурса: если Баста использует преимущественно лексемы, которые вызывают ассоциации с чем-то сильным, мужественным, холодным, величественным, у Гуфа наряду с такими лексемами представлены единицы, которые вызывают ассоциации с чем-то мягким, красивым, феминным или не имеют выраженных ассоциаций [3]. Результаты количественного распределения лексем композиций Гуфа представлены на рисунке 1.

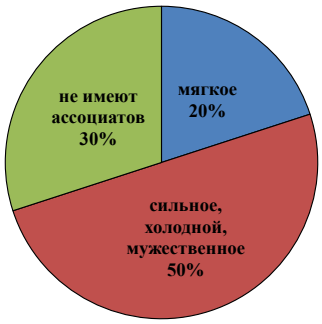

Рис. 1. Результаты фоносемантического анализа композиций Гуфа

В целом, можно сделать вывод, что «в лирике российских рэп-музыкантов можно обнаружить не только ненормативную лексику, но и обращение к вечным и значимым темам» [6, с. 111]. В центре внимания рэп-культуры – человек как единство, целостность эмоционального и когнитивного, иррационального и рационального, при этом, культивируется ценность рационального, разума, критического осмысления существующих реалий, а также стремление преодолеть социальную несправедливость. Тексты обладают высокой эмоциональной насыщенностью, представлены как позитивные, так и негативные эмоции. Позитивные, как правило, связаны с активностью, конструктивным преобразованием действительности таким образом, чтобы она в большей степени отвечала потребностям личности. Негативные – чаще всего связаны с проявлениями неравенства, ограничениями свободы, подавлением личности. Достаточно часто негативные эмоции вызывают действия представителей органов власти. Затрагиваются и пространственно-временные категории, культивируется свобода передвижения, активность, скорость. Само время представлено одновременно как динамичное и стабильное. Иными словами, рэп культивирует универсальные человеческие ценности, а категории «мир, любовь и единение – далеко не первые ассоциации, вызываемые словом “рэп”» [6, с. 112].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что раннее творчество Гуфа подвержено влиянию коммерческой составляющей, что проявляется в многочисленном употреблении названия музыкального коллектива, направленном на продвижение его имиджа. На вербальном уровне преобладают лексические единицы и конструкции, которые позволяют повысить маскулинность наррации, придать композиции большую активность, некоторую агрессию. При этом для сравнения хотелось бы подчеркнуть, что в произведениях Басты ключевые слова, отражающие ценности дискурса, оказывающие влияние на выбор поведенческих стратегий молодых людей, обладают большей семантической нагрузкой, более выражены, они повторяются многократно, занимают значительное место в тексте композиции [3]. В композициях Гуфа их численность не столь велика. Важно подчеркнуть, что тематика, к которой обращаются оба исполнителя, во многом схожа, однако на уровне вербализации, формирования ассоциативного уровня отмечаются существенные расхождения. Разумеется, полученными результатами проблема исследования современного рэп-дискурса не ограничивается, работа в данном направлении должна быть продолжена. Прежде всего, необходимо увеличить численность анализируемых материалов.

В заключение можно сказать, что известная фраза «пропащее поколение Патрика и Германа» стала символом растерянности перед новыми вызовами, стремительно возникающими в жизни каждого молодого человека современной эпохи. При этом Гуф не ностальгирует – он ищет ответы. Его композиции показывают, что даже в хаосе можно найти опору. Для молодежи он не просто кумир, а пример того, как через творчество можно переродиться. Гуф – это не просто рэпер, а символ эпохи. Де-факто его творчество изображает собой мост между поколениями, между теми, кто вырос на его первых альбомах, и новой аудиторией, которая открывает для себя его музыку сегодня. Он показывает, что даже в самые темные времена можно найти свет, что жизнь – это постоянная борьба, но в ней есть место и для радости. Тексты Гуфа отражают реальную жизнь и весьма богатую повседневность, наполненную болью, радостью, борьбой и восстановлением. Хотя рэп и предназначен не для всех, те, кто понимает его посыл, становятся частью мира, где ведущими драйверами являются искренность и правда.

Литература:

1. Завалишин А.Ю., Костюрина Н.Ю. Русская рэп-культура: специфика научного анализа // Журнал интегративных исследований культуры. 2020. Т. 2. № 1. С. 60–68.
2. Равочкин Н.Н., Боганков М.Д. Аксиологемы рэпа в контексте культуры современного российского общества // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 106. № 5. С. 39–43.
3. Равочкин Н.Н., Кравченко С.Н., Санкина О.В. Аксиологемы российского рэпа 2000-х гг. (на примере социологического исследования альбома Баста 1) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 328–335. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-328-335.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М.: Мир и Образование, 2019. 1376 с.
5. Богданов А.В. Лингвокультурные характеристики афроамериканского рэп-дискурса: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. – 23 с.
6. Поляков Н.С. «Мой рэп – это молитвы, только с бритвою во рту»: религиозные темы в российском рэпе// Религиеведение. 2019. № 3. С. 110–116.

Axiologemes of Russian Rap of the 2000-s (Based on the Example of a Sociological Study of Guf's Album "Gift")

Ravochkin N.N.
Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev,
Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov (Kemerovo)
Leonov A.A., Sankina O.V.
Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov (Kemerovo)

The relevance of the study is determined by the rapidly growing popularity of rap music in the cultural space of Russian society and the emergence of new groups of people interested in the musical creativity of domestic performers of this genre among young people in the current century. It is shown that the most striking deterministic and explanatory capabilities of the value constructs of rap music fall precisely on the designated social group, in terms of constituting the axiological modes and life worlds of young people, which is closely related to their characteristic features. The purpose of the study is to study the impact of rap music axiologemes on the formation of life worlds and behavior of young people. The album of the Russian rapper Guf "Gift" was chosen as the research material. The evolution of the implementation of axiological constructs of rap performers in the Russian socio-cultural space is demonstrated. A substantive analysis of Guf's album is carried out. Based on the generalization of the results of the available data, the authors identified and interpreted the axiologemes that are presented in the analyzed songs, and also compared them with the previously obtained results of the album "Basta 1". The scientific novelty of this study lies in the author's representation of axiological constructs and their connection with everyday life and behavioral practices of Russian youth and other social groups at the beginning of the 21st century.

Keywords: values, rap music, vocabulary, emotions, world, culture, society

УДК 316.33
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-299-303

Жизненная траектория женщин в проституции: к пересмотру модели

Русакова М.М.
Кандидат социологических наук, доцент,
директор Центра прикладной социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Актуальность статьи обусловлена распространённостью проституции в современном российском обществе, а также рядом социальных тенденций, способствующих распространению данной проблемы: трансформация общественной политики в пользу опирающейся на традиционные ценности, цифровизация проституции, распространение практики употребления наркотиков. Цель исследования заключалась в представлении комплексной модели жизненных траекторий женщин в проституции. Данная цель была достигнута через реализацию ряда задач: концептуализировать модель жизненных траекторий применительно к объекту проституции; выделить основные этапы жизненной траектории женщины в проституции; проанализировать факторы, влияющие на переход от одной стадии к другой. Научная значимость исследования представляется в формировании оригинальной авторской теоретической модели жизненной траектории женщины в проституции. Практическая значимость заключается в возможности разработки мер социальной работы с женщинами в проституции в зависимости от стадии жизненной траектории. Научная новизна проистекает из отсутствия работ, излагающих комплексно всю жизненную траекторию женщины в проституции.

Ключевые слова: *жизненный путь, жизненная траектория, проституция, вхождение, бытие, приближение, адаптация, выход из проституции*

Для цитирования: *Русакова М.М. Жизненная траектория женщин в проституции: к пересмотру модели // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 299–303. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-299-303.*

Социальные изменения в российском обществе, отмечаемые исследователями девиантного подведения, – рост наркопотребления [1], изменения общественных представлений о проституции [2], цифровизация сферы проституции [3] – сохраняют актуальность данной проблемы и как социальной, и как исследовательской. В современной России в рамках дискурса установления традиционных ценностей в противопоставление западным, социальный контроль проблемы проституции оказывается в том числе политической задачей.

Актуальность исследования проституции также подтверждается и существующими оценками распространенности ее в современной России. По данным статистики об административным правонарушениях, в 2023 г. были рассмотрены 3878 дел по ст. 6.11 («Занятие проституцией») Кодекса РФ об административных правонарушениях [4]. Однако ввиду высокой латентности данного правонарушения, число официально зарегистрированных правонарушений не отражает действительные показатели распространенности. Согласно оценкам МВД, в 2013 г. в проституцию в России были вовлечены более миллиона человек [5].

Разработка комплексной политики по работе с женщинами в проституции предполагает формирование системного представления о проституции как об элементе феноменологии повседневности

женщины, вовлеченной в проституцию, и ее жизни – то, как происходят приближение и вовлечение в проституцию, с какими факторами риска и трудностями сталкивается женщина в проституции, как выходит из нее. Существует множество как отечественных, так и зарубежных работ, рассматривающих отдельные элементы жизни женщины в проституции. С. Хойгард и Л. Финштадт описывают разграничения, формирующие изолированность женщины в проституции от других людей: физические барьеры, следование расписанию, утаивание особенностей внешности, а также избегание эмоциональных отношений с клиентами [6]. Т. Сандерс и Л. Кэмпбелл подробно изучали формы насилия, с которыми сталкиваются женщины в проституции, они выделили среди наиболее частых следующие: грабеж, несогласованные сексуальные взаимодействия с клиентами, оскорбительные высказывания и грубость, попытки не заплатить [7].

Выходу из проституции посвящено наименьшее число исследований по сравнению с другими этапами жизненной траектории в проституции. С.-А. Манссон и Ю.-С. Хедин выделяют два сценария выхода из проституции: быстрый, происходящий в ситуации, когда женщина находилась в проституции относительно недолго; медленный и «маятниковый», когда женщина находилась в проституции длительное время [8]. Т. Сандерс выделила естественный переход из проституции, постепенный и реакционный [9]. Л. Бейкер, Р. Далла разработали шестиступенчатую модель выхода из проституции, которая включает в себя следующие этапы: погружение, осознание, преднамеренное планирование, первоначальный выход, возврат обратно, окончательный выход [10].

Л. Йонссон, К. Сведин, М. Хайден замечают, что началу выхода из проституции предшествует, как правило, трансформационное событие – событие, имеющее особую значимость в жизни, меняющее социальный статус человека [11]. С. Оселин обнаруживает по результатам эмпирических исследований, что обычно женщины предпринимают множественные попытки выхода из проституции [12].

Как правило, в исследовательской литературе по данной теме не рассматривается комплексно жизненная траектория женщины в проституции, уделяется внимание лишь отдельным аспектам жизни или отдельным этапам. Данная статья восполняет эту лакуну, давая комплексное описание этапов жизненной траектории женщины в проституции.

В рамках данной статьи будет использовано авторское определение проституции. Проституция – это вид девиантного поведения совершеннолетних людей, характеризующийся внебрачными, добровольными коммерческими сексуальными актами, включающими любые действия и/или услуги сексуального характера, место предоставления, использование или неиспользование средств защиты от инфекций, передающихся половым путем, и беременности, и оплата за которые оговариваются. Оплата может быть предоставлена в денежной форме, другой материальной или нематериальной форме; может быть дано обещание оплаты независимо от его выполнения.

Автор опиралась на концепцию жизненной траектории Г. Элдера в рамках парадигмы жизненного пути. Жизненная траектория представляет собой линию развития человека, совокупность сделанных им выборов в течение своей жизни [13]. В жизненной траектории Г. Элдер разработал понятие этапов жизненного пути – это особые отрезки жизни, прохождение которых приводит к значительным изменениям условий жизни и самоопределения человека [14]. Такие отрезки могут быть уникальными историческими – к ним относятся социальные происшествия, которые касаются жизни большого числа людей и их сложно предсказать: финансовые кризисы, войны, катастрофы, технологические революции и т.д. Типические биографические отрезки проходятся всеми людьми, относящимися к одной социальной группе: процесс сепарации от родителей, получения образования, пребывании на пенсии и т.д. Набор типических этапов различается от одной социальной группы к другой, но неизменен для людей внутри такой социальной группы. Так, нахождение на пенсии будет только у жителей государства с системой пенсионного обеспечения.

В рамках данной статьи рассматривается доработанная с учетом актуальных социальных изменений последних лет теоретическая модель жизненных траекторий в проституции, представленная автором в более ранних работах [15].

Цель исследования, отсюда, заключалась в выделении типических стадий жизненных траекторий социальной группы женщин в проституции, а также факторов, способствующих переходу от одной стадии на другую.

Полученные результаты представляют собой обобщения эмпирических данных, полученных в рамках нескольких исследований:

1. Исследование «Социология российской проституции». Исследование выполнено по кросс-секционному плану, с использованием количественного подхода. В нем приняли участие женщины, вовлеченные в проституцию (n = 896) в Санкт-Петербурге и Оренбурге. Данные опросов были получены в период с июня 2007 г. по март 2008 г.

2. Исследование с участием руководителей и сотрудников организаций, которые оказывают помощь женщинам, занимающимся проституцией. Исследование проведено по кросс-секционному плану с использованием качественной методологии. Исследование проведено в период с 2009 по 2010 гг., в нем приняли участие представители 16 региональ-

ных организаций, которые работали с женщинами, вовлеченными в проституцию, с ними были проведены полуструктурированные интервью.

3. Исследование опыта занятия проституцией, причин начала и продолжения занятия проституцией. Исследование проведено по кросс-секционному плану в русле качественной методологии в 2019-2020 гг. В качестве метода сбора данных использовались биографические глубинные интервью с женщинами, которые занимались проституцией или имели опыт занятия проституцией. Рекрутирование респондентов в исследование осуществлялось с участием представителей организаций, которые работают с этой целевой группой, – после экспертных интервью сотрудники организаций были проинформированы об исследовании с участием женщин, им было предложено пригласить получателей услуг их организаций принять участие в исследовании. Другая стратегия формирования выборки – метод «снежного кома», каждой участнице было предложено пригласить к участию в исследовании своих знакомых, которые имели опыт занятия проституцией.

Совокупно данные, полученные в рамках данных исследований, были систематизированы для описания этапов жизненных траекторий женщин в проституции.

Этапы жизненных траекторий в проституции

Первым определяемым этапом жизненной траектории женщины в проституции является этап приближения. В рамках данного этапа женщина получает информацию об устройстве проституции как организованной или индивидуальной деятельности. Нередко источниками такой информации оказываются знакомые женщины, вовлечённые в проституцию: либо непосредственно занимающиеся проституцией, либо участвующие в организации проституции. Наличие в ближайшем окружении знакомых, связанных с проституцией, является фактором, способствующим приближению и входу.

Следующий выделяемый авторами этап – этап вхождения в проституцию. Он заключается в первых сексуальных контактах, оказываемых женщиной за деньги или иные виды оплаты (наркотики, алкоголь и т.д.). Результаты проведенных эмпирических исследований показывают три устойчивых сценария перехода на этап вхождения: проституция как выбор в кризисный период жизни; проституция как дополнительный заработок без острой необходимости в деньгах; вхождение в проституцию через сексуализированную эксплуатацию в детском возрасте.

Среди факторов риска перехода от этапа приближения на этап вхождения, которые можно выделить, следующие: наличие людей в окружении, занятых в проституции; наличие опыта занятости в смежной сфере (порнография, стриптиз); наличие тяжелых жизненных или финансовых обременений.

Занятие проституцией сопряжено со значительными трудностями. Женщина в проституции нередко подвергается осуждению со стороны окружающих, находится под угрозой административного преследования, угрозами своему здоровью и безопасности. Одновременно с этим не существует институциональных кодифицированных форм преодоления таких трудностей: каждой женщине приходится самостоятельно вырабатывать стратегии, как с ними справляться. Разработка таких стратегий составляет этап адаптации. Результаты эмпирических исследований позволяют выделить на данном этапе четыре группы женщин в проституции по основанию глубины и успешности их адаптации, а также сопутствующих факторов риска:

1. Начинающие. Данная группа плохо справляется с адаптацией. В данной группе наблюдаются высокие показатели алкоголизации, а также симптоматики нервно-психических расстройств. При условии, если женщине удается решить основные трудности, она оказывается во второй группе. Если адаптация оказывается неуспешной, она может оказаться в четвертой группе.

2. Профессионализированные. Для данной группы наблюдаются наименьшие показатели нервно-психических расстройств, а также наиболее высокие показатели адаптированности.

3. Подрабатывающие. Показатели адаптированности в данной группе низкие, сопоставимы с показателями группы 1, однако женщины в данной группе слабо вовлечены в сферу проституции.

4. Наркозависимые. Женщины в данной группе имеют низкий уровень адаптации, высокие показатели выраженности симптоматики нервно-психических расстройств, сильнее остальных групп нуждаются в помощи со стороны организаций, оказывающих психологическую и социальную помощь.

Переход женщин на этап адаптации в проституции происходит под влиянием тех же факторов, которые присутствовали на этапе вхождения, однако к ним добавляются ряд специфичных: развитие патологических психологических процессов – деперсонализации, дереализации, выработка когнитивных «уловок» – интерпретация проституции женщиной как занятия, профессии.

Третий выделяемый авторами этап – этап погружения или же бытия в проституции. Данный этап происходит при условии, что женщине удается преодолеть значительную часть трудностей, с которыми сопряжено нахождение на этапе адаптации. Также переход на данный этап происходит нередко при убежденности женщины в том, что экономические выгоды для нее оказываются превалирующими над накопленными в рамках этапа адаптации рисками и негативными последствиями. Переходу на данный

этап способствуют следующие факторы: разрыв социальных связей с людьми вне сферы проституции, адаптация к практикам обеспечения личной безопасности, рекламы, взаимодействия с клиентами.

По результатам проведённых эмпирический исследований были выделены следующие типические нарративы женщин о своем бытии в проституции: позитивный, нейтральный и негативный. Позитивный нарратив характеризуется акцентированием внимания в повествовании на ресурсах и жизненном опыте, получаемом женщиной в проституции, а также на повышении самооценки. В нейтральном нарративе присутствуют описания проституции как рутины и неизбежных трудностей работы, опыт насилия описывается в терминах издержек этой деятельности. В рамках негативного нарратива информанты чаще всего описывали необходимость скрывать свое занятие проституцией от окружающих, постоянные риски и опасности, связанные с занятием проституцией, заболевания и расстройства, полученные в рамках деятельности.

Последний этап жизненной траектории в проституции – выход из нее. Он характеризуется, как правило, несколькими попытками прекращения деятельности. Среди факторов, способствующих выходу из проституции, можно обозначить наличие знакомых, имеющих позитивный опыт выхода из проституции; наличие доверительных отношений со специалистами служб социальной защиты (социальными работниками, социальными психологами и др.). Также значимым фактором успешного выхода из проституции является сохранность социальных ролей вне сферы проституции (в личных отношениях, в воспитании детей, на работе и т.д.), а также доверительные взаимоотношения с близкими людьми, не вовлеченными в проституцию.

Переход от одного этапа (приближение, вхождение, адаптация, погружение, выход) к другому обычно происходит постепенно. Однако иногда такой переход происходит в результате трансформационного события – это ограниченные во времени происшествия, по результату которых существенно меняются жизненные условия и социальный статус человека. Элдер называет такие события транзициями или переходами [13]. Среди трансформационных событий этапа вхождения в проституцию может быть названо похищение женщины, появление в ее жизни серьезных финансовых обременений, угроз со стороны людей из сферы проституции.

Для этапа адаптации таким событием оказывается формирование «экономического якоря» – устойчивых практик опоры на полученные в проституции средства для оплаты финансовых обременений.

Трансформационными событиями, способствующими переходу на этап бытия, могут стать разрывы социальных связей с ближайшим окружением женщины. Речь может идти о гибели близких, ссоре с ними, увольнении и т.д. Для этапа выхода таким событием может стать оценка женщиной себя как пожилой и «непригодной» для занятия проституцией, посещение мероприятия программы социальной помощи женщинам в проституции, обретение новых устойчивых социальных связей и ролей (начало романтических отношений, рождение ребенка и др.).

Свойства жизненной траектории не одинаковы по всей ее продолжительности. Некоторые этапы обладают анизотропностью, а некоторые – изотропны. К анизотропным (здесь этот термин применяется в том же смысле, в каком говорят об анизотропности времени) можно отнести этапы адаптации и бытия. Переместившись от этапа адаптации на этап бытия, невозможно вернуться обратно на этап адаптации. Однако этапы приближения, вхождения и выхода изотропны. От этапа вхождения можно вернуться снова на этап приближения или вовсе прервать процесс вовлечения в занятие проституцией. От этапа выхода можно вернуться на этап бытия, снова занявшись проституцией.

Подводя итоги изложения предлагаемой модели этапов жизненной траектории женщины в проституции, можно обозначить ее эвристический и аналитический потенциал. Представление проституции как жизненной траектории позволяет отойти от социального дискурса о проституции как о диагнозе или достигнутом состоянии. Проституция в такой модели оказывается длящимся во времени состоянием, которое значительно отличается на каждом из этапов. Также данная модель позволяет представить женщин в проституции как гетерогенную группу людей, находящихся на разных стадиях своей жизненной траектории в этой сфере. И каждая из стадий, отсюда, требует разных подходов со стороны организаций социального сопровождения и защиты женщин. Также такое разделение на стадии позволяет более детально проследить, как происходит влияние одних и тех же факторов с учетом разного времени их воздействия. Разрыв социальных связей может произойти на стадиях приближения, вхождения, адаптации, бытия или выхода, но для каждой стадии оказываемый эффект фактора будет различаться, и будут требоваться, соответственно, разные действия со стороны социальных служб для работы с последствиями воздействия данного фактора.

Среди направлений дальнейших исследований можно обозначить анализ применимости данной модели для анализа жизненных траекторий женщин в сферах, смежных с проституцией, в особенности для новых сфер, связанных с цифровизацией (продажа обнаженных фотографий, вебкам и др.). Также важным будет рассмотреть изменения жизненных траектории в контексте ценностного подхода для учета влияния трансформирующихся ценностей современного российского общества [16].

Литература:

1. Позднякова М.Е., Брюно В.В. Новые тенденции наркотизации как риски социетального характера // Вестник института социологии. 2018. № 9(1). С. 115–139.
2. Демчук С.Д. Проституция как криминогенное социальное отклонение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4 (38). С. 82–91
3. Cabras F., Ingrascì O. Female Migrant Street Prostitution during COVID-19 in Milan. A Qualitative Study on How Sex Workers Coped with the Challenges of the Pandemic // Sociologica. 2022. № 16(1). P. 95–122.
4. Судебная статистика РФ. URL: https://stat.апипресс.рф/stats/adm/t/31/s/66 (дата обращения: 17.01.2025).
5. МВД подсчитало численность проституток в России // ВЗГЛЯД. URL: https://vz.ru/news/2013/1/25/617509.html (Дата обращения 26.02.2025)
6. Høigård C., Finstad L. Backstreets: Prostitution, money, and love. Penn State University Park: Penn State Press, 1992. 232 p.
7. Sanders T., Campbell R. Designing out vulnerability, building in respect: violence, safety and sex work policy // The British journal of sociology. 2007. № 58(1). P. 1–19.
8. Månsson S. A., Hedin U. C. Breaking the Matthew effect–on women leaving prostitution // International Journal of Social Welfare. 1999. № 8(1). P. 67–77.
9. Sanders T. A continuum of risk? The management of health, physical and emotional risks by female sex workers // Sociology of health & illness. 2004. № 26(5). P. 557–574.
10. Baker L. M., Dalla R. L., Williamson C. Exiting prostitution: An integrated model // Violence against women. 2010. № 16(5). P. 579–600.
11. Jonsson L. S., Svedin C. G., Hydén M. Young women selling sex online–narratives on regulating feelings // Adolescent health, medicine and therapeutics. 2015. № 6. P. 17–27.
12. Oselin S. S. Leaving prostitution: Getting out and staying out of sex work. NY: NYU Press. 2014. 207 p.
13. Elder G.H., Johnson M.K., Crosnoe R. The emergence and development of life course theory // Handbook of the life course. Boston, MA: Springer US, 2003. P. 3–19.
14. Elder G.H., Glen H. Perspectives on the life course // The Blackwell Encyclopedia of Sociology, New Jersey: Blackwell Pub. 1985. P. 31–32.
15. Русакова М.М. Социологическая модель жизненных траекторий женщин, вовлеченных в проституцию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. № 12(3). С. 249–262.
16. Кашина М.А., Ткач С. Методологическое разнообразие в российской социологии: анализ исследований ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. № 14(2). С. 107–123.

The Life Trajectory of Women in Prostitution: Towards a Reconsideration of the Model

Rusakova M.M.
St. Petersburg State University

The relevance of the article is due to the prevalence of prostitution in modern Russian society, as well as a number of social trends that contribute to the spread of this problem: the transformation of public policy in favor of one based on traditional values, digitalization of prostitution, drug addiction of the population. The purpose of the study was to present a comprehensive model of the life trajectory of a woman in prostitution. This goal was achieved through the implementation of a number of tasks: to conceptualize the model of life trajectories in relation to the object of prostitution; to highlight the main stages of the life trajectory of a woman in prostitution; to analyze the factors influencing the transition from one stage to another. The scientific significance of the study is in the formation of an original author's theoretical model of the life trajectory of a woman in prostitution. The practical significance lies in the possibility of developing measures of social work with women in prostitution depending on the stage of the life trajectory. Scientific novelty stems from the lack of works that comprehensively outline the entire life trajectory of a woman in prostitution.

Key words: life path, life trajectory, prostitution, entry, being, approach, adaptation

УДК 316.33
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-304-308

Теория жизненных траекторий: история и перспективы, кейс проституции

Ткач С.
Ведущий социолог Центра прикладной социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Русакова М.М.
Кандидат социологических наук, доцент,
директор Центра прикладной социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Актуальность работы проистекает из необходимости отразить ускоряющиеся социальные изменения российского общества и их влияние на жизни людей при помощи релевантной теории трансформации. Основной целью работы является рассмотрение основных принципов и истории теории жизненных траекторий. Цель была достигнута посредством реализации следующих задач: рассмотреть историю становления теории жизненных траекторий; описать основные понятия данной теории; привести и проанализировать главные теоретические принципы; рассмотреть ограничения и возможности данной теории применительно к российскому контексту; проиллюстрировать эвристический потенциал теории на примере кейса анализа явления проституции. Научная значимость заключается в подробном описании основных принципов данной теории с их соотнесением с рядом смежных теорий (феноменологического подхода, нарративного подхода). Практическая значимость проистекает из возможности применения данной теории для проведения прикладных исследований в современном российском обществе. Научная новизна для отечественной социологии возникает из отсутствия достаточно широкого числа работ, освещающих основные принципы теории жизненных траекторий.

Ключевые слова: *судьба, жизненный путь, жизненная траектория, агентность, транзиции, трансформационные события, сообщество судьбы, проституция*

Для цитирования: *Ткач С., Русакова М.М. Теория жизненных траекторий: история и перспективы, кейс проституции // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 304–308. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-304-308.*

Концептуализацию жизненного пути человека можно обнаружить во множестве актуальных социологических традиций. Г. Зиммель в рамках феноменологической традиции обращается к идее судьбы – последовательности событий, которые привели человека к его смерти. И при условии, если смерть человека не была трагичной и неожиданной, жизненный путь человека может быть предметом анализа в виде цепочки связанных между собой казуальностью этапов [1]. Другой традицией является нарративный подход в биографических исследованиях, предложенный Ф. Шюце. В рамках данного

подхода жизнь человека может быть метафорически представлена в виде текста рассказа (нарратива), который, подобно тексту, расположенному на странице, имеет единственное направление чтения – слева-направо, сверху-вниз. Такая теоретическая метафора позволяет так же, как и путь движения человеческого взгляда по странице с текстом, проследить жизненный путь человека [2]. В рамках американской эмпирической школы жизненный путь был концептуализирован в теории жизненных траекторий, которая обладает значительным эвристическим потенциалом для рассмотрения актуальных социальных проблем российского общества. Отсюда целью данной статьи является изложение основных этапов истории и положений теории жизненных траекторий, а также обозначения ее возможностей и ограничений.

История становления теории

Среди ранних социологических работ, в которых в качестве единиц анализа рассматриваются жизненные траектории, можно назвать классический труд У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» [3]. Однако самостоятельно теория жизненных траекторий черпает свои основания в более поздней фундаментальной работе Ч. Миллза «Социологическое воображение» [4], в которой автор поднимает вопрос о том, что действительно стоит за личными неудачами или успехами. Ч. Миллз полагал, что научиться мыслить социологически означает, в первую очередь, научиться обнаруживать в событиях повседневности шлейф крупных социальных тенденций, понимать общность происшествий собственной жизни с событиями других людей, видеть в числе факторов происхождения данных событий социальные явления.

Другим контекстуальным основанием для появления теории становится ответ научного сообщества (к которому можно отнести и работу Ч. Миллза – см. Главу 3 «Высокая теория» [4, с. 31]) на доминирование теорий структурного функционализма в социологии. Кризис монопарадигмальности в 1950-е гг. описывает подробно Г. Маркузе в своей монографии «Одномерный человек», где он называет установление монопарадигмальности в общественных науках признаком их выхолащивания, трансформации в одномерные структуры [5]. Позиция Г. Маркузе и многих других социологов того периода противоречила более раннему предположению, что науки по мере накопления в них знания стремятся к монопарадигмальности, и это, безусловно, позитивный процесс [6]. Структурный функционализм подвергался критике из-за недостаточного внимания к человеку, его переживаниям и мыслям [7]. Теория жизненных траекторий, напротив, видит своим объектом судьбу человека в ее единстве с социально-историческим контекстом.

Г. Элдер, один из основателей парадигмы жизненного пути, в рамках которой получила развитие теория жизненных траекторий, самостоятельно выделяет пять основных исторических причин, которые обусловливают появление и становление теории [8]:

1. Взросление респондентов, отобранных в первые панельные исследования детства. Полученные в начале XX в. данные о детстве данных респондентов позволяли в 1950-е гг. связать эти данные с их текущими жизненными успехами. Значительная часть ранних работ теории жизненных траекторий опиралась на такой ретроспективный анализ.

2. Ускорение социальных изменений, рост социальной мобильности. В отличие от психологических теорий развития личности [9], теория жизненных траекторий обращается как к рассмотрению персональных типических трансформационных событий (получение образования, сепарирование от родителей, трудоустройство и т.д.), так и к анализу влияния макросоциальных явлений (экономические кризисы, войны, индустриализация, технологические революции и т.д.). Ускорение социальных трансформаций и изменений привели к тому, что человек за свою жизнь может оказаться свидетелем множества подобных крупных событий, которые отразятся на его личной жизни и жизненных траекториях в различных сферах.

3. Изменения демографического состава населения США и ряда стран Европы, где теория получила наибольшую популярность. Рост миграционной динамики сформировал запрос на исследовательскую рефлексию индивидуальных практик адаптации мигрантов, а также влияния национальных культур мигрантов на государственные институты.

4. Изменение возрастной структуры населения. Увеличение продолжительности жизни, сокращение рождаемости в рамках второго демографического перехода привели к изменению основных этапов жизненного пути человека, которые также не нашли должного отражения в научной литературе в период создания теории.

5. Рост популярности лонгитюдных исследований в период с 1920-х по 1950-е гг. [9, с. 5] В этот период происходит становление американской эмпирической школы, которая характеризуется рядом черт: ориентация на прикладной характер исследований; использование многомерного статистического анализа при обработке результатов; стремление к стандартизации методик сбора и обработки данных; развитие центров агрегирования и хранения результатов социологических исследований в соответствии с существовавшими принципами центров хранения статистических данных [10]. Эти условия способствовали популяризации лонгитюдных исследований, а также росту доступности материла, полученного в таких исследованиях, в том числе на

панельных выборочных совокупностях, данные которых служили эмпирической иллюстрацией жизненного пути респондентов.

Определение понятия жизненного пути

Жизненный путь формируется и трансформируется в контексте времени и места, люди создают свою собственную жизнь, совершая выбор и действуя в условиях возможностей и ограничений, существующих социальных и исторических обстоятельств. Жизненные пути переплетаются и влияют друг на друга через социальные отношения, социальные сети, членство в группах и т.д.

Теория жизненного пути включает в себя два основных элемента – траектории и транзиции. Жизненная траектория представляет собой «долгосрочные паттерны поведения», путь или линию развития в течение жизни, которая относится к определенной сфере жизни (например, образовательная или профессиональная траектория) [11]. Транзиции – переходы, изменения состояния, происходящие с течением времени. Транзиции всегда «встроены» в жизненную траекторию [12].

Г. Элдер также выделяет ряд ключевых принципов теории:

1. Человеческое развитие происходит на протяжении всей жизни [9, с. 11]. Авторы данной теории отвергают сформированный в более ранних трудах принцип дискретности жизненных этапов. Более ранние теории, рассматривавшие процесс социализации, например, теория социализации З. Фрейда [13] или теория инстинктов Т. Веблена полагали взрослость итогом раннего формирования личности [14]. При этом сами взрослые люди в таких теориях оказываются относительно стабильны и устойчивы к изменениям. Теория жизненных траекторий, напротив, видит взрослость или любой другой этап флюидным.

2. Люди обладают агентностью, которая выражается в принимаемых ими решениях в рамках существующих социальных и исторических обстоятельств [9, с. 11]. Авторы теории жизненных траекторий занимают здесь близкую позицию к теоретическим основаниям экзистенциальной философии и пониманию агентности там. В частности, Ж.-П. Сартр под агентностью понимает субъективность выстраиваемого жизненного опыта как итог принятых в течение жизни решений [15]. Так же, как и в экзистенциализме, в теории жизненных траекторий агентность неотвратима от человека – даже в ситуации исключительных лишений и ограничений человек не свободен от выбора среди тех вариантов, которыми он располагает.

3. Социально-историческая обусловленность событий жизненного пути [9, с. 12]. В данном принципе выражается опора теории на упоминавшуюся работу Миллза. При этом Элдер и другие авторы теории не стараются разрешить противоречие микро- и макросоциологических наблюдений, которая становится предметом более поздней исследовательской рефлексии (в частности, в работах П. Бурдье [16] и Э. Гидденса [17]), лишь констатируя наличие влияния макрофакторов на жизненную траекторию.

4. Одни и те же события по-разному переживаются людьми на разных этапах жизненного пути и в разных жизненных траекториях [9, с. 12].

5. Жизненные траектории людей переплетаются, образуя трансформирующиеся сети. Исторические события, в первую очередь, отражаются в этих сетях, а далее – в жизненной траектории отдельного человека [9, с. 13]. Данный принцип видится синонимичным уже упоминавшейся концепции судьбы Г. Зиммеля, который также вводит идею переплетения судеб и сообщества судьбы – совокупности судеб, объединенных единым крупным событием [1].

Кейс проституции: этапы жизненной траектории

Теория жизненных траекторий активно использовалась в исследованиях девиантного поведения. Примером такой работы может служить исследование К. Тенитиловой с соавторами о жизненных траекториях несовершеннолетних [18]. Концепция жизненных траекторий позволяет анализировать развитие судьбы людей с девиантным поведением при разных обстоятельствах и отслеживать, как реабилитационные программы влияют на судьбу через моделирование возможных вариантов развития. Такое понимание жизненного пути можно обнаружить, например, в работах А. Любимовой с соавторами [19] и А. Шаболтас с соавторами [20]. Концепция жизненного пути применительно к девиантному поведению используется в качестве методологической базы ряда международных программ медицинской и социальной реабилитации. В частности, речь идет о программе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по заполнению пробелов в области охраны психического здоровья (*mhGAP*) [21], программе ВОЗ по борьбе с ВИЧ/СПИД [22].

Исходя из ее применимости для исследования девиантного поведения, теория может быть проиллюстрирована анализом социального явления проституции. Опора на актуальную исследовательскую литературу позволяет выделить типичные биографические этапы жизненных траекторий женщин в проституции:

1. Приближение. Данный этап заключается в формировании у женщины представлений о содержании и устройстве проституции как формы деятельности. Информация о данных аспектах нередко представляется женщине со стороны ее знакомых, вовлеченных в данную сферу. Данный этап был впервые выделен автором статьи, также была продемонстрирована критическая значимость обстоятельств данного этапа на объем накопленных

негативных последствий проституции для женщины [23].

2. Вхождение. Этап характеризуется первым опытом женщины оказания сексуальных услуг за денежное или иное материальное вознаграждение. Ряд авторов указывают, что вхождение – это этап, на который женщина нередко переходит несколько раз, возвращаясь на этап приближения под давлением собственных сомнений или осуждения окружающих [24].

3. Адаптация. Поскольку занятие проституцией сопряжено с разрешением ряда сущностных трудностей (поиск сценариев сокрытия своей деятельности от правоохранительных органов, обеспечения собственной безопасности и т.д.), содержание данного этапа заключается в поиске оптимальных стратегий по их преодолению [25].

4. Бытие в проституции. Данный этап представляет собой рутинизированные практики занятия проституцией [26].

5. Выход из проституции. Этот этап, заключающийся в прекращении занятия проституцией, так же, как и этап вхождения, может быть достигнут женщиной несколько раз, так как нередко, как показывают Х.Р. Фукс Эбо, женщина возвращается от данного этапа на этап бытия в проституции [27].

Заключение

Ускоряющиеся трансформации и изменения в современном российском обществе, а также существующий запрос ввиду данных изменений на внимание к личности человека, делает теорию жизненных траекторий особенно актуальной. Однако важно обозначить ее ограничения.

Первое из них связано с парадигмальной принадлежностью теории. Согласно классификации Дж. Крезвела [28], теория жизненных траекторий в рамках парадигмы жизненного пути может быть скорее отнесена к количественной парадигме. Упоминаемый здесь феноменологический подход оказывается сравнительно более чувствительным к качественным данным. Отсюда организация исследований с опорой на теорию жизненных траекторий может быть сопряжена с ресурсными затратами организации панельных опросов респондентов.

Другим ограничением является опора по аксиому Миллза о связи макрофакторов и жизненного опыта. Данная опора заставляет исследователей обращать внимание на макрофакторы даже в тех ситуациях, когда их вклад минимален или вовсе отсутствует.

В качестве направлений дальнейшей работы важно обозначить исследования, раскрывающие применимость данного теоретического подхода для интеграции российской действительности.

Литература:

1. Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.
2. Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 1994. № 3-4. С. 34–43.
3. Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America (Vols. 1&2). Boston: Badger, 1918–1920. 544 p.
4. Mills C.W. The sociological imagination. New York: Oxford University Press. 1959. 256 p.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
6. Илиев И.А. Краткий исторический обзор и экскурс в историю: моно или полипарадигмальная наука; экономика или экономики // Terra Economicus. 2007. № 5(1-3). С. 124–128.
7. Батыгин Г.С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2003. № 4-5. С. 6–34.
8. Elder G.H., Johnson M.K., Crosnoe R. The emergence and development of life course theory // Handbook of the life course. Boston, MA: Springer US, 2003. P. 3–19.
9. Тайсон Р., Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития. М.: Когито-Центр, 2015. 407 с.
10. Bulmer M. The Chicago school of sociology: Institutionalization, diversity, and the rise of sociological research. University of Chicago Press, 1986. 258 p.
11. Elder G. H., Glen H. Perspectives on the life course // The Blackwell Encyclopedia of Sociology. New Jersey: Blackwell Pub. 1985. P. 31–32.
12. Elder G.H. Life course dynamics: Trajectories and transitions, 1968-1980. Ithaca, NY: Cornell University Press. 1985. 345 p.
13. Hurrelmann K., Bauer U. Socialisation during the life course. New-York: Routledge, 2018. 168 p.
14. Leathers C.G. Veblen and Hayek on instincts and evolution // Journal of the History of Economic Thought. 1990. № 12(2). P. 162–178.
15. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ; Астрель, 2012. 925 с.
16. Лунь Ч.Х., Ерохина Л.Д., Ерохин А.К. Теория структурации Э. Гидденса и теория «габитуса» П. Бурдье: сравнительный анализ // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 19(61). С. 109–113.
17. Климов И.А. Социологическая концепция Энтони Гидденса // Социологический журнал. 2000. № 1-2. С. 121–149.
18. Тенитилова К.С., Абаева С.М., Беляева В.Г. Педагогическая реабилитация несовершеннолетних с девиантно-криминальным поведением // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 4-3 (118). С. 124–126.

19. Lyubimova A. et al. IDUs' sexual behaviour in the context of HIV epidemic generalization in Russia: A comparative analysis of data from eight Russian cities // XVIII International AIDS Conference Vienna, Austria. 2010. P. 18–23.
20. Shaboltas A.V. et al. HIV prevalence, sociodemographic, and behavioral correlates and recruitment methods among injection drug users in St. Petersburg, Russia // JAIDS Journal of Acquired Immune Deficiency Syndromes. 2006. № 41(5). P. 657–663.
21. World Health Organization. Mental Health Gap Action Programme: MhGAP intervention guide for mental, neurological and substance use disorders in non-specialized health settings: Version 1.0 // World Health Organization. 2010. URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789241549790 (дата обращения: 07.05.2025).
22. World Health Organization. Consolidated guidelines on the use of antiretroviral drugs for treating and preventing HIV infection: recommendations for a public health approach. // World Health Organization. URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789241549684 (дата обращения: 07.05.2025).
23. Русакова М.М. Социологическая модель жизненных траекторий женщин, вовлеченных в проституцию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. № 12(3). С. 249–262.
24. Shanahan R. Youth engaging in prostitution: An examination of race, gender, and their intersections.
25. College Park: University of Maryland. 2013. P. 206. Williamson C. The progression of street prostitution // Journal of adolescent health. 2000. № 26(2). P. 98–98.
26. Chapkis W. Power and control in the commercial sex trade // Sex for sale: Prostitution, pornography, and the sex industry. New-York: Routledge, 2000. P. 181–201.
27. Fuchs Ebaugh H. R. Becoming an Ex. The Process of Role Exit. Chicago: The University of Chicago Press, 1988. 268 p.
28. Creswell J.W., Creswell J.D. Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approaches. Los-Angeles, London, New Delhi, Singapore: Sage Publications, 2017. 270 p.

Life Trajectory Theory: History and Prospects, Case of Prostitution

Tkach S., Rusakova M.M.
St. Petersburg State University

The relevance of the work stems from the need to reflect the accelerating social changes in Russian society and their impact on people's lives using a relevant theory of transformation. The main goal of the work is to consider the basic principles and history of the life course theory. The goal was achieved through the following tasks: to consider the history of the development of the life course theory; to describe the basic concepts of this theory; to present and analyze the main theoretical principles; to consider the limitations and possibilities of this theory in relation to the Russian context; to illustrate the heuristic potential of the theory using the example of a case study of the phenomenon of prostitution. The scientific significance lies in the detailed description of the basic principles of this theory with their correlation with a number of related theories (phenomenological approach, narrative approach). Practical significance stems from the possibility of using this theory to conduct applied research in modern Russian society. Scientific novelty for Russian sociology arises from the lack of a sufficiently wide number of works covering the basic principles of the life course theory.

Key words: fate, life path, life trajectory, agency, transitions, transformational events, community of fate, prostitution

УДК 316.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-309-313

Об особенностях внедрения целевой модели наставничества в образовательные учреждения: региональный опыт

Фатхуллина Л.З.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии науки и социальной работы Казанского национального исследовательского технологического университета

Низамова А.Х.
Старший преподаватель кафедры водоснабжения и водоотведения Казанского государственного архитектурно-строительного университета

В статье рассматривается вопрос, связанный с изучением регионального опыта внедрения целевой модели наставничества в образовательные организации. Цель исследования – проанализировать теоретический материал и рассмотреть опыт различных учреждений образования. Авторы рассматривают как отечественный, так и зарубежный опыт, выявляют общее и различное. Проведено авторское исследование, позволяющее выявить критерии, эффективно/негативно влияющие на процесс внедрения системы наставничества, выявить мнение педагогов на изучаемый процесс. Результаты исследования поспособствуют усовершенствованию методического обеспечения системы наставничества, разработке программ стимулирования наставников и создания условий, раскрывающих личностный и педагогический потенциал.

Ключевые слова: *целевая модель наставничества, образовательное учреждение, молодой специалист, инструмент, вхождение в профессию, региональный опыт*

Для цитирования: *Фатхуллина Л.З., Низамова А.Х. Об особенностях внедрения целевой модели наставничества в образовательные учреждения: региональный опыт // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 309–313. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-309-313.*

Развитие и актуализация системы образования является естественным и важным процессом. Говоря о направлениях развития современной школы, исследователи часто затрагивают тему наставничества. Одним из наиболее перспективных и, пожалуй, необходимым шагом в развитии образовательных учреждений является подготовка кадров, направленная на закрепление молодых педагогов. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что системой, позволяющей на рабочем месте передавать профессиональный опыт и знания, повышать мастерство молодых специалистов, является наставничество.

Данному феномену уделяется достаточно внимания в научной литературе. Л.В. Рубцова отмечает, что «наставничество в образовании – условие для профессионального становления молодого учителя, оно играет важную роль в повышении педагогического мастерства» [1].

В работе М.И. Мыхнюка говорится, что «наставничество – это условие профессионального становления молодого педагога, рассматриваемое как дли-

тельный поэтапный и целенаправленный процесс профессионального становления с учетом адаптации и стимулирования мотивации к совершенствованию системы знаний и умений» [2].

Л.А. Серикова акцентирует внимание на том, что «наставничество – гибкий метод подготовки и погружения в профессию, основанный на взаимодействии и мотивации обеих сторон. Оно предполагает отсутствие строгих правил, вариативность использования различных методов адаптации и не ограничивается ситуациями» [3].

Зарубежные исследователи солидарны с отечественными в том, что наставничество является эффективным инструментом при вхождении молодого педагога в профессию. Например, A.K. Parker, K. Zenkov, H. Glaser утверждают, что институт наставничества необходим, так как достаточно низкий уровень закрепления молодых специалистов в образовательных организациях [4].

E.N. Kurti разработал пятифакторную модель наставничества, которая позволяет выявить уровень воздействия наставника на начинающего специалиста во время прохождения педагогической практики. Результаты также показали, что учителя получали информацию о личных качествах, но указывали на недостаток обратной связи от наставников [5].

M. Moloney, J. Pope акцентировали внимание на том, что наставник должен быть готов к выполнению этой роли. Не каждый работник может выступать в качестве наставника, для этого, кроме опыта, необходимы личное желание и мотивация. По их мнению, программы подготовки наставников должны быть направлены на расширение знаний, личный и профессиональный рост [6].

Таким образом, наставничество – это технология, направленная на передачу знаний и умений на различных этапах адаптации молодого специалиста (прогностическом, практическом и аналитическом) [7].

Взаимосвязанным с понятием «наставничество» является понятие «целевая модель наставничества», под которым понимается максимально полное раскрытие потенциала личности наставляемого, необходимое для успешной личной и профессиональной самореализации [8].

В этой связи особо актуализировался вопрос внедрения в отечественных образовательных учреждениях системы (целевой модели) наставничества, включающей семь этапов:

1. Подготовка условий для запуска программы наставничества.
2. Формирование базы наставляемых.
3. Формирование базы наставников.
4. Отбор и обучение наставников.
5. Формирование наставнических пар или групп.
6. Организация работы наставнических пар или групп.
7. Завершение наставничества.

На каждом из этапов важно налаживание чёткого взаимодействия всех заинтересованных сторон, определение ответственных за его реализацию, а также мониторинг достигнутых результатов [9].

Внедрение целевой модели наставничества реализуется во многих учреждениях Республики Татарстан. Примером реализации целевой модели наставничества является проект «Региональная система организации наставничества педагогических и руководящих кадров на основе сетевого взаимодействия», реализуемая ГАОУ ДПО «Институт развития образования Республики Татарстан» совместно с Российской академией образования. Суть проекта заключается в создании площадки, на которой каждый педагог сможет спроектировать личную стратегию профессионального совершенствования, обменяться опытом путем сетевого взаимодействия с представителями из районов республики. Помимо этого, в рамках проекта опробован сетевой ресурс – «Школа наставничества», созданы виртуальные профессиональные сообщества и стажировочные площадки, был сформирован Республиканский совет наставников [10].

В ГАПОУ «Чистопольский сельскохозяйственный техникум им. Г.И. Усманова» разработана «Дорожная карта развития начинающего педагога», включающая участие молодого специалиста во внутренних и внешних мероприятиях, плотную работу в диаде «наставник – наставляемый». Назначение наставника происходит только при наличии взаимного согласия опытного педагога и молодого специалиста [11].

Наставничество в ГАПОУ «Нижнекамский педагогический колледж» выстроено в формате «наставник – наставляемый» в так называемой «Школе молодого педагога». Первый этап такого взаимодействия включает диагностические методики и опросные методы, анализ нормативно-правовой базы, посещение занятий и мастер-классов опытных педагогов. В завершение проводится повторное анкетирование и диагностика для анализа профессионального роста [12].

В лицее № 35 г. Казани была реализована дуальная модель наставничества. В рамках данной модели были сформированы наставнические пары различных форматов: «опытный педагог – молодой учитель», «неформальный лидер учителей – учитель, испытывающий проблемы», «опытный учитель – инновационный педагог», «равный равному». Далее реализовано обучение наставников, завершением которого стало итоговое собеседование наставников и разработка дорожных карт. Программа наставничества реализовывалась после описанных этапов [13].

Несмотря на то, что целевая модель наставничества довольно успешно внедряется в образовательные учреждения, тем не менее, существуют

факторы, замедляющие этот процесс. Проанализировав опыт общеобразовательных учреждений, мы пришли к выводу, что тормозит процесс внедрения целевой модели – недостаточная осведомленность наставников о своих ролях и обязанностях, не всегда удается найти взаимопонимание в связке «наставник – наставляемый», что приводит к несогласованности действий между участниками процесса. Кроме того, наставничество сегодня – дополнительная нагрузка на опытных педагогов, которое не предусматривает дополнительное материальное стимулирование, что существенно снижает внедрение системы наставничества.

Психологические аспекты также оказывают негативное влияние на процесс внедрения программы наставничества. Опытные педагоги не всегда готовы делиться своим опытом и знаниями, видя в этом аспект конкуренции; нововведения вызывают некоторое сопротивление, так как требуют новых усилий; молодые специалисты испытывают страх из-за недостатка некоторых компетенций. В некоторых случаях, молодой педагог обладает большими компетенциями, чем наставник, например в сфере использования цифровых технологий, что снижает эффективность коммуникаций и может привести к конфликтам.

Таким образом, организационные, психологические и технические факторы могут препятствовать эффективному внедрению целевой модели наставничества. Можем сказать, что от нахождения правильного решения по данному вопросу во многом зависит прогрессивный потенциал развития современной школы. На сегодняшний день можно констатировать существование возрастного дисбаланса в кадрах школы. Данные обстоятельства объясняют стремление закрепить инициативную и способную молодежь.

Для выявления факторов, негативно влияющих на развитие региональной системы наставничества, нами проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие педагоги общеобразовательных учреждений города Казани (опрошено 100 чел., среди респондентов преимущественно женщины – 89 %, возраст 40–49 лет, стаж работы – более 15 лет). Разработанная анкета включала вопрос: «Выберите факторы, негативно влияющие, по Вашему мнению, на развитие региональной системы наставничества в целом», ответы представлены на рисунке 1.

Как видим из рисунка 1, в наибольшей степени препятствуют внедрению целевой модели наставничества «высокая загруженность наставников и наставляемых» (64 %) и «отсутствие программы материального стимулирования наставников» (54 %). Далее ответы распределились следующим образом: «отсутствие у части педагогов восприятия наставничества как механизма профессионального роста педагогов» (45 %), «отсутствие желания у опытных педагогов становиться наставниками» (44 %), «несовершенство нормативно-правового обеспечения системы наставничества» (40 %). Результаты проведенного исследования, подтвердили вышеописанный анализ литературы. Можем сказать, что необходимо выстроить систему, при которой педагоги, изъявившие вести наставническую деятельность, будут освобождены от дополнительной бюрократической нагрузки; важно найти ресурсы для материального стимулирования и популяризировать сам формат «наставнической деятельности». На рисунке 2 представлены критерии, по которым оценивается эффективность реализации программы наставничества.

В целом, респонденты признают, что основной критерий – укрепление уверенности в собственных силах и развитие личностного и педагогического потенциала работников всех категорий (92 %). Важными являются и такие критерии, как «повышение уровня включенности молодых и начинающих специалистов в педагогическую деятельность и социально-культурную жизнь образовательной организации (91 %) и «повышение уровня удовлетворенности педагогов собственной работой (90 %).

Отметим, что четверть респондентов указала на то, что критерий «рост числа педагогов, сумевших преодолеть профессиональное выгорание, устранивших профессиональные и личностные затруднения», не является показателем эффективности реализации программы наставничества.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Выберите факторы, негативно влияющие, по Вашему мнению, на развитие региональной системы наставничества в целом», %

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «По каким критериям оценивается эффективность реализации программы наставничества в Вашей образовательной организации?», %

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «По каким критериям, на Ваш взгляд, следует оценивать эффективность функционирования региональной системы наставничества?», %

Как показало исследование, критерии эффективности внедрения на уровне образовательной организации и на региональном уровне имеют различия. Ответы респондентов на вопрос: «По каким критериям, на Ваш взгляд, следует оценивать эффективность функционирования региональной системы наставничества?» представлены на рисунке 3.

Как видим, при оценке региональной системы наставничества, респонденты, в первую очередь, указали «повышение профессионального мастерства педагогических работников» (90 %), на втором – «построение открытой среды наставничества педагогических работников, партнерского взаимодействия среди всех субъектов наставнической деятельности (87 %). Интересным, на наш взгляд, является распределение ответов на вариант «сокращение времени на адаптацию молодого/начинающего педагога в образовательной организации» – 58 % опрошенных согласны с этим утверждением, 42 % – нет.

Таким образом, целевая модель наставничества в республике востребована, активно внедряется. Для повышения эффективности внедрения целевой модели важно институционализировать понятие «наставника»: усовершенствовать нормативную базу, четко прописать должностные обязанности, определиться с источником финансирования, отобрать кандидатов на роль наставника, организовать научно-методическую поддержку наставников, выстроить основы взаимоотношения «наставник – наставляемый», руководителям образовательных организаций создавать социально-психологическую среду, способствующую высокой удовлетворенностью педагогов своей работой.

Литература:

1. Рубцова Л.В. Сущность и содержание понятий «научное руководство», «наставничество» и «научное наставничество» // Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства. Материалы X Межд. науч.-практ. конф., Челябинск (10 февраля 2023 года). Челябинск: Челябинский филиал РАНХиГС, 2023. С. 55–66.
2. Мыхнюк М.И., Тархан Л.З. Наставничество как условие профессионального становления молодого педагога // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вер-

надского. Социология. Педагогика. Психология. 2025. Т. 11. № 1. С. 101–109.
3. Серикова Л.А., Неясова И.А., Сериков К.Д. Разработка содержания наставничества вожатых с использованием цифровой информационно-коммуникативной среды // Проблемы образования в условиях инновационного развития. 2023. № 1. С. 108–112.
4. Parker A.K., Zenkov K., Glaser H. Preparing school-based teacher educators: Mentor teachers' perceptions of mentoring and mentor training // Peabody Journal of Education. 2021. Vol. 96. № 1. P. 65–75.
5. Kurti E.N. Exploring the Contribution of the Five-Factor Mentoring Model in Advancing the Pre-Service Teachers Personal and Professional Growth // International Journal of Instruction. 2023. Vol. 16 № 1. P. 469–488.
6. Moloney M., Pope J. Willing and unable or willing and able? Insights from an evaluation of a mentoring training programme for early childhood teachers in Ireland // Education. 2023. № 3-13. P. 1-16.
7. Нугуманова Л.Н., Шамсутдинова Л.П., Фатхуллина Л.З. Особенности выстраивания взаимодействия в диаде «наставник-молодой педагог» с позиции наставника // Нижегородское образование. 2024. № 4. С. 72–79.
8. Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися. URL: https://docs.cntd.ru/document/564232795 (дата обращения: 23.05.2025).
9. Методология (целевая модель) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися / Под общ. науч. рук-вом Н.Ю. Синягиной. М.: АНО «Институт развития социального капитала и предпринимательства», 2019. 267 с.
10. Нугуманова Л.Н. Региональная система организации наставничества педагогических и руководящих кадров на основе сетевого взаимодействия: пролонгация проекта в Республике Татарстан // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. 2023. № 2. С. 5–9.
11. Нуретдинова Н.С. Сопровождение молодого (начинающего) педагога в условиях ГАПОУ «Чистопольский сельскохозяйственный техникум им. Г.И. Усманова» в период адаптации // Наставничество: тенденции и перспективы: материалы республиканской науч.-практ. конференции (08 февраля 2023г., г. Казань). Казань: Казан. колледж строительства, архитектуры и городского хозяйства, 2023. С. 401–403.
12. Галяутдинова Л.Р. Методическое сопровождение молодых преподавателей в форме наставничества «педагог-педагог» // Наставничество как механизм обеспечения качества образования и профессионального роста педагога СПО: материалы республиканской науч.-практ. конференции (20 января 2023 г.). Казань: Казан. колледж строительства, архитектуры и городского хозяйства, 2023. Вып. 1. С. 96–99.
13. Ахметзянов И.З. Развитие методической компетентности педагогов на основе модели дуального наставничества // Сб. «Казань-арена инновационных педагогических практик». Казань: Казан. фед. ун-тет, 2023. С.46–50.

On the Features of Implementation of the Target Model of Teaching in Educational Institutions: Regional Experience

Fatkhullina L.Z.
Kazan National Research Technological University
Nizamova A.K.
Kazan State University of Architecture and Civil Engineering

In the article, a question related to the study of the regional experience of implementing the target model of mentoring in educational organizations is considered. The purpose of the study is to analyze the theoretical material and consider the experience of various educational institutions. The author considers both domestic and foreign experience, showing common and different. The author's study was conducted, which allowed to identify criteria that effectively/negatively influence the process of implementation of the tutoring system, to reveal the opinion of teachers on the process being studied. The results of the study contribute to the improvement of the methodological support of the mentoring system, the development of mentoring programs and the creation of conditions that reveal personal and pedagogical potential.

Keywords: target model of mentoring, educational institution, young specialist, instrument, entering the profession, regional experience

УДК 316.013
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-314-319

Влияние бюджетного высшего онлайн-образования на молодежную миграцию из средних городов Республики Татарстан: мнения экспертов

Швецов Л.К.
Аспирант Центра перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан (Казань)

Хайруллина Ю.Р.
Доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Центра перспективных
экономических исследований и Центра семьи и демографии
Академии наук Республики Татарстан (Казань)

В статье рассматривается актуальный феномен молодежных миграций из средних городов в рамках Республики Татарстан в связи со статистически фиксируемым оттоком населения в таких городах, как Бугульма и Лениногорск, а также социальным запросом на решение данной проблемы. Цель исследования выражается в определении уровня значимости концепта бюджетного высшего онлайн-образования как фактора снижения интенсивности молодежных миграций из средних городов. Оценка значимости производилась путем экспертных интервью лиц, непосредственно причастных к привлечению абитуриентов в вузы. Среди задач исследования имелись: статистическая оценка масштабов проблемы молодежных миграций из Бугульмы и Лениногорска, теоретическое обоснование создания концепта бюджетного высшего онлайн-образования, проведение экспертных интервью и синтез выводов. В практическом смысле собранные данные позволили продвинуться в понимании вопроса о жизнеспособности созданного концепта, а также установить, что сам по себе изучаемый концепт может быть полезен только в комплексе ряда других мер, способствующих снижению интенсивности молодежных миграций из средних городов.

Ключевые слова: *молодежные миграции, средние города, онлайн-образование, трудовые ресурсы, социальная мобильность*

Для цитирования: *Швецов Л.К., Хайруллина Ю.Р. Влияние бюджетного высшего онлайн-образования на молодежную миграцию из средних городов Республики Татарстан: мнения экспертов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 314–319. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-314-319.*

Проблема миграции населения из средних городов и его консолидации в больших и столичных городах является серьезной проблемой в современной России как на уровне федерации [1, с. 110–127], так и в рамках Республики Татарстан. Как показывают данные, наибольший процент «потенциальных мигрантов» приходится на средние города республики, он равняется 49 % в 2022 г. [2] Дальнейшее развитие средних городов значительно усложняется, так как вымывается передовой человеческий капитал, рабочей силы становится меньше, в результате чего многие экономически важные предприятия умень-

шают свою эффективность, что потом сказывается на жизни и благосостоянии оставшегося населения. Среди мигрантов нередко оказываются и очень талантливые специалисты, которые имеют потенциал во внесении различных инноваций в развитие города. Спрос на товары и услуги падает, в результате чего закрываются многие предприятия, а разные досуговые формы социальной жизни становятся еще более недоступными оставшемуся населению, что сокращает социокультурную среду и побуждает к очередному оттоку наиболее мобильных и креативных групп населения как, например, молодежи.

Так, согласно данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, в среднем городе Бугульме по статистическим отчетам на начало 2023 г. [3], в сравнении с началом 2024 г. [4], число молодежи от 18 до 35 лет уменьшилось на 778 чел. (4,7 %).

При всем этом наибольшее уменьшение людей наблюдается с 29 до 35 лет, а увеличение численности происходит с 21 до 28 лет. Предварительно можно предположить, что данные цифры обуславливаются более высокими требованиями к уровню жизни у молодежи постарше. У тех, кто, как правило, уже имеет семьи, своих детей. В свою очередь, прирост людей от 21 до 28 может объясняться так называемой «маятниковой миграцией», когда молодые люди, закончив свое обучение в вузах, возвращаются на свою «малую родину».

Так же, к примеру, в среднем городе Лениногорске (аналогично находящимся в Республике Татарстан), согласно данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, которые следуют из отчетов за начало 2023 г. [3], сравнивая с началом 2024 г. [4], число молодых людей от 18 до 35 уменьшилось на 1348 чел. (10,5 %).

В отличие от Бугульмы, в Лениногорске возрастные когорты, в которых виден отток молодежи, более вариативны. Самый наибольший отток наблюдается от людей 19–20 лет, а также от 32 и 35 лет. Люди 19–20 лет являются одной из самых мобильных социальных групп в миграционных процессах, мотиватором к смене места жительства также как и в 17–18 лет нередко является получение образования, поэтому наблюдаемая тенденция неудивительна. Наибольший отток людей в 32 и 35 лет так же, как и в Бугульме, может объясняться требованиями к более высокому уровню жизни. При этом приток молодых людей виден в возрасте от 21 до 26 лет, что также предположительно можно трактовать как «маятниковую миграцию».

Как бы там ни было, рассмотрение демографической ситуации последних двух лет даже в двух средних городах Республики Татарстан явственно дает понять, что отток молодежи абсолютно точно происходит и является реальностью. Где-то темпы миграций сильнее, где-то слабее. С точки зрения возрастных когорт, где-то отток распределен равномерно, а где-то со смещением в определенные когорты. Это значит, что при разработке мер, направленных на удержание молодежи как человеческого капитала в средних городах Республики Татарстан, следует подходить индивидуально, учитывая сложившиеся социально-экономические реалии в каждом отдельном городе.

Необходимо отметить, что проблема молодежной миграции из средних городов рассматривается государственными органами в целом по России, как это следует, например, из стенограммы по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и нацпроектам и комиссий Госсовета по направлениям социально-экономического развития, размещенной на веб-сайте Президента России [5]. Аналогичным образом и в Республике Татарстан государственные служащие заявляют о такой проблеме, ставятся задачи по ее решению [6].

Социологи и демографы также изучают проблему молодежной миграции на уровне разных субъектов Российской Федерации [7], в том числе и в Республике Татарстан [8]. Среди ключевых факторов ими выделяются экономические и социокультурные факторы, например, существующие мифы и симулякры о бесспорных преимуществах крупных городов [9].

Также в рамках авторских теоретических и эмпирических исследований выявления факторов молодежной миграции, а также путей ее преодоления в современных отечественных условиях, рассматривается роль лидеров мнений в предотвращении миграции молодежи из средних городов республики [10].

Среди факторов, серьезно повлиявших на отток молодежи из российских городов в последние годы, ряд российских исследователей обозначили рост недоступности ей качественного бюджетного высшего образования в малых и средних городах после проведения реформы системы вузов в Российской Федерации [11, с. 88–89]. В результате данной реформы было произведено существенное упразднение филиалов вузов на 56 %, что наиболее сильно затронуло небольшие города с численностью до 100 тыс. чел. Согласно результатам изучения миграционных намерений выпускников школ малых и средних городов России [12, с. 82–89], более 90 % желают получать высшее образование в Москве, Санкт-Петербурге или же в крупных региональных центрах, что подтверждает существенную роль образовательного фактора в мотивации молодежной миграции.

В рамках выявления места и роли фактора возможности получения высшего образования, особенно бюджетного высшего онлайн-образования [13, с. 123–125], в усилении или предотвращении молодежной миграции из средних городов нами было проведено пилотажное исследование с применением качественной стратегии (декабрь 2024 г. – январь 2025 г.). Методом полуформализованного интервью

были опрошены работники и руководители различных структур учреждений высшего образования (n = 5), которые влияют на политику привлечения абитуриентов в своих вузах, понимают ценности, мотивации и установки современных абитуриентов. Отбор охватил экспертов разных уровней: начальник управления профориентации и приема абитуриентов (№ 1); ответственный секретарь приемной комиссии (№ 2); заместитель начальника управления профессиональной навигации и организации приема (№ 3); заведующий кафедрой (№ 4); старший преподаватель (№ 5), что обеспечило представление информантами проблемы как в рамках общей ситуации политики приема и выбора поступающими вида образовательной траектории, так и отражения непосредственного опыта прямого взаимодействия и привлечения абитуриентов.

Согласно результатам авторского исследования, были получены следующие данные. Спрос на бюджетное онлайн-образование фиксировали эксперт № 5, а также эксперт № 4.

«*Потребности есть, и запросы есть. Если брать по приемной комиссии, то спрашивают почти все, процент не скажу, но высокий запрос на то, есть ли у нас формат посещения онлайн. Потому что сейчас многие школьники приходят, и они уже собираются работать с первого курса*» (Эксперт № 5).

«*Ну, потребность в бюджете всегда имела место быть, да, чтобы обучиться за счет государства – это раз. Оно актуально было всегда. А вот онлайн-обучение сейчас стало активно, особенно после того, как мы пережили эту пандемию. Появилось же очень много площадок, люди научились работать на этих площадках, ну и, естественно, стали пробовать же и вот эти онлайн-курсы, обучение с элементами дистанционной формы, и наши студенты почувствовали в этом какое-то благо*» (Эксперт № 4).

Таким образом, эксперты, наряду с существующим запросом на формат посещения занятий онлайн, особенно в связи с планируемой параллельно с обучением трудовой занятостью, рассуждают в первую очередь о гибридном формате обучения в университете, подразумевающем занятия как в оффлайн, так и в онлайн. Причем, согласно мнению эксперта № 4, наиболее востребован онлайн-формат со стороны абитуриентов, нацеленных на заочную форму обучения.

Что касается востребованности у молодежи полноценного бюджетного онлайн-образования от представителей крупных федеральных или региональных вузов, то эксперты полагают, что есть некоторая потребность у специалистов *IT* сферы старших курсов при получении различными специалистами второго высшего образования и при совмещении обучения в магистратуре с работой.

«*Есть ребята, которые уже полностью с 10 класса вовлечены в сферу IT и в работу, и им это удобно. Им дистант удобен. Но даже они приходят к этому курсе на третьем или четвертом. Востребованность при поступлении у абитуриентов в полном онлайне – в рамках погрешности. Из других специальностей, не относящихся к IT, такая потребность встречается еще реже. В основном это люди, которые получают второе высшее образование*» (Эксперт № 2).

«*На мой взгляд, нет. Потребность отсутствует. Потребность, если мы говорим, например, про школьников, то прямо однозначно нет. Не любят как они сами, так и их родители. Они не умеют организовать себя, не умеют вести обучение… Магистры, зачастую у них есть такой запрос, но не у тех, кто выпустился из бакалавриата, а у тех, кто работает*» (Эксперт № 1).

Полученные ответы экспертов отмечают роль родителей абитуриентов, особенно вчерашних школьников, в выборе формы получения высшего образования. Онлайн-формат для них менее предпочтителен, так как помехой выступает неорганизованность самих школьников и неэффективность для них этой формы получения знаний.

«*Для школьников нет такой потребности, потому что у школьников нет привычки работать и умений, компетенции работать в нормальном и эффективном составе. Именно в дистанционном формате, понимаете? А у взрослых людей, у них чуть-чуть другая мотивация, и они готовы это делать*» (Эксперт № 3).

Также, по мнению экспертов, против онлайн-формата обучения часто оказывается его неудовлетворительная оценка действующими студентами, которые часто недовольны смешанным режимом обучения, когда при онлайн-формате они хуже усваивают учебный материал.

«*Когда у нас бывает, что факультеты вводят онлайн общую лекцию, сразу от всех идет вопрос: "почему онлайн?". Говорят: "Мы сюда пришли учиться, мы хотели учиться офлайн, хотели работать, но у нас нет никакого фидбэка, ничего". Если человек не задает этих вопросов, то ему в целом все равно, как он учится. Это тоже не очень хорошо*» (Эксперт № 1).

«*Потому что даже сейчас при работе со студентами, даже первого курса, они перевод на дистанционный формат каких-то даже блоков воспринимают не очень… Для них это очень неудобно. Это лишает их прямого контакта с преподавателями здесь и сейчас*» (Эксперт № 3).

Недовольство качеством онлайн-образования часто обусловлено объективными техническими и методическими трудностями.

«*Важно еще, чтобы технические ресурсы, например, работали. Очень часто бывает, даже, знаете, банально звука нет, видео нет, или никто не видит презентацию. Вот такие проблемы, они,*

к сожалению, существуют. Вроде бы смешно, да? Сейчас все в порядке, все работает, но все же такое по-прежнему нередко бывает в режиме онлайн» (Эксперт № 5).

«*Здесь же нужно настолько вот углубленно всё написать, чтобы студент, прочитав твою лекцию, понял вот этот материал. То есть подготовка здесь очень серьёзная должна быть*» (Эксперт № 4).

Таким образом, для роста его востребованности необходимо перманентное совершенствование технической базы, технологий, методик преподавания, профессиональных навыков педагогического сообщества.

Выявляя факторы, влияющие на миграцию молодежи из средних городов, мы спросили мнение экспертов о роли привлекательности большого города при выборе абитуриентами образовательной траектории. В целом их ответы подтвердили существование мифа о больших карьерных возможностях в рамках крупных городов, о бесспорности их в качестве социального лифта, несмотря на неоднозначный противоречивый опыт.

«*Ну, все-таки эта убежденность имеет место быть, потому что все же хотят уехать в большой город. Неважно, лишь бы уехать, а там уж как получится, да? И порой потом смотришь, уехал-то человек, и хуже, чем в Бугульме, например, у него все получилось. Но, я думаю, сложно будет убеждать. Когда мы даже ходим, например, на профориентацию, все школьники говорят: "Нет-нет, мы в большой город поедем. Нет-нет, мы в Бугульме тут не останемся"*» (Эксперт № 4).

«*В большом городе больше возможностей и выше зарплата. Особенно для начинающего специалиста. То есть, если ты, например, крутой айтишник, то ты в целом можешь сидеть в любом городе и заниматься программированием, получать хороший доход. Если ты начинающий специалист, то все зависит от того, в каком конкретном городе ты сидишь*» (Эксперт № 1).

«*Общее наблюдение есть, что им хочется, им кажется, что большой город даст им вообще невероятные возможности, что они построят здесь карьеру, да*» (Эксперт № 5).

Таким образом, идеализация больших городов, несомненно, мешает закреплению молодежи по месту жительства, даже при получении полноценного образования, например, реализуемого в рамках бакалаврских и магистерских онлайн-программ такого престижного учебного заведения, как НИУ ВШЭ. Эксперты полагают, что подобные начинания, реализуемые только пока в форме контрактного обучения, выступают образовательным экспериментом или же специализированным образовательным продуктом для небольших аудиторий и не могут пока решить проблему обеспечения молодежи лучшим и конкурентоспособным высшим образованием с успешным трудоустройством по месту проживания в регионе.

«*Высшая Школа Экономики — это большая лаборатория. Они могут позволить себе щупать разные области, и им за это ничего не будет. То есть они являются научно-исследовательским центром, который может абсолютно любую программу обучения разработать, хоть с обучением на Марсе и, собственно, ее реализовывать*» (Эксперт № 2).

«*Правила согласуются с исключением*» (Эксперт № 1).

«*Да, конечно, но это точно так же, как у нас работает, ну, я не знаю, там, выделенная стойка шаттл, в которую сейчас я иду. Она работает не для всех, она работает для того количества, у которого, ну, есть запрос, правильно? Все, но это запрос минимальный, ну, то есть он опять не носит массовый характер*» (Эксперт № 3).

Эксперты полагают, что даже получение конкурентного онлайн-образования окажет неоднозначное влияние на миграционные установки молодежи. В большинстве случаев оно скорее всего будет стимулировать к отъезду, так как выступит профессиональным преимуществом, и только часть решит его использовать в привычной среде. В этом случае, по нашему мнению, молодым специалистам должны быть предоставлены дополнительные благоприятные условия в виде высокооплачиваемого трудоустройства, жилья, социальной ипотеки, благоприятной экологии и инфраструктуры как гарантии их социально-экономической востребованности в регионе.

«*Смотрите, вот, например, допустим, человек живет в Бугульме, да, вот он поступил в Петербург, и все его обучение в дистанционной форме проходит. С одной стороны, я не думаю, что он останется в Бугульме. Потому что здесь для таких молодых ребят очень сложно найти еще работу. Он, наверное, все равно уедет в Петербург, будет дистанционно учиться и работать там*» (Эксперт № 4).

«*То есть вы вот эту штуку никак не измените. Но если у нас появляется возможность в онлайн-образовании, то самые одаренные и целеустремленные получают возможность хорошо выучиться. Соответственно, они получают инструмент, чтобы уехать из региона. Вот. Ну, то есть, если мы хотим их научить, – хорошо. Если мы хотим их оставить в регионе, – нет*» (Эксперт № 1).

«*То есть, кто захочет уехать, тот уедет, тот, кто остается дома, тот остается дома – все. Ну, то есть здесь других вариантов нет*» (Эксперт № 3).

«*Мне кажется, здесь больше социальная составляющая, и вряд ли человек, находящийся где-нибудь в Актанышском районе и при этом обучаясь на онлайн-программе МГУ, все же останется в Актанышском районе*» (Эксперт № 2).

«*Кто-то, конечно, возвращается. То есть я думаю, что для небольшого процента, но все же. Онлайн-образование их оставило бы, я думаю, на местах. То есть они бы не приезжали*» (Эксперт № 5).

Также, по мнению экспертов, применение высшего онлайн-образования продуктивно для ограниченного перечня специальностей – гуманитарных, экономических, *IT*.

«*В общем, подойдут такие направления, как IT, экономика, бизнес-информатика, логистика, менеджмент, юриспруденция, то есть, ну, возможно, вот как-то так*» (Эксперт № 2).

«*Ну, для гуманитарных специальностей, я думаю, в первую очередь все это подходит. Для естественно-научных специальностей сложновато, потому что, знаете, когда надо препарировать лягушку, онлайн-формат, я думаю, не очень подойдет… Для IT-специальностей, думаю, тоже вполне подойдет*» (Эксперт № 5).

В заключение можно констатировать, что молодежная миграция из средних городов обусловлена совокупностью экономических и социокультурных факторов. Среди них важное место занимает доступность и качество получения высшего образования, конкурентоспособной профессии. Согласно результатам авторских исследований, по мнению экспертов, некоторые абитуриенты средних городов Республики Татарстан заинтересованы в получении высшего образования, в том числе в смешанном онлайн и оффлайн формате или форме полноценного онлайн-образования, предпочтительно высокорейтингового республиканского или федерального вуза.

Можно сделать предварительные выводы, что обеспечение молодежи лишь конкурентным высшим образованием не будет решающей мерой по предотвращению ее глобальной миграции в большие города. Но наряду с другими республиканскими мерами [14], направленными на закрепление и развитие регионального человеческого капитала и трудовых ресурсов, может сыграть важную роль в социально-профессиональной социализации республиканской молодежи, формировании ее региональной идентичности.

Литература:

1. Растворцева С.Н., Манаева И.В. (2022). Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 110–127. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.6
2. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Молодежная миграция в Республике Татарстан: опыт социально-демографического портретирования // Управление устойчивым развитием. 2022. № 5(42). С. 75–80. DOI: 10.55421/2499992X_2022_5_75.
3. Возрастно-половой состав населения городских округов и муниципальных районов Республики Татарстан на начало 2023 г.: Стат. сб. Казань: Татарстанстат, 2023. 142 с.
4. Возрастно-половой состав населения городских округов и муниципальных районов Республики Татарстан на начало 2024 г.: Стат. сб. Казань: Татарстанстат, 2024. 142 с.
5. Стенограмма по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и нацпроектам и комиссий Госсовета по направлениям социально-экономического развития, от 29.05.2024. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/74162 (дата обращения: 09.03.2025).
6. Ринат Садыков: Молодежь боится кредитной зависимости, но и покупательская способность не растет. URL: https://realnoevremya.ru/articles/239429-komitet-po-socialnoy-politike-gossoveta-rt-zaslushal-otchet-minmolodezhi (дата обращения: 09.03.2025).
7. Морозова Е.А., Кочнева О.П. Миграционные настроения молодежи Кемеровской области – Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 326–338.
8. Калимуллина Э.Р., Беляев В.А. Межпоколенная мобильность из малых городов: реальные мотивы и симулякры. // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 233–238.
9. Швецов Л.К. Медиапредпочтения мигрантов из средних городов Республики Татарстан в цифровом пространстве // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2024. № 26. С. 125–131.
10. Швецов Л.К., Хайруллина Ю.Р. Роль лидеров мнений в предотвращении миграции молодежи из средних городов Республики Татарстан // XI Дыльновские чтения «Социология и общество: социальные процессы, факторы и механизмы развития»: Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. участием, Саратов, 12.02.2024 г. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2024. С. 152–154.
11. Габдрахманов Н.К., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88–116. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-2-88-116.

12. Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2019. № 6. С. 82–89.
13. Швецов Л.К. Бюджетное высшее онлайн-образование как концепт, способствующий снижению молодежной миграции в малых и средних городах // Научные труды Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан. 2024. Вып. 27. С. 123–125.
14. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 27.12.2022 г. № 1429 (с изм. на 07.10.2024 г.) (в ред. Постановлений КМ РТ от 29.12.2023 г. № 1720, от 07.10.2024 г. № 864) «Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан». URL: https://docs.cntd.ru/document/406605896 (дата обращения: 09.03.2024).

The Impact of Publicly Funded Higher Online Education on Youth Migration from Medium-Sized Cities in the Republic of Tatarstan: Expert Opinions

Shvetcov L.K., Khayrullina Yu.R.
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan)

The article examines the current phenomenon of youth migration from medium-sized cities within the Republic of Tatarstan in connection with the statistically recorded population outflow in cities such as Bugulma and Leninogorsk, as well as the social demand for a solution to this problem. The purpose of the study is to determine the level of importance of the concept of budget-funded higher online education as a factor in reducing the intensity of youth migration from medium-sized cities. The significance was assessed through expert interviews of persons directly involved in attracting applicants to universities. Among the research objectives were: statistical assessment of the scale of the problem of youth migration from Bugulma and Leninogorsk, theoretical justification of the creation of the concept of budget-funded higher online education, conducting expert interviews and synthesis of conclusions. In a practical sense, the collected data made it possible to advance the understanding of the viability of the created concept, as well as to establish that the concept under study itself can only be useful in a number of other measures that help reduce the intensity of youth migration from medium-sized cities.

Keywords: youth migration, medium-sized cities, online education, labor resources, social mobility

УДК 353
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-320-325

Отдельные аспекты деятельности некоммерческих организаций в социальной сфере в условиях новой реальности

Бачуринская И.А.
Доктор экономических наук, доцент, профессор
кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Косарева А.В.
Ассистент кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В статье анализируются проблемы деятельности социально-ориентированных некоммерческих организаций в России в современных экономических условиях, отмечается значимость социально- ориентированных некоммерческих организаций в решении социальных проблем и улучшении качества жизни граждан. Цель работы: на базе выявленных проблемных аспектов предложить рекомендации по развитию государственной поддержки организации некоммерческого сектора в социальной сфере. В работе рассматриваются такие ключевые вопросы, как финансирование социально-ориентированных некоммерческих организаций, проблемы оценки эффективности деятельности социально-ориентированных некоммерческих организаций и регуляторные ограничения, подчеркивается необходимость комплексного подхода к решению проблем, включая совершенствование законодательства, повышение общественного доверия к некоммерческим организациям, стимулирование благотворительности, развитие прозрачности и эффективности управления финансами. Особое внимание уделяется необходимости разработки гибких условий использования средств социально-ориентированных некоммерческих организаций и четких критериев оценки их эффективности, а также созданию долгосрочного партнерства между некоммерческими организациями и органами власти, что позволит повысить их вклад в решение социальных проблем страны.

Ключевые слова: *некоммерческие организации, финансирование, эффективность, социальная сфера, государственная поддержка, некоммерческий сектор*

Для цитирования: *Бачуринская И.А., Косарева А.В. Отдельные аспекты деятельности некоммерческих организаций в социальной сфере в условиях новой реальности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 320–325. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-320-325.*

По данным Министерства труда и социальной защиты на март 2024 г., негосударственные организации социального обслуживания в России составляют 32 % от общего числа организаций социаль-

ного обслуживания разных форм собственности [1]. Государственная поддержка некоммерческих организаций (НКО) в социальной сфере представляет особо важный элемент социального государства, направленный на решение актуальных социальных проблем и улучшение качества жизни граждан. Однако, несмотря на значимость этой поддержки, существует ряд проблемных аспектов, которые требуют внимательного анализа и обсуждения в современных условиях.

В Российской Федерации согласно ст. 50 Гражданского кодекса РФ и Федеральному закону от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – ФЗ № 7-ФЗ) некоммерческие организации играют важнейшую роль в социальной сфере, обеспечивая широкий спектр услуг и защищая права граждан. В отличие от коммерческих предприятий получение прибыли не является их приоритетной задачей. Прибыль, если она и возникает в процессе деятельности, должна направляться исключительно на реализацию уставных целей организации, например, на финансирование социальных проектов, проведение благотворительных мероприятий или оказание бесплатной юридической помощи.

Социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО) – это организации, основная цель которых заключается в решении социальных проблем и содействии обществу. СО НКО может осуществлять деятельность по одному из следующих видов, представленных ст. 31.1 ФЗ № 7-ФЗ. При этом в новых экономических условиях, связанных с преодолением санкционного давления и поддержки специальной военной операции, наиболее актуальны следующие из них:

– социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан, деятельность в сфере поддержки семьи, материнства, отцовства и детства;

– оказание помощи беженцам и вынужденным переселенцам;

– защита животных, оказавшихся на новых территориях и в зоне военных действий, в том числе содержание животных в приютах для животных;

– охрана и в соответствии с установленными требованиями содержание объектов (в том числе зданий, сооружений) и территорий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение, и мест захоронений;

– оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе гражданам и некоммерческим организациям и правовое просвещение населения, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина;

– благотворительная деятельность,

– а также деятельность в области организации и поддержки благотворительности и добровольчества (волонтерства); а также иные виды, перечисленные в ст. 31.1.

Согласно данным Росстата за последние четыре года наблюдается устойчивая тенденция роста числа зарегистрированных СО НКО в России (рис. 1) [2].

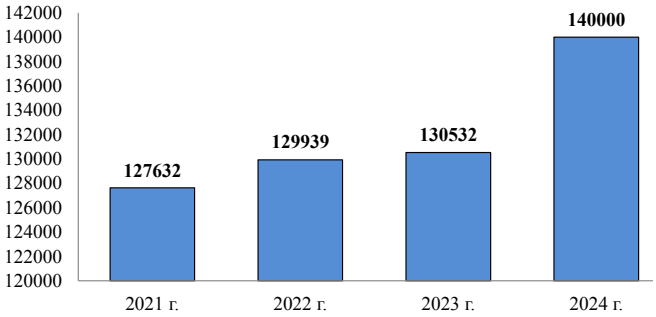

Рис. 1. Количество зарегистрированных СО НКО 2021–2024 гг. [2]

Резкое увеличение количества зарегистрированных организаций (рис. 1) за последний год свидетельствует о растущем общественном понимании важности гражданского общества и повышенной активности граждан в создании организаций, направленных на решение социальных проблем в новых экономических и политических условиях. Однако следует отметить, что этот рост неравномерен по регионам. Более развитые регионы, как правило, демонстрируют более высокую плотность некоммерческих организаций, что связано с наличием более благоприятной среды для их развития, включая доступ к финансированию и инфраструктуре. Кроме того, необходимо помнить, что СО НКО могут быть созданы в одной из форм, предусмотренных ФЗ № 7-ФЗ, каждая со своими специфическими целями и задачами. К ним относятся фонды, общественные организации, ассоциации, некоммерческие партнёрства и другие.

Важно отметить, что для эффективной работы некоммерческих организаций необходимо прозрачное финансовое управление, четкая учетная политика и постоянный контроль со стороны государственных органов.

Внедрение современных технологий, например, использование онлайн-платформ для сбора пожертвований и отчетности, способствует повышению эффективности работы некоммерческих организаций и укреплению доверия к ним со стороны населения.

Недостаток финансирования — серьезнейшая проблема, стоящая перед подавляющим большинством социально ориентированных некоммерческих организаций в России. Успешная реализация благотворительных проектов и программ напрямую зависит от способности некоммерческих организаций привлекать средства из различных источников. Без стабильного и предсказуемого потока финансов даже самые эффективные и социально значимые инициативы обречены на провал. Законодательство Российской Федерации предусматривает несколько путей финансирования некоммерческих организаций (см. рис. 2).

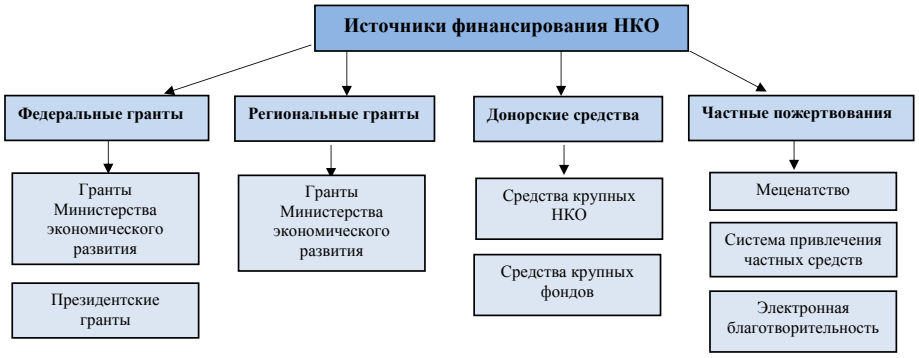

Рис. 2. Источники финансирования некоммерческих организаций [3]

Основными источниками финансирования являются государственные гранты на федеральном и региональных уровнях. Многие СО НКО сталкиваются со сложными и запутанными процедурами получения грантов и субсидий, что требует значительных временных и трудозатрат. Это может привести к возникновению ситуации, в которой некоторые организации просто не могут справиться с административными требованиями, что ограничивает их возможности.

Процедура получения таких грантов, как правило, сложна и конкурентна. Требования к заявкам часто изменяются, а объемы выделяемых средств не всегда соответствуют реальным потребностям некоммерческих организаций. Кроме того, постоянная необходимость присутствия государственного финансирования может привести к определенной зависимости и ограничить свободу деятельности организации. Частные пожертвования играют все большую роль в финансировании некоммерческих организаций [4]. Это могут быть как крупные пожертвования от меценатов и филантропов, так и малые пожертвования от граждан. Развитие электронной благотворительности значительно упрощает процесс сбора пожертвований, позволяя некоммерческим организациям привлекать средства от широкого круга пожертвователей по всей стране. Однако стабильность частных пожертвований часто не гарантирована, она зависит от многих факторов, включая экономическую ситуацию в стране и уровень доверия к некоммерческим организациям. Существуют и другие, менее распространенные источники финансирования. Это могут быть субсидии от министерств и ведомств, средства от других некоммерческих организаций – в рамках совместных проектов, доходы от оказания платных услуг, если это не противоречит уставу организации, спонсорская поддержка от коммерческих организаций. Однако эти источники часто имеют ограниченный характер и не могут обеспечить полную независимость некоммерческих организаций.

Таким образом, эффективное управление финансами в СО НКО предполагает диверсификацию источников финансирования. Это позволяет снизить риски, связанные с зависимостью от одного источника финансирования, и обеспечить более стабильное положение организации. Для этого организации необходимо активно работать над развитием своей репутации, улучшение прозрачности деятельности, повышением эффективности использования средств, а также постоянно искать новые источники финансирования. Важную роль играют грамотное финансовое планирование, учет и отчетность, позволяющие эффективно распределять имеющиеся ресурсы и привлекать дополнительные средства. Следует отметить, что проблема финансирования НКО является системной и требует комплексного решения. Это включает в себя как совершенствование законодательства в области финансирования некоммерческих организаций, так и повышение общественного доверия к некоммерческому сектору и стимулирование частной благотворительности. Только совместными усилиями государства, бизнеса и гражданского общества можно решить эту важную проблему и обеспечить стабильное функционирование социально ориентированных некоммерческих организаций.

Если рассматривать государственную поддержку СО НКО, то необходимо отметить, что она часто сопровождается строгими условиями по использованию выделенных средств, что, с одной стороны, является контролем со стороны государства, а с другой – может ограничивать инновационные подходы в деятельности СО НКО и их способность адаптироваться к изменяющимся новым условиям. Данные ограничения проявляются в различных формах, а именно: финансовой, регуляторной и организационной. Понимание сути этих ограничений поможет при разработке стратегий развития СО НКО и более эффективного использования их ресурсов. Рассматривая финансовые ограничения, необходимо учитывать, что зачастую финансирование НКО зависит от пожертвований, грантов и других форм финансирования из вне, что существенно ограничивает гибкость в использовании средств. НКО сталкиваются с жесткими условиями, установленными донорами, которые определяют, как и на что могут быть потрачены средства. Данные условия могут включать ограничения как на целевые группы, так и на конкретные виды деятельности, а это затрудняет адаптацию к меняющимся потребностям общества и новым вызовам.

Регуляторные требования так же являются значительным фактором, ограничивающим гибкость использования средств НКО. В большинстве стран НКО подлежат строгому контролю со стороны государственных органов. Данный контроль включает

в себя обязательную отчетность, соблюдение норм и стандартов и аудиты. При значительных регуляторных требованиях возникает риск, что эти требования могут переключать внимание и ресурсы НКО с их основной деятельности на дополнительную административную нагрузку, что значительно снижает эффективность деятельности СО НКО в новых условиях, требующих срочности решения социальных проблем.

Так как система отчетности НКО требует высокой степени прозрачности, это может привести к бюрократизации процессов и снизить оперативность принятия решений, это создает риск того, что НКО будут сосредоточены на соблюдении формальных требований, а не на реализации своих программ и достижении целей.

К ограничениям также следует отнести и внутренние организационные барьеры, поскольку структура и процессы внутри НКО могут сдерживать оперативное и эффективное применение ресурсов. Зачастую НКО имеют иерархические структуры, которые замедляют процесс принятия решений, а это может препятствовать инновационным подходами адаптации к новым возможным вызовам [5].

Важно отметить проблемы с привлечением ресурсов в условиях растущей конкуренции за финансовые средства, многие НКО вынуждены сокращать свои программы или менять стратегии, чтобы соответствовать требованиям доноров, а это неизбежно приводит к снижению качества предоставляемых услуг и негативно сказывается на репутации НКО.

Ограниченная гибкость в использовании средств НКО – сложная проблема, требующая продуманного комплексного подхода к решению. Устранение или даже частичное снижение этих ограничений напрямую будет способствовать более эффективной работе НКО, что приведет к эффективному реагированию на потребности общества в современных условиях новых вызовов и ограничений.

Оценка эффективности деятельности НКО и отсутствие четких критериев оценки приводит к тому, что многие организации не могут продемонстрировать результаты своей работы, что в свою очередь влияет на возможность получения дальнейшего финансирования. Это создает порочный круг, когда недостаток финансирования приводит к снижению качества работы НКО, что затрудняет их дальнейшее развитие. Возросшая конкуренция за ограниченные ресурсы, общественные сомнения в рациональности использования средств доноров и налоговых льгот – все это подталкивает к необходимости объективной оценки деятельности НКО. Потенциал некоммерческого сектора огромен, он способен стать мощным двигателем развития и модернизации страны, но для этого нужно понимать, насколько эффективно этот потенциал используется. Оценка деятельности НКО – задача значительно более сложная, чем оценка коммерческих предприятий. В основе коммерческой деятельности лежит прибыль – четкий показатель успеха и роста организации. Для НКО же прибыль не является целью, а стандартные критерии рентабельности и капитализации неприменимы. Ситуация осложняется рядом факторов, среди которых можно выделить приведенные далее.

1. Нечетко сформулированные цели. Многие НКО работают над сложными социальными проблемами, цели которых трудно измерить количественно. Например, невозможно измерить эффективность программы по повышению социальной адаптации детей-сирот или успех в борьбе с изменением климата.

2. Нематериальные блага и услуги. Некоммерческие организации часто предоставляют услуги и блага, не имеющие рыночной цены. Волонтерская помощь, пропаганда здорового образа жизни, защита прав человека – все это сложно оценить в денежном выражении.

3. Разнообразие стейкхолдеров и их интересов. У одной НКО могут быть разные стейкхолдеры – доноры, волонтеры, бенефициары, государство. Каждый из них имеет свой взгляд на цели и результат деятельности организации, что затрудняет формирование единого критерия оценки.

4. Отсутствие унифицированных методик. В отличие от коммерческого сектора, в некоммерческом секторе нет общепринятых стандартов оценки эффективности. Это затрудняет сравнительный анализ и объективную оценку деятельности разных организаций.

Для оценки организаций некоммерческого сектора в новых условиях необходимо применять комплексный подход, учитывающий специфику деятельности конкретной организации в интересах реализации проектов, направленных прежде всего на актуальные отрасли деятельности в новых реалиях, перечисленные ранее.

Развитие некоммерческого сектора в России остается неравномерным, что во многом связано с недостаточным вниманием, уделяемым этому направлению со стороны органов власти на разных уровнях. В некоторых регионах некоммерческие организации активно развиваются, тогда как в других они остаются на периферии общественной жизни. Это создает серьезный дисбаланс, который негативно сказывается на реализации социальных и экономических программ. Очевидно, что успешные социально-экономические преобразования как на федеральном, так и на региональном уровне невозможны без активного участия гражданского общества. Некоммерческие организации и волонтеры играют ключевую роль в этом процессе, выступая связующим звеном между властями и населением. Их вовлеченность в нацпроекты и программы национального развития позволяют более эффектив-

но выявлять потребности граждан и реагировать на них. Однако, как показывает практика, многие региональные и местные органы власти не проявляют должной заинтересованности в налаживании конструктивного взаимодействия с некоммерческими организациями. Это приводит к тому, что многие инициативы остаются нереализованными, а ресурсы используются неэффективно. Для решения этой проблемы необходимо разработать ряд инструментов, которые позволят учитывать финансовую поддержку НКО со стороны властей. Важно, чтобы эти показатели стали частью системы оценки эффективности работы органов исполнительной власти на всех уровнях. Кроме того, необходимо создать механизмы для обмена опытом между регионами, где некоммерческий сектор успешно развивается, и теми, где он только начинает набирать обороты. Это может включать в себя проведение семинаров, конференций и других мероприятий, на которых представители различных регионов смогут делиться своими наработками и лучшими практиками. Также стоит обратить внимание на необходимость формирования позитивного имиджа СО НКО. Многие граждане до сих пор не понимают, какую важную роль играют эти организации в решении социальных проблем. Информационные кампании, направленные на популяризацию деятельности некоммерческих организаций, могут способствовать повышению уровня вовлеченности граждан в эти процессы. Важно отметить, что успешность реализуемых некоммерческими организациями проектов во многом зависит от уровня участия и поддержки со стороны администрации региона [6]. Поэтому необходимо не только наладить диалог между некоммерческими организациями и органами власти, но и создать условия для долгосрочного партнерства, которое будет выгодно обеим сторонам. В конечном итоге, только совместными усилиями можно достичь реальных изменений в жизни граждан и обеспечить устойчивое развитие некоммерческого сектора в стране в новых экономических условиях.

Таким образом, проблемы деятельности некоммерческих организаций в социальной сфере являются многоаспектными и требуют комплексного подхода к их решению. Необходимы меры по улучшению финансовой устойчивости НКО, упрощению бюрократических процедур, созданию гибких условий использования средств и разработке четких критериев оценки эффективности их деятельности. Только таким образом можно создать благоприятные условия для развития НКО с целью повышения их вклада в решение социальных проблем. Исследования в данной области продолжаются, подчеркивая важность поставленных вопросов и важность создания гибких и устойчивых моделей управления СО НКО.

Литература:

1. Илюшникова Т.А. Минэкономразвития. URL: https://rg.ru/2024/03/20/minekonomrazvitiia-predlozhilo-monitorit-vyzhivaemost-predprinimatelej.html (дата обращения: 20.01.2025).
2. Министерство юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/ (дата обращения: 20.01.2025).
3. Егорова Е.А. Проблемы финансирования некоммерческих организаций. URL: https://scienceforum.ru/2016/article/2016022377 (дата обращения: 20.01.2025).
4. Плынов Д.Г. Анализ рынка. URL: vgieo57i8e.pdf (дата обращения: 20.01.2025).
5. НКО: что это, как открыть НКО, плюсы и минусы. URL: https://www.reg.ru/blog/chto takoe nekommercheskaya organizaciya/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 20.01.2025).
6. Орлова А.Н. Правоотношения между государством и некоммерческими организациями в процессе оказания социальных услуг населению: специфика понимания и правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 4(159). С. 48–56. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-4-48-56.
7. Аксенов В.В. Оказание государственной поддержки СО НКО в субъектах Российской Федерации // Ученые записки. 2020. № 1(33). С. 8–11.
8. Борисова Е.И., Полищук Л.И. Анализ эффективности в некоммерческом секторе: проблемы и решения // Экономический журнал ВШЭ. 2009. № 1. С. 80–83.
9. Звонарева Н.С. Актуальность формирования нефинансовой отчетности для социально-ориентированных НКО // Вопросы региональной экономики. 2022. № 1(50). С. 40–44.
10. Кравченко Е.В., Суховеева А.А. Социально ориентированные некоммерческие организации как поставщики социальных услуг: проблемы, векторы развития // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. 2020. Т. 1. № 3. С. 121–134. DOI: 10.18334/social.1.3.111178.
11. Мещерякова Л.А. Актуальные проблемы оценки эффективности социально ориентированных некоммерческих организаций // Символ науки. 2020. № 3. С. 43–48.
12. Поляков М.Б. Совершенствование государственной политики в сфере поддержки и развития социально ориентированных некоммерческих организаций // Инновации и инвестиции. 2021. № 5. С. 247–250.
13. Рождественская Н.В., Богуславская С.Б., Боброва О.С. Оценка эффективности проектов некоммерческих организаций, социального предпринимательства и гражданских инициатив. М., 2016. 138 с.

14. Тимофеева М.В. Особенности составления отчетности в НКО // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 7(89). С. 214–218. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-7-214-218.

Certain Aspects of Non-Profit Organizations' Activity in the Social Sphere in the Conditions of the New Reality

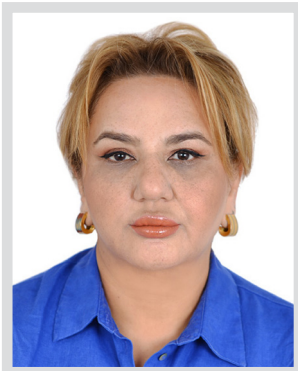
Bachurinskaya I.A., Kosareva A.V.
Saint-Petersburg State University of Economics

The article analyzes the problems of activity of socially oriented non-profit organizations in Russia in modern economic conditions, notes the importance of socially oriented non-profit organizations in solving social problems and improving the quality of life of citizens. The aim of the paper is to offer recommendations on the development of state support for the organization of the non-profit sector in the social sphere on the basis of the identified problematic aspects. The paper considers such key issues as financing of socially-oriented non-profit organizations, problems of assessing the effectiveness of socially-oriented non-profit organizations and regulatory restrictions, emphasizes the need for a comprehensive approach to solving problems, including improving legislation, increasing public confidence in non-profit organizations, encouraging philanthropy, developing transparency and efficiency of financial management. Special attention is paid to the need to develop flexible conditions for the use of funds of socially-oriented non-profit organizations and clear criteria for assessing their effectiveness, as well as to create a long-term partnership between non-profit organizations and the authorities, which will increase their contribution to solving the country's social problems.

Key words: non-profit organizations, financing, efficiency, social sphere, state support, non-profit sector

УДК 341.231.14+342.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-326-329

Специфика соотношения международного и внутригосударственного права в области прав человека: теория и практика на примере Азербайджана

Гурбанова Ф.И.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного публичного права
Бакинского государственного университета (Азербайджан, г. Баку)

В статье рассматривается соотношение международного и внутригосударственного права в области прав человека, с учётом теоретико-правовых моделей и актуальной судебной практики. Обоснована актуальность темы в контексте глобализации и роста значения международных стандартов. Цель исследования – выявление механизмов имплементации международных норм, анализ правовых коллизий и путей совершенствования правозащитной практики в Азербайджане. В ходе работы рассмотрены подходы дуализма и монизма, а также опыт Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Азербайджана. Практическая значимость заключается в предложении конкретных рекомендаций по улучшению реализации международных обязательств в национальной юрисдикции.

Ключевые слова: *международное право, национальное законодательство, права человека, имплементация, правовая гармонизация, Европейский суд по правам человека, правовая практика Азербайджана*

Для цитирования: *Гурбанова Ф.И. Специфика соотношения международного и внутригосударственного права в области прав человека: теория и практика на примере Азербайджана // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 326–329. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-326-329.*

Вопрос о соотношении международного и национального права приобрёл особую значимость в эпоху глобализации, когда трансграничные процессы оказывают прямое влияние на внутренние правовые системы государств. Международные договоры и решения международных судов становятся важнейшими источниками правового регулирования в таких сферах, как права человека, охрана окружающей среды, борьба с терроризмом и др.

В условиях усиливающейся глобализации и расширения международного сотрудничества в сфере прав человека проблема соотношения международного и внутригосударственного права приобретает особую актуальность. Правовые системы государств всё чаще сталкиваются с необходимостью имплементации международных норм в национальное законодательство, особенно в контексте соблюдения прав и свобод личности. В Азербайджане, как и в других странах с переходной правовой системой, встаёт вопрос о том, насколько эффективно международные обязательства реализуются на практике. Это требует глубокого анализа механизмов взаимодействия между различными уровнями правового регулирования и оценки существующих правовых и институциональных барьеров.

Тема соотношения международного и внутригосударственного права, в частности в контексте прав человека, получила широкое освещение в научной литературе. Исследования таких зарубежных учёных, как Х. Келзен, Л. Оппенгейм, М. Шмитт, а также труды других авторов, включая Алиева Амира Ибрагим оглы, внесли значительный вклад в теоретическое осмысление проблемы [1–5]. Однако на уровне практической реализации в национальных правопорядках остаются пробелы, особенно в вопросах имплементации решений международных

органов и учёта международных стандартов национальными судами. В азербайджанской юридической науке тема разрабатывается активно, но требует дальнейшего системного анализа с учётом актуальных вызовов.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей и проблемных аспектов соотношения международного и внутригосударственного права в области прав человека, а также анализ механизмов обеспечения приоритета международных стандартов в национальной правовой системе Азербайджана. Особое внимание уделяется вопросам имплементации международных договоров, практики Европейского суда по правам человека, а также нормативному и судебному обеспечению соблюдения прав и свобод личности в национальной юрисдикции.

Современная правовая система функционирует в условиях стремительной интеграции международных и национальных правопорядков. Особую значимость в этом контексте приобретает проблема соотношения международного и внутригосударственного права в сфере прав человека, где затрагиваются основополагающие интересы личности, общества и государства. Международно-правовые стандарты в области прав человека служат своего рода универсальной матрицей, на которую ориентируются национальные правовые системы, адаптируя их к глобальным требованиям и обеспечивая защиту личности от произвола и дискриминации.

Теоретико-правовой фундамент указанной проблемы охватывает несколько ключевых подходов. Первый из них – дуализм – основан на признании автономности международного и национального права, предполагая необходимость трансформации международных норм в национальное законодательство. Второй подход – монизм – исходит из идеи приоритета международного права, полагая, что международные нормы действуют непосредственно в национальной правовой системе без дополнительной имплементации. В рамках монистской теории различают два направления: одно, придающее приоритет международному праву, и другое – внутригосударственному.

В соответствии с Конституцией Азербайджанской Республики (далее – Конституция АР), международные договоры, участником которых является государство, являются составной частью национальной правовой системы [6]. Согласно ст. 151 Конституции АР, в случае противоречия между нормативно-правовыми актами внутреннего законодательства и международными договорами, приоритет имеют международные договоры. Это положение формирует особую модель соотношения двух систем права, направленную на усиление защиты прав человека за счёт международных гарантий.

Особую роль в развитии и применении международных стандартов в области прав человека играет «Европейская конвенция о защите прав человека» и основных свобод 1950 г., а также практика Европейского суда по правам человека. Азербайджан, являясь членом Совета Европы, взял на себя обязательства по соблюдению стандартов, выработанных Конвенцией и юриспруденцией ЕСПЧ. Это обязывает национальные суды учитывать прецеденты Суда при рассмотрении дел, затрагивающих права и свободы личности. Таким образом, международное право не только дополняет национальное, но и формирует своего рода наднациональные ориентиры, обязательные к исполнению.

Проблемы возникают в случае, если внутригосударственные акты вступают в противоречие с международными нормами. В таких ситуациях особенно актуально становится требование о приведении национального законодательства в соответствие с международными обязательствами. Однако на практике возникают трудности, связанные с юридическим нигилизмом, устаревшими правовыми нормами, а также ограниченной правовой культурой.

В деле *Loizidou v. Turkey* (1996) Европейский суд по правам человека утвердил принцип «эффективного контроля», согласно которому государство несёт ответственность за соблюдение прав человека даже вне своих границ, если оно осуществляет фактический контроль над соответствующей территорией. Этот прецедент стал основополагающим для последующей практики применения международных стандартов [7].

В деле *Broniowski v. Poland* (2004) ЕСПЧ признал наличие структурного и системного характера нарушений прав собственности. Суд указал, что государство должно принять эффективные меры по устранению правовой неопределённости, что подчёркивает важность соответствия национального законодательства международным обязательствам [8].

В деле № 1/2003 Конституционного Суда Азербайджана подчёркнута необходимость учёта международных договоров при разрешении правовых коллизий. Суд отметил, что права человека, закреплённые в международных актах, подлежат прямому применению, если соответствующие нормы не требуют дополнительного законодательного регулирования [9].

В решении Верховного суда США по делу *Medellín v. Texas* (2008) подчёркнуто, что международные договоры не всегда имеют прямое действие без соответствующего национального законодательства. Это дело иллюстрирует ограниченность монистического подхода и необходимость законодательной имплементации международных норм [10].

Анализ практики Конституционного Суда Азербайджанской Республики свидетельствует о стремлении к гармонизации двух систем права. В своих

решениях Суд не раз подчеркивал необходимость учета международных стандартов, особенно в контексте права на справедливое судебное разбирательство, свободы выражения мнения, права собственности. Однако, как отмечает азербайджанский учёный Алиев Амир Ибрагим оглы, существует значительный разрыв между декларативными обязательствами и их фактической реализацией. В своих трудах он подчёркивает, что международные нормы, провозглашённые в документах, требуют системной и последовательной имплементации на уровне как законодательства, так и правоприменительной практики [7, с. 10–18].

Важным аспектом в обеспечении эффективного взаимодействия между международным и национальным правом выступает деятельность правозащитных институтов. Национальные омбудсмены, независимые суды, а также неправительственные организации способствуют внедрению международных стандартов в правовую реальность. Примером может служить практика подачи жалоб в Европейский суд по правам человека, где граждане получают возможность обжаловать действия или бездействие государства, нарушающие их права. Тем самым создаётся эффективный механизм международного контроля за соблюдением прав человека.

Однако международное право не всегда получает должное признание на внутригосударственном уровне. Проблема заключается как в правовой традиции, так и в политической воле. В некоторых случаях внутренние органы предпочитают игнорировать международные обязательства, мотивируя это принципом государственного суверенитета. Здесь важно подчеркнуть, что суверенитет не должен служить прикрытием для нарушений прав человека. Международное право прав человека направлено не на ограничение суверенитета, а на его гуманистическую реализацию.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что во многих странах мира, таких как Германия, Франция, Нидерланды международные договоры имеют приоритет перед внутренними законами. В Германии, например, нормы международных договоров, ратифицированных парламентом, приравниваются к федеральным законам и могут быть непосредственно применимы судами. Такая практика демонстрирует зрелость правовой системы и высокую степень интеграции международного права в национальную юрисдикцию.

В то же время в странах с переходной экономикой и правовой системой, включая Азербайджан, подобная интеграция требует значительных усилий. Необходима модернизация законодательства, повышение квалификации судей, прокуроров, адвокатов, а также широкое правовое просвещение населения. Только таким образом можно обеспечить действенное воплощение международных стандартов в повседневную юридическую практику.

Таким образом, специфика соотношения международного и внутригосударственного права в области прав человека определяется не только теоретическими моделями, но и конкретной правовой практикой, политическим контекстом, уровнем правосознания общества. Международные нормы выступают неотъемлемой частью правовой системы, направленной на защиту достоинства, свободы и равенства каждого человека. Их реализация требует комплексного подхода, основанного на уважении к международному праву и стремлении к правовому государству.

Литература:

1. Кельзен Х. Чистое учение о праве. М.: ИД Алеф-Пресс, 2023. 542 с.
2. Triepel H. Völkerrecht und Landesrecht. Leipzig: Vrlg. von C.L. Hirschfeld, 1899. P. 81.
3. Cassese A. International Law. Oxford: Oxford University Press, 2001. 468 p.
4. Алиев А.М. Имплементация международных норм в правовую систему Азербайджана. Баку: Nurlar, Изд-во, 2020. 18 с.
5. Алиев А.И. Конституционные основы имплементации международного права в правовой системе Азербайджана // Право и развитие. 2021. № 2. С. 10–18.
6. Конституция Азербайджанской Республики (1995 г., с изм. и доп.). URL: https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution
7. Loizidou v. Turkey, Judgment of 23 March 1996, ECHR. URL: https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/echr/1996/en/97181
8. Broniowski v. Poland, Judgment of 22 June 2004, ECHR. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70326

9. Решение Конституционного суда Азербайджана по делу №1/2003. URL: https://constcourt.gov.az/ru/decision/615
10. Medellín v. Texas, 552 U.S. 491 (2008). URL: https://www.casebriefs.com/blog/law/international-law/international-law-keyed-to-damrosche/chapter-10/medellin-v-texas/

The Specifics of the Relationship Between International and Domestic Human Rights Law: Theory and Practice on the Example of Azerbaijan

Gurbanova F.I.
Baku State University (Baku, Azerbaijan)

The article examines the relationship between international and domestic human rights law, taking into account theoretical and legal models and current judicial practice. The relevance of the topic in the context of globalization and the growing importance of international standards is substantiated. The purpose of the study is to identify mechanisms for the implementation of international norms, analyze legal conflicts and ways to improve human rights practice in Azerbaijan. The paper examines the approaches of dualism and monism, as well as the experience of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of Azerbaijan. The practical significance lies in offering specific recommendations for improving the implementation of international obligations in national jurisdiction.

Keywords: international law, national legislation, human rights, implementation, legal harmonization, European Court of Human Rights, legal practice of Azerbaijan

УДК 340.13
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-330-334

К вопросу о проблеме определения средств достижения целей юридического процесса

Гурьянова В.В.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева,
доцент кафедры теории и истории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова

Исследование сферы юридического процесса подводит к необходимости определения специфики воздействия на процессуально-правовые отношения, что обусловлено использованием в большинстве случаев императивных норм права для регулирования правотворческой и правоприменительной деятельности. Процессуальное законодательство, как источник процессуального права императивного характера, является одним из средств достижения целей юридического процесса, но далеко не единственным. Проблема настоящего исследования заключается в отсутствии универсального подхода в определении средств достижения целей юридического процесса. В этой связи необходимо изучить природу этих средств.

Актуальность исследования обусловливает цель работы: определить средства достижения целей юридического процесса. Данная цель приводит к необходимости постановки следующих задач: определить сущность и цель юридического процесса; раскрыть понятие «средство» и его соотношение с целью; определить правовые и неправовые средства; исследовать признаки правовых средств; провести анализ процессуального законодательства, регламентирующего средства и способы создания норм права и обеспечения реализации норм материального права; провести анализ судебной практики, в которой отмечают средства и способы защиты прав; определить средства достижения целей юридического процесса.

Таким образом в статье исследована проблема определения средств достижения целей юридического процесса, проведен анализ действующих нормативных правовых актов и материалов судебной практики, закрепляющих указанные средства. Данная проблема изучена с учетом результатов исследований теоретиков права о сущности и признаках правовых средств. Исходя из универсального определения юридического процесса как правотворческой и правоприменительной деятельности, рассмотрены средства, применяемые при создании норм права и обеспечении реализации норм материального права.

Ключевые слова: *юридический процесс, юридическая процедура, правоприменение, правоприменительный процесс, цели юридического процесса, правовые средства*

Для цитирования: *Гурьянова В.В. К вопросу о проблеме определения средств достижения целей юридического процесса // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 330–334. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-330-334.*

Актуальность настоящего исследования обусловлена стремлением российского правового государства и гражданского общества к законности, правопорядку, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина. Справедливо отмечается теоретиками права, что «непосредственное воздействие на состояние законности оказывают средства и способы правового характера, т.е. специальные гарантии: средства совершенствования и развития законодательства, предупреждение и выявление правонарушений, юридическая ответственность, защитно-восстановительные меры, меры надзора и контроля» [1, с. 220].

Немаловажная роль в обеспечении законности принадлежит юридическому процессу, грамотной и выверенной постановке его цели, а также рациональному выбору средств достижения соответствующей цели.

На наш взгляд, юридический процесс следует рассматривать как строго процессуально-правовую, стадийную, интеллектуально-волевую, профессиональную деятельность указанных в процессуальном законодательстве субъектов, нацеленную на создание правовых предписаний и обеспечение действия норм материального права. Она включает в себя два основных вида: правотворческий и правоприменительный процессы.

Цель юридического процесса, являясь целостным правовым явлением, тесно взаимосвязана с правовыми средствами. Его следует определять как идеальное, то есть основанное на социально значимой ценности, гарантированное государством процессуально-правовое состояние. Эта цель выражена в создании норм права и обеспечении реализации норм материального права. Ее достижение зависит от социально-экономических, политических и иных условий, а также выбора и использования эффективных правовых средств как в правотворческом, так и в правоприменительном процессах.

Категория «цель» отличается от понятия «средство», поскольку последнее определяется как «приём, способ действия для достижения чего-л.; орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-л. деятельности» [2, с. 372]. Выбор средства зависит от поставленной цели, а цель определяется с учётом доступных средств. Между целью и средством нет чётких границ, поскольку цель выступает в качестве средства, а средство до его приобретения служит целью [см.: 3, с. 9].

С точки зрения отношения понятия «средства» к праву, можно выделить неправовые и правовые средства.

В законодательстве и юридической практике понятие «средства» (во мн. ч.) часто встречается в следующих значениях: денежные средства; финансовые средства; бюджетные средства; технические средства; средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий; транспортные средства; наркотические средства; лекарственные средства; средства массовой информации и т.д. Они относятся к неправовым средствам, поскольку имеют отношение к экономической, технической, медицинской, социальной и другим сферам деятельности.

В свою очередь, правовые средства применяются в связи с осуществлением деятельности по созданию и реализации норм права. Всякое средство, в том числе и средства, применяемые в правовой деятельности, может обладать ценностью, быть относительно самостоятельным, проявляя свою способность содействовать достижению цели [4, с. 13].

Р. Иеринг подчёркивал, что право выступает средством достижения цели [см.: 5, с. 309]. В юридической литературе в качестве правовых средств отмечают нормы и принципы права, правоприменительные акты, договоры, юридические факты, субъективные права, юридические обязанности, запреты, льготы, меры поощрения, меры наказания, акты реализации прав и обязанностей и т.п. Именно тот или иной арсенал, набор средств придаёт специфику отраслям и институтам права [см.: 6, с. 223].

В юридической литературе под правовыми средствами понимают правовые явления, которые выражаются в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), способствующих удовлетворению интересов субъектов права, обеспечению достижения социально полезных целей.

Выделяют общие признаки правовых средств:

– «они представляют собой все обобщающие юридические способы обеспечения интересов субъектов права, достижения поставленных целей (в чем проявляется социальная ценность данных образований и в целом права);

– отражают информационно-энергетические качества и ресурсы права, что придаёт им особую юридическую силу, направленную на преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов участников правоотношений;

– сочетаясь определенным образом, выступают основными работающими частями (элементами) действия права, механизма правового регулирования, правовых режимов (т.е. функциональной стороны права);

– приводят к юридическим последствиям, конкретным результатам, той или иной степени эффективности правового регулирования;

– обеспечиваются государством» [7, с. 335].

Соглашаясь с представленной точкой зрения определения правовых средств, исследуем их сущность и значение под углом юридического процесса.

В юридической науке не сформулирован универсальный теоретико-правовой подход к пониманию средств достижения целей юридического процесса. Вместе с тем последние являются необходимыми юридическими и функциональными

инструментами реализации цели участников правотворческой и правоприменительной процессуальной деятельности.

В качестве правовых средств достижения цели юридического процесса выступают.

1. Нормы процессуального права (процессуальные установления), которые регламентируют создание норм права и обеспечивают реализацию норм материального права.

С помощью процессуальных норм права, регламентирующих порядок, процедуру, стадии правотворческой деятельности, происходит создание, изменение, отмена норм права. К примеру, в ст.ст. 105–108 Конституции РФ устанавливается процедура принятия федеральных законов, в гл. 9 – процедура внесения конституционных поправок и пересмотра положений Конституции [8].

В Постановлении Государственной Думы РФ от 22.01.1998 г. № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ» устанавливается порядок рассмотрения законопроектов в ГД РФ [9].

С помощью норм процессуального права, устанавливающих порядок, процедуру и стадии правоприменительного процесса, осуществляется реализация норм материального права. В качестве примера отметим нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [10], Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ)[11], Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ) [12] и Кодекса об административном судопроизводстве РФ (КАС РФ) [13].

2. Правоприменительные акты (решение суда, постановление административного органа, приказ директора и т.п.), выступающие в качестве средств-установлений индивидуального характера, с помощью которых осуществляется реализация норм материального права в отношении конкретных участников правоприменительного процесса.

3. Правила, средства и приёмы юридической техники оформления нормативных правовых актов и правоприменительных актов (процессуальные установления).

В отношении законопроектов они закреплены в «Методических рекомендациях по юридико-техническому оформлению законопроектов» [14] и комментариях к ним [15].

В отношении правоприменительных актов, к примеру, требования к содержанию судебных решений устанавливаются ст. 103 УПК РФ, ст. 198 ГПК РФ, ст. 170 АПК РФ, ст. 180 КАС РФ, инструкциях по делопроизводству в соответствующих судах.

К средствам достижения целей юридического процесса относятся не только процессуальные установления, но и процессуально-правовая деятельность уполномоченных органов и правомерное поведение участников процесса.

4. Процессуальная деятельность правотворческих и правоприменительных органов.

Это деятельность правотворческих органов по подготовке, рассмотрению, принятию, введению в действие и опубликованию источников права, а также правоприменительная деятельность органов государственной власти и иных уполномоченных государством субъектов по обеспечению реализации норм материального права.

5. Правомерное поведение участников процесса, которое проявляется в следующих формах: использование процессуальных прав, соблюдение процессуальных запретов, исполнение процессуальных обязанностей.

6. Средства и способы защиты прав.

В современных источниках российского права отсутствует определение данных терминов, однако в ряде нормативных правовых актов и судебной практике можно встретить словосочетания «средства правовой защиты» (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ), «средства судебной защиты» (п. «а» ч. 3 ст. 125 Конституции РФ; п. 3 ч. 1 ст. 3, п. 5 ч. 2 ст. 40, ч. 2 ст. 96, п. 2, 3 ст. 97 Федерального конституционного закона РФ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») [16]; «способы защиты прав (интересов)» (ст. 12 Гражданского кодекса РФ от 10.11.1994 г. [17]; ст. 352 Трудового кодекса РФ от 30.12.2001 г. [18]; ч. 3 ст. 131, п. 4 ч. 1 ст. 244.20 ГПК РФ; п. 4 ч. 1 ст. 47 КАС РФ; п. 4 ч. 1 ст. 225.10 АПК РФ).

В правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 23.06.2020 г. № 28-П, отмечается, что институциональные и процедурные условия осуществления права на доступ к механизмам правосудия должны не только предотвращать неоправданные задержки при рассмотрении дел, но и отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения [19].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» уделяет внимание способам защиты и восстановления нарушенных прав потребителей [20].

Способы и средства правовой защиты имеют непосредственное отношение к правоприменительному процессу, поскольку с их помощью происходит достижение такой цели, как обеспечение реализации норм материального права.

7. Меры процессуально-правового принуждения и поощрения.

Для пресечения и предотвращения процессуальных правонарушений и защиты прав участников процесса, а также стимулирования их добросовестного, правомерного поведения необходимы меры процессуально-правового принуждения и поощрения. В разделе IV УПК РФ, ст. 159 ГПК РФ, ст. 154

АПК РФ, гл. 11 КАС РФ закреплены меры процессуального принуждения, т.е. установленные процессуальным законодательством действия, которые применяются к лицам, нарушающим регламентированные в суде правила и препятствующие осуществлению судопроизводства.

В свою очередь, применяются и меры процессуального поощрения: смягчение наказания за явку с повинной, содействие правосудию, или вознаграждение, благодарность за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших.

Следует также отметить, что для реализации цели юридического процесса необходимы не только правовые, но и неправовые средства, в частности:

1. Финансовые средства. При представлении законопроекта в законодательный орган необходимо его финансово-экономическое обоснование, следует ответить на вопрос, понадобятся ли бюджетные средства на его реализацию. Без финансовых средств в большинстве случаев невозможно достичь цели юридического процесса, бюджетные средства необходимы для покрытия расходов по оплате зарплаты депутатов, должностных лиц, судей, иных правоприменителей, содержания государственных зданий и т.д.

2. Средства воздействия на сознание участников социальных отношений (интернет, социальные сети, средства массовой информации, художественная литература, театр, кино, иные виды искусства).

Таким образом, средства достижения цели юридического процесса – это правовые явления, выражающиеся в инструментах (нормах права, правоприменительных актах) и деятельности правотворческих и правоприменительных органов, правомерном поведении участников социальных отношений (технологии), а также неправовые явления (финансовые средства и средства социального воздействия), с помощью которых осуществляется создание норм права и обеспечение реализации норм материального права. Сформулированные в настоящей статье выводы и положения развивают теорию правовых средств, раскрывают природу и механизм применения средств достижения целей юридического процесса.

Литература:

1. Власова Т.В., Дуэль В.М., Занина М.А. Теория государства и права: учеб. пособие. М.: РАП, 2013. 226 с.
2. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. Н-Я / Сост. А. К. Шапошников. М.: Флинта, 2021. 576 с.
3. Макаров М.Г. Категория «цель» в марксистской философии. Л.: Наука. 1977. 188 с.
4. Чулюкин Л.Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1984. 103 с.
5. Иеринг Р. Цель в праве / Под ред.: В.Р. Лицкой (Пер.); Пер.: Н.Ф. Дерюжинский, Н.В. Муравьев. СПб.: Изд. Н.В. Муравьева, 1881. 425 с.
6. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. М.: Юрист, 2004. 245 с.
7. Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права учеб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 384 с.
8. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС Гарант.
9. Постановление Государственной Думы ФС РФ от 22.01.1998 г. № 2134-II ГД (ред. от 24.07.2018) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.
10. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.06.2018) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
11. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 27.06.2018) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
12. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // СЗ РФ. 2002 г. № 30. Ст. 3012.
13. Кодекс административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
14. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (письмо Аппарата ГД ФС РФ от 18.11.2003 г. № вн2-18/490 // СПС КонсультантПлюс.
15. Комментарии к Методическим рекомендациям по юридико-техническому оформлению законопроектов, разработанные Аппаратом ГД ФС РФ в 2013 г. // СПС КонсультантПлюс.
16. Федеральный конституционный закон РФ от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
17. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
18. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.06.2020 г. № 28-П // СПС КонсультантПлюс.
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

On the Issue of the Problem of Determining the Means to Achieve the Goals of the Legal Process

Guryanova V.V.
Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice,
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

The study of the legal process sphere leads to the need to determine the specifics of the impact on procedural-legal relations, which is due to the use in most cases of imperative legal norms to regulate law-making and law enforcement activities. Procedural legislation, as a source of imperative procedural law, is one of the means of achieving the goals of the legal process, but far from the only one. In this regard, it is necessary to study the nature of these means.

The relevance of the study determines the purpose of the work: to determine the means of achieving the goals of the legal process. The formulation of this goal determines the need to set the following tasks: to determine the essence and purpose of the legal process; to disclose the concept of "means" and its relationship with the goal; to determine legal and non-legal means; to examine the features of legal means; to analyze procedural legislation that provides for the means and methods of creating legal norms and ensuring the implementation of substantive law; to conduct an analysis of judicial practice, which highlights the means and methods of protecting rights; to determine the means of achieving the goals of the legal process.

The article examines the problem of determining the means of achieving the goals of the legal process. An analysis of current regulatory legal acts and materials of judicial practice that enshrine these means is carried out. This problem is studied taking into account the results of research by legal theorists on the essence and characteristics of legal means. Based on the universal definition of the legal process as law-making and law enforcement activities, the means used in creating legal norms and ensuring the implementation of substantive law are considered.

Keywords: legal process, legal procedure, law enforcement, law enforcement process, goals of the legal process, legal means

УДК 332.14
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-335-339

Основы пространственного стратегирования на местном уровне

Евлампиева Е.В.
Кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления экономического факультета Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург)

Актуальность статьи обуславливается тем, что динамичные социально-экономические процессы в современном мировом пространстве создают новые возможности развития для государственного управления на всех уровнях. Именно поэтому феномен стратегии пространственного развития играет важную роль в структуре региональной экономики, позволяющий органам государственного и муниципального управления обеспечить долгосрочное устойчивое развитие страны. Целью статьи является анализ феномена стратегирования пространственного развития и его функционирования в условиях деятельности местного самоуправления. Научная значимость работы заключается в анализе института стратегирования в условиях обеспечения устойчивого развития государства и органов местного самоуправления. Практическая значимость обусловлена возможностью применения полученных результатов исследования для усовершенствования законодательной базы, регулирующей стратегическое планирование. Кроме того, исследование может способствовать улучшению учебных программ по подготовке кадров для государственных структур управления.

Ценность проведенного исследования и научная новизна заключаются в уточнении определения понятия стратегирование и анализе законодательных основ данного явления, в том числе перспектив его развития.

Ключевые слова: *стратегирование, стратегия, пространственное развитие, местное самоуправление, муниципалитет, муниципальное стратегическое планирование, муниципальная реформа*

Для цитирования: *Евлампиева Е.В.Основы пространственного стратегирования на местном уровне // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 335–339. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-335-339.*

В современном мире в условиях меняющихся социально-экономических процессов эффективность работы органов власти напрямую зависит от их способности оперативно реагировать на непредвиденные изменения внешней среды. Все это вызывает необходимость выстраивания стратегии долгосрочного и системного развития, учитывающей множество взаимосвязанных факторов.

В условиях современной российской экономики стратегическое планирование приобретает действительно особую актуальность. Создание благоприятных экономических условий для функционирования экономического пространства муниципалитета является ключевым фактором его развития. По мнению Президента России В.В. Путина, «пространственное развитие страны должно быть связано с развитием транспортной и другой инфраструктуры между населенными пунктами» [1]. В данном контексте в последнее десятилетие развитие российских регионов происходит в рамках Стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Появление Стратегии пространственного развития Российской Федерации (далее – Стратегия), несомненно, стало знаковым событием последнего десятилетия для функционирования национальной экономики. Первая Стратегия – «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [2] – была утверждена в феврале 2019 г. Вторая – «Стратегия пространственного развития до 2030 года» [3] – принята в декабре 2024 г. «Ведущие экономики мира и практика управления стран Запада показали, что решение важнейших социально-экономических задач, задач ускоренной реиндустриализации и инновационного развития сегодня невозможно без инструментов стратегического планирования и программного управления» [4, с. 24]. Стратегия пространственного развития, являясь ключевым документом, определяет вектор развития промышленной инфраструктуры страны, стимулируя создание новых производств, модернизацию существующих и улучшение логистических связей между регионами. Однако успешная реализация этой стратегии напрямую зависит от эффективности стратегического планирования на местном уровне.

И первая, и вторая Стратегии приняты в соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [5]. В целом, за период современной истории России, в общем смысле, Стратегия является первым документом, определяющим процесс развития всей территории страны. Появление первой Стратегии вызвало в научном сообществе большой интерес и активное обсуждение [6; 7].

В основе пространственного стратегирования в контексте местного самоуправления можно выделить элементы корпоративного управления. Согласно классическому определению, данного зарубежным исследователем А. Чандлером, стратегическое планирование предполагает «определение основных долгосрочных целей и задач организации, принятие курса действий и привлечение ресурсов, необходимых для достижения этих целей» [8, с. 495].

В бизнесе это означает максимизацию прибыли, увеличение доли рынка или выход на новые рынки.

Однако, применительно к муниципальному управлению, цели становятся значительно шире и разнообразнее. Вместо прибыли мы говорим о повышении качества жизни населения, улучшении социальной инфраструктуры, развитии экономики региона, сохранении окружающей среды и обеспечении безопасности граждан. Именно здесь проявляется принципиальное отличие муниципального стратегического планирования от бизнес-планирования. Субъектом муниципального планирования является не просто муниципалитет или органы местного самоуправления, а всё местное сообщество – совокупность жителей, предпринимателей, общественных организаций и других заинтересованных сторон (например, местное сообщество).

«Конституционное включение местного самоуправления в единую вертикаль публичной власти еще более подчеркивает необходимость сохранять и развивать гражданские начала муниципального сообщества. Сегодня регулирование этого вопроса фрагментарно, что дает возможность на местах достаточно произвольно трактовать вопрос о формах и масштабах непосредственного участия населения в делах местного самоуправления. Как мы полагаем, по этому вопросу должна быть выработана четкая позиция, сочетающая в себе три начала: ситуации обязательного участия населения в делах местного самоуправления; стимулирование органов муниципального управления и самого населения к такому участию; развитие коммуникационных систем, обеспечивающих различные формы участия населения в делах местного самоуправления по всей территории страны» [9, с. 58].

Эффективное стратегическое планирование требует активного вовлечения всех этих субъектов в процесс выработки целей, определения приоритетов и контроля за реализацией планов. Местное самоуправление, в свою очередь, выступает как координатор и организатор этого процесса, обеспечивая правовую и организационную основу для реализации стратегии развития. Это предполагает создание прозрачных механизмов участия граждан в принятии решений, открытый доступ к информации о реализации стратегических планов, а также эффективные каналы обратной связи между населением и органами власти. Однако, простое копирование моделей бизнес-планирования в муниципальную сферу не всегда эффективно. Муниципалитеты сталкиваются с особыми вызовами, которые не характерны для бизнеса. Это ограниченные финансовые ресурсы, зависимость от решений вышестоящих уровней власти, необходимость учета разнообразных интересов и потребностей населения, а также учёт специфики географического положения и природных условий. Поэтому муниципальное стратегическое планирование должно быть адаптировано к уникальным условиям каждого конкретного региона и учитывать его специфику.

В качестве определения стратегического планирования на региональном и местном уровнях можно отметить, что прежде всего «стратегическое планирование социально-экономического развития города и региона – это систематический процесс, с помощью которого местные сообщества формируют картину своего будущего и определяют этапы его достижения, исходя из местных ресурсов» [10, с. 10].

Успешное муниципальное стратегическое планирование должно основываться на глубоком анализе состояния региона, оценке его потенциала и идентификации ключевых проблем. Необходимо четко

определить цели и задачи развития, разработать конкретный план действий с указанием сроков реализации и ответственных исполнителей. При этом важно обеспечить мониторинг реализации плана и своевременную коррекцию стратегии в зависимости от изменяющихся условий.

Однако верно и то, что «современное муниципальное управление лишь тогда имеет возможность полно и качественно удовлетворять все запросы населения, когда оно видит и решает свои задачи на долговременном, стратегическом рубеже, использует основные институты и инструменты стратегического планирования» [12, с. 52].

Обычно выделяют два основных типа планирования: территориальное (или пространственное) планирование и бюджетное планирование. Территориальное планирование основано на рациональном использовании земельных ресурсов, развитии градостроительной среды, создании городской инфраструктуры.

Бюджетное планирование, в свою очередь, концентрируется на рациональном распределении финансовых ресурсов муниципалитета. Оно включает в себя составление и утверждение местного бюджета, контроль за его исполнением, анализ эффективности расходования средств. Бюджетное планирование тесно взаимосвязано с территориальным, ведь именно финансовые ресурсы необходимо распределять с учетом приоритетов территориального развития.

Также можно выделить инфраструктурное планирование, которое можно рассматривать как часть социально-экономического планирования, охватывающее развитие транспортной составляющей, инженерных сетей, а также социальной инфраструктуры. Эффективная инфраструктура является основой для экономического роста и повышения качества жизни населения.

Необходимо отметить, что планирование может быть краткосрочным и среднесрочным в рамках одной из отраслей экономики или в условиях разработки комплексных межотраслевых планов. Что касается именно стратегического планирования, то оно отличается комплексностью и долгосрочностью в рамках социально-экономического развития (табл. 1).

Стратегическое планирование в муниципальном управлении – это сложный, многогранный процесс, представляющий собой не просто создание документа, а комплексную систему действий, направленных на управление развитием города или района на длительную перспективу. Это инструмент, позволяющий решать задачи различного масштаба – от улучшения инфраструктуры конкретного микрорайона до формирования глобальной конкурентной среды для привлечения инвестиций и развития экономики всего муниципального образования. Суть стратегического планирования заключается в определении желаемого будущего и выработке последовательности шагов для его достижения.

Стратегическое планирование не завершается созданием документа. Это динамичный процесс, требующий постоянного мониторинга, анализа и корректировки плана с учетом изменяющихся условий. Непродуманность связей между разными элементами стратегии, отсутствие механизмов контроля и отсутствие системы обратной связи с населением – основные причины неэффективности многих стратегических планов. Для успешной реализации стратегии необходимо создать эффективную систему управления, обеспечить достаточное финансирование и вовлечь в процесс всех заинтересованных сторон. Только в этом случае стратегическое планирование сможет стать мощным инструментом развития муниципального образования.

В концептуальном плане очевидна необходимость «в развернутом обосновании стратегических направлений развития российского местного самоуправления, его места и его особых задач в единой системе публичной власти. Формально можно утверждать, что важность подобного концептуального обоснования вполне осознана» [13, с. 84].

Действительно, реализация стратегии – это динамичный и интегративный процесс, требующий постоянного мониторинга, оценки и корректировки. Успех зависит не только от качества самой стратегии, но и от способности адаптироваться к изменяющимся условиям и эффективно управлять рисками.

Инновационные подходы, такие как использование цифровых технологий для сбора и анализа данных, а также взаимодействие с инновационными хабами и стартапами, могут позволить муниципалитетам эффективно использовать ограниченные ресурсы и адаптироваться к новым вызовам. Все это может быть включено в дальнейший процесс реформ, которые действительно, по мнению экспертов, представляются необходимыми [14; 15].

Таблица 1

Роль стратегического планирования на местном уровне

Планирование на местном уровне		
Горизонтальное разделение планирования	По охвату планирования	По сферам планирования
Долгосрочное	Комплексное	Социально-экономическое
Среднесрочное	Отраслевое	Территориальное
Краткосрочное		Бюджетное
Стратегическое планирование на местном уровне		
Долгосрочное	Комплексное	Социально-экономическое

Стратегическое планирование в муниципальном управлении – это не просто составление формального документа, а сложный, итеративный процесс, направленный на долгосрочное развитие территории и повышение благосостояния населения. Он охватывает все сферы жизни муниципального образования, от развития инфраструктуры до социальной политики и экономического роста.

В заключение важно отметить, что эффективное развитие российских регионов в рамках Стратегии пространственного развития невозможно без активного и продуманного муниципального стратегического планирования, основанного на участии всего местного сообщества и учете особенностей каждой конкретной территории. Это требует не только адаптации методов бизнес-планирования, но и разработки новых инструментов и подходов, способных учесть все сложности и нюансы муниципального управления. Только такой интегральный подход может обеспечить устойчивое и сбалансированное развитие российских регионов.

Литература:

1. Путин В.В. Пространственное развитие должно достигаться за счет строительства инфраструктуры. URL: https://tass.ru/ekonomika/5165089 (дата обращения: 20.02.2025).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.12.2019 г. № 3227-р «Об утверждении плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС КонсультантПлюс.
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс.
4. Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения // Инновации. 2020. № 2 (256). С. 24–28. DOI: 10.26310/207130 10.2020.256.2.003
5. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
6. Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. 2022. № 5. С. 22–40. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-22-40.
7. Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Стратегия пространственного развития России как результат взаимодействия науки и власти // Регион: экономика и социология. 2021. № 4 (112). С. 3–26. DOI: 10.15372/REG20210401.
8. Rabin J., Gerald J. M. Handbook of Strategic Management, Second Edition. New York, 2000. 495 p.
9. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Развитие местного самоуправления как фактор совершенствования системы публичной власти в России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2023. № 3. С. 39–59.
10. Стратегическое планирование на местном уровне / Под ред. Попов Р.А., канд. геогр. наук, Пузанов А.С., канд. геогр. наук. М.: Фонд «Институт экономики города», 2023. 144 с.
11. Урбанистика. Городская экономика, развитие и управление: учебник и практикум для вузов / Л.Э. Лимонов [и др.]; под ред. Л.Э. Лимонова. М.: Изд-во Юрайт, 2020. 600 с.
12. Бухвальд Е.М. Стратегия пространственного развития и новый этап муниципальной реформы в России // Теория и практика общественного развития. 2022. № 4. С. 51–54. https://doi.org/10.24158/tipor.2022.4.7.
13. Бухвальд Е.М. Муниципальная реформа и роль муниципалитетов в пространственном развитии регионов // Научный и общественно-политический журнал. 2023. № 1 (72). С. 77–86. DOI: 10.52897/2411-4588-2023-1-77-86.
14. Корсун К.И., Агеева А.А. Будущее местного самоуправления в свете грядущей муниципальной реформы // Проблемы права. 2022. № 4. С. 38–43.
15. Рой О.М. Развитие муниципальной реформы в России: проблемы и перспективы // Уральский форум конституционалистов. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2022. С. 132–139.

Fundamentals of Spatial Strategy at the Local Level

Evlampieva E.V.
Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg)

The relevance of the article is due to the fact that dynamic socio-economic processes in the modern world space create new development opportunities for public administration at all levels. That is why the phenomenon of spatial development strategy plays an important role in the structure of the regional economy, allowing state and municipal government bodies to ensure long-term sustainable development of the country. The purpose of the article is to analyze the phenomenon of spatial development strategizing and its development in the context of local government.

The scientific significance of the work lies in the analysis of the institute of strategizing in the context of ensuring sustainable development of the state and local government bodies. The practical significance of the work lies in the possibility of application for improving the legislative framework regulating strategic planning. In addition, the study can contribute to the improvement of curricula for training personnel for state management structures. The value of the study and its scientific novelty lie in clarifying the definition of the concept of strategizing and analyzing the legislative foundations of this phenomenon, including the prospects for its development.

Keywords: strategizing, strategy, spatial development, local government, municipality, municipal strategic planning, municipal reform

УДК 339.138
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-340-344

Специфика product placement как инструмента рекламных коммуникаций в РФ

Казанцев Ю.Ю.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономической политики Сибирского института управления – филиал РАНХиГС, доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления НИНХ

Зайцева К.С.
Студент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления НИНХ

Перспективы и границы применения product placement в РФ до сих пор не определены. Авторы фокусируются на сути данного инструмента, раскрывая неисчерпанный потенциал, а также реабилитируя перед законом в случаях смешения product placement со скрытой рекламой. Цели настоящей работы: выявить признаки product placement, способные заинтересовать рекламодателей, производителей и распространителей рекламы; продемонстрировать как широкие возможности, так и слабости данного инструмента; отделить от запрещённых методов продвижения. Среди итогов отметим: медиа- и цифровые продукты, способные к интеграции product placement; выгоды для рекламодателя по сравнению с регулярными рекламными кампаниями; внимание к проблеме законного толкования product placement; отделение product placement от скрытой рекламы и спонсорства. Новизна настоящего исследования представлена обобщением характеристик, свойств, а также преимуществ и недостатков product placement.

Ключевые слова: *закон о рекламе, product placement, продакт плейсмент, рекламные коммуникации, скрытая реклама*

Для цитирования: *Казанцев Ю.Ю., Зайцева К.С. Специфика product placement как инструмента рекламных коммуникаций в РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 340–344. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-340-344.*

Product placement («продакт плейсмент») – демонстрация товаров и услуг в медиа- и цифровой продукции. Данный инструмент привлекает рекламодателей, поскольку традиционные методы продвижения товаров и услуг могут терять эффективность из-за снижения восприимчивости потребителей. Исследования *product placement* проводили О.П. Берёзкина [1], Н.М. Герасименко [2], С.В. Карпова [3], Г.В. Омарова [4], Л.Н. Федотова [5] и др. Правовую природу product placement в рамках российского законодательства изучали А.М. Кольяков [6], А.В. Минбалеев [7], М.А. Садохина [8] и др.

В настоящей работе произведён анализ *product placement*, прежде всего как коммуникационного инструмента, а также как правовой категории. Выявлено общее, что роднит *product placement* с типич-

ными рекламными инструментами, и особенное, что отделяет от традиционной рекламы, с одной стороны, и от скрытой – с другой.

Медиа-продукция призвана воспроизводить реальный мир в некоторой степени достоверности, что делает фигурирующие в медиа предметы знаковыми, иными словами, придаёт им значимость. Рекламодатели заинтересованы в том, чтобы демонстрировать в этом мире продукцию, наделяя её в том числе символическим значением; отсюда следует прагматический интерес к *product placement* [5, с. 101].

«*Product placement*» (далее – PP) переводится с английского как «размещение продукта», но эквивалентного понятия в русском языке нет. С.В. Карпова раскрывает PP как размещение товара (услуги) в эпизоде художественного фильма как атрибута действия [3, с. 176]; М.Н. Григорьев считает, что PP есть позиционирование какого-либо продукта в канве телевизионного или киносериала [9, с. 315]; Н.В. Розанова утверждает, что PP – это скрытые рекламные послания в теле- и кинофильмах [10, с. 274]. Однако область практического применения PP простирается и за пределами кино и телевидения.

Н.М. Герасименко отмечает такие сферы применения PP, как кинофильмы, сериалы, телепрограммы, компьютерные игры, песни, книги и т.д. Речь идёт об интеграции брендов в художественные произведения, произведения искусства, телевизионные передачи и т.д., однозначно не обусловленной контекстом этих произведений в обмен на денежное либо иное вознаграждение [2, с. 185].

Похожего мнения придерживается Г.В. Омарова: PP – это грамотное и ненавязчивое интегрирование информации о фирме, её товарах и услугах в каналы распространения рекламы, включение информации в сюжетную и стилистическую канву медиаформатов [4, с. 107].

Также рамки определения расширяет О.П. Берёзкина: PP – это размещение определённого товара, торговой марки или услуги в кино, теле- и радиопередачах, в СМИ, в интернете, в компьютерных играх, мультфильмах, литературе, поэзии, песнях, клипах, комиксах и т.п. – во всех «продуктах», которые имеют сюжет и которые адресованы среднестатистическому потребителю [1, с. 12]. Д.З. Исаков рассматривает PP в онлайн-играх и мобильных приложениях [11].

Вышеизложенное допустимо сопроводить такими особенностями PP, как: выбор канала коммуникации, адекватный целевой аудитории; долгосрочный характер коммуникации; обоюдная выгода рекламодателя и распространителя (производителя) медиа [4, с. 108].

Обобщая вышеприведённый материал, выделим характерные черты PP: гармоничность интеграции информации о фирме, бренде, товарах и услугах в сюжет; экстраполяция за рамки кино и телевидения, широкая представленность в информационном пространстве.

Классифицировать PP логично следующим образом:

1) визуальный: продукт размещён в кадре в качестве элемента декорации или реквизита [1, с. 19] и появляется по ходу сюжета несколько раз (как в традиционной рекламе, где повторения ведут к повышению узнаваемости); продукт может быть как интегрирован в сюжет, так и служить фоном [4, с. 107];

2) разговорный: название товара (имя бренда, слоган) произносится персонажем или закадровым голосом [1, с. 20]; данный тип следует отделить от прямой рекламы, технология размещения которой в речи персонажей также известна профессионалам [4, с. 108];

3) тип через использование предполагает взаимодействие персонажей с товаром (брендом) в ходе драматического действия, что возвышает данный тип над двумя предыдущими [1, с. 21].

А.В. Караваев расширяет вышеприведённую систему до четырёх пунктов: демонстрируемый: атрибуты бренда воспринимаемы визуально; текстовый: упоминание таких атрибутов, как название, слоган; звуковой: воспроизведение фирменных мелодий, звуков; практико-инструментальный: использование товара по назначению в ходе драматического действия [12, с. 148].

М.М. Кузовлева и В.Л. Музыкант описывают следующие типы PP: сквозной подразумевает представление продвигаемого бренда в качестве одного из «героев» произведения, вокруг которого разворачивается определённая сюжетная линия; обратный – воплощение созданного специально для произведения бренда в реальной жизни [13, с. 209].

Ведущей задачей PP единодушно выделяется демонстрация предмета продвижения посредством интеграции в канал распространения без обнаружения зрителем очевидной коммерчески заинтересованной стороны [2, с. 184], что с точки зрения эффективности коммерческих усилий следует считать лишь промежуточным достижением, средством, но не целью. А.А. Булгакова не обнаружила доказательных результатов воздействия PP на аудиторию, но обратила внимание на композиционные возможности, которые открывает перед автором контракт с рекламодателем [14, с. 88].

Специфической задачей PP можно считать построение ассоциативной связи бренда с персонажем или сюжетом. Успех развлекательного контента зависит от способности авторов вовлекать потребителей в эмоциональную связь симпатического или эмпатического свойства, возводя временную конструкцию погружения в сюжет и солидарности с персонажами; в таком случае следствием успешной эмоциональной связи может выступить сфор-

мированная лояльность к интегрируемому продукту. В работе В.А. Алексунина и О.М. Кожиной обосновывается высокая эффективность воздействия PP на подростковую аудиторию по сравнению с иными формами рекламы [15]; эффективность достигается благодаря успешной реализации вышеописанной специфической задачи.

Опираясь на вышеизложенное, обобщим преимущества PP в сравнении с традиционными способами продвижения:

1) отсутствие стандартных признаков рекламы;

2) возможность демонстрировать не только продукт, но и процесс потребления;

3) интерес к товару (бренду) через привлекательность персонажа;

4) отсутствие типичных недостатков рекламы (невозможность пропустить, переключить, пролистнуть и т.д.);

5) неограниченность срока жизни PP-посланий, долгосрочный характер коммуникации;

6) возможность бесплатных коммуникаций в долгосрочной перспективе (при повторном прокате медиа-продукта).

Аналогичным образом сформулируем недостатки PP:

1) отсутствие точных критериев и методики оценки эффективности PP;

2) зависимость от контекста произведения;

3) временной разрыв между кампанией (выходом фильма, произведения и пр.) и достижением коммерческого результата;

4) имидж товара (бренда) способен пострадать по причинам провала медиа-продукта;

5) сложность планирования рекламно-информационных кампаний с привлечением средств PP.

Кроме того, правовой статус PP вызывает дополнительные трудности. Единого понятия «*Product placement*» на сегодняшний день нет ни в правовой доктрине, ни в российском законодательстве. Эксперты российского рынка, а также академические специалисты продолжают работу по определению места и роли PP не только в информационном, но и правовом поле.

А.В. Караваев обращает внимание на следующую характеристику PP: «реклама, которая должна быть скрытой, зачастую приобретает открытую форму» [16, с. 149]. К.А. Аржанова с соавторами относят PP к разновидности партизанского маркетинга [17, с. 30], с чем можно согласиться лишь отчасти, однако партизанский маркетинг не получил академического определения, посему способен абсорбировать разнообразные методики, методы и приёмы. А.М. Кольяков формулирует проблему идентификации рекламного сообщения в художественном произведении, поскольку демонстрация товаров может служить сюжетной необходимости; в таком случае признаки PP «являются оценочными и не подлежат формализации» [6, с. 166].

Е.И. Спектор приводит определение «литературный *Product Placement* (скрытая реклама)», «посредством которого товар оказывает косвенное воздействие на подсознание читателей» [18, с. 19]. В одном из дел фигурировал отрывок телевизионной передачи, где демонстрировалась продукция бренда игровых приставок; этот фрагмент антимонопольным органом был идентифицирован как «обладающий всеми признаками рекламы, как *product placement,* т.е. скрытая реклама» [19].

Скрытая реклама прямо запрещена Федеральным законом от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – Закон «О рекламе»), где она определяется как реклама, которая «оказывает не осознаваемое потребителями рекламы воздействие на их сознание, в том числе воздействие путём использования специальных видеовставок (двойной звукозаписи) и иными способами» [20]. Смешивать PP со скрытой рекламой ошибочно ввиду различий как целей, так и методов. PP оказывает воспринимаемое, осознаваемое воздействие на потребителей, и продукт ограниченно интегрирован в произведение с целью привлечь внимание, описать таким образом, чтобы в дальнейшем ассоциироваться с персонажем или сюжетом произведения [21, с. 387]. Специфика PP определяется сферой размещения, тогда как специфика скрытой рекламы во многом опирается на технические методы. Настоящие понятия могут пересечься, лишь если допустить, что при размещении PP используются запрещённые технические приёмы [22, с. 16].

Другое понятие, которое может выглядеть тождественно PP, – это спонсорство, которое обладает нехарактерными для PP признаками: спонсором может выступать исключительно лицо, но не конкретный товар [8]; спонсору присуща самоидентификация перед аудиторией, упоминание спонсора, что отсутствует при использовании в PP. Ошибочно ставить PP в один синонимичный ряд со спонсорством.

Руководствуясь п. 9, ч. 2, ст. 2 Закона «О рекламе», наиболее юридически корректно рассматривать PP как явление, на которое данный закон не распространяется, а именно: «упоминание о товаре, средствах его индивидуализации, об изготовителе или продавце товара, которые ограничено интегрированы в произведения науки, литературы, или искусства, и сами по себе не являются сведениями рекламного характера» [20]. Легальное использование PP при соблюдении следующих необходимых условий: 1) произведение, в котором присутствует PP, должно быть признано произведением науки, литературы или искусства; признаками такого произведения можно считать его формальную определённость, признание его результатом творческой деятельности, охрану независимо от достоинств и способа выражения [7]; 2) ограниченное интегрирование в произведение: под этим следует понимать

такую информацию о товаре или лице, которая является составной частью сюжета произведения (отдельной его части) и выступает дополнительной характеристикой героя или созданной ситуации [23].

Неопределённость РР на уровне правового регулирования приводит к недобросовестному продвижению на территории РФ продуктов (алкоголь, табачная продукция, азартные игры и др.), чьи информационные рамки жёстко ограничены законодателем [24, с. 129]. Ненавязчивое включение продукта в сюжетную линию произведения открывает возможность рекламировать продукт в обход установленных законом рамок. Примером может служить демонстрация в кадре кино (телесериала) продукции алкогольного или табачного бренда как предмета потребления персонажами, если интеграция в сюжет формально наличествует.

На основании вышеизложенного сформулируем следующие выводы:

1) РР является рекламой с менее выраженными признаками рекламной коммуникации (навязчивость, интеграция в сюжет);

2) РР не нарушает законодательства РФ и не может причисляться к видам скрытой рекламы;

3) не претендуя на правовую оценку, авторы задаются вопросом, не назрела ли необходимость закрепить РР законом, утвердив границы, с одной стороны (с целью пресечения скрытой рекламы), но разрешив пользоваться данным инструментов в оговорённых рамках – с другой.

Литература:

1. Березкина О.П. Product Placement: технология скрытой рекламы. СПб.: Питер, 2009. 206 с.
2. Герасименко Н.М., Король А.Н. Продакт плейсмент: теория и практика развития // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2015. № 3(38). С. 181–190.
3. Карпова С.В. Рекламное дело: учеб. и практикум для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2025. 344 с.
4. Омарова Г.В. Основы рекламы: учеб.-метод. пособие. Ярославль: Изд-во «Ремдер», 2007. 118 с.
5. Федотова Л.Н. Реклама: теория и практика: учеб. для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2025. 449 с.
6. Кольяков А.М. Продакт-плайсмент: реклама или органично интегрированное упоминание о товаре // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 1(18). С. 161–167.
7. Минбалеев А.В. Произведения науки, литературы и искусства: проблемы правового регулирования // Интеллектуальная собственность. Актуальные проблемы теории и практики. Т. 1. М.: Изд-во Юрайт, 2008. С. 108–122.
8. Садохина М.А., Татаринова С.С. Правовое регулирование и правовые особенности применения Product Placement в России и зарубежных странах // XVI королёвские чтения: сб. материалов Межд. молодёжной науч. конф. Самара: Самарский нац. исслед. ун-тет имени академика С.П. Королева, 2021. С. 1327–1328.
9. Григорьев М.Н. Маркетинг: учеб. для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2025. 478 с.
10. Розанова Н.М. Конкурентные стратегии современной фирмы: учеб. и практикум для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2025. 343 с.
11. Искаков Д.З. Реклама в игровых продуктах российских телекомпаний // Меди@льманах. 2018. № 1(84). С. 58-68. EDN XOFQCL.
12. Караваев А.В. К вопросу об использовании Product Placement в digital-маркетинге // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 1(27). С. 147–151.
13. Кузовлева М.М., Музыкант В.Л. Product Placement как эффективная социальнокоммуникативная технология // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2(46). С. 207–212.
14. Булгакова А.А. Литературный продакт плейсмент как стратегия формирования положительного отношения к бренду // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2024. Т. 10. № 3. С. 80–90. DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-3-80-90.
15. Алексунин В.А., Кожина О.М. Воздействие product placement на подростковую аудиторию // Практический маркетинг. 2014. № 9(211). С. 13–16.
16. Караваев А.В. К вопросу об использовании Product Placement в digital-маркетинге // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 1(27). С. 147–151.
17. Аржанова К.А., Довжик Г.В., Ионцева М.В. Современные PR-технологии продвижения компании // Компетентность. 2020. № 5. С. 30–36.
18. Спектор Е.И. Комментарий к Федеральному закону от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе». М.: Юстицинформ, 2007. 245 с.
19. Постановление ФАС ПО от 12.11.2010 г. по делу № А65-7742/2010 // СПС КонсультантПлюс.
20. Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // СПС КонсультантПлюс.
21. Блинова А.В. К вопросу о разграничении понятий «скрытая реклама» и «продакт плейсмент» // Наука, технологии, инновации в мире глобальных трансформаций: Материалы IX Межд. науч.-практ. конф. В 2-х ч., Ростов-на-Дону, 21 апреля 2021 г. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Южный Унет (ИУБиП), 2021. С. 384–388.

22. Как различить product placement и скрытую рекламу? // Московский юрист. 2011. № 1. С. 12–16.
23. Куликов А. Правовое регулирование использования product placement в России // «Конкуренция и право». 2016. № 3. URL: https://cljournal.ru/vybor/158/ (дата обращения: 25.03.2025).
24. Ткачев В.В. Проблема правового регулирования product placement в интернете // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-5(80). С. 129–131. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-5-5-129-131.

Specifics of Product Placement as an Advertising Communications Tool in the Russian Federation

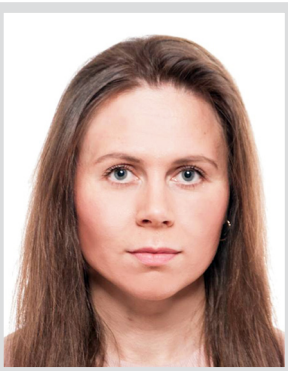
Kazantsev Y.Y.
Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Novosibirsk State University of Economics and Management
Zaitseva K.S.
Novosibirsk State University of Economics and Management

The prospects and limits of product placement application in the Russian Federation have not yet been determined. The authors focus on the essence of the tool, revealing its untapped potential, as well as rehabilitating it before the law in cases of mixing product placement with surreptitious advertising. The objectives of this work is to identify the features of product placement that can interest advertisers, advertising makers and distributors; to demonstrate both the broad capabilities and weaknesses of the tool; to separate it from prohibited promotion methods. Among the results, we note: media and digital products capable of integrating product placement; benefits for the advertiser compared to regular advertising campaigns; attention to the problem of legal interpretation of product placement; separation of product placement from surreptitious advertising and sponsorship. The novelty of the study is represented by the generalization of the characteristics, properties, as well as the advantages and disadvantages of product placement.

Keywords: advertising communications, Advertising Law, product placement, surreptitious advertising

УДК 327.8(470)
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-345-350

Концепция «мягкой силы» Российской Федерации в реализации национальных интересов государства

Каримова К.С.
Старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Северо-Западного института управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при президенте РФ (Санкт-Петербург)

Актуальность темы научной публикации выражается в росте важности концепции «мягкой силы» в контексте реализации национальных интересов России в условиях эскалации международных санкций и непрекращающихся попыток международной политической, экономической и культурной изоляции.

Цель научного исследования – развить теоретическую базу формирования и применения концепции «мягкой силы» и дать аналитическую оценку ее применения политической элитой России в контексте реализации национальных интересов страны.

Научная и практическая значимость работы выражается в развитии знаний и представлений о концепции «мягкой силы» и особенностях ее применения российским политическим руководством в современных условиях, а также четком структурировании ее сильных и слабых сторон.

Ключевые слова: *«мягкая сила», национальные интересы, общественная дипломатия, международные санкции, русофобия, гегемония, коллективный Запад*

Для цитирования: *Каримова К.С. Концепция «мягкой силы» Российской Федерации в реализации национальных интересов государства // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 345–350. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-345-350.*

Глобальная трансформация геополитической модели международных отношений стран после Второй мировой войны сформировала комплекс предпосылок и условий для нового вектора развития дипломатии – использования ресурсов культуры, науки, информационного пространства (средств массовой информации) для продвижения национальных интересов в международном пространстве и оказания влияния (в т.ч. манипулирования) на других субъектов международного права. Дальнейшее активное развитие информационных технологий и переход к цифровому обществу в XXI в. стал катализатором для применения концепции «мягкой силы», суть которой выражается в формировании позитивного имиджа государства на международной арене и повышении его авторитета в отдельных вопросах социального и (или) экономического характера и политической конкурентоспособности.

В соответствии с задачами научной публикации, автором в первую очередь был проведен библиографический анализ отечественных и зарубежных академических публикаций для формирования понятийного аппарата и раскрытия сущности понятия «мягкая сила», а также прослеживания процесса его институционализации в политической и общественной повестке (табл. 1).

Отдельно автором было проведено изучение процесса институционализации концепции «мягкой силы» в России для понимания ее особенностей и специфики внутреннего устройства. Так, первым шагом, положившим начало применению «мягкой силы», стало принятие в 2007 г. Указа Президента

Таблица 1

Определение понятия «мягкая сила» в отечественной и зарубежной литературе

Автор (-ы)	Содержание определения
Дж. Най (Nye J.)	Механизм достижения внешнеполитических целей через формирование привлекательного образа страны - субъекта международных отношений, основанный на достижениях в сфере культуры, науки, средств массовой информации и т.п. ресурсов неэкономического характера [1, p. 25-26].
Т.В. Пауль (T.V. Paul)	Комплекс правил, принципов и публично декларируемых ценностей для оказания влияния (манипулирования) на субъектов международного права через программы сотрудничества, гуманитарной и технической помощи для продвижения национальных интересов государства-инициатора и достижения желаемых результатов [2]
С. Фергсон (C. Ferguson)	Применение средств ценностно-культурного, образовательного и информационного воздействия на психоэмоциональные аспекты восприятия социума для инициации доверия и заинтересованности во взаимодействии и сотрудничестве на условиях, обозначенных с государством-инициатором [3, p. 203]
К. Кэмпбел (Campbell Kurt); М. Хэнлох (O'Hanlon Michael)	Новая модель публичной дипломатии, основанная на использовании механизмов международной научно-технической, образовательной, культурной и деловой кооперации, сотрудничества и гуманитарной (технической) помощи для формирования позитивного и привлекательного образа государства в глазах общественности другого субъекта и продвижения с помощью (за счет) него собственных интересов и целей в международном политическом и экономическом пространстве [4, с. 66–67]
А.О. Наумов, М.В. Белоусова	Модель реализации дипломатических отношений, основанных на применении неформальных инструментов (культура, искусство, средства массовой информации), направленных на популяризацию культуры и стиля жизни страны-инициатора для ее усиления в других странах [5]
А.В. Борисов	Модель общественной информационной повестки, формируемая пропагандистскими информационными потоками для создания чувства доверия к источнику информации и последующего вызова симпатии к идеям, образам, ценностям и целям, декларируемым автором повестки [6]

РФ от 21.06.2007 г. № 796 «О создании фонда «Русский мир» (в ред. от 18.09.2023 г. № 696), направленного на популяризацию русского языка и культуры за рубежом и формирование объективного представления о стране в мировой информационной повестке [6]. Вторым шагом стало принятие в 2008 г. Указа Президента Российской Федерации от 06.09.2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» (в ред. от 26.05.2022 г. № 313), которым было учреждено Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству [7].

Как следует из результатов анализа, в России применяется достаточно жесткая модель реализации «мягкой силы», т.к. указанные структуры являются исключительно подчиненными Министерству иностранных дел, Министерству образования и науки, а также Администрации Президента РФ. Для детализации особенностей реализации концепции «мягкой силы» в России автором был проведен компаративный анализ ее использования в мировых странах-лидерах по следующим критериям: ключевые инициаторы и управляющие органы; институты-проводники (ответственные за реализацию); стратегические цели ее применения.

В *России* ключевыми акторами, формирующими повестку «мягкой силы», выступают государственные институты власти: Управление Президента Российской Федерации по внешней политике, Министерство иностранных дел, Министерство образования и науки, частично – Министерство культуры. В *США* фундаментальные основы «мягкой силы» формируют Конгресс, Государственный департамент, Совет национальной безопасности, за детализацию направлений ответственны представители системы правоохранительных органов и военной разведки (ЦРУ, Агентство национальной безопасности), а также корпоративная элита, тесно сотрудничающая с политическими институтами [8].

В *ЕС* имеет место наиболее развития институциональная структура, включающая Европейскую службу внешнеполитических действий, специальных представителей по регионам, Европейское бюро по гуманитарной помощи. *КНР* имеет, напротив, более сжатую структуру, состоящую только из Министерства иностранных дел, Постоянного комитета Всекитайского комитета по развитию и сотрудничеству [9].

Наибольший интерес для целей исследования представляет анализ проводников «мягкой силы», т.е. непосредственных субъектов, ответственных за ее практическую реализацию. В *России* основное место занимают государственные структуры: Россотрудничество; АО «Российский экспортный центр», существенно меньшую роль играют Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Международный совет российских соотечественников, Российский Совет по международным делам. В *США* состав проводников существенно больше и включает в себя: Бюро по делам образования и культуры (ECA), Агентство США по международному развитию (USAID); Фонд экономической поддержки, Центр международного частного предпринимательства, Фонд общественной дипломатии

(последние три являются частными). Структура проводников в ЕС имеет более выраженную государственную институционализированность и включает в себя: Европейский инструмент добрососедства и партнерства; Инструмент макрофинансового содействия; Инструмент сотрудничества в области развития; отраслевые программы «*EU*4…», координируемые и реализуемые от лица наднациональных регуляторных органов. В Китае также имеет место государственное доминирование проводников: Китайский совет по продвижению международной торговли, Всекитайская федерация промышленности и коммерции, Китайский совет по продвижению международных инвестиций, Ассоциация публичной дипломатии, Китайский международный центр экономических и технических обменов [8–10].

Общие стратегические цели применения концепции «мягкой силы» имеют наиболее сильную дифференциацию: для США цели коррелируют с идеями мирового лидерства и безусловного военно-политического превосходства, стремлением к формированию союзнических образований в странах, имеющих ценные ресурсы; также не стоит забывать о влиянии на повестку корпоративных сил в лице группы компаний *FAMGA*[1], сетевых структур типа *McDonald's, KFC*, а также мирового лидера киноиндустрии – Голливуда. В ЕС стратегическими приоритетами «мягкой силы» являются: популяризация ценностей демократии и их распространение на все страны, свободы и приоритета интересов личности, противодействия нарушению прав человека и насилию, оказания помощи в чрезвычайных ситуациях, а культура рассматривается также как катализатор креативности и инноваций [11].

Для китайской стратегии «мягкой силы» основой является «теория гармоничного мира», появившаяся как развитие концепции «мирного возвышения», цель которой – снизить напряженность в отношениях между мировыми лидерами в части экономического развития Китая и его постепенное выдвижение на роль доминирующего игрока на международной арене. Вторым фундаментальным аспектом «мягкой силы» является борьба против мировой гегемонии США путем достижения т.н. «Пекинского консенсуса», символизирующее альтернативную модель развития, в рамках которой объединяются либеральная экономика и авторитарная политическая система [12, с. 99–100].

В России цели концепции «мягкой силы» хронологически сменялись трижды, что нашло отражение в определенных временных этапах, каждому из которых сопутствовало некоторое переломное событие:

1) *докрымский* (примерно с 2002–2014 гг.) – «мягкая сила» фокусировалась на формировании положительного имиджа государства, активизации привлечения иностранных инвестиций и крупнейших мировых корпораций для технологического обмена и кооперации. Тональность информационной повестки отличалась позитивностью и доброжелательностью, демонстрацией открытости к сотрудничеству;

2) *доковидный* (примерно с 2015–2020 гг.) – против РФ были введены первые пакеты санкций, а в информационной повестке тональность упоминаний стала негативной, поэтому в концепции «мягкой повестки» стали появляться ноты защиты идеи «русского мира», противопоставление сохраняющей русской культуры деструктивной ценностной парадигме западных стран, направленной на ослабление духовности, морали и традиционных скреп в виде семьи, деторождения и воспитания молодежи.

С наступлением пандемии *COVID*-19 риторика в сторону западной модели эгоистических ценностей, принципов и общей растерянности перед пандемией усилилась, что преследовало цель ослабить процессы релокации высококвалифицированных специалистов и снизить социальную напряженность в информационном поле. Кроме этого, негативным штрихом стал отказ Всемирной организации здравоохранения одобрить вакцину Спутник *V* и Спутник *Light*, несмотря на то, что именно в России она была разработана ранее всех;

3) *этап «специальной военной операции»* (22.02.2022 г. – по н/в) – заключительный (по крайней мере официально) на сегодняшний день этап, отмечается резким ухудшением тональности упоминания России в международной экономической, политической и информационной повестках, что вкупе с беспрецедентным количеством введенных санкций оказал переломное воздействие на риторику «мягкой силы». Теперь в ее целях звучат идеи защиты национальной самобытности и самоидентичности русской культуры, а также подчеркивается приверженность политического руководства понятию «гуманитарной политике», а не конструкту «мягкой силы», в котором, по мнению российских политиков, видится приверженность американизму и желанию давления на политические элиты других стран [13].

Анализируя последние политические и экономические новости, автором отмечается, что с приходом к власти администрации Д. Трампа между Россией и США вновь начинается движение к «созидательному строительству и пониманию», однако говорить пока о начале нового этапа формирования концепции «мягкой силы» все же рано. Несмотря на смену тональности риторики руководства США в отношении российского руководства, конкретных шагов по примирению со стороны коллективного Запада не последовало, но, принимая во внимание цели внешнеполитического курса Д. Трампа, можно

[1] *FAMGA = Facebook, Apple, Microsoft, Google, Amazon.*

Продукт *Facebook* признана экстремистской организацией в России.

говорить о превалировании в нем «экономической рациональности» над «политическим авантюризмом и недальновидностью» предыдущей администрации Байдена.

Для понимания динамики «мягкой силы» автором был проведен анализ индекса «мягкой силы», рассчитываемый ежегодно международным агентством *Brand Finance* (рис. 1).

Как видно из рисунка 1, динамика изменения «мягкой силы» России хронологически совпадает с периодами событий, которые автором выделены выше. Несмотря на меньший опыт применения концепции «мягкой силы» в публичной дипломатии, Россия вплоть до 2022 г. входила в ТОП-10 стран, имеющих максимальную «мягкую силу».

Концепция «мягкой силы» России имеет как сильные, так и слабые стороны, не позволяющие ей использовать данный ресурс в полном объеме для продвижения и защиты национальных интересов. К сильным позициям можно отнести:

1) апеллирование к традиционным (классическим) ценностям, заложенным в человеке самой природой (например, гетеросексуальность, заинтересованность в создании семьи и рождении детей);

2) миролюбивость и веротерпимость («мягкая сила» России не несет в себе стремления подавления других вероисповеданий, культур, напротив, она подчеркивает ценность культурного разнообразия для формирования интеллектуального потенциала страны);

3) возможность подкрепления «мягкой силы» «жесткой силой» (Россия является ядерным государством), что делает ее использование более эффективной [15; 16].

К недостаткам концепции «мягкой силы» можно отнести:

1) *упущение инициативы апеллировать к проблемам, не имеющим национальных границ:* коррупция, нарушения свобод, экология, права национальных меньшинств. Эти проблемы в той или иной степени справедливы и для России, однако их упоминание в повестке национальных приоритетов слишком размыто, чтобы формировать «критическую массу заинтересованности» среди широкой общественности;

2) *пертурбации в сфере высшего образования привели к дисбалансу сил гуманитарного и прикладного направлений науки* – в странах Запада подготовка специалистов в сфере гуманитарных наук ориентирована на формирование для целых поколений картины мира через научные исследования, публикации, произведения искусства, создающие в обществе устойчивые образы и конструкты, содержащие те самые национальные цели и интересы (патриотизм, ориентированность на сотрудничество);

3) *неприятие идеи «подрыва деструктивных и опасных для благополучия человечества режимов»* – несмотря на острую критику практики США (реже – ЕС) о направленности их «мягкой силы» на устранение потенциальных очагов угроз для национальных интересов и благополучия человечества (например, антитеррористические операции в Ираке), это является действенным механизмом как защиты своих интересов на международной арене, так и в части недопущения возникновения опасных движений в странах славянской семьи, что имеет место в лице фашистско-бандеровского движения в Украине, заточенного на физическое устранение представителей русского мира на своей территории и вымывание образов из ума молодежи;

4) безусловное доминирование на Западе идей русофобии приводит к формированию предвзятого отношения ко всем феноменам русского искусства, что затрудняет продвижение современной культуры в мировое пространство, а в некоторых случаях для получения права быть представленными на международных площадках авторы идут на «сделку с совестью», добавляя в концепт приемлемые для западного человека ценности и установки;

5) до сих пор не определены элементы российской «мягкой силы», которые потенциально могут определить образ России на мировой арене, в частности, русские народные традиционные художественные промыслы. Популяризация русского традиционного прикладного искусства, но не как собрания коллекций из музеев, а в качестве новых, оригинальных, доступных художественных изделий может иметь успех;

6) умышленное ограничение на использование русского языка и элементов русской культуры для ослабления национальной идентичности и конкурентоспособности титульных наций стран, имевших тесные связи с Россией;

7) слабость института медиапроектов, направленных на созда-

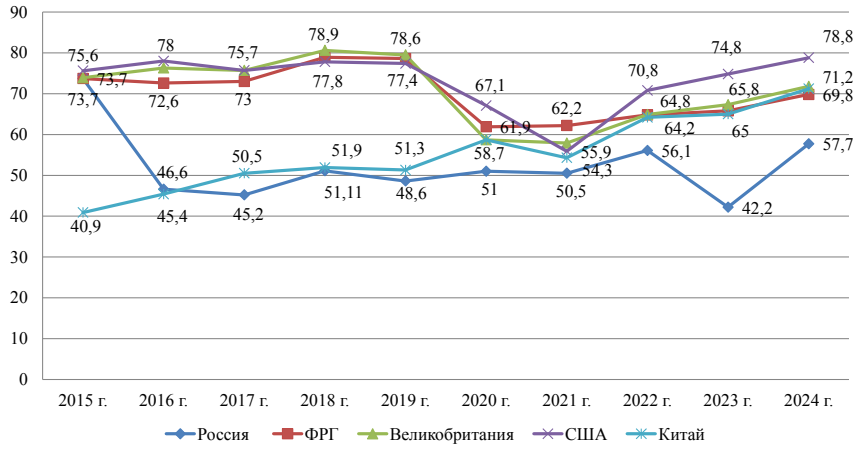

Рис. 1. Динамика индекса «мягкой силы» России в 2015–2024 гг., пунктов [13]

ние качественной продукции для детей и молодежи, способной завоевать популярность у мирового общества (например, японское аниме), которое участвовало бы в формировании конструктивного мировосприятия и ответственного отношения к миру, природе и человечеству [17–19].

Проведенное научное исследование показало, что концепция «мягкой силы» является остродискуссионным вопросом как в политическом, так и общественном понимании. Как было установлено автором, в настоящее время наиболее корректно раскрывать данное понятие с позиции продвижения национальных интересов страны через применение неформальных инструментов: культура, искусство, средства массовой информации.

С учетом влияния международных санкций, понятие «мягкая сила» в российской повестке замещается понятием «гуманитарная политика», в основе которой лежит поддержка традиционных культурных и семейных ценностей, миролюбивость и веротерпимость, возможность подкрепления мягкой силы жесткой силой в виде статуса ядерной державы.

Дальнейшее направление исследования будет направлено на оценку возможностей развития «мягкой силы» России с учетом сложившейся геополитической дилеммы и эскалации международных санкций.

Литература:

1. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 375 p.
2. Paul T.V. Restraining great powers: Soft balancing from empires to the global era. Restraining Great Powers: Soft Balancing from Empires to the Global Era (p. 1). Yale University Press. 2018. https://doi.org/10.1093/ia/iiz208.
3. Ferguson C. The Strategic Use of Soft Balancing: The Normative Dimensions of the Chinese-Russian “Strategic Partnership” // Journal of Strategic Studies. 2012. № 35(2). P. 197–222. https://doi.org/10.1080/01402390.2011.583153.
4. Косякина А.С. Российский подход к концепции “мягкой силы”. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 2. С. 63–75. https://doi.org/10.20542/afij-2022-2-63-75.
5. Наумов А.О., Белоусова М.В. К вопросу о применении технологий «острой силы» в современном мире // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. Вып. 98. С. 73–85.
6. Указ Президента Российской Федерации от 21.06.2007 г. № 796 «О создании фонда «Русский мир». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/25689 (дата обращения: 02.03.2025).
7. Указ Президента Российской Федерации от 06.09.2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020 (дата обращения: 02.03.2025).
8. Шариков П.А. Эволюция публичной дипломатии США: внутриполитические детерминанты, приоритеты и новые вызовы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2023. № 1. С. 164–187.
9. Мухаметов Р.С. Мягкая сила России и ЕС на пространстве «Общего соседства»: сравнительный анализ программ политических партий постсоветских государств // Сравнительная политика. 2020. Т.11. № 4. С. 78–91.
10. Летняков Д.Э., Емельянова Н.Н. Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия // Мир России. 2017. Т. 26. № 4. С. 118–142. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-4-118-142
11. Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы». URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropeyskogo-soyuza-ka/ (дата обращения: 03.03.2025).
12. Михневич М.С. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. 2014. Т.9. № 2. С. 95–130.
13. Такая “мягкая сила” нам не нужна.URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/takaya-myagkaya-sila-nam-ne-nuzhna/?sphrase_id=182732543 (дата обращения: 03.03.2025).
14. Global Soft Power Index 2024 – A world in flux. URL: https://brandfinance.com/insights/global-soft-power-index-2024-a-world-in-flux (дата обращения: 13.03.2025).
15. Андреев А.Л., Андреев И.А. Россия в современном мире: потенциал мягкой силы // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 98–114. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.7
16. Русский код будущего: отечественные технологии как мягкая сила. URL: https://mail.russkiymir.ru/publications/333135/ (дата обращения: 11.03.2025).

17. Сила мягкость ломит: в чем слабость внешней политики России. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/sila-myagkost-lomit-v-chem-slabost-vneshney-politiki-rossii/ (дата обращения: 12.03.2025).
18. Почему «мягкая сила» не применима в России. URL: https://katehon.com/ru/article/pochemu-myagkaya-sila-ne-primenima-v-rossii (дата обращения: 11.03.2025).
19. Эта провальная «мягкая сила». URL: https://topwar.ru/142800-eta-provalnaya-myagkaya-sila.html (дата обращения: 13.03.2025).

The Concept of «Soft Power» of the Russian Federation in the Realization of National Interests of the State

Karimova K.S.
North-Western Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The relevance of the topic of the scientific publication is expressed in the growing importance of the concept of «soft power» in the context of the realization of Russia's national interests in the context of escalating international sanctions and incessant attempts at international political, economic and cultural isolation.

The purpose of the research is to develop the theoretical basis for the formation and application of the concept of «soft power» and to provide an analytical assessment of its application by the political elite of Russia in the context of the realization of the national interests of the country.

The scientific and practical significance of the work is expressed in the development of knowledge and ideas about the concept of «soft power» and the specifics of its application by the Russian political leadership in modern conditions, as well as a clear structuring of its strengths and weaknesses.

Keywords: «soft power», national interests, public diplomacy, international sanctions, Russophobia, hegemony, the collective West

УДК 332.05
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-351-354

Потребительские расходы населения: динамика, структура, тенденции (на примере Свердловской области)

Поздеева О.Г.
Кандидат экономических наук, доцент
кафедры региональной, муниципальной экономики и управления
Уральского государственного экономического университета
(Екатеринбург)

Цель исследования – выявить тенденции и структурные изменения в потребительских расходах населения на региональном уровне с учетом их влияния на повышение качества жизни населения. Поставленная цель предопределила необходимость решения следующих задач: проанализировать сложившиеся динамические и структурные изменения в потребительских расходах населения, определить сформировавшиеся в потреблении товаров и услуг, обеспечивающих удовлетворение потребностей людей, тенденции.

Научная значимость исследования заключается в подтверждении автором гипотезы о происходящих структурных изменениях в потребительских расходах населения, связанных с тем, что они оказывают существенное влияние на обеспечение качества жизни людей. Практическая значимость состоит в возможности использовать результаты исследования для анализа влияния изменений в расходах населения на повышение качества жизни населения региона.

Проведенный анализ показал, что общая направленность изменения среднедушевых расходов домашних хозяйств имеет положительную динамику, выявленные структурные изменения в расходах населения изучаемого региона говорят о том, что, несмотря на существенное превалирование товаров первой необходимости, услуги, хотя и постепенно, но достаточно уверенно занимают устойчивые позиции в потреблении населения.

Ключевые слова: *потребительские расходы, качество жизни, домашние хозяйства, регион*

Для цитирования: *Поздеева О.Г. Потребительские расходы населения: динамика, структура, тенденции (на примере Свердловской области) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 351–354. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-351-354.*

Вопросы обеспечения высокого качества жизни населения в отечественной науке особенно актуализировались в последнее десятилетие.

В настоящее время российские ученые всё больший акцент делают на социальной составляющей качества жизни населения. Так, например, М.А. Меньшикова, К.В. Коптева, Б.Н. Порфирьев в своих работах обосновывают зависимость повышения качества жизни населения от состояния социальной сферы в государстве [1; 2], которая, по мнению К.А. Захаровой, Н.Е. Актаева, Н.В. Ивановой «…призвана удовлетворять социальные нужды граждан, что обуславливает качество их жизни» [3, с. 215].

Государственные органы власти и управления одной из главных целей развития Российской Федерации и её регионов ставят повышение качества жизни населения. Именно государство берёт на себя ответственность обеспечивать «…социально-экономическое развитие государства в области удовлетво-

рения личностных потребностей граждан ввиду духовного, физического и социального характера» [3, с. 213]. В связи с этим, создание качественных условий для жизнедеятельности населения во многом зависит от динамики и структуры потребительских расходов населения [4].

В настоящее время всё больше внимания уделяется изучению влияния преобразующих инвестиций на развитие социальной сферы, от состояния которой зависит качество жизни населения. Наиболее крупные исследования этого направления проводит в последние годы Г.М. Квон. По её мнению, в современных условиях преобразующие инвестиции играют «…возрастающую роль в решении социальных и экологических проблем» [5, с. 8].

Важность исследования потребительских расходов населения в контексте обеспечения качества жизни граждан обусловлена тем, что «…потребление материальных благ сложным образом связано с другими аспектами жизни людей и может сопровождаться ухудшением состояния окружающей среды, ростом преступности, заболеваемости и т.п.» [1, с. 5].

Автор согласна с А.А. Гулюгиной в том, что в настоящее время в повышении качества жизни «… важное место занимают потребительские расходы населения, характеризующие доступность потребительских благ и её изменения под влиянием разных факторов» [6, с. 531]. Поэтому в данном исследовании изучена динамика потребительских расходов населения за период с 2010 по 2023 гг., полигоном исследования стала Свердловская область.

Следует отметить, что расходы населения существенно зависят от уровня их доходов, поэтому необходимо сопоставить динамику среднедушевых доходов и расходов населения области. В стоимостном выражении среднедушевые доходы превышают среднедушевые расходы населения и демонстрируют устойчивый рост на всём временном периоде исследования. Как видно из рисунка 1, после 2020 г. среднедушевые доходы населения выросли на большую величину, чем среднедушевые расходы.

В проведенном ранее исследовании автор выявила сложившуюся устойчивую тенденцию, характерную для Свердловской области, в том что «…наибольшая доля в доходах населения приходится на оплату наёмного труда, причем после 2015 г. удельный вес этого вида доходов увеличился» [8, с. 55]. В связи с этим, выявление динамики изменения расходов населения необходимо рассматривать в совокупности с показателями не только доходов населения, но и начисленной заработной платы работников организаций, размеров начисленных пенсий. Как показывает рисунок 2, ежегодные темпы роста данных показателей имеют достаточно согласованную динамику с переменным превышением друг друга в разные временные периоды.

В 2020 г. наибольшим темпом снизились расходы на душу населения, они составили 89,5 % от уровня 2019 г. Несколько меньше упали среднедушевые доходы населения. При этом заработная плата сохранила темпы роста, хотя и в меньшей степени по сравнению с предыдущими годами. Рост средней заработной платы при существовавших в 2020 г. карантинных ограничениях, вызванных пандемией *COVID*-19, был обусловлен проводимой политикой государства на сохранение рабочих мест и оплаты труда, с одной стороны, и существенным увеличением уровня заработной платы для некоторых профессий (медицинских работников, курьеров, водителей и др.) – с другой.

Изменения в структуре потребительских расходов населения выразились в том, что в 2010 г. превалировала покупка непродовольственных товаров (38,5 %), то в 2023 г. больше всего население области тратило на покупку продуктов питания (35,4 %). Данные, представленные на рисунке 3, показывают, что удельный вес оплаты услуг в потребительских расходах был подвержен более сильным колебаниям от 29,8 % в 2015 г. до 24,6 % в 2022 г.

В структуре потребительских расходов домашних хозяйств, как видно из рисунка 4, в 2023 г.,

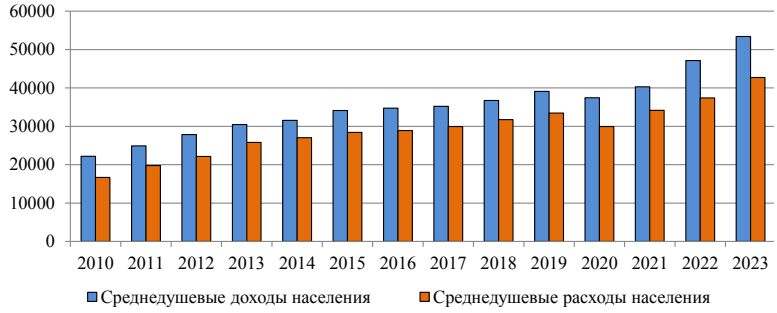

Рис. 1. Сравнение среднедушевых доходов и расходов населения Свердловской области за 2010–2023 гг., руб. [7]

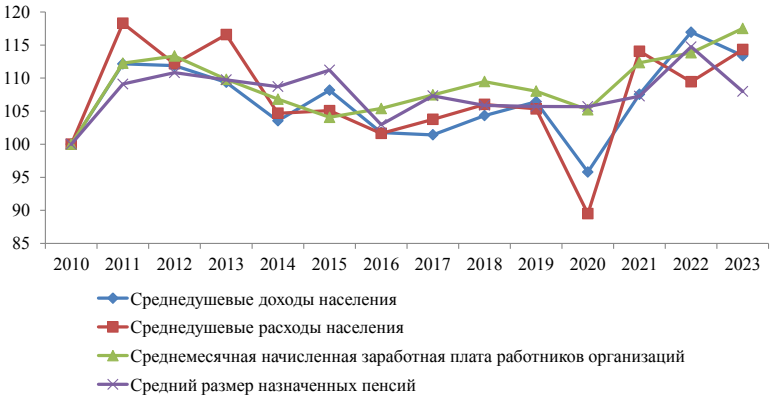

Рис. 2. Темпы роста (снижения) доходов, заработной платы, пенсий и расходов населения в Свердловской области за 2010–2023 гг., % [7]

также как и в 2010 г., продукты питания и безалкогольные напитки сохранили первую позицию и при этом их доля ещё увеличилась, составив 32 %. Удельный вес превзошёл уровень 2010 г. по таким целям потребления, как жилищно-коммунальные услуги, предметы домашнего обихода, здравоохранение, информация и коммуникация, образование, алкогольные напитки и табачные изделия, а по остальным видам доля снизилась. Самый большой рост пришёлся на продукты питания (+4,7 п.п.), а самое большое снижение характерно для транспорта (–7,8 п.п.). Сокращение доли расходов на транспорт связано, в первую очередь, с распространением возможностей удаленной работы, а также с увеличением количества личных автомобилей, так, в 2023 г. по сравнению с 2010 г. число собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения в Свердловской области выросло в 1,7 раза.

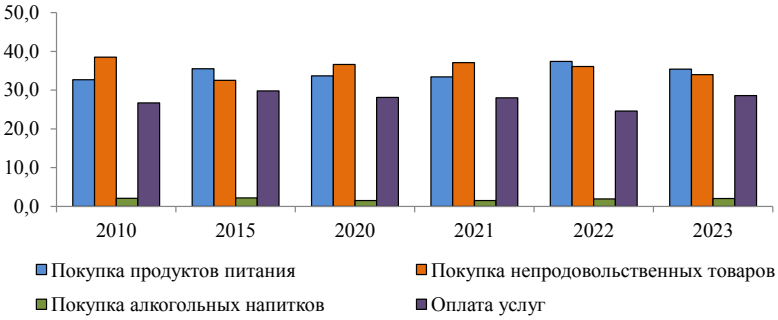

Рис. 3. Структура потребительских расходов домашних хозяйств, % [7]

Как видно на рисунке 5, уровень качества жизни населения Свердловской области неуклонно растёт с 2015 г. Учитывая, что методика расчёта данного индекса включает достаточно большой блок различных услуг, изменения в структуре потребительских расходов в сторону увеличения доли услуг создают условия для повышения качества жизни людей. Автор согласна с мнением Ю.В. Мигуновой, что «… процесс возникновения и удовлетворения потребностей человека и общества является основой для создания благ и услуг, формирующих качество жизни населения» [10, с. 88]

Рис. 4. Структура потребительских расходов домашних хозяйств по целям потребления, % [7]

Таким образом, в результате проведенного анализа были выявлены следующие тенденции: среднедушевые расходы населения Свердловской области стабильно растут на протяжении всего изучаемого периода. В структуре потребительских расходов домашних хозяйств в 2023 г. на покупку продовольственных и непродовольственных товаров приходится 70 %, а на оплату услуг – 28 %. В 2023 г. по сравнению с 2010 г. в структуре потребительских расходов российских семей наиболее значимо увеличилась доля расходов на продукты питания, жилищно-коммунальные услуги и топливо, здравоохранение и образование. Рост среднедушевых расходов населения, увеличение доли услуг в структуре потребительских расходов приводит к увеличению возможностей для удовлетворения личных потребностей населения, что неизбежно отражается в повышении качества жизни населения.

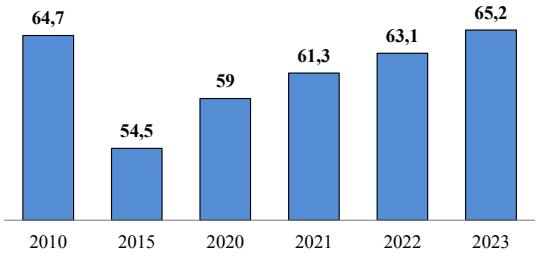

Рис. 5. Динамика индекса качества жизни населения Свердловской области [9]

Литература:

1. Меньшикова М.А., Коптева К.В. Теоретико-методологические подходы к оценке уровня и качества жизни населения // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 2. С. 11–13.
2. Порфирьев Б.Н., Широв А.А., Узяков М.Н., Гусев М.С., Шокин И.Н. Основные направления социально-экономического развития в 2020-2024 гг. и на период до 2035 г. // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 3–15.
3. Захарова К.А., Актаев Н.Е., Иванова Н.В. Взаимосвязь и взаимозависимость качества жизни населения и общего уровня экономического благосостояния государства // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8. № 3 (31). С. 211–228. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-211-228
4. Чернявский С.В., Ростовцев А.И., Фатуллаев С.Т. Изменение приоритетов качества жизни в условиях санкций и политики импортозамещения // Вестник МИРБИС. 2023. № 4. С. 39–44. https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2023.4.4 EDN LJQWHG
5. Квон Г.М. Концепция преобразующих инвестиций в обеспечении и поддержании качественного уровня жизни населения в условиях нестационарности внешней среды // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 7–10.
6. Гулюгина А.А. Потребительские расходы и покупательная способность населения России в условиях санкций: уровень, структура, кризисные проявления // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 4. С. 530–542. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_4_530_542 EDN GIYUZU
7. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov..ru/statistics/ (дата обращения: 28.05.2025).
8. Поздеева О.Г., Виноградова Е.Ю. Динамика и структура изменения доходов населения в промышленном регионе (на примере Свердловской области) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 54–57.
9. Рейтинг регионов по качеству жизни. URL: https://riarating.ru/infografika/20250217/630276667. tml (дата обращения: 23.06.2025).
10. Мигунова Ю.В. Качество жизни населения сквозь призму потребительских предпочтений // Известия Уфимского научного центра РАН. 2020. № 3. С. 88–92.

Consumer Spending of the Population: Dynamics, Structure, Trends (Using the Example of the Sverdlovsk Region)

Pozdeeva O.G.
Ural State Economic University (Yekaterinburg)

The purpose of the study is to identify trends and structural changes in consumer spending at the regional level, taking into account their impact on improving the quality of life of the population. This goal determined the need to solve the following tasks: to analyze the current dynamic and structural changes in consumer spending of the population, to identify trends in the consumption of goods and services that meet people's needs.

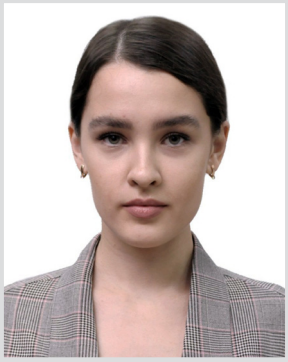
The scientific significance of the study lies in the author's confirmation of the hypothesis about the ongoing structural changes in consumer spending of the population, due to the fact that they have a significant impact on ensuring the quality of life of people. The practical significance lies in the possibility of using the results of the study to analyze the impact of changes in public spending on improving the quality of life of the region's population.

The analysis showed that the overall trend of changes in household per capita expenditures is positive, and the identified structural changes in the expenditures of the population in the study region indicate that, despite the significant prevalence of essential goods, services are gradually but steadily gaining a stable position in the population's consumption.

Keywords: consumer spending, quality of life, households, region

УДК 343.985.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-355-358

Об отдельных аспектах расследования преступлений, предусмотренных ст. 172.2 УК РФ

Хакимуллина Р.Ф.
Адъюнкт кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России,
старший лейтенант полиции

Внедрение цифровых технологий в различные сферы общественных или публичных отношений закономерно порождает выход преступности на новый уровень. Так, организаторы финансовых пирамид активно используют возможности Интернета в своих криминальных целях. Как следствие, деятельность по противодействию современным финансовым пирамидам является для органов внутренних дел особенно трудной задачей. Целью данной статьи является анализ проблем, возникающих в ходе расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных организациями с признаками финансовой пирамиды. В статье использован пример следственной практики по пирамиде Finiko («Финико»), демонстрирующий проблемные ситуации, возникающие в процессе расследования.

Ключевые слова: *финансовые пирамиды, органы внутренних дел, расследование преступлений, противодействие преступлениям, информационные технологии, «Финико»*

Для цитирования: *Хакимуллина Р.Ф. Об отдельных аспектах расследования преступлений, предусмотренных ст. 172.2 УК РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 355–358. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-355-358.*

В настоящее время в уголовно-правовой литературе информационно-коммуникативной сети Интернет все «чаще отводится роль среды совершения различных преступлений либо даже инструмента (орудия) совершения преступления» [1, с. 270]. Выступая 5 марта 2025 г. на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России, Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что в 2024 г. выросло число преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, а ущерб превысил 200 млрд руб. Также подчеркнул необходимость поиска эффективных методов борьбы с правонарушениями в этой сфере [2]. Согласно данным официальной статистики МВД России, в 2024 г. зарегистрировано 765 365 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 34,8 % в 2023 г. до 40 % в 2024 г. [3].

Так, в эпоху всеобщей цифровизации общественных отношений правонарушения в сфере экономики приобретают новые формы. Одной из самых распространенных и опасных форм нелегальной деятельности на финансовом рынке является финансовая пирамида.

Первые пирамиды появились в России еще в начале XX в., но стали активно развиваться в 90-х гг. XX в. С развитием интернета наступил новый этап развития финансовых пирамид – в интернет-сети. [4, с. 1570]. Центральный банк Российской Федерации в 2024 г. выявил 5510 субъектов с «признаками финансовой пирамиды», из которых 99 % составили именно интернет-проекты [5]. Финансовые преступления, совершаемые от имени кредитного потребительского кооператива и иных организаций, которые действуют через свои офисы, отделения и

представительства, сменяются на дистанционное привлечение денег и цифровой валюты в форме различных интернет-проектов [6, с. 158].

Одним из ярких примеров подобных интернет-проектов является финансовая пирамида «Финико», функционировавшая на территории Российской Федерации в 2019-2021 годы. Ее основателями были жители г. Казани Кирилл Доронин, Зыгмунт Зыгмунтович, Марат Сабиров и Эдвард Сабиров. Для введения в заблуждение физических лиц и хищения принадлежащих им денежных средств организаторы создали виртуальную интернет-платформу (использовались различные домены: f*iniko.ru, finiko.space, thefiniko.com, finiko.link, zk35.ru, finiko-kazan.ru, finiko.monster*) и предлагали всем желающим инвестировать денежные средства под условием получения прибыли от 1 до 5 % в день за счет успешной торговли на криптовалютных и фондовых биржах. Для работы с платформой пользователям необходимо было конвертировать имеющиеся денежные средства в криптовалюту, а затем перечислить ее на сгенерированный адрес криптовалютного кошелька в счет приобретения вымышленной внутренней криптовалюты «цифрон» [7]. Так, денежные средства граждан не инвестировались на биржи, а попадали на криптовалютные кошельки, подконтрольные организаторам. Всего платформой было сгенерировано порядка 800 000 криптоадресов [8].

В конце 2020 г. Прокуратура Республики Татарстан организовала проверку в отношении «Финико» по вопросу соблюдения требований законодательства в кредитно-финансовой сфере. По ее итогам и требованию надзорного ведомства 3 декабря 2020 г. по факту незаконного привлечения в проект денежных средств физических лиц Главным следственным управлением МВД по Республике Татарстан (ГСУ МВД по РТ) было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 172.2 УК РФ [9]. Тем не менее пирамида продолжала свою деятельность. В первой половине 2021 г. Центральный банк выявил у «Финико» признаки финансовой пирамиды и обнародовал информацию на своём сайте [10]. По факту хищения денежных средств лиц, вовлеченных в финансовую пирамиду «Финико», Следственной частью ГСУ МВД по РТ 28 июля 2021 г. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Организованный и межрегиональный характер преступной деятельности «Финико» обусловили передачу уголовного дела для дальнейшего расследования в Следственный департамент МВД России [11]. 16.06.2022 г. Следственным департаментом МВД России было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 210, ч. 2 ст. 210 УК РФ в отношении четырех основателей и 18 активных участников пирамиды, которые в составе преступного сообщества в период с 30 июля 2019 г. по 30 июля 2021 г., находясь на территории Республики Татарстан и других субъектов Российской Федерации, под предлогом осуществления инвестиционной деятельности путем обмана похитили денежные средства не менее 10 000 физических лиц в сумме не менее 1 млрд руб.

Следует отметить, что первоначальное возбуждение уголовного дела по ст. 172.2 УК РФ носит превентивный характер. Привлечение денежных средств как таковое и выполнение обязательств перед одними участниками за счет привлечения других – это фактически лишь начальная стадия реализации преступной деятельности финансовой пирамиды, так как организаторами финансовой пирамиды преследуется цель незаконного обогащения. Подобная незаконная деятельность может быть пресечена на более ранней стадии, тем самым снижается объем причиненного ущерба и количество потенциальных пострадавших от преступных действий [12].

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), расследование уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 172.2 УК РФ, производится следователями органов внутренних дел. Поводами для возбуждения уголовных дел данной категории с учетом положений ст. 140 УПК РФ могут служить: заявление физического лица, представителя юридического лица, указывающее на признаки преступления, совершенного в сфере деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества данных лиц, сделанное согласно ст. 141 УПК РФ в устном или письменном виде; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании; рапорт об обнаружении признаков преступления, составленный в порядке ст. 143 УПК РФ, и прилагаемые к нему материалы.

При проведении проверки в порядке ст. 144 УПК РФ следователю необходимо установить следующее: физических лиц и (или) юридических лиц, чьи денежные средства и (или) иное имущество были привлечены; сумму привлеченных денежных средств и (или) иного имущества указанных лиц, которая должна превышать 3,5 млн руб. (крупный размер) или 13,5 млн руб. (особо крупный размер); организации, физических лиц или публичные проекты, осуществляющие или осуществлявшие деятельность по привлечению денежных средств и (или) иного имущества; период времени, в течение которого осуществлялось привлечение денежных средств и (или) иного имущества; производилась ли выплата дохода и (или) предоставлялась ли иная выгода лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество было привлечено; сумму такой выплаты и (или) размер выгоды и лиц, которым она была произведена; осуществлялась ли эта выплата лицам,

чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц; отсутствие инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества; требует ли осуществляемая деятельность специального разрешения (лицензии), если да, то получена ли она; лицо, подозреваемое в совершении преступления; иных лиц, которым может быть что-либо известно об обстоятельствах происшедшего [13, с. 27–28].

Следует согласиться с В.О. Лапиным, который выделил следующие трудности, возникающие при расследовании уголовных дел по типу финансовой пирамиды «Финико»:

– «сложность установления полного перечня данных вкладчиков (пайщиков) для их последующего вызова и допроса в качестве потерпевших, что является одной из причин длительного расследования уголовных дел данной категории;

– отсутствие полной достоверной бухгалтерской документации, свидетельствующей о поступлении, движении и расходовании денежных средств (является результатом заранее спланированного сокрытия следов преступления путем ведения двойной бухгалтерии);

– межрегиональный характер осуществления деятельности и нахождение конечных получателей (бенефициаров) денежных средств в других городах и государствах, масштабность производства процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий (необходимость организации расследования на межрегиональном уровне, быстрота и качество исполнения отдельных поручений следователя, координация работы следственной или следственно-оперативной группы);

– ненадлежащее ведение хозяйствующим субъектом реестра заемщиков (такие реестры либо ведутся с грубыми нарушениями, либо умышленно уничтожаются в случаях опасности разоблачения преступной деятельности);

– большой объем изучения и анализа финансово-хозяйственной и бухгалтерской документации и длительность производства судебных экспертиз (бухгалтерской, компьютерной, математической, психологического-лингвистической, финансово-аналитической, почерковедческой и др.);

– отсутствие правового механизма ареста виртуальных активов для их последующей конфискации (в случаях зачисления и сбережения средств в виртуальных активах)» [14, с. 226].

Безусловно, проблема возмещения причиненного имущественного ущерба потерпевшим является особенно актуальной. Даже при условии установления всех организаторов финансовых пирамид возмещение остается на очень низком уровне, поскольку суммы ущерба исчисляются миллиардами, а имущества виновных лиц недостаточно. Как правило, похищенные денежные средства хранятся на расчетных счетах банков нерезидентов Российской Федерации, в недружественных государствах либо переведены в денежном эквиваленте на криптовалюту. Так, следователю необходимо наложить аресты на расчетные счета организации, установить и арестовать недвижимое имущество и автомототранспорт организации, ее руководителей и учредителей, провести обыски в офисах, в жилищах подозреваемых лиц с целью обнаружения наличных денежных средств и иного имущества, на которое возможно наложение ареста. Также следует проверить имущественное положение супругов и родственников подозреваемых.

Кроме того, организаторы финансовых пирамид, получив денежные средства вкладчиков, стараются скрыться как можно быстрее, избежав таким образом уголовной ответственности. Так, по уголовному делу «Финико» следователями в порядке ст. 91 УПК РФ задержан только один из организаторов К. Доронин, а З. Зыгмунтович, М. Сабиров и Э. Сабиров успели скрыться. Указанные лица объявлены в международный розыск по каналам Интерпола с уведомлением об их аресте и выдаче в случае задержания на территории одного из государств – членов Интерпола.

Таким образом, современные тенденции функционирования финансовых пирамид требуют от органов внутренних дел реализации эффективных мер реагирования в целях обеспечения безопасности охраняемых законом общественных отношений. Проведенное исследование показало, что существенные проблемы имеются в деятельности следственных подразделений по расследованию преступлений, совершенных организациями с признаками финансовой пирамиды. Полагаем, что данные трудности необходимо преодолевать путем учета криминалистических рекомендаций и грамотного анализа правоприменительной практики при производстве первоначальных и последующих следственных действий. Особое внимание следует уделять межрегиональному характеру данной преступной деятельности для создания и организации скоординированной работы следственно-оперативных групп.

Литература:

1. Сотникова В.В., Гороховский А.А. Влияние социальных сетей Интернета на преступность в Российской Федерации // Военное право. 2018. № 6(52). С. 270–274.
2. Расширенное заседание коллегии МВД. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения: 05.03.2025).
3. Данные официальной статистики ГИАЦ МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248327/ (дата обращения: 20.01.2025).
4. Емельянова Д., Халунина Д., Ермолаева Е.В. Финансовые пирамиды в России // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5. № 12. С. 1570.
5. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке. URL: http://www.cbr.ru/analytics/inside/2024_2/ (дата обращения: 12.02.2025).
6. Хакимуллина Р.Ф. Некоторые особенности криминологической характеристики личности организатора финансовой пирамиды // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 4(58). С. 156–160. DOI 10.37973/2227-1171-2024-15-4—.
7. Вторая после МММ: как работала финансовая пирамида «Финико». URL: https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/437501-vtoraya-posle-mmm-kak-rabotala-finansovaya-piramida-finiko (дата обращения: 29.12.2024).
8. Отчет: финансовая пирамида «Финико» привлекла свыше $2 млрд. URL: https://forklog.com/news/otchet-finansovaya-piramida-finiko-privleklasvyshe-2-mlrd (дата обращения: 29.12.2024).
9. Маски-шоу в Finiko: полиция «выносит» офис инвестиционного проекта в центре Казани. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/492571 (дата обращения: 29.12.2024).
10. FINIKO // Банк России. URL: https://cbr.ru/inside/warning-list/detail/?id=7239#highlight=finiko (дата обращения: 29.12.2024).
11. Уголовное дело о деятельности финансовой пирамиды Finiko передано в центральный аппарат МВД России. URL: https://мвд.рф/news/item/25909396 (дата обращения: 29.12.2024).
12. Прокурор разъясняет. Прокуратура Челябинской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/activity/legal-education/explain?item=25468489 (дата обращения: 29.12.2024).
13. Расследование преступлений, связанных с организацией деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (статья 172.2 УК РФ): методические рекомендации / В.В. Улейчик, Л.В. Яковлева, Е.И. Майорова, В.А. Рязанцев. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. 64 с.
14. Лапин В.О. Противодействие нелегальной деятельности организаций с признаками финансовой пирамиды: проблемы расследования // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1 (58). С. 223–229. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.153.

Activities of the Internal Affairs Agencies to Counteract Crimes Provided for in Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation

Khakimullina R.F.
The Kazan Law Institute of Mia Russia

The introduction of digital technologies into various spheres of public relations naturally leads to a new level of crime. The organizers of financial pyramids actively use the Internet for their criminal purposes. As a result, countering modern financial pyramids is a particularly difficult task for law enforcement agencies. The purpose of this article is to analyze the problems that arise during the investigation of criminal cases of crimes committed by organizations with signs of a pyramid scheme. The article uses an example of investigative practice on the Finiko pyramid, demonstrating problematic situations that arise during the investigation process.

Keywords: financial pyramids, internal affairs agencies, investigation of crimes, to counteract crimes, information technologies, Finiko

УДК 353, 332
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-359-365

Благоустройство как стратегический вектор государственного управления территорией мегаполиса на примере Санкт-Петербурга

Бачуринская И.А.
Доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Мельниковская А.О.
Старший преподаватель
кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Бачуринская Е.С.
Бакалавр кафедры культурологии и искусства
Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

В статье проведен анализ роли и места благоустройства и озеленения в процессах государственного управления территорией мегаполиса с целью достижения задач социально-экономического развития на примере Санкт-Петербурга. Целью исследования является анализ роли и места благоустройства и озеленения в процессах государственного управления территорией мегаполиса для решения задач социально-экономического развития на примере Санкт-Петербурга. Обозначено влияние благоустройства и озеленения территорий на решения стратегических задач государственного управления в формирования комфортной и безопасной среды для жизни на территории мегаполиса. Выявлено, что благоустройство городских территорий свидетельствует об эффективности деятельности органов власти через рейтинги качества городской среды. Отмечено, что активное взаимодействие государства, общества и бизнеса в решении задач благоустройства и озеленения территорий создает определенный климат достижения стратегических задач формирования комфортной и привлекательной городской среды через реализацию процессов благоустройства и озеленения. Выявлена необходимость применения инновационных технологий и лучших практик благоустройства и озеленения на территории Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: *государственное управление, мегаполис, территория, благоустройство, озеленение, социально-экономическое развитие, государственная программа*

Для цитирования: *Бачуринская И.А., Мельниковская А.О., Бачуринская Е.С. Благоустройство как стратегический вектор государственного управления территорией мегаполиса на примере Санкт-Петербурга // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 359–365. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-359-365.*

Современный мегаполис представляет собой сложное социокультурное и управленческое явление, сопряженное с серьезными проблемами и вызовами, требующими преодоления. Данный термин (или синонимичные к нему: «крупнейший город» [1], устоявшийся классификационный термин; «сверхгород», более концептуальный и критический термин, применяемый В.Л. Глазычевым [2]; «мегасити» [3], заимствованный из международной урбанистической терминологии) применяется современными урбанистами в отношении любого города или агломерации, достигших огромных размеров по территории и численности населения и характеризующихся сверхсложной структурой, особыми проблемами управления, социальными и экологическими вызовами.

В контексте имеющихся определений Санкт-Петербург можно однозначно считать мегаполисом:

– население самого города превышает численность в 5,6 млн чел. (на 2024 г.), а население его агломерации составляет более 6,5 млн чел., что ставит Санкт-Петербург в ряд крупнейший городских образований Европы и мира;

– управление таким гигантским организмом с его транспортными потоками, инфраструктурой, жилищным фондом, социальными службами, сохранением исторического наследия и экологическими проблемами представляет собой чрезвычайно сложную задачу;

– высокая плотность населения, интенсивные маятниковые миграции, разнообразие социальных групп, контрасты между историческим центром и периферийными районами, проблемы экологии и качества городской среды – все это характерные черты мегаполиса в широком понимании;

– Санкт-Петербург является важнейшим экономическим, научным, культурным, транспортным узлом федерального и международного значения, что также свойственно мегаполисам.

В общепринятом международном смысле зачастую используется порог в 10 млн жителей для агломерации, чтобы назвать город «мегасити». Санкт-Петербург формально не дотягивает до этой планки (в отличие от Москвы). Однако порог условен и города с населением более 5 млн чел. часто относят к категории «крупнейших городов мира» или «глобальных городов».

Анализируя проблемные аспекты развития мегаполиса, где негативные факторы урбанизации (скученность, стресс, экологические проблемы) [4] проявляются особенно остро, необходимо обратить пристальное внимание на проблемы благоустройства территорий в контексте реализации целей и задач как приоритетного развития РФ на период до 2036 г., так и в контексте устойчивого развития городов. Благоустройство территорий мегаполиса может стать стратегическим ориентиром достижения целей и задач социально-экономического развития города и его территорий. Целью настоящей статьи является анализ роли и места благоустройства и озеленения в процессах государственного управления территорией мегаполиса с целью достижения задач социально-экономического развития на примере Санкт-Петербурга.

Значимость озеленения и благоустройства территорий в Санкт-Петербурге прогрессивно возрастает, особенно учитывая быстрое развитие урбанизации, увеличение числа автотранспорта, заселенных площадей, интенсивности строительства и укладки подземных коммуникаций. Эти факторы ведут к ухудшению экологического состояния, высокому потреблению кислорода и увеличению объемов выделяемого углекислого газа при недостаточном объеме озеленения городских территорий. В 2022 г. был составлен рейтинг из 16 городов-миллионников России в зависимости от процента озеленения в границах территорий с плотной застройкой.

Для Санкт-Петербурга этот процент является недостаточным (8,9 %) в сравнении с Москвой (18,1 %) и Пермью (35,9 %). Санкт-Петербург занимает 14 позицию в данном рейтинге (рис. 1).

Норма озеленения на человека в Санкт-Петербурге варьируется от 6 до 18 м^2. Для Адмиралтейского, Василеостровского, Петроградского, Центрального и Колпинского районов норма составляет 6 м^2/чел., для Выборгского, Калининского, Кировского, Красногвардейского, Красносельского, Московского, Невского, Приморского и Фрунзенского норма озеленения 12 м^2/чел. и 18 м^2/чел. – норма озеленения для Кронштадтского, Курортного, Петродворцового и Пушкинского районов (рис. 2) [5].

Стоит отметить, что норма озеленения на общегородских территориях крупнейших, крупных и больших городов, в соответствии с СП 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений», составляет 10 м^2/чел. [1]. В данном случае мы видим, что для Санкт-Петербурга определенной проблемой является недостаточная норма озеленения на человека в историческом центре города.

Таким образом, потребность в благоустроенных озелененных пространствах, обусловленная возрастающей урбанизацией и увеличением уровня стресса у горожан из-за быстрого темпа жизни,

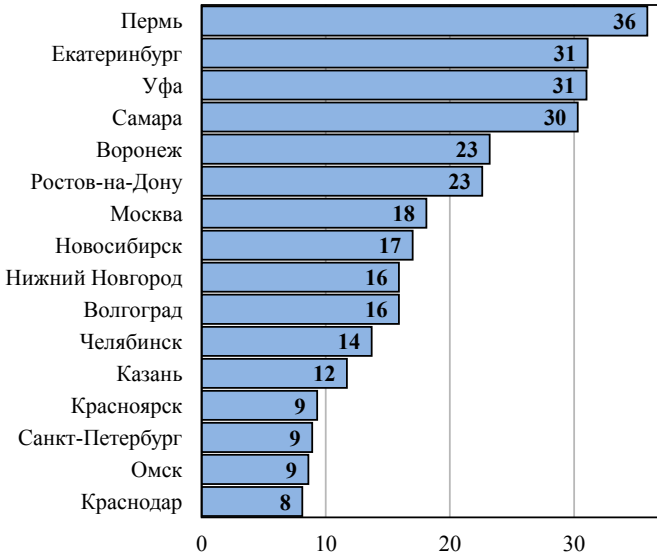

Рис. 1. Процент озелененных территорий в границах плотной застройки в городах-миллионниках, %

Источник: составлено авторами на основе рейтинга «Шестнадцать зеленых мегаполисов» [6].

Рис. 2. Озеленение по районам города в Санкт-Петербурге, м²/чел.

Источник: Составлено авторами на основе [5].

выходит на первое место среди проблем мегаполисов. В связи с чем благоустройство перестает быть просто вопросом эстетики, а становится фактором, влияющим как на устойчивое развитие мегаполиса, так и на качество жизни населения, формируя при этом рейтинги устойчивого развития городов и индекс качества городской среды, которые являются индикатором деятельности органов власти в данном стратегическом направлении социально-экономического развития города.

Рассмотрим вопросы реализации деятельности органов власти мегаполиса в сфере благоустройства и озеленения территорий на примере Санкт-Петербурга. Учитывая вышесказанное, благоустройство территории Санкт-Петербурга составляет одну из приоритетных задач деятельности Администрации города. В соответствии с СП 82.13330.2016 «Благоустройство территорий» СНиП III-10-75, под благоустройством понимается «комплекс мероприятий по инженерной подготовке к озеленению, устройству покрытий, освещению, размещению малых архитектурных форм и объектов монументального искусства, направленных на улучшение функционального, санитарного, экологического и эстетического состояния участка».

Работы в области благоустройства эффективно группируются по трём ключевым категориям:

– санитарное восстановление и очистка, которые охватывают все аспекты поддержания чистоты на улицах, в парках и на других территориях;

– забота о зеленых насаждениях, подразумевающая создание и уход за зелеными зонами, важными для экологии и общественного здоровья;

– формирование и техническое обслуживание общественных пространств, гарантирующих доступность и удобство пользования городскими ресурсами для всех жителей.

Нормы государственного регулирования в сфере благоустройства и озеленения закреплены нормативно-правовыми актами на различных уровнях власти и в отраслевых документах. Федеральное и региональное законодательство подчеркивают, что благоустройство включает обеспечение санитарных условий, развитие инфраструктуры, уход за управляемыми территориями, высадка и сохранение зеленых насаждений и доступность инфраструктуры [7].

Понимание благоустройства и озеленения территории в контексте градостроительного регулирования определяется как реализация мер, предусмотренных муниципальными законами. Эти меры направлены на улучшение условий жизни, поддержание и осовременивание эстетической и санитарной надлежащей обстановки [7].

В соответствии со ст. 1 Градостроительного кодекса РФ, благоустройство территорий предполагает реализацию комплекса мероприятий, направленных на обеспечение и улучшение условий проживания граждан, а также на поддержание и улучшение санитарного и эстетического состояния территорий [7].

Территории, в свою очередь, подразделяются на территории общего пользования, ограниченного пользования и территории специального назначения (рис. 3).

Объектами благоустройства выступают различные общественные зоны, где проводятся работы по их благоустройству и озеленению. Под такими зо-

Рис. 3. Типологии территорий

Источник: составлено авторами на основе ГОСТ 28329-89 «Озеленение городов. Термины и определения» [8].

нами подразумеваются площадки различного функционального назначения – от игровых и спортивных до зон отдыха для животных; а также парки, скверы, бульвары, прилегающие к зданиям территории, проезжие части и дороги, парковочные пространства, места для сбора отходов. К элементам благоустройства причисляются объекты, играющие важную роль в организации городского пространства и имеющие как функциональную, так и декоративную значимость, включая малые архитектурные формы, растения, оборудование для улиц, информационные элементы и временные конструкции.

Проекты благоустройства включают в себя разработку генерального плана, плана покрытий, дендрологического плана, плана расстановки малых архитектурных форм и др.

Благоустройство и озеленение территорий оказывает влияние на социально-экономическое развитие мегаполиса через формирование ряда положительных эффектов. Эффекты, получаемые от благоустройства и озеленения территорий, можно разделить на четыре основные группы: социальные, экономические, бюджетные и экологические [9]. Эффекты по каждой из групп представлены в таблице 1.

Реализацией государственной политики в сфере благоустройства и озеленения территорий в Санкт-Петербурге занимается Комитет по благоустройству Санкт-Петербурга. Комитет обеспечивает проведение государственной политики и осуществляет государственное управление в области благоустройства: садово-паркового, лесопаркового хозяйства, содержания дорог и иных объектов благоустройства, а также координирует деятельность иных исполнительных органов государственной власти в этой области. В рамках своей деятельности Комитет проводит контроль за выполнением на территории Санкт-Петербурга «Правил благоустройства города», согласовывает деятельность юридических и физических лиц по реализации работ по благоустройству и озеленению территории города, ведет мониторинг за состоянием объектов благоустройства и их содержанием, а также принимает участие в разработке нормативно-правовых актов, регулирующих благоустройство и озеленение города.

Особое значение для решения вопросов озеленения имеют технические документы, разработанные комитетом, среди которых стоит отметить «Технологический регламент производства работ по содержанию территорий зеленых насаждений и ремонту расположенных на них объектов зеленых насаждений», утвержденных Распоряжением Комитета по благоустройству Санкт-Петербурга от 12.08.2019 г. № 179-р, в котором представлены нормы посадки многолетников и однолетников (шт./м^2), а также основные модели формирования цветников в зависимости от условий городской среды. В данных моделях учитываются увлажнение почв, инсоляционный режим, ветровой режим и загрязнение почв [10].

Таблица 1

Эффекты, получаемые в результате благоустройства территорий

Группа эффектов	Эффекты от благоустройства
Социальная	1. Удовлетворенность качеством городской среды; 2. Развитие добрососедческих отношений (при благоустройстве дворовых территорий); 3. Усиление социального контроля на благоустроенных территориях.
Экономическая	1. Развитие малого бизнеса; 2. Привлечение частных инвестиций; 3. Повышение стоимости недвижимости; 4. Повышение арендных ставок; 5. Увеличение количества рабочих мест.
Бюджетная	1. Рост налога на недвижимость; 2. Рост НДФЛ и НДС; 3. Рост налога на прибыль и УСН; 4. Увеличение поступлений в бюджет.
Экологическая	1. Увеличение количества озелененных пространств в городе; 2. Улучшение экологической обстановки; 3. Снижение шумовых нагрузок.

Составлено на основе источника [9] и дополнено авторами.

Значимым механизмом реализации процессов благоустройства территории при проектировании общественных пространств являются практики соучаствующего проектирования. Для реализации проектов в рамках «Формирования комфортной городской среды» проведение данных практик является обязательным условием. В 2017 г. были опубликованы «Рекомендации по организации общественного участия в реализации проектов комплексного благоустройства городской среды» Минстроя РФ, в которых акцентируется внимание на обеспечении участия различных групп населения, заинтересованных в проекте.

К рекомендуемым практикам соучаствующего проектирования относятся: проведение фокус-групп и общественных обсуждений, организация проектных семинаров и мастерских (воркшопов), проведение дизайн-игр с участием взрослых и детей, анкетирование, интервьюирование, картирование и проведение оценки эксплуатации территории [11]. Целью практик соучаствующего проектирования, представленных в Рекомендациях, является выявление проблем и потребностей пользователей территории, что позволит повысить эффективность проекта благоустройства [11]. Таким образом, при решении вопросов благоустройства территорий Санкт-Петербурга определяющим является активное взаимодействие общества и государства, что значительно повышает возможности достижения запланированных показателей социально-экономического развития Санкт-Петербурга в данном направлении.

Финансирование работ по благоустройству может происходить за счёт бюджетных средств, средств инициативного бюджетирования и государственно-частного партнерства. Бюджетные средства реализуются в рамках федеральных проектов. Так, с 2019 по 2024 гг. улучшение городской среды проводилось в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды», включенного в национальный проект «Жильё и городская среда». Данный федеральный проект считается продолжением одноименного приоритетного проекта, который реализовывался в 2017–2018 г. С 2025 г. реализация федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» проводится в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни». Анализируя данные проекты, необходимо также отметить активное внимание и участие государства в процессах благоустройства территорий [12].

Стоит выделить, что объекты зеленых насаждений, выполненные в рамках проекта «Формирование комфортной городской среды» в «Технологическом регламенте производства работ по содержанию территорий зеленых насаждений и ремонту расположенных на них объектов зеленых насаждений комитета благоустройства Санкт-Петербурга на 2025 г.» выделяются в отдельную категорию. В связи с этим предъявляются повышенные требования к содержанию и уходу за зелеными насаждениями для сохранения эстетического облика территории города, что еще раз подчеркивает важность задач благоустройства и озеленения в процессах государственного управления территориями мегаполиса.

В рамках проекта за 2024 г. в Санкт-Петербурге было реализовано 53 проекта благоустройства. Из них 47 проектов реализовано администрациями районов Санкт-Петербурга, 6 – комитетом по благоустройству Санкт-Петербурга. Организация работ по благоустройству делится на два вида: полная организация и организация с делегированием. При полной организации работы по благоустройству выполняются одной организацией. Второй вид организации работ на территории подразумевает, что реализация может выполняться разными организациями по договору подряда и субподряда [13]. В то же время реализация мероприятий в сфере благоустройства осуществляется не непосредственно органом управления, а иными лицами – физическими и юридическими, а также специализированными организациями, привлеченными для исполнения необходимых мероприятий. Для оценки результативности используется индекс качества городской среды, основанный на матрице из 36 индикаторов, для оценки городских пространств. Он применяется с 2018 г. Ежегодно индекс Санкт-Петербурга повышается: с 238 баллов в 2018 г. до 270 (максимальный балл 360) в 2023 г.

Современные тенденции урбанизации, такие как интенсивная застройка и нарастание автомобильного трафика, вносят свой вклад в ухудшение условий жизни городских жителей. В Санкт-Петербурге проблемы в сфере благоустройства проявляются в форме заброшенных парков, отсутствия достаточного количества детских площадок и зон отдыха, а также представляются в устаревших элементах малых архитектурных форм. Эти факторы оказывают негативное влияние на эмоциональное благополучие и общее качество жизни жителей. В связи с чем текущий этап развития городов требует внедрения новых инноваций и использования лучших практик, а также применения последних достижений науки и техники. В сфере благоустройства это может выражаться в поиске новых решений для озеленения и повышения комфорта городской среды.

Примером удачного решения является программа «Пять шагов для города». В 2022 г. КБ «Стрелка» и ВЭБ.РФ разработали программу «Пять шагов для города», направленную на улучшение качества жизни горожан, формирование образа города и повышение привлекательности города в глазах молодежи. Одним из приоритетных проектов в рамках первого шага «Город рядом» является создание карманных парков. Карманные парки – это озелененные терри-

тории площадью 150–500 м^2, расположенные между зданиями, с рекомендованной долей озеленения около 50 % [14]. Формирование карманных парков, устройство контейнерного озеленения и озеленение кровель позволят повысить доступность озелененных рекреационных территорий в условиях сложившейся плотной застройки.

Важным направлением является также усиление роли ландшафтной архитектуры в городском планировании. Городской ландшафт включает в себя многообразие озелененных объектов, созданных как благодаря ландшафтно-парковой архитектуре, так и с помощью сохранения природного растительного фонда, рек, озер и прочих природных элементов. Это соответствует глобальным трендам устойчивого развития. На сегодняшний день важным фактором при формировании объектов ландшафтной архитектуры является создание зеленых насаждений. Это соответствует цели 11.7 из перечня целей устойчивого развития ООН [15].

В свете обозначенных проблем деятельность органов власти по благоустройству и озеленению города направлена на создание благоприятной городской среды, которая будет способствовать как улучшению качества жизни граждан, так и созданию условий для реализации целей и задач стратегического развития города. Главной целью является формирование комфортного и эстетически привлекательного пространства, соответствующего потребностям современного общества и экономики, ориентированных на инновации и социальную ориентированность. Эффективность управленческих решений в сфере благоустройства определяется соответствием их установленным стандартам, которые задают высокий уровень качества общественных услуг, удовлетворяют потребности граждан в социально-бытовом комфорте и воплощают целостность выполнения работ [13].

В заключение необходимо подчеркнуть, что система государственного управления благоустройством в Санкт-Петербурге включает развитую нормативную базу и специализированный орган управления – Комитет по благоустройству, реализующий государственную политику через различные механизмы, включая федеральные программы и соучаствующее проектирование. Однако существуют проблемы, связанные с недостаточным уровнем озеленения и состоянием объектов в условиях урбанизации.

Выявлено активное взаимодействие государства, общества и бизнеса в решении задач благоустройства и озеленения территорий, что создает определенный климат достижения стратегических задач формирования комфортной и привлекательной городской среды через реализацию процессов благоустройства и озеленения.

Отмечено, что процесс благоустройства и озеленения не только улучшает внешний вид города, но и повышает качество жизни его жителей. Фокус работ в данной сфере направлен на трансформацию различных зон: от отдельных дворов и кварталов до общественных территорий. Также выявлена необходимость применения инновационных технологий и лучших практик благоустройства и озеленения на территории Санкт-Петербурга. Данные улучшения могут быть осуществлены в соответствии с принципами «Единого градостроительного регулирования», обеспечивая безопасность и улучшая визуальное восприятие пространств, таких как площади и улицы, в гармонии с окружающей застройкой в рамках финансирования как государственных программ и проектов, так и в рамках государственно-частного партнерства с участием в процессах принятия решений как представителей бизнеса и власти, так и активного населения через процессы соучаствующего проектирования. При этом эффективное государственное управление в данной сфере является залогом успешной реализации этой задачи в условиях современного мегаполиса.

Литература:

1. Свод правил 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений». URL: https://docs.cntd.ru/document/456054209
2. Глазычев В.Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. 219 с.
3. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Urbanization Prospects: The 2018 Revision (ST/ESA/SER.A/420). URL: https://population.un.org/wup/assets/WUP2018-Report.pdf (дата обращения: апрель 2025).
4. Бачуринская И.А., Каплаух Ю.Д. Анализ проблем развития исторически сложившихся городских территорий в контексте Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 8–13.
5. Закон Санкт-Петербурга от 28.06.2010 г. № 396-88 «О зелёных насаждениях в Санкт-Петербурге» (с изм. на 29.06.2023). URL: https://peterburg-pravo.ru/zakon/2010/06/28/n-396-88/

6. Шестнадцать зеленых мегаполисов // Геопространственная аналитика. URL: https://geonovosti.terratech.ru/ecology/shestnadtsat-zelenykh-megapolisov/ (дата обращения: март 2025 г.).
7. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СПС Гарант.
8. ГОСТ 28329-89 «Озеленение городов. Термины и определения» // СПС Гарант.
9. Маломуж С.С., Жильцов К.С. Как оценить социально-экономические эффекты проектов благоустройства // Журнал Бюджет. 2021. № 8(224). С. 40–43.
10. Распоряжение Комитета по благоустройству Санкт-Петербурга от 12.08.2019 г. № 179-р «Об утверждении Технологического регламента производства работ по содержанию территорий зеленых насаждений и ремонту расположенных на них объектов зеленых насаждений комитета благоустройства Санкт-Петербурга» (в ред. Распоряжения от 24.10.2024 г. № 551-р). URL: https://peterburg-pravo.ru/postanovlenie/2017/03/23/n-179/
11. Рекомендациями по организации общественного участия в реализации проектов комплексного благоустройства городской среды Минстроя РФ 2017 г. URL: https://minstroyrf.gov.ru/docs/13338/ (дата обращения: март 2025 г.).
12. Формирование комфортной городской среды. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/zhile-i-gorodskaya-sreda/blagoustroystvo/ (дата обращения: март 2025 г.).
13. Крупко А.Э. Проблемы устойчивого развития муниципальных образований России // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2020. № 8. С. 17–22.
14. Программа «Пять шагов для города». URL: https://вэб.рф/five-steps/
15. Бачуринская Е.С. Ландшафтная архитектура как инструмент устойчивого развития урбанизированных территорий // Вестник экономического научного общества студентов и аспирантов: Межвузовский студенческий научный журнал. 2022. № 60. С. 147–149.

Organization of Public Administration in the Field Of Improvement at Landscape Architecture Sites in Megacities Using the Example of St. Petersburg

Bachurinskaya I.A., Melnikovskaya A.O.
Saint-Petersburg State University of Economics
Bachurinskaya E.S.
Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg)

The article analyzes the role and place of landscaping and gardening in the processes of public administration of the territory of a megacity in order to achieve the objectives of socio-economic development on the example of St. Petersburg. The purpose of the study is to analyze the role and place of landscaping and gardening in the processes of public administration of the territory of the megacity in order to achieve the objectives of socio-economic development on the example of St. Petersburg. The influence of landscaping and gardening on the achievement of strategic objectives of public administration in the formation of a comfortable and safe environment for life on the territory of the megacity is outlined. It is revealed that the improvement of urban areas indicates the effectiveness of the authorities through the ratings of the quality of urban environment. It is noted that the active interaction of the state, society and business in achieving the tasks of landscaping and gardening of territories creates a certain climate for achieving the strategic objectives of forming a comfortable and attractive urban environment through the implementation of landscaping and gardening processes. The necessity to apply innovative technologies and best practices of landscaping and gardening on the territory of St. Petersburg was revealed.

Keywords: public administration, megalopolis, territory, improvement, landscaping, socio-economic development, state program

УДК 343.985.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-366-369

Ошибки при назначении и производстве судебно-медицинских экспертиз

Иванов А.В.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала
Российского государственного гуманитарного университета

Настоящая статья посвящена анализу типичных ошибок, имеющих место при назначении и производстве различных видов судебно-медицинских экспертиз. Классифицируются ошибки, допускаемые сотрудниками предварительного следствия и экспертных учреждений, анализируются причины допускаемых ошибок. В работе приводятся примеры ошибок при проведении судебно-медицинских исследований, совершенных в дореволюционной России и в настоящее время. Исследованы наиболее распространенные способы обнаружения следственных и экспертных ошибок при расследовании уголовных дел, возбужденных по фактам совершения убийств, причинения вреда здоровью и других преступлений против личности. Результатом исследования является следующее: экспертные ошибки могут возникать по различным причинам, например, эксперт приходит к выводу о степени тяжести причиненного потерпевшему вреда здоровью, не указывая методы, позволившие сделать такое заключение. Эффективным средством выявления экспертных ошибок является рассмотрение дела судом вышестоящей инстанции.

Ключевые слова: *судебно-медицинская экспертиза, назначение и производство экспертизы, экспертные ошибки, выявление экспертных ошибок*

Для цитирования: *Иванов А.В. Ошибки при назначении и производстве судебно-медицинских экспертиз // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 366–369. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-366-369.*

Судебно-медицинская экспертиза представляет собой процессуальную форму использования специальных познаний, применяемую при расследовании различных преступлений, посягающих на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность и половую свободу личности. Полное и объективное расследование подобных преступлений невозможно без производства судебно-медицинских экспертиз, а в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, экспертное исследование является обязательным (например, для установления причины смерти потерпевшего). Так, при расследовании изнасилований судебно-медицинский эксперт отвечает на вопросы: о нарушении девственности, о бывшем половом сношении, о знаках физического насилия или развратных действий. [1, с. 9]. Производство судебно-медицинской экспертизы может способствовать разоблачению заведомо ложного доноса о, якобы, имевшем место преступлении. Так, между гражданкой И. и гражданином С. в процессе совместного употребления спиртных напитков возникла ссора. При этом С. ударил И. по лицу. В отместку, И. обратилась в полицию и заявила, что С., якобы, пытался её изнасиловать. По данному заявлению в ходе проведения предварительной проверки была назначена судебно-медицинская экспертиза заявительнице И. По результатам проверки было установлено несоответствие заявления И. фактическим обстоятельствам произошедшего и вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 131 УК РФ. В отношении заявительни-

цы было возбуждено уголовное дело за заведомо ложный донос по ч. 2 ст. 306 УК РФ [2, с. 16].

В процессе деятельности судебного эксперта, как и любого человека, неизбежны ошибки, то есть несоответствие полученных в результате проведенного исследования выводов эксперта объективной действительности. Следует отличать допущенные экспертом ошибки исследования от дачи им заведомо ложного заключения, поскольку первые представляют собой результат добросовестного заблуждения, а вторые являются намеренным искажением фактов. Наука и практика выделяют следующие виды ошибок экспертного исследования: 1) процессуальные ошибки, которые заключаются, например, в самостоятельном сборе экспертом материалов для исследования; 2) ошибки, возникающие в процессе исследования экспертных объектов, например, отсутствие в экспертном заключении объяснения фактов несоответствия количества поставленных вопросов и ответов на них; 3) ошибки, допущенные экспертом по объективным причинам и не зависящие от него. Например, использование неисправного оборудования, если эксперт не знал о его неисправности; 4) ошибки, связанные с определенными свойствами личности самого эксперта. К таким ошибкам можно отнести излишнюю самоуверенность или внушаемость эксперта, производство экспертизы в неординарном состоянии (во время болезни или в стрессовой ситуации), дефекты в организации деятельности экспертного учреждения (поручение производства сложной экспертизы малоопытному специалисту) и т.д.

Ошибки, допускаемые судебными экспертами при производстве экспертиз трупов, были известны еще судебной практике дореволюционной России. Российский журналист и писатель В.А. Гиляровский приводит следующий пример. Профессор Н. исследовал труп, привезенный с «Хитровского рынка», т.е. центра «криминальной Москвы», места сборища бродяг и уголовного элемента. Закончив осмотр трупа, профессор пришел к заключению об отсутствии у умершего телесных повреждений и признаков насильственной смерти. «Вдруг из толпы студентов вышел старый сторож при анатомическом театре, знаменитый Волков... – Иван Иванович,-- сказал он,-- что вы, признаков нет! -- Повернул труп и указал перелом шейного позвонка... Не было случая, чтобы с Хитровки присылали не убитых» [3]. Другой пример ошибки эксперта при исследовании трупа был зафиксирован выдающимся российским юристом А.Ф. Кони. При этом именно ошибка эксперта побудила обвиняемого признать свою вину в совершенном убийстве. Отставной военный писарь Н. обвинялся в совершении убийства из корыстных побуждений. Обвиняемый, несмотря на имевшиеся у следствия улики (кровавое пятно на его одежде), категорически отрицал свою причастность к преступлению. Происхождение крови на одежде он объяснял кровотечением из носа. Н. обратился к А.Ф. Кони, являвшемуся в то время прокурором Казанского окружного суда, с ходатайством о желании присутствовать при исследовании трупа. В процессе исследования профессор судебной медицины Г. заявил, что причиной смерти потерпевшего является удар топором по шее, а имеющийся у него кровоподтёк на лбу «носит посмертный характер». Обвиняемый Н., услышав это, возмутился и заявил, что он сначала ударил потерпевшего кулаком в висок, потом нанес ему удар обухом топора по лбу, после чего убил его, ударив лезвием топора по шее. При этом кровь брызнула на его одежду. «А вы, может, и поверили, что это из носу?" – насмешливо заключил он, обращаясь к следователю и напоминая свое первое объяснение этого пятна» [4]. Н. был признан виновным в убийстве и осужден. Таким образом, именно допущенная экспертом ошибка исследования, оказала положительное влияние на результат расследования преступлений.

К типичным ошибкам, допускаемым современными судебно-медицинскими экспертами, относятся следующие их виды.

1. В заключении эксперт не указал, какие применяемые им методы экспертного исследования позволили сделать соответствующие выводы. Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции в кассационном постановлении установил следующее. При расследовании уголовного дела была проведена судебно-медицинская экспертиза, согласно заключению которой потерпевшей был причинен легкий вред здоровью. Однако эксперт не указал какие именно научно-обоснованные методики позволили сделать данный вывод. Кроме того, заключение экспертизы «не содержит сведений, на основании чего эксперт пришел к выводу о кратковременном расстройстве здоровья, указанном им в качестве признака легкого вреда здоровью» [5]. Кассационный суд признал данное нарушение существенным и направил дело на новое апелляционное рассмотрение.

2. В заключении эксперта и его последующем допросе имеются существенные противоречия, что требует производства повторной судебно-медицинской экспертизы. Первый Кассационный суд общей юрисдикции, изучив уголовное дело по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, установил: обвиняемый ударил потерпевшего рукой в область правого глаза, полученное повреждение согласно заключению экспертизы, не состоит в причинной связи со смертью. А при допросе эксперт показал, что полученное от удара повреждение «входит в комплекс закрытой черепно-мозговой травмы», повлекшей наступление смерти. Таким образом, существенные противоречия между заключением эксперта и показаниями эксперта «влияют на правильное установление фак-

тических обстоятельств дела и квалификацию действий осужденного» [6]. В сложившейся ситуации суд, рассматривающий дело, должен был назначить производство повторной судебно-медицинской экспертизы, что сделано не было. Указанная ошибка не была исправлена апелляционным судом. Кассационный суд направил дело на новое судебное разбирательство.

3. Недостаточная ясность и полнота заключения судебно-медицинского эксперта. Второй Кассационный суд общей юрисдикции, рассмотрев кассационные жалобы, установил следующее. Лицо обвинялось в причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности. Судебно-медицинский эксперт в процессе исследования не смогла ответить на поставленные следователем вопросы «о количестве травматического воздействия (воздействий) и о возможности получения имеющихся у потерпевшего повреждений при падении с высоты собственного роста. Вопросы о возможности получения всех повреждений при падении с высоты сцены, от удара головой о большую плоскую поверхность не ставились» [7]. Вышеуказанные вопросы имели существенное значение для установления объективной истины по делу и правильной квалификации действий обвиняемого. Судебно-медицинский эксперт при допросе в суде показала, что материалы, предоставленные ей для производства исследования, не позволяли дать объективный ответ на поставленные следователем вопросы. Для решения вышеуказанных вопросов следовало назначить производство ситуационной экспертизы. Однако это не было сделано судом первой инстанции, который вынес обвиняемому обвинительный приговор, основываясь на имевшемся заключении экспертизы. Вышестоящий суд согласился с позицией суда первой инстанции, за исключением уточнения решения по гражданскому иску. Суд кассационной инстанции направил уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение.

4. Подмена производства экспертизы допросом специалиста. Судебная коллегия по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции, рассмотрев уголовное дело в отношении П., установила. Суд первой инстанции необоснованно отказал в производстве судебно-медицинской экспертизы потерпевшему (смерть последнего наступила после поступления уголовного дела в суд), ограничившись допросом патологоанатома. Последний «не смог пояснить, какое влияние на сердечно-сосудистую систему потерпевшего оказали полученные в результате ДТП травмы и неподвижное состояние в течение 4,5 месяцев» [8]. Суд апелляционной инстанции также не нашел оснований для производства судебно-медицинской экспертизы. Кассационный суд указал на то, что, согласно УПК РФ, причина смерти может быть установлена только путем производства экспертизы. Замена последней допросом специалиста недопустима.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить следующее. Ошибки, возникающие при производстве судебно-медицинских экспертиз, могут быть выявлены на любой стадии уголовного судопроизводства. Типичными способами выявления ошибок являются: оценка экспертного заключения следователем и судом, допрос эксперта, производство дополнительной и повторной экспертизы, обобщение материалов экспертной практики. В процессе оценки заключения эксперта следует обязательно учитывать Постановление Пленума Верховного Суда РФ, гласящее, что заключение эксперта оценивается по общим правилам, не имеет заранее установленной силы и не обладает преимуществом перед другими видами доказательств [9]. Представляется необходимым реагировать на каждый случай допускаемых ошибок, чтобы предотвратить подобные в будущем. Следует устанавливать причины допущенных ошибок и выяснять, не имела ли место в данном случае намеренная фальсификация экспертом выводов исследования.

Литература:

1. Тягунов Д.В., Кузьмичев Д.Е., Тягунова И.Ф., Скребов Р.В. Особенности производства судебно-медицинской экспертизы при половых преступлениях: учебно-методическое пособие. ХантыМансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2019. 60 с.
2. Старичков М.В., Трубкина О.В. Судебные экспертизы в выявлении ложного доноса при инсценировке изнасилования. Судебная экспертиза, 2019 г. № 3. С. 16.
3. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. URL: https://lib.ru/RUSSLIT/GILQROWSKIJ/gilqrowskij.txt_with-big-pictures.html#5 (дата обращения: 04.04.2025).

4. Кони А.Ф. Из казанских воспоминаний. URL: https://www.lib.ru/MEMUARY/KONI_A_F/kaz_vosp.txt (дата обращения: 04.04.2025).
5. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2022 г. № 77-1944/2022. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=W9KFZiT2HHsvhxOs&cacheid=533D1042EF52F27DA5FC7A9C3EB62CCE&mode=splus&rnd=vWJFZiT32RHbWNPX&base=KSOJ002&n=72890#RCDGZiTyIqnL6Fhm. (дата обращения: 04.04.2025).
6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.09.2022 г. № 77-4395/2022. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=W9KFZiT2HHsvhxOs&cacheid=D0901D401F7B103126268F8CC7836ACA&mode=splus&rnd=vWJFZiT32RHbWNPX&base=KSOJ001&n=98047#dqSGZiTMJdNZpFrm1 (дата обращения: 04.04.2025).
7. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.10.2022 г. № 77-3281/2022. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=W9KFZiT2HHsvhxOs&cacheid=06FD26E2DC470FD4B6ED9120FC6AE1B9&mode=splus&rnd=vWJFZiT32RHbWNPX&base=KSOJ002&n=90325#UVKFZiTORaEnDDNk. (дата обращения: 05.04.2025).
8. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.01.2021 г. № 77-340/2021. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=W9KFZiT2HHsvhxOs&cacheid=5C814145384FE29CDE62A2275A7A4C8A&mode=splus&rnd=vWJFZiT32RHbWNPX&base=KSOJ001&n=35774#PlqGZiT8R1pof8T01 (дата обращения: 05.04.2025).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (ред. от 29.06.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 06.04.2025).

Errors in the Appointment and Performance of Forensic Medical Examinations

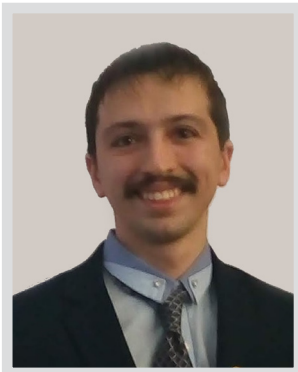
Ivanov A.V.
Kazan Branch of the Russian State University of Justice

This article is devoted to the analysis of typical errors that occur when appointing and conducting various types of forensic medical examinations. Errors made by employees of preliminary investigations and expert institutions are classified, and the reasons for the errors made are analyzed. The work provides examples of errors in conducting forensic medical examinations committed in pre-revolutionary Russia and at the present time. The most common methods of detecting investigative and expert errors in the investigation of criminal cases initiated on the facts of committing murders, causing harm to health and other crimes against the person are studied. The result of the study is the following: expert errors may arise for various reasons, for example, an expert comes to a conclusion about the severity of the harm caused to the victim's health without indicating the methods that allowed him to make such a conclusion. An effective means of identifying expert errors is to have the case heard by a higher court.

Key words: forensic medical examination, appointment and conduct of examination, expert errors, identification of expert errors

УДК 336.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-370-373

Дискуссионные вопросы модернизации условий назначения страховых пенсий по старости в Российской Федерации

Балынин И.В.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Актуальность исследования вопросов пенсионного обеспечения россиян не вызывает сомнения, т.к. это отвечает и национальным целям развития Российской Федерации и «Стратегии развития пенсионной системы Российской Федерации на период до 2030 года». Цель исследования – обосновать конкретные направления потенциальной модернизации условий назначения страховых пенсий по старости в Российской Федерации. Результаты исследования могут быть применены в деятельности органов государственной власти Российской Федерации при модернизации условий назначения страховых пенсий по старости. Научная новизна настоящего исследования сопряжена с авторским подходом к рассмотрению дискуссионных вопросов уточнения условий назначения страховых пенсий по старости в Российской Федерации.

Ключевые слова: *национальные цели, социальное обеспечение, пенсионное обеспечение, социальная защита, стратегия, демографическое развитие, страховой стаж*

Для цитирования: *Балынин И.В. Дискуссионные вопросы модернизации условий назначения страховых пенсий по старости в Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 370–373. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-370-373.*

Актуальность исследования вопросов пенсионного обеспечения не вызывает сомнения, т.к. данный аспект касается абсолютно всех граждан. Во-первых, непосредственно пенсионеров, т.к. они являются получателями соответствующих социальных выплат (пенсий). Во-вторых, работающих граждан, т.к. у них формируются пенсионные права на получение страховых пенсий. В-третьих, для обеспечения высокого уровня пенсионных выплат очень важно, чтобы у граждан было сформировано пенсионное мышление, а для этого крайне важно обеспечивать соответствующее обучение с ранних лет (детского сада).

В процессе изучения научных публикаций по вопросам пенсионного обеспечения представляется возможным заключить о том, что в последние годы в научной литературе уделяли большое внимание вопросам, связанным с развитием пенсионных систем Российской Федерации и зарубежных стран. В частности, авторы очень активно сосредоточены на изучении пенсионного возраста как одного из ключевых условий реализации прав граждан на пенсию [1–3]. При этом выглядит интересным подход к изучению социально-экономических явлений через призму обеспечения устойчивости [4–5] с учётом «фактора человека» [6].

Обзор зарубежного опыта, произведённый на основе материалов Организации сотрудничества и экономического развития (далее – ОЭСР), показал, что в настоящее время в них превалируют, как минимум, две тенденции: 1) повышение возраста выхода на пенсию; 2) устранение либо сокращение гендерного разрыва в возрасте назначения пенсии (так, с 2025 г. Швейцария повышает пенсионный возраст с шагом в 3 месяца с целью уравнения его для мужчин и женщин к 2028 г.; сейчас для мужчин он составляет 65 лет, а для женщин 64 года) [7].

В отчёте «*Pensions at a Glance*» отмечается, что среди стран ОЭСР только 6 стран имеют отличия в возрасте выхода на пенсию в зависимости от половой принадлежности: Колумбия, Коста-Рика, Венгрия, Польша, Турция и Израиль. При этом в Израиле в 2022–2032 гг. идёт сокращение разрыва между возрастом выхода мужчин и женщин на пенсию с 5 до 2 лет [7]. Ожидается, что для граждан, вступивших на рынок труда в возрасте 22 лет в 2022 г., пенсионный возраст составит 70 и более лет в следующих странах: Дании (74 года), Эстония (71 год), Италия (71 год), Нидерланды (70 лет), Швеция (70 лет) [7].

Проведённый автором анализ статистических данных показал, что в настоящее время в России получателями пенсий по старости являются около 33,4 млн чел. (согласно данным Социального фонда России, на 01 января 2025 г.) [8]. Актуальная редакция пенсионной формулы предполагает, что страховая пенсия по старости в Российской Федерации назначается при соблюдении трех условий: достижение общеустановленного возраста, наличие 15 и более лет страхового стажа и наличие 30 индивидуальных пенсионных коэффициентов (далее – ИПК). При этом формула расчёта страховой пенсии по старости выглядит следующим образом: фиксированная выплата + число ИПК • стоимость одного ИПК. В данном случае важно отметить, что фиксированная выплата и стоимость одного ИПК ежегодно устанавливаются государством. Отметим, что их значения, как правило, корректируются с учётом индекса потребительских цен: например, в 2025 г. они были увеличены на 9,5 %. На следующий год будет две индексации: в феврале (по уровню инфляции) и в апреле (с учётом доходов бюджета Социального фонда России).

Все эти тенденции делают неизбежным возврат к дискуссии о корректировке условий назначения страховых пенсий в течение ближайших 10–20 лет. Представляется важным это сделать заблаговременно и постепенно.

Автор предлагает рассмотреть три дискуссионных вопроса. Первый – возраст назначения страховой пенсии по старости. Результаты анализа данных Росстата говорят о старении населения (причём, вызванного не только сокращением рождаемости, но и увеличением продолжительности жизни). Например, это подтверждается ростом ожидаемой продолжительности жизни (рис. 1), увеличением доли населения в возрасте старше 60 лет (табл. 1), положительной динамикой среднего числа лет (за 1990–2022 гг. вырос на 5,8 лет) [9].

Проведённый автором анализ данных демографического прогноза до 2046 г. показал, что увеличение численности граждан возраста выше трудоспособного по итогам 2024 г. сменится сокращением в 2025 г. [9]. Аналогичное колебание динамики будет зафиксировано в 2026–2027 гг. Это объясняется объективной причиной и связано с тем, что в настоящее время идёт переходный период увеличения возраста выхода на пенсию. В соответствии с ним, в 2025 и 2027 гг. никто из пенсионеров не будет выходить на пенсию (за исключением тех, кто имеет право на досрочное назначение). По данной причине зеркальное колебание мы увидим по численности пенсионеров трудоспособного возраста: снижение этого показателя по итогам 2024 г. до 84,4 млн человек сменится ростом в 2025 г. до 85,82 млн чел. Но по итогам 2045 г. ожидается снижение численности населения трудоспособного возраста до 79,77 млн чел. с одновременным увеличением числа граждан выше трудоспособного возраста до 37,31 млн чел. И, если убрать влияние переходного периода, анализ данных показывает стратегический тренд на усиление нагрузки на пенсионную систему с двух сторон: сокращение численности работающих создаёт предпосылки уменьшения суммы уплачиваемых страховых взносов (при оценке в реальном выражении), а увеличение численности пенсионеров является фактором неизбежного роста расходов бюджета Социального фонда России на выплату пенсий. Однако вопросы пенсионного обеспечения являются защищённой статьёй, поэтому пенсии будут выплачиваться в любом случае: если средств в бюджете Социального фонда России будет недостаточно, то будет предоставлен межбюджетный

Таблица 1

Структура населения России, на 1 января

Возрастная группа	2013 г.		2023 г.	
	чел.	в % к общей численности населения	чел.	в % к общей численности населения
0-17	26 914 299	18,78	30 172 939	20,60
в т.ч. 0–4	8 686 918	6,06	7 195 305	4,91
18–59	89 190 617	62,22	81 795 044	55,85
60 и старше	27 242 143	19,00	34 479 441	23,54
Всего	143 347 059	100,0	146 447 424	100,0

Источник: составлено и рассчитано по данным Росстата [9].

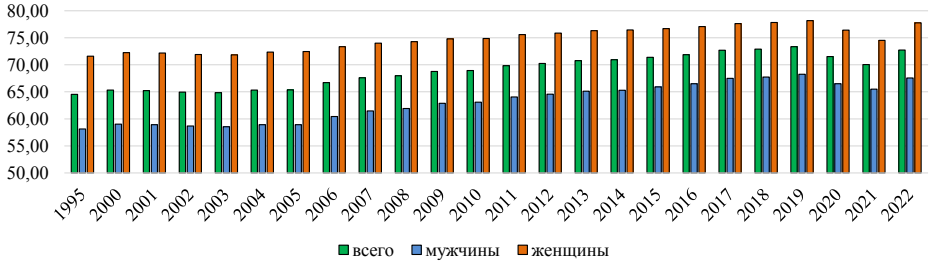

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни, лет [9]

трансферт из федерального бюджета. Тем не менее всё вышеперечисленное обусловливает, как минимум, формирование двух веток дискуссии: либо относительно уточнения тарифов страховых взносов в сторону их повышения, либо дальнейшей корректировке возраста выхода на пенсию. Как известно, в период 2019–2028 гг. запланирован рост данного значения для мужчин с 60 до 65 лет, для женщин с 55 до 60 лет. Однако важно отметить, что, согласно ст. 19 Конституции Российской Федерации, все граждане равны в правах (п.п. 1 и 2). Более того, как видно из данных об ожидаемой продолжительности жизни и среднем возрасте россиян, женщины живут дольше: по первому показателю разница составляет 10 лет, а по второму – 5 лет. Соответственно, и правовые, и демографические предпосылки для осуществления данной корректировки, по мнению автора, сформированы. При этом в рамках поддержки многодетных семей автор считает целесообразным оставить текущие возможности досрочного назначения страховой пенсии женщинам с 5 детьми в 50 лет, с 4 детьми в 56 лет, с 3 детьми в 57 лет. Также было бы справедливо их распространить и на мужчин: причём, здесь представляется целесообразным осуществить общественную дискуссию относительно распространения на мужчин тех же условий, что и на женщин, либо только, например, при условии рождения соответствующего числа детей в рамках одного брака.

Проведённые автором математические расчёты показали[1], что, если бы в 2024 г. возраст выхода на пенсию для мужчин и женщин составлял одинаковое значение (например, 63 года), была бы создана возможность перераспределить в рамках выплат по обязательному пенсионному страхованию (автор рассматривает любые корректировки параметров назначения страховых пенсий только в контексте роста существующих пенсионных выплат с опорой на справедливость) сумму, превышающую 1 трлн руб. Один из вариантов использования данных средств – увеличение пенсионных выплат пенсионерам (отдельным группам пенсионеров – например, исходя из возрастной принадлежности) за счёт дополнительной индексации / разовой выплаты. Например, эти средства могли бы быть направлены на осуществление ежемесячной выплаты всем гражданам в возрасте 70–79 лет в размере не менее 7 642 руб. (следует отметить, что в 2024 г. все пенсионеры старше 80 лет получали выплату в размере 8134,88 руб.). Важными положительными эффектами от данной корректировки пенсионного возраста, по мнению автора, станут: 1) обеспечение реализации конституционного равенства прав мужчин и женщин; 2) вклад в решение проблемы кадрового дефицита за счёт более длительного нахождения на работе ввиду сдвига возраста для выхода на пенсию (в настоящее время на рынок труда выходит поколение небольшой численности, поэтому крайне важно обеспечить сохранность кадров на рабочих местах); 3) рост пенсионного обеспечения граждан старше 70 лет (либо решение любой другой задачи в области осуществления выплат по обязательному пенсионному страхованию за счёт высвобождения средств); 4) дополнительный бюджетный эффект для бюджета Социального фонда России и др.

Второй дискуссионный вопрос – минимально необходимый страховой стаж для назначения страховых пенсий по старости. В настоящее время это значение равно 15 (оно увеличивалось в 2015–2024 гг. с 5 до 15 лет). По мнению автора, его целесообразно постепенно увеличить (не более чем с шагом в 6 месяцев на протяжении 2026–2035 гг.) до 20 лет. Во-первых, в настоящее время осуществляется корректировка возраста выхода на пенсию на 5 лет. Соответственно, у граждан появилась возможность ещё 5 лет осуществлять свою трудовую деятельность. Во-вторых, если мы оценим период времени жизненного пути гражданина после окончания вуза, то получим следующие результаты: при окончании вуза в 23 года и трудоустройстве на работу до достижения 60 лет остаётся 37 лет (для женщин) и 42 года (для мужчин). Важно здесь также подчеркнуть, что период ухода за детьми справедливо засчитывается в страховой стаж, поэтому пауза в трудовой активности по данной причине не влияет на число лет формируемого страхового стажа.

Третий дискуссионный вопрос – поощрение граждан с высоким уровнем страхового стажа. В настоящее время граждане со страховым стажем 37/42 года (соответственно – женщины и мужчины) имеют возможность назначения страховой пенсии на 2 года раньше установленного пенсионного возраста. В качестве меры дополнительной поддержки граждан с высоким страховым стажем, по мнению автора, было бы целесообразно установить дополнительные повышающие коэффициенты к числу набранных ИПК. Вариантов комбинаций здесь может быть много. Например, один из них – увеличивать количество набранных ИПК на 5 % при страховом стаже 30 лет (двойной размер установленного в настоящее время минимального страхового стажа), на 7 % при страховом стаже 35 и более лет, и на 10 % при страховом стаже 40 и более лет. Например, если гражданин набрал к моменту назначения страховой пенсии 150 ИПК, то его размер страховой пенсии в 2025 г. составляет 30 761,20 руб. Соответственно, при набранном к моменту назначения страховой пенсии страховом стаже в 30 лет количество ИПК увеличится до 157,5, а размер страховой пенсии до 31853,88 руб. (на 1092,68 руб. больше). При страховом стаже в 35 лет и увеличении числа ИПК на 7 % (150 • 1,07 = 160,5 ИПК) размер страховой пенсии получится увеличить до 32290,95 руб. (на 1529,75 руб. больше). При стра-

[1] 5,4 млн женщин в возрасте 58–62 года [9] • 22352,9 руб. (средний размер пенсии по старости на 01.01.2024 г.) [8] • 12 месяцев (вычисления за год) = 1,4 трлн руб.

ховом стаже в 40 лет и увеличении числа ИПК на 10 % их количество вырастет до 165, а размер страховой пенсии получится увеличить до 32946,55 руб. (на 2185,35 руб. больше). Соответственно, в таком случае только за один календарный год (12 месяцев) сумму выплат пенсионерам со 150 набранными пенсионными баллами в зависимости от страхового стажа получится увеличить на 26224,2 руб. (при страховом стаже в 30 лет), 18356,94 руб. (при страховом стаже в 35 лет), 13112,1 руб. (при страховом стаже в 40 лет).

Автор считает, что учёт страхового стажа при определении размера страховой пенсии на практике позитивно отразится на размере страховых пенсий по старости, поможет оказать дополнительную поддержку гражданам с высоким страховым стажем и отблагодарить их за длительный труд во благо социально-экономического развития Российской Федерации.

Конечно, если мы говорим о стратегическом управлении пенсионной системой Российской Федерации, то необходимо постоянно мониторить и численность лиц младше трудоспособного (до 15 лет включительно), т.к. впоследствии они становятся трудоспособным населением (и обеспечивают формирование средств в бюджете Социального фонда России для осуществления пенсионных выплат). Так, согласно демографическому прогнозу, до 2038 г. включительно численность населения данной возрастной группы будет неизменно сокращаться (с ожидаемых в 2024 г. 26,3 млн чел. до 19,97 млн чел. [9]).

Таким образом, по итогам проведённого исследования автор считает важным отметить необходимость обсуждения существующих дискуссионных вопросов модернизации условий назначения страховых пенсий по старости в Российской Федерации, в т.ч. в контексте учёта современных демографических тенденций, обеспечения справедливости пенсионных выплат и поощрения граждан за продолжительную трудовую деятельность.

Литература:

1. Рожков В.Д., Найденова А.А., Вешкурова А.Б. Влияние возрастного фактора на пенсионную систему // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 6. С. 873–886.
2. Кашепов А.В. Повышение пенсионного возраста в странах мира и России: причины и последствия // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 5–1. С. 82–91.
3. Моисеева Е.Н., Куманяева О.Н. Сравнительно-правовой анализ пенсионного обеспечения по возрасту в России и зарубежных странах // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 1–1. С. 426–432.
4. Blokhin A.A., Demidova S.E., Melnikova T.S. The Overdue Transformation of the Budget Policy Model in the Context of Growing Economic Dynamics // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2024. Vol. 17. № 4. P. 177–192.
5. Bogataya I., Evstafyeva E., Lavrov D., Korsakova E., Mukhanova N., Solyannikova S. Disclosure of Information in Risk Reporting in the Context of the Sustainable Development Concept // Sustainability. 2022. Vol. 14 (4). P. 230 1–21
6. The role of the human factor in the market economy / A. Berkaeva, I. Yablochnikova, G. Kutsuri [et al.] // Reliability: Theory & Applications. 2023. Vol. 18. № S5(75). P. 330–335.
7. Pensions at a Glance 2023. URL: https://www.oecd.org/en/publications/pensions-at-a-glance-2023_678055dd-en.html (дата обращения: 11.03.2025).
8. Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/ (дата обращения: 11.03.2025).
9. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 11.03.2025).

Controversial Issues of Modernization of Conditions for Appointment of Old-Age Insurance Pensions in the Russian Federation

Balynin I.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The relevance of the study of issues of pension provision of Russians is beyond doubt, since it meets both the national development goals of the Russian Federation and the Strategy for the Development of the Pension System of the Russian Federation for the period up to 2030. The purpose of the study is to substantiate specific areas of potential modernization of the conditions for appointment of old-age insurance pensions in the Russian Federation. The theoretical significance of the obtained results is associated with the possibility of their use in the educational process in higher and secondary vocational educational institutions. The scientific novelty of this study is associated with the author's approach to the consideration of controversial issues of clarifying the conditions for assigning old-age insurance pensions in the Russian Federation.

Keywords: national goals, social security, pension provision, social protection, strategy, demographic development, insurance experience

УДК 341.23
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-374-377

Война или мир: историко-правовой анализ выступления Л.А. Камаровского и его актуальность в 2025 г.

Гетьман К.А.
Аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

В статье проводится историко-правовой анализ лекции Л.А. Камаровского «Война или миръ?» (1892), раскрывающий причины войн и перспективы мира через призму международного права, что сохраняет актуальность в условиях современных вызовов безопасности и политики России в 2025 г. Цель исследования – выявить ключевые идеи Камаровского и сопоставить их с современными международными и внутренними реалиями, что достигается через изучение исторического контекста, анализ концепций войны, милитаризма и национальных конфликтов, а также оценку возможностей их применения сегодня. Научная и практическая значимость работы заключается в углублении понимания эволюции международного права и формировании современных подходов к миротворчеству, что полезно для разработки внешнеполитических стратегий и реформ международных институтов. В результате выявляется переход восприятия войны от естественного явления к нравственной проблеме, роль права в ограничении силы, критика милитаризма и национальных противоречий, а также необходимость реформ и усиления общественного влияния, что подтверждает высокую актуальность идей Камаровского в современных условиях санкций, региональных конфликтов и информационных вызовов. Новизна исследования состоит в комплексном сопоставлении наследия Камаровского с современными вызовами, предлагая новые перспективы применения классических концепций для укрепления международного мира и правопорядка.

Ключевые слова: *международное право, международные отношения, Российская Федерация, Л.А. Камаровский, милитаризм, национальные конфликты, вызовы мира и безопасности*

Для цитирования: *Гетьман К.А. Война или мир: историко-правовой анализ выступления Л.А. Камаровского и его актуальность в 2025 г. // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 374–377. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-374-377.*

Проблема войны и мира занимает центральное место в политической и правовой мысли человечества. В конце XIX в., когда мир вступал в новую фазу развития, характеризующуюся ростом национализма, гонкой вооружений и формированием международных институтов, выступление Л.А. Камаровского «Война или миръ?»[1] [1] стало значимым вкладом в осмысление этих процессов. Анализ его лекции позволяет не только понять дух того време-

[1] ***Камаро́вский Леони́д Алексе́евич*** [15(27).3.1846, Казань – 8(21).12.1912, Москва] – русский учёный-правовед и судья, специалист в области международного права. Член-корреспондент Петербургской академии наук по разряду историко-политических наук (1910).

Заслуженный профессор Московского университета (1899). Декан юридического факультета Московского университета. Исполнял обязанности ректора Московского университета, был членом Гаагской палаты третейского суда, членом международного третейского суда.

ни, но и увидеть, насколько остро стоят эти вопросы в современном мире.

В статье рассмотрены ключевые идеи Камаровского, проанализированы в контексте исторического развития международного права и социополитических процессов, а также прослежены, как эти идеи резонируют с вызовами, с которыми сталкивается Россия и мир в 2025 г.

В 1892 г. Европа переживала эпоху подъёма национализма, усиления государственности и гонки вооружений. Камаровский выступал в Петербурге – центре интеллектуальной жизни Российской империи в период, когда международное право только формировалось и ещё не обладало эффективными механизмами предотвращения войн. Он писал: «Даровитые писатели с разных сторон все чаще и чаще изображают нам ныне реальность войны, т.е. её природу, и такую, как она представляется в действительности, а не через призму смутной фантазии, и эта реальность, наполняя нас ужасом, заставляет все решительнее задумываться над средствами если не уничтожения, то сокращения этого великого зла для человечества» [1, с. 4]. Это высказывание отражает веру в прогресс человечества и возможность построения мира через право.

Л.А. Камаровский отмечает, что война была естественной частью варварского общества, необходимым способом выживания и формирования государств. Однако с развитием цивилизации и становлением правового государства характер войны изменился: теперь война стала явлением, противоречащим высоким нравственным и правовым стандартам. Это важное наблюдение подчёркивает эволюцию восприятия войны – от естественного и оправданного явления к трагедии, которую нужно минимизировать или вовсе исключить.

Автор акцентирует внимание на международном праве как на инструменте, способном ограничить применение силы и обеспечить мирное сосуществование государств. Л.А. Камаровский с сожалением отмечает, что в XIX в. международное право ещё не достигло должного уровня признания и влияния, а дипломатия зачастую сводилась к рутинным процедурам, не способным разрешить глубокие конфликты. Он выступает за реформирование международных институтов, усиление роли общественного мнения и создание третейских судов, способных эффективно решать споры без прибегания к оружию.

Обострение национальных противоречий, гонка вооружений и милитаризм рассматриваются Л.А. Камаровским как главные препятствия миру. Он подробно анализирует такие проблемы, как Эльзас-Лотарингский спор и «восточный вопрос» – территориальные и этнические конфликты, которые накапливают напряжение и могут привести к войне. Автор подчёркивает пагубность этих конфликтов и необходимость их разрешения через справедливые и мирные переговоры, а не через применение силы.

Ключевые идеи Л.А. Камаровского можно представить следующими тезисами:

1. Война как социальное и историческое явление.

Камаровский видит войну как продукт определённого исторического этапа развития общества: «Когда возникли первые государства на Востоке и, позднее, в Греции и Италии, они должны были, при всем различии отличавших их принципов и форм политической жизни, видеть в войне главное основание своего возникновения и дальнейшего существования» [1, с. 6]. Война – не вечное и неизменное явление, а изменчивое, зависящее от уровня нравственного и политического развития. Это представление позволяет рассматривать войну не как неотвратимую судьбу человечества, а как проблему, которую можно и нужно решать.

2. Мир как задача разума и права.

Мир – это не просто отсутствие войны, а активное состояние, требующее развития международного права, нравственности и сотрудничества. Л.А. Камаровский подчёркивает, что только через уважение прав и свобод народов, через реформы и укрепление международных институтов возможно достичь прочного мира: «На место интересов лишь политических каждого конкретного государства, – что ведёт к общей вражде и анархии, или же к временным и искусственным компромиссам, – надо в основание положить начала международного права, которые, уважая независимость и самобытность народов, соединяют их, как членов человечества, в одно высшее и живое целое» [1, с. 22].

3. Критика милитаризма.

Автор с тревогой описывает беспрецедентный рост военных сил и расходов, которые не способствуют безопасности, а наоборот – усиливают недоверие и создают условия для конфликта. Он указывает, что милитаризм – это не средство обеспечения мира, а источник нестабильности и опасности: «прежде всего, требуются одновременность и постепенность действий, направленных не к лишению государств потребной для них военной мощи, а к облегчению их от бремени милитаризма, угрожающего им ничем иным, как задушением» [1, с. 28]. Леонид Алексеевич призывает к сокращению военных расходов и развитию доверия между государствами.

4. Национальные конфликты и их урегулирование.

Камаровский внимательно анализирует причины национальных конфликтов, связывая их не только с историческими обидами, но и с современными политическими и экономическими интересами. Он предлагает признание права народов на самоопределение и создание федеративных форм государственного устройства как путь к снижению напряжённости: «В принципе национальности лежит много симпатичного и плодотворного, поскольку он пробуждает народы к независимости от внешних врагов и к самостоятельности их собственной куль-

туры, но искусственные и насильственные меры, которые нередко хотят им прикрыть, в одинаковой степени угрожают как внешнему, так и внутреннему миру государств» [1, с. 16–17].

5. Реформы международного права и институтов.

Одним из центральных предложений является необходимость реформирования международных институтов, создания обязательных третейских судов и признания международного права как высшей нормы. Камаровский призывает к постепенному, но неуклонному движению в сторону коллективного регулирования конфликтов и ограничений в применении вооружённых сил.

В 2025 г. Россия сохраняет статус одной из ведущих мировых держав с активной внешней политикой. На международной арене Россия сталкивается с рядом вызовов: санкционная политика Запада, региональные конфликты (например, на постсоветском пространстве), необходимость модернизации вооружённых сил и укрепления внутренней стабильности. По ситуации на 2024 г. З.О. Адамановой было проанализировано сложившееся положение, а также выделены основные проблемы и сформулированы перспективы внешнеэкономического сотрудничества России в условиях санкционного давления: «Сложившаяся ситуация в текущем 2024 г. имеет беспрецедентный характер. Научные подходы к исследованию последствий влияния санкций часто отстают от реальной ситуации ввиду их постоянного наращивания. Россия находится в сложной экономической ситуации из-за западных санаций. Нефтегазовая промышленность, банковская система, производство стали и алюминия – все эти ключевые секторы экономики пострадали от ограничений на экспорт и инвестиции. Ограничения также ощутимо сократили доступ российских компаний к иностранным капиталам и технологиям, что серьезно ограничило потенциал для инвестиций и внешнеэкономического развития. Негативное влияние санкций на экономику одновременно создает новые возможности ее трансформации и развития в контексте внешнеэкономического сотрудничества в новых форматах, что и представляет задачи данного исследования» [2, с. 61].

Идеи Л.А. Камаровского о международном праве и необходимости отказа от милитаризма актуальны как никогда: Россия активно участвует в международных организациях (СНГ, БРИКС, ВТО, ОЧЭС, ШОС), но сталкивается с противоречиями Запада; внутренняя политика направлена на модернизацию армии при сохранении мира и стабильности. Отметим также работу А.В. Копытова, в которой отмечается отношение современного российского общества к таковому вооружению: «В условиях социального расслоения и экономического кризиса люди в нашей стране в большинстве своём пассивны к военной действительности и заняты решением насущных жизненных проблем. Это проявляется в том, что новинки вооружения, военной техники, вооружённые конфликты, в которых участвует Россия сегодня, интересны широким слоям населения лишь поверхностно, лишь узкий круг специалистов, энтузиастов, не считая всех причастных, действительно интересуется этой тематикой» [3, с. 104].

Несмотря на усилия по контролю над вооружениями, гонка вооружений продолжается, что вызывает опасения по поводу эскалации конфликтов. Камаровский предостерегал, что увеличение вооружений не гарантирует мира, а лишь увеличивает возможность его разрушения [1, с. 19–20]. В современном мире это проявляется в модернизации ядерных арсеналов, развитии гиперзвуковых систем, кибероружия. Россия, как и другие державы, балансирует между обороной и обязательствами по разоружению. Нельзя не согласиться в этом плане с разграничением понятий милитаризма и мобилизации: «Необходимо чётко отличать милитаризм как агрессивное нагнетание военного напряжения для достижения политических и экономических целей посредством развязывания захватнических войн от мобилизации в широком смысле с целью защиты Отечества перед лицом внешней агрессии и угрозы уничтожения народа или распада страны. Характерным примером в первом случае является милитаризация Германии в 1933–1941 гг. после прихода нацистской партии Гитлера к власти. Для Советского Союза 30-х – 40-х гг. подготовка к войне была не милитаризацией, но, прежде всего, мобилизацией всех военных, экономических и социальных ресурсов для отражения внешней агрессии и защиты страны» [2, с. 104].

Проблемы многонациональности остаются острыми, особенно в регионах вокруг России – Кавказ, Восточная Европа, Центральная Азия. Данная проблема поднимается в работе В.Н. Сченснович: «Представленные в статье результаты исследования свидетельствуют о наличии в российском обществе этнической напряжённости и негативных этнонациональных проявлений. В этих условиях возникающие этнонациональные конфликты могут представлять угрозу политической стабильности и общественной безопасности РФ» [4, с. 12]. Идея Л.А. Камаровского о самоопределении народов продолжает быть предметом международных споров, что подчёркивает важность диалога и дипломатии.

Международное право в XXI в. стало более развитым, однако вопросы его соблюдения и эффективности остаются спорными. Россия активно участвует в международных организациях, но и сама сталкивается с обвинениями в нарушениях международных норм. Проекты Камаровского о создании обязательных третейских судов и коллективных механизмов урегулирования конфликтов остаются важными ориентирами, хотя их реализация требует политической воли и доверия между государствами.

В 2025 г. влияние общественного мнения выросло благодаря цифровым технологиям. Камаровский отмечал, что печать и просвещение – союзники в деле мира, а также, что общественное мнение должно стать силой, сдерживающей войны [1]. Сегодня это – социальные сети и СМИ, которые могут способствовать миру. Однако новые информационные технологии также создают риски распространения дезинформации и разжигания конфликтов, что требует ответственного подхода к коммуникациям. Этот же феномен затрагивается в работе А.А. Данельян и Е.Е. Гуляевой: «Зачастую мы видим попытки управления информационным пространством на государственном уровне с целью манипулирования общественным мнением (т.н. феномен фейк-ньюс) и преподнесением информации о вопросах, затрагивающих международную безопасность, в том ключе, который выгоден конкретной политической элите» [5, с. 12].

Лекция Л.А. Камаровского «Война или миръ?» – это глубокий анализ причин войны и возможностей мира с опорой на международное право, нравственность и реформы. Его идеи, сформулированные в конце XIX в., сохраняют свою актуальность и сегодня, в условиях глобальных вызовов и нестабильности.

Для России 2025 г. эти мысли важны как напоминание о необходимости развития международных институтов, отказа от милитаризма и уважения прав народов. Только через сотрудничество, правовое регулирование и воспитание мира в обществе возможно предотвратить повторение трагедий прошлого и обеспечить устойчивое будущее.

Литература:

1. Камаровский, Л.А. Война или миръ? СПб., 1892. 36 с. URL: https://www.litres.ru/book/leonid-kamarovskiy/voyna-ili-mir-560305/ (дата обращения: 05.05.2025).
2. Адаманова З.О. Внешнеэкономическое сотрудничество России в условиях санкций: новые возможности // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2024. № 4 (103). С. 59–65. https://doi.org/10.37493/2307- 907X.2024.4.6
3. Копытов А.В. Идеология милитаризма и её роль в обществе // Наука и современное общество: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сб. статей VII Межд. науч.-практ. конф., Пенза, 20 июня 2021 г. Пенза: ООО «Наука и Просвещение», 2021. С. 101–105.
4. Сченснович В.Н. Этнические и этноконфессиональные конфликты в современной России // Россия и мусульманский мир. 2022. № 2(324). С. 9–15. DOI: 10.31249/rimm/2022.02.01.
5. Данельян А.А., Гуляева Е.Е. Глобальная безопасность и международное право. М.: Квант Медиа, 2023. 390 с.

War or Peace: Historical and Legal Analysis of L.A. Kamarovsky's Speech and Its Relevance in 2025

Getman K.A.
Belgorod National Research University

The article provides a historical and legal analysis of L.A. Kamarovsky's lecture "War or Peace?" (1892), revealing the causes of wars and prospects for peace through the prism of international law, which remains relevant in the context of modern challenges to Russia's security and politics in 2025. The purpose of the study is to identify Kamarovsky's key ideas and compare them with modern international and domestic realities, which is achieved through the study of the historical context, analysis of the concepts of war, militarism and national conflicts, as well as an assessment of the possibilities of their application today. The scientific and practical significance of the work lies in deepening the understanding of the evolution of international law and the formation of modern approaches to peacekeeping, which is useful for the development of foreign policy strategies and reforms of international institutions. As a result, the transition of the perception of war from a natural phenomenon to a moral problem, the role of law in limiting force, criticism of militarism and national contradictions, as well as the need for reforms and strengthening public influence are revealed, which confirms the high relevance of Kamarovsky's ideas in the modern context of sanctions, regional conflicts and information challenges. The novelty of the study lies in a comprehensive comparison of Kamarovsky's legacy with modern challenges, offering new prospects for the application of classical concepts to strengthen international peace and law and order.

Keywords: international law, international relations, Russian Federation, L.A. Kamarovsky, militarism, national conflicts, challenges to peace and security

УДК 343.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-378-382

От цифровизации социума и киберпреступности к подготовке киберполицейских

Комлев Ю.Ю.
Доктор социологических наук, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России, профессор кафедры уголовного права и процесса Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

Цифровые технологии в жизнедеятельности современного человека привели не только к позитивным, но и негативным последствиям. Среди них наибольшие риски представляет киберпреступность, темпы роста которой возрастают с каждым годом. Несмотря на институциализацию киберполицейской службы, чрезвычайно актуальной остается подготовка кадров киберполицейских для ОВД. Цель и задачи исследования состоят в обосновании необходимости подготовки киберполицейских в рамках междисциплинарной магистерской программы, например, с профилем «расследование цифровых преступлений»; оценке тенденций в трансформации «старых» и «новых» цифровых форм девиантности; анализе развития киберпреступности и кибервиктимизации, цифрового социального контроля и его правоприменительных институтов; интеграции правовых, поведенческих и технологических знаний в образовательном проекте. Использованы статистический метод и контент-анализ научной литературы, обобщен некоторый опыт подготовки киберполицейских. Значение работы состоит в постановке социальной проблемы, ее осмыслении и обосновании варианта решения. Подготовку киберполицейских предлагается реализовать в ведомственной образовательной системе, где сформирован фундамент правовых, девиантологических исследований и знаний с привлечением специалистов из IT-сферы и правоприменительной практики.

Ключевые слова: *цифровизация, сетевизация, кибердевиантность, киберпреступность, кибервиктимизация, киберполиция междисциплинарнарная магистерская программа*

Для цитирования: *Комлев Ю.Ю. От цифровизации социума и киберпреступности к подготовке киберполицейских // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 378–382. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-378-382.*

Мир стремительно изменился в первой четверти XXI в. Российский социум, как и другие постиндустриальные общества, вовлечен в лабиринты четвертой технологической революции, основными социальными измерениями которой стали цифровизация и сетевизация всех сторон жизни и деятельности общества и человека. Миллионы пользователей по всему миру объединил Интернет, началась и продолжается экспансия цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека. Технологические инновации повлияли на структуру социума, изменили мир социальных институтов, создали новые формы социальной связи и взаимодействия, породили новые социальные практики. Движение к цифровому обществу – процесс прогрессивный, неотвратимый, но и весьма неоднозначный. С одной стороны, он стимулирует позитивные социальные сдвиги, с другой, – создает ряд сложных социальных проблем. Многие зарубежные и отечественные исследователи (Д. Лаптон, Ш. Браун, М. Яр, К. Хей-

ворд, Г. Барак, Г. Страттон, Н. Селвин, Я. Гилинский, В. Овчинский, В. Номоконов, Ю.Ю. Комлев и др.) обращают внимание на эту двойственность цифровых перемен и считают, что «современное общество лучше понимать как сплетение человечности, материальности и дигитальности». В социологическом анализе последствий распространения цифровых технологий используются «концепция заботы» и «концепция страха».

В рамках первой из них цифровизация исключает рутинный бумажный документооборот; минимизирует издержки, повышает производительность труда и прибыль. Цифровые технологии снижают роль ошибок, связанных с «человеческим фактором», повышают качество прогнозов и управленческих решений. Так, за счет цифровизации и сетевизации социума реализуются повсеместно фактически неограниченные возможности для интернет-общения, обучения, путешествий, покупок, работы. Цифровизация в конечном счете обеспечивает более высокое качество жизни миллионов людей – просвещенных цифровых пользователей за счет повышения объема, доступности и скорости предоставления разнообразных киберуслуг. Вовлеченность в цифровой мир позволяет пользователям приобщиться к новым сферам и способам цифрового самовыражения и самореализации. Кроме того, в цифровом мире значительно лучше обеспечены права человека на свободу выражения мнений и свободу доступа к информации. Распространение онлайн-сообществ и социальных сетей, по мысли М. Кастельса, привело к тому, что «дух свободы выпущен из запечатанной бутылки медиа, и эта свобода оказывается доступной людям во всем мире» [1].

В рамках «концепции страха» цифровизация и сетевизация продуцируют цифровое неравенство, состоящее в разрыве уровней обладания цифровыми компетенциями; неравный доступ к цифровым услугам и продуктам; кибердевиантность, киберпреступность и кибервиктимизацию. В цифровой экономике неизбежна компрессия рынка труда. Возможно, что уже в недалеком будущем не нужны будут многие массовые профессии: водители, продавцы и клерки, занятые рутиной, поддающейся цифровой автоматизации. Многие из них, как жертвы вынужденной безработицы, могут оказаться девиантами, адаптируясь к цифровым условиям на рынке труда, в том числе в форме ретретизма или «бегства от действительности».

Сетевые ресурсы и медиа, увы, обслуживают в первую очередь материальные интересы корпоративных собственников, а не обычных пользователей. Отсюда неуемное, патологическое стремление цифровых корпораций – гигантов IT-индустрии (*Google, YouTube, Samsung Electronics, Apple, Amazon, Facebook, Sony,* Яндекс и др.) к извлечению прибыли, наживы в рамках цифровой экономики, что нередко сопряжено с нарушением и даже разрушением социальных и правовых норм сомнительным контентом. Перевод личной и конфиденциальной информации в цифровую форму создает невиданную ранее зависимость человека от того, кем, как и где хранятся, используются его личные данные. Кроме того, пользователи цифровых услуг, проводя время в интернете, на цифровых платформах и иных сервисах сами оставляют свои «цифровые следы» и нередко становятся объектами манипуляций и кибербуллинга. Вовлеченность массы людей в цифровизацию и сетевизацию провоцирует массовое распространение кибермошенничества и цифровую виктимизацию. Киберпреступники, применяя психологические методы манипуляции и приемы социальной инженерии, умело разыгрывают драмы и другие постановки перед своими жертвами, управляя процессом впечатлений, по И. Гофману. Они, нагоняя на своих жертв страх, или вызывая иные эмоции, добиваются в итоге реализации преступных целей.

Контент-анализ публикаций в ведущих социологических и криминологических журналах показывает, что повышенный интерес зарубежные и отечественные девиантологи проявляют к изучению трансформации «старых» и «новых» цифровых форм преступности. Происходит, как пишет Я.И. Гилинский, ««переструктуризация» преступности, когда преступления в цифровом мире теснят «обычную», «уличную преступность» (*street crime*)» [2, с. 182–190]. Более того, в цифровом мире наблюдается переход от компьютерного хулиганства и других девиаций, преступлений против компьютеров и компьютерных систем, запущенный в начале века, к массовым преступлениям против пользователей интернета и социальных сетей, цифровых платежных систем и абонентов сотовой связи с низкой цифровой культурой. Жертвами кибермошенников все чаще становятся не только пенсионеры, но и молодые люди, подростки. Среди новых проявлений кибердевиантности следует выделить такие, как: сетевая зависимость с утратой навыков реального общения; бегство от действительности в мир виртуальных симуляций (искейперство); киберлудомания (игровая зависимость); кибербуллинг (травля в интернете, социальных сетях, мессенджерах), кибергруминг (виртуальные сексуальные домогательства и насилие над несовершеннолетними); компьютерная педофилия; интернет-торговля наркотиками; пропаганда ненависти и распространение экстремистских идей, фишинг и кибермошенничество, вовлечение подростков и простаков в террористическую деятельность или в финансирование неприятеля на фронтах СВО. Непрерывно расширяется палитра кибердевиантности и киберпреступности. С учетом новых реалий современную киберпреступность можно определить как множество проявлений негативной кибердевиантности, состоящих

в нарушении уголовно-правовых запретов с использованием компьютеров, смартфонов, цифровых технологий и обращенных против пользователей интернета, социальных и телефонных сетей.

По данным МВД РФ из открытых источников, общее количество зарегистрированных преступлений в стране продолжает незначительно снижаться. Так, за последние три года ежегодно уменьшаются доли преступлений, совершаемых в общественных местах, против личности; стало меньше уличных разбоев и обычных краж из квартир и автомобилей и т.п. В то же время продолжается стремительный рост регистрируемой киберпреступности. По отчетам МВД России, представленных в открытых источниках, в 2022 г. совершено каждое четвертое преступление, в 2023 г. – каждое третье преступление с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ). В 2024 г. в целом по стране зарегистрировано 40 % киберпреступлений в форме мошенничества [3].

Риски киберугроз состоят не только в мошенничестве, но и в *DDoS* атаках, вирусах шифровальщиках, троянах, вирусах вымогателях. Причем, киберзлодеи всех мастей, совершенствуясь, используют и возможности искусственного интеллекта на разных стадиях подготовки и проведения кибератак. У преступников появился собственный чат-бот *GhostGPT*, который используется для подготовки текстов писем в целях мошеннических действий, что не может не беспокоить экспертов по кибербезопасности и правоохранителей. «Прогресс» в киберпреступности продолжается. В итоге общий ущерб, который она нанесла отечественной экономике в 2023–2024 гг. эксперты Сбера оценили в 1 трлн руб.

Из выступления министра внутренних дел по Республике Татарстан Д. Сатретдинова в Государственном совете РТ в феврале 2025 года следует, что за 2024 г. удельный вес зарегистрированных киберпреступлений в регионе вырос с 48 до 57 %. По количеству *IT*-мошенничеств Татарстан уступает лишь Москве, Санкт-Петербургу, Ленинградской области и Краснодарскому краю. В 2024 г. киберпреступники «вынесли» у татарстанцев 5,7 млрд руб. Согласно оценкам МВД по РТ, полиция достаточно успешно противодействует киберпреступности. По количеству выявленных *IT*-преступников Татарстан находится на 2-м месте в РФ. Регионы с высоким уровнем цифровизации и сетевизации, качеством жизни населения, где есть высокооплачиваемая работа и возможности для накоплений, всегда будут привлекать не только трудовые ресурсы, но и киберпреступников [4].

Несложно предположить, что тенденция, состоящая в высоких темпах роста киберпреступности, скорее всего сохранится, поскольку в киберпространстве не вполне реализуется принцип неотвратимости наказания, а барыши от высокотехнологичной преступности существенно превышают доходы от обычных краж, разбоев и других форм «уличной преступности». Неслучайно, 90 % всех мошеннических действий совершается сегодня в киберпространстве. Практика противодействия преступности вообще и киберпреступности, в частности, осложнена дефицитом кадровых ресурсов в правоохранительных органах.

На мировом рынке труда по мере роста киберпреступности, очередным триггером которого стала пандемия короновируса, сложился высокий и устойчивый спрос на подготовку специалистов по кибербезопасности, по розыску киберпреступников и расследованию киберпреступлений – киберполицейских. Однако подготовленных специалистов такого рода в России хронически не хватает.

Во всех странах с высоким уровнем цифровизации и сетевизации социума создаются и развиваются факультеты, кафедры, образовательные программы, как правило магистратуры, по подготовке междисциплинарных специалистов по кибербезопасности. В России – это либо технические направления подготовки («Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере» – 10.05.05; «Информационная безопасность» – 10.03.01)) специалистов по защите информации, либо юридическое («Правовое обеспечение национальной безопасности» – 40.05.01) с профилизацией по розыску преступников и расследованию киберпреступлений.

Для правоведа, специализирующегося в сфере кибербезопасности расследования киберпреступлений, необходимы фундаментальные знания, умения и навыки в области цифровых технологий; передачи, хранения и обработки цифровой информации; методологии защиты цифровой информации; криптографии; электронной коммерции; кибердевиантности и киберпреступности; документирования цифровых следов преступлений против личности и др. Если в бизнесе, в банковской сфере подразделения по кибербезопасности созданы и успешно функционируют уже не первый год, то в правоохранительных органах этот процесс явно запаздывает. Крупный бизнес привлекает и готовит *IT*-специалистов, закрепляя в основном выпускников технических вузов с медианной зарплатой в 150 000 руб. и выше. В ОВД, по экспертным оценкам, средняя зарплата «опера» не многим больше 60 000 руб. В таких условиях закрепить специалиста по кибербезопасности – выпускника гражданского вуза в правоохранительных органах практически нереально. Надо готовить свои ведомственные кадры. С этой проблемой сталкиваются правоохранители во всех технологически развитых странах. Они идут по пути создания специализированных полицейских структур по борьбе с киберпреступностью и занимаются подготовкой и особенно переподготовкой полицейских сил.

В США еще в 2002 г. был создан кибердивизион ФБР, деятельность которого сосредоточена на трех

основных направлениях: компьютерные вторжения, кража персональных данных и кибермошенничество. В Великобритании с 2013 г. работает Национальное агентство по борьбе с киберпреступностью. В Китае с 2015 г. создана «сетевая полиция» в Министерстве общественной безопасности. Для борьбы с кибермошенничеством организованы отделы кибербезопасности в крупнейших китайских интернет-компаниях. Киберполиция создана и в Германии, как подразделение Федерального уголовного агентства. Международная киберполиция (*ICP*) создана в 2018 г. для реализации решений ООН по борьбе с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом, криминалом, нарушением прав человека во всех регионах мира. Шесть государств Евросоюза (Эстония, Хорватия, Польша, Нидерланды, Румыния, Литва) в 2020 г. создали Кибернетические силы быстрого реагирования. В Польше в 2025 г. планируют сформировать киберполицию как самостоятельное подразделение.

В России продуктивно работает Центр информационной безопасности ФСБ. Преступлениям в *IT* сфере противодействует управление «К» МВД РФ. С 2020 г. идет работа по созданию российской киберполиции. Активно противоборствуют киберпреступности специальные подразделения кибербезопасности в федеральных и региональных ведомствах, крупных компаниях и банках России. Работа по защите сервисов и цифровых данных организована в Минцифры, ЦБ РФ, Сбере, ВТБ, МТС и др.

Вместе с тем в стране чрезвычайно высока потребность в квалифицированных специалистах «на местах» по обеспечению кибербезопасности, особенно в осуществлении розыска преступников и расследовании киберпреступлений. Существуют хорошо зарекомендовавшие себя специальные программы подготовки специалистов по кибербезопасности и защите информации в Московском университете МВД России, Санкт-Петербургском университете МВД РФ. В Российской академии народного хозяйства и государственной службы стали готовить медиаполицейских для выявления деструктивных и экстремистских материалов в интернете и противодействия кибербуллингу. По мнению экспертов, киберполицейский, как специалист по кибербезопасности, – это тот, кто хорошо разбирается в праве, в девиантных практиках, цифровых технологиях, способах совершения деликтов, расследования и противодействия цифровым преступлениям.

С 1 сентября 2026 г. Россия отходит от Болонской системы образования и выстраивает свою собственную. Как известно, анонсированная реформа высшей школы предполагает три уровня высшего образования: «базовое высшее» вместо бакалавриата и специалитета, «специализированное высшее» для программ магистратуры и «профессиональное» – аспирантура.

Выпускник ведомственного вуза системы МВД на основе базового образования по направлению подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности» – 40.05.01 может продолжить «специализированное» обучение в рамках междисциплинарной программы магистратуры, например, по профилю «расследование цифровых преступлений», или «кибербезопасность в правоохранительной сфере». Реформа высшей школы предполагает не только коренной пересмотр основных образовательных программ обучения, но и создание новых (надеюсь, у вузов сохранится право самостоятельно определять их основное содержание). Важно уже сегодня предложить образовательные проекты, учитывающие кадровый спрос на рынке труда, подготовить их концептуальное научное и учебно-методическое обеспечение. Увязать теорию с передовой практикой, вовлечь в учебный процесс потенциальных работодателей и специалистов-практиков из подразделений кибербезопасности и киберполиции. Недавнее политическое решение Президента РФ В.В. Путина повысить престиж и конкурентноспособность полицейского труда дает надежду на рост денежного содержания полицейских и привлечение в ОВД компетентных специалистов по кибербезопасности. Кроме того, разработка междисциплинарных программам магистратуры в ведомственных вузах МВД по направлению подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности» – 40.05.01 соответствующего профиля могли бы удовлетворить растущий спрос на подготовленных к работе в новых технологических условиях киберполицейских.

Как известно, с 2002 г. в стенах Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя создан факультет подготовки специалистов (технического профиля) с учетом межвузовской кооперации с Московским авиационным институтом в области информационной безопасности, на котором выпускаются специалисты по защите информации (направление подготовки «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере» – 10.05.01). Подготовка «цифровых специалистов» для следствия организована в Московской академии СК России, где в 2021 г. открыта кафедра информационных технологий и организации расследования киберпреступлений. Подготовка и переподготовка киберследователей осуществляется путем введения в учебный процесс новых «цифровых» дисциплин и программ ДПО, например, «расследование преступлений, совершаемых с использованием ИКТ». В образовательной системе Следкома активно идет процесс подготовки киберследователей по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» – 40.05.01. В рамках этого направления ведется обучение будущих следователей на юрфаке Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), в структурах

Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Специалистов по защите информации готовят Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Российский университет транспорта (МИИТ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Однако, этого явно недостаточно, чтобы удовлетворить растущий спрос в ОВД и других правоохранительных структурах на подготовку киберполицейских.

Обзор положительного отечественного опыта показывает, что подготовку кадров для киберполиции Поволжья, Татарстана и других регионов вполне реалистично организовать в Казани – крупном вузовском центре – в стенах Казанского юридического института МВД России. Это может быть междисциплинарный образовательный проект в формате магистерской программы, в основе которой будет лежать фундамент правовых, девиантологических и *IT*-исследований, передовой правоприменительной практики. Квалифицированный профессорско-преподавательский состав и учебно-методическая база ведомственного вуза в кооперации с МВД по РТ, Университетом Иннополиса, другими заинтересованными вузами Казани способен разработать и реализовать инновационную магистерскую программу обучения киберполицейских в рамках развития направления подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности» – 40.05.01 с профилизацией «расследование цифровых преступлений» или «кибербезопасность в правоохранительной сфере», а также специализированные программы ДПО.

Для успешного воплощения этого замысла сформировался социальный заказ на рынке труда и существуют все необходимые материальные, кадровые, научные, учебно-методические условия. Киберполицейские – это весьма востребованная профессия настоящего и ближайшего цифрового будущего.

Литература:

1. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 590 с.
2. Гилинский Я.И. Девиантность в цифровом мире // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2019. № 4 (34). С. 182–190.
3. На кибермошенничества в РФ пришлось 40 % от всех преступлений в 2024 года. URL: https://www.interfax.ru/russia/1003799 (дата обращения: 22.05.2025).
4. «Едут и те, кто хочет подкормиться, проворовaться!»: как впервые публично отчитался Дамир Сатретдинов. URL:https://dzen.ru/a/Z7cUwTCGzVdrIhqj?ysclid=mao195k4e1494719960 (дата обращения: 22.05.2025).

From the Digitalization of Society and Cybercrime to the Training of Cyber Police Officers

Komlev Yu.Yu.
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
University of Management TISBI (Kazan)

Digital technologies in the life of a modern person have led to not only positive, but also negative consequences. Among them, the greatest risks are posed by cybercrime, the growth rate of which is increasing every year. Despite the institutionalization of the cyberpolice service, the training of cyberpolice personnel for the internal affairs bodies remains extremely relevant. The purpose and objectives of the study are to justify the need to train cyberpolice officers within the framework of an interdisciplinary master's program, for example, with the profile "investigation of digital crimes"; assessing trends in the transformation of "old" and "new" digital forms of deviance; analyzing the development of cybercrime and cybervictimization, digital social control and its law enforcement institutions; integrating legal, behavioral and technological knowledge in an educational project. The statistical method and content analysis of scientific literature were used, some experience in training cyberpolice officers was summarized. The significance of the work lies in the formulation of a social problem, its understanding and justification of a solution. It is proposed to implement the training of cyber police officers in a departmental educational system, where a foundation of legal, deviantological research and knowledge has been formed with the involvement of specialists from the IT sphere and law enforcement practice.

Key words: digitalization, networking, cyberdeviance, cybercrime, cybervictimization, cyberpolice interdisciplinary master's program

УДК 316.28

Уроки наставничества в социологии: к юбилею профессора Л.А. Бургановой

Корнилов П.А.
Кандидат социологических наук, доцент
кафедры государственного управления, истории, социологии
Казанского национального исследовательского технологического университета

В статье рассматриваются особенности жизненного пути и профессиональной деятельности профессора Л.А. Бургановой в постсоветский период развития российской социологии. Основное внимание уделяется анализу исследовательского и научно-педагогического вклада ученого, формированию модели наставничества и технологиям воспитания учеников профессором Л.А. Бургановой в рамках созданной ею научной социологической школы.

Ключевые слова: *Л.А. Бурганова, юбилей, российская социология, наставничество, технологии воспитания, педагог, научные коммуникации, научная школа, социальный конструкционизм*

В мае 2025 г. профессор Л.А. Бурганова праздновала свой юбилей, и это прекрасный повод сказать от имени ее многочисленных учеников и коллег слова признательности и благодарности за ее воистину подвижнический труд в воспитании и подготовке нового поколения ученых-социологов. Автор этого текста был в числе первых учеников, которому посчастливилось стать коллегой, работать в одном коллективе с Ларисой Агдасовной на протяжении более двух десятилетий.

Научная биография Ларисы Агдасовны как социолога полностью отразила переломные моменты развития российской социологии, связанные с завершением ее институционализации в стране в начале 1990-х гг. В начале 1990-х гг., как и все преподаватели научного коммунизма, она стала осваивать преподавание введенного Министерством высшего образования РФ нового предмета «социология», а в 1998 г. с успехом защитила докторскую диссертацию «Ранняя американская социология: теоретические и методологические позиции» в диссертационном совете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; с 2000 г. она – профессор кафедры социологии и государственного управления Казанского национального исследовательского технологического университета, с 2024 г. – профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского федерального университета.

Заслуги ученого были по достоинству оценены многочисленными званиями и наградами, среди которых награждение Почетной грамотой Президента Республики Татарстан (2001), присвоение почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан» (2007), награждение Министерством науки и высшего образования РФ нагрудным знаком «Почетный наставник» (2024).

Профессор Л.А. Бурганова является членом Российского общества социологов, Российского общества интеллектуальной истории. За ее плечами опыт участия в международных исследовательских проектах, в том числе в научном проекте ТАСИС «Управление образованием» (1999–2000).

В круге научных интересов Ларисы Агдасовны находится история, теория и методология социологии, социология управления, социология образования. Научное и педагогическое наследие ученого включает более 250 научных и методических работ, среди которых 15 монографий [см.: 1; 2; 3; 4 и др.], более 20 учебников и учебных пособий, 6 из которых вышли под грифом УМО [см.: 5; 6; 7 и др.]. Под научным руководством профессора Л.А. Бургановой успешно защитилось 19 кандидатов наук, она также была научным консультантом по двум докторским диссертациям [8; 9].

Вручение министром науки и высшего образования РФ В.Н. Фальковым ведомственной награды «Почетный наставник» 23 ноября 2024 г.

Эти данные способны в целом представить масштаб личности Ларисы Агдасовны как ученого-социолога, но они не позволяют более полно осветить ее деятельность как наставника, основателя научной школы. Попробуем разобраться в этом вопросе, приоткрыть секреты творческих успехов профессора Л.А. Бургановой.

Прежде всего, зададимся вопросом: откуда у Ларисы Агдасовны этот педагогический дар? На наш взгляд, истоки его в семье: и мать Роза Сулеймановна, и отец Агдас Хусаинович Бурганов – были педагогами. Отец – известный российский ученый – историк, философ, публицист, много лет проработавший в университетах Казани и Москвы. Раннее детство Л.А. Бургановой прошло в Средней Азии, в городе Сталинабаде (ныне Душанбе), где она родилась в 1950 г. В 1958 г. семья переехала в Казань, с которой связана вся ее последующая жизнь. После окончания школы с английским уклоном в 1967 г. Лариса Агдасовна поступила в Казанский университет, историко-филологический факультет которого она окончила в 1972 г.

Я сам выпускник Казанского университета, а потому прекрасно понимаю, какую роль в становлении Ларисы Агдасовны как ученого сыграло обретение ею научной школы именно в старейшем вузе России. Лариса Агдасовна специализировалась по кафедре всеобщей истории, возглавляемой тогда выдающимся российским антиковедом, историографом и методологом А.С. Шофманом. Под руководством известного американиста П.Б. Уманского она прошла аспирантуру в 1972 – 1975 гг., защитила кандидатскую диссертацию по американской историографии. Вот где сказалась блестящая языковая подготовка! Вспоминая *alma mater,* Лариса Агдасовна с особым чувством говорит о своих учителях, особо выделяя замечательных ученых, педагогов Василия Ивановича Адо, Аркадия Семеновича Шофмана, Антонину Дмитриевну Константинову, Юрия Алексеевича Михайлова и др. Возможно, здесь она почувствовала силу того, что в современном науковедении называют «неявным» знанием, значение которого для современной высшей школы она артикулировала в одной из своих публикаций [10]. Она неизменно подчеркивает, что на кафедре всеобщей истории сложилась атмосфера заботы, внимания к аспирантам и молодым ученым, развивались различные виды неформальной коммуникации. Они бережно сохранялись и в период моего обучения на кафедре в 1990-е гг., по рекомендации которой я попал в аспирантуру к Ларисе Агдасовне. Мне представляется, что дух высокой университетской науки и педагогики Лариса Агдасовна перенесла на общение со своими учениками, с любой студенческой аудиторией в том коллективе, где она работает.

Лариса Агдасовна с особым чувством отмечает огромную роль в становлении ее как ученого-социолога кафедры Института профессиональной переподготовки при МГУ им. М.В. Ломоносова (далее – ИПК), где она трижды проходила переподготовку по социологии на протяжении 1990-х гг. Особое влияние, по ее словам, на нее оказала заведующая кафедрой ИПК профессор Л.Н. Панкова, которая ориентировала ее на подготовку докторской диссертации, а в последующем стала научным консультантом. Диссертация Ларисы Агдасовны была посвящена ранней американской социологии. Единодушно проголосовав за присуждение соискателю искомой степени, диссертационный совет принял Заключение, подписанное председателем совета профессором В.И. Добреньковым. В нем читаем: «*Впервые предпринято специальное исследование, посвященное процессу складывания и развития социологии в США в 70-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв. в целом и содержащее анализ теоретико-методологических воззрений ее видных представителей Самнера, Смолла, Уорда, Гиддингса. Представлен комплексный анализ вклада основоположников американской социологии в изучение эпистемологических и социально-онтологических проблем. Показаны достижения, особенности институционализации американской социологии*». Одним словом, Лариса Агдасовна осуществила прорыв в *Terra Incognita,* открыв, по существу, феномен ранней американской социологии для нашей социологической науки.

В числе тех, кто оказал влияние на формирование профессиональных знаний Л.А. Бургановой как социолога большую роль сыграли преподаватели кафедры истории социологии МГУ имени М.В. Ломоносова, руководимой профессором В.И. Добреньковым, других кафедр социологического факультета МГУ. Л.А. Бурганова с благодарностью вспоминает лекции профессоров В.А. Ядова, Е.И. Кукушкиной, Е.И. Кравченко, Л.Н. Панковой, Э.М. Андреева, В.М. Димова и др. Лариса Агдасовна как об особой удаче говорит о представившейся ей возможности

быть участником авторского коллектива, создавшего под руководством проф. В.И. Добренькова учебник «История социологии (XIX – первая половина XX в.» для студентов-социологов в серии «Классический университетский учебник» [11].

Полагаю, необходимо указать на те черты личности Л.А. Бургановой, которые обеспечивают ей успех. В числе их, прежде всего, такая, как смелость – научная, исследовательская, педагогическая. В науке она решительно берется за новые темы, не боится совершать поворот к новой проблематике, идти на эксперимент в области эпистемологии, что, как правило, требует нового витка самообразования, саморазвития, новых усилий и мобилизации дополнительных сил. Для людей, чьи студенческие годы далеко позади, чьи заслуги позволяют спокойно почивать на лаврах, подобное трудно назвать привычным.

Однако для Ларисы Агдасовны такое напряженное существование в постоянном движении вперед и самосовершенствовании, похоже, стало стилем и образом жизни. Кажется, что делает это Лариса Агдасовна совершенно легко, спокойно, независимо от мнения авторитетов. В любой аудитории – студенческой, конференционной она не посчитает зазорным спросить, кто может и хотел бы прояснить научную проблему, и всемерно поможет рождению спора, созданию воистину ситуации дискурса. Это невозможно без критического отношения к себе, без постоянного настроя на самосовершенствование. В результате научное сообщество признало в Ларисе Агдасовне авторитетного эксперта в области теории, истории и методологии социологии, социологии образования, социологии управления. Не случайно, на протяжении четверти века доктор социологических наук профессор Л.А. Бурганова была членом ряда диссертационных советов по социологии в КНИТУ, КФЭИ, а в настоящее время она член диссертационного совета по социологии в КФУ.

В наибольшей степени научный талант, организаторские способности и личностные качества Ларисы Агдасовны проявились, когда под её руководством в 2000-е гг. начала складываться научная школа, особенно успешно осваивавшая проблематику нового для отечественной социологии конструкционистского направления. Необходимо заметить, что происходило это во времена, когда конструкционистский подход воспринимался большинством отечественных социологов с подозрением, как противостоящий традиционным объективистским социологическим исследованиям, выполненным в традициях эпистемологического и научного реализма, и предполагающий сильную зависимость наших знаний о мире от социокультурных обстоятельств, в которых эти знания получаются. С трудом пробивала дорогу идея социального конструкционизма о том, что главной «конструирующей» силой является система социальных коммуникаций, что анализ языка, дискурса, культурно-исторических практик и социальных интеракций является эффективным методом исследования общества.

Среди участников III международного конгресса социологов, Казань, КФУ, 28 ноября 2024 г.

Исследовательская интуиция, которая у Ларисы Агдасовны развита очень сильно, и в этот раз ее не подвела. Она не только сумела сама включиться в новый теоретико-методологический материал, исследовав и обобщив его в ряде статей, а также в первом в отечественной социологии учебном пособии «Постмодернистская социология» [12], но и направить в русло конструкционизма интересы многих своих учеников, за что они, то есть мы, ей и благодарны. Так постепенно и вроде бы незаметно, шаг за шагом, складывалась Школа профессора Л.А. Бургановой.

Здесь уместно специальное обращение к наставническому таланту Ларисы Агдасовны. Сегодня, когда налицо кризис аспирантуры, представляющей собой механизм подготовки научных кадров или, говоря научным языком, механизм межпоколенческого взаимодействия, отношений научного наставничества, это представляется особенно актуальным. В наставнической функции не бывает мелочей, наставник не только лично учит и даёт критическую оценку деятельности своих учеников, но и создает для них соответствующую информационную среду, которая даже опосредованно способствует их развитию.

Приведу небольшой пример из собственного опыта. Когда-то передо мной самим, молодым аспирантом по социологии и историком по базовому образованию, стояла непростая задача начать научную и педагогическую работу в малознакомой сфере социологического знания. Удалось мне осуществить такой переход в основном при помощи учебников Ларисы Агдасовны, где простым и доступным языком разъяснялись даже самые сложные социологические понятия. С тех пор, когда студенты обращаются с просьбой порекомендовать им учебники для более глубокого изучения социологии, то я неизменно в числе первых рекомендую работы профессора Л.А. Бургановой. Сам, по-прежнему, к ним обраща-

юсь, потому что они подходят для всех, от начинающих студентов, более понимающих аспирантов и до опытных маститых социологов.

На наш взгляд, феномен научного наставничества представляет собой вообще малоисследованную сферу деятельности ученого-педагога. Зачастую научное наставничество отождествляется с деятельностью по созданию своей научной школы из своих учеников, что не вполне корректно, не отражает полностью его сущность. Научное наставничество, на наш взгляд, – это комплекс отношений между педагогами-учеными и учениками, включающий педагогические, научно-исследовательские, психологические, коммуникативные отношения. То есть подготовка научных кадров становится процессом, основанным на переплетении не только научно-исследовательских, но и особых педагогических и коммуникативных функций.

Наставничество в науке представляет собой особый путь и требует длительного и глубокого исследовательского и педагогического созревания. Начало складывания научной школы профессора Л.А. Бургановой датируется 2000 гг., после которого одна за другой начинают защищаться кандидатские диссертации под её руководством. Первой состоялась защита диссертации И.В. Булкиной [13], а следом, уже в 2001 г., под руководством Ларисы Агдасовны защищала свою кандидатскую диссертацию И.В. Терентьева [14].

Позволим небольшой иллюстрирующий штрих от автора этих строк для характеристики наставнических компетенций профессора Л.А. Бургановой, её умения создать синергетический эффект преемственности и построения развивающей среды для своих учеников. Тема моей диссертации была «Конструирование образа современного военного конфликта средствами массовой информации», а защита состоялась в 2002 г. [15]. Казалось бы, тема моей диссертации весьма далека от проблемы первой защищенной под руководством моего научного наставника диссертации, но благодаря налаженному обмену научными идеями внутри складывающейся научной школы Л.А. Бургановой у меня возник интерес к трудам и идеям Гарольда Лассуэлла, что в дальнейшем расширило методологическую базу диссертации и способствовало большей основательности моей концептуальной схемы анализа.

Специфика наставнической технологии Ларисы Агдасовны, таким образом, состоит не только в выстраивании собственной прочной коммуникации со своими учениками, но и в налаживании системы обмена информацией между ними, организации системы взаимоподдержки, взаимоконсультирования, то есть создания всего того, из чего состоит развивающая среда. На мой взгляд, во многом благодаря этому и возникал тот удивительный синергетический эффект и феноменальные результаты, которые проявились с самого начала наставнической деятельности профессора Л.А. Бургановой.

Проиллюстрирую еще на нескольких примерах наставнические технологии Ларисы Агдасовны. В 2002 г. под ее научным руководством защищаются сразу две диссертации – Ж.В. Журавлевой [16] и П.А. Корнилова [15], а в следующем, 2003 г., целых три – Е.Г. Савкиной [17], О.Ю. Новиковой [18] и Ю.Н. Соловаровой [19]! В 2004 г. выпускается с защитой один аспирант – Р.Н. Мингалеев [20]. На языке науки данное явление можно назвать «исследовательской волной», а их продуцирование – «волновыми технологиями». О технологическом характере данного процесса говорит то, что это далеко не единичный случай. В 2005 г. снова происходит защита двух диссертаций – А.Н. Борисовой [21] и Л.Д. Яруллиным [22]), в 2007 г. состоялась защита Л.Г. Хадиевой [23], а в 2009 г. – уже четырех: О.В. Юрьевой [24], С.В. Батайкиной [25], А.В. Аляева [26] и Ю.В. Жадько [27]). Однако тут можно обнаружить признаки и научной супер-волны, поскольку в 2010 г. состоялись две защиты диссертаций, одна из которых кандидатская – О.В. Скрылевой [28], а другая докторская – Н.В. Губиной [8]. С 2011 по 2016 гг. состоялись три защиты кандидатских диссертаций – К.Н. Ахмадеевой [29], О.Ю. Юрьевой [30] и Э.М. Акмаловой [31].

Подготовка и защиты докторских диссертаций, безусловно, стоят особняком и заслуживают особого внимания как новая отдельная вершина в наставнической деятельности профессора Л.А. Бургановой наряду с разработкой и продвижением в отечественной социологии методологии социального конструкционизма и создания научной школы по разработке конструкционистского подхода к анализу социальных проблем российского общества. В этом плане наиболее познавательным для понимания масштаба Ларисы Агдасовны как научного руководителя является рассмотрение кейса её наставничества и взаимодействия в отношениях со своей ученицей Жанной Владимировной Савельевой. Последняя в настоящее время уже сама является наставником и имеет успешные защиты кандидатских диссертаций своих учеников. На данном примере можно наблюдать преемственность поколений, дальнейшую передачу научной и наставнической традиции.

В 2002 г. Жанна Владимировна защищала под руководством Л.А. Бургановой кандидатскую диссертацию по очень актуальной на то время проблеме «ВИЧ-инфекция и СПИД в масс-медиа: конструирование социальной проблемы», а спустя 10 лет, в 2012 г., уже состоялась защита докторской по теме: «Конструирование социальной проблемы здоровья и болезни средствами массовой коммуникации: институциональные и дискурсивные контексты». Многолетнее сотрудничество учителя и ученика было ознаменовано и рядом совместных

публикаций, в частности, в ведущем российском социологическом журнале «Социологические исследования» [32].

Характерной чертой наставнического стиля профессора Л.А. Бургановой всегда было установление не только деловых, но и глубоких личных связей в системе взаимодействия «учитель – ученик». Такой подход способствовал длительному и плодотворному сотрудничеству, которое не заканчивалось с защитой диссертации. Личные и деловые отношения продлеваются и выливаются в дальнейшие совместные проекты и публикации. Одним из секретов, вероятно, является оптимальное сочетание уникальных свойств личности человека и педагога, позволяющие разглядеть способности и потенциал ученика, а также оперативное определение перспектив успешного сотрудничества. Лариса Агдасовна со свойственной ей доброжелательностью и решительностью всегда могла не только предложить перспективному студенту поработать под её руководством, но и отказать в этом, если видела, что тот к этому не готов и исследовательского тандема не получится. Характерно, что для самих учеников такие решения шли только во благо.

Подобная интенсивная наставническая работа носит беспрецедентный характер, много ли вообще можно найти ученых-руководителей, которые были бы способны задавать и выдерживать такой темп подготовки научных кадров на базе освоения самых современных теоретических и методологических подходов. Само то, как Ларисе Агдасовне удавалось создавать и управлять такими диссертационными волнами, является загадкой и свидетельствует о высоком уровне организации научно-исследовательского процесса. Все диссертационные работы выдержали самую строгую проверку экспертов, некоторые из них можно считать прорывными в своих научных областях. Высший стандарт и эталонный характер диссертационных работ, подготовленных под руководством Ларисы Агдасовны, отмечали все, даже те, кого можно отнести к ее критикам и недоброжелателям.

Школа профессора Л.А. Бургановой продолжает жить и развиваться, под ее руководством собираются новые ученики, а «старые» идут дальше… Юбилей – это веха, открывающая очередной этап жизни. У Ларисы Агдасовны много планов и можно пожелать ей не только осуществления задуманного (в этом-то как раз, учитывая ее характер, сомневаться не приходиться), а их скорейшего осуществления. Профессор Л.А. Бурганова постоянно ставит перед собой и своими учениками все новые, более сложные научно-исследовательские задачи, намечает новые направления движения. Останавливаться, к нашему счастью, она явно не собирается и к следующему юбилею порадует нас новыми свершениями и достижениями. Остается только поздравить и пожелать Ларисе Агдасовне на избранном пути сил, крепкого здоровья, полноты жизненной энергии, бодрости духа и реализации всех своих начинаний!

Литература:

1. Бурганова Л.А. Ранняя американская социология: поиски теории социального порядка и прогресса. Монография. М.: Изд-во ИИКЦ «Эльф-3», 2005. 302 с.
2. Бурганова Л.А., Цейтлин Р.С., Иванов В.Г., Курамшин И.Я. Система образования в Республике Татарстан: состояние и перспективы. Казань: РИЦ «Школа», 2001. 164 с.
3. Бурганова Л.А., Ильдарханова Ф.А., Хадиева Л.Г. Репродуктивные установки молодежи: монография. Казань: Изд-во «ФЭН», 2009. 100 с.
4. Бурганова Л.А., Савкина Е.Г. Элтон Мэйо: теоретик и практик управления. М.: ИНФРА-М, 2012. 111 с.
5. Бурганова Л.А. Теория управления: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2005. 140 с.
6. Бурганова Л.А. История социологии: учебное пособие для бакалавров. В 2 ч. Ч. 1. Казань: Изд-во КНИТУ, 2020. 120 с.; Ч. 2. Казань: Изд-во КНИТУ, 2021. 84 с.
7. Бурганова Л.А. Ранняя американская социология: учебное пособие. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2025. 114 с.
8. Губина Н.В. Управление социальным тонусом монопрофильного города: автореф. дисс. ... докт. соц. наук. Казань, 2010. 47 с.
9. Савельева Ж.В. Конструирование социальной проблемы здоровья и болезни средствами массовой коммуникации: институциональные и дискурсивные контексты: автореф. дисс. ... докт. соц. наук. Казань, 2012. 42 с.
10. Бурганова Л.А., Мягков Г.П. Цифровизация образования в контексте явного и неявного знания // Университет как фактор модернизации России: история и перспективы (к 55-летию ЧГУ им. И.Н. Ульянова): материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Редкол.: А.Ю. Александров [и др.]. Чебоксары: Среда, 2022. С. 310–312.
11. Бурганова Л.А., Панкова Л.Н. Ранняя американская социология: становление парадигмы // История социология: В 3 кн.: Учебник. / Под ред. проф. В.И. Добренькова. Кн. 1: История социологии (XIX – первая половина XX в.). М.: ИНФРА-М, 2004. С. 466–496.

12. Бурганова Л.А. Постмодернистская социология: учеб. пособие. Казань: КГТУ, 2004. 116 с.
13. Булкина И.В. Теория политической коммуникации Гарольда Лассуэлла: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2000. 19 с.
14. Терентьева И.В. Социальная политика в переходный период: модель Татарстана: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2001. 19 с.
15. Корнилов П.А. Конструирование образа современного военного конфликта средствами массовой информации: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2002. 22 с.
16. Журавлева Ж.В. ВИЧ-инфекция и СПИД в массмедиа: конструирование социальной проблемы. Казань, 2002. 19 с.
17. Савкина Е.Г. Социально-управленческая теория Элтона Мэйо: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2003. 22 с.
18. Новикова О.Ю. Государственное регулирование занятости и безработицы в Республике Татарстан (1991 – 2002 гг.): автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2003. 20 с.
19. Соловарова Ю.Н. Институционализация местного самоуправления: социокультурный контекст конструирования (на материалах Республики Татарстан): автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2003. 25 с.
20. Мингалеев Р.Н. Конструирование имиджа региона российскими СМИ (на примере Республики Татарстан): автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2004. 21 с.
21. Борисова А.Н. Государственная поддержка малого предпринимательства: специфика региональных приоритетов (опыт Республики Татарстан): автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2004. 22 с.
22. Яруллин Л.Д. Стратегическое управление системой высшего образования на региональном уровне (на примере Республики Татарстан): автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2005. 22 с.
23. Хадиева Л.Г. Конструирование репродуктивных установок: феноменологический анализ: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2007. 23 с.
24. Юрьева О.В. Профессиональная компетенция в сфере государственного и муниципального управления: социологический анализ: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2009. 26 с.
25. Батайкина С.В. Имидж государственной службы как социальный конструкт: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2009. 18 с.
26. Аляев А.В. Интерпретационный контроль управленческих решений: национальные проекты РФ в дискурсивных технологиях СМИ: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2009. 22 с.
27. Жадько Ю.В. Развитие ресурсного потенциала работника коммерческой организации в условиях информатизации трудовой деятельности: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2009. 26 с.
28. Скрылева О.В. Регулирование профессиональной адаптации молодых работников промышленного предприятия: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2010. 29 с.
29. Ахмадеева К.Н. Конструирование гендерных стереотипов в управлении: тематический репертуар дискурсивных практик и стратегий: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Уфа, 2011. 23 с.
30. Юрьева О.Ю. Управление организационными изменениями на государственной гражданской службе: социологический анализ: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород, 2015. 16 с.
31. Акмалова Э.М. Стратегии поведения молодежи на неформальном рынке труда: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Саранск, 2016. 20 с.
32. Бурганова Л.А., Савельева Ж.В. Медикализация и эстетизация здоровья в рекламной коммуникации // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 100–107.

Mentoring Lessons in Sociology: on the Anniversary of Professor L.A. Burganova

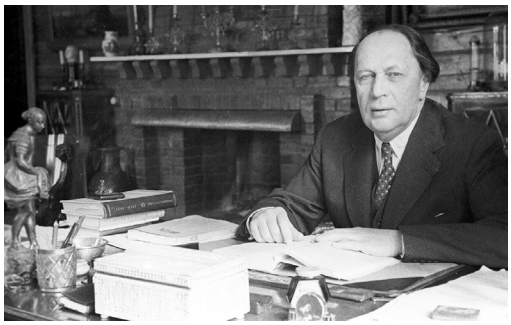
Kornilov P.A.
The Kazan National Research Technological University

The article examines the features of Professor L.A. Burganova's life and professional activity in the post-Soviet period of the development of Russian sociology. The main attention is paid to the analysis of the researcher's research and scientific and pedagogical contribution, the formation of a mentoring model and technologies for educating students by Professor L.A. Burganova within the framework of the scientific sociological school she created.

Keywords: L.A. Burganova, jubilee, Russian sociology, mentoring, education technologies, teacher, scientific communication, scientific school, social constructionism

«Красный граф» в Казани

Урецкий В.Я.
Член Союза журналистов России и Республики Татарстан

В начале XX в. в доме городского казанского архитектора Константина Саввиновича Олешкевича (1873–1937), к тому времени уже внёсшего значительный вклад в формирование архитектурного облика Казани, произошёл драматический инцидент. Олешкевич пригласил своего обидчика к себе домой и под угрозой револьвера ударил хлыстом. Потерпевшим оказался недоучившийся студент Петербургского технологического института, будущий автор «Петра I», «Хождения по мукам», «Аэлиты» и других всемирно известных произведений, русский и советский писатель граф ***Алексей Николаевич Толстой*** (1883–1945). Знакомство Олешкевича и Толстого состоялось в конце 1905 г., когда граф с молодой женой Юлией Рожанской и сыном приехали в Казань к родителям Юлии, жили они в деревянном доме на улице Ново-Горшечной, 30 (сегодня это улица Бутлерова, дом не сохранился). Семьи Алексея Толстого и Константина Олешкевича подружились, они часто проводили свободное время вместе. Однако в один из дней Константин, приревновав Алексея к своей жене, решил наказать его таким способом. Толстой не остался в долгу, на следующий день он подстерёг Олешкевича на улице, когда тот ехал в коляске на службу, и отхлестал нагайкой. Зная буйный нрав архитектора и опасаясь продолжения взаимных побоев, Алексей Толстой спешно выехал в Петербург, даже не захватив с собой молодую жену и ребёнка. Однако не только этот драматический инцидент связывает одного из самых талантливых и ярких советских писателей, известного в СССР под ироничным прозвищем «красный граф», с Казанью.

Впервые Толстой увидел Казань в конце мая 1901 г. После окончания Самарского реального училища он отправился в Петербург, чтобы поступить в Технологический институт. Вместе с сопровождавшей его матерью они плыли на теплоходе по Волге до Нижнего Новгорода. Во время остановки в Казани Алексей с интересом знакомился с городом. О своих впечатлениях он писал в письме своему отчиму Алексею Бострому (1852–1921): «Был в Казани – очень понравился город, лучше Нижнего, хотя и меньше, на всём лежит аристократический отпечаток, что ни говори – университетский город». Только в юности Алексей узнал, что его родным отцом был граф Николай Толстой (1849–1900), а не Алексей Бостром, чью фамилию и отчество он получил при рождении.

Летом 1902 г. Алексей Толстой вновь посетил Казань, на этот раз проездом, с ночевкой. Он направлялся на Сюгинский стекольный завод Елабужского уезда Вятской губернии (ныне ОАО «Свет» г. Можга) для прохождения студенческой практики после окончания 1 курса Санкт-Петербургского технологического института. Управляющий завода инженер – технолог Сергей Александрович Шишков приходился Толстому троюродным дядей. В его доме Алексей провёл всё лето. Наблюдения, полученные в Елабуге, нашли своё отражение в романе «Хромой барин» и пьесе «Касатка». А в повести «Мишука Наумов» («Заволжье») Толстой использовал внешность и некоторые черты характера Сергея Шишкова.

В июле 1905 г. Алексей Толстой снова в Казани. Он вместе с семьёй приехал на лето к родителям жены. Отец Юлии Васильевны, практикующий в Казани (ранее в Самаре) врач, доктор медицины Василий Михайлович Рожанский (1853–1914), владел домом в Казани и дачей в Верхнем Услоне. В кругу семьи Рожанских Алексей жил довольно спокойно, посвящая часы досуга поэзии. Однако его увлечение литературой в семье считали несерьёзным, полагая, что он повзрослеет и всё пройдёт. К началу учебного года, оставив маленького сына в семье Рожанских, Алексей Николаевич и Юлия Васильевна возвращаются в Петербург. Юная жена была слушательницей женских медицинских курсов. В столице они стали свидетелями событий первой русской революции. Высшие учебные заведения были закрыты, а помещения отданы солдатам царской армии. В результате, в ноябре 1905 г. Толстые вернулись в Казань, где

провели около двух месяцев. В это время здесь развернулись революционные события: массовые забастовки на фабриках и заводах (стачки алафузовских рабочих), вооружение рабочих дружин и их столкновения с правительственными войсками. Алексей Толстой не принимал непосредственного участия в этих событиях, но они привлекли внимание начинающего писателя к народной жизни, психологии и чаяниям простых людей. В это время Толстой писал много стихов, пытался издавать в Казани газету, но разрешения на это не получил. Однако Алексей твёрдо решил посвятить свою жизнь писательскому делу. В Казани исполнилась его мечта: были опубликованы стихи, напечатанные в либеральной газете «Волжский листок», редакция размещалась в здании Пассажа (ул. Кремлёвская, 17). Газета носила общедемократический характер: широкий охват читательской аудитории, разнообразие материалов и солидный авторский коллектив приносили «Волжскому листку» большую популярность. 6 декабря в этой газете появилось стихотворение Алексея Толстого «Далёкие», 18 декабря – «Сон» и 1 января 1906 г. в праздничном номере «Волжского листка» – стихотворение «Новый год». Стихотворения интересны как отклик на события революции и ценны искренним сочувствием к её героям. В письме из Казани от 7 января 1906 г. Алексей Николаевич писал своей матери: «Посылаю тебе одно из напечатанных моих стихотворений, у меня их поместили всего три, и заметку, касающуюся тебя, мама». Это была его первая публицистическая заметка «Письмо в редакцию» о проблемах учителей народных училищ города Казани от 9 декабря 1905 г. Таким образом, именно в Казани Алексей Толстой начал свою литературную деятельность. О чём позднее вспоминал: «Основные причины, приведшие меня в литературу, были причинами социальными». Здесь он встречался с прогрессивной интеллигенцией, впечатления от жизни того времени легли в основу переживаний и раздумий Ивана Ильича Телегина в романе «Хождения по мукам». В Казани Толстые встретили рождественские праздники и новый 1906 г. 13 февраля 1906 г. для окончания института Толстой вернулся в Петербург. Но из-за студенческих беспорядков институт был закрыт, начались аресты, многие студенты выехали за границу. Алексей Николаевич, намереваясь продолжить обучение в Королевской Саксонской высшей технической школе в Дрездене, покидает Россию. Однако спустя несколько месяцев он возвращается на родину. Вновь Казань Толстой посетит в середине июля 1906 г., но ненадолго. 25 июля он получает известие о смерти матери и выезжает на её похороны. Следующая встреча Толстого с Казанью состоится в октябре 1941 г. За это время в его жизни и стране произойдёт множество значительных событий. Судьба и творчество Алексея Николаевича полны тайн и противоречий, которые до сих пор вызывают интерес у исследователей.

Во время Первой мировой войны в декабре 1914 г. Алексей Толстой вместе со своей третьей женой, поэтессой Натальей Крандиевской (1888–1963) отправляется на фронт. Он становится военным корреспондентом газеты «Русские ведомости», а она – сестрой милосердия. Алексей Николаевич писал: «Мы даже не знали, любим ли мы нашу страну. Или так, проживаем в ней только. Война пробудила величайшее понятие «Отечество». Никогда не думал, что буду писать патриотические статьи. А, в самом деле, я стал патриотом». Все свои впечатления от поездок на фронт и воспоминания жены о работе в госпитале Толстой использует в романе «Хождения по мукам». Затем произошла Февральская революция 1917 г., которую Алексей Николаевич приветствовал, горячо поддерживая грядущие перемены. Но Октябрьскую революцию он не принял. Главной претензией к большевикам было то, что, заключив Брестский мир, они отдали немцам огромные территории. Русскому революционеру Николаю Чайковскому (1850–1926) Толстой писал: «В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед». Началась Гражданская война, голод и разруха, было принято решение бежать из России. В августе 1918 г. Алексей Толстой, его жена и двое детей уезжают за границу через Одессу в Константинополь. Долгий путь заканчивается во Франции. В Париже Толстой много работал, но денег всё равно не хватало, жизнь казалась тоскливой и неуютной. После пяти лет, проведённых в эмиграции, его отношение к покинутой родине и её новой власти изменилось. Он понял, что родина для него важнее всего. В мае 1923 г. Алексей Николаевич совершил «разведывательную» поездку в новую, неизвестную ему страну – Советскую Россию. Он понимал, что сильно рискует, не был уверен, что его встретят с распростертыми объятиями. К своему удивлению, Толстой получает тёплый приём. После чего принимает решение окончательно вернуться в Россию и летом 1923 г. переезжает со своей семьёй в Петроград. Поначалу было очень трудно, часто приходилось занимать деньги у друзей, чтобы купить на базаре продукты и необходимую одежду. Алексей Николаевич по-прежнему пытался заработать на жизнь литературным трудом, но долгое время не мог достичь успеха. Его семья оказалась на грани голода, но он не сдавался. Толстой был авантюристом, любил риск и верил в свою удачу, понимал, что нравится публике, как никто чувствовал конъюнктуру и умел писать книги, которые хорошо продавались. Однажды Алексей Толстой встретил своего давнего знакомого, писателя Павла Елисеевича Щёголева (1877–1931) и его жизнь изменилась

к лучшему. Павел Щёголев был членом Чрезвычайной следственной комиссии, которая в 1917 г. занималась расследованием преступлений Николая II, министров и приближённых к царю лиц. Вдвоем с Алексеем Толстым они написали пьесу «Заговор императрицы», где речь шла о желании Александры Фёдоровны заключить сепаратный мир с Германией и вместе с Распутиным захватить власть для царевича Алексея. Именно документы, собранные Щёголевым, стали основой для написания пьесы. В результате получилась историческая фальшивка, которая была талантливо написана, имела большой успех у советской публики и дала возможность Толстому хорошо заработать. А спектакль с одноимённым названием стал одним из наиболее популярных, только в столице он шёл одновременно на сценах 6 театров.

В 1927 г. Алексей Николаевич писал одному из своих друзей в Берлин о проведённых четырёх годах на родине: «За это время мне удалось собрать коллекцию картин европейского значения. Это – моя гордость». О благосостоянии Толстого ходили легенды. В 1928 г. семья перебралась из Ленинграда в Детское село, бывшее Царское, там писатель жил в роскошном десятикомнатном особняке, имел прислугу и автомобиль. Писатель Михаил Пришвин (1873–1954) называл их дом «единственным в стране реликтом московского быта». Да, Алексей Толстой был очень требователен к материальной стороне жизни: любил роскошь, любил красиво одеваться, ходить в рестораны. Будучи одним из любимых писателей Сталина, он всегда бравировал высоким происхождением. Но, у Толстого было много недоброжелателей и завистников. В одном из ресторанов произошёл неприятный инцидент. На Алексея Николаевича напал писатель Всеволод Вишневский (1900–1951) со словами: «Пока мы здесь кровь проливали за Советскую власть, некоторые там по «Мулен-Ружам» прохаживались, а теперь приехали на всё готовенькое!» После этих слов он запустил в Толстого бутылкой.

Алексей Толстой не забывает Казань, о ней он вспоминает в повести «Гадюка» написанной в 1928 г. Героиней повести стала дочь казанского купца Ольга Зотова. Толстой подробно рассказал о захвате города белочехами: перед нами встают картины Гражданской войны, ярко описаны улица Проломная (ныне ул. Баумана), пожар в доме Зотовых, военный госпиталь, где встречаются герои рассказа: «Ночью весь госпиталь был разбужен. Бегали доктора, санитары, волокли узлы. Сидели на койках испуганные больные. За окнами раскатывалась бешеная ругань. В Казань входили чехи. Красные эвакуировались. Все, кто мог уйти, покинули госпиталь». В конце июня 1935 г. Алексей Толстой в составе официальной советской делегации приехал в Париж на Всемирный конгресс писателей в защиту культуры. Тогда-то Алексей Николаевич и сказал давнему другу, художнику Юрию Анненкову: «Я – циник, мне на всё наплевать. Я – простой смертный, который хочет жить, хорошо жить, и всё тут. Мое литературное творчество? Мне и на него наплевать. Нужно писать пропагандные пьесы? Чёрт с ним, я и их напишу! Но только это не так легко, как можно подумать. Нужно склеивать столько различных нюансов! Я написал моего "Азефа" и он провалился в дыру. Я написал "Петра Первого" и он тоже попал в ту же западню. Пока я писал его, видишь ли, "отец народов" пересмотрел историю России. Петр Великий стал, без моего ведома, "пролетарским царем" и прототипом нашего Иосифа! Я уже вижу передо мной всех Иванов Грозных и прочих Распутиных реабилитированными, ставшими марксистами и прославленными. Мне наплевать! Эта гимнастика меня даже забавляет! Приходится действительно быть акробатом. Мишка Шолохов, Сашка Фадеев, Илья Эренбург – все они акробаты. Но они – не графы. А я – граф, черт подери. И наша знать (чтоб ей лопнуть) сумела дать слишком мало акробатов? Понял? Моя доля очень трудна». Вернувшись из эмиграции, Алексей Толстой старался сделать всё возможное для благополучия своей семьи. В 1930-е гг. настало время массовых политических репрессий, доносительство получило широкое распространение. Толстой вместе с Горьким и другими писателями ездил на строительство печально знаменитого Беломорканала, вместе с ними он воспел великую стройку. Это был их общий и его личный позор и трагедия. Но Алексей Толстой был благородным, не был мстительным, не писал доносов на своих коллег и многим сумел помочь. В архиве Литературного института хранится папка, заведённая на Георгия Эфрона, в которой есть ходатайства Толстого о зачислении его в институт, а затем и на переводческое отделение. Алексей Толстой заботился об Анне Ахматовой, несмотря на её неважное к нему отношение. Он сделал всё возможное, чтобы в 1940 г. вышла книга стихов Ахматовой. Обращался с письмами лично к Сталину, пытался помочь несправедливо осужденным. В 1937 г., в самый разгар сталинских репрессий, по заказу отца народов Толстой создал роман «Хлеб». Гражданскую войну и роль в ней Сталина он описал в «Хлебе» так, как хотели вождь и его окружение. Толстой писал Ромену Роллану: «Этот роман – лучшее, что я написал. Я старался сделать мой роман занимательным – таким, чтобы его начать читать в полночь и кончить под утро и опять вновь перечитать». Алексей Николаевич искренне хотел служить новой власти. Он знал, на что идёт, жил по тем правилам, которые эта власть для него установила, и писал в соответствии с этими требованиями. Он считал, что должен создавать только то, что может быть немедленно напечатано. Нет ничего, что он написал бы в стол, для души, что вышло бы за рамки дозволенного. Так сложилось, что

граф стал вторым по величине советским писателем после Максима Горького, а когда тот умер, – первым. Лучшим художественным произведением Алексея Толстого считается роман «Пётр Первый», писатель тщательно подходил к мельчайшим деталям. Чтобы удостовериться, какие пуговицы были на кафтане царя, отправился в Эрмитаж, нашел сундук с его одеждой и убедился, что они гладкие, а не шершавые, как казалось на старых гравюрах, которые он изучал чуть ли – не с лупой. Роман был высоко оценен властями и одновременно понравился всем, и в России, и в эмиграции. Борис Пастернак писал: «Я в восхищении от толстовского «Петра» и с нетерпением жду его продолжения. Бесподобная вещь!» Мнение Горького было таким: «Книга – надолго, если не навсегда». Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) и Алексей Николаевич Толстой были знакомы, но их отношения не были простыми. Бунин признавал талант Толстого, считая его «редкой талантливостью» и «первоклассным работником». Однако он не мог смириться с популярностью писателя в Советском Союзе и не мог простить ему возвращение в Россию в 1923 г. Но, прочитав «Петра Первого», Иван Бунин написал в редакцию «Известий» записку: «Алёшка, хоть ты и сволочь, мать твою, но талантливый писатель. Продолжай в том же духе».

Доцент Наталия Фёдорова рассказала, что её коллега по работе, заведующий кафедрой истории СССР Казанского университета, советский историк Иван Михайлович Ионенко (1913–1989) вспоминал о встрече с Алексеем Толстым. Поводом для встречи послужило издание в 1934 г. первых двух книг исторического романа «Петр Первый». Оценка фигуры Петра Первого всегда была неоднозначной и вызывала споры, как в дореволюционный период, так и при Советской власти. Выход первых двух книг о становлении Петра Первого вновь подогрел интерес к его роли в истории России и вызвал жаркое обсуждение студенческой молодёжью его трактовки Толстым. Студенты – историки Ленинградского педагогического института (ЛГПИ) им. А.И. Герцена решили лично встретиться со знаменитым писателем, чтобы довести до его сведения резолюцию своего диспута и получить из первых уст ответы на интересовавшие их вопросы. Инициатором встречи был студент ЛГПИ Иван Ионенко.

Алексей Толстой на I Всесоюзном съезде советских писателей 1934 г.

Беседа студентов с писателем состоялась в загородном доме Алексея Толстого под Ленинградом. Молодых людей встретил пожилой мужчина, вероятно, слуга или смотритель дома, и провёл смущённых посетителей к «графу», так он обращался к хозяину. Алексей Николаевич встретил студентов в халате и выглядел как настоящий граф или барин. Всё это несколько обескуражило выходцев из рабоче-крестьянской среды, но не охладило их пыл. Горячие доводы студентов о выдающейся роли Петра Первого в российской истории были им внимательно выслушаны. Понятно что обстановка в стране менялась, прежнее негативное отношение к царям и всем их реформам уже было не актуально. Сам Иосиф Сталин теперь нередко сравнивал себя с правителями дореволюционной России, а за ним изменилось отношение и высших советских руководителей к Петру Первому, который представлялся теперь как великий реформатор. Что, естественно, не мог не учитывать и Алексей Толстой.

С самого начала Великой Отечественной войны Алексей Толстой начал создавать произведения для фронта. За годы войны он написал около шестидесяти публицистических материалов (очерков, статей, обращений, зарисовок о героях, военных операциях). Именно он стал автором знаменитого лозунга: «За Родину! За Сталина!». Впервые этот лозунг был опубликован в газете «Правда» 25 декабря 1939 г. в статье, посвящённой 60-летию Сталина. В октябре 1941 г. Алексей Толстой приехал в Казань, куда были эвакуированы многие писатели. В Доме печати на улице Баумана, 19 (сегодня Гостиничный комплекс «Ногай») располагался клуб им. Г. Тукая, который некоторое время служил общежитием для писателей и членов их семей, направленных в Чистополь, Ташкент и Алма-Ату. В этом клубе Толстой дважды выступил перед казанскими и эвакуированными писателями. Его первое выступление было посвящено теме «Что такое герой и героизм». Затронул он и тему героизма татарского народа. Он обещал собравшимся: «Придёт время и я напишу о героизме в войне представителей татарского народа». Во втором выступлении Алексей Толстой интересовался творчеством татарских писателей, рассказывал о себе и о том, что хорошо был знаком с Казанью до войны: «Казань для меня – город почти родной. Здесь я учился. Здесь произошло мое литературное «боевое крещение», здесь же я пережил и свою первую любовь». Посетил он двух своих коллег находившихся эвакуированными в Казань. Французского писателя, антифашиста Жана – Ришара Блока (1884–1947), который снимал комнату в татарской семье на улице Куйбышева, 14 (сегодня улица Пушкина), комната была подвальной. Об этой встрече Илье Эренбургу Толстой рассказывал так: «Жан – Ришар утешал хозяйку, муж её был на фронте: «Скоро немцев расколотят…» «Да что её, – добавлял, смеясь, Алексей

А. Толстой и А. Фадеев

Николаевич, – он и меня развеселил. Настроение у меня было отвратительное – сводки, хлеб не убран, люди повесили нос – словом, пакость, а француз-то наш спокойно мне объясняет, что Гитлер обречен, это как дважды два. Мороз ужасный, он, бедняга, не привык, пьет чай без сахара и улыбается…». В эти же дни Алексей Николаевич побывал в гостях у поэта Демьяна Бедного (1883–1945) на улице Б. Галактионовской, 17 (сегодня ул. М. Горького), жил он там вместе со своей семьёй с осени 1941 г. до весны 1942 г. Для газеты «Красная Татария» Толстой написал статью «Москве угрожает враг», которая была опубликована 19 октября 1941 г. Статьи Алексея Толстого во время войны пользовались огромной популярностью. Они публиковались в газетах и журналах, а также издавались отдельными сборниками. В 1942 г. в Казани был издан сборник газетных статей Алексея Толстого «Родина». Не смотря на столь великие заслуги перед советской властью, в последние годы жизни над головой Толстого стали сгущаться тучи. Писатель Александр Фадеев (1901–1956) рассказал советскому литературоведу Корнелию Зелинскому (1896–1970) о своём разговоре со Сталиным последней военной зимой. Иосиф Сталин вызвал Фадеева в Кремль и, не предложив сесть, начал говорить, что вокруг первого секретаря Союза писателей матерые шпионы, а он их не видит. Сталин указал на некоторых из них и сказал: «Ну, если вы такой беспомощный, товарищ Фадеев, то я вам укажу их имена. Павленко – крупный шпион, Эренбург – международный шпион, не делайте вид, что не знаете. Алексей Толстой – английский шпион. Почему вы их не разоблачили, товарищ Фадеев, а? Идите и подумайте над своим поведением». Но долго думать Фадееву не пришлось, Толстой избежал печальной участи «шпиона» и «врага» тем, что через несколько месяцев после этого разговора, 23 февраля 1945 г., не дожив до желанной победы, умер. По всему Советскому Союзу был объявлен государственный траур. Алексей Толстой занимал общественные посты, был академиком АН СССР, Лауреатом Сталинских премий первой степени. Автором огромного количества социально-психологических, исторических и научно – фантастических романов, повестей и рассказов. Но никто из государственных деятелей кроме Прокурора СССР Андрея Вышинского (1883–1954) и Николая Шверника (1888–1970) не пришёл на его похороны. Возможно, причина была в изменившемся к нему отношении Сталина. Урна с прахом «красного графа» была торжественно захоронена в Москве на Новодевичьем кладбище.

Информация об авторах

Абдуллазаде Наиль Руфат оглы – магистр международных отношений, ассистент кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48 Тел.: (812) 312-44-92 e-mail: nailabdulla@rambler.ru

Абрамов Руслан Агарунович – доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
117997, Москва, Стремянный пер., 36 Тел.: +7(499) 237-86-56 email: AbramovRA@mgpu.ru

Анисимов Александр Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент,заместитель директора по учебно-методической работе факультета информационных технологий, доцент кафедры информационного менеджмента им. профессора В.В. Дика Университета «Синергия»
129090, Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1 Тел.: (495) 663-93-84 e-mail: anisimov_au@mail.ru

Бадретдинов Айнур Ильдарович – адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России Республика Башкортостан
450091, Уфа, ул. Муксинова, 2 Тел.:+7 (347) 254-82-62 e-mail: badretdinov.ainur@rambler.ru

Балынин Игорь Викторович – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: igorbalynin@mail.ru

Бачуринская Екатерина Сергеевна – бакалавр кафедры культурологии и искусства Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д. 10 Тел.: +7 (812) 465-66-99 e-mail: katya.bachurinskaya@gmail.com

Бачуринская Ирина Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: basia@mail.ru

Белянина Мария Геннадиевна – адвокат Адвокатского бюро г. Москвы «Парадигма»
123112, Москва, Пресненская набережная, 8, стр. 1 Тел.: +7 495 649-41-41 e-mail: e-mail: anwalt2021@gmail.com

Бурганова Лариса Агдасовна – доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: labourg@yandex.ru

Бусурин Сергей Владимирович – аспирант кафедры экономики и менеджмента, Академия труда и социальных отношений, Председатель Новгородской областной федерации профсоюзов
119454, Москва, ул.Лобачевского, д.90 Тел.: +7(495) 437-21-06 e-mail: priem@atiso.ru

Вайсбург Александра Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета
170026, Тверь, наб. Аф. Никитина, д. 22 Тел.: +7(4822) 52-42-23 e-mail: lassie1@inbox.ru

Волченко Анастасия Владимировна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, майор полиции
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: (4722) 55-71-13 e-mail: espy207@yandex.ru

Гали Аскар Ильшатович – ассистент кафедры международных экономических отношений Казанского (Приволжского) федерального университета 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: askar-gali@mail.ru

Гарипов Руслан Фаритович – кандидат юридических наук,доцент кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: ruslanweb@bk.ru

Гетьман Ксения Алексеевна – аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85 Тел: +7(4722) 30-12-11 e-mail:Info@bsu.edu.ru

Гордеева Полина Евгеньевна – магистр Московского городского педагогического университета
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп.1 Тел.: +7 (499) 181-65-52 email: Gordeevape273@mgpu.ru

Григорьев Дмитрий Андреевич – аспирант кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99 Тел.: +7 (495) 377-89-14 e-mail: dga3169@mail.ru

Гурбанова Фахрия Ибрагим кызы – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного публичного право Бакинского государственного университета
НЕ 1148, Республика Азербайджан, Баку, ул. Ак. Захида Халилова, 33 Тел.: (+994 12)539 05 17 e-mail: info@bsu.edu.az

Гурьянова Вера Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, доцент кафедры теории и истории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: gurjanova.vera2013@yandex.ru

Давлетшин Дамир Вахитович – аспирант кафедры кафедра государственного и муниципального управления Владимирского филиала – Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
600017, Владимир, ул. Горького, д. 59а Тел.: +7 (4922) 33-21-53 e-mail: post@vlad.ranepa.ru

Демидова Светлана Евгеньевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов финансового факультета, ведущий научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: demidovapsk@gmail.com

Евлампиева Екатерина Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления экономического факультета Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д. 10 Тел.: +7 (812) 465-66-99 e-mail: katrinns@yandex.ru

Зайцева Ксения Сергеевна – студент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления НИНХ
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: rector@nsaem.ru

Зарезнов Дмитрий Александрович – соискатель кафедры строительных материалов Казанского государственного архитектурно-строительного университета
420043, Казань, ул. Зеленая, 1 Тел.: +7(843)510-46-01 e-mail: info@kgasu.ru

Зиганшин Рашит Рашитович – аспирант кафедры конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ»
420111, Казань, ул. Муштари, 13 Тел. +7(843)236-92-97 e-mail: rashikz@rambler.ru

Ибрагимова Алиса Мансуровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры основ управления, организации и цифровизации прокурорской деятельности Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
420111, Казань, ул. Московская, д.41 Тел.: +7 (843) 590-45-31 e-mail: alissamansurovna@yandex.ru

Иванов Антон Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного гуманитарного университета
420097, Казань, ул. Шмидта, д. 35 а Тел.: +7(843) 236-93-16 e-mail: rggu-kazan@mail.ru

Игонин Денис Иванович – кандидат политических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Идрисов Тимур Рустемович – аспирант кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Казанцев Юрий Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономической политики Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления НИНХ
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: rector@nsaem.ru

Калинина Елена Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48 Тел.: (812) 312-44-92 e-mail: bellaflor@mail.ru

Каримова Ксения Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Северо-Западного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
199178, Санкт-Петербург, Средний пр. Васильевского острова, д.57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: Tarasova-ks@ranepa.ru

Касимов Рустам Нуруллович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук
426067, Ижевск, ул. им. Т.Барамзиной, 34 Тел.: +7 (3412) 50-82-00 e-mail: kasdan@yandex.ru

Квон Гульнара Магсумовна – доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: usue@usue.ru

Кобчикова Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: mix-les@mail.ru

Ковалева Елена Олеговна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета
170026, Тверь, наб. Аф. Никитина, д. 22 Тел.: +7(4822) 52-42-23 e-mail: common@tstu.tver.ru

Когтева Анна Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры информационной безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России, профессор кафедры уголовного права и процесса Университета управления «ТИСБИ»
420018, Казань, ул. Магистральная, 35 Тел.: +7 (843) 277-80-77 e-mail: main@kuimvd.ru

Конюшков Андрей Игоревич – преподаватель кафедры общего земледелия, растениеводства, и селекции Дальневосточного государственного аграрного университета
675005, Благовещенск, ул. Политехническая 86 Тел.: +7 (4162) 99-51-12 e-mail: konyushkov.99@mail.ru

Корнилов Петр Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, истории, социологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: office@kstu.ru

Коротенко Александр Филиппович – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Университета управления «ТИСБИ»
420111, Казань, ул. Муштари, 13 Тел. +7(843)236-92-97 e-mail: alkor700@gmail.com

Косарева Анастасия Владимировна – ассистент кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: avp9308@mail.ru

Кострова Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России
603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3 Тел.: +7(831) 421-72-53 e-mail: okostrova2007@yandex.ru

Круглова Елена Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: ELKruglova@fa.ru

Кукушкина Ольга Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: kukushkina.oy@gmail.com

Лаптев Валентин Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: vavla@rambler.ru

Ларионова Нина Борисовна – старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: kznraj@gmail.com

Лаукарт-Горбачева Ольга Викторовна – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой общественных наук Рыбинского государственного авиационного технического университета имени П.А. Соловьёва
152934, Рыбинск, ул. Пушкина, д. 53 Тел.: +7 (4855) 23-97-22 e-mail: laukart_ov@rsatu.ru

Леонов Алексей Александрович – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры агроинженерии Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова
650056, Кемерово, ул. Марковцева, 5 Тел.: +7(3842) 73-43-59 e-mail: rector@ksai.ru

Лысенко Анастасия Андреевна – старший преподаватель кафедры финансового контроля и казначейского дела Финансового факультета, младший научный сотрудник Института финансовых исследований Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: analysenko@fa.ru

Макаров Тимофей Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры гражданского права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: timamakarov@mail.ru

Макаров Тимофей Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры гражданского права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail:: timamakarov@mail.ru

Мельниковская Алёна Олеговна – старший преподаватель кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: 2954853@mail.ru

Миннебаев Гаяз Фаритович – аспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20 Тел: +7(843) 292-45-21 e-mail: gayaz.minnebaev@mail.ru

Молявина Анна Анатольевна – студент кафедры общественных финансов финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Мусаев Александр Константинович – аспирант кафедры экономики Университета управления «ТИСБИ»
420111, Казань, ул. Муштари, 13 Тел. +7(843)236-92-97 e-mail: Musaev.ak@mail.ru

Мусаев Роман Константинович – аспирант кафедры экономики Университета управления «ТИСБИ»
420111, Казань, ул. Муштари, 13 Тел. +7(843)236-92-97 e-mail: 0364790@mail.ru

Мустафина Гульяр Назметдиновна – старший преподаватель кафедры информатики и вычислительной математики, начальник центра информационных технологий Набережночелнинского государственного педагогического университета
423806, Набережные Челны, ул. Низаметдинова Р.М., 28 Тел.: +7 (8552) 46-62-16 e-mail: ngpi@tatngpi.ru

Мюллер Дмитрий Георгиевич – кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: muller-dg@yandex.ru

Ндувимана Жанвье – аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Ненашева Анастасия Сергеевна – студент Высшей школы права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
117997, Москва, Стремянный пер., 36 Тел.: +7(499) 237-86-56 e-mail: Nenasheva_05@inbox.ru

Нигматуллин Адель Раилевич – студент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии
410056, Саратов, ул. Вольская, дом 1 Тел.: +7(8452) 29-56-58 e-mail: adel.railevich@yandex.ru

Низамова Аида Ханифовна – старший преподаватель кафедры водоснабжения и водоотведения Казанского государственного архитектурно-строительного университета
420043, Казань, ул. Зеленая, 1 Тел.: +7(843)510-46-01 e-mail: nizamova_a_h@mail.ru

Олифир Денис Игоревич – кандидат географических наук, доцент кафедры туризма, гостеприимства и сферы обслуживания Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д.10 Тел.: +7 (812) 465-66-99 e-mail: priemlgu@lengu.ru

Орлов Сергей Леонидович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: orlovsl2011@yandex.ru

Осиповская Марина Петровна – кандидат педагогических наук, доцент отделения общей и коррекционной педагогики и психологии Приволжского межрегионального центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: osipovskaya-m@mail.ru

Павлова Анастасия Сергеевна – младший научный сотрудник Института финансовых исследований Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: anastasya-pavlova00@mail.ru

Поздеев Игорь Леонидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук
426067, Ижевск, ул. им. Т.Барамзиной, 34 Тел.: +7 (3412) 50-82-00 e-mail: udnc@udman.ru

Поздеева Ольга Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: ogp@usue.ru

Поляков Михаил Борисович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99 Тел.: +7 (495) 377-89-14 e-mail: polyakov-mb@mail.ru

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова
650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28 Тел.: +7 (3842) 58-30-14 e-mail: rector@kuzstu.ru

Рагозин Андрей Васильевич – кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник, директор Центра проблем организации, финансирования и межтерриториальных отношений в здравоохранении Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Русакова Майя Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, директор Центра прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9 Тел.: +7(812) 328 2000 e-mail: m.rusakova@spbu.ru

Рязанова Марина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: grimmdim@mail.ru

Сагуева Алина Низамиевна – магистр института экономики, права и управления Московского городского педагогического университета
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп.1 Тел.: +7 (499) 181-65-52 email: Saguevaan304@mgpu.ru

Самоделкин Сергей Игоревич – аспирант кафедры предпринимательства и конкуренции Университета «Синергия»
129090, Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1 Тел.: (495) 663-93-84 e-mail: samodelkin.s@internet.ru

Санкина Ольга Владимировна – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой агроинженерии Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова
650056, Кемерово, ул. Марковцева, 5 Тел.: +7(3842) 73-43-59 e-mail: rector@ksai.ru

Ситникова Ирина Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: lawyer2019@yandex.ru

Соколова Дарья Вячеславовна – студент кафедры общественных финансов финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Сундурова Оксана Федоровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Университета управления «ТИСБИ», доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: kznraj@gmail.com

Тимохина Галина Владимировна – магистрант Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85 Тел: +7(4722) 30-12-11 e-mail:Info@bsu.edu.ru

Ткач Сергей – ведущий социолог Центра прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9 Тел.: +7(812) 328 2000 e-mail: s.tkach@spbu.ru

Токарев Дмитрий Андреевич – студент Финансового факультета Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Фатхуллина Лилия Зинуровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии науки и социальной работы Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: lialfa@rambler.ru

Хабибуллин А.Р. – аспирант кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: a_khabibullin@bk.ru

Хабибуллина Гульнара Рушановна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: gulnarakh@inbox.ru

Хайруллина Юлдуз Ракибовна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, главный научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20 Тел: +7(843) 292-45-21 e-mail: iouldouz@narod.ru

Хакимуллина Резеда Фаязовна – адъюнкт кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России, старший лейтенант полиции
420018, Казань, ул. Магистральная, 35 Тел.: +7 (843) 277-80-77 e-mail: rezeda_hakimullina@mail.ru

Шайдуллин Римнур Марсович – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Университет управления «ТИСБИ» (Казань)
420111, Казань, ул. Муштари, 13 Тел. +7(843)236-92-97 e-mail: rimnurs@inbox.ru

Швецов Лев Константинович – аспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20 Тел: +7(843) 292-45-21 e-mail: leoshvecov@gmail.com

Шеставин Денис Андреевич – аспирант кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44 Тел.: +7(812)272-51-40 e-mail: dschestavin18@yandex.ru

Шмиголь Наталия Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Шутило Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии
410056, Саратов, ул. Вольская, дом 1 Тел.: +7(8452) 29-56-58 e-mail: o.shutilo@yandex.ru

Шухарева Анна Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России
603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3 Тел.: +7(831) 421-72-53 e-mail: Dychko-anna@mail.ru

Щурикова Лариса Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: lara6524@mail.ru

Юрьева Оксана Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: oksanavladi@mail.ru

Для заметок